МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Самара
ООО «Слово»
2020

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52
И90

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов;
д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин

Редакционная коллегия:
П.С. Кабытов (гл. ред.), Э.Л. Дубман,
О.Б. Леонтьева, Л.М. Артамонова, Н.Н. Кабытова,
М.И. Леонов, М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов

Научные редакторы второго тома:
д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов;
д-р ист. наук, проф. О.Б. Леонтьева

Авторы:
П.С. Кабытов, Л.М. Артамонова, Е.П. Баринова, Э.Л. Дубман, А.И. Елисеев, А.Н. Завальный, Н.Н. Кабытова, В.Н. Казарин, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева, М.Н. Матвеев, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, Н.Ф. Тагирова, О.В. Турганова, В.А. Тюрин

И90 **История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней:** в 2 т.: монография / [ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара: ООО «Слово», 2020.
ISBN 978-5-6045183-7-3

Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / [науч. ред. П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева]. – 480 с.: ил.
ISBN 978-5-6045183-9-7

Второй том коллективной монографии посвящен истории Самарского Поволжья с 1850 г., когда была учреждена Самарская губерния, до революции 1917 г. Представлена широкая панорама социально-экономического развития края, модернизации системы управления и самоуправления, становления культурной среды губернии, социальных конфликтов в пореформенный период и в дни трех российских революций.

Книга предназначена для историков, краеведов, студентов и школьников, для всех, кто интересуется историей родного края.

УДК 908(470.43-25)
ББК 63.3(2)45-52

Исследование выполнено при финансовой поддержке Администрации Самарской области.

ISBN 978-5-6045183-7-3
ISBN 978-5-6045183-9-7 (Т. 2)

© Авторы, 2020
© Самарский университет, 2020
© Оформление. Центр периодических изданий Самарского университета, 2020

Оглавление

Предисловие 5

Глава 1. Рождение губернии. Первое десятилетие 7
§ 1. Образование Самарской губернии. Отмена паспортного режима 7
§ 2. Самарская геральдика 14
§ 3. Принципы работы органов власти и местного самоуправления в губернаторство К.К. Грота 19
§ 4. «Просвещенное» чиновничество в обустройстве и изучении новой губернии 25
§ 5. Крымская война и активизация общественной жизни в Самарском Поволжье 30
Примечания 40

Глава 2. Великий перелом 46
§ 1. Реформы и реформаторы 46
§ 2. Административное управление и городское самоуправление в Самарской губернии 68
§ 3. Самарское земство: во благо местных польз и нужд 89
Примечания 109

Глава 3. Социальный облик населения 115
§ 1. Самарское дворянство 115
§ 2. Самарское купечество 119
§ 3. Самарские мещане 125
Примечания 139

Глава 4. На путях модернизации 145
§ 1. Транспортная инфраструктура: на воде и по рельсам 145
§ 2. Крестьянский космос 181
§ 3. Дворянское хозяйство 197
§ 4. Промышленность и торговля 204
Примечания 211

Глава 5. Новые ритмы жизни 219
§ 1. В гуще политических событий 219
§ 2. Общественные организации и народный университет 229
Примечания 244

Глава 6. Культурная среда Самарского Поволжья 250
§ 1. Создание Самарской дирекции училищ и развитие народного образования в новой губернии 250
§ 2. Создание условий для обучения девочек в школах Самарского края 256
§ 3. Участие общества, власти, самоуправления в открытии новых школ и расширении контингента учащихся 263
§ 4. Печатные издания, учреждения культуры, музыкальная и художественная жизнь 273
Примечания 282

Глава 7. Самарская губерния в революции 1905–1907 гг. 291
§ 1. Канун и начало революции 291
§ 2. Лето 1905 г. Борьба обостряется 307
§ 3. Осень 1905 г. Противостояние 310
§ 4. Осень 1905 г. в деревне 316
§ 5. Политические организации и администрация 322
§ 6. Декабрь 1905 г. в Самарской губернии 329
§ 7. В перводумские дни 333
§ 8. Лето 1906 г. Столкновение 338
§ 9. Втородумская Россия. Конец революции 341
Примечания 348

Глава 8. Поиски выхода из кризиса 354
§ 1. Община и хуторяне 354
§ 2. «Ссуда, которую я получил из банка...» 364
§ 3. Крестьяне и кредитные учреждения 376
§ 4. Хлебная торговля 387
§ 5. Роль банков и монополий в развитии промышленности края 396
§ 6. В годы Первой мировой войны 406
Примечания 410

Глава 9. 1917 год 416
§ 1. Устранение царской администрации, создание новых властных структур и самоорганизация самарского общества 416
§ 2. Партийно-политическая борьба весной и летом 1917 г. 425
§ 3. Влияние аграрного движения на поляризацию общественных сил 433
§ 4. Демократизация местного самоуправления 440
§ 5. Кризис власти летом-осенью 1917 г. 447
§ 6. Провозглашение советской власти 460
Примечания 469

Заключение 474

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию представляется второй том коллективного исследования «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», посвященный истории края с 1850 г., когда была учреждена Самарская губерния, до революции 1917 г.

В рамки этого временного периода вместились многие события. В середине XIX в. уездная Самара превратилась в столицу обширной, быстро развивающейся губернии. За первое десятилетие существования губернии были созданы соответствующие административные структуры и органы местного самоуправления; сформированы управленческие кадры, основой которых стала команда молодых «просвещенных бюрократов», переведенных в Самару из центральных регионов страны; новая губерния обрела свою узнаваемую символику.

В 1860–1870-е гг. жизнь Самарской губернии, как и всей России, кардинально изменили Великие реформы Александра II: отмена крепостного права, создание системы всесословного земского и городского самоуправления, учреждение суда присяжных преобразовали правовое пространство, стали важными шагами на пути к становлению гражданского общества. Примечательно, что Самарская губерния стала первой в России, где была проведена в жизнь земская реформа.

Модернизационные процессы ускорили темп преобразований жизни. Продолжались заселение и хозяйственное освоение Самарского Заволжья; на плодородные степные земли шел поток переселенцев из самых разных регионов империи, представителей различных народов и конфессий, формировалось многонациональное население края. Мощный импульс экономическому развитию Самарской губернии придало железнодорожное строительство; Самара, оказавшись на скрещении волжского и железнодорожного путей, стала узлом транзитной торговли, что привело к быстрому обогащению, стремительному росту города и развитию губернии. Товаром номер один стал хлеб, выращивавшийся на заволжских черноземах. Рыночный фактор перевернул жизненный уклад самарской деревни – и дворяне-помещики, и крестьянский мир с его многовековыми традициями должны были теперь приспосабливаться к новым экономическим реалиям, учиться вести хозяйство в условиях рыночной конъюнктуры; одних это вело к успеху, других – к разорению. Изменилось социальное лицо губернии: хотя первенствующим сословием Российской империи по-прежнему оставалось дворянство, в жизни заволжской губернии стало доминировать купечество – энергичные предприниматели, активно участвовавшие в системе городского самоуправления Самары и многое сделавшие для формирования цивилизованной городской инфраструктуры. Постепенно склады-

валась культурная среда губернии, система начального и среднего образования, а наиболее дальновидные представители самарской общественности задумывались о создании в городе университета.

Несмотря на удаленность от столиц, провинциальная губерния жила одной жизнью с огромной империей. Патриотический отклик в региональном сообществе вызвали Крымская война, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Русско-японская война 1904–1905 гг. Не миновали Самарскую губернию и политические бури: во второй половине XIX в. здесь разворачивалось «хождение в народ», возникали подпольные кружки, обсуждались насущные политические вопросы, а в начале XX в. Самара вместе со всей империей вступила в период революционных потрясений.

Эти и многие другие аспекты жизни Самарского края в период от Великих реформ до Великой российской революции освещаются в настоящем томе. По сравнению с первым изданием «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней», вышедшим в свет в 2000 г., здесь существенно расширены разделы, посвященные реформаторским процессам, социальному облику населения Самарской губернии, экономическому развитию и общественно-политической жизни губернии. Специально для данного издания подготовлены новые разделы, освещающие первое десятилетие существования Самарской губернии, культурную среду региона.

Расширен и авторский коллектив, работавший над настоящим изданием. В его состав вошли преподаватели Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, Самарского государственного технического университета и Самарского государственного института культуры, а также сотрудники Самарской областной универсальной научной библиотеки. «Предисловие»: П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева; глава 1 – Ю.Н. Смирнов (§ 1, 3–4), А.Н. Завальный (§ 2), Л.М. Артамонова (§ 5); глава 2 – П.И. Савельев (§ 1); Е.П. Баринова, В.А. Тюрин (§ 2), П.С. Кабытов, О.Б. Леонтьева, М.Н. Матвеев, О.В. Турганова, В.А. Тюрин (§ 3); глава 3 – Е.П. Баринова (§ 1), Е.П. Баринова, М.М. Леонов (§ 2); З.М. Кобозева (§ 3); глава 4 –А.И. Елисеев, В.Н. Казарин (§ 1), П.И. Савельев (§ 2), Е.П. Баринова (§ 3–4); глава 5 – П.И. Савельев (§ 1), О.Б. Леонтьева (§ 2); глава 6 – Л.М. Артамонова; глава 7 – М.И. Леонов; глава 8 – П.С. Кабытов (§ 1, 3–6), П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагирова (§ 2); глава 9 – Н.Н. Кабытова; «Заключение» – П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева.

Глава 1.
РОЖДЕНИЕ ГУБЕРНИИ. ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

§ 1. ОБРАЗОВАНИЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ. ОТМЕНА ПАСПОРТНОГО РЕЖИМА

В первом томе «Истории Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» были подробно показаны причины и предпосылки создания новой губернии Российской империи на заволжских землях. В течение 1840-х гг. рассматривались различные варианты состава этой губернии в поисках максимально соответствующего насущным потребностям управления, важнейшими из которых стало стремление властей удержать под контролем переселенческое движение и возросшее население края, а также придать естественному торгово-промышленному центру обширной территории, каким стала Самара, еще и административные функции. Окончательное решение вызрело к концу этого десятилетия.

2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств повеление императора осуществить на Юго-Востоке Европейской России «учреждение новых губерний», начав «с одной Самарской»[1]. Ее предполагалось устроить из семи заволжских уездов трех губерний. В новую губернию из Симбирской передавались Ставропольский и Самарский уезды, из Саратовской – Николаевский и Новоузенский, из Оренбургской – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский.

Поскольку западная граница новой губернии проходила строго по течению Волги, то правобережная часть прежнего Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в ее Сызранский уезд. Наоборот, заволжские территории и селения Сызранского уезда (в современном Приволжском районе) передавались в Самарский уезд новой губернии[2].

Серьезных аргументов против выключки самых западных уездов Оренбургской губернии из ее состава не было, согласия у ее властей не спрашивали. Правда, новая Самарская губерния оставалась в военном и некоторых других отношениях подконтрольной оренбургским властям в лице «генерал-губернатора оренбургского и самарского». Эта должность, заменившая пост оренбургского военного губернатора, вводилась в 1851 г. вместе с образованием Самарской губернии и была поручена В.А. Перовскому, просившему об этом назначении[3].

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Сле-

Василий Алексеевич Перовский. Картина К.И. Брюллова. Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10

довательно, таковой становилась и вся губерния целиком. Некоторым исключением являлся Ставропольский уезд, который еще во времена Екатерины II был скомпонован из двух разнородных по времени заселения и степени обжитости половин, разделенных исторической границей Заволжья и Закамья – старой Закамской линией. Однако эта особенность не носила принципиального характера, так как и в других заволжских уездах уже имелись отдельные районы с плотным и давним (до 100 и более лет) оседлым населением[4].

Создание новой губернии выключало из числа многоземельных Саратовскую и Симбирскую губернии, оставшиеся без луговых сторон. Тем самым их органы власти освобождались от обязанностей по организации переселений. Это позволяло сократить расходы на администрацию указанных губерний, а сэкономленными суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что вопрос об управлении дальнейшим освоением заволжских территорий был важнейшим при создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. От имени императора Министерство внутренних дел ставило перед всеми руководителями центральных ведомств одинаковый вопрос, не встретится ли с их стороны «каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению сказанного предположения в настоящее время». Однако решающим оказался обстоятельный отзыв Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими и делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел граф Л.А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. Гамалее, что именно по его всеподданнейшему докладу от 22 июня Николай I «повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии». Датой реализации этого решения назначалось «1 января будущего 1851 года»[5].

Таким образом, в самой середине XIX в. завершилось превращение Заволжья в одну из коренных российских территорий, начавшееся во второй трети XVIII столетия. Это официально было признано во мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I.

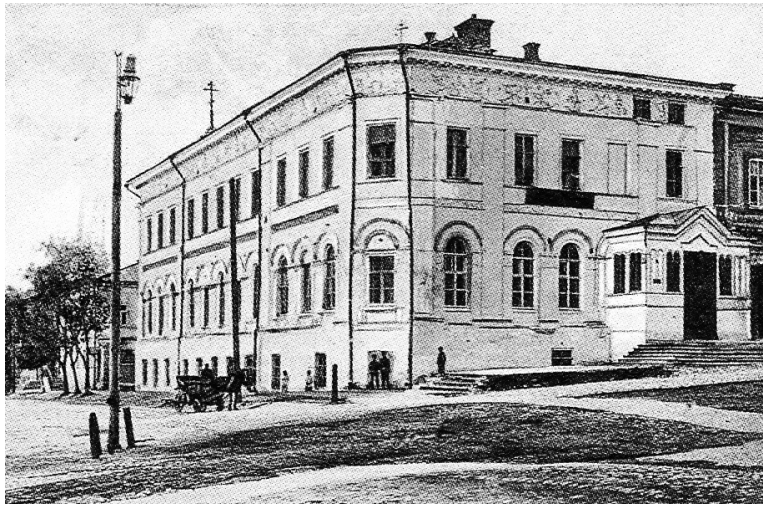

Ботман Е.И.
Портрет императора Николая I.
1850-е годы

В нем Самарская губерния была отнесена к числу «внутренних губерний Империи» с «нормальными» чиновничьими штатами[6].

Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который было решено обнародовать 20 декабря[7].

Не стал помехой даже страшный самарский пожар 1850 года. В городе остались здания, пригодные для размещения губернских присутственных мест, например дом купца Макке, который для них в итоге и был арендован[8]. В нем 1 января 1851 г. прошла торжественная церемония открытия губернии. Епископ Симбирский и Сызранский Феодотий отслужил молебен. Завершил торжество парадный обед, на котором был проведен сбор средств на устройство Алексиевского детского приюта[9].

Дом купца Макке, где открылись 1 января 1851 г. учреждения новой губернии. Из фондов ЦГАСО

Окончательное устройство губернии выглядело незавершенным, поскольку в императорском указе предусматривалось, что в ее состав войдут не 7, а 8 уездов за счет раздела Николаевского уезда на два. Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховской предложил при разделе Николаевского уезда сделать центрами уездов Мосты и Балаково. Сам Николаевск (современный Пугачев) как уездный город подлежал упразднению. Та же участь должна была постигнуть и Ставрополь, выгоревший дотла 27 августа 1851 г. и расположенный, по мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского, крайне неудачно из-за отдаленности от главного русла Волги и регулярных подмывов водой берега. После получения этого доклада от Перовского Николай I сделал ему запрос: «Не нужно ли будет город Ставрополь, по изъясненному в донесении Вашем неудобству расположения его, перевесть на другое место?» В Министерстве внутренних дел заодно вспомнили, что вопрос об упразднении Ставрополя уже ставился в 1840 г., подняли и прислали Перовскому старое дело. Волховской также считал возможным перенести уездный город в Мелекесс с переименованием его в Новый Ставрополь[10].

Возможно, будь решения по этим вопросам выработаны сразу, то они бы осуществились. Однако в административном рвении Перовский и Волховской пошли дальше и стали разрабатывать планы передела всех уездных границ губернии. Планы эти не касались лишь небольших по площади Ставропольского и Бугульминского уездов, из территории остальных же предполагалось выкроить три новых: Сергиевский, Балаковский и Покровский[11].

В сентябре 1853 г. министр внутренних дел Д.Г. Бибиков заметил Перовскому на эти предложения, что имеются препятствия в финансовом отношении, и предложил ограничиться только переносом центра Ставропольского и разделом Николаевского уездов. Но, пока шла эта переписка, жители Ставрополя город отстроили заново, и расходы на его возможный перенос возросли. В начале 1854 г. Бибиков переслал Перовскому мнение о ставропольском деле министра финансов, «что по случаю предстоящих в нынешнее время [*шла Крымская война. – Ю.С.*] весьма значительных расходов по Государственному Казначейству, означенное преобразование он признает необходимым отложить до более благоприятных обстоятельств к выполнению его». Генерал-губернатор заявил, что тогда нет нужды заниматься и разделом Николаевского уезда, чтобы не помешать в будущем общему административному преобразованию губернии.

В 1854 г. Перовский с новым самарским губернатором К.К. Гротом вновь подняли вопрос о переносе Ставрополя и выделении Балаковского уезда из территорий Николаевского и Самарского. Однако и на этот раз положительного ответа из столицы они не получили[12]. Начавшаяся тяжелая Крымская война, смена на императорском троне окон-

чательно похоронили мысль о перекройке уездных границ в губернии, которые так и остались прежними с 1851 г.

С меньшим шумом решалась более важная, но и более деликатная проблема молодой губернии. Новый статус Самары, усиление органов власти, суда и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией – приемом и использованием труда беглых и самовольно ушедших крепостных, особенно в производстве, хранении, погрузке и перевозке товарного хлеба.

Одними из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании Заволжья, были военное министерство и корпус жандармов. Еще 8 июня 1850 г. дежурный генерал Главного штаба рапортовал шефу жандармов о том, что учреждается Самарская губерния, в которой должна быть сформирована жандармская команда, как только «будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест». В рапорте Л.В. Дубельта от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании команды объявлялся окончательно решенным, что получило также одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. За три дня до официального открытия губернии 27 декабря в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малакеенко. Происходил также рост численности полицейских чинов[13].

Все эти приготовления вызвали опасения у торгового люда, а также должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. Эти опасения озвучил лично министр внутренних дел Л.А. Перовский на третий месяц существования Самарской губернии, когда стала приближаться очередная волжская навигация. 29 марта 1851 г. он писал своему брату, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому: «В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба, соли и других продуктов от 160 до 200 иногородных капиталистов, а черного народа для продажи тех продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей». Министр прямо и без обиняков констатирует тот факт, что у пришлых людей паспортов не будет, поскольку те привыкли, что в Самаре документов во время навигации не спрашивают. Теперь же власти повысившего свой статус города обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведет, во-первых, к вымогательствам и, во-вторых, к подрыву местной торговли. При этом усиления борьбы с беглыми и беспаспортными не получится, поскольку те в качестве продавцов и работников потянутся на другие заволжские пристани, где контроль будет гораздо менее жестким: Царевокурганскую, Екатериновскую и др. В связи с вышесказанным Л.А. Перовский предложил, чтобы

и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях ни от кого паспортов, «кроме лиц, изобличенных в преступлениях», и никто бы «не терпел со стороны полицейских чиновников каких-либо притеснений»[14].

В еще не завершившееся правление Николая I, казалось бы, не следовало ожидать заметных особенностей в обустройстве новообразованной губернии. Не предполагал этого и выбор ее начальника. Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховской являлся немолодым обычным карьерным чиновником, типичным для своего времени и не склонным к каким-либо либеральным инициативам. Однако в Заволжье социально-экономическая ситуация отличалась от большинства российских губерний, что сразу потребовало нетривиальных решений. Попытка управлять в новой губернии по-старому сразу натолкнулась на объективные препятствия. Новый административный статус города и края, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с заволжской традицией приема и использования труда беглых.

С.Г. Волховской

Волховской представил 3 июня 1851 г. возражения на мнение министра, хотя тот был его непосредственным начальником. Следуя букве закона, а не реалиям жизни, он утверждал, что крестьяне сами понимают необходимость паспортов и всегда их при отъезде имеют, что с временных работников полиция просто обязана и будет требовать необходимые документы, а начальству вполне по силам пресечь ее возможные злоупотребления. Упрямо встав на такую позицию, губернатор высказывал мысли, которые показались бы самарским обывателям, будь они теми услышаны, воплощением самых худших опасений. Волховской прямо заявил, что поскольку губерния открыта недавно, то «крутых и решительных мер по введению строгого торгового

порядка не употребляется» пока только «по снисхождению к давним народным привычкам». Однако он полагает, что уже пришло «время вразумить неопытных и показать, в каких видах сделано преобразование Самары», то есть ужесточить паспортный режим и сыск беглых. Разговоры о подрыве здешней торговли губернатор считал со стороны коммерсантов скрытой угрозой, но угрозой пустой, поскольку свято верил, что места торга и направление движения товара определяются распоряжениями правительства[15].

Это было настолько неумно, что против Волховского выступила его собственная губернская канцелярия, подавшая 24 ноября доклад на имя генерал-губернатора. В докладе прямо утверждалось, что «при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации, строгое требование паспортов и видов от крестьян... как это предписывается законом» окажет отрицательное воздействие на торговлю. Приезжающие для торга и на заработки в Самару, мягко говоря, «не имеют обыкновения» оформлять паспорта, а со стороны некоторых представителей власти случаются, деликатно выражаясь, «произвольные стеснения, отвращение которых, если не невозможно, то, по крайней мере, весьма затруднительно». В противовес идеям административного попечительства над торговлей, высказанным Волховским, его подчиненные здраво считали, что «устранение всякого влияния полиции [*администрации. – Ю. С.*] на дела торговые будет иметь самые благотворные последствия». Канцелярия посчитала необходимым указать, «что торговые пункты образуются не по одной воле правительства, как утверждает г. гражданский губернатор, но и по местным обстоятельствам, более или менее благоприятствующим выгодам и развитию торговли, что правительство в таковых случаях следует лишь за сими выгодными для жителей края условиями». В силу вышеизложенного опасения за перспективы самарской торговли вовсе не являются безосновательными. Губернская канцелярия обращалась к В.А. Перовскому с просьбой умерить служебное рвение Волховского. Ему следовало внушить «чрез секретное предписание», чтобы он оказывал прибывающим в Самару всяческое «снисхождение» и не требовал никаких «видов и паспортов», как это делалось прежде, «до образования Самары в губернский город»[16].

Следуя этому совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбургскому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 года, а затем В.А. Перовский в секретном распоряжении Волховскому от 24 февраля дали указания, фактически упразднявшие паспортный контроль в Самаре. Теперь гражданский губернатор волей или неволей обязан был выполнять не требования законов, а негласные приказы вышестоящего начальства. Он рапортовал 31 марта В.А. Перовскому, что отдал устный приказ полицмейстеру о нетребовании паспортов с приезжающих, если те не вызы-

вают явных подозрений, и об обращении в сомнительных случаях за разъяснениями лично к губернатору[17].

Как это уже было сто лет назад при начале активного освоения Самарского Заволжья, во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима. За прошедшие годы и десятилетия изменились места привлечения беглецов. Теперь это были не казачьи гарнизоны новых крепостей, не села государственных крестьян или имения первых помещиков, а хлебные пристани заволжской житницы России. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был по-настоящему беглым, но среди полумиллиона человек, приходивших ежегодно без документов в Самару или следовавших через Самару, таковых было явно немало.

Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре весьма живучей и после «Великих реформ». Даже в начале XX в. в ней, в отличие от других крупных городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь «неблагонадежных» лиц[18].

В свое время П.В. Алабин, не знавший лично ни того, ни другого, изобразил генерал-губернатора В.А. Перовского чиновником, не любившим Самару, а гражданского губернатора С.Г. Волховского — человеком, оставившим добрую память «у самарских старожилов»[19]. История с паспортами заставляет по-иному взглянуть на роль этих администраторов в истории города.

Недоверие к служебным качествам Волховского проявляло и его непосредственное начальство в лице министра внутренних дел и генерал-губернатора, и чиновники, губернатору подчиненные. «Помехи», устроенные административному рвению Волховского в вопросе о беглых, несомненно, были благом для города и губернии. Они отражали те тенденции в российском обществе, которые через десять лет приведут к окончательной отмене крепостного права[20].

§ 2. САМАРСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА

В 1722 году в России появилось новое государственное учреждение — Герольдмейстерская контора, которая, в частности, занялась и составлением гербов. Назначенный герольдмейстером Степан Андреевич Колычев, не обладавший достаточными знаниями для герботворчества, нуждался в помощнике. Им стал итальянский граф Франциск Санти. По приглашению Петра I он прибыл в Россию, где более двух лет, до основания конторы, ждал назначения, находясь «на собственном иждивении».

Приступив наконец к работе, Санти вынужден был решать множество далеких от геральдики вопросов. Из-за отсутствия места рисовать приходилось на его квартире, на свои деньги он покупал необходимые материалы. С небольшим штатом сотрудников граф трудился вдохновенно и самоотверженно, закладывая основы российской геральдической системы. В 1723 году Герольдмейстерская контора переехала из Москвы в Петербург, но финансирование продолжало оставаться скудным, выделенные помещения оказались малопригодными для нормальной работы.

Главной задачей сотрудников конторы стало создание гербов российских городов. Здесь свою решающую роль сыграло распределение полков русской армии по различным городам и территориям обширной империи. «Необходимо было устроить так, – писал известный русский историк Александр Борисович Лакиер, – чтобы каждый полк, нося название области, в ней и был расположен и чтобы полки, которые прежде назывались по фамилиям своих командиров, были переименованы по провинциям. Вследствие того в 1724 году было принято за правило, что когда все полки займут квартиры по провинциям, тогда дать полкам имена сообразно областям, в которых они расположатся, и на полковых знаменах изобразить гербы тех провинций»[21].

Гербы городов после их составления «велено было представить для апробации в Верховный Тайный Совет» и по их утверждении изготовить печати, «которыми губернаторам и воеводам отписки, доношения и прочие отправляемые письма, кроме партикулярных, печатать»[22]. Работу торопила Военная коллегия. Ее больше интересовали гербы как атрибуты полковых знамен. Чтобы ускорить процесс, было разрешено взять мастеров из артиллерии.

Получив задание, Санти здраво рассудил, что гербы должны отражать местные природные и экономические особенности, а также исторические события, связанные с конкретной территорией. Была разработана специальная анкета, которую разослали по городам. И тамошние власти отвечали на вопросы, раскрывая специфику своей местности. Санти успел создать несколько десятков гербов, но в результате политических интриг в 1727 году без суда и следствия был сослан в Сибирь.

Вместо Герольдмейстерской конторы герботворчеством занялась Военная коллегия. В июле 1728 года последовал указ из коллегии обердиректору над фортификациями графу Бурхарду Кристофу (Христофору Антоновичу) Миниху, который получал «для малевания на знаменах» как старые, «так и вновь сочиненные» гербы, и по составлении обязан был прислать их в коллегию. Для работы выделили живописца Андрея Баранова. Скорее всего, именно тогда и появился рисунок самарского герба.

Это косвенно подтверждается тем, что за два месяца до передачи дела Миниху, в мае 1728 года, пришел ответ на посланную еще при

Санти анкету. Симбирский провинциальный воевода довольно ответственно отнесся к запросу и, в частности, дал подробное описание Самары, ее физико-географического положения, состава населения. Особо интересна для нас характеристика животного мира самарских окрестностей: «Из зверей – медведи, волки, кабаны, лоси, лисицы и куницы, выдры, зайцы, бобры и дикие козы»[23]. Представительница последних и была взята за основу герба города: дикая белая коза, стоящая на траве в голубом поле.

Ученые-зоологи до сих пор спорят о том, какой вид парнокопытного представляет самарская коза, и утверждают, что белых диких коз в природе не существует. Но в тексте о местной фауне цвет и не назывался. Его, видимо, для большей красочности герба определили в Петербурге. А в геральдике и лев может быть красным, и слон – зеленым. Ведь изображение гербов – это не иллюстрации к учебнику по зоологии.

Любопытен другой факт: первоначально для Самары планировался иной герб – зеленая могила, лазоревое поле и золотой знак серы, «понеже в Самаре много могил и в земле множество родится серы». Насчет могил воздержимся, а что касается серы, то еще в декабре 1702 года в пробном номере газеты «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах» сообщалось об обнаружении близ Самары залежей серы и других руд.

Так или иначе, но победила козочка. В мае 1729 года Миних представил «знаменный гербовник» в Военную коллегию. Гербы были рассмотрены Верховным Тайным Советом и получили высочайшее утверждение. Среди включенных в гербовник городских эмблем находилась и самарская. Непрофессиональный рисунок артиллерийского сержанта Александра Чиркова с изображением безрогой козы обрамлялся золотым картушем, увенчанным серебряной короной.

8 марта 1730 года Правительствующий Сенат дал указ Военной коллегии о том, что гербы утверждены и по ним следует изготовить для полков знамена, а для губернаторов – печати. Кстати, о Самарском полке. Известно, что один из полков Астраханского гарнизона 6 ноября 1727 года был переименован в Самарский[24], а через некоторое время расформирован. Гораздо позднее появился еще один полк под названием 147-й пехотный Самарский. Правда, дислоцировался он далеко от Самары. Однако на полковом знаке, выпущенном в 1898 году, повторялось изображение самарского герба в его первом варианте – из «знаменного гербовника».

Скитавшаяся по Астраханской, Казанской и Оренбургской губерниям Самара в 1780 году стала уездным городом Симбирского наместничества. 22 декабря того же года Екатерина II утвердила доклад Сената о гербах городов наместничества и наложила резолюцию: «Быть по сему». К докладу прилагались описания гербов. Четвертым был самарский:

«Город Самара имеет старый герб: дикая коза белая, стоящая на траве в голубом поле». На этом гербе коза обрела прямые рога и покрылась густой шерстью[25].

Накануне образования Самарской губернии министр внутренних дел Лев Алексеевич Перовский предложил Сенату свой вариант герба будущего губернского центра: голубой щит разделялся на три части серебряным вилообразным крестом, символизировавшим слияние Волги и Самары. В верхней части размещался рог изобилия, из которого сыпались золотые монеты и который олицетворял богатство, полученное от торговли. В других частях – по одному золотому снопу пшеницы, главному предмету этой торговли. Сенат посчитал неуместным менять герб и предложил Николаю I оставить прежний. Прямые козьи рога были заменены на ветвистые. Гербовый щит увенчала императорская корона, означавшая, что герб принадлежит губернскому городу. 8 июня 1851 года царь утвердил этот вариант[26].

Высочайше утвержденъ:
8-го Іюня 1851 года.
Самарской Губерніи.

Самара.

Самарской губерніи. Губернскій.

Въ голубомъ полѣ стоящая на травѣ, бѣлая дикая коза. Щитъ герба увѣнчанъ золотою Императорскою короною.

Герб губернского города Самары, утвержденный в 1851 г.

В 1857 году управляющим Гербовым отделением Департамента герольдии Сената был назначен барон Бернгард Карл (Борис Васильевич) Кене, которому предстояло провести масштабную реформу для приведения российской геральдической системы в соответствие с правилами западноевропейской и в первую очередь немецкой геральдики. Кропотливая и трудоемкая работа растянулась на многие годы.

Для земельных гербов Кене ввел единую систему украшений гербовых щитов. Изменения коснулись и ряда самих гербов. Так, самарская коза меняла пол и становилась серебряным диким козлом, исчезала и зеленая трава. Идея в силу разных причин осталась нереализованной, но позднее нашла свое воплощение в самарском губернском гербе, высочайше утвержденном 5 июля 1878 года[27].

После 1917 года общественно-политические условия в стране не способствовали использованию гербов, и о них надолго забыли. Но отсутствие «визитной карточки» такого крупного города, как Куйбышев, не могло продолжаться бесконечно. Не решаясь возродить старый герб, как это сделали многие города России, местная власть предприняла попытку создать новый социалистический герб. К 400-летию нашего города исполком горсовета выпустил документ «Об утвержде-

нии символического знака города Куйбышева». Из нескольких представленных вариантов предпочтение получил знак, разработанный главным архитектором Советского района Владимиром Александровичем Ляпиным. Основной частью нового «герба» являлся ореол, образуемый фрагментом шестерни и пшеничным колосом. В его центре разместился монумент Славы. В нижней части изображалась Волга и воспроизводился старый самарский герб. Верх знака занимали полосы флага Российской Федерации. Поле имело темно-красный цвет, окантовка и шестерня с колосом были золотистые, стела, гребень волны и кант старого герба – серебряные, Волга и поле самарского герба – лазурные. Спешка, в которой создавались проекты, да еще без обсуждения специалистами, вызвала скептическое отношение историков и краеведов к эксперименту властей.

В конце концов голос разума возобладал. 8 октября 1992 года Малый совет Самарского городского Совета народных депутатов утвердил герб Самары: «В лазуревом поле стоящая на траве белая дикая коза». Однако императорскую корону в то время восстановить не рискнули, и для окончательного решения вопроса потребовалось еще шесть лет.

Ныне действующий герб города, утвержденный Самарской городской думой 26 ноября 1998 года, имеет следующее описание: «Герб города Самары представляет собой простой (неразделенный) щит французской формы, в центре которого изображена в лазуревом поле стоящая на зеленой траве дикая белая коза. Щит герба увенчан золотой императорской короной». Это описание фактически соответствует гербу губернского города Самары, принятому в 1851 году.

Герб Самарской области был утвержден решением Малого совета Самарского областного Совета народных депутатов тоже в 1992 году. И также инициатива не получила поддержки. В 1998 году администрация Самарской области сформировала группу по разработке региональных государственных символов. Большинство экспертов высказалось за восстановление исторического герба. В итоге 22 сентября 1998 года Самарская губернская дума приняла закон Самарской области «О государственных символах Самарской области», который возрождал герб, утвержденный Александром II: «Герб Самарской области представляет собой изображение серебряного дикого козла, обращенного в левую сторону от зрителя, с золотыми рогами, червленными (темно-красными) глазами и языком и черными копытами, помещенное на геральдический щит французской формы лазоревого цвета. Щит увенчан императорской короной и окружен золотыми дубовыми ветвями, обвитыми Андреевской лентой»[28]. 13 октября закон подписал и. о. губернатора Самарской области Ю.М. Логойдо.

§ 3. ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГУБЕРНАТОРСТВО К.К. ГРОТА

Не случайно, что пребывание С.Г. Волховского на посту самарского губернатора оказалось недолгим. На смену ему был выдвинут человек иного склада и убеждений. Самарской губернией с 1853 по 1860 г. управлял К.К. Грот. Добились его назначения те люди из окружения Николая I, которые впоследствии оказались проводниками реформ его сына.

К.К. Грот. Фото 1860-х гг.
Из фондов Российской национальной библиотеки

Друзья и сотрудники губернатора писали, а за ними повторяли историки о чрезвычайных успехах, достигнутых при нем в формировании самоуправления в Самарской губернии на новых началах[29]. Сам К.К. Грот был более взвешен и адекватен в оценке этой стороны деятельности. Он честно признавал, что в его губернаторство не было самостоятельных городских или земских органов, поскольку они могли появиться только в ходе реформ 1860–1870 гг. Это вынуждало его пользоваться «широко распорядительной властью губернатора»[30]. Ныне мы назвали бы это «административным ресурсом».

Однако губернатору пришлось решать действительно непростые административные вопросы, и при нем важное значение стало придаваться взаимодействию правительственной администрации с выборными представителями сословий и территориальных общин. В этом и следует видеть либеральные зачатки в деятельности гротовской администрации, подготовившей почву не только для благоприятного восприятия в Самарском крае будущих реформ, но для активного сотрудничества общества и власти при их проведении[31].

Проблем для администрации и жителей новой губернии добавил страшный самарский пожар, случившийся незадолго до ее открытия 13 июня 1850 г. Среди прочего он уничтожил здание «общества градского», где располагались учреждения местного самоуправления, и все их имущество. Пришлось временно снимать для них частный дом у одного из гласных думы[32].

К.К. Гроту доставало такта соглашаться с настроениями горожан Самары. Так, он выразил согласие с избранием городским головой купца Л.А. Умнова, которому прежде отказывала в утверждении на этот пост сначала администрация прежней Симбирской губернии, а затем Волховской в бытность уже начальником Самарской губернии. Грот решил считать сам факт доверия, оказанного при баллотировке, признаком «благонадежности», несмотря на наличие у Умнова долгов и судебных исков[33].

В отличие от Самары, города на востоке Заволжья, переданные в новую губернию из состава Оренбургской, обладали весьма ограниченным самоуправлением. В Бузулуке, Бугуруслане, Бугульме не было ни дум, ни ратуш, ни магистратов. Там существовали только словесные суды, которые не имели специальных помещений, налаженного делопроизводства. Эти города подчинялись думам крупных городов губернии: Уфы и Оренбурга. Думы, отстоящие на 100–300 верст от подведомственных малых городов, не знали ни нужд, ни возможностей последних, а потому распоряжались «заочно и наобум». Просьбы бузулукских купцов и мещан об открытии ратуши оставались без исполнения вплоть до передачи города в Самарскую губернию[34].

В данном случае К.К. Гроту действительно пришлось заново налаживать работу органов местного самоуправления. Впрочем, в уездных центрах до проведения городской реформы 1870 года функции этого самоуправления оставались незначительными[35].

Сам К.К. Грот не только заботился о способах организации и устройства городского самоуправления, но и активно вмешивался в содержательную часть его деятельности, содействуя появлению элементов городской инфраструктуры и благоустройства, свойственных новому времени[36]. Это также выразилось в шагах, направленных на появление в Самаре новых учреждений образования и культуры[37].

Вместе с тем самарский губернатор предпочитал не превышать своих властных и контролирующих функций в отношениях с выборными органами и местным самоуправлением. Характерен следующий эпизод. Из-за неудовлетворительного состояния платежа податей и других денежных сборов К.К. Грот потребовал в 1857 г. от «земских полиций» [*уездных администраций. – Ю. С.*], городских дум и ратуш подавать ему ежемесячно «ведомости о взыскании податей». Это делалось, чтобы губернатор «мог следить за успехом этого дела и направлять действия лиц, на которых лежит исполнение этой обязанности». Когда через год старые недоимки были практически все погашены, а состояние сельского хозяйства, хлебной торговли, рынка труда в губернии не внушало опасений за будущие налоговые поступления, Грот отменил доставку указанных ведомостей лично ему. Он надеялся, что земские исправники, члены дум и ратуш будут впредь заниматься взысканием различных сборов и наблюдать за порядком в этом деле без губернаторского «руководства и напоминаний»[38].

Сложности, которые преодолевал К.К. Грот в Самаре и делал это довольно успешно, были вызваны рядом причин. В их числе была унификация организации, обязанностей, полномочий самоуправления, отличавшихся правилами и традициями, которые сложились в разных губерниях. Придя к руководству губернией, он констатировал, «что здесь в каждом городе существует особый порядок выборов в городские должности, что в некоторых городах есть такие должности, которые не положены законом, что, напротив, в других городах недостает должностных лиц, которые законом назначены». Он лично вытребовал «от городских дум и ратуш ведомости обо всех должностных лицах, служащих по выборам городских обществ», и переслал их в губернское правление «для установления по предмету городских выборов в городах... губернии однообразия и для уничтожения всякого в этом деле произвола». 15 марта 1854 г. К.К. Грот потребовал «определить, на основании существующих постановлений, какие именно должностные лица должны быть избираемы городскими обществами, установить порядок выборов по управлениям: судебному, полицейскому, хозяйственному»[39].

После инвентаризации 1854 года в ставшей губернским центром Самаре по выбору горожан замещались следующие административные, полицейские, судебные должности[40] (табл. 1.1).

Дворяне не отстранялись от участия в городском самоуправлении, хотя в нем ведущую роль играли купцы и мещане. Так, депутаты от дворян-домовладельцев участвовали в работе Городского депутатского собрания «по предмету составления градской обывательской книги». В этом случае в выборах депутата принимали участие и женщины, если они были собственницами городских дворов. Впрочем, если среди домовладельцев были крестьяне и приезжие из других городов, то и они выбирали своего депутата для ведения дел по разным «предметам, требуемым и могущим требоваться правительством от Городской думы»[41].

Таблица 1.1

Замещение должностей в Самаре после инвентаризации 1854 года

№	Название должностей	Число лиц	Из какого сословия	На какой срок
1	Заседатели в Уголовную палату	2	От купцов	3 года
2	Заседатели в Гражданскую палату	2	От купцов	3 года
3	Бургомистры в Магистрат	2	От купцов и мещан	3 года
4	Ратманы в Магистрат	4	От купцов и мещан	3 года
5	Словесные судьи в Магистрате	2	От купцов или мещан	1 год
6	Словесные судьи при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
7	Выборные при частях города (в каждой части)	2	От купцов или мещан	1 год
8	Ратманы в Полицию	2	От купцов или мещан	3 года
9	Депутат в квартирную комиссию	1	От купцов или мещан	1 год
10	Городской голова	1	От купцов	3 года
11	Гласные Думы	6	От купцов 2, от мещан 2, от цеховых 2	3 года
12	Писарь городского общества	1	От мещан	3 года
13	Депутаты в городовое депутатское собрание	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
14	Старосты для составления городовой обывательской книги	3	От купцов 1, от мещан 1, от цеховых 1	3 года
15	Депутат для составления раскладки земских повинностей	1	От купцов или мещан	3 года
16	Купеческие старосты и товарищи их (от каждой гильдии)	1	От купцов	1 год
17	Торговые депутаты	4	От купцов	3 года
18	Мещанские старосты	2	От мещан	1 год
19	Староста по сбору податей	1	От мещан	1–3 года
20	Помощники ему	6	От мещан	1–3 года
21	Десятские	10	От мещан	1 год
22	Ремесленный голова	1	Из цеховых	1 год
23	Управные старшины (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
24	Старшинские товарищи (в каждом цехе)	1	Из цеховых	1 год
25	Староста по сбору податей	1	Из цеховых	1–3 года
26	Присяжный маклер	1	Не указано	Не определено
27	Аукционисты	2	От купцов или мещан	Не определено
28	Депутаты для следствия по делам купцов и мещан	2	От купцов и мещан	Не определено
29	Рекрутские старосты и «добросовестные» для рекрутского набора	–	Распоряжение о них не издано	
30	Присяжные оценовщики	2	От купцов и мещан	1 год

Относительно участия выборных дворянских представителей в губернских и уездных органах управления К.К. Грот высказался в 1855 г. в речи на губернском дворянском собрании. Он заявил, что «права дворянства трех губерний, из которых составилась Самарская губерния,

были различны, а потому и первоначальные выборы по разным уездам Самарской губернии не могли быть везде одинаковы». Например, «одни и те же должности замещены в одних уездах от дворян, в других от правительства». Дворянскому собранию было предложено установить «прочный и основанный на законоположениях порядок и избрать на все представленные замещению дворянами должности лиц из своей среды»[42].

Проводимая К.К. Гротом унификация органов местной власти и самоуправления проходила в основном по образцу учреждений Симбирской губернии, поскольку именно из нее перешел губернский город Самара, а также Самарский и Ставропольский уезды, раньше других территорий освоенные и более плотно заселенные. Порядок их управления более других соответствовал утвердившемуся в центральных районах Российской империи.

Губернские и уездные дворянские собрания происходили раз в три года. На них проходили выборы руководителей местных сословных корпораций: губернских и уездных предводителей дворянства. Не менее важными были выборы дворянских представителей на должности в местном управлении: капитана-исправника, заседателей различных судебных учреждений и т. п.

В первой половине XIX в. ужесточились требования для получения голоса на этих выборах – теперь необходимо было владеть не менее 100 крепостными душами мужского пола или 3000 десятинами земли. Имущественный ценз мог быть снижен до 5 душ или 100 десятин, если дворянин получил на военной службе чин полковника, а на гражданской – действительного статского советника. Группа мелкопоместных дворян имела право представить от себя на выборы одного уполномоченного, если вместе у них набиралось 100 душ или 3000 десятин.

Одновременно снизились требования к лицам, избираемым в должности. Их по выборам теперь могли занять все потомственные дворяне, даже не имеющие недвижимости, а соответственно, права голоса в собрании. Это обстоятельство объясняется тем, что богатых землевладельцев было не так уж и много, да и шли они служить на выборные должности неохотно. Число же дворян в местном управлении значительно выросло. К должностям, предусмотренным Жалованной грамотой Екатерины II, добавились возникшие в связи с созданием многочисленных комитетов и комиссий по различным вопросам. В их состав обязательно входил губернский предводитель дворянства, а также другие представители этого сословия. Приведем слова такого авторитетного свидетеля, как П.В. Алабин: «Припомним, какими преимуществами пользовалось наше дворянство до уничтожения крепостного права и вообще до начала ряда реформ настоящего царствования, когда выборные от дворянства председательствовали и в судебных палатах, и в уездном суде, когда таковые же выборные были членами уездного суда, исправниками, заседателями судебных палат, председателями и членами совестного суда, членами приказа общественного призре-

ния, членами комиссий: народного продовольствия, дорожной, общественного здравия, членами комитетов: земского, коннозаводства, оспенного, особого присутствия о земских повинностях и многих других, временных и постоянных комитетов и комиссий»[43].

Вплоть до начала Великих реформ полномочия и круг выборных представителей от дворян в органах управления продолжали расти. В упомянутом выступлении на губернском дворянском собрании 1855 года К.К. Грот особенно отметил, что Николай I расширил «права Самарского дворянства относительно выборов из среды своей всех должностных лиц по судебной части и некоторых из блюстителей общественного порядка, а также лиц по административному управлению помещичьими имениями»[44].

Большинство упомянутых комитетов и комиссий было создано для определения, раскладки, несения «земских повинностей», за счет которых содержалось местное управление. Они существовали как в натуральной форме, так и в форме денежных сборов, взимавшихся сверх казенных налогов. Основной ряд земских повинностей составляли денежное и натуральное содержание уездной администрации и полиции, почты и путей сообщения, удовлетворение различных потребностей квартирующих или проходящих войск, расходы и обязанности по оспопрививанию, этапированию заключенных и ссыльных, совершению казни над преступниками. Правда, устройство и хранение эшафотов осуществлялось за счет государственной казны[45].

Для составления сметы денежных земских сборов создавался Комитет земских повинностей, куда наряду с губернатором и рядом других правительственных чиновников включались губернский и уездные предводители дворянства, а также специальные дворянские депутаты для раскладки земских повинностей. Постоем занималась Квартирная комиссия, в которую депутат от дворян, имевших дома в городе, включался вместе с городничим.

Представительство других сословий в местном управлении и суде также имело место, хотя по численности уступало дворянскому. Так, горожане входили в Комитет земских повинностей (голова губернского города и депутаты прочих городов) и Квартирную комиссию (депутат от горожан-домовладельцев). По два выборных заседателя от дворян, горожан и государственных крестьян входили в состав приказа общественного призрения под председательством губернатора. Этот орган ведал в губернии школами, больницами, сиротскими домами, богадельнями, исправительными учреждениями.

В Самарской губернии не было нужды создавать органы самоуправления, поскольку они уже там были, но не было и возможности для их кардинальной перестройки, так как они существовали в жестких рамках законов и традиций крепостной России. Добрая воля и опыт К.К. Грота позволили сгладить некоторые негативные стороны существующей на местах системы управления, в том числе путем упорядочивания работы

выборных органов и местного самоуправления, улучшения их взаимодействия с коронной администрацией. В этом отношении деятельность губернатора в Самаре 1853–1860 гг. подготавливала условия для успешного проведения здесь будущих земской и городской реформ. Возможно, это стало одной из причин того, что именно в Самарской губернии в 1865 г. были сформированы первые в России земские учреждения.

Одним из важных факторов растущего доверия жителей к администрации стало жесткое отношение Грота к произволу и взяточничеству среди чиновников, его требовательность к соблюдению законов со стороны откупщиков и торговцев. Можно добавить к этому и умение Грота создать себе положительное реноме с помощью газет, встреч с общественностью и даже слухов. Это тоже было веянием нового времени. Положительные оценки самарских порядков обобщил в авторитетной газете «Московские ведомости» в 1860 г., правда, не без некоторой иронии, известный филолог, журналист и педагог В.Г. Варенцов: «...Нам много говорили о Самарском крае, говорили, что он нисколько не похож на другие края нашего любезного Отечества, что в нем подчиненные распекают начальников, а не начальники подчиненных, что в нем судьи дарят просителей, покупатели обманывают купцов, откупщики терпят убытки... что в нем есть уважение к заслугам и общественное мнение говорит громко и правдиво, одним словом, что это – страна, текущая молоком и медом. Мудрено ли, что нам весело было даже издали глядеть на такой край»[46].

Пребывание в Самаре раскрыло управленческий потенциал, обогатило административный опыт К.К. Грота. Все это способствовало в будущем его активному участию в подготовке и осуществлении ряда Великих реформ на общероссийском уровне.

В Заволжье к середине XIX в. сложилась система местных органов власти, унифицированная по образцу центральных регионов страны, которая в своей основе просуществовала до 1917 г. Управление краем утратило военные и внешнеполитические стороны, стало исключительно внутренним делом. За внешней оболочкой происходивших административных перемен скрывались серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья. Регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив свои хозяйственные, этнические и культурные особенности.

§ 4. «ПРОСВЕЩЕННОЕ» ЧИНОВНИЧЕСТВО В ОБУСТРОЙСТВЕ И ИЗУЧЕНИИ НОВОЙ ГУБЕРНИИ

Одним из способов сделать администрацию более эффективной и надежной стал перевод на службу в Самару молодых чиновников с хорошим образованием и рвением к добросовестной службе. Эти люди учились и начинали служить в николаевские времена, но уже были

готовы профессионально и идейно к реформам. Успех этих реформ во многом был обеспечен подготовительной работой и устремлениями «просвещенной бюрократии», которая шла в авангарде преобразований[47]. Именно на «просвещенных» чиновников опиралась верховная власть России при проведении модернизации страны[48].

Они были представлены не только в центральных органах государственной власти или при дворе, но и в органах местного управления[49]. Будучи сам ярким представителем «просвещенного» чиновничества, К.К. Грот окружил себя сотрудниками-единомышленниками[50].

Одному из них, Н.А. Воронову, чиновнику особых поручений при губернаторе, К.К. Грот поручил составить описание Самары и ее окрестностей, когда в начале января 1857 г. вице-председатель Русского географического общества (РГО) генерал от инфантерии М.Н. Муравьев обратился к нему, желая получить сведения о Самарском крае. Они предназначались для подготовки к путешествию по России великого князя Константина Николаевича, председателя РГО и младшего брата императора Александра II.

Для Грота предложение Муравьева означало не простое обращение со стороны близкого ко двору лица. РГО было важной площадкой в карьере будущего губернатора. Грот выполнял в свое время в нем обязанности казначея. Эта должность не оплачивалась, была общественной. Однако она помогала получить связи в верхах, нужные знакомства, доступ в гостиные престижных домов и в модные салоны.

Поручение руководства РГО Грот старался выполнить со всем тщанием и весьма ответственно подошел к подбору исполнителя. Однако успешному выполнению задания во многом способствовала работа и других чиновников, служивших под началом Грота. Множество фактических и статистических данных, потребовавшихся Воронову, было получено в канцелярии губернатора и в других самарских учреждениях.

К апрелю 1857 г. описание Воронова было закончено. Его отослали в Петербург к занявшему должность вице-председателя РГО, знаменитому мореплавателю Ф.П. Литке, бывшему воспитателю великого князя Константина Николаевича. В РГО получили законченное региональное исследование современного на тот момент состояния Самарского Поволжья, но путешествие великого князя так и не состоялось. Шла разработка Великих реформ. Константин Николаевич был одним из главных сподвижников Александра II в этих трудах. Его отсутствие в столице на длительный срок стало невозможным.

Зато сейчас мы можем только благодарить за наличие «ценного источника по истории Самарской земли и Поволжья» в канун Великих реформ[51]. К тому же «наряду с интересными краеведческими подробностями, труд Воронова... является памятником общественно-политической и историко-культурной мысли своего времени»[52].

«Описание...» Воронова имеет два раздела. Первый называется «Очерком Самарской губернии в историческом, этнографическом и статис-

тическом отношениях». Он содержит сведения о физической географии и гидрографии края. В нем приводятся исторические сведения, а также дается характеристика наиболее многочисленных этнических групп населения: русских, мордвы, татар, чувашей, башкир. Здесь же сделан обзор основных хозяйственных занятий жителей региона – хлебопашества и скотоводства.

Второй раздел под названием «Замечательнейшие местности по берегу реки Волги в пределах Самарской губернии» начинается с обзора колоний иностранных, в основном немецких, переселенцев, о которых Воронов не писал в первой части своего труда. Затем автор приводит очерки примечательных населенных пунктов Самарской губернии, расположенных по берегу Волги: колоний Привальной и Екатеринштадта, сел Балакова, Васильевского, Екатерининского, Хрящевка и Старая Майна, городов Самары и Ставрополя. Губернскому центру по понятным причинам посвящен самый большой и подробный очерк. Отдельные два очерка Воронов посвятил истории заселения, достопримечательностям и занятиям жителей Самарской Луки и Самарского уезда.

В целом «Описание...» содержит богатый статистический материал по демографии, состоянию различных отраслей сельского хозяйства, развитию местной торговли и дорог. Большое внимание уделено судоходству, речным пристаням, их транспортному значению.

Кроме интересного фактического и статистического материала, который стал теперь общедоступен благодаря публикации «Описания...» Воронова[53], заслуживают внимания выводы, сделанные им. Автором «Описания...» обозначены тенденции сближения различных этнических и территориальных групп населения Самарского губернии в хозяйственном, бытовом и культурном плане. Воронов верно указал, что процесс такого сближения был вызван не только фактом их совместного проживания рядом на одной земле, но в значительной мере стал следствием развития товарного производства и рыночных отношений: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно, при всем разнообразии своего исторического происхождения, уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное [*товарное. – Ю. С.*] направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно остаются неизменяемыми в местах более удаленных от промышленных центров. Так, все русские крестьяне в здешних местах оставили свой областной наряд, который они удерживали долго еще после своего переселения»[54].

Эти выводы о постепенном сближении этнических групп Воронов распространял не только на русских, но и на другие народы, осваивавшие Самарский край. Например, вот что он писал о мордве: «Мордва исключительно занимаются земледелием, трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены. Там, где

они живут в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются родственных отношений с последними и в таких случаях оставляют свою народную одежду и даже свой язык. Вследствие того мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племенного [*этнического – Ю. С.*] происхождения»[55].

Выводы Воронова вполне согласуются с данными современной науки[56]. Самарская губерния действительно была в числе территорий, где в середине XIX столетия образование «этнически смешанных структур расселения мордвы» стало особенно заметным явлением[57].

Указывая на то, как у русских и других жителей края складываются «общие черты», он также подчеркивал, что представители разных народов по-прежнему «удерживают многие им только свойственные особенности»[58]. Процессы ассимиляции практически не затронули иностранных колонистов, переселившихся на Волгу. Воронов замечал, что «колонисты неохотно учатся русскому языку и только побуждаемые необходимостию сближаются с русским населением». Такое отчуждение мешает получить от колонистов ту пользу, которую Россия вправе от них ожидать: «По причине незнания языка, влияние их на русских крайне ограничено, и русские лишены возможности покороче знакомиться с бытом колонистов и перенять от них что-нибудь полезное»[59].

В целом этнический состав населения Самарской губернии представлен Вороновым в следующих цифрах: русские – 528 558 чел. муж. пола и 551 155 чел. жен. пола, мордва – 64 288 чел. муж. пола и 68 977 чел. жен. пола, татары – 37 172 чел. муж. пола и 39 017 чел. жен. пола, чуваши – 29 408 чел. муж. пола и 29 187 чел. жен. пола, другие народы (башкиры и тептяри, иностранные колонисты и проч.) – 65 577 чел. муж. пола и 65 742 чел. жен. пола. Всего в губернии насчитывалось 725 003 жителей муж. пола и 754 078 – жен. пола[60].

Вороновым дано точное определение быстрого распространения посевов товарной пшеницы как «белотурочной лихорадки». В гонке за быстрым обогащением, как всегда случалось при золотых, алмазных, нефтяных и прочих «лихорадках», были и выигравшие куш, и проигравшие все: «То была настоящая белотурочная лихорадка, которой не избежали из здешних жителей ни один купец, почти ни один чиновник, но многие приезжали из других, даже отдаленных губерний в надежде скоро обогатиться от посева белотурки. Тогда составилось несколько компаний на товариществе для посева пшеницы в большем размере. Некоторые действительно получили выгоды при благоприятных обстоятельствах, но большая часть предприятий принесли только убыток и разорение. Главными причинами таких последствий были: чрезвычайно высокие цены на рабочих, неуменье распоряжаться очередованием земель под посев, а всего более большая затрата денег на хозяйственное обзаведение, которое обходилось втридорога»[61].

Неудачи, преследовавшие отдельных дельцов и производителей, не умаляют того факта, что товарный хлеб послужил для всего Самар-

ского края толчком экономического, технического, демографического развития. Земледелие и продажа его продуктов, по словам Воронова, стали основой хозяйства в крае, поскольку именно хлебопашество теперь «наиболее питает местную торговлю, доставляя в то же время работу многим тысячам людей, приходящим ежегодно из других губерний»[62]. Развернутый вывод автора сводится к следующему: «Такое исключительное и быстрое распространение хлебопашества, без сомнения, зависело от увеличивающегося населения, принимавшего постоянно большое число переселенцев; но число жителей далеко еще не соответствует пространству земель. Успехам в этом отношении более всего способствовало развитие торговли пшеницею... самый пример и даже опыты многочисленных неудач не остались бесплодными... это способствовало возвышению дохода с земель и многим улучшениям хозяйственным, оценке земледельческого труда и впоследствии разделению этого труда»[63].

Для будущих высокопоставленных читателей из руководства РГО, стоявших на реформаторских позициях, Воронов от лица самарской губернской администрации высказывал убеждения, соответствующие духу готовящихся преобразований в целом: «...Должно ожидать не только утверждения добрых нравственных начал, но и самого обширного промышленного движения в этом крае, где теперь уже таковое направление достаточно усвоилось простому народу, а между тем столько еще остается непочатых источников к его благосостоянию»[64].

Прошло несколько месяцев после завершения рукописи Воронова, и администрация, руководимая Гротом, обозначила точный смысл того, что именно ею подразумевалось под главным источником повышения народного благосостояния. На дворянском собрании в январе 1858 г., следуя призыву царя-освободителя, Грот прямо призвал самарских помещиков к поиску способов «замены обязательного труда вольным»[65].

«Описание Волжского прибрежья Самарской губернии» прямо говорило о главном преимуществе Самарского края. Оно состояло, по мнению самого Воронова и его начальника – губернатора Грота, в преобладании среди пришедших сюда переселенцев вольных людей. Эта мысль настойчиво проводилась в труде, адресованном члену императорского дома и высокопоставленным сановникам: «Большое число... свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами, как они жили на старине, сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободною сельскою жизнию, имели самое благодетельное влияние на водворение порядка в здешнем крае»[66].

То, что значительное количество крестьян Самарского края не находилось в личной зависимости, доказывалось подсчетами Воронова о «числе сельских жителей» губернии[67]. Государственных крестьян, плативших подати и выполнявших повинности только государству, здесь было 766 527 чел. обоего пола. Крестьян удельных, то есть принадлежавших императорской фамилии, насчитывалось 257 095 чел. об. пола,

помещичьих крепостных – 234 460 чел. Кроме того, здесь проживало свободных от крепостной зависимости 83 539 иностранных колонистов обоего пола, 49 659 башкир и тептярей, 33 379 отставных солдат, солдатских детей и жен.

Все изложение Воронова велось с ведома Грота, который демонстрировал преданность политическому курсу нового императора Александра II всей своей администрации. Это была «новая молодежь» в чиновничьих мундирах, чьи старания вместе с Гротом «пробудить во всех классах народа дух гражданской жизни» в Самаре вызывали одобрение со стороны как либерально настроенной публики и прессы[68], так и будущих демократов-«шестидесятников» с более радикальными взглядами[69].

«Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» вполне встраивается в общую канву деятельности, обеспечивавшей в конечном счете ход и успехи российской модернизации. Взгляды Воронова и его коллег вполне отвечали «такому существенному критерию модернизационных процессов, как становление личности, готовой к восприятию перемен и полагающей гражданские и политические права естественным атрибутом человека»[70].

Эти люди сознательно готовили почву для предстоящих реформ, рассматривали осуществление преобразований в стране и губернии не только как служебный, но и общественный долг. Таким образом, сочинение Воронова стало одним из проявлений общего подъема в стране, вызванного Крымской войной, сменой императора и внутриполитического курса страны. Этот подъем затронул не только столичные города, но и провинцию, в том числе Самару.

§ 5. КРЫМСКАЯ ВОЙНА И АКТИВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Особенно общественная жизнь Самарско-Сызранского Поволжья оживилась из-за реакции на внешнеполитические события. Брожение в умах вызывала и сама Крымская война, и связанный с ней набор ополчения.

Это так называемое «Государственное подвижное ополчение» начало формироваться согласно Манифесту 29 января 1855 г. на заключительном этапе войны. К этому времени народ уже был измучен тяготами денежных и рекрутских повинностей. По объективным данным демографии и антропометрии, общий уровень падения благосостояния населения России в годы Крымской войны был сравним в истории только с последствиями более продолжительных войн, Северной 1700–1721 гг. и Русско-турецкой 1764–1768 гг. Он был даже более заметен, чем в Отечественной войне 1812 г.[71]

Тем не менее добровольцев было много, что соответствовало общероссийским настроениям. Современник событий и сам крепостной человек Ф.Д. Бобков писал: «Ходят все невеселы – у кого сын убит, у кого – брат. Молодежь рвется все-таки на войну»[72].

Приток добровольцев начался задолго до созыва ополчения, хотя и без того рекрутские наборы, которые следовали один за другим с ноября 1853 г. по ноябрь 1855 г., истощали людские ресурсы. Уже в начале 1854 г. в сообщениях на имя самарского губернатора говорилось о стремлении отдельных государственных крестьян и даже целых групп вступить в армию. Так, 56-летний И.В. Кинельский просил, «если за превышением лет нельзя принять его в строевую службу, то принять хотя в служительские должности, по назначению воинского начальника». Восемь жителей д. Мартыновки, Елань тож, «явились в местное волостное правление и, объявив, что имеют желание на нынешнее время встать в ряды войска для защиты веры и Отечества, просили сделать распоряжения о зачислении их на службу». Местные власти отмечали, что «многие крестьяне и из других деревень беспрестанно являются с изъявлением непременного желания поступить в военную службу». Причем это были не деревенские маргиналы, а весьма положительно характеризовавшиеся начальством и сельским обществом жители, которые «под судом и следствием не состояли и не состоят, к расколу не принадлежат»[73].

Весной 1855 г. из Самары в составе особого стрелкового полка было отправлено 300 добровольцев из удельных крестьян. Всего по наборам и добровольно из Самары на Крымскую войну ушло около 4 тыс. чел. Многие уроженцы Самарского края геройски проявили себя в ходе наиболее важного и ключевого события Крымской войны – обороны Севастополя. Один из героев этой обороны, матрос Павел Петров, был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте и бронзовой медалью на Андреевской ленте. Наград за усердную службу на береговой батарее, оборонявшей Севастополь, также удостоились его земляки – матросы Гурьянов, Гетманенко, Неверов, Гудков, Труфанов[74].

Надежды на облегчение положения своего, родных и близких связывали с участием в боевых действиях и крепостные крестьяне. Такие надежды подпитывались патриотической пропагандой, политическими переменами и народной молвой. Предвосхищая предупреждение Александра II, унаследовавшего престол после кончины 18 февраля Николая I, о том, что не следует дожидаться отмены крепостного права «снизу», народная оценка-предсказание нового царствования не отличалась сложностью. Простой люд уже в начале 1855 г. ухватил самое главное: «Государь, вступая на престол, заявил, что он будет заботиться об улучшении быта крестьян». Послениколаевская Россия почувствовала, что на этот раз разговорами в деле решения самого больного вопроса не ограничатся. Возможно, именно это было одним из факторов,

которые стимулировали новую волну патриотических настроений в обстановке военных неудач. Через июльскую Москву дружина за дружиной с барабанным боем и музыкой маршировали на фронт ратники ополчений из разных губерний. Их вооружали за свой счет дворяне и купцы[75].

В Заволжье и Приуралье набор ополченцев начался позже, чем в центральных землях России. Указ о привлечении Самарской губернии к ополчению был издан только 25 сентября. Новый император пока не считал, что с падением 27 августа Севастополя война закончилась, и принимал меры по мобилизации сил для ее продолжения[76].

В октябре в Самаре на Чрезвычайном дворянском собрании были выбраны начальники и офицеры 12 дружин, собиравшихся в губернии. Те офицерские вакансии, которые из-за незначительной численности дворян в губернии оставались ими незанятыми, было решено заполнить чиновниками недворянского происхождения. Среди них было немало «почтенных лет людей, притом обремененных семейством, которые, ничем не стесняясь, как молодежь, шли в ополчение и на воинские труды смотрели с истинно русским хладнокровием» [77].

Сменили спокойное место в присутствии на мундиры прапорщиков коллежские регистраторы Самарского губернского правления Загарин и Бузулукского уездного суда Холевин. Чины и должности подпоручиков получили коллежские секретари Самарской губернской строительной и дорожной комиссии Ковдин, Самарского губернского правления Никифоров, Самарской палаты государственных имуществ Андрузский и младший чиновник особых поручений при губернаторе Самойлов. В чинах поручика и штабс-капитана прибыли в ополчение, соответственно, титулярный советник Самарского губернского правления Кулыгинский и чиновник особых поручений при губернаторе Фиомиди[78].

Общее начальство над Самарским ополчением получил отставной генерал-майор князь С.Д. Урусов. Местами сбора дружин были назначены: 312-й и 313-й – Самара, 314-й – Ставрополь, 315-й – Кинель-Черкасская слобода, 316-й и 317-й – Бузулук, 318-й и 319-й – Бугуруслан, 320-й – Бугульма, 321-й и 322-й – Николаевск, 323-й – Новоузенск. Численность дружин составила по 1111–1112 чел., кроме того, к каждой было прикомандировано по 53 кадровых военных в нижних чинах для обучения новобранцев. По месту жительства для ополченцев собиралось белье, продовольствие, фураж. На средства губернского Комитета и ополчения с торгов были закуплены обмундирование, обувь, шанцевый инструмент, причем отмечалось высокое качество поставленных вещей, хотя те были «заподряжены ниже сметных цен». Снаряжение обоза для ополченцев и обеспечение его лошадьми «взяли на себя по весьма невысоким ценам» коллежский советник Стобеус и отставной прапорщик Рычков. Они, «не имея возможности стать в ряды ополчения и движимые чувством патриотизма, желали содействовать устройству ополчения трудами и денежными средствами»[79].

Население губернии приняло живейшее участие в денежных сборах на нужды ополчения, которое, как мы видим, снаряжалось почти целиком за счет жителей. Еще до официального начала созыва ополчения в губернии на собрании «самарского градского общества 10 мая состоялся приговор о сборе с купцов 3-й гильдии по 100 р., а с мещан — по 20 к. серебром с каждой ревизской души». На эти деньги закупалось оружие на заводах Тулы и Киева[80].

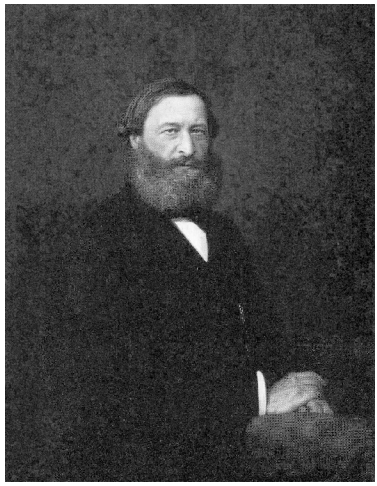
Когда же ополчение было собрано, то «общество самарских купцов и мещан, движимое патриотическим усердием к пользе общей, единодушно изъявило ратников двух дружин Самарского ополчения, расположенных в городе Самаре, безвозмездно продовольствовать приварком во все время квартирования их в сем городе». Об этом решении самарский губернатор К.К. Грот 2 декабря 1855 г. довел до сведения начальников 312-й и 313-й дружин[81].

Беспокойство за судьбы солдат и матросов, большое количество убитых и раненых на полях сражений вызывало естественное человеческое желание помочь чем только можно. Среди собранного в Самарской губернии «в пользу действующей армии и раненых воинов в Крыму» было большое количество холста, бинтов, корпии, нижнего и постельного белья, ржаных сухарей или просто наличных денег. О подобных пожертвованиях сестер монашеских общин, священников с прихожанами, чиновников, купцов, мещан, сельских старшин, рядовых крестьян или их жен, вдов, дочерей представлялись всеподданнейшие доклады, на которые следовала резолюция императора с объявлением благодарности, о чем сообщали публикации в единственной местной газете «Самарские губернские ведомости».

После окончания войны за благотворительность в ее годы стали выдаваться награды. 11 марта 1858 г. темно-бронзовой медалью на Аннинской ленте был награжден В.Е. Буреев, городской глава Самары, за свои пожертвования «на военные надобности»[82].

Память народа о тяготах и героизме времен Крымской войны сохранялась в дальнейшем во многом благодаря ветеранам Севастополя, жившим в Самаре. В первую очередь следует назвать видного деятеля местного управления и самоуправления П.В. Алабина (1824—1896), бывшего офицера и активного участника боев в Крыму, автора ценных воспоминаний о тех событиях, инициатора создания севастопольского музея обороны[83].

Сильное воздействие оказала война на общественного деятеля российского масштаба Ю.Ф. Самарина, происходившего из семьи богатейших землевладельцев Самарско-Сызранского Поволжья. В его лице события того времени, происходившие как на фронте, так и в средневолжском тылу, напрямую оказали влияние на дальнейшие судьбы страны, сыграв важную роль в окончательном становлении взглядов одного из творцов будущей «Великой реформы».

Юрий Федорович Самарин.
Художник И.Н. Крамской.
Из журн.: Самарская губерния
в сердце России. 2014. № 10

Самарин как землевладелец Сызранского уезда Симбирской губернии в июле 1855 г. попал в списки ополчения этой губернии, сбор ополчения в которой проходил несколькими месяцами ранее, чем в Самарской. Будучи единственным помощником матери, поскольку все его братья уже служили в армии, он мог отказаться от военной службы, но, говоря его собственными словами, «ради тяжелых обстоятельств Отечества и ради целей войны» не пожелал «уклониться от этой повинности». Единственная его просьба, направленная предводителю сызранского дворянства В.Д. Давыдову, состояла в зачислении в одну дружину с этим другом семьи и сыном героя-партизана Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова. 26 августа, в день падения Севастополя, прошли выборы командиров и офицеров Симбирского ополчения. Давыдов стал начальником 272-й дружины, а Самарин – одним из его ротных командиров[84].

Объясняя свое решение, Самарин называл три основные причины. Во-первых, он принимает на себя часть общей народной тяжести. Во-вторых, он сможет принести пользу стране. В-третьих, это станет поводом сблизиться с народом[85].

В начале службы Самарину, не имевшему никакого представления о военном деле, был поручено делопроизводство части в должности дружинного адъютанта. Все дела пришлось вести самому, поскольку единственными помощниками и писарями оказались трое не совсем хорошо знающих русское письмо татар, так как других грамотных ополченцев в дружине не нашлось. Еще одним пробелом в образовании, который был присущ и его начальнику, оказалась неопытность «в таком сложном экономическом деле», как подряды, закупки, постройки. На себе пришлось узнать, что такое злоупотребление «более ловких и знающих» людей в снабжении и обеспечении войска. Утешало лишь то, что при честных командирах злоупотребления оказались «не такого размера, как в центральных губерниях». Самарину понравилась сразу скромная и непритязательная форма ополченцев, покрой которой «соответствовал его мысли о народной одежде», а потому «он во время службы своей многих уговаривал не снимать ее и после роспуска, дабы сделать из нее обыкновенную одежду»[86].

Облик ополченца представлял собой нечто среднее между крестьянином и солдатом регулярной армии. Кроме сохранения близкого к народной одежде покроя формы ратникам ополчения не разрешалось брить бороды и изменять традиционную крестьянскую стрижку волос[87].

Будучи очень богатым помещиком, вместо обустройства роскошного или хотя бы комфортного быта Самарин довольствовался скромной пищей, щами да кашей, которой его потчевал простой мещанин – хозяин квартиры, у которого он снял две небольшие комнаты. Для того чтобы знать, какой требовать от будущих солдат выучки, Самарин вместе с Давыдовым сам брал уроки ружейного артикула у унтер-офицера местного гарнизона[88].

Самарин потратил собственные 1000 р. на заказ новейшего по тем временам стрелкового вооружения, каким были нарезные винтовки-«штуцеры», на Ижевском заводе. Это было сделано с таким расчетом, чтобы третья шеренга ратников его роты была вооружена по последнему слову тогдашней военной техники, а не старыми гладкоствольными ружьями, «из которых стрелять было почти невозможно»[89].

Данный факт говорит о том, что командиры ополчения считали вполне реальным продолжение войны и личное участие в боевых действиях. Самарин не хотел, чтобы он и его подчиненные стали, как это уже произошло со многими русскими воинами, простыми мишенями для дальнобойных английских и французских винтовок. Просчеты командования русской армии в обеспечении ее современным оружием приходилось заглаживать своими силами и в Самарском ополчении. Кроме всех прочих затрат отдельно на приобретение штуцеров для него было собрано местным дворянством 8 тыс. руб., а купцами – 3,5 тыс. руб. Как с удовлетворением писали современники, «эта сумма даст возможность иметь в каждой дружине по нескольку отличных стрелков»[90].

Еще до начала службы в ополчении Самарин добросовестно пытался купить в Москве уставы, правила, положения, касающиеся полевой и гарнизонной службы, с удивлением выяснив, что этих книг в древней столице в продаже нет. Выручил дальний петербургский родственник, троюродный дядя князь И.А. Мещерский, не раз доставлявший для Давыдова и Самарина необходимые книги в Главном штабе и отправлявший их в Сызрань[91].

Накапливавшиеся, казалось бы, бытовые мелочи и наблюдения все сильнее поворачивали пытливый ум Самарина от теоретических изысканий к реалиям российской жизни, военным и гражданским. Было над чем задуматься. С одной стороны, его вежливый доброжелательный тон, отсутствие всякого намека на грубость и рукоприкладство воспринимались некоторыми из подчиненных как слабость командира. Известный публицист посмеивался: «Когда подумаю, что три губернии трепетали от моего писания, а ныне три татарина мои не ощущают никакого страха и не исполняют моих требований!» С другой стороны,

командиры сначала предполагали, «что после тяжелого гнета крепостного права, чрез который прошел новопринятый ратник, ввиду большей свободы действий и менее утомительных работ, эти люди невольно, по русскому обычаю, должны были загулять, кто с радости, что освободился от крутого помещика, кто с горя от разлуки с семьей». На поверку же выходило, что «ратники вели себя отлично»[92].

Самарин писал: «К счастию, стадо выходит лучше пастыря, а то бы недалеко ушли с такими командирами, каков, например, я». Ратников из крестьян можно было поставить в пример не только канцелярским чиновникам-ополченцам, но и кадровым офицерам регулярного войска, которые «тридцать лет играли в солдатики» и, «кроме побед в Малой Азии, ничем не успокоили народного самолюбия и тех надежд, которые возлагала на них вся Россия»[93].

Уйдя по настоянию Давыдова с адъютантской должности на действительное командование ротой, Самарин ввел своеобразный ротный суд, предлагая солдатам самим определить наказание проштрафившимся товарищам. Он надеялся тем самым искоренить телесные наказания, заменив их на «содержание под арестом, лишение права пищи или исполнение какой-либо повинности», но «рота не внимала этим увещаниям и настойчиво требовала одного наказания – розог». По словам Давыдова, «это приводило Самарина в отчаяние»[94].

Показательным для Самарина было проявление этнического и конфессионального такта. Рота имела русско-татарский состав, что не вело к вражде, но «в вопросе о получении пищи» вызывало «сильные пререкания». Давыдов разрешил Самарину устроить два котла и двух ответственных за питание «артельщиков», русского и татарина. Начальник дружины вспоминал: «Я ни разу не имел причины раскаиваться в своем послаблении: порядок и доброкачественность пищи были образцовые, и все шло как по маслу». Правда, в строевом и дисциплинарном отношении рота Самарина выглядела как «какая-то средневековая дружина времен Минина и Пожарского, но не строй ратников девятнадцатого столетия, имеющих цель заменять солдат Николаевских времен». Но это не мешало Давыдову во время отлучек от дружины передавать командование ею именно Самарину, зная, что от того всегда можно ожидать «отличное исполнение обязанностей»[95].

Замечания к состоянию роты Самарина выглядят излишне строгими. Сослуживцы по ополчению писали, что Самарин проводил строевую и боевую учебу в роте при любой погоде, сам учась прилежно вместе с солдатами[96].

При всем недостатке полученных военных знаний и командирских навыков будущий реформатор ими очень дорожил. Продолжая верить в продолжение войны и неизбежность боевого крещения, он больше всего был озабочен тем, что долгий путь на фронт по русскому бездорожью означает для ополченцев месяцы «без упражнений», а этого «будет

более чем достаточно для того, чтобы перезабыть то немногое, чему мы научились на месте»[97].

В лице простых ратников-новобранцев и ряда их командиров-дворян, разделявших патриотические и аболиционистские настроения, новые власти России получили достаточно надежную опору. Это стимулировало новую патриотическую волну, несмотря на военные неудачи.

В обстановке общественного подъема и социальных ожиданий народ воспринял даже весть об оставлении Севастополя не как позор поражения, а как свидетельство стойкости русских воинов, героического завершения славной обороны. Воины «шли домой не с чувством поражения, а с чувством исполненного долга перед Отчизной»[98].

Жители разных городов и губерний откликались на призыв «о повсеместной подписке в пользу морских чинов, защищавших Севастополь». Он содержался в циркуляре от 25 апреля 1855 г., направленном по высочайшему повелению начальникам губерний[99].

Подписка должна была поднять моральный дух воинов, поскольку «мужественные поборники православия будут иметь отрадное уверение в том, что... благодарное Отечество не оставит их вдов и сирот». Вместе с тем такая мера должна была подпитывать патриотические настроения населения[100].

О том, что моральная сторона акции была не менее важна, чем материальная, свидетельствует добавление в циркуляр, сделанное от имени генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, брата императора. Морское министерство, принимая на себя ответственность за сохранность пожертвований и их расходование, обязывалось «печатать подробные отчеты о получении и употреблении оных». Было обещано, что «никакое приношение, как бы ни казалось оно мало, не может быть отвергнуто». Сообщать в публикациях следовало обо всех пожертвованиях, кроме поступивших от лиц, «желающих остаться неизвестными»[101].

Так, в школах Самарской губернии, которые пока все были начальными из-за отсутствия здесь гимназии, сбор пожертвований дал 139 руб. 82 коп., о чем 2 апреля 1856 г. сообщил директор самарских училищ А.П. Пономарев. Министр народного просвещения 12 июля 1856 г. передал в Самару монаршее повеление: «Приношение принять, а жертвователей благодарить»[102].

Александр I и его окружение поддерживали патриотические чувства подданных, не только преследуя внешнеполитические цели. Несмотря на неудачный ход военных действий в Крыму, независимо от исхода войны на первый план выдвигались задачи решения внутренних проблем, реформирования страны. На эти задачи постепенно перенацеливались органы управления, на эти вопросы переключалось внимание населения, дабы обеспечить нужный уровень поддержки, понимания, лояльности предстоящим преобразованиям.

Понеся тяжелые материальные, людские, финансовые потери, страна не только не потеряла, но постепенно укрепляла морально-политический дух войск и населения, ожидавших перемен к лучшему. Это позволило, несмотря на военные неудачи в Крыму, пойти на переговорах о мире лишь на самые неизбежные уступки противникам. По сравнению с уходом захватчиков с российской земли и отсутствием очевидных территориальных потерь дипломатические тонкости Парижского мира были малопонятны рядовым подданным Империи. После заключения мира в русской публике на полном серьезе шли споры о том, кто победил в войне, то есть поражение было далеко не всем очевидно. Известие о мире принесло всеобщую радость и облегчение. Защитников Севастополя и других российских форпостов повсюду встречали как героев, если и не называя их победителями, то и не воспринимая их как побежденных.

Наградой участникам ополчения стало право хранить и носить по увольнении отличительный знак ополчения в виде креста. В обоснование такого награждения указывалось следующее: «Во все время состояли на службе, усердно и деятельно исполняли свою обязанность, а потому в знак памяти службы их в ополчении вполне достойны по увольнении из ополчения носить крест»[103].

Ратники по окончании войны и роспуска ополчения могли остаться на службе в армии на полный 25-летний срок. Заявления об этом с их стороны делались в ходе опроса, происходившего при полном собрании дружины и в присутствии всех офицеров. Так, из ратников 314-й дружины такое желание выразили ряд удельных крестьян и крепостных разных помещиков[104].

Выбрав путь отказа от продолжения войны, верховная власть со своими единомышленниками по-деловому приступила к работе над внутренними проблемами. Несмотря на всю озабоченность Ю.Ф. Самарина военным делом, во время службы в ополчении он не оставлял работу над запиской по крестьянскому вопросу, исследованиями о русской крестьянской общине и отмене крепостного права в Пруссии[105].

Чувства катастрофы или позора переживал лишь довольно узкий круг интеллектуалов и аристократов, жаждавших победоносной войны или недовольных властью. Разительно отличаются мысли о войне Ю.Ф. Самарина, после падения Севастополя готовившегося к новым битвам, а по заключении мира занявшегося созидательной реформаторской деятельностью, от тех, кто в тылу только проклинал командование, правительство и даже радовался поражениям, хотя среди них были близкие ему по славянофильским убеждениям люди[106].

В ситуации общественного подъема внимание и ожидания широких масс народа быстро переключились от войны на другую, сразу ставшую главной тему. Крепостной человек в 1856 г. писал в дневнике: «Долго меня волновали разные думы о воле. Господа между собою тихо и осто-

рожно, чтобы прислуга не слышала, говорят по этому поводу. Государь щедрою рукою сеет добро и милости... *Заключил мир, хотя мы могли бы еще долго бороться с неприятелем* [*выделено мною. – Л. А.*]. Освободил много заключенных и возвратил многих [*декабристов. – Л. А.*] из ссылки. Поэтому, может быть, освободит и нас. Тогда царствование его будет славное во веки веков»[107]. Запись сделана примерно в одно время с речью Александра II перед московским дворянством, произнесенной 30 марта 1856 г., на двенадцатый день после подписания Парижского мирного договора об окончании Крымской войны. В этой речи впервые было высказано желание «уничтожить крепостное право сверху»[108].

С военной службы к мирным делам и заботам возвращались идеологи и деятели будущих реформ 1860–1870-х гг., их единомышленники и оппоненты. Споры о судьбах России готовы были вновь разгореться. Поколение, вернувшееся с севастопольских бастионов и из рядов ополчения Крымской войны, оказалось счастливее в своем ожидании перемен, чем герои 1812 года – будущие декабристы. Вспоминая разговоры, которые в ополчении «многие из нас вели», сызранский предводитель дворянства В.Д. Давыдов с удивлением констатировал, что поверенные друг другу «задушевные мысли» вскоре оказались «положены в основу государственных мероприятий самого правительства»[109].

На языке современной историографии это означало, что экономический, финансовый, демографический «кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества»[110]. Переход этот наметился в военной обстановке непосредственно после смерти Николая I. Признаками его стали не только новые правительственные заявления и мероприятия, но и всплеск социальных ожиданий, замешанных на патриотических настроениях.

Яркой демонстрацией готовности самарской общественности к решению общегосударственных задач, осознания необходимости перемен стал «студенческий обед», состоявшийся 19 февраля 1859 г. Выбор даты стал предвидением близкого будущего, хотя никто еще не знал, что этот день, памятный восхождением на престол Александра II, ознаменуется через два года падением крепостного права. В мероприятии приняли участие бывшие питомцы разных университетов и почетные гости во главе с губернатором К.К. Гротом. На встрече присутствовал и Ю.Ф. Самарин со своими единомышленниками. «Всех занимающий вопрос – освобождение России от крепостного права – еще не вполне разрешен, а плоды его уже видны», – заявил один из них, бузулукский помещик А.А. Шишков, родной дядя Оленьки Аксаковой, которой С.Т. Аксаков посвятил сказку «Аленький цветочек». Заслуживает внимания, говорил он, сама попытка объединить просвещенную часть провинциального общества на демократических принципах университетской корпорации, «где сын купца, сапожника и крестьянина был бы тем же

студентом, тем же человеком, как граф, князь и столбовой дворянин». «Самарские губернские ведомости» с сочувствием опубликовали это и другие выступления на собрании, в том числе призыв Ю.Ф. Самарина к гласности, которая «раздвинет круг действия всякой живой мысли и всякого честного начинания»[111].

«Гражданское общество – это взаимодействие государства и общественности»[112], а значит, и в российской провинции делались шаги по пути его формирования. Они оказались связаны с подъемом общественной жизни, который облегчил выход из войны и создал благоприятный фон и опору для проведения кардинальных реформ. Как видно на примере Самарского края, по своему значению этот подъем не уступал тому, что сопровождал «грозу двенадцатого года», оказавшись нацеленным на решение не только оборонных, но и внутренних задач, стоявших перед страной и предопределивших Великие реформы.

Примечания

[1] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 44.

[2] Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 39.

[3] Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Уфа, 2010. С. 90.

[4] Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 88–89.

[5] РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 73.

[6] Там же. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8,12.

[7] Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007. С. 188.

[8] Смирнов Ю.Н. К 160-летию Самарской губернии: зачем и как она была создана? Самара, 2011. С. 13.

[9] Годы. События. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. 1851–1920 гг. Самара, 2000. С. 16.

[10] Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 12928. Л. 1–2, 5, 10–11, 17, 24.

[11] Там же. Л. 32–53 об.

[12] Там же. Л. 93-94, 119, 123–125, 184.

[13] Смирнов Ю.Н. Причины и принятие решения о создании Самарской губернии: к 160-летнему юбилею // Самарский край в истории России: сб. материалов Межрегион. науч. конф., посвящ. 160-летию Самарской губернии. Самара, 2012. С. 105.

[14] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 1–3.

[15] Там же. Л. 7 и об., 9 об.–10.

[16] Там же. Л. 16 об. 17, 20.

[17] Там же. Л. 35, 36.

[18] Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 9.

[19] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 38.

[20] Смирнов Ю.Н. Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 195.

[21] Лакиер А.Б. Русская геральдика. Кн. 1. Ч. 1–3. СПб., 1855. С. 288.

[22] Там же. С. 289.

[23] РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

[24] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 7. 1723–1727. СПб., 1830. С. 896.

[25] Там же. Т. 20. 1775–1780. СПб., 1830. С. 1027.

[26] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 26. Отделение первое. 1851. СПб., 1852. С. 550.

[27] Там же. Т. 53. Отделение второе. 1878. СПб., 1880. С. 7.

[28] Закон о государственных символах Самарской области: принят Самарской Губернской Думой от 22 сентября 1998 года [Электронный ресурс] // РИА Самара. URL: http://www.riasamara.ru/rus/samara/about/28910/article42823.shtml (дата обращения: 28.08.2020).

[29] Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861 г.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тян-Шанского, бывшего члена-эксперта и заведующего делами редакционных комиссий. СПб., 1913. Т. 2. С. 137; Савельев П.И. «Он водворил чувство долга в местных чиновниках» (Очерк о Константине Гроте) // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 146.

[30] Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его биографии и характеристики: к столетию со дня его рождения. Пг., 1915. Т. 1. Приложения. С. 12.

[31] Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховской и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Ч. 1. С. 249.

[32] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–20; Д. 2. Л. 20.

[33] Там же. Д. 1014. Л. 17–22.

[34] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12808. Л. 2–3; Ф. 368. Оп. 1. Д. 334. Л. 3.

[35] Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной

среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2012. С. 28.

[36] Бирюкова А.Б. Формирование и благоустройство уличного и площадного пространства средневолжских городов в конце XVIII – середине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). Ч. I. С. 56–60.

[37] Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 157.

[38] Самарские губернские ведомости. 1858. № 43. Часть офиц.

[39] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Л. 2.

[40] История Самары (1586–1917 гг.). Самара, 2015. С. 205.

[41] Смирнов Ю.Н. Предложения К.К. Грота по совершенствованию управления в Самарской губернии: взаимодействие с выборными органами и местным самоуправлением // Гротовские чтения: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2013. С. 10–29.

[42] Константин Карлович Грот... Т. 1. Приложения. С. 38.

[43] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 551.

[44] Константин Карлович Грот... Т. 1. Приложения. С. 38.

[45] Смирнов Ю.Н. Органы власти и местного самоуправления в Самаре с XVIII столетия до получения ею статуса губернского города в середине XIX века // Самара: от прошлого к настоящему: сб. ст. Самара, 2007. С. 291.

[46] Артамонова Л. М. Образ Самары как нового губернского города в русской печати и публицистике середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. II. С. 155.

[47] Lincoln B.W. On the vanguard of reforms: Russian «enlightened bureaucrats», 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1982.

[48] Ружицкая И.В. «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1 (11). С. 36–43.

[49] Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

[50] Смирнов Ю.Н. «Просвещенное» чиновничество Самарского края в сочинениях и документах середины 19-го столетия из столичных и провинциальных архивов // Память о прошлом – 2018 / VII историко-архивный форум: сб. ст. Самара, 2018. С. 249–255.

[51] Артамонова Л.М. Воронов Н.А. Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3–1. С. 177.

[52] Смирнов Ю.Н. Николай Алексеевич Воронов на службе под началом К.К. Грота и его «Описание Волжского прибрежья Самарской губернии»

1857 года // Гротовские чтения: материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2016. С. 77.

[53] Воронов Н.А. Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю.Н. Смирнов. СПб., 2015.

[54] Там же. С. 29.

[55] Там же. С. 32.

[56] Смирнов Ю.Н. Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII – начала XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 28, 31.

[57] Юрчёнков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск, 2014. С. 149, 154.

[58] Воронов Н.А. Указ. соч. С. 32.

[59] Там же. С. 53–54.

[60] Там же. С. 27.

[61] Там же. С. 39.

[62] Там же. С. 37.

[63] Там же. С. 39.

[64] Там же. С. 88.

[65] Самарские губернские ведомости. 1858. № 8. Часть неоф.

[66] Воронов Н.А. Указ. соч. С. 88.

[67] Там же. С. 28.

[68] Московские ведомости. 1860. № 148. С. 1168.

[69] Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1967. С. 70.

[70] Досекин Е.С. Евгений Николаевич Трубецкой – общественный и политический деятель: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2013. С. 35.

[71] Миронов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2. С. 152.

[72] Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 610.

[73] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 22. Л. 12, 68.

[74] Земля Самарская. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1990. 2-е изд., испр. и доп. С. 142; Храмков Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. С. 109–110.

[75] Бобков Ф.Д. Из записок бывшего крепостного человека. С. 609.

[76] Фролова М.М. Формирование офицерского состава Московского ополчения 1855 г. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 104.

[77] Артамонова Л.М. Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Ч. 1. С. 254.

[78] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1009. Л. 29–30.

[79] Артамонова Л.М. Крымская война и общественная жизнь в Самарском крае // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 496.

[80] Храмков Л.В. Самарский край в судьбах России. С. 109–110.

[81] ЦГАСО. Ф. 692. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

[82] Самарское купечество: вехи истории. Самара, 2006. С. 318–319.

[83] Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990. С. 7–8, 19; Московский О.В. Петр Алабин: грани таланта. Самара, 2004. С. 10–11, 32, 51–52.

[84] Давыдов В.Д. Самарин-ополченец (из воспоминаний его дружинного начальника по ополчению 1855 г.) // Русский архив. 1877. № 5. С. 44.

[85] Поддубная Р.П. Самарины: страницы жизни. Самара, 2008. С. 346.

[86] Давыдов В.Д. Указ. соч. С. 44.

[87] Храмков Л.В. Указ. соч. С. 109.

[88] Давыдов В.Д. Указ. соч. С. 45–46.

[89] Давыдов В.Д. Там же. С. 49.

[90] Артамонова Л.М. Крымская война... С. 500.

[91] Давыдов В.Д. Указ. соч. С. 104–105.

[92] Там же. С. 45–47.

[93] Там же. С. 46, 105.

[94] Там же. С. 47–48.

[95] Там же. С. 48–49.

[96] Поддубная Р.П. Самарины... С. 350.

[97] Давыдов В.Д. Указ. соч. С. 106.

[98] Антипьев М.А. Участие дружин Курского государственного подвижного ополчения в защите Севастополя (в период Крымской войны 1853–1855 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 9.

[99] Артамонова Л.М. Отклики на Крымскую войну 1853–1856 годов в учебных заведениях Поволжья и Урала: оказание помощи морякам и их семьям // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 7.

[100] Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7075. Л. 3 и об.

[101] Там же. Л. 4 и об.

[102] Артамонова Л.М. Общественная поддержка моряков и их семей в период Крымской войны 1853–1856 гг. по материалам Казанского учебного округа // Двадцать третьи Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2019. С. 55–56.

[103] ЦГАСО. Ф. 692. Оп. 1. Д. 42. Л. 18–19.

[104] Там же. Д. 43. Л. 164–164 об.

[105] Поддубная Р.П. Самарины... С. 351.

[106] Климкина Э.В. Отношение представителей русского образованного общества к Крымской войне // История и культура страны-победительницы: к 65-лет. Победы в Великой Отечественной войне: материалы Междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 516–519.

[107] Бобков Ф.Д. Из записок бывшего крепостного человека. С. 613.

[108] Крестьянская реформа 1861 года в России / сост. В.А. Томсинов. М., 2012. С. XVII–XIX.

[109] Давыдов В.Д. Самарин-ополченец... С. 45.

[110] Миронов Б.Н. Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты // Труды Института российской истории РАН. Вып. 5. М., 2005. С. 183.

[111] Смирнов Ю.Н. Взаимоотношения администрации, общества и самоуправления в Самарской губернии середины XIX в.: от местных инициатив к общегосударственным реформам // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 189.

[112] Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 111.

Глава 2.
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

§ 1. РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

Центральным событием русской истории XIX столетия стала Великая реформа 1861 года: крестьянская Россия вступала в пору эмансипаций. Следует решительно отказаться от стереотипного представления, согласно которому эта эпоха сводилась лишь к акту 19 февраля 1861 г., т. е. только к освобождению крепостных. Нельзя отрывать от Крестьянской реформы преобразования в сфере местного управления, суда, армии, финансов и др. Факты свидетельствуют: все главные меры, которые должны были определить социально-экономический и политический облик новой России, были спланированы и разработаны до 1861 года. В начале 1859 г. приступила к работе особая комиссия при Министерстве внутренних дел по выработке проекта земской реформы, значение которой для России трудно переоценить, так как она вводила представительные формы управления на местах. Самая яркая и последовательная из реформ – судебная – заявила о себе уже 8 июля 1860 г., когда была введена неведомая доселе должность судебного следователя, независимого от полиции. Готов был и фундамент нового суда. К 1859 г. был ликвидирован один из краеугольных камней старой военно-полицейской системы – Департамент военных поселений. Уже в августе 1860 г. влиятельнейшим человеком в военном ведомстве стал «отец военной реформы» Дмитрий Алексеевич Милютин[1]. С 1860 г. Государственный Банк России заменил собой старые сословные кредитно-финансовые установления.

Перед нами отнюдь не случайный набор нововведений, а именно программа, пакет реформ со своей внутренней логикой. За ними стояли умные, трезвые головы, хорошо знавшие положение дел в стране. Осведомленность – характерная черта тогдашних реформаторов. В стране была проведена последняя, десятая, ревизия крепостных душ, во все концы империи были посланы наблюдатели, представившие детальные записки об увиденном, услышанном от помещиков, чиновников, крестьян. Редакционные комиссии собрали и в 1860 г. (опять же накануне крестьянской реформы) опубликовали подробнейшие сведения о состоянии помещичьих имений с числом крепостных свыше 100 душ. Это была серьезнейшая подготовительная работа, во многом предопределившая успех реформ.

Ход «крестьянского дела» в провинции зависел главным образом от двух сил – губернской администрации и поместного дворянства. Чрезвычайно важное значение приобретала фигура губернатора. Самаре

в этом отношении определенно повезло. Губернатор Константин Карлович Грот – виднейший реформатор-практик среди начальников губерний – с полным основанием мог быть причислен к кругу лиц, определявших основную идею реформы и приближавших ее исполнение.

Феномен Грота типичен со многих сторон: чиновник до мозга костей, он был плоть от плоти той генерации российской бюрократии, которая переживала свое взросление в душной, тепличной атмосфере империи Николая I, а затем волею исторических судеб оказалась на переднем крае борьбы нового с отжившим. Он – непреклонный и жесткий сторонник порядка, но порядка нового, опирающегося не на деспотический каприз местного сатрапа, а на рациональную, не замутненную мздоимством службу. Ни один самарский губернатор ни до, ни после Грота не заслужил столь лестных отзывов местного общества, несмотря на относительно краткий срок его пребывания на посту начальника губернской администрации.

К.К. Грот родился в Санкт-Петербурге 12 января 1815 г. Фамильные корни его в Голштинии. Отцу его, Карлу Ефимовичу, прожившему недолгую жизнь, в детстве улыбнулась фортуна: он был взят в товарищи по воспитанию к будущему императору Александру I. Это обстоятельство открыло затем перед двумя рано осиротевшими его сыновьями Яковом и Константином блестящую будущность. По личному указанию императора они были определены в Царскосельский лицей – самое привилегированное учебное заведение России. По окончании курса Яков стал видным ученым и академиком, преподавал будущему императору Александру III русский, немецкий языки, историю и географию. Константин избрал путь чиновника. Он видел свое призвание в благоустройстве государства Российского. В его деятельности коренная фамильная черта Гротов – страсть к упорядочению и рациональному переустройству – проявилась с наибольшей силой. «Когда нет общей гармонии, то все не клеится и не ведет к цели», – любил говаривать реформатор.

К.К. Грот начал службу в чине титулярного советника. Карьера складывалась счастливо, он быстро поднимался по лестнице чинов: в Курляндской палате государственных имуществ стал асессором; спустя годы перешел в центральное Министерство внутренних дел, где уже в начале 40-х гг. занимал перспективную должность чиновника особых поручений, получив ее благодаря своим дарованиям и ходатайствам В.И. Даля, который много значил при министерстве Перовского[2]. Как истинный лицеист, Константин Карлович преклонялся перед Пушкиным. Он активно участвовал в деле возведения памятника поэту (но из-за болезни и отъезда за границу не присутствовал на его открытии в Москве в 1880 г.), заведовал делопроизводством пушкинского комитета. Грот владел немецким, французским, итальянским языками, во время службы в Митаве быстро выучил латышский. До конца жизни он был устро-

ителем лицейских обедов воспитанников старейших курсов в знаменательный день 19 октября.

Как чиновник особых поручений, Грот объехал многие губернии России, в том числе поволжские. Он был жестким ревизором. После проверки Гротом Тверской губернии бывший ее начальник, известный романист Лажечников, вынужден был вернуть в казну около 70 тыс. рублей. Грот симпатизировал Лажечникову, жалел его чисто по-человечески, но был непреклонен. Плачевно кончались попытки его подкупить. Так, жестоко поплатились киевские чиновники, предложившие ему пакет депозитных билетов. С 1848 г. Грот становится правой рукой выдающегося реформатора Николая Алексеевича Милютина. В 1850 г. его приняли в действительные члены Императорского Русского географического общества – цитадель «идейного реформаторства». В том же году он получил чин статского советника. Судя по его дневниковым записям, переписке, Грот был близко знаком со многими известными в обществе людьми, среди них историк Погодин, публицисты Кавелин, Шевырев и др.

Таким Грот прибыл в Самару. Здесь остро стоял вопрос об опытных чиновниках. Многие должности советников, столоначальников годами не замещались из-за дороговизны квартир, несмотря на разрешение выдавать в качестве поощрения «не в зачет третное жалование, средства на покупку мебели, аренду домов и прочие имущества»[3]. В мутной бумажной стихии, усложнявшейся тем, что самарский губернатор был подчинен оренбургскому генерал-губернатору и сносился с правительством через него (бумаги шли лишних 800 верст), процветали мздоимство, косность и полная неразбериха. Отчеты предшественника Грота были заполнены жалобами на неудовлетворительность администрации. Деятельность Грота в этой неблагоприятной обстановке, принесшая очевидные плоды, нуждается, конечно, в специальном изучении. Впечатление, которое он произвел на самарское общество, выразил П.В. Алабин: «Усилия Константина Карловича имели прямым последствием искоренение взяточничества в Самарском крае – особенность, которою этот край с того времени стал справедливо гордиться»[4]. Даже если сделать необходимую скидку на юбилейный пафос автора и желание потрафить современной ему администрации, нельзя не признать, что эти слова одного из самых замечательных и честнейших людей Самары стоят многого.

Новый губернатор с самого начала показал решительность своих намерений. Прежде всего отметим, что прибыл он к месту службы не один, а со своей командой, на которую и опирался. «Немалою заслугою К.К. Грота Самарскому краю, – писал П.В. Алабин, – было привлечение на службу в его пределы много отлично образованных молодых людей. Затем частью помощью этих вполне свежих сил, частью личным самобытным способом действия К.К. Грот успел положить твер-

дые основы благоустройству вверенного его управлению края»[5]. Самобытность действий начальника губернии состояла в том, что он сочетал исключительную жесткость (Алабин пишет о «непреклонной воле», «личном решительном, часто диктаторском способе действий») с «неустанным, самым добросовестным трудом»[6].

В своих устремлениях К.К. Грот нашел полную поддержку со стороны оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского и обратил неудобство двойного подчинения в свою пользу. Не могло не озадачить местных чиновников отрицательное отношение губернатора ко многим «святыням» старины, стремление возбудить общественное мнение. Грот, конечно, хорошо знал обстановку при дворе, различные течения и подводные камни, но нельзя не признать, что он сильно рисковал, сделав ставку на те идеи, которым симпатизировал еще со времени своего участия в Русском географическом обществе. Его решимость действовать «по готовым рецептам своего великого учителя Н.А. Милютина» дала очевидные плоды: он не только «создал местное городское самоуправление в Самаре», но и «вдохнул в него живую душу»[7]. В главном деле своего поколения – Крестьянской реформе 1861 г. – К.К. Грот участвовал как ревностный его сторонник. По своему обычаю он основательно изучил суть вопроса. 6 марта 1858 г. последовал циркуляр о создании губернского дворянского комитета.

Между тем в правительственных сферах борьба вокруг реформы вступила в решающую фазу. Предложение императора освободить крестьян сверху, не дожидаясь, когда они начнут это делать сами снизу, повисло в воздухе. Честь Александра спас друг его молодости, виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, склонивший дворянство северо-западных губерний выступить с инициативой освобождения крестьян. Получив от Назимова желанный адрес, царь мгновенно издал рескрипт, разрешающий помещикам Виленской, Гродненской и Ковенской губерний создать комитет «для улучшения быта владельческих крестьян». 20 ноября 1857 г. его одобрил секретный комитет по крестьянскому делу. Дальше царь сделал совершенно неожиданный ход: сразу после подписания, в течение ночи, рескрипт Назимову был отпечатан типографским способом и на рассвете разослан по губерниям для сведения. Это была нелишняя предосторожность: наутро члены Секретного комитета одумались, но было поздно – документ был уже в пути. Спустя две недели Александр буквально навязал подобный же рескрипт столичным дворянам, использовав для этой цели ходатайства, поданные ими совсем по другому поводу. Так появился рескрипт Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г.

Потом последовало и вовсе небывалое: оба рескрипта были опубликованы за границей, в газете «Le Nord», которая издавалась в Бельгии с 1855 г. как русский официоз с целью «знакомить Европу с действительным положением России». Еще через месяц оба рескрипта появи-

лись на страницах ведомственного «Журнала МВД» с разрешением перепечатки во всех газетах и журналах[8]. Так Александру II удалось, не нарушив внешних приличий в отношениях с дворянством, запустить в ход машину реформы. Роль императора в повороте к реформам была чрезвычайно велика, и он вполне заслужил и монументы (один из них возвышался в Самаре), и прозвание «Освободитель».

Памятник Александру II. Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX – начала XX века. Самара, 2006

Наступил драматический момент в судьбе преобразований. Потрясенное гласностью в столь важном для себя вопросе, поместное дворянство после некоторого замешательства приступило к обсуждению рескриптов, предоставлявших ему право создавать в губерниях комитеты для разработки проектов реформы по каждой местности. В Самаре дворянское собрание обсуждало царский рескрипт в январе 1858 г., когда помещики съехались на дворянские выборы. К.К. Грот призвал на помощь все свое красноречие, чтобы убедить дворян в том особом доверии, которое оказал им государь император, предоставив право самим решить столь важный вопрос, проявить высшее благородство добровольным отказом от собственности на крепостные души. Однако помещики не выказали большого энтузиазма. Более того, собрание решило, что освобождение крестьян от обязательного труда разорительно для помещиков, ибо они остаются без рабочих рук, лишаются доходов. Было ясно, что в губернии освобождение крестьян пойдет отнюдь не просто. Развернулись бурные споры. 6 марта 1858 г. последовал Высочайший рескрипт на имя оренбургского генерал-губернатора, предписывавший

немедленно открыть в Самарской губернии особый комитет под председательством губернского предводителя дворянства и приступить к составлению подробного проекта Положения «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян»[9]. В рескрипте были предложены и главные основания, из которых следовало исходить комитету в его занятиях: 1) за помещиком сохранялось право собственности на всю землю, но крестьянам должна быть оставлена усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени должны выкупить; сверх того подлежало предоставлению в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам для обеспечения их быта и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком количество земли, за которое они должны платить оброк или отбывать работы помещику; 2) крестьяне должны быть распределены на общества, помещикам же предоставлялась вотчинная полиция; 3) при устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть обеспечена надлежащим образом уплата государственных и земских повинностей и денежных сборов[10].

Напряженное время сельскохозяйственных работ весны и лета отодвинуло сроки создания дворянского комитета. Его открытие состоялось 25 сентября 1858 г. в зале дворянского собрания. Собравшиеся получили благословление епископа Самарского и Ставропольского Феофила, присутствовал начальник губернии К.К. Грот, председательствовал губернский предводитель дворянства А.Н. Чемодуров[11]. В комитет вошли: от Самарского уезда – предводитель дворянства, штабротмистр Александр Николаевич Осоргин и губернский секретарь Алексей Григорьевич Лопатин; от Ставропольского – коллежский асессор Иван Дмитриевич Лазарев и отставной ротмистр Александр Ипполитович Сосновский; от Бугульминского – отставной артиллерии прапорщик Дмитрий Николаевич Рычков и надворный советник Степан Петрович Шелашников; от Бугурусланского – уездный предводитель дворянства штаб-ротмистр Иван Петрович Рычков (заместитель председателя) и коллежский советник Дмитрий Алексеевич Кострицын; от Бузулукского – коллежский асессор Борис Петрович Обухов и губернский секретарь Александр Александрович Шишков; от Николаевского – уездный предводитель дворянства поручик Владимир Николаевич Осоргин и отставной капитан Дмитрий Александрович Семенов (которого заменил Андрей Сергеевич Карпов); от Новоузенского – коллежский секретарь Александр Дмитриевич Лазарев.

Поскольку губернские комитеты должны были руководствоваться принципами, изложенными в рескриптах 1858 г., правительство назначило своих представителей на правах непременных их членов. В Самару были назначены коллежский секретарь Николай Лаврентьевич Муханов и отставной коллежский советник Юрий Федорович Самарин.

Дворянский род Самариных был издавна и тесно связан с нашим краем. Как землевладельцы Самарины известны со времен Ивана Грозного. Первая запись в хозяйственном архиве Самариных о земельном дарении Троице-Сергиеву монастырю относится к 1553 г.[12] В Поволжье к ним отошла часть обширного владения боярина Ф.А. Головина[13]. Эти земли составили два имения – в Самарском и Сызранском уездах. Первое после образования Самарской губернии оказалось в ее составе. В него входили с. Спасское и прилегающие к нему сельца. Самариным принадлежали 542 двора с 2114 душами мужского пола (д. м. п.) крестьян и 61 д. м. п. дворовых. Имение было крупным: в пользовании крестьян (все – на барщине) было 18 928,5 дес. – по 8,95 дес. на душу, причем крестьянские земли были разбиты на четыре поля. В Сызранском уезде Симбирской губернии Самарины владели (вместе с Пустошкиными) селом Вязовка и деревней Озерки. Здесь на 93 двора (322 д. м. п.) приходилось 3183 дес. удобной земли, или 9,88 дес. на душу[14].

Ю.Ф. Самарин родился в 1819 г. в семье придворных вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Отец его, Федор Васильевич, имел чин шталмейстера и пользовался особым расположением царствующего дома, о чем свидетельствует тот факт, что восприемниками его первенца Юрия были сама Мария Федоровна и ее сын император Александр I. Как многие отпрыски богатых и родовитых дворянских семей, Ю.Ф. Самарин окончил курс в Московском университете по философскому факультету, после чего выступил на магистерском диспуте с диссертацией о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче.

Поступив на службу, Самарин прошел путь, схожий с началом карьеры Грота: секретарь I Департамента Сената, делопроизводитель комиссии МВД в Риге по делам городского управления. После опрометчивых «Писем из Риги», в которых Самарин нелестно отзывался о прибалтийских немцах и предлагал правительству использовать дружественные России силы латышей и эстов, против него было начато судебное преследование, закончившееся 10-дневным заключением в крепость. Император Николай I вызвал к себе молодого патриота и лично убедился в его благонамеренности, после чего Самарин служил некоторое время в канцелярии киевского генерал-губернатора Бибикова, а в 1853 г. вышел в отставку и поселился в деревне. Вскоре он становится одним из наиболее ярких публицистов славянофильского лагеря. Его сочинение об освобождении крестьян в Пруссии публикует журнал «Сельское благоустройство». Формально причиной отставки была, вероятно, смерть отца и необходимость заняться обширным и разветвленным хозяйством в имениях, но осведомленные современники писали потом, что Ю.Ф. Самарин был сослан «по козням врагов освобождения крестьян» в Самару и отдан там «под надзор губернатора»[15]. Для только что вступившего в должность К.К. Грота это была сущая находка. Он тотчас же сблизился с опальным публицистом и привлек его к разработке

крестьянского вопроса во вверенной ему губернии. Так судьба свела в Самаре двух выдающихся деятелей эпохи освобождения крестьян, что превратило губернию и дворянский комитет, здесь образованный, в явления общероссийского значения. Под влиянием Самарина губернатор Грот, по мнению П.П. Семенова-Тян-Шанского, «сделался едва ли не лучшим исполнителем царской воли изо всех губернаторов империи»[16].

Самарский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян приступил к регулярным занятиям 26 сентября 1858 г. Состав его был воспринят Самариным с энтузиазмом: по его словам, по крайней мере половина членов комитета придерживалась освобождения с достаточным наделом земли[17]. Вскоре, однако, ему пришлось испытать разочарование. Уже первое заседание показало, что комитет распадается на две неравные партии – сторонников либеральных условий освобождения и т. н. ярых крепостников. Ю.Ф. Самарин возглавил либеральное меньшинство и столкнулся с большинством комитета уже при обсуждении регламента (устава). Он настоял на том, чтобы все возражения и особые мнения представлялись в письменном виде и приобщались к журналу заседаний, благодаря чему мы имеем теперь возможность ознакомиться с этими важными документами в архиве[18].

Борьба вокруг проекта реформы в Самарском комитете обострилась до крайности. Вокруг Самарина сплотились лидеры либерального меньшинства – А.А. Шишков и Д.Н. Рычков. С последним у Самарина установились особенно теплые отношения. На заседаниях происходили бурные сцены, участники прений переходили на брань и угрозы, были подчас несдержанны, вплоть до потасовок. В связи с обсуждением важнейшего вопроса о повинностях Шелашников обвинил Самарина в стеснении помещиков[19], Самарин исходил из убеждения в том, что нельзя допустить ухудшения жизни крестьян: «Нам предстоит улучшить быт крестьян настолько, насколько это возможно без разорения помещиков»[20]. Поэтому он отвергал «принцип ренты» при составлении проекта закона о барщине и оброке, доказывал, что «улучшение хозяйственного быта крестьян предполагает непременное жертвование со стороны помещиков, а именно: облегчение в повинностях и преимущественно в обязательной работе или барщине. При этом, разумеется, само собою, что, делая уступку в повинностях, помещики должны сделать ее чистосердечно, без задней мысли вознаградить себя»[21].

Возмущенные оппоненты Самарина призвали на помощь своих сторонников из уездов. Самарин обзавелся телохранителями, несколько дней не решался выходить из дому, носил в кармане револьвер. Наконец последовали вызовы на дуэль. Друзья Самарина заявили, что тоже будут драться с его обидчиками[22]. Усмирять разбушевавшийся комитет приезжал оренбургский генерал-губернатор Н. Катенин. Некоторые его члены были вынуждены извиниться, остальные дали слово не доводить

дело до столкновений. Дуэли не состоялись, но споры продолжались на всем протяжении занятий комитета.

Долгое время отечественная историография исходила из ленинской оценки фракционной борьбы в помещичьей среде как исключительно борьбы из-за меры и формы уступок крестьянству[23]. Оценка эта не лишена оснований, но не отражает всех нюансов ожесточенной полемики тех лет, а потому неизбежно обедняет историческую реальность, загоняет ее в жесткие рамки социологической схемы. Прежде всего следует обратить внимание на то, что принципиально вопрос о необходимости освобождения от крепостной, т. е. личной, зависимости вообще не вызвал дискуссий. Считать это следствием страха дворянства перед крестьянским движением было бы большим преувеличением, ибо серьезного подъема этого движения накануне реформы не наблюдалось. Масса крестьянского люда затаила дыхание, впитывая слухи о близкой воле, и все пристальнее всматривалась в своих господ. Местные «сельские хозяева» неизбежно были консервативнее тех, кто вращался вблизи правительства, испытывая пиетет перед модными идеями, привыкая мыслить общегосударственными масштабами. В провинции практичнее смотрели на жизнь. Безоговорочно приняв необходимость выполнить царскую волю, местные помещики в своих губернских комитетах вскоре почувствовали, что за всем этим последует коренная ломка уклада жизни. Это страшило, вызывало протест, порождало резкие столкновения.

В Самарском комитете ожесточенным оказался спор Ю. Самарина с И. Рычковым о праве помещика переводить дворовых в крестьянское состояние. Самарин указывал на пагубность такого перевода, ибо между крестьянами и дворовыми разверзлась пропасть взаимного отчуждения и даже вражды: «Дворовые вообще презирают крестьян и почти всегда готовы служить орудиями помещичьего произвола, а крестьяне не терпят дворовых и называют их дармоедами и белоручками...», к тому же «нельзя в двадцать четыре часа камердинера, умеющего только чистить сапоги и подавать трубку, для которого сертук или фрак с барского плеча, чай по утрам и вечерам сделались потребностью, поворотить в пахаря»[24]. Рычков же считал дворовых вполне готовыми к крестьянствованию, так как многие из них владели усадьбами и огородами. Дворовые, по его мнению, «не только не возбуждают к себе ненависти в крестьянах и не были орудиями помещичьего произвола, а напротив, всегда пользовались и будут пользоваться полным доверием и уважением крестьян, которые привыкли при всех случаях обращаться за советами к дворовым людям...»[25]. Рычков стремился доказать, что «большая часть помещичьей дворни создавалась не по прихоти помещиков, а по необходимости в хозяйстве». Посему дворовые, взятые в свое время от сохи, будут хорошими крестьянами. Однако факты, приведенные Самариным, свидетельствовали об обратном:

по самым точным справкам, в его имении за 50 лет только два человека из дворовых взяли себе жен из деревень и только один крестьянин женил своего сына на дворовой девушке, причем последний брак оказался несчастным: женщина не смогла ужиться в крестьянском быту, и дело едва не дошло до убийства. Опыт добровольного перехода дворовых в крестьянство в самаринском имении также дал плачевные результаты. Если отвлечься от конкретно-политических и экономических разногласий, стоящих за этим спором, возникает общий вопрос – о способности к хозяйствованию на земле людей, далеких от крестьянского образа жизни. Наиболее разумные из наших предков отвечали на этот вопрос отрицательно.

Споры вокруг экономических вопросов освобождения крестьян (размера надела, суммы выкупа, условий индивидуального выкупа надельной земли и т. п.) отразили боязнь их участников допустить как урон помещичьему хозяйству, так и «язву пролетариатства» в среде крестьян. Поэтому была поддержана мысль Самарина о преимуществах пообщинного выкупа перед индивидуальным, хотя и осознавалась опасность «корпоративного духа» общины, способной противопоставить себя помещику. Консерваторы считали, что за общиной нужен глаз да глаз. «Что такое мир? – восклицал их лидер И. Рычков. – Несамостоятельная толпа, управляемая небольшим количеством влиятельных лиц богатых или буйных, и не только существующая надзором помещика, но даже понуждаемая к радению о собственном хозяйстве. Откажись помещик от этой толпы и предоставь ее самой себе, через два или три года она будет нищая, пьяная и, конечно, не только не будет иметь никакой возможности уплачивать помещику оброку, но едва ли уплатит государственные подати»[26]. Либералы славянофильского толка видели в общине один из основных устоев жизни народа и одновременно лучшую форму обеспечения его хозяйственной будущности, гарантирующую своевременное внесение выкупа за землю.

Основному принципу реформы, как его понимали прогрессивные реформаторы, должно было соответствовать и наделение крестьян землей. «Для разрешения вопроса, какое именно количество десятин может обеспечить крестьянам в различных местностях губернии (средства к существованию и к уплате податей), самое лучшее основание представляет тот порядок вещей, который существует теперь в большей части помещичьих имений», – считал Самарин[27]. Тот же принцип лежал в основе его предложения, вызвавшего удивление даже у консервативных оппонентов кажущейся жестокостью – обеспечить взыскание возможной оброчной недоимки продажей рекрутских квитанций. Но, прежде чем обвинить автора предложения в поддержке торговли людьми[28], следует вспомнить, что продажа рекрутской квитанции была предложена взамен конфискации крестьянской земли в пользу помещика. К тому же Самарин наверняка имел сведения о грядущей военной реформе

и отмене рекрутской системы, так как вел активную переписку с членами от правительства других губернских комитетов, в том числе с видным реформатором князем В.А. Черкасским (Тула) и общественным деятелем А.И. Кошелевым (Рязань). В конце декабря 1858 г. они встречались лично.

Разногласия в самарском комитете были существенными и привели к составлению двух разных проектов реформы. В деталях они мало отличались друг от друга (6 или 7 полос, на которые следовало поделить губернию для определения размера надела, 23 или 25 рублей с десятины в качестве выкупной суммы и т. п.). Но большинство (во главе с И. Рычковым) и меньшинство (во главе с Самариным) поразному смотрели на пореформенную судьбу самарской деревни. Первые ставили в центр аграрных отношений помещика, чье хозяйство представлялось им стержнем всего аграрного развития, а роль крестьянского двора считали сугубо вспомогательной. Вторые допускали самостоятельное хозяйственное значение крестьянина наряду с помещиком, т. е., по сути, были сторонниками биполярного аграрного строя. И при всех экивоках правительства (особенно после смерти руководителя Редакционных комиссий Я.И. Ростовцева) в сторону первых, победителями все же следует считать вторых, в решающий момент поддержанных императором Александром Освободителем. 4 декабря 1858 г. правительство приняло новую программу, направленную на создание общерусского проекта. 16 мая 1859 г. Самарина отозвали в столицу, где ему была предложена роль эксперта Редакционных комиссий. Ему не пришлось быть очевидцем объявления воли в своем имении, но именно из-под его пера вышел первоначальный текст Манифеста 19 февраля, правленный затем митрополитом Филаретом.

Напряжение ожидания усиливалось. 4 марта 1861 г. газета «Самарские губернские ведомости» не выдержала: «Мы теперь живем в такую эпоху: вся Россия ждет с нетерпением вести о крестьянском деле. Мы со своей стороны поспешили осведомиться о настоящем положении крестьянского вопроса и узнали из достоверного источника, что это многознаменательное для всей России дело приводится к окончанию. На это важное народное дело потребовались продолжительные ежедневные обсуждения в высших государственных установлениях. Обсуждения эти приближаются к концу, и можно надеяться, что в седьмой год царствования Александра II, в предстоящие дни молитвы и поста свершится давно ожидаемое народное событие»[29].

10 марта 1861 г. в восьмом часу утра в Самару прибыл флигель-адъютант Его Величества, будущий знаменитый генерал И.В. Гурко, имевший при себе текст Всемилостивейшего Манифеста. В тот же день на улицах и площадях были расклеены объявления о предстоящей назавтра церемонии чтения Манифеста и благодарственного молебна во всех храмах города. В субботу, 11 марта, колокола Вознесенского собо-

ра торжественным благовестом возвестили жителям Самары о великом событии. Храм был полон народу: «Народ и дворяне, граждане и чиновники находились уже во храме, служащее сословие, явившееся в мундирных кафтанах, на этот раз представляло не тот официальный элемент, который напоминает о своем присутствии в обычные торжественные дни... Прочтен Манифест, внимательно всеми выслушанный, и тотчас началась благодарственная молитва Господу за Императора Александра II и за успех великого дела»[30]. Редакция губернских ведомостей сообщила подписчикам, что она временно прекращает печатание неофициальной части газеты, так как сотрудники и вся газетная площадь будут заняты публикацией документов реформы[31]. Началась самая грандиозная со времен Петра Великого эпоха преобразований.

Весть о воле пошла гулять по губернии. Со священным трепетом встречали мужики курьеров с текстом Манифеста и Положений, охотно сопровождали их в неблизких поездках. Что услышали крестьяне с амвонов сельских храмов?

«Божиим провидением и священным законом престолонаследия быв призваны на прародительский всероссийский престол, в соответствие сему призванию мы положили в сердце своем обет обнимать нашею царскою любовию всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом».

«Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования не без уменьшения своих выгод. И доверие наше оправдалось... дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей... крепостные люди получат в свое время полные права свободных сельских обывателей... Помещики... предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий... крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временнообязанными... С приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освобождаются от обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников. Полагаемся на здравый смысл нашего народа... по закону христианскому *всякая душа* должна *повиноваться властям предержащим* (Рим. XIII, I), *воздавать всем должное,* и в особенности кому должно, *урок, дань, страх,*

честь (7)... Было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие соответствующей повинности... С надеждою ожидаем, что крепостные люди при открывающейся для них новой будущности поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта... Осени себя крестным знамением, православный народ, призови с нами Божие благословление на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»[32].

Далее следовало чтение Положений. Первые же слова Общего Положения приводили неискушенную в юридических тонкостях, но крепкую в защите своих интересов крестьянскую аудиторию в замешательство.

«Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда... Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют в постоянное пользование крестьян» земельный надел, от чего возникают *«обязательные поземельные отношения»* (мало чем отличающиеся от барщины и оброка). Избавиться от них крестьянин мог, либо заплатив выкуп за землю, либо отказавшись от надела, либо переходом в другие сословия.

Да в чем же воля? В чем улучшение крестьянского быта? В добровольном отказе от оного? От такой страшной мысли рука сама тянулась совершить крестное знамение: свят, свят, чур меня!

Дальше вроде опять хорошо сказано. Крестьяне получают право «производить свободную торговлю», «отлучаться от места жительства», «поступать на службу», «приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества» и т. д. Но главное – земля. Замысловатая выкупная операция не волнует пока так, как земля: сколько, какая, где? Вместе с другими великорусскими губерниями Самарская в составе Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского, Ставропольского и северной части Николаевского уездов была отнесена ко второй (черноземной) полосе, где в зависимости от местности устанавливался высший надел на душу от 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес. В третьей (степной) полосе, куда были отнесены Новоузенский и часть Николаевского уезда, вводился указной надел для каждой из пяти местностей. Если во второй полосе размер надела колебался от низшего до высшего (низший составлял одну треть высшего), то указной надел степной полосы был фиксированным от 6 дес. в первой местности до 12 дес. – в пятой. По добровольному соглашению помещика и крестьянина надел мог быть определен в одну четверть от высшего – так называемый дарственный надел. С момента выхода на «дар» всякая зависимость крестьянина от помещика прерывалась. Дореформенные наделы зачастую были меньше установленного максимального уровня, а поскольку по-

мещик обязан был прирезать земли лишь в том случае, когда наделы не достигали минимума, то фактически крестьяне лишались прирезки.

В 1857 г. началась подготовка реформы удельной деревни. После четырех лет строго засекреченных работ 5 марта 1861 г. вышел царский указ, но еще три года продолжалось обсуждение способов наделения землей и организации ее выкупа. Нельзя было ставить удельных крестьян в худшие, по сравнению с владельческими, условия. К тому же польское восстание 1863 г. вынудило правительство провести там принцип обязательного выкупа. Наконец решили оставить без изменений дореформенный надел, а в случае, если он не достигал максимума, делать прирезку из фонда запасной земли. Излишки, оказавшиеся у многих, было решено оставить крестьянам во временное пользование на 20 лет – «за существующую повинность». 26 июня 1863 г. император утвердил «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых, удельных»[33]. Оно предусматривало: обязательный выкуп земли крестьянами, никаких добровольных соглашений с земельным собственником (как в помещичьей деревне) – повсюду обязательные и точно установленные нормы выкупа, никаких денежных доплат Уделу, дарственных наделов и т. п. Удельное ведомство учло, таким образом, все минусы Положений 19 февраля, приведшие к отказам помещичьих крестьян подписывать уставные грамоты, выходить на выкуп, требованиям дарственного надела. Последний казался настолько привлекательным, что и удельные крестьяне требовали предоставить им 6 дес. дарственного надела. Так, крестьяне деревень Каменки и Малой Таволожки Николаевского уезда отказались платить выкупные платежи, ссылаясь на неурожаи. На их просьбы о дарственном наделе пришел отказ, ибо по указу 5 марта «дар» им не полагался[34]. Подобные просьбы поступали от крестьян сел Крестовые Городищи, Кайбель, Хрящевка, Красный Яр Ставропольского уезда и в 70-е годы, но все они остались без удовлетворения[35].

Удельная реформа предусматривалась в два этапа: в течение двух лет – введение уставных грамот (выкупных актов), затем – разверстание земель и отвод наделов. Как оказалось в ходе реализации реформы, реальный надел удельных крестьян существенно превышал установленную законом высшую норму практически во всех уездах, в Ставропольском – почти вдвое, в Новоузенском – и того более (реальный надел составлял 22 дес., а высший указной – 10[36]). Крестьяне осознали очевидные невыгоды реформы и сопротивлялись введению уставных грамот. К декабрю 1864 г. по всей губернии их было введено лишь 68 %, а реформа растянулась на десятилетия.

Последним аккордом в преобразовании быта крестьян была реформа государственной деревни. Указ 5 марта 1861 г. содержал поручение Министерству госимуществ разработать правила применения Положений 19 февраля 1861 г. к государственным крестьянам[37]. Известный

историк государственной деревни Н.М. Дружинин считал этот шаг правительства вынужденным, ибо различия в правах крестьян могли вызвать недовольство[38]. Разработка соответствующего законопроекта была задержана ожесточенными спорами в Главном комитете – об устройстве сельских состояний и в Государственном совете – о юридической природе землевладения государственных крестьян. Проект министра М.Н. Муравьева встретил возражения со стороны министра двора В.Ф. Адлерберга. Александр II утвердил мнение большинства Государственного совета, считавшего землю собственностью казны. Созданная комиссия под руководством сенатора Гана выработала общее и два местных положения, а также положение о выкупе на основе капитализации оброка из 5 % с рассрочкой платежей от 10 до 49 лет. 18 января 1866 г. царь утвердил передачу государственных крестьян в ведение уже развернутых повсюду губернских по крестьянским делам присутствий. Теперь все разряды крестьян были уравнены в управлении. Дело это завершилось к началу ноября 1866 г. В ходе него крестьяне нередко выражали благодарность чиновникам Министерства госимуществ за заботу и попечение об их нуждах. Такие благодарственные приговоры поступили в министерство от 12 волостей Бузулукского уезда[39].

24 ноября 1866 года реформа государственной деревни вступила в новую фазу. Утверждается закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»[40]. Все земли (кроме лесов), состоявшие в пользовании крестьянских обществ, передавались им во владение, но не свыше 8 дес. в малоземельных губерниях и 15 – в многоземельных. Каждой общине выдавалась владенная запись, после чего никаких прирезок на прибылые души не могло быть. Крестьяне должны были платить оброчную подать и лесной налог (если в состав надела входил лес). Получить землю в полную собственность и полностью освободиться от оброчной подати можно было единовременным взносом капитализированного оброка. Выдача владенных записей в Самарской губернии затянулась до начала 80-х гг. Оброчная подать здесь составляла 3 руб. 84 коп. с души. Крестьяне получили 33 тыс. дес. леса, размеры душевых наделов колебались от 7,2 до 15,9 дес. В южных уездах, как более многоземельных, наделы были более значительными[41]. Таким образом, в государственной деревне, в отличие от удельной, был реализован принцип крестьянской собственности, включавший лишь владение и пользование землей.

Эпоха реформ охватила все общественное здание России. На первое место по значимости для провинции должна быть поставлена земская реформа. Самарское общество имело отношение к предыстории этого славного дела благодаря записке Ю.Ф. Самарина и Л.Б. Тургенева в комиссию, руководимую министром внутренних дел П.А. Валуевым. В ней весьма осторожно излагались возможные основания земских учреждений, которые мыслились как сословные уездные и губернские

собрания в присутствии правительственных комиссаров с правом протеста. Споры в Валуевской комиссии затянулись, что вызвало раздражение императора. В ноябре 1863 г. он жестко потребовал, чтобы «дело это непременно было окончено до 1 января 1864 г.»[42].

По предложению от 12 июня 1864 г. в Самаре был создан Временный губернский комитет, начавший подготовительную работу по созданию земских органов. В его состав входили губернатор Н.П. Мансуров (председатель), губернский предводитель дворянства Б.П. Обухов, вице-губернатор С.П. Ушаков, председатель казенной палаты Н.А. Нащокин, управляющий палатой государственных имуществ И.И. Сумароков, управляющий удельной конторой П.А. Рихтер, члены губернского по крестьянским делам присутствия А.И. Сосновский и В.К. Луцкий, губернский прокурор Д.С. Синеоков-Андреевский, самарский уездный предводитель дворянства В.И. Чарыков, исправляющий дела городского головы купец Е.Н. Шихобалов. Выборы гласных показали, что земский устав не вызвал воодушевления у местных дворян. На выборы их явилось лишь 17,4 %, даже у горожан и духовенства показатель был существенно выше – 24,7 и 38,3 % соответственно[43]. «Устав о земских собраниях произвел самый ничтожный эффект», – писал из Самары сыну Д.Н. Рычков[44]. Друг и соратник Ю.Ф. Самарина по словесным баталиям в дворянском комитете сожалел об упадке роли дворянства в связи с земским законодательством. Реакция большинства помещиков на идею этого всесословного института была, вероятно, еще более негативной.

Иначе отнеслись к делу крестьяне. Они с воодушевлением восприняли идею выборов своих представителей, хотя зачастую не понимали самого замысла правительства. Характерен в этом отношении диалог, помещенный в местной газете. Крестьянин – участник земских выборов восхищается обстановкой выборов, наплывом народа. Не сумев ответить на вопрос, для какой цели выбраны гласные, он тем не менее с надеждой заключил:

« – А вот и хорошо, что мы избрали людей все хороших и умных.

– Да как вы выбирали людей хороших и умных, когда не знали, кого и куда выбираете?

– Да так, на всякий случай, думали, что авось и пригодится»[45].

Процент явившихся на выборы крестьян оказался наивысшим – 78,1 %, более того, на их долю приходилось 213 гласных из 401 по губернии, что составило 54,6 %. Дворянских же представителей было 103, или 25,8 %. В интересах последних были внесены коррективы в размер имущественного ценза: в Ставропольском уезде, где преобладали средние и мелкие имения, он был понижен с 350 до 250 дес., а в Новоузенском с его крупными крестьянско-купеческими запашками повышен до 650 дес.[46] Тем не менее Новоузенское земство оказалось самым неуправляемым из земств Самарской губернии.

Учредительное земское губернское собрание открылось 28 февраля 1865 г. в 14 часов в обширном зале дома Шелашникова на углу улиц Казанской и Воскресенской. По сообщению очевидца, «Стечение народа было огромное. По наружности собрание не отличалось официальным видом. Все были в будничных костюмах, и только председатель собрания был неизменно во фраке»[47]. Сословный состав собрания был следующим: дворян – 38, что составило 55 %, крестьян – 17 (25 %), купцов – 7 (10,5 %), священников – 4 (6 %), колонистов – 2 (3 %), чиновников – 1 (1 %). Вступительную речь произнес губернатор Н.П. Мансуров: «По приведению в действие Положения о земских учреждениях Самарская губерния, как и во многих, впрочем, делах, опередила прочие губернии. Вам выпал славный жребий начать великое дело, все взоры обращены на Самару... я горжусь вместе с вами, что сего числа открываю первое губернское земское собрание в Империи»[48]. Он объявил собрание открытым. Председательствовал губернский предводитель дворянства. Архимандрит Серапион отслужил благодарственный молебен, благословил собравшихся иконой Знамения Божьей Матери и произнес напутственное слово. Затем была принята присяга гласных, и началась работа.

Н.П. Мансуров

На первом заседании прозвучало взволнованное выступление гласного от Самарского уезда А.А. Шишкова о тревожном положении с народным продовольствием. Шишков к тому времени уже сделался известен своей гневной запиской в Самарское уездное собрание, где он уличал председателя собрания В.И. Чарыкова и губернатора в стремлении навязать свою волю собранию.

Первая сессия продлилась до 14 марта. В ходе нее прозвучали почти все вопросы, составившие затем стержень деятельности земства. В очерке земского хозяйства, написанном Б.П. Обуховым (к сожалению, утраченном), была дана максимально полная и объективная оценка положения: «Мы становимся хозяевами своего добра, но вступаем в наши владения с таким чувством, с каким богатый наследник входит в свое запущенное наследие. Все кругом ветхо, все требует обновления»[49].

Были затронуты вопросы о народном образовании и здравии, земском губернском банке и его уездных отделениях, сберегательных кассах для крестьян, об общественном призрении, ветеринарии, о натуральных повинностях и обложении, заслушаны записки Шишкова о создании специальной школы для учителей и о воскресных школах; священника Грекулова – о народном образовании и о борьбе с пьянством; доктора Укке – о необходимости участковой медицины, института повивальных бабок и оспопрививания. Специально слушался вопрос о статистике. Было решено собрать сведения о числе школ и учителей, о ходе народного образования и материальных нуждах инородных школ, о разных имуществах губернии. Таким образом, самарская земская статистика, признанная лучшей в России, начиналась со школьной и оценочной.

Исполнительным органом стала губернская земская управа. Председателем ее был избран Л.Б. Тургенев (Обухов отказался, несмотря на долгие уговоры). Членами первого состава управы стали Н.П. Янишевский, М.М. Наумов, А.И. Сосновский, Ф.Ф. Микулин, М.Н. Осыко, Н.Д. Щеткин. На баллотировку было выдвинуто несколько крестьян, но они, за исключением Осыко, отказались «за неспособностью».

Ход земской реформы в Самаре был в центре внимания правительства, ибо это был первый опыт. Б.П. Обухов направил телеграмму министру внутренних дел: «Могу удостоверить, что Самарская губерния оправдала доверие Вашего Высокопревосходительства при назначении ее ранее прочих для выполнения воли государя императора». Министр с облегчением начертил на бланке телеграммы: «Слава Богу»[50].

Первое земское собрание состоялось 28 декабря 1865 г. Губернатором к этому времени был уже Б.П. Обухов, а председателем губернского собрания после отказа исправлявшего должность губернского предводителя дворянства В.И. Чарыкова был назначен по высочайшему повелению Ю.Ф. Самарин. Так оба автора записки в Валуевскую комиссию заняли ключевые должности в Самарском земстве. Блестящий публицист, великолепный оратор и энергичный руководитель, Ю.Ф. Самарин оставил яркий след в истории Самарского земства, о чем с благодарностью писал позднее не менее достойный продолжатель его дела П.В. Алабин.

С крестьянской реформой неразрывно была связана задача преобразования судебной системы. Помещичье право вотчинной полиции от-

ходило в область предания, старая судебная система, перегруженная бумажной волокитой, разъеденная ржой коррупции, нуждалась в немедленной реформе. Поэтому работы в этом направлении начались одновременно с подготовкой отмены крепостного права. Первой ласточкой грядущей судебной реформы стало введение в 1860 г. должности судебного следователя. Инициатором этой меры был статс-секретарь Государственного совета С.И. Зарудный, специально командированный в Европу для изучения законодательства и практики Запада. Он же руководил и комиссией по выработке новых судебных уставов, утвержденных императором 20 ноября 1864 г.

В Самаре новый суд появился спустя шесть лет. По предложению министра юстиции Государственный совет постановил ввести уставы от 20 ноября 1864 г. в округе Казанской судебной палаты, в который вошли губернии Казанская, Симбирская и Самарская (без Новоузенского уезда, который в 1870 г. был отнесен к округу Саратовской судебной палаты вместе с губерниями Саратовской, Пензенской и Тамбовской[51]). Это означало, что упразднялась должность губернского прокурора и прекращалось ее финансирование.

25 ноября 1870 г. в первом часу пополудни состоялось торжественное открытие Самарского окружного суда. В присутствии губернатора и высших чиновников, представителей сословий, земства и публики документы об открытии суда, указ и приказы о назначениях зачитал старший председатель Казанской судебной палаты, тайный советник и сенатор князь М.Н. Шаховской. Он сказал речь, затем судейские чиновники принесли присягу и отстояли благодарственный молебен, который служил (ввиду болезни преосвященного Герасима) архимандрит Владимир. Торжество проходило в здании окружного суда, которое, по описанию современника, «как по наружному его виду, так и по внутреннему расположению, производит самое приятное впечатление. Зал уголовного отделения, бывший местом собрания публики, достаточно обширен, сух и хорошо освещен большими и частыми одно от другого окнами... В залы суда ведут широкие каменные лестницы с обширными площадками... По месту положения здание окружного суда занимает центр самой населенной части города, выходя главным фасадом на лучшую в городе площадь»[52]. В четыре часа пополудни в зале Дворянского дома был дан обед по подписке с участием дворян, купцов, чиновников. В качестве почетных гостей были князь М.Н. Шаховской, председатель нового суда Н.М. Окулов, первый прокурор новой формации А.А. Головинский и другие. Звучали заздравные тосты государю императору и всей августейшей семье, несколько раз по требованию собравшихся исполнялся государственный гимн...

Новый суд вызвал живейший интерес в местном обществе. На процессы ходили, как на спектакли. Особенно привлекали яркие речи адвокатов – присяжных поверенных, впервые публично заговоривших о сложном внутреннем мире человека, о личностных мотивах пре-

ступающих закон, о долге перед обществом и т. п. Первая коллегия присяжных поверенных включала десять человек – это М.М. Шошин, Л.Н. Ященко, П.А. Павловский, Е.А. Тимрот, В.С. Мамышев, В.Н. Марков, Л.О. Косинский, В.Д. Колпаков, Н.И. Каменский, С.И. Богословский.

Первое публичное разбирательство с присяжными заседателями состоялось 9 февраля 1871 г. Это было дело временноотпускного рядового К.А. Субботина, преданного суду за проживание с чужим видом на жительство. Вердикт присяжных по главному вопросу был оправдательным, по второстепенному – обвинительным, но со снисхожденьем по обстоятельствам дела. Наказание подсудимому было назначено в 4 мес. тюремного заключения либо 40 ударов розгами[53]. В первый состав суда присяжных входили представители всех сословий: крестьяне М.Я. Анисимов, Г.Т. Скороходов, Ф.М. Суворов, мещане А.Ф. Кротков, Е.М. Овсянников, Н.П. Добромыслов, купец В.М. Грошев, коллежский регистратор А.А. Розов, коллежский секретарь П.К. Попов, коллежские советники М.С. Муратов и И.С. Меридиев, действительный статский советник П.А. Рихтер. После краткого наставления священника присяжные произнесли вслед за ним: «Обещаю и клянусь всемогущим Богом пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом в том, что по делу, по которому я избран присяжным заседателем, приложу всю силу разумения моего к тщательному рассмотрению как обстоятельств, уличающих подсудимого, так и обстоятельств, его оправдывающих, и подам решительный голос согласно с тем, что увижу и услышу на суде, по сущей правде и убеждению моей совести, не оправдывая виновного и не осуждая невинного, памятуя, что я во всем этом должен дать ответ пред законом и пред Богом на страшном Суде Его. В удостоверение сего целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь». Затем, поцеловав крест, добавили: «Клянусь». П.А. Рихтер, как лютеранин, произносил присягу вслед за председателем по тому же тексту[54].

Председатель суда Н.М. Окулов, разъясняя права и обязанности присяжных, объявил им: «Вы первые избранники народа, люди земства. Власть суда есть власть немаловажная. Она передана вам державною властью и составляет собственно власть царя. Вы являете собою не самих себя, в вас сосредоточилась власть всех; будучи частью народа, вы принесли сюда его совесть, его убеждение и сотворите суд его именем... Все, что вы ни скажете, только бы нисходило оно из вашей совести, будет гласом народа, гласом Божиим. Ваш приговор есть народное правосудие»[55]. В просторном зале, вмещавшем не менее двухсот человек публики, каждое слово звучало весомо, было исполнено особого смысла и значения.

В речи защитника М.М. Шошина имелся не менее знаменательный поворот. Он указал самарским присяжным на Англию, родоначальницу суда присяжных, чье уголовное право содержит постановления «прежнего времени, которые не согласны с требованиями современного об-

щественного мнения страны». Английские присяжные, как представители общественной совести, не решаются «произнести обвинительного вердикта в том случае, когда законные последствия этого приговора не согласны с требованиями современного понятия о справедливости». Шошин пожелал самарским присяжным усвоить «указанный обычай» и был совершенно прав, ибо для русского суда проблема «авгиевых конюшен» законодательства была еще острее: действовали даже некоторые нормы Соборного уложения 1649 г. После систематизации русского права, проведенной графом М.М. Сперанским, по словам замечательного русского юриста А.Ф. Кони, это «бессвязное собрание самых разновременных постановлений, механически сливших воедино Уложение царя Алексея Михайловича, указы Петра и, как выразился в 1835 г. Государственный совет, "виды правительства", обнародованные в 1784, 1796, 1823 годах»[56].

Важные перемены произошли в городском самоуправлении. До начала 70-х годов XIX в. оно строилось на основе «Жалованной грамоты городам» Екатерины II. В 40-е гг. началась подготовительная работа по преобразованию этой сферы местного управления. В апреле 1870 г. Государственный совет на заседании департаментов Законов, Государственной экономии, Гражданских и Духовных дел рассмотрел окончательный вариант Городового положения. 16 июня 1870 г. оно было подписано императором. Городская дума обретала всесословный характер. Гласные избирались по трем куриям – по 24 человека от каждой. Право голоса было ограничено имущественным цензом, который определялся по оценочному сбору с недвижимых имуществ. Основная масса избирателей в Самаре составила третью курию – 2625 человек. В первой курии были крупнейшие купеческие фамилии, состоятельные владельцы недвижимости – 88 человек, однако они избирали равное с третьей курией число гласных. В целом же избирательные права получили всего 9 % самарцев[57]. Активность избирателей также была невысока – в 1871 г. она составила лишь 7,4 %. В других городах империи этот показатель достигал подчас 50 % и более[58].

Открытие Городской думы состоялось 3 февраля 1871 г. В Дом Самарского городского общества собрались гласные для выборов на городские должности. Перед открытием был отслужен благодарственный молебен, и гласные были приведены к присяге в соответствии со статьей 96 Городового положения 1870 г. С речью к собравшимся обратился начальник губернии, который «выразил уверенность, что избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям по нравственному и беспристрастному сознанию избирателей»[59]. Председательствовал купец I гильдии Василий Ефимович Буреев. Ему предстояло стать и первым городским головой Самары. В члены городской управы прошли по большинству голосов купец II гильдии Василий Павлович Горинов, потомственный почетный гражданин (заступающий городского голову

при его отсутствии) Федор Дмитриевич Щеткин, коллежский асессор Николай Иванович Эссен, мещанин Сергей Трофимович Колпаков[60].

Городская управа занималась вопросами транспорта, освещения, отопления, канализации, мощением улиц, набережных, тротуаров, сооружением мостов, заведовала школьным, медицинским, благотворительным делами, регулировала порядок торговли, городского кредита, занималась сбором необходимых для Думы сведений об имущественном положении подведомственных ей отраслей хозяйства. Городской голова сочетал в своей компетенции распорядительные и исполнительные функции. По росписи штата управы на 1873 г. в нем состояли: архитектор, землемер и 2 чертежника в техническом отделении, бухгалтер и два писца в денежном отделении, три столоначальника, семь писцов, регистратор, экзекутор и пять рассыльных – в хозяйственном[61].

Управа сосредоточила в своих руках всю хозяйственную часть города. Она инициировала многие постановления думы, в том числе и обязательные. Примером таких постановлений могут служить разрешение на поливку дворов и улиц только с 10 часов утра до 3 часов пополудни[62], предписание (в 1890 г.) «в предупреждение несчастных случаев от беспорядочной езды по городу» ездить только по правой стороне мостовой, а движение на верблюдах прекращать после 7 часов утра[63], о порядке торговли тушами свиней, отправляемых в другие города и в столицы (1887 г.), о запрещении торговли сеном и дровами за пределами Полицейской площади (1890 г.), о запрещении торговли спиртными напитками в праздники и выходные дни[64]. Санитарного состояния города касались постановления о содержании помойных ям и отхожих мест, о хранении скоропортящихся продуктов, о противоэпидемических мерах. Регулировалось движение обозов с хлебом, запрещалось выпускать на улицу свиней, в целях укрепления общественной нравственности воспрещались в трактирах игры в домино, бикс и горку. Много внимания уделялось благоустройству города. Домохозяева обязывались содержать и ремонтировать мостовые перед своими домами, устраивать сточные канавы, нумеровать дома и т. п.

Эпоха Великих реформ внесла в жизнь города и края значительное оживление. Оно проявилось во всем – в хозяйственно-экономическом росте городов и крупных торгово-промышленных селений, в мобильности представителей всех сословий. Но самым значительным был переворот духовный: освобождение и обретение гражданских прав огромными массами людей привели к ломке прежних стереотипов мышления и поведения, переоценке привычной системы ценностей. За переворотом обычно следует своеобразный и сложный период, в течение которого общество обретает новый уклад жизни, стабильность. В России он оказался затяжным и особенно мучительным из-за альтернативных тенденций, пронизывавших все сферы общественного бытия и общественного сознания.

§ 2. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Правительственные учреждения. Формирование и деятельность системы административного управления в Самарской губернии определялись, с одной стороны, административно-территориальным переустройством края, с другой — осуществлением Великих реформ 1860—1870-х гг.

Деятельность губернских органов управления регламентировалась целым рядом законов, которые были систематизированы в «Полном собрании законов Российской Империи» и «Своде законов Российской Империи». Основным законом, регламентировавшим устройство и деятельность губернской администрации, было «Общее Учреждение губернское»[65]. Этот важнейший документ содержал правила работы присутственных мест, генерал-губернаторов, губернаторов, губернских правлений, губернских статистических комитетов, казенных палат, городской и уездной полиции. «Общее Учреждение губернское» определяло предметы ведения местных учреждений, их внутреннее делопроизводство и порядок служебной деятельности.

Главой местной администрации являлся губернатор, в официальных документах именуемый также «хозяин губернии» или «начальник губернии». Основными направлениями деятельности губернаторов во второй половине XIX в. являлись надзорные и полицейские функции. В губерниях Средней Волги и Заволжья в 1860—1890-х гг. средний срок правления начальника губернии составлял 5—6 лет.

Структура и внутренняя организация системы местного административного управления, взаимоотношения центральной и местной власти, сложившиеся в Самарской губернии, были типичны для императорской России второй половины XIX в. Деятельность губернской администрации, определявшаяся общеимперской законодательной базой (незначительно менявшейся в XIX в.), детализировалась административными распоряжениями центральных учреждений. Центральный аппарат Министерства внутренних дел координировал и строго контролировал функционирование своих губернских учреждений. Решения по основным направлениям деятельности губернской администрации утверждались высшими и центральными органами власти. Проведение губернской администрацией масштабных мероприятий было строго предписано соответствующими циркулярами. По каждому мероприятию существовала текущая и итоговая отчетность губернаторов. Некоторые мероприятия контролировались императором через представителей его свиты или Генерального штаба на местах. Таким образом, контроль высшей и центральной администрации над местной в пореформенный период был не менее жестким, чем в предшествовавшую эпоху.

Однако губернские администрации обладали определенной самостоятельностью, а губернаторы пользовались огромной полнотой власти и могли сами искать пути исполнения тех или иных законов и предписаний[66].

Властные полномочия губернатора были обширны, поэтому многое в жизни региона зависело от его личности, убеждений, человеческих качеств и стиля работы. Так, уже упоминавшийся на страницах данного исследования К.К. Грот, занимавший пост самарского губернатора накануне эпохи Великих реформ (1853–1861 гг.), за время своей работы на этом посту закончил формирование аппарата управления губернией, начатое первым самарским губернатором С.Г. Волховским, бескомпромиссно боролся с коррупцией в среде губернского и уездного чиновничества. Для незаинтересованности чиновников во взятках он сумел значительно повысить им зарплату, при этом приглашал на службу в губернский аппарат молодых деятельных людей, в том числе выпускников Харьковского и Казанского университетов.

К.К. Грот также активно содействовал переселению немцев-меннонитов, осваивавших малонаселенные земли юга губернии[67]. Деятельность Грота по достоинству оценена самарцами: в 1864 г. он первым получил звание почетного гражданина Самары, его именем были названы три стипендии в Самарской учительской семинарии и стипендия в реальном училище имени Александра I.

Создание в ходе Великих реформ органов всесословного самоуправления, наделенных широкими полномочиями, предполагало в то же время планомерное усиление власти губернатора и подчиненных ему учреждений. Значительно усложнились задачи начальника губернии по надзору за хозяйственной деятельностью, просвещением, органами общественного самоуправления. Особенно актуально это было в условиях общественного подъема 1860-х гг. Губернатор получил право ревизовать все гражданские учреждения губернии независимо от их ведомственной принадлежности, объявлять «обязательные постановления», запрещающие издание газет и журналов, проведение собраний и т. п., просматривать списки лиц, рекомендуемых в мировые судьи, списки присяжных заседателей[68].

Для контроля над сословными крестьянскими учреждениями и органами земского и городского самоуправления под председательством самарского губернатора были созданы особые присутствия: губернское по крестьянским делам, губернское по городским делам, губернское по земским делам (позднее – губернское по земским и городским делам), губернское о земских повинностях.

Иногда между губернатором и органами общественного управления происходили острые конфликты, в ходе которых последним удавалось доказать свою правоту. Так, в декабре 1872 г. самарским губернатором был назначен Федор Дмитриевич Климов. Кадровый военный Климов,

имевший опыт подавления польского восстания 1863 г., был призван для «наведения порядка» в Самарской губернии после либерального правления губернатора Г.С. Аксакова[69]. Довольно скоро начались столкновения губернатора с учреждениями городского и земского самоуправления. Так, губернатор потребовал от городских властей срочного ремонта дорог к кумысолечебницам Н. Постникова и Е. Аннаева ввиду скорого визита министра внутренних дел[70]. В ответ большинством голосов Самарская городская дума решительно отвергла требование губернатора. По предложению последнего дело было передано в присутствие по городским делам, которое выступило на стороне губернатора, а в дальнейшем разбирательство по делу было передано в Сенат, который только в 1876 г. подтвердил правоту городской думы. Ф.Д. Климов продолжал жестко выстраивать отношения с городской общественностью. В январе 1874 г. губернатор предписал думе резко увеличить штат городской полиции: с 68 до 120 человек. Дума в целом признала необходимость расширения штата, но гласные выразили мнение, что бюджет 1874 г. уже сверстан и город не может содержать дополнительный штат. В мае 1874 г. городской думе было предписано исправить мосты и дороги к открывающимся кумысолечебницам на Барбошиной поляне, в случае отказа губернатор обещал привлечь думу к суду[71]. В конце 1874 г. конфликту Ф.Д. Климова и самарского городского общества был положен конец. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев понял, что Климову так и не удастся установить нормальные отношения с губернским обществом, и в 1875 г. отправил губернатора в отставку[72]. Таким образом, общественное самоуправление активно отстаивало свою правоту, не торопясь слепо исполнять требования губернской администрации.

Полномочия губернаторов были дополнительно усилены во время политического кризиса 1879–1881 гг. Изданное в 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» давало губернатору чрезвычайные полномочия для «водворения полного спокойствия и искоренения крамолы»[73].

Основными подчиненными самарскому губернатору учреждениями являлись канцелярия губернатора и губернское правление, кроме того, губернатор возглавлял до полутора десятков различных совещательных учреждений губернии: присутствий, комитетов, комиссий. Самостоятельно охватить весь круг вопросов он не мог и передавал большую часть дел канцелярии, концентрируя внимание на наиболее сложных проблемах[74]. Предметами ведения канцелярии губернатора и губернского правления было большинство вопросов местного управления. Канцелярия губернатора вела переписку по делам, которым губернатор уделял наибольшее внимание (секретным, безотлагательным), губернское же правление – по делам, разбираемым обычным порядком[75].

Главной опорой власти губернатора являлась губернаторская канцелярия, которая осуществляла функцию организации его деятельности. В штат канцелярии самарского губернатора на 1869 г. входили: правитель канцелярии, 2 старших и 2 младших помощника, регистратор, 2 чиновника особых поручений. Кроме семи штатных чиновников нанималось до 8 человек переписчиков и 2 сторожа (вне штата)[76]. Канцелярия всегда располагалась в здании резиденции губернатора. Важнейшее значение в канцелярии и в целом в системе губернского управления играл правитель канцелярии. По оценкам современников, именно правитель канцелярии был правой рукой губернатора, он осуществлял предварительную сортировку всей массы документации, поступавшей на имя губернатора, и вырабатывал возможные способы решения вопросов. Каждый рабочий день губернатора начинался с часового доклада правителя. Оклад правителя канцелярии (как правило, чиновника VII–VIII класса службы) составлял 735 р. в год, кроме того, выплачивались «столовые» – 735 р. С разными «праздничными» надбавками и премиями ежегодное жалование доходило до 2 тыс. рублей, что относило правителя канцелярии к категории наиболее высокооплачиваемых губернских служащих[77].

Канцелярии губернатора были самыми привилегированными и престижными провинциальными учреждениями. Внутренняя структура канцелярий в губерниях различалась, но типичным было внутреннее деление этого учреждения на 3–4 стола. По первому столу чаще всего проходили дела, преимущественно относящиеся к организации работы самой канцелярии: все кадровые вопросы, ведомости жалования, финансовые сметы, представления к наградам и т. д. Этот стол отвечал за все отчеты перед столицей, в том числе здесь готовились губернаторские отчеты императору, ведомости о количестве и виде преступлений по губернии и т. д. Первый стол решал дела, связанные с пребыванием иностранцев в России, выдачей заграничных паспортов, разрешений на жительство, документов для перемещения через границу империи. Второй стол канцелярии отвечал за текущее, очень интенсивное общение с центральным аппаратом Министерства внутренних дел. В этот стол поступал ежедневный «поток» циркуляров и распоряжений министерства, который затем распределялся по остальным административным инстанциям губернии. В него поступали и им рассматривались ходатайства и прошения на высочайшее имя, на имя министра или самого губернатора. Второй стол контролировал учреждение и деятельность десятков различных «обществ», столь популярных в то время (охоты, велосипедное, сельскохозяйственное общество, библиотеки-читальни и т. д.). Здесь же решались все вопросы, связанные с дворянскими выборами, велась «книга телеграмм губернатора», собирались так называемые «справочные цены». Третий стол отвечал за дела политического и религиозного характера – гласное и негласное наблюдение, сведения

о политической благонадежности, дела о раскольниках и старообрядцах, разрешения поступать на определенные должности и т. д. Четвертый стол выделился позже остальных; он контролировал и анализировал развитие сельского хозяйства губернии, собирал сведения о деятельности земств и городского самоуправления[78].

Кроме канцелярии в подчинении самарского губернатора были административно-полицейские органы: губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, уездная и городская полиция, рекрутское присутствие и другие учреждения.

Самарское губернское правление было основным административным учреждением губернии. Оно состояло из присутствия, где рассматривались и решались дела, и канцелярии. Губернское правление являлось учреждением, от имени Императорского Величества управлявшим всей губернией и подчинявшимся непосредственно Сенату. В обязанности правления входило общее управление губернией, а также доведение до сведения подчиненных учреждений законов и распоряжений правительства и наблюдение за их исполнением.

В Самарской губернии губернское правление учредили еще в декабре 1850 г., отнеся ко второму разряду по штатам 2 января 1845 г., с ежегодным содержанием в 27 471 руб. Поначалу штат укомплектовали за счет местных чиновников иных учреждений, привлекли отставников из других губерний. Губернское правление состояло из канцелярии правления и общего присутствия. Канцелярия включала четыре отделения, каждое из которых подразделялось на три стола. Первое отделение, ведавшее обнародованием новых законов, наблюдало за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, собирало сведения по административным, полицейским, финансовым вопросам, заведовало штатом чиновников, архивом, типографией «Самарских губернских ведомостей» и газетным столом. В его компетенции находились также расходы на содержание канцелярии самарского губернского прокурора, надзор за делопроизводством в уездах и т. д.[79] Второе отделение занималось делами «охраны порядка» в губернии, третье – местным судопроизводством, четвертое – финансово-хозяйственными вопросами. Кадровый состав губернских органов управления формировался очень медленно, многие должности советников, столоначальников оказывались вакантными по несколько месяцев[80]. Вместе с тем администрацию уездов буквально захлестнул поток дел, передававшихся из других губерний.

Во второй половине XIX века серьезные изменения претерпели местные административные учреждения сферы социального обеспечения. Вместо губернских врачебных управ в составе губернских правлений были образованы врачебные отделения, как правило, состоявшие из губернского врачебного инспектора, его помощника, фармацевта-провизора, двух губернских ветеринаров, делопроизводителей. В губерниях

действовали губернские попечительства о детских приютах, возглавляемые губернатором.

В 1850 г. в рамках мероприятий по созданию Самарской губернии была образована Казенная палата. В подчинении этого учреждения, подведомственного Министерству финансов, находились губернское и уездные казначейства. Также была создана палата государственных имуществ, в ведение которой поступили казенные земли, управлявшиеся ранее Саратовской, Симбирской и Оренбургской палатами. Хозяйственное отделение палаты занималось управлением государственными крестьянами. Имелись также оброчно-межевое, контрольное и лесное отделения. На местах дела государственных имуществ велись окружными начальниками. В Самарской губернии они были во всех уездах, кроме Самарского и Ставропольского.

Финансовые реформы конца 1850–1860-х гг. включали в себя и преобразование местных финансовых учреждений. Основным финансовым учреждением в губерниях в данный период становится Казенная палата, которая отвечала за прямые (окладные) налоги; сбор косвенных налогов был поручен губернскому акцизному управлению[81]. Кроме того, начали действовать новые финансовые учреждения – присутствия по различным видам налогов: промысловому, квартирному, подоходному, с недвижимых имуществ. Контрольные функции были возложены на Контрольную палату. В 1885 г. в губерниях была введена должность податных инспекторов и образованы губернское и уездные податные присутствия. В этот же период были созданы губернские и уездные по питейным делам присутствия, контролирующие деятельность питейных заведений.

В 1851 г. в Самаре на основе уездного рекрутского присутствия возникло губернское. Оно существовало при Казенной палате и состояло из губернатора (председатель), председателя Казенной палаты и советника ее ревизского отделения, а также уездного предводителя дворянства, батальонного командира и инспектора врачебной управы[82]. Подобным образом данное учреждение функционировало и в соседних губерниях.

В 1854 г. в Самаре открылся губернский статистический комитет. В него входили руководители высших губернских органов управления. Первым его начинанием стало составление атласа Самарской губернии, к сожалению, неизданного. Лишь в 1860 г. губернский землемер Н.П. Шахларев составил «описание (дач) к карте Самарской губернии», отпечатанное губернской типографией.

При создании Самарской губернии в 1851 г. были сформированы и действовали до 1864 г. следующие учреждения судебной власти: губернская палата уголовного суда, палаты гражданского и совестного суда. Первым председателем палаты уголовного суда был назначен статский советник Похвалинский, а его товарищем, то есть заместителем, –

статский советник Сырнев[83]. Гражданскую палату возглавил статский советник Билибин (товарищ – коллежский секретарь Геркен). Первыми делами гражданской палаты стали тяжбы самарской мещанки Маткиной и казаков Зориных о сенокосных угодьях, графа Орлова-Давыдова с поручицей Москвитиной о спорных рыбных ловлях, оформление документов на покупку земли купцом 2-й гильдии Шихобаловым и др. Совестный суд избирался и состоял из судьи и 6 заседателей. Его задачей было примирение сторон. В 1851 г. судьей был избран Дейнеке, но уже в следующем году совестные суды упразднили по всей империи. В губернии действовали сословные суды ратуш и магистратов[84].

Губернская администрация во второй половине XIX в., сохраняя традиционное устройство, в то же время претерпевала определенные изменения. С одной стороны, в губерниях укреплялось единоначалие, с другой – не исчезала и коллегиальность управления. Принцип коллегиальности сохранялся в деятельности многочисленных присутствий – по крестьянскому делу, земским повинностям, городскому хозяйству, воинской повинности, – имеющих межведомственный характер функционирования. Кроме того, во второй половине XIX в. увеличивалось количество губернских учреждений и численность их служащих. Если в 1869 г. общее число губернских учреждений в Самарской губернии составляло 29, а в Симбирской губернии – 20, то к 1891 г. администрация Самарской губернии состояла из 34 учреждений, Симбирской – из 36[85].

Личный состав чиновничества самарских губернских учреждений формировался по традиционным правилам. Предпочтение при приеме на службу оказывалось потомственным дворянам, имевшим недвижимую земельную собственность. Однако с конца 1860-х гг. в составе губернских правлений, казенных палат, акцизных управлений, палат государственных имуществ стали служить сыновья обер-офицеров, чиновников, потомственных почетных граждан, получивших высшее и среднее образование. Процент их в составе губернских администраций в целом остался незначительным. Непрерывный служебный стаж отмечался знаками отличия «беспорочной службы», особые заслуги при этом – орденами Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира. Основанием для признания служебной безупречности считалась политическая и нравственная благонадежность служащих.

Служащие самарских губернских органов управления, занимавшие относительно высокие должности, особенно по ведомству Министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ, получали высокое денежное содержание: губернаторы – до 6 тыс. руб. в год, управляющие губернскими органами – до 4,5 тыс. руб. в год. Губернаторы имели самые высокие чины в губернской администрации: действительного статского или тайного советника. Такие же чины иногда получали и губернские предводители дворянства. Чины давались за выслугу лет, но для чинов действительного статского и тайного

советников выслуга лет не устанавливалась: производство в эти чины зависело от воли императора, который и назначал губернаторов на эту должность[86].

Важнейшим инструментом осуществления правительственной власти в регионе были учреждения губернской и уездной полиции. Полиция была не только правоохранительным органом, но и системой учреждений, осуществлявших акты гражданского состояния податного населения губернии.

Штаты самарской полиции были утверждены указом Николая I от 16 октября 1841 г.; по II разряду – согласно «Общему наказу земской полиции» (1837 г.). До 1851 г. самарская полицейская команда состояла из 77 человек, в том числе трех унтер-офицеров, 34 полицейских служителей и будочников, 14 канцелярских работников, а также пожарной команды из 25 человек и одного брандмейстера. Город был разделен на две части. Управление частями и кварталами находилось в заведовании частных приставов и квартальных надзирателей[87].

В 1851 г., после создания Самарской губернии, штаты полиции были увеличены до 192 человек, возросли и оклады годового содержания полицейских. Официальным главой полиции губернии являлся губернатор, которому напрямую подчинялись полицмейстер и уездные исправники (начальники полиции в городах и уездах соответственно). Губернатор имел право делать распоряжения по ведомству полиции и контролировать ее деятельность. Ревизией самарской городской полиции и отдельных ее частей занимался вице-губернатор. Окончательно устройство полиции в регионе было закреплено «Временными правилами от 25 декабря 1862 г. об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»[88] и до 1899 г. не менялось. Город Самара стал делиться уже на три полицейские части во главе с частными приставами. Каждая из частей делилась на два полицейских участка (по 3–4 тыс. чел. населения) во главе с приставами. В участке числились два помощника, прикомандированный офицер и письмоводитель.

В 1899 г. в связи с стремительным ростом городского населения численность самарской городской полиции была увеличена на 125 чел. Расширение площади городской застройки, появление новых кварталов потребовало создания 4-й полицейской части, которая начала работать с 1 июня 1899 г.[89] В августе 1909 г. в Самаре был сформирован отряд конно-полицейской стражи, которая могла быть использована для подавления беспорядков в том или ином уезде губернии.

Уездная полиция представляла собой уездные полицейские управления во главе с исправником, назначаемым губернатором из местных дворян, и помощником исправника. Основой единицей полицейского деления сельской местности являлись станы, в среднем уезды делились на 5–6 станов (примерно по 40 тысяч жителей)[90]. Каждым из станов

руководил становой пристав, подчинявшийся уездному исправнику. Всего в начале XX века в Самарской губернии насчитывалось 34 становых пристава.

В связи с активизацией революционного движения указом Александра II от 9 июня 1878 г. в подчинении станового пристава учреждалась должность полицейского урядника. По замыслу Министерства внутренних дел, в уездах образовывался дополнительный уровень полицейской власти, а именно, урядник должен был стать надежной опорой для становых приставов и в то же время – непосредственным начальником для низшей сельской полиции (сотских и десятских).

Урядники становились ближайшими помощниками становых приставов, главными их исполнительными чиновниками. В свою очередь, урядники стали прямыми начальниками над выборными из крестьянской среды десятскими и сотскими. Кроме выборной сельской полиции уряднику должны были оказывать всяческое содействие волостные старшины и сельские старосты, но в крестьянское самоуправление урядник вмешиваться не мог. Каждый из урядников получал в заведование в границах стана уряднический участок, в пределах которого он обязан был проживать и совершать регулярные объезды его территории[91].

Рассмотрим социальный состав урядников первого набора в губерниях Среднего Поволжья. В Саратовской губернии было всего 97 урядников, из них: дворяне – 5, из духовного звания – 10, почетные граждане – 2, мещане – 16, крестьяне – 54. В Самарской губернии – всего 120 урядников, из них: дворяне – 6, из духовного звания – 11, мещане – 8, крестьяне – 87[92]. Введение должности урядника существенно укрепило полицейскую власть в уездах, однако распространенной проблемой являлось низкое качество кадров полицейских урядников.

Не менее важной сферой государственного строительства в регионе являлось формирование структур внутренней безопасности. После покушения Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на Александра II был реформирован местный аппарат III Отделения Е. И. В. канцелярии. 19 сентября 1867 г. в губерниях были учреждены губернские жандармские управления (ГЖУ), которым был поручен широкий круг вопросов внутренней безопасности государства: борьба с революционным движением, наблюдение за «благонадежностью» жителей губернии, выявление крестьянских и религиозных движений и др. Каждое ГЖУ располагало обширной картотекой «неблагонадежных» лиц.

История политического розыска в Самарской губернии ведет свое начало с 8 января 1851 г., когда в Самару из столицы для ведения политического сыска был послан «летучий» жандармский отряд из 7 человек. В 1867 г. в связи с реорганизацией корпуса жандармов Самарская губернская жандармская команда была переименована в Самарское губернское жандармское управление (СГЖУ), а губернский штаб-офицер М.В. Сердюков стал именоваться начальником СГЖУ. В штат СГЖУ

входили: начальник, 5 помощников начальника, к каждому из которых было прикреплено пять-десять унтер-офицеров, адъютант, шесть-семь унтер-офицеров, секретарь и два писаря. Также при ГЖУ постоянно находилось одно или несколько лиц прокурорского надзора, которые наблюдали за ходом и направлением всех политических дел. В СГЖУ традиционно назначались помощники начальника ГЖУ для работы в следующих уездах: Самарском, Бугурусланском, Бугульминском, Ставропольском, Бузулукском, Николаевском и Новоузенском[93].

В 1889 г. в системе местного административного управления региона появилось значительное нововведение – была учреждена должность земского участкового начальника. «Положение о земских участковых начальниках» было обнародовано 12 июля 1889 г., всего в России было сформировано 2200 земских участков (в среднем 4–5 на уезд), при этом в состав участков не входили города. В границах своего участка земский начальник обладал обширной административной и судебной властью[94].

На территории Самарской губернии было образовано 79 земских участков: на территории Самарского уезда – 10 участков, Бугульминского уезда – 9 участков, Бугурусланского уезда – 13 участков, Бузулукского уезда – 14 участков, Николаевского уезда – 12 участков, Новоузенского уезда – 12 участков, Ставропольского уезда – 10 участков[95]. Количество участков находилось в прямой зависимости от размеров уезда и плотности проживающего в нем населения. Среднее число участков на уезд составляло 10–12, значительно превышая среднероссийский показатель.

В 1890 г. самарским губернатором А.Д. Свербеевым был создан Временный губернский комитет, который развернул деятельность по отбору кандидатур для назначения на должность земских начальников[96]. К сожалению, местное дворянство не проявило большого интереса к учрежденной должности. Так, на места начальников десяти земских участков Самарского уезда первоначально было подано только 5 прошений[97]. Во многом это объяснялось довольно высокими требованиями к кандидатам и традиционно незначительным интересом местного дворянства к административной деятельности.

Согласно букве закона, земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом, иметь высшее образование, трехлетний стаж работы в должности мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур мог избираться местный потомственный дворянин со средним или начальным образованием, служивший ранее в военных или гражданских должностях, независимо от стажа, но имущественный ценз для него повышался вдвое[98]. При этом список кандидатов должен был быть одобрен предводителем дворянства, губернато-

ром, затем министром внутренних дел. Анализ формулярных списков земских участковых начальников Самарской и Саратовской губерний позволяет сделать следующие выводы: среднее время пребывания в должности составляло примерно 7–9 лет, среднее время руководства отдельным участком – 3–5 лет (как правило, достаточно часто практиковался перевод начальников на соседние участки)[99].

Предметом ведения земских участковых начальников был надзор и контроль над деятельностью крестьянских учреждений, всесторонняя опека не только крестьян, но и всего податного населения, жившего в сельской местности. Прерогативы земского начальника при осуществлении административных и судебно-полицейских функций были очень широки. Он мог подвергнуть крестьян телесному наказанию, аресту до 3 дней, штрафу до 6 рублей, отстранить от должности членов крестьянских учреждений, отменить постановления сельского и волостного сходов, даже навязать им свое решение. Земские участковые начальники были обязаны рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов, более того – им предоставлялись заранее списки дел, назначенных на рассмотрение волостным сходом. Приговоры волостных и сельских сходов могли быть предоставлены земским участковым начальником в уездный съезд на рассмотрение, если, на его взгляд, они не нарушали закон. Волостные суды отныне назначались земским начальником из предлагаемых сельским обществом кандидатов. Земский начальник мог отменить постановление волостного суда и отстранить судью. Решения земского начальника считались окончательными[100]. Таким образом, создание института земских участковых начальников следует считать типичным воплощением политики государственного патернализма эпохи Александра III, распространенной на крестьянство.

Городское самоуправление. Серьезные изменения системы местного управления в губерниях юго-востока произошли в ходе реализации реформ 1860–1870-х гг., кардинально изменивших социально-экономический и политический облик России. В результате земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. была создана система выборного местного самоуправления, обеспечившая развитие городской и губернской инфраструктуры, здравоохранения и народного образования.

Городская реформа 1870 г. кардинально трансформировала систему общественного управления в городах. В Самаре, в силу специфики ее истории, эта трансформация проходила поэтапно. С 1851 г., став губернским городом, Самара получила городское самоуправление, основанное на «Жалованной грамоте городам» 1785 г., главными элементами которого являлись городское собрание, общая дума и шестигласная дума. При этом екатерининская система управления городами остро нуждалась в совершенствовании. С падением крепостного права население городов росло быстрее, пополняясь раскрепощенным кресть-

янством; деревни быстро втягивались в круг более оживленных экономических отношений, а города незаметно превращались в самодовлеющие экономические центры. И рост населения, и новый состав городского общества, и оживление экономической жизни города ставили на очередь реформу городского управления. В этой ситуации самодержавное правительство, заинтересованное в поднятии культурного уровня жителей города, в расширении городского хозяйства и пределов ведения местного самоуправления, начинает готовить городскую реформу.

Согласно Городовому положению 1870 г., общегородские сословные органы упразднялись, вместо них были созданы всесословные органы местного самоуправления. Другое важное преобразование заключалось в разграничении обязанностей исполнительного и распорядительного органов: распорядительные функции теперь возлагались уже не на все городское общество, а на его представительный орган – думу. Число членов думы – гласных – было довольно значительным, в зависимости от численности избирателей в городе. В Самаре, например, было 72 гласных городской думы. Из своего состава дума избирала исполнительный орган общественного управления – городскую управу[101].

Здание городской управы. Из фондов ЦГАСО

Избирательное право базировалось на имущественном цензе. Право участия в выборах независимо от сословной принадлежности получали владельцы недвижимой собственности, облагаемой налогом в пользу города, а также лица, уплачивающие определенные торгово-промышленные сборы. Большим недостатком принятого Городового положения явилось то, что представители образованной части населения

(инженеры, врачи, преподаватели, чиновники) оказались фактически лишенными избирательного права, так как в основном они не имели собственных домов, а снимали квартиры. П.В. Алабин с горечью отмечал, что «лица, занимающиеся свободными профессиями или имеющие диплом на ученую степень, лица, которые, несомненно, могли бы принести городу действительную пользу своим участием в его делах, потому только, что не имеют имущественного ценза, лишаются права голоса в городских делах»[102].

Рассмотрим введение Городового положения в губерниях Среднего Поволжья. В Самарской губернии проведение реформы контролировал губернатор Григорий Сергеевич Аксаков. Он являлся видным администратором и внес весомый вклад в проведение городской реформы в Самарской губернии. В нескольких словах следует дать оценку личности Аксакова и его административных способностей. Он происходил из известного в России дворянского рода Аксаковых. Отцом его был писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, а братья – Константин и Иван – являлись идеологами славянофильства и яркими общественными деятелями. Очерк Г.С. Аксакова «О самоуправлении», написанный в 1869 г., точно описывает его административную позицию, отношение к реформам и местному самоуправлению. Накануне введения Городового положения Г.С. Аксаков видел роль губернской администрации исключительно в содействии местному самоуправлению и его опеке. Он допускал вмешательство власти в местные дела только на первых порах, а главной задачей администрации считал устранение препятствий к проведению реформы[103]. В целом взгляды Г.С. Аксакова были либеральными, что благоприятствовало проведению реформы местного самоуправления во вверенной ему губернии.

В июле 1870 г. губернатор получил текст Городового положения вместе с указом Правительствующего Сената о проведении реформы. 29 июля Аксаков предложил городской думе старого созыва, действовавшей еще на основе «Жалованной грамоты городам» Екатерины II, приступить к составлению списков избирателей в городскую думу нового образца. Список был подготовлен думой и утвержден губернатором 1 августа 1870 г., он включал 88 избирателей I разряда, 342 избирателя II разряда и 2686 избирателей III разряда. Сами выборы гласных городской думы состоялись в январе 1871 г.[104] По воспоминаниям видного общественного деятеля Петра Владимировича Алабина, горожане проявили «равнодушие... к общественным делам»[105], в основной своей массе не явившись на выборы. В думу вошли 72 человека, из них 57 человек были купцами и только 9 человек представляли дворянство и чиновничество. Невысокий интерес к выборам можно объяснить крайне низкой общественной активностью провинциального населения (в массе своей малообразованного) и скудной информацией о принципах нового городского устройства. Эти факторы предопределили преобладание купече-

ства в избранной городской думе. В январе 1871 г. сведения об избранных гласных и баллотировочные списки были одобрены губернатором и отправлены на утверждение Министерства внутренних дел.

Первое заседание Самарской городской думы состоялось 3 февраля 1871 г., на нем присутствовал губернатор Г.С. Аксаков как главный ответственный за проведение городской реформы в Самарской губернии. Заседание началось с приветственного слова губернатора, в котором он выразил уверенность, что «избрание в должности городского общественного управления падет на лиц, вполне отвечающих требуемым для этого условиям, по нравственному и беспристрастному собранию избирателей»[106].

Самарская городская дума являлась распорядительным органом, Самарская городская управа исполняла постановления городской думы. На городскую управу возлагались административно-хозяйственные функции на территории города. Самарская городская управа, учрежденная на основе Городового положения 1870 г., занималась широким кругов вопросов в сфере городского хозяйства и благоустройства, финансов, народного образования, культуры, медицины, инфраструктурного развития, контролировала торговлю и санитарное состояние города. Кроме того, управа собирала нужные для думы сведения и исполняла ее определения, обязана была вести тщательный инвентарный учет всего городского имущества, составляла проекты городских смет, взимала и расходовала городские сборы, с разрешения думы определяла правила и сроки отчетности, сама представляла думе отчеты о своей деятельности, о денежных оборотах по городским суммам, о состоянии подведомственных ей частей, заведений и имуществ. Важным направлением деятельности выступало хозяйственное обеспечение правительственных учреждений. Правила, относящиеся к внутреннему распорядку в управе, перечень дел, подлежащих коллегиальному обсуждению, устанавливались инструкциями думы. Городской голова избирался городской думой и возглавлял как думу, так и управу. Городскому голове принадлежал общий надзор за правильным течением дел в управе и подведомственных ей учреждениях (пожарных частях, отделении главного архитектора и т. п.)[107]. Структура Самарской городской управы была довольно сложной и неоднократно изменялась: переименовывались, объединялись, разъединялись отделы и столы, создавались различные временные комиссии. Структура Самарской городской управы на 1873 г. состояла из трех отделений: технического, денежного и хозяйственного[108].

В целом реформа способствовала активному развитию экономической и социокультурной сфер Самары. Наиболее заметна была деятельность новых учреждений городского самоуправления в инфраструктурном развитии города и его благоустройстве. В конце XIX в. в Самаре начались планомерное мощение улиц, ремонт тротуаров, в 1876 г. появилось керосиновое уличное освещение, в 1886 г. был открыт водо-

провод (протяженностью на момент постройки – 27,5 км), строившийся в том числе как эффективное средство борьбы с пожарами. В начале 1890-х гг. городскими властями проводились масштабные работы по строительству бухты на реке Самаре для стоянки и зимовки судов, в 1895 г. была построена конно-железная дорога. Не менее активной была деятельность городских учреждений в сфере народного образования, медицины, культуры[109].

Городская реформа 1870 г. предоставила учреждениям городского самоуправления возможность деятельно контролировать и направлять хозяйственное развитие города. В развитии Самары конца XIX в. большую роль играли обязательные постановления Самарской городской думы, внесшие давно необходимую регламентацию в вопросы городского благоустройства, правила проезда по улицам города, городскую торговлю продовольствием, сеном, дровами. Несомненную пользу городским нравам оказали обязательные постановления о запрете продажи спиртных напитков в праздничные и выходные дни и о запрете азартных игр в трактирах[110]. Ряд обязательных постановлений устанавливали домохозяевам правила содержания и ремонта своих строений, включая поддержание чистоты отхожих мест, сточных канав, мостовых.

Можно сделать вывод, что реформа городского самоуправления 1870 г. имела ярко выраженное прогрессивное значение для развития российских городов. На примере Самары видно возрастание доходов городского бюджета, активное развитие городской инфраструктуры в конце XIX в. Городское самоуправление было относительно свободно в своей деятельности, губернские власти лишь в исключительных, довольно редких случаях позволяли себе вмешаться в городские дела[111].

Городская реформа 1870 г. в Самарском регионе была встречена обществом благоприятно, на новые городские думы и управы возлагались большие надежды. Во многом эти надежды оправдались: в 1870–1880-е гг. города региона активно росли и благоустраивались, увеличивались городские бюджеты, местное население в лице гласных городских дум имело реальную возможность самостоятельно, при минимальном участии губернской администрации, решать вопросы местной хозяйственной жизни.

Таким образом, взаимоотношения губернской администрации и органов местного самоуправления нельзя охарактеризовать однозначно. В большинстве случаев мы видим примеры плодотворного сотрудничества губернской администрации и городских дум, при этом многое зависело от позиции губернатора по вопросу самостоятельности учреждений самоуправления. В любом случае закон предоставлял органам самоуправления возможность доказать свою правоту в присутствии по городским и земским делам и Правительствующем Сенате, поэтому городские думы не затруднялись отклонять «нецелесообразные», на их взгляд, предложения губернаторов. Важнейшими направлениями со-

вместной деятельности губернской администрации и городского самоуправления являлись забота о здравоохранении и санитарии, моральном облике горожан, защита города от пожаров, наблюдение за порядком и безопасностью. В большинстве случаев губернские власти направляли и координировали деятельность городского общественного управления, предлагали свои варианты выхода из сложных ситуаций, иногда требовали от городских дум более активных действий.

Городские головы Самары: купцы, дворяне и другие. Значительную роль в деятельности органов местного управления сыграли неординарные личности, которые занимали в этот период должность городского головы. Их личностные особенности оказывали разностороннее влияние на развитие Самары.

Купец 1-й гильдии Василий Ефимович Буреев в 1858–1861 и 1864–1866 гг. находился на выборной должности городского головы г. Самары. В 1870 г. в третий раз был избран Самарским городским обществом на должность городского головы, а в 1871 г. переизбран на ту же должность на 4 года в связи с введением Городового положения. В.Е. Буреев занимался торговлей, сельскохозяйственным и промышленным производством, предоставлением недвижимости в аренду. В 1852 г. Василий Ефимович получил звание директора Самарского губернского попечительного о тюрьмах комитета, при котором в 1852–1859 гг. исполнял также обязанности казначея[112].

Выпускник юридического факультета Казанского университета Ефим Тимофеевич Кожевников занимал должность городского головы два срока с 1875 по 1881 г. В это время в Самаре были открыты среднее техническое железнодорожное училище и реальное училище. Кожевников принимал деятельное участие в организации сбора средств для восставшего болгарского народа, возглавил делегацию, которая 6 мая 1878 г. вручила в г. Плоешти Самарское знамя болгарским ополченцам[113].

В 1883 г. на должность городского головы был избран купец 1-й гильдии, мукомол и хлеботорговец Петр Семенович Субботин. Он был владельцем пяти буксирных пароходов для перевозки хлеба, совладельцем механического завода «Бенке и К°», компаньоном в «Товариществе Жигулевского пивоваренного завода А. фон Вакано». На посту городского головы он находился чуть более полутора лет, однако за столь короткий срок он добился в правительстве разрешения провести облигационный заем с целью привлечения средств на строительство водопровода[114]. Сооружение водопровода началось в августе 1885 г., когда городским головой был уже П.В. Алабин.

За два неполных года пребывания Петра Семеновича в должности городского головы дума не раз выделяла деньги на нужды публичной библиотеки и зала императора Александра II. Более сорока тысяч руб-

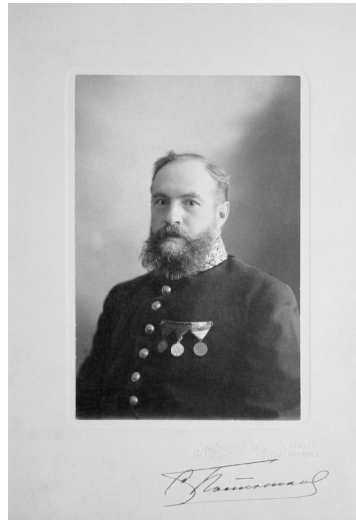
лей дума отпустила на ремонт здания реального училища и сооружение пристроя к нему. При П.С. Субботине активно шел процесс освобождения земельных участков вокруг строящегося кафедрального собора для закладки сквера.

Самарский купец 1-й гильдии Николай Гаврилович Неклютин – купеческий староста (1880–1883 гг.), с 1875 по 1891 г. избирался гласным Самарской городской думы, входил в состав управы, а 8 февраля 1891 г. стал городским головой. Его избрание было своего рода благодарностью самарского общества за помощь купечества в борьбе с голодом 1890–1891 гг.[115] При содействии Н.Г. Неклютина в Самаре появляются булыжные мостовые, набережная у пивзавода, завершается строительство кафедрального собора. Когда в 1893 г. возникли проблемы с финансированием окончательной отделки собора, городской голова Н.Г. Неклютин открыл подписку между «выдающимися в здешнем торговом мире лицами», в результате которой был собран 1 миллион рублей[116]. Он способствовал принятию в думе решений о строительстве в Самаре городской электростанции и тротуаров, организации уличного освещения.

В 1898 г. особой правительственной комиссией город Самара был признан находящимся в безнадежно антисанитарном состоянии, об этом свидетельствовали высокий процент смертности населения и сложная эпидемиологическая обстановка в городе. Вопрос об устройстве канализации в Самаре обсуждался в городской думе еще в сентябре 1895 г. Возможность сооружения канализации городская дума рассматривала долго: в 1895, в 1898, 1903 гг. Городу помог владелец пивоваренного завода Альфред Филиппович фон Вакано, избранный в 1905 г. гласным Самарской городской думы. В 1906 г. он предложил думе 15 тысяч рублей на составление проекта канализации, который был заказан немецкому инженеру из Франкфурта-на-Майне В.Г. Линдлею. 25 февраля 1909 г. дума приняла этот проект в полном объеме. Фон Вакано предложил думе устроить канализацию на пробном участке, обещая предоставить городу на это 25 тысяч рублей безвозмездно и 15 тысяч рублей в виде беспроцентной ссуды при условии погашения ее из первых доходов. Его предложение было принято думой, и в середине 1909 г. началось строительство пробной канализационной линии. К октябрю 1909 г. пробный участок (около 4,2 км) был построен. В марте 1911 г. при Самарской городской управе был учрежден канализационный отдел, с 1912 г. началось строительство основной канализационной сети Самары, не прекращавшееся даже в годы Первой мировой войны. К 1918 г. в Самаре было построено 35,4 километра канализационной сети. Линии канализации прошли по улицам Николаевской (ныне – Чапаевской), Саратовской (Фрунзе), Дворянской (Куйбышева), Панской (Ленинградской), Преображенской (Водников), Завод-

ской (Венцека), Воскресенской (Пионерской). Волжский и Самарский коллекторы строились из кирпича с глубиной залегания до 18–22 метров и представляли собой подземные ходы шириной до метра и высотой около 1,75 метра.

Немало сделал на посту городского головы дворянин, надворный советник Сергей Несторович Постников (1905–1906). В числе его заслуг – устройство водопровода в Засамарскую слободу, расширение бухты на р. Самаре, возведение моста через р. Самару, открытие 2-й мужской гимназии. Идея постройки электрического трамвая стала обсуждаться в городской думе и управе еще в начале 1902 года. Одним из главных инициаторов постройки муниципальной трамвайной линии, активным участником строительства и главой трамвайной комиссии был С.Н. Постников[117].

Городской голова С.Н. Постников. Из фондов ЦГАСО

В июле 1905 г. дума единогласно одобрила предложенный им контракт на постройку и эксплуатацию трамвая, поручив бюджетной и другим комиссиям проработать его условия. Дело было настолько выгодным, что в него вмешалось Самарское отделение акционерного общества городских и пригородных конно-железных дорог в России. В том же июле 1905 г. оно заявило о своем желании «на известных условиях» обеспечить Самару трамваем. С.Н. Постников, занявший в 1905 г. пост городского головы и обладавший сильным влиянием в думе и управе, пытался устранить конкурентов. Однако дело о строительстве трамвая было приостановлено. Совет по делам местного хозяйства Министер-

ства внутренних дел 15 февраля 1907 г. признал одобренный думой договор с С.Н. Постниковым «не соответствующим интересам города» и не утвердил его. 23 мая 1907 г. было собрано чрезвычайное заседание думы, на котором вновь обсуждался вопрос «О постройке трамвая в городе Самаре». 19 мая 1909 г. городская дума окончательно приняла постановление о строительстве электрического трамвая. В мае 1910 г. Самарская городская дума неожиданно приняла новое решение о сооружении трамвая за счет муниципальных средств.

Был объявлен конкурс по составлению проекта устройства городского электрического трамвая, а также расширения городской электростанции и осветительной сети в Самаре, в котором победил проект под девизом «Лучше поздно, чем никогда» инженера П.А. Суткевича. Его проект дума и управа избрали за основу и пригласили автора для составления подробного технического проекта и руководства трамвайным строительством. 12 (25) мая 1913 г. было дано разрешение на строительство трамвая на муниципальные средства. Самарский губернатор Н.В. Протасьев получил уведомление от министра внутренних дел о разрешении городу Самаре произвести ипотечный заем. На этом завершилась десятилетняя история «думских сражений» за самарский трамвай. В июне 1913 г. начались работы на строительстве вагонного парка на углу улиц Полевой и Соловьиной (Мичурина).

Ул. Ильинская. Постройка трамвайной линии. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

К началу Первой мировой войны было закончено строительство большей части линий, трамвайного парка с мастерскими, уложен подземный кабель, завершено оборудование трамвайной подстанции, полным ходом шел монтаж контактной сети. Торжественное открытие самарской трамвайной линии состоялось 12 февраля 1915 г.

Самара приобрела цивилизованный европейский вид с приходом электричества. Заслуга в приобщении Самары к этому детищу прогресса во многом принадлежит городскому голове, дворянину П.А. Арапову. Именно он не пожалел дефицитных средств городского бюджета, начав строительство центральной электрической станции на берегу Волги рядом с водонасосной станцией, близ Жигулевского пивзавода. Проект поддержал губернатор А.С. Брянчанинов, который добился разрешения беспошлинного ввоза в губернский город дорогого немецкого электрического оборудования с привлечением специалистов-наладчиков из Германии. В ноябре 1900 г. была освящена и сдана в эксплуатацию первая очередь электростанции мощностью в 300 киловатт[118]. Через год самарская ЦЭС давала уже 660 киловатт в час, которые обеспечивались круглосуточной работой нефтяных двигателей. Нефть поставлялась из Баку по договору между городской управой и фирмой братьев Нобель.

Предприниматель Михаил Дмитриевич Челышов, крестьянин по происхождению, с 1892 г. и до своей кончины в 1915 г. был гласным Самарской городской думы. В 1907 он был избран членом III Государственной думы от Самарской губернии (1907–1912). С 17 ноября 1909 г. по 18 августа 1912 г. М.Д. Челышов занимал должность самарского городского головы; за короткий срок городской бюджет при нем был увеличен в десять раз. Он пытался издавать газету «Самарский край», был членом Самарского общества народных университетов. Ходатайствовал перед правительством об открытии в Самаре политехникума, ратовал об установлении правил по выделению ссуд для города, постройке постоянного моста через р. Самару, об утверждении проекта канализации. При его участии были составлены проекты переустройства Запанского поселка (ныне – поселок Шмидта), проекты школьных зданий и переустройства городского театра, реорганизована оптовая закупка лекарств, выделено место для возведения первого в Самаре элеватора[119]. Являясь городским головой, он предоставил журналистам право присутствовать на любых совещаниях и знакомиться с любыми документами, ввел контроль за расходом воды и электроэнергии, ходатайствовал об обязательной выдаче пособий родившимся и обеспечении государством старости каждому гражданину[120].

М.Д. Челышов был рьяным поборником трезвости; будучи избран в Государственную думу, он сделал борьбу с пьянством своим основным делом. Еще в 1902 г. на заседании Самарской городской думы он потребовал запретить в черте города продажу спиртных напитков (водки,

М.Д. Челышов.
Из фондов СОИКМ

вина, пива)[121], в том же году занялся организацией детских учреждений, отвращающих подростков от употребления спиртных напитков. Он добивался того, чтобы не продавали спиртные напитки под заклад вещей, не продавали их на станциях, в выходные и праздничные дни, не продавали больше одной бутылки одному человеку[122].

Он неоднократно выступал с трибуны Государственной думы с яркими речами, направленными против пьянства, входил в состав думской противоалкогольной комиссии. Являлся почетным членом Казанского общества трезвости. С началом Первой мировой войны М.Д. Челышов вместе со своими сторонниками в городской думе добился постановления о запрете торговли спиртными напитками в Самаре, а затем и разрешения на это Министерства внутренних дел России. Наконец, именно по инициативе Самарской городской думы и в первую очередь М.Д. Челышова с 1 января 1915 года в России был введен «сухой закон»[123].

Довольно долгое время – с 1897 по 1906 г. и с 1909 по 1914 г. – гласным городской думы избирался предприниматель Сергей Ефремович Пермяков. Он входил практически во все думские комитеты и комиссии, был членом комиссии по строительству городского водопровода, много внимания уделял озеленению города, благоустройству городской набережной[124]. В течение двух лет – с 8 марта 1914 г. по 24 ноября 1916 г. – Пермяков находился на посту самарского городского головы. Он организовывал помощь беженцам, семьям погибших воинов, транспортировку раненых и их лечение. В период руководства городом на долю Пермякова выпала тяжелая работа по строительству железной дороги Самара – Уральск – Каспий и Самара – Симбирск и по организации помощи больным и раненым воинам в Первую мировую войну.

Эти и другие факты убедительно свидетельствуют о созидательной деятельности видных представителей разных сословий, которые, возглавляя органы городского самоуправления, внесли большой вклад в создание городской инфраструктуры. Они стимулировали развитие экономического потенциала губернского города, уделяли внимание развитию системы образования, библиотеки, музея, а также сети медицинских учреждений.

§ 3. САМАРСКОЕ ЗЕМСТВО: ВО БЛАГО МЕСТНЫХ ПОЛЬЗ И НУЖД

Российское земство было создано в ходе реализации земской реформы 1864 г. Согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.», губернские и уездные земские учреждения должны были заведовать «делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждаго уезда»: в круг их обязанностей входило содержание путей сообщений, обеспечение народного продовольствия, заведование благотворительными заведениями, страхование имуществ, попечение о развитии местной торговли и промышленности и, наконец, попечение о народном образовании и о народном здравии[125].

Законодателем были определены только общие задачи земских учреждений, правила их формирования и обязательные повинности. Практическая деятельность земств носила самостоятельный характер и осуществлялась с учетом местных особенностей. Земские учреждения, созданные для обеспечения местных «польз и нужд» в хозяйственно-культурной области, аккумулировали в ходе своего развития общественные усилия для решения многих злободневных проблем российской жизни. Деятельность земств в России была многогранна и имела широкий общественный резонанс.

Великие реформы 60-х гг. XIX в., прежде всего отмена крепостного права, неизмеримо повлияли на все сферы крестьянской жизни, стали отправной точкой для перезапуска, реновации всего жизненного уклада. Неграмотность подавляющего большинства, отсталость аграрных технологий мешали стать крестьянам конкурентоспособными в новых исторических условиях. Без кардинальных изменений жизни народа невозможен был путь модернизации экономики и государства в целом. Распространение грамотности, внедрение новых сельскохозяйственных культур и новых агроприемов, социализация большой крестьянской массы, оказавшейся в городах, организация медицинской и ветеринарной помощи, борьба с эпидемиями, неурожаями и пожарами – как и многое другое, столь же необходимое, – стали предметом заботы земских органов самоуправления.

Опыт земской деятельности в Самарской губернии уникален, поскольку позволяет изучить процесс соблюдения баланса интересов между различными по экономическому потенциалу уездами, а также потому, что Самарское земство имеет, пожалуй, самый продолжительный период существования – именно здесь 28 февраля (по старому стилю) 1865 г. начало работу первое в России губернское земское собрание. Здесь же с учетом возрождения земств в период власти Комитета членов Учредительного собрания земства проработали до октября 1918 г. За столь длительный период Самарское губернское и уездные земства

выработали эффективные способы и методы взаимоприемлемых действий для решения различных социальных и хозяйственных проблем.

Статус «первого» Самарское земство подтверждало и своей дальнейшей деятельностью, его активная работа на благо родного края подчеркивалась и современниками. Уже за первые 20 лет своего существования (1865–1885) Самарское земство, по оценке П.В. Алабина, добилось успехов в следующих сферах своей деятельности: в борьбе с голодом; развитии народного образования; развитии путей сообщения и почты; переводе всех натуральных повинностей на денежные; здравоохранении; выработке организации страхования от огня; борьбе с эпизоотиями и саранчой; мерах по обеспечению крестьянского населения продовольствием. Особой заслугой Самарского земства стало формирование отряда добровольцев и сбор средств на нужды Сербской армии в 1876 г.[126]

Самарское губернское земство за 53 года своей деятельности внесло огромный вклад в развитие экономического и культурного потенциала Самарской губернии. Фактически, как и всюду по стране, где начали свою благотворную работу земские учреждения, за полвека была создана *система* образования, здравоохранения, социальной помощи, статистики и так далее, заменив прежние разрозненные учреждения, опирающиеся на отдельных благотворителей, церковь, имперские властные структуры.

Реформа 1861 г. изменила правовой статус сельского населения: крестьяне получили волю. Община стала самостоятельной ячейкой – низовым звеном государственного механизма. Помещик уже не имел права вмешиваться в дела общины, и все вопросы, от экономических до правовых, она решала самостоятельно. Некоторые вопросы требовали объединения представителей всех сословий. Так возникли земства как всесословные органы местного самоуправления.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.» земства стали создаваться в губерниях и уездах. Избиратели делились на три курии: курию частных землевладельцев; курию сельских обществ; курию городских избирателей. Избиратели этих разрядов выбирали на своих съездах гласных (депутатов) в губернские и уездные земства. Вводился имущественный ценз для избирателей. Так, в курии частных землевладельцев избиратель должен был иметь не менее 200 десятин земли, или владеть имуществом, стоимость которого достигала 15 тыс. руб., или же промышленным заведением, приносившим доход не менее 6 тыс. руб. В голосовании городской курии могли участвовать купцы, имевшие купеческие свидетельства, владельцы недвижимости на сумму 500–3000 руб. или предприятий с оборотом не меньше 6 тыс. руб. В городах избирательные съезды возглавлял городской голова. Избирательная система для крестьян была многоступенчатой: в съезде уездных крестьян-выборщиков, где выбирали земских гласных, принимали участие члены волостных сходов

(обычно на волостной сход являлась треть сельского схода). Таким образом, земства созывались от нескольких сословий. Эта система выборов давала зримый результат, так как представители разных сословий защищали интересы тех или иных социальных слоев. Конечно, правительство позаботилось, чтобы туда не попали случайные люди. В съездах не участвовали граждане моложе 25 лет, лица, находившиеся под уголовным судом или следствием, осужденные по суду, или крестьяне, осужденные по общественному приговору, а также иностранцы, не имевшие подданства.

Губернские и уездные земские учреждения состояли из распорядительных (собраний) и исполнительных (управ) органов. На общем собрании земских гласных избиралась земская уездная управа в составе председателя и двух членов. Губернская земская управа включала председателя и шесть членов. Гласные земства и члены управы избирались каждые три года. В круг обязанностей земских управ входило исполнение распоряжений собраний; управление под руководством собраний имуществами земства и земским хозяйством; составление смет, раскладок и отчетов; подготовка всех нужных для собрания сведений и заключений; надзор за поступлением земских доходов; расходование земских сумм. Губернскую земскую управу возглавлял председатель, которого избирали на земском собрании, при этом после выборов его кандидатуру должен был утвердить в должности министр внутренних дел.

Между коронной администрацией и местным самоуправлением была дистанция, но земство ощущало себя независимым. При этом за ним велся надзор со стороны губернатора и Министерства внутренних дел, где был создан Земский отдел, осуществлявший контрольные функции. Губернаторы могли вмешаться в деятельность земства, если оно поднимало политические вопросы, поскольку они не входили в его компетенцию, а также в его кадровую политику. Так, например, чтобы стать учителем земской школы, необходимо было получить допуск в жандармском управлении. Земство не имело права критиковать правительство, верховную власть. В этом случае губернатор мог остановить работу земского собрания и даже имел право его распустить.

В нашей губернии некоторые уездные земства (Николаевское, Новоузенское, частично Бузулукское) были очень демократичны по составу: в них было много представителей от купцов и крестьян – земельных собственников (в южных уездах Самарской губернии крестьяне владели до 10 000 десятин земли). Они или скупали землю большими участками, или арендовали ее в степной полосе, где в 70-х XIX в. стала создаваться новая российская житница. Там занимались производством твердого сорта пшеницы-белотурки на продажу, в основном на внешний рынок – в Англию, Италию, Германию, хотя хозяйство велось на сугубо экстенсивной основе.

Купцы в земствах были представлены в основном двумя категориями: первая занималась покупкой и продажей зерна и муки, вторая — мукомольем. Они входили в биржевой союз (здесь была одна из крупнейших хлебных бирж). Также хлебная биржа была в Покровске (Николаевский уезд) и в Николаевске. Для биржевиков считалось престижным входить в состав земства или городской думы, поскольку это было показателем общественного признания.

Бюджет земств складывался из нескольких источников. Во-первых, законом были предусмотрены земские сборы – обложение земли, недвижимости и торгово-промышленных заведений. Этих средств не хватало, поэтому земство занималось хозяйственной деятельностью. Создавались сельскохозяйственные станции, предприятия (элеваторы, питомники), коммерческие предприятия, такие как сельскохозяйственные склады, книжные склады, прокатные станции. Земствам выделялись также целевые правительственные субсидии, например на оказание помощи крестьянам во время голода, на проведение мелиоративных работ. Поступали и частные пожертвования граждан, носящие, как правило, целевой характер: на строительство школ и больниц, устройство приютов, выплату именных стипендий.

Особо следует заметить, что народные избранники – земские гласные – не получали заработной платы. Исключение составляли расходы на содержание постоянно действующей управы, состоящей из председателя и нескольких членов, должности которых были выборными. Назначались по конкурсу лишь земские служащие. Расходы на содержание аппарата никогда не занимали первой строчки в статье земских расходов: основные финансовые траты шли на народное образование, здравоохранение и т. д.

Земская деятельность требовала самоотверженности. Никакого политического или финансового капитала нажить ею было нельзя, как и получить какие-либо привилегии. Это была повседневная черновая работа по обустройству села, уезда, губернии. Земство не занималось политической деятельностью, это было ему запрещено.

Классическим примером высококлассной работы земства были ***организация и работа земско-статистических отделов***. Возникли они в связи с тем, что губернские статистические комитеты (часть централизованной административной системы, работавшие под эгидой Центрального статистического комитета) фактически занимались констатацией фактов. Они подготавливали статистическую часть всеподданнейших отчетов губернаторов монарху. Каждый год для таких отчетов в спешке собирались сведения, иногда сугубо «потолочные». А между тем существовала потребность в реальных описаниях помещичьих и крестьянских хозяйств, в проведении их бюджетных обследований. Земство было заинтересовано в том, чтобы изучать темпы экономического развития края, яснее представлять перспективы развития сельского хозяйства,

мелкой крестьянской промышленности, стимулировать развитие той или иной отрасли сельского хозяйства и оказывать реальную помощь крестьянским хозяйствам.

Земская статистика в Самарской губернии зародилась в 1880-е гг. В 1882 г. видный статистик В.И. Орлов, приехавший в Самару, с И.М. Красноперовым и К.Э. фон Паприцем приступил к организации статистического бюро при Самарской губернской земской управе. Он разработал программу исследования, которая предусматривала подготовку и издание 8-томного свода «Статистические сведения по Самарской губернии». Сбор статистических сведений по отдельным уездам Самарской губернии шел поэтапно в течение 1882–1887 гг. В 1889 г. исследование уездов губернии было завершено, и Статбюро приступило к группировке данных для сводного сборника. Помимо статистических таблиц в каждом сборнике были помещены исторические очерки о заселении и хозяйственном освоении территории уездов Самарской губернии. Масса собранных земскими статистиками материалов дала возможность не только выработать принципы равномерного земского обложения, но и изучить экономику частновладельческого и крестьянского хозяйств, произвести учет производственной деятельности населения[127].

В этом отношении земско-статистические сборники конца XIX – начала XX в. по своей информативной емкости представляют уникальное явление. Там читатель найдет богатейшие сведения и о хозяйственном освоении края, и о его населении, детальные описания помещичьих имений и отдельных сел. Ценные данные содержат также сельскохозяйственные обзоры. Они издавались ежегодно с помощью добровольных корреспондентов земств. Священники, учителя, врачи, грамотные крестьяне – таков далеко не полный круг корреспондентов земств. Они следили за тем, как год за годом изменялись погодные условия, отмечали сроки посевов и созревания зерновых, фиксировали все явления на местности – вплоть до прилета саранчи.

Уникальны по своей информативности материалы оценки земель, которые начали разрабатываться в конце 90-х гг. XIX века. Необходимость проведения подобных исследований диктовалась тем, что цены на землю стали расти. Программа исследований предусматривала изучение химического состава плодородных почв, указывалась удаленность земель от воды, леса, рынков сбыта, речных пристаней и железнодорожных станций. Ну и, наконец, самое замечательное в земской статистике – проведение подворных переписей крестьянских хозяйств, в которых представлена вся экономическая жизнь сельского населения региона. Сейчас эти описания весьма высоко оцениваются как в России, так и на Западе; по их материалам историки детально изучают состояние экономики дореволюционной России.

8 июня 1893 г. император Александр III подписал указ, согласно которому на земства возлагалось проведение оценки недвижимых имуществ (земель), подлежащих земскому обложению. Закон регламентировал деятельность оценочных комиссий, которые создавались при земствах. Во исполнение этого закона при Самарском губернском земстве в 1893 г. была создана оценочно-статистическая комиссия (впоследствии – оценочно-статистическое отделение). История этого отделения связана с деятельностью видных ученых российского масштаба. В 1890-е гг. изучение почв проходило под руководством почвоведа и географа Л.И. Прасолова, впоследствии – члена АН СССР[128]. С 1910 г. оценочно-статистическое отделение возглавил Г.И. Баскин, один из известнейших статистиков народнического направления. В историю земской статистики Баскин вошел не только как автор статистических сборников по Пермской и Самарской губерниям, но и как создатель ряда методологических работ по статистике[129].

Земские статистики успешно выполнили те задачи, которые были сформулированы в законе 8 июня 1893 г. Они не только провели сбор разнородного материала, но и сумели, используя новые для того времени методы анализа данных, подробнейше охарактеризовать богатство и разнообразие климатических и почвенных условий Самарской губернии. Материалы оценки земель и подворных переписей крестьянских хозяйств содержат богатейшие сведения о хозяйственной деятельности населения губернии. Земская статистика, как основная, так и текущая, преследовала оценочные задачи. Были получены материалы о ценности почв во владениях разных категорий, что представляло особый интерес для крестьян, помещиков, купцов – покупателей и продавцов земельных владений в Самарской губернии.

В области ***страхования*** земства выполняли обязанности по страхованию и сбережению построек от пожаров, помощи населению в неурожайные годы, починке мостов и дорог, заботились о городских земских больницах и богадельнях. Больших успехов земство достигло в предупреждении пожаров и возмещении убытков от них. Меры противопожарной безопасности были всегда в приоритете у губернских земств.

Итоги земской страховой деятельности в Самарской губернии были неоднозначны. Добровольное страхование зачастую являлось убыточным для земств. Но всеобъемлющий характер обязательного страхования стал определенной гарантией от финансовой несостоятельности. Ежегодные страховые операции совершались в основном без убытка.

Работа по осуществлению еще одной земской обязанности – ***снабжению нуждающихся продовольствием*** – происходила в следующих формах: 1) снабжение крестьян продовольствием в форме ссуды; 2) создание агрономической службы, складов земледельческих орудий и машин, применение новых сортов семян и пород скота, – то есть через

стимулирование хозяйственного интереса и предприимчивости, что получило более мощное развитие.

Торговые операции сельскохозяйственных складов с середины 90-х гг. XIX в. стали важным направлением деятельности земства. К 1897 г. деятельность складов охватила все уезды губернии (последним к ней подключилось Новоузенское земство), а уже через два года Самарское земство располагало 23 складами и отделениями складов в крупных пунктах. Столь быстрый рост был вызван развитием товарного земледелия в губернии. Не случайно Самарский земский склад уже в начале XX в. по размерам своих оборотов занимал первое место в России. Польза от торговли заключалась в том, что, во-первых, владельцы земельных участков без посредников смогли приобретать или арендовать новые сельскохозяйственные машины и инвентарь на льготных условиях; во-вторых, земская торговля оказывала сильное воздействие на конкурентов, заставляя их также снижать цены, и, наконец, приносила земствам прибыль.

Самарское земство занималось систематическим развитием и совершенствованием ***дорожного дела*** в губернии. Импульсом к планированию дорожного строительства в губернии стал закон от 1 июня 1895 г. о дорожном капитале. Изменение системы финансирования позволило земствам наметить основные мероприятия не только по поддержанию дорог в порядке, но и по строительству новых путей сообщения. К числу значительных проектов, которые были реализованы земством, стоит отнести строительство Семейкинского (ныне – Московского) и Черновского шоссе (ныне – ул. Юрия Гагарина), что несколько улучшило транспортную связь Самары с северными и южными уездами губернии. Кроме сооружения мостов, затона и дамбы в Самаре в 1899 г. Самарская губернская земская управа разработала схематическую карту грунтовых грузовых дорог Новоузенского уезда. Карта отражала движение хлебных грузов в степной полосе Самарской губернии[130]. Тогда же земский статистик, социал-демократ А.Г. Шлихтер завершил разработку программы экономического исследования грунтовых дорог Самарской губернии, которая 15 мая 1899 г. была одобрена губернской земской управой[131].

Самарское земство внесло существенный вклад в содержание ***почтово-телеграфной службы*** в сельской местности. Взяв на свое обеспечение почтовые станции в уездах, земства способствовали преодолению локальной замкнутости сельской жизни, расширяли информационное пространство для внедрения новых элементов в хозяйство, быт, досуг крестьян. Начав со скромной, в сущности курьерско-доставочной службы почтовых работников, земства значительно расширили сферу предоставляемых ими коммуникативных услуг. Они занимались распространением периодических изданий, доставляли частную корреспонденцию, денежные переводы, пакеты и посылки. Постепенно в сель-

ской местности была организована доставка почтовых отправлений силами земских почтальонов. Во второй половине XIX в. земства принимали также активное участие в строительстве телеграфных линий в губернии, а на рубеже веков стали изыскивать средства для телефонизации объектов сельской социальной инфраструктуры.

Вклад Самарского земства в развитие губернии, в частности ее ***сельского хозяйства,*** поистине многогранен. Так, в конце XIX в. в Самарской губернии создавались экономические советы, проводились агрономические совещания, в начале XX в. возникли земские агрономические участки. Существовала правительственная агрономическая сеть и земская агрономическая служба, организовывались ежегодные сельскохозяйственные выставки, был создан губернский сельскохозяйственный музей. По ряду показателей Самарское земство было на первом месте или входило в десятку лучших.

Нормальное развитие земледелия не могло осуществляться без постоянной заботы о ***животноводстве и ветеринарии***. Болезни и падеж скота в значительной мере влияли на производительность крестьянских хозяйств. Поэтому ветеринарная земская служба имела гораздо больший опыт деятельности, чем агрономическая. Земству удалось накопить определенный опыт в организации ветеринарной службы, которая была успешно создана и функционировала в конце XIX – начале XX в.

В 1867 г. Самарское губернское собрание передало организацию ветеринарной службы в ведение уездных земств. Вначале земская ветеринарная служба обеспечивала работу карантинных застав. Уже в 70-е гг. XIX в. стали созывать ветеринарные съезды, где обсуждались стратегические вопросы. Первые мероприятия по лечению домашнего скота были предприняты Самарским земством еще в 70-е годы, но основная работа развернулась в 1880–1890-е гг., когда при губернской земской управе была создана ветеринарная организация.

Территория губернии была разделена на 27 ветеринарных участков. В 1880 г. на службе у Самарского земства состояло 18 ветеринарных врачей, в 1905 г. – 53; это был самый высокий показатель по всей России. Практическая деятельность самарских земств в области ветеринарии (80-е годы XIX – начало XX века) велась в двух направлениях: проводились мероприятия санитарно-защитные и лечебно-профилактические. Первое направление было преобладающим в 80-е годы, особенно во время борьбы с чумной эпизоотией (1885–1891 гг.). С начала 1890-х гг. главным направлением ветеринарной деятельности становится профилактика заразных заболеваний. В декабре 1893 г. Самарское земство приняло постановление «О введении в губернии сибиреязвенных прививок», в котором рекомендовало применять прививки там, где смертность скота превышает 1–2 %. Одновременно при ветеринарном отделении управы была открыта бактериологическая лаборатория, задачами которой являлось определение болезни в сомнительных случа-

ях, подготовка ветеринаров губернии к практической деятельности и выработка вакцин. Работа Самарской бактериологической лаборатории с самого начала дала ощутимые результаты, резко сократив падеж скота.

Не менее важной заботой ветеринарной службы в эти годы явилось принятие действенных карантинных мероприятий против проникновения в губернию заразных болезней извне. Система окружной сезонной ветеринарии включала в себя устройство карантинов в каждом селении для разделения здорового и больного скота, а также создание карантинных пунктов на границах губернии; эта система смогла обеспечить санитарный контроль в губернии.

В последние годы XIX в. в самостоятельное направление выделилось зоотехническое или селекционное содействие населению: принимались меры для изучения пород скота и зоотехнического содействия населению. Так, Бугульминское земство занималось разведением крупного рогатого скота и коз, Бугурусланское земство имело рассадник чистокровных свиней и грубошерстных мясных овец, Самарское уездное земство – рассадник племенного скота при Краснопоселенской сельскохозяйственной школе. К началу XX в. в Самарской губернии была разработана методика профилактики заболеваний домашнего скота, создана сеть лечебных ветеринарных пунктов[132].

Создание разветвленной сети ***земской агрономической службы*** началось лишь с середины 90-х годов XIX в. Первоначально должность агронома с опытным полем была введена в Бузулукском уезде, наиболее типичном по своим почвенно-климатическим условиям для Самарской губернии. В 1895 г. в Самарской губернии была учреждена должность уездных земских агрономов, которые пропагандировали среди крестьян сельскохозяйственные орудия и машины, семена.

В начале XX в. при губернских и уездных земствах стали созываться губернские и уездные агрономические совещания; губернский экономический совет выполнял координирующую роль. Первостепенное значение земские службы придавали пропаганде сельскохозяйственных знаний и внедрению в практику земледелия инновационных методов и приемов, прежде всего в крестьянских хозяйствах.

В 1907 г. Самарское губернское земство создало участковую агрономическую организацию. Территории уездов были разделены на участки, в них вводилась должность участкового агронома, который рекомендовал крестьянам новые агроприемы и занимался организацией сельскохозяйственной кооперации. В 1914 г. в губернии насчитывалось 47 агрономических участков. Участковая агрономия быстрее всего развивалась в зоне торгового зернового земледелия.

По размерам ассигнований на агрономические нужды Самарская губерния занимала 13-е место по земским губерниям России. В земскую агрономическую инфраструктуру входили сельскохозяйственные склады, зерноочистительные обозы. Земства имели опытные поля, пло-

довые питомники, проводили уездные и губернские сельскохозяйственные выставки, издавали журналы «Самарский земледелец» и «Земский агроном», сельскохозяйственные календари. Велась пропаганда научных знаний, читались лекции и проводились беседы, для крестьян были организованы краткосрочные курсы ведения хозяйства на опытных полях, пропагандировалось введение в ротацию севооборотов многолетних трав и технических культур, крестьян призывали переходить от трехпольной системы земледелия к многопольной. Земские агрономы пропагандировали научные достижения сотрудников Костычевской и Безенчукской опытных станций, нацеленных на селекционную работу, занимались организацией показательных хозяйств. Усилиями Самарского земства были открыты и вели подготовку кадров для сельского хозяйства губернии одно среднее и два низших сельскохозяйственных учебных заведения.

Губернское и уездные земства Самарской губернии осуществили ряд практических мероприятий по оказанию технологической помощи сельским хозяйствам, прежде всего крестьянам. Они обеспечивали их сельскохозяйственными орудиями и машинами по сниженным ценам, организовывали уничтожение полевых вредителей, производили опыты по мелиорации и лесоустройству. Особенно активно новые приемы агротехники стали внедряться на отрубных и хуторских участках. В целом комплекс мероприятий земской агрономии ускорял модернизацию сельскохозяйственного производства в регионе[133].

Таким образом, Самарское земство проводило в жизнь широкую программу, направленную на поддержку как мелкого семейного, так и крупного капиталистического производства. Всесторонне утверждая фермерский тип хозяйства, земство активно пропагандировало агрономические и зоотехнические знания, передовые приемы земледелия и животноводства, организовывало обмен опытом, распространяло новые орудия труда, улучшенные семена и продуктивные породы скота. Уровень профессиональной подготовки служащих (в Самарском земстве в начале XX в. работало 56 специалистов сельского хозяйства с высшим образованием) давал возможность применения новых достижений науки на практике.

Земству принадлежала решающая роль в развитии ***медицинской службы***. В его деятельности необходимо выделить три основных направления: создание лечебных учреждений, подготовку и организацию деятельности медицинского персонала, развитие санитарной службы. Мероприятия земства непосредственно способствовали улучшению качества медицинского обслуживания населения. Наиболее активно их осуществление велось в 1864–1904 гг., а в 1905–1917 гг. земская медицина развивалась на основе ресурсной и кадровой базы, созданной в указанный хронологический период.

Медицинское обслуживание в городах начало развиваться с XVIII в., но в селах медицинская помощь населению носила эпизодический характер. Преобладала народная медицина, в которой главной фигурой выступали или знахарь, или бабка-повитуха. В их арсенале было лечение травами, широко практиковались заговоры, лечение от сглаза и так далее. Земство создало широкую сеть медицинских учреждений в губерниях России. Оно стало проводить медико-санитарные исследования, открывать школы фельдшеров и акушерок, строить в селах больницы и амбулатории. Для обмена опытом созывались съезды земских врачей.

Важнейшим делом местного самоуправления было строительство в губернских центрах земских больниц. В Самаре по инициативе губернского земского собрания были построены губернская земская больница (ныне – Самарская городская клиническая больница № 1 им. Н.И. Пирогова) и психиатрическая больница. Уездные земства занимались открытием сельских больниц, амбулаторных приемных покоев.

К началу XX в. в губернской земской больнице функционировали 13 отделений и 10 амбулаторий. При ней также работали родильный дом, приют для подкидышей, бактериологическая лаборатория, патологоанатомическое отделение, Пастеровская станция. В больнице служили 15 врачей и 19 фельдшеров. В 1900 г. Самарская губернская земская больница принимала треть больных из других губерний.

Пастеровская станция, находившаяся при Самарской губернской земской больнице, начала работу 2 июля 1866 г. Заведующим ее был врач и известный общественный политический деятель П.П. Крылов. С 1866 по 1902 г. прививки против бешенства получили 7396 жителей Самарской и еще 22 губерний России[134].

Важнейшей задачей земской медицины было создание сети учреждений здравоохранения, которые были бы доступны для всего сельского населения губерний. Так, в Самарской губернии к 1871 г. при участии уездных земств были открыты 6 приемных покоев, к 1875 г. – 11 больниц. Самарским земством была поддержана инициатива известного врача Е.А. Осипова о внедрении в практику земской медицины участкового принципа обслуживания больных. В 1866 г. в Самарской губернии насчитывалось 6 врачебных участков с определенным радиусом действия, а к 1888 г. их количество достигло 51. Совместно с уездными земствами сопредельных губерний органами местного земского самоуправления решался вопрос о создании так называемых межуездных участков. В 1901–1903 гг. в Самарском крае действовали 6 таких участков. Численность земских врачей в Самарской губернии с 1870 по 1905 г. заметно возросла: так, в 1870 г. в губернии служили 28 земских врачей, в 1880 г. – 32, в 1890 г. – 52, в 1900 г. – 87 и в 1905 г. – 108. В уездах, находящихся в отдалении от губернского центра, особенное значение приобретала деятельность фельдшерского персонала. Для его

подготовки в 1866 г. при участии губернского земства была открыта фельдшерская школа, которая в 1910 г. была реорганизована в фельдшерско-акушерскую. К 1880 г. для медицинских учреждений губернии было подготовлено 119 фельдшеров, 130 фельдшериц-акушерок и 60 акушерок. Деятельность школы продолжалась до 1917 г. [135]

В систему медицинских учреждений Самары органично вписались кумысолечебницы доктора Н.В. Постникова и самарского купца Е.Н. Аннаева. О деятельности самарских кумысолечебниц знали многие представители интеллектуальной элиты России. Так, в повести А.П. Чехова «Цветы запоздалые» доктор Топорков советует больной туберкулезом княжне Марусе Приклонской поехать в Самару, чтобы пройти курс лечения кумысом[136]. Показательно, что А.П. Чехов в 1893 г. подал в Самарскую уездную управу прошение «об определении на должность земского врача». Управой было принято решение: «Считать первым кандидатом...»[137] Но затем планы у А.П. Чехова изменились, и он не прибыл в Самару.

Кумысолечебное заведение Н.В. Постникова.
Из журн.: Самарская губерния в сердце России. 2014. № 10

Земства занимались решением острых социальных вопросов, связанных с миграцией населения. Поскольку крупные фермерские хозяйства в южных уездах, специализировавшиеся на производстве товарной пшеницы, нуждались в работниках, уже в 70–80-х гг. XIX в. южные уезды ежегодно притягивали от 300 до 400 тысяч сельскохозяйственных рабочих, которые приходили из уездов Казанской, Пензенской и Симбирской губерний наниматься на работу в торгово-промышленные села. Большая скученность людей могла привести к вспышке

эпидемий. И земство, увидев эту опасность, создает в степных уездах врачебно-питательные пункты, где работали студенты медицинских факультетов российских университетов.

Важным достижением земской медицины стало создание санитарного направления, что непосредственно содействовало организации борьбы с эпидемиями и определенному улучшению эпидемиологической обстановки в Самарской губернии.

В дореформенный период ***народное образование*** в Самарской губернии было развито крайне слабо, особенно в сельской местности. Но время диктовало свое, и именно народному образованию постепенно суждено было выдвинуться на одно из ведущих мест по количеству затрачиваемых на него земствами денег и сил.

В распространении начального школьного образования земское дело прошло путь от политики поощрения сельских обществ в открытии и содержании школ до создания сети всеобщего начального обучения и принятия закона 1908 года о всеобщем начальном обучении на принципах бесплатности и общедоступности для детей 8–11 лет. По сути дела, земства создали тот тип новой народной школы, признанной государством и обществом, который впоследствии стал основой при введении всеобщего обучения.

Земско-общественные школы в Самарской губернии начинают появляться уже с 1865 г. В 60-е гг. XIX в. Самарское губернское земство занимало второе место среди земств России по затратам на народное образование.

К середине 1890-х гг. уездные земства участвовали в организации образования через свои постоянные комиссии по народному образованию, имели специальных людей в управе, ведавших вопросами образования, направляли своих представителей в училищные советы, создавали специальные комиссии для заведования отдельными отраслями народного образования. Губернское земство занималось решением общегубернских проблем в сфере образования, таких как подготовка учителей и открытие своих средних и специально-педагогических учебных заведений.

В 90-е гг. XIX в. наблюдается резкий рост земских затрат на народное образование. Земство постепенно отказывается от принципа «поощрения» крестьянской инициативы в деле создания школ и все более проявляет собственную инициативу. Оно добилось изменения отношения к школе крестьян, которые все чаще и охотнее стали посылать в нее своих детей. В училища теперь потянулись и раскольники, и местное нерусское (так называемое «инородческое») население. Становится все более заметным количественный рост школ. В 1877 г. в Самарской губернии насчитывалось от 20 до 55 земских школ на уезд, а в 1898 г. – до 130, что было больше, чем в соседних губерниях; наибольшее число училищ было в Новоузенском (130) и Николаев-

ском (102) уездах. В то же время Самарская губерния отставала от ведущих российских земских губерний, таких как Московская, Петербургская, Харьковская, занимая в 1890 г. лишь 10-е место по количеству земских школ[138].

В 1895 г. на земских собраниях обсуждалась возможность введения всеобщего начального обучения. Были сформулированы три ключевых принципа введения всеобщего начального обучения в России: общедоступности, бесплатности и обязательности.

Участие губернских земств в реализации этой программы приняло следующие формы: 1) выдача ссуд или безвозвратных пособий на постройку школы; 2) выдача пособий на устройство и содержание ночлежных приютов при школах и организация школьных приварков; 3) приплата к жалованью учителей; 4) субсидии на устройство школьных библиотек. Таким образом, губернское земство приняло на себя разработку плана мероприятий и выступило в роли объединителя уездных земств.

Спустя 40 лет после введения местных органов самоуправления земство через многочисленные ходатайства подготовило закон 1908 г. о всеобщем обучении и приблизило его осуществление. К моменту появления закона о всеобщем обучении земствами уже был создан тип народной школы. Ее повсеместному распространению препятствовало отсутствие достаточных средств, что в конечном итоге обусловило принятие государственной программы всеобщего начального образования в России. Ведущая роль в ее реализации отводилась органам местного самоуправления.

К 1909 г. вопрос о введении всеобщего обучения обсуждался уже во всех уездах Самарской губернии. К непосредственному осуществлению всеобуча некоторые земства и города частично приступили с осени 1909 г. Из городов первым к осуществлению всеобщего обучения приступил город Бузулук (осень 1909 г.), с сентября 1910 г. – Бугуруслан, с декабря 1911 г. – города Николаевск, Новоузенск, Самара, с 1912 г. – Бугульма.

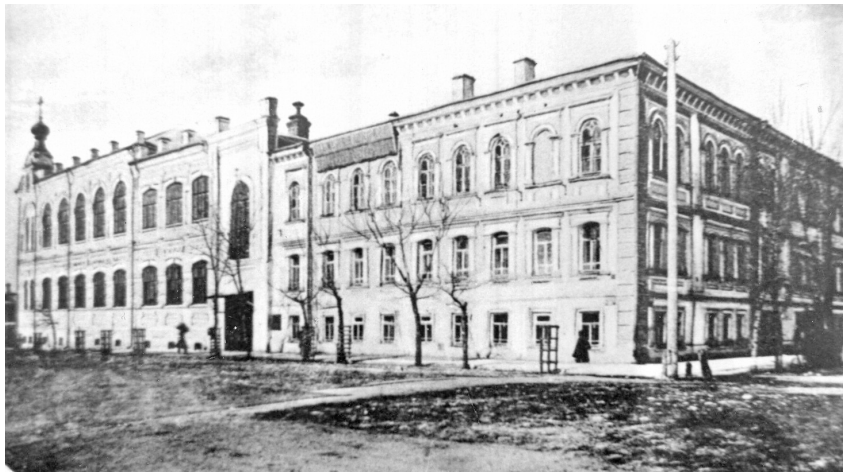
Одну из своих основных задач земства видели в том, чтобы приблизить школу к населению. При этом делалась ставка на естественную тягу народа к знаниям, его любопытство, уважение к грамотности. Земства пропагандировали идеи, близкие крестьянству по духу, стремились учесть потребности населения при разработке программ народного образования.

К 1917 г. земству не удалось осуществить программу всеобщего обучения в основном по двум причинам: из-за недостатка финансирования и законодательных ограничений. Несмотря на это, именно земству принадлежит заслуга создания начальной народной школы в пореформенной России. Не случайно принципы, разработанные земскими учреждениями, были взяты за основу государством при составлении и осуществлении проектов всеобщего обучения в стране.

До открытия земских учреждений народные училища не имели специально подготовленного учительского персонала и учреждений для его подготовки. Методика преподавания и уровень образования многих представителей учительства часто оставляли желать лучшего. Перед земством стояла задача подготовить достаточное количество учителей совершенно нового типа: авторитетных для простых людей и способных на должном уровне заниматься учебной и просветительской работой.

Участие земства в подготовке учительских кадров для народных школ выражалось в устройстве своих педагогических учебных заведений; в пособиях (ежегодных и единовременных) казенным и частным учительским школам; в содержании педагогических классов при женских гимназиях; в ассигнованиях на стипендии для подготовки учителей в разных учебных заведениях; в устройстве съездов и курсов для учителей; в организации пенсионных касс и касс взаимопомощи (эмеритальных). Правительственных и земских учительских семинарий было крайне мало, так как их содержание было сопряжено с крупными финансовыми затратами. Для Самарской губернии учительские кадры поставляли Казанская правительственная мужская учительская семинария и Ровненская правительственная учительская семинария (в с. Ровном Новоузенского уезда), где все уездные земства содержали своих стипендиатов.

1 сентября 1872 г. была открыта Самарская земская школа для приготовления сельских учительниц в составе приготовительного и двух первых штатных классов. К 1898 г. через это учебное заведение прошло 1516 учениц, 428 из которых окончили полный курс, что в среднем составляло 20 человек в год.

Земская школа учительниц. Из фондов ЦГАСО

Популярными стали организованные Самарским земством летние учительские курсы. С 90-х гг. XIX в. на педагогических курсах вводилось преподавание психологии, мироведения, гигиены, гимнастики.

Самарское губернское земство ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об учреждении в Самаре учительского института. В 1911–1912 учебном году он начал работу, имея в своем штате 7 преподавателей.

В начале XX века все начальное образование в России постепенно стало равняться на земскую народную школу, заслуженно признанную лучшей. К тому времени земские учителя завоевали всеобщее уважение, в том числе и со стороны простого народа.

После введения земского самоуправления встал вопрос о подготовке специалистов, способных организовать и вести работу во всех сферах постоянно расширявшегося земского хозяйства. С этой целью земство организовало профессиональные школы. К 1917 г. Самарская губерния имела одно среднее земледельческое училище, четыре низшие сельскохозяйственные школы[139]. Земские мероприятия по профессиональному образованию носили несистематический характер, но, по оценкам земских деятелей и современников, имели «ряд практических результатов», во многом подготовили условия для формирования стройной системы будущего профессионального образования.

Земская ***культурно-просветительская деятельность*** включала в себя комплекс обширных образовательных и культурных мероприятий, проводившихся среди местного, прежде всего крестьянского, населения. В уездах остро стояла проблема недоступности книг и недостатка учебных заведений. Как правило, крестьяне не имели представления об устройстве своего государства, не знали законов, своих прав и обязанностей. Все это делало простого человека беззащитным перед любым чиновником, заставляло крестьян сторониться должностных лиц, бояться, например, судебного допроса. Этим было обусловлено и изначальное недоверие населения к земству, воспринимавшемуся народом в качестве новой чиновничьей структуры, не способной изменить к лучшему его жизнь.

Поэтому земство поставило вопрос о развитии внешкольного образования и распространения насущных общих и профессиональных знаний среди взрослого населения. Земские деятели ставили перед внешкольным образованием такие задачи: «Расширение умственного кругозора, развитие художественного вкуса, появление стремления к дальнейшему самообразованию». Постепенно оно стало восприниматься как необходимое условие прогресса, «роста благосостояния народа и демократического строя в России».

Внешкольное обучение подразумевало работу со взрослыми и детьми старше 11 лет. Оно строилось примерно на тех же принципах, что

и организация всеобщего обучения: общественном характере, общедоступности, бесплатности, самостоятельности, систематичности, планомерности.

Главными формами внешкольного образования, в осуществлении которых земства Самарской губернии достигли существенных результатов, стали бесплатные народные библиотеки-читальни (организации которых способствовали земская книготорговля через склады и издательство), народные чтения (с использованием «волшебного фонаря»), воскресные школы и курсы для взрослых, основанные на принципе бесплатности обучения.

Одновременно с открытием новых училищ земства создавали при них библиотеки с учебными пособиями и книгами для чтения, организовали через них снабжение детей письменными принадлежностями. К 1908 г. такие библиотеки имелись при всех начальных школах губернии. Инициатива открытия народных библиотек и библиотек-читален в Самарской губернии принадлежала в основном уездным земствам, комитетам попечительства о народной трезвости (по уставу от 20 февраля 1894 г.), а также сельским и волостным сходам. Чаще всего библиотеки поддерживали свое существование за счет подписки и не были бесплатными.

После общеземского съезда по народному образованию 1911 г. земское библиотечное строительство активизировалось. Земское библиотечное дело, начавшись бессистемно, эволюционировало в организованную сеть, формирующуюся на территории всей Самарской губернии.

Для удешевления книг и издания специальной литературы, учебников и пособий земства стали создавать издательства и распространять литературу через книжные склады. Жизнь заставляла земства выпускать популярные издания по сельскому хозяйству, медицине, ветеринарии. Самарское земское издательство выпускало журнал «Самарский земледелец» и популярные брошюры на такие темы, как «Лесоразведение», «Культура овса», «Культура картофеля», «Использование кукурузы», «Задержка снега», «Сведения по ветеринарии», «Общество потребителей», «Суслик и борьба с ним» и так далее. Просветительским целям служило издание земско-статистических справочников, бюллетеней, ежегодников, использовавшихся в работе земскими специалистами — врачами, ветеринарами, статистиками, учителями и др. В случае эпидемий и эпизоотий необходимую разъяснительную литературу населению раздавали бесплатно.

Для знакомства крестьян с новыми для них методами и культурами в сельском хозяйстве губернское и уездные земства с 1892 г. командировали учителей на курсы садоводства, огородничества и пчеловодства при сельскохозяйственных училищах Самарской и других губерний,

а также на пасеку П.Н. Тишинского. В тот период огородничество и садоводство в губернии были развиты крайне слабо, многие культурные растения вообще не выращивались. При школах устраивали показательные сады, огороды и ульи, вели беседы с крестьянами о новых методах ведения хозяйства, распространяли саженцы, семена и пчеловодные принадлежности. Земские отчеты подтверждают, что крестьяне охотно обращались за советом к учителям, к которым испытывали уважение и доверие; постепенно стал заметен «перелом в сельскохозяйственном мировоззрении» местного крестьянского населения.

Особое значение с начала XX в. получили сельскохозяйственные народные чтения, ведение которых было прямо включено в задачи земского агрономического персонала[140]: народные чтения подразумевали чтения по тексту и беседы по вопросам специального характера, проводимые профессионалами и сопровождавшиеся распространением брошюр по сельскому хозяйству, например по борьбе с эпидемиями и сельскохозяйственными вредителями.

К 1917 г. земствам удалось создать широкую сеть специальных курсов и школ для обучения взрослого населения. Земские деятели констатировали, что в годы Первой мировой войны с небывалой силой рос интерес народа к просвещению. Учителя отмечали, что в русской женщине пробудился интерес к грамоте, имевший к тому же и материальную сторону: чтобы написать мужу письмо, надо было обращаться к «грамотею», заплатив 5–10 коп., так что выгоднее было писать самой. Вероятно, этим объяснялось и то, что, по отзывам учителей, «к изучению счисления учащиеся относились не с таким интересом, как к чтению и письму». Потребность писать письма и отвечать на них создавала повышенную заинтересованность взрослого населения в курсах по обучению письму и чтению. Земские отчеты свидетельствуют об их большой популярности: школьные помещения не могли вместить всех желающих.

В целях культурно-просветительской работы земства также организовывали выставки, открывали музеи, которые подразделялись на педагогические, естественно-исторические, сельскохозяйственные и другие. В Новоузенском уезде возникла еще одна форма культурно-просветительской деятельности – народный театр. Стремление к широкой постановке внешкольного образования вело к устройству учреждений, где можно было бы сосредоточить все просветительные мероприятия, а именно, народных домов.

К 1917 г. в уездах Самарской губернии существовали следующие стационарные учреждения внешкольного образования: в Самарском – 2 народных дома, открытых обществом трезвости; в Ставропольском – 3 районных народных дома и 1 сельский народный дом; в Новоузенском – 18 воскресных школ (5 – первого разряда, 13 – второго разряда)

и 57 пунктов народных чтений (17 – первого разряда, 40 – второго разряда). Народные дома стали прообразами будущих сельских клубов и домов культуры, а земские музеи послужили образцом для создания краеведческих музеев в годы советской власти[141].

Хотя система земских школ создавалась лишь на уровне начального образования, земства с самого начала своей деятельности стремились и к поддержке средних учебных заведений, которая выражалась в нескольких формах. Одной из них было субсидирование земствами существовавших средних школ и выдача пособий на их учреждение. Практиковалась также выдача разного рода стипендий учащимся учебных заведений. Земство осуществляло финансирование классических гимназий и реальных училищ, а после 1876 г. – женских гимназий. В 1903 г. по своим расходам на народное образование Самарское губернское земство занимало 3-е место в России. После 1905 г. в губернии наблюдался рост числа частных учебных заведений, и земства считали своим долгом выдавать им субсидии на общих основаниях.

В 1910-х гг. органы самоуправления Самарской губернии включились в работу по организации высших учебных заведений. Одним из реализованных проектов стал Педагогический институт, открытый в октябре 1917 г. Самарское губернское земство и городская дума ходатайствовали также об открытии политехнического института с агрономическим и коммерческим отделениями. Но реализации этого проекта помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война.

Наконец, 1 февраля 1917 г. губернское земство возбудило ходатайство об открытии в Самаре университета. Университет в Самаре был создан 11 августа 1918 г. приказом КОМУЧа на базе Педагогического института. Таким образом, земства содействовали развитию не только начального и внешкольного, но также профессионального, среднего и высшего образования.

Можно сказать, что именно земство более всего попыталось сделать для модернизации крестьянской жизни в конце XIX – начале XX века как орган, реально представлявший интересы населения России. В целом Самарское земство в области культурно-просветительской работы намного опередило другие губернии региона – Симбирскую и Пензенскую – по денежным затратам, результативности и качеству.

Земства Самарской губернии активно участвовали в выставках различных общероссийских, региональных, местных и даже международных организаций. Так, Самарское губернское земство имело почетный диплом Международной выставки в Париже 1900 г., почетные дипломы и медали Всероссийской гигиенической выставки в Петербурге 1913 г., Императорского Вольно-Экономического Общества 1899 г. и др. Из уездных земств больше всего наград имело Новоузенское уездное земство[142].

О высоком авторитете Самарского земства свидетельствует тот факт, что деятели и сотрудники земств были избраны в состав первого российского парламента. Так, в I Государственной думе из 13 депутатов от Самарской губернии 5 были земцами: А.А. Андреев, Г.Н. Костромитинов, П.П. Крылов, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов. Во II Государственную думу прошли лишь 3 представителя Самарского земства из 13 самарских депутатов (К.Ф. Вознесенский, М.Г. Немальцев, В.М. Стрелков). Резко возросло число депутатов от Самарского земства в III Государственной думе: из 15 самарских депутатов 10 были земцами (В.Ф. Александров, Н.В. Жданов, С.Г. Киселев, А.И. Ковзан, С.О. Павлов, В.Н. Львов, А.И. Новиков, А.Н. Попов, И. Ротермель, А.А. Ушаков). 7 депутатов-земцев – более половины от общего числа делегации в 13 человек – были представлены от Самарской губернии в IV Государственной Думе (А.И. Ковзан, В.Н. Львов, А.М. Наумов, А.И. Новиков, В.С. Ободовский, Н.Н. Рыжков, А.П. Сидоров)[143].

К февралю 1917 г. земства были проверенным практикой надежным аппаратом управления: земские учреждения существовали в сорока трех губерниях Европейской России, их компетенция распространялась на 110 миллионов жителей[144]. Не будет преувеличением сказать, что к 1917 году Россия была, по существу, земской страной, где земство играло едва ли не большую роль, чем государственная бюрократия.

Просуществовав с 1865 по 1918 год, земство оставило неизгладимый след в истории сельской России, внесло неизмеримый вклад в развитие и улучшение жизни на местах, а также в модернизацию условий жизни населения России. Медицина, ветеринария, статистика, страхование, борьба с эпидемиями, народное образование всех ступеней, распространение новых сельскохозяйственных культур, создание сельской интеллигенции и многое другое – такова была сфера деятельности органов местного самоуправления.

Следует отметить роль органов местного самоуправления и в создании правового пространства земской России. Простые люди вдруг поняли, что и от них что-то зависит, что можно улучшить свою жизнь, участвуя в работе органов земского самоуправления. Широкие слои населения, представители разных национальностей, сословий, люди разного имущественного положения, обсуждая местные пользы и нужды, сообща решали проблемы региона. Это можно назвать шагом к последующей конституционной реформе и созданию правового государства.

Примечания

[1] Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ ОР). Ф. 169. Д.А. Милютин. Картон 62. Д. 44. Л. 7 об.

[2] Грот Н.Я. К.К. Грот в юности и в первую эпоху службы. СПб., 1904. С. 19, 23.

[3] Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). 1860. № 2. С. 149.

[4] Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 127.

[5] Там же.

[6] Его же. 25-летие Самары как губернского города. Самара, 1875. С. 542–543.

[7] Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России. СПб., 1913. Т. 2. С. 137.

[8] См.: Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10.

[9] 19 февраля 1861 – 19 февраля 1911 гг. Доклад непременных членов Самарского губернского присутствия Е.А. Богдановича, Д.К. Черносвитова и Е.И. Запесошного в торжественном заседании Присутствия 19 февраля 1911 г. Самара, 1911. С. 3–4.

[10] Там же.

[11] Журналы Самарского губернского комитета об улучшении быта помещичьих крестьян. Самара, 1859. С. 3.

[12] Дудзинская Е.А. Общественная и хозяйственная деятельность Ю.Ф. Самарина // Исторические записки. Т. 110. С. 313.

[13] Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 38.

[14] Приложения к Трудам Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. III. Извлечения из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. СПб., 1860. Самарская губ. С. 4–5; Симбирская губ. С. 40–41.

[15] Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения... С. 137.

[16] Там же.

[17] Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. М., 1904. Т. 1. С. 170.

[18] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 1–8.

[19] Там же. Д. 1. Л. 106.

[20] Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 3. С. 228.

[21] Там же. С. 275.

[22] Великая реформа: в 6 т. М., 1911. Т. 5. С. 100.

[23] См.: Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 20. С. 174.

[24] ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1. Л. 32 об.–33.

[25] Там же. Л. 41–об.

[26] ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 3. Л. 78.

[27] Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 3. С. 257.

[28] См.: Наякшин К.Я. Очерки истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С. 115.

[29] Самарские губернские ведомости (далее – СГВ). 1861. 4 марта. С. 82.

[30] СГВ. 1861. 18 марта. С. 97.

[31] Там же. С. 98.

[32] Российское законодательство. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 27–31.

[33] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. II. Т. 38. № 39 792.

[34] ЦГАСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 784. Л. 152 об.

[35] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. М., 1968. С. 494–502.

[36] Уставная грамота с. Мироновки Новотроицкой волости Новоузенского уезда // ЦГАСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 756.

[37] ПСЗ. II. Т. 36. № 36 660.

[38] Дружинин Н.М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // Славяне и Россия. М., 1972. С. 148.

[39] СГВ. 1866. № 86.

[40] ПСЗ. II. Т.41. № 43 888.

[41] См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 70–76.

[42] Самарское земство, 1864–1914. Юбилейный доклад-очерк, заслушанный в 49 Очередном губернском земском собрании. Самара, 1914. С. 5.

[43] Там же. С. 8–12.

[44] Цит. по: Хайкина Н.Л. Организация земских учреждений в Самарской губернии // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 2. С. 50.

[45] Цит. по: Там же. С. 52.

[46] Там же. С. 50.

[47] Самарское земство... С. 16.

[48] РГИА. Ф. 1284. Оп. 90. Д. 1; Самарское земство... С. 17.

[49] Самарское земство... С. 19.

[50] Этот документ был обнаружен в Центральном историческом архиве Н.Л. Хайкиной (Н.Л. Клейн). См.: Хайкина Н.Л. Указ. соч. С. 47.

[51] Самарский окружной суд. Его первая деятельность. Самара, 1871. С. 7.

[52] Там же. С. 12–13.

[53] Там же. С. 80.

[54] Там же. С. 13–14.

[55] Там же. С. 17.

[56] Цит. по: Российское законодательство X–XX в. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 7.

[57] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 624, 639, 667, 709; Ф. 170. Оп. 6. Д. 1002. Л. 74.

[58] Нардова В.А. Городское самоуправление в России 60–90-х гг. XIX в. Л., 1984. С. 64–65.

[59] Журналы заседаний гласных Самарской городской Думы. № 1–13. Самара, 1871. № 1. С. 2.

[60] Там же. С. 4.

[61] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1415. Л. 28.

[62] Там же. Оп. 36. Д. 614. Л. 100.

[63] Там же. Л. 113.

[64] Там же. Л. 76, 129; Ф. 170. Оп. 1. Д. 180. Л. 183.

[65] Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. Общее Учреждение Губернское. СПб., 1857. Ст. 270.

[66] Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 252.

[67] Самарский губернатор К.К. Грот. Самара, 2008.

[68] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 224–225.

[69] Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. Самара, 2007. С. 176.

[70] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 437. Л. 2.

[71] Там же. Л. 15–16.

[72] Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996. С. 48.

[73] Ерошкин И.П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 224–225.

[74] Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 270.

[75] Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. II. Свод губернских учреждений. Ст. 408–410.

[76] Памятная книжка Самарской губернии на 1869 г. Самара, 1868. С. 27.

[77] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 43. Д. 6. Л. 31.

[78] Там же. Оп. 42. Д. 15. Л. 7–16; Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. 1881 г. Д. 322; Оп. 5. 1881. Д. 72.

[79] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 97. Л. 348.

[80] Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 332. Л. 4.

[81] Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 2: 1894–1917. Саратов, 1999. С. 185.

[82] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

[83] Савельев П.И. Заря губернская // Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 1. Самара, 1993. С. 198.

[84] ЦГАСО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 411, 414, 791.

[85] Голубев А.Г. Губернская администрация Среднего Поволжья в пореформенный период. С. 239–240.

[86] Там же. С. 241.

[87] Гомонова С.А. Полицейские учреждения Самарской губернии в 1851–1917 гг. Самара, 2012. С. 117.

[88] Временные правила от 25 декабря 1862 года об устройстве полиции губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVII. Отд. 2. № 39087.

[89] ЦГАСО. Ф. 159. Оп. 9. Д. 737. Л. 13.

[90] Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. Самара, 1994. С. 111.

[91] Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX веков (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2011. № 1/1 (82). С. 211–215.

[92] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15.

[93] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 172.

[94] Положение о земских участковых начальниках. Ст. 2–5 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Кн. 3. С. 106–121.

[95] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39. Л. 4, 9 об.

[96] Там же.

[97] Там же. Д. 32. Л. 1.

[98] Положение о земских участковых начальниках. Т. IX. Кн. 3. С. 106–121.

[99] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39.

[100] Положение о земских участковых начальниках. Ст. 6, 31, 32. Т. IX. Кн. 3. С. 106–121.

[101] Городское самоуправление // Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: исторические справки. 9-е изд., посмерт., доп. СПб., 1905. С. 186.

[102] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 617–618.

[103] РГИА. Ф. 1284. Оп. 43. Д. 34. Л. 5.

[104] СГВ. 1871. 25 января.

[105] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. С. 620.

[106] Журналы заседаний Самарской городской думы за 1871 год. Самара, 1872. № 1. С. 2.

[107] Там же. С. 4.

[108] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 374. Л. 9.

[109] Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье... С. 142–162.

[110] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. С. 23–24.

[111] Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье... С. 163–185.

[112] Фролова К.В., Черкасова М.В. Деятельность городского головы Самары В.Е. Буреева // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 21–22 мая 2012 г. Самара, 2012. Ч. I. С. 275–284.

[113] Энциклопедия Самарской области. Т. 3: К–М. Самара, 2011. С. 117–118.

[114] Субботин Петр Семенович // Энциклопедия Самарской области. Т. 5: С. Самара, 2012. С. 318.

[115] Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: сб. ст. и материалов III Международной науч.-практ. конф. Самара, 2003. С. 69.

[116] Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С. 233.

[117] Постников Сергей Несторович // Энциклопедия Самарской области. Т. 4. С. 206. См. также: Алексушин Г.В. Во главе Самары. Самара, 1999.

[118] История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Кн. 1. Самара, 2011. С. 200.

[119] Мартеновская А. «Господи, благослови!» // Самарская газета. 2003. 29 октября.

[120] Оспенникова А. Змееборец и домостроитель // Молния. 2005. 30 сентября.

[121] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1016. Л. 6.

[122] Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения в дореволюционной Самаре // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 75–79.

[123] Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения... С. 80.

[124] Колядина А.М. Самарский городской голова Сергей Ефремович Пермяков // Самарский краевед. Самара, 1994. С. 173–188.

[125] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Проект «100 главных документов российской истории». URL: http://doc.histrf.ru/19/vysochayshe-utverzhdennoe-polozhenie-o-gubernskikh-i-uezdnykh-zemskikh-uchrezhdeniyakh (дата посещения: 09.09.2020).

[126] Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 135–142.

[127] Самарское земство. Опыт практической деятельности, 1865–1918 гг.: к 15-летию Самарской Губернской Думы / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2009. С. 167–174.

[128] Там же. С. 175–180.

[129] Белякова Н.С. Г.И. Баскин: Общественная и научная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 16–17.

[130] Самарская губерния: день за днем... 1896–1900 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006. С. 125.

[131] Там же.

[132] Самарское земство. Опыт практической деятельности... С. 232–236.

[133] Там же. С. 239–255.

[134] Там же. С. 195–197.

[135] Там же. С. 199, 201–202. См. также: Кузьмин В.Ю. Земская медицина в России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара, 2000; Земская медицина в Самарской губернии // Энциклопедия Самарской области. Т. 2: Г–И. Самара, 2000. С. 297.

[136] Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1: Рассказы 1880–1883. М., 1960. С. 381.

[137] Самарская губерния: день за днем... 1891–1895 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004. С. 126–127.

[138] Самарское земство. Опыт практической деятельности... С. 262.

[139] Там же. С. 273–275.

[140] Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918) // Энциклопедия Самарской области. Т. 2. С. 294–295.

[141] Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917). Уфа, 2004; Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918). С. 295–296.

[142] Земская культурно-просветительская деятельность в Самарской губернии (1864–1918). С. 296.

[143] Государственная Дума Российской империи: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1: 1906–1917. М., 2006.

[144] Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Пг., 1918. С. 16.

Глава 3.
СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ

§ 1. САМАРСКОЕ ДВОРЯНСТВО

Вопросы землевладения и землепользования, социально-экономического строя помещичьих хозяйств, функционирования земельного рынка достаточно полно освещены в исторических исследованиях[1], в которых реконструированы социально-демографический облик и общественно-политическая позиция самарского дворянства[2].

Новый этап эволюции сословий был обусловлен созданием в 1851 г. Самарской губернии. Незавершенность колонизации края, особенности территориального и этнодемографического расселения наложили отпечаток на состав и демографические характеристики населения губернии. В пореформенный период продолжался активный миграционный прирост населения. Дворянство Самарской губернии было немногочисленным – лишь 0,3 % от всего населения губернии, причем этот показатель был ниже общероссийского[3]. Потомственное дворянство в 1858 г. составляло 1598 человек (694 человека мужского населения и 904 женского); личного дворянства и чиновников насчитывалось 2319 человек (из них 1681 мужчина и 638 женщин)[4].

«Великие реформы» XIX в. ускорили модернизационные процессы, что обусловило изменения социальных ролей и менталитета «благородного сословия». Существенной трансформации подверглись традиционные ценности и поведенческие практики. Фактически утратило свое значение деление сословия на разряды, снизилось воздействие на социальное поведение дворянина культурных норм и символов. Социальный статус дворянина все больше определяли экономические и профессиональные критерии.

На момент образования Самарской губернии, по данным А.А. Чемодурова, численность дворянских родов составляла 328 фамилий, на 1900 год – 511. «Действительное» или жалованное дворянство, вписанное в первую часть родословной книги, было представлено 18 родами. Наиболее многочисленную часть сословия составляли представители тех родов, которые получили сословные привилегии за военную и гражданскую службу. Фамилии, получившие дворянство на военной службе, были представлены 233 родами, а служилое дворянство – 128 родами. Только князь С.Д. Урусов был вписан в четвертую часть родословной книги – «иностранные дворянские роды». Титулованное дворянство насчитывало восемь родов, благородные роды были представлены 123 фамилиями[5]. 33 фамилии относились к мелкопоместным дворянам.

К 1917 году численность дворянских родов Самарской губернии насчитывала 460 фамилий. Число родов, занесенных в первую и четвертую части губернской родословной книги, не изменилось и составило соответственно 18 и 1 фамилию. Количество дворян, занесенных во вторую часть родословной книги, сократилось до 187, а в третью – до 125 фамилий. Незначительно увеличилось количество титулованных дворян – до 10 фамилий. Последняя, шестая часть насчитывала 119 древних благородных родов[6]. Отметим, что по различным причинам часть самарских дворян, проживающих в губернии, не была внесена в губернскую родословную книгу, да и деление на разряды к началу XX в. утратило свое значение и не давало особых привилегий. Родословные книги не отражали демографических и миграционных изменений, которые происходили в составе сословия.

Самара, ул. Дворянская. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Рост численности сословия к началу XX в. был обусловлен интенсивным развитием экономики губернии и политикой государства, заинтересованного в квалифицированных кадрах гражданских и военных чиновников. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., к потомственным дворянам Самарской губернии относило себя 5391 человек, что свидетельствует о росте численности представителей сословия в 3,3 раза[7]. Данные показатели отражают только приблизительную тенденцию. К 1917 г. численность сословия снизилась. На ее динамику оказывали влияние такие причины, как массовое аграрное

движение, развернувшееся в годы Первой российской революции, сокращение дворянского землевладения. В период Русско-японской войны, революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны самарские дворяне стали перемещаться в столицы и другие города страны.

Первые дворянские владения в Самарском крае традиционно размещались в лесной полосе – там, где преобладали плодородные черноземные почвы. В ходе колонизации края дворянские имения возникали в Бугульминском, Ставропольском, Самарском, Бузулукском и Бугурусланском уездах. Вокруг дворянских имений располагались обширные пространства, принадлежащие казне, уделу, крестьянам. По данным П.В. Алабина, накануне реформы 1861 г. в губернии насчитывалось 825 помещиков, владевших крепостными, они «проживали в 802 деревнях, населенных 115 772 крестьянами мужского пола»[8]. В большинстве новых поместий в южной части губернии (в Бузулукском, юго-восточной части Бугурусланского, Засамарской части Николаевского и Самарского уездов) земля чаще всего выделялась без крестьянского населения. Лишь 8 дворян-помещиков имели земли в Николаевском и Новоузенском уездах[9].

Отмена крепостного права и последующие реформы определили принципиально иные пути хозяйствования. Помещичье хозяйство вступило в длительный переходный период. Перед дворянством встали вопросы о финансировании своих хозяйств, внедрении инноваций, использовании вольнонаемного труда. Эффективную хозяйственную деятельность в своих имениях смогли вести далеко не все помещики.

Самарские дворяне в 1877 г. имели 1082 владения общей площадью 2033,1 тыс. дес. земли. Доля помещичьего землевладения в общей площади губернии была незначительной и составляла на 1892 г. 3,2 %. Наибольшее количество земли принадлежало дворянам в Бугурусланском (20,7 %) и Ставропольском (19,8 %) уездах, а наименьшее – в Николаевском и Новоузенском уездах (10,9 %)[10]. К 1905 г. число дворянских владений в губернии сократилось до 810, а занимаемая ими площадь – до 926 тыс. дес.[11] Убыль коснулась прежде всего крупных земельных владений размером от 3000 десятин[12].

Для современников дворянское обезземеливание стало символом крушения старой эпохи и прихода нового порядка. Несмотря на стремление власти законсервировать сословную социальную структуру и оказывать посильную экономическую помощь дворянству, приспособлению помещиков к меняющейся действительности мешал комплекс социально-экономических причин. Среди них – неразвитость рынка наемного труда в России, отсутствие широкомасштабных кредитных программ, неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура и кризис хлебных цен конца XIX в. Отмена крепостного права порождала у дворян и психологические проблемы. Эффективное хозяйство предполагало его ориентированность на рынок, что противоречило традиционным

базовым ценностям и ментальным установкам дворянского сословия, которое было не готово к предпринимательской деятельности и освоению новых социальных практик.

Вначале самарские дворяне возлагали большие надежды на вновь созданный дворянский Саратовско-Симбирский банк. Они заложили в нем 18 имений общей площадью 34 000 десятин. Но из-за злоупотреблений членов его правления банк оказался несостоятельным, и правительство вынуждено было взять на себя ликвидацию банка-банкрота[13]. Гораздо большее количество имений находилось в залоге в Обществе взаимного поземельного кредита, утвержденном 1 июля 1866 г. и имевшем всероссийский характер. На 1889 г. кредитом воспользовались 210 самарских помещиков, заложив 470 264 дес. земли. Организационные сложности и недальновидная политика Общества привели к тому, что в 1890-х гг. выдача ссуд была заморожена.

В первой половине 1880-х гг. государство создало финансовую инфраструктуру сельского хозяйства. Сложилась система государственного ипотечного кредита, куда входили городские кредитные общества, Общество взаимного поземельного кредита, преобразованное в 1891 г. в Особый отдел Дворянского земельного банка, акционерные земельные банки, а также государственные Крестьянский поземельный банк (с 1882 г.) и Дворянский земельный банк (с 1885 г.). Заемщиками земельных банков являлись главным образом дворяне, а также крестьяне и купцы. Ипотечный кредит во всех учреждениях, кроме Крестьянского поземельного банка, носил нецелевой характер и мог использоваться не только для модернизации сельского хозяйства, но и для участия в промышленном и банковском предпринимательстве, в биржевой игре. Но лишь малая часть полученных дворянами ссуд шла на модернизацию имений: большинство средств расходовалось на уплату долгов, раздел имущества среди наследников и потребительские нужды. Закладывая малодоходные имения в акционерные земельные банки, помещики участвовали в биржевых сделках, рассчитывая получить высокие прибыли от строительства железных дорог. Однако чаще всего они разорялись, что приводило к прогрессирующему росту задолженности дворянского землевладения.

В структуре дворянского землевладения преобладали крупные имения размером свыше 1000 десятин (табл. 3.1). Площадь помещичьих латифундий составляла 85,5 % всей земельной собственности дворянского сословия.

Таблица 3.1

Структура дворянского землевладения в 1905 г.[14]

Губерния	Всего земли, в тыс. дес.	Мелкое до 100 дес.	%	Среднее до 1000 дес.	%	Крупное св. 1000 дес.	%
Самарская	926,0	14,4	1,5	120,0	13,0	791,7	85,5

Несмотря на широкую протекционистскую политику правительства, в пореформенный период число средних и крупных помещиков постоянно уменьшалось, а мелких – возрастало. Дворяне-землевладельцы становились чиновниками, переходили в другие социальные и профессиональные группы. В купле-продаже земель участвовали все сословия, но их мотивы и цели были различны. По количеству продаваемых сельскохозяйственных земель в регионе лидировали Саратовская и Самарская губернии. К 1905 г. удельный вес земель поместного дворянства в общем количестве частновладельческих земель в Самарской губернии составил всего 28 %[15].

Убыль дворянской земли вновь достигает пика в 1906–1907 гг., что было связано с массовым крестьянским движением в годы Первой российской революции. Площадь дворянского землевладения в Самарской губернии сократилась с 926 041 дес. в 1905 г. до 540 796 дес. в 1914 г.[16] Землю продавали не только мелкие помещики, чьи хозяйства, как и крестьянские, существенно зависели от капризов погоды и рынка, но также средние и крупные. Крупные имения требовали больших капиталовложений для нормального хозяйственного функционирования и были громоздки в управлении, что способствовало их дроблению и распродаже. На первом месте по размерам проданной дворянами земли был Николаевский уезд, затем – Бузулукский и Новоузенский.

§ 2. САМАРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

Экстраординарную активность в приобретении земли в пореформенный период проявили самарские купцы. Сфера их деятельности не ограничивалась торговлей: они активно участвовали в жизни губернии, работе городского самоуправления и развитии системы социального обеспечения. Современные исследователи подчеркивают значение вклада купечества в развитие инфраструктуры поволжских городов, отечественной культуры и благотворительности[17]. Хорошо изучены к настоящему времени демографические характеристики, торгово-предпринимательская и благотворительная деятельность купечества Самарской губернии[18].

В первой половине XIX в. развитие товарности сельского хозяйства создавало наиболее благоприятные условия для участия предпринимателей из числа купцов и крестьян в перерабатывающей промышленности. Динамичное развитие городов и торгово-промышленных поселений Самарской губернии оказывало существенное влияние на формирование самого активного слоя городского населения – купечества, рост его численности, эволюцию экономического и социального статуса.

Региональные особенности формирования купеческого сословия определялись историческим своеобразием заселения и хозяйственного

освоения Самарской губернии. В большинстве случаев в купеческое сословие переходили государственные крестьяне, чаще всего старообрядцы, так как они более активно занимались торгово-предпринимательской деятельностью. В начале XIX в. в Самаре насчитывалось 2390 купцов и мещан, в Сызрани – 3100, в Ставрополе – более 800. Основным занятием купечества была скототорговля. По территории края пролегали крупные скотопрогонные тракты, по которым ежегодно транзитом перегоняли несколько сот тысяч голов скота, купленного в Оренбургской губернии и Букеевской орде. Самара продолжала оставаться крупным транзитным пунктом солеторговли: ежегодно с р. Илек на Самарскую пристань доставлялось 3 млн пудов соли. К середине XIX в. в Самаре сложились все известные формы торговли: ярмарочная, развозно-разносная, базарная и стационарная. Торговые обороты на территории будущей Самарской губернии достигали 10 млн рублей серебром. Здесь действовало более 200 базаров и ярмарок. Наиболее известными были Самарская ярмарка, Воздвиженская ярмарка в Бугульме, ярмарки в Белебее, Бузулуке. Покровская слобода возвысилась за счет скототорговли и солеперевозки. Многие пригородные самарские села, например Дубовый Умет, богатели за счет перепродажи зерна, содержания постоялых дворов, амбаров.

В начале 1850-х гг. XIX в. в Самаре зафиксировано 8 купцов второй гильдии, 327 купцов третьей гильдии[19]. Права на принадлежность к купеческому сословию приобретались через гильдейское свидетельство с обязательной уплатой повинностей по прежнему состоянию. Купец 3-й гильдии постоянно балансировал между опасностью не возобновить свидетельство в срок и, как следствие, перейти в мещанство. В третью гильдию записывались выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. По данным А.Б. Бирюковой, в составе самарских купцов 3-й гильдии в 1852 г. «около 40 % были из государственных крестьян и вольноотпущенников; около 10 % составляли мещане, остальные были из купеческих детей, родственников купцов 3-й гильдии или иногородних купцов»[20]. Исследователи полагают, что свободное вступление и выход из купеческого сословия, возможность изменить свой социальный статус в зависимости от своего материального положения определяли положение сословия в социальном плане как «своего рода перевалочный пункт для всех, кто двигался вверх и вниз по общественной лестнице»[21].

В 1862 г. в Самаре объявили свои капиталы 256 купцов, из них в первую гильдию входили лишь двое. В соответствии с «Положением о пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863 г. и дополнением к «Положению...» от 9 февраля 1865 г. была отменена пошлина с объявленного капитала для всех купеческих гильдий и упразднена 3-я гильдия. Эти законодательные акты привели к отмене сословных

преимуществ при уплате торговых сборов и увеличению численности купечества.

В 1871 г. в Самаре насчитывалось 659 купцов, из них 33 – первой гильдии и почетные граждане. В 1-ю гильдию со званием потомственного почетного гражданина входили члены семьи Шихобаловых: Антон Николаевич, Михей Николаевич, Матвей Николаевич, Емельян Николаевич с сыном Иваном, а также А.М. Горбунов[22]. В 1-й гильдии числились В.Е. Буреев с сыном, Ф.В. Вощакин с сыновьями, И.Д. Волков, Д.Е. Растрепин и И.Д. Растрепин, С.У. Субботин с сыном и внуком, М.И. Назаров с двумя сыновьями, Ф.Е. Богомолов, Н.Ф. Дунаев, И.А. Бахарев с сыном, С.В. Ободовский, Е.Н. Аннаев с сыном, С.Л. Аржанов с двумя сыновьями. 2-я гильдия была более многочисленна и включала, по данным 1874 г., 626 купцов вместе с членами их семейств. О численности купеческого сословия можно составить представление лишь на основании данных свидетельств на занятия торговлей, полученных в тот или иной временной период. Их число ежегодно колебалось, что не позволяет привести точные статистические сведения. Достаточно сложно определить территориальную принадлежность купца, так как она учитывалась по месту приобретения гильдейского свидетельства[23]. Предприниматель, приобретая гильдейское свидетельство в Самаре, именовался самарским купцом, хотя мог проживать и торговать в уезде.

Е.Н. Аннаев. Из фондов ЦГАСО

Выплата ежегодного гильдейского сбора обходилась в достаточно крупную сумму. Например, самарский купец первой гильдии С.И. Аржанов с семейством заплатил за причисление в самарское купечество в 1891 г. сбор в размере 418 рублей 45 коп. Из них гильдейская пошлина составляла 265 рублей, а остальная сумма включала сборы за билеты на лавку, государственные земские повинности, губернский и уездный сборы, а также сборы за билеты о принадлежности к купеческому званию в размере 10 рублей (для каждого члена купеческого семейства старше 17 лет)[24].

В пореформенный период активизировался процесс перемещения капитала между городами. Заметное влияние приобретали такие показатели, как уход из сословия в связи с «получением статуса потомственного почетного гражданства», получением образования и профессиональными изменениями. Принятие в 1898 г. закона о Государственном промысловом налоге существенным образом повлияло на численность и социально-правовой статус купечества, способствовало выходу из сословия крупных предпринимателей и сокращению его численности фактически в два раза. Приобретение корпоративных документов стало делом добровольным, что привело к появлению «неторгующих» купцов, пользовавшихся сословными правами, но не занимавшихся никакой предпринимательской деятельностью. На сокращение численности гильдейского купечества повлияло и распространение торговых домов, товариществ и акционерных обществ, так как купеческое свидетельство выбиралось только на имя главы фирмы.

Численность купечества на рубеже XIX–XX вв. была сравнительно небольшой и не превышала 0,2–0,3 % от населения Самарской губернии. Согласно подсчетам К.М. Макитрина, купеческое сословие города Самары на пике своей численности составляло 1076 человек обоего пола (1902 г.). Наименьший размер сословия – 607 человек обоего пола – был зафиксирован в 1916 г.[25] Рост купеческого сословия с небольшими перепадами в 1898, 1900 гг. шел до 1902 г., а затем начался процесс его сокращения.

В 1895 г. число самарских купцов обоего пола составляло 178 человек: 168 мужчин и 10 женщин. В Самарской губернии преобладало купечество второй гильдии, в которой состояло 156 (87,6 %) купцов обоего пола – 147 мужчин и 9 женщин, в том числе два потомственных почетных гражданина: А.И. Константинов и И.Л. Санин[26]. В первую гильдию было записано 22 купца: 21 мужчина и одна женщина[27]. Среди членов первой гильдии были купцы Н.Ф. Дунаев, А.Н. и Н.И. Шихобаловы (отец и сын) – имели звания потомственных почетных граждан, а П.М. Журавлев обладал званием «коммерции-советника»[28]. Численность купцов 1-й гильдии в 1895–1916 гг. была стабильной и колебалась в промежутке от 17 до 23 человек, что составляло в разные годы от

10 до 18 % от всего численного состава сословия. В 1899 г. в составе купцов первой гильдии произошли изменения: в нее вошли 5 новых членов, в том числе А.И.-М. фон Вакано[29].

А. фон Вакано. Из фондов ЦГАСО

До 1909 г. в сословие вступало ежегодно в среднем по 18 человек, а в 1910–1916 гг.– примерно по 7 человек. Женщины, состоявшие в гильдейском купечестве Самары в 1895–1916 гг., являлись купеческими вдовами, выбравшими купеческие свидетельства для себя и своего семейства на свое имя. Во второй гильдии их численность колебалась от 8 до 16 человек. Мизерной была доля женщин (от 1 до 3) в составе 1-й гильдии.

Наряду с жителями Самары в гильдиях состояли иногородние купцы и купцы, проживавшие в селах Самарской губернии: Екатериновке, Красном Яре, Борском, Старом Буяне, Мамынове. Анализ возрастных групп самарского купечества в 1895–1916 гг. показал чрезвычайно низкий процент молодых купцов в возрасте до 25 лет, численность которых не превышала трех человек, и сокращение численности купечества в возрастной группе 25–34 года. Отсутствие омоложения купечества сопровождалось стремительным старением купечества и ростом числа купцов возрастной группы старше 65 лет.

Для самарского купечества характерна достаточно пестрая конфессиональная картина. Хотя по численности и удельному весу преоблада-

ли купцы православного вероисповедания, в составе сословия в начале XX века были представители одиннадцати религиозных конфессий: старообрядцы, единоверцы, духовные христиане, последователи тайного священства, «австрийской секты», молокане, иудейского вероисповедания, магометане, католики, лютеране, приверженцы англиканской церкви. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., абсолютным преимуществом в Самарской губернии обладали русские купцы, удельный вес немецких купцов составлял 3,97 %, купцов-иудеев – 5,96 %[30].

Анализ семейного положения купечества позволил установить влияние семейных устоев и родственных связей на развитие торгового предпринимательства. Семья обеспечивала преемственность предпринимательских усилий, профессиональных торгово-промышленных навыков, а также производство и воспроизводство капитала. Зарождение и становление многих известных самарских фирм на начальном этапе было связано с семейным делом, о чем свидетельствуют названия товариществ и торговых домов: например, ТД «М.Л. Боберман с сыновьями», ТД «Г.М. Марков с сыновьями», ТД «Братья Шихобаловы» и другие[31]. Большую роль семейственность в бизнесе сыграла и в складывании в Самарской губернии своеобразных династий предпринимателей.

Типичной формой предпринимательского бизнеса была субаренда земельного фонда. Купечество освоило приемы субаренды еще в 30-х гг. XIX в., снимая казенные земли из расчета 3 коп. за дес. ежегодно, а затем пересдавая ее крестьянам гораздо дороже – по 20–30 коп. за десятину. В 1860 г. была введена система конкурентных торгов казенных земель в долгосрочную аренду. Выставленные на торги целинные земли были арендованы крупными купцами, а затем сдавались в краткосрочную субаренду общинам и отдельным крестьянам.

За 1860-е гг. многие самарские купцы – Мальцев, Полеводин, Харитонов, Шихобаловы, Вощакин, Емельянов и другие – стали крупными землевладельцами и арендаторами. Около 700 тыс. десятин сосредоточилось в руках самарских купцов, три четверти из них – у восьми семей: Мальцевых, Шихобаловых, Курлиных, Аржановых, Корепановых, Плешановых, Ковригиных и Сапожниковых. Впоследствии их земельные владения многократно выросли за счет скупки разорившихся помещичьих имений. В пореформенный период размеры землевладения купцов удвоились. В 1877 г. им принадлежало 261 имение общей площадью 658 466 десятин, а в 1905 г. – 527 имений площадью 1 212 430 дес.[32] Особенно крупными были купеческие владения в Николаевском, Новоузенском и Бузулукском уездах. Покупки земель купцами устойчиво росли до начала 1880-х гг. Купцы Аржановы приобрели в разное время 154,6 тыс. десятин, Шихобаловы – 162,8 тыс. десятин. Землю скупали как для организации собственного хозяйства, так и для сдачи в аренду

крестьянам. Средний размер купеческого землевладения в 1877 г. составлял 2523 десятины, а в 1905 г. – 2300 десятин[33].

Особняк А.Г. Курлиной (совр. ул. Фрунзе, 159). Из фондов ЦГАСО

До конца 1870-х гг. для «чумазых лендлордов» были характерны однотипные способы ведения хозяйства и эксплуатации земли. На юге губернии купцы занимались спекуляцией землей, а на севере – вырубкой леса. Залежные земли зачастую использовали как сезонные пастбища. Весной у кочевников-скотоводов скупали молодняк, откармливали его, а осенью распродавали. Другим способом спекулятивного землепользования было экстенсивное земледельческое хозяйство, где купца интересовала прежде всего прибыль от урожая. Для работы нанимали артели батраков, которые засевали огромные площади, а осенью собирали урожай. Если в 1860–1870-е гг. самарские купцы хозяйствовали на земле «хищнически» (прибыль быстро и любыми методами, угнетение крестьян больше, чем у помещиков-дворян), то на рубеже 1870–1880-х гг. многие из них стали переходить к организации высокорентабельного производства с чередованием посевов, многопольными севооборотами, использованием научных достижений и технических новшеств.

§ 3. САМАРСКИЕ МЕЩАНЕ

Самара, как и остальные русские города второй половины XIX – начала XX вв., была многолика по своему социальному составу. Среди ее горожан можно было встретить представителей всех сословий. Но не следует забывать, что, сообразуясь с законами Российской империи, собственно городскими сословиями считались три: купцы, мещане и ремесленники. И вот из этих трех городских сословий мещанство было самым крупным сословием русских городов. Не купеческое,

не ремесленное, а мещанское сословие. По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 года, население города Самары составляло 89 999 человек. Из них мещанского сословия было 39 254 человека, а крестьянского – 39 825 человек[34].

Жители г. Самары. Из частного архива

С мещанами история, а вернее, русская культура сыграла злую шутку. Антимещански настроенная русская литература, интеллигенция еще при жизни сословия заклеймили его, придав ему черты социального типа с узкими взглядами, дешевым вкусом и обывательской позицией. Основное городское сословие оказалось обвиненным просто в том, что оно и есть основное городское сословие со свойственной городу картиной мира, связанной с торговлей и обывательскими ценностями. Народническая идеология, преобладавшая в среде разночинской интеллигенции, подвергала остракизму социальные явления, в той или иной степени связанные с капитализмом. Н.В. Шелгунов писал: «Мы хотим уничтожения мещанства, этой неудавшейся русской буржуазии, выдуманной Екатериной II. И какие они tiers état («третье сословие». – фр.)

Те же крестьяне, как и остальные, но без земли, бедствующие, гибнущие с голоду»[35]. Антимещанский комплекс русской культуры благополучно перешагнул через революцию и утвердился в советском идеологическом пространстве.

Но в России с самого начала своего появления слово «мещане» выступает как равнозначное понятию «горожане»[36]. Следовательно, история мещанского сословия – это фактически и есть история русского города. Но если город остается в исторической памяти народа не как мещанский, а как купеческий, следовательно, культурная элита способна переформатировать социальную историю, память, расставив акценты вопреки реальной жизни. Но самое интересное заключалось в том, что, по задумке законодателей конца XVIII столетия, Екатерины II, жизнь мещанского сословия в городах должна была характеризоваться понятием «гражданство», так как мещане включались в систему городского самоуправления.

В Законах о состояниях 1832 г., что очень важно для понимания статуса сословия, мещане получили название «граждан» или «среднего рода людей»[37]. За ними закреплялся статус «городского гражданства», который фиксировался Обывательской книгой. В книгу вписывалось «имя и прозвание всякого гражданина, в том городе дом или строение, или землю имеющего, или в гильдии, или в цех записанного, или мещанским промыслом промышляющего»[38], прописывалась наследственность статуса («доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию»[39]) и отмечалось, что тот, кто не будет вписан в Обывательскую книгу, «не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города»[40]. В Самаре сохранилась Обывательская книга мещан, состоящая из двух частей: «Имеющим недвижимую собственность» и «Не имеющим недвижимую собственность»[41]. Таким образом, городовая Обывательская книга фиксировала принадлежность к «гражданству» города[42]. А «городское гражданство» – это фактически самоуправление горожан: мещан, купцов и ремесленников. Лица других сословий, проживающие в городе, имеющие собственность, но не записанные в Обывательскую книгу, не считались «гражданами»: дворяне, лица, находившиеся на военной и гражданской государственной службе, разночинцы, крестьяне, крепостные[43]. И если представители этих категорий населения желали заняться торгово-промышленной деятельностью в городе, они должны были или приобретать гильдейское купеческое свидетельство, или записываться в мещанство[44]. Чтобы стать настоящими горожанами, нужно было записаться в мещане или в купцы.

Для причисления в мещане необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей и ремеслом, нести податные обязанности и исполнять городские общественные службы[45]. Участие в системе городского самоуправления было предложено горожа-

нам и как «осознанная необходимость» для выполнения мещанским обществом налоговых обязательств, и как возможность участия в общественной и хозяйственной деятельности. Общественные должности, на которые избирались мещане и купцы, не предполагали жалования, отрывали от каждодневного труда, направленного на выживание семьи, то есть, казалось бы, должны были являться еще одним тяглом. Но вопреки сложившейся в историографии точке зрения о том, что до 1860-х гг. государство присваивало себе часть функций местного самоуправления и только в пореформенный период делегировало их местной общественности[46], именно в дореформенный период мещане и купцы города создали свою модель «городского гражданства» «снизу», относясь к нуждам города как к своим собственным, с позиций трудовой этики и психологии «хозяина». Взаимодействие мещан в границах городского самоуправления носило в некоторой степени характер патриархальных связей, в которых главой большой патриархальной «семьи» выступал городской голова, а связующим звеном между «отцом» и «домочадцами» являлся мещанский староста.

Во всех городах Самарской губернии в первой половине XIX в. продолжали действовать с некоторыми изменениями екатерининские муниципальные учреждения[47], и к 1861 г. органы городского самоуправления были представлены канцелярией городского головы, городской думой и ратушей, состоящей из бургомистров и ратманов[48], а если управление осуществляла дума или канцелярия городского головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы[49].

Дума осуществляла распорядительные функции в тех сферах жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремесел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан. Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная[50]. Процедура выборов на должности городского самоуправления в уездный период жизни Самары реконструирована историками лишь по единичным делам, уцелевшим после пожара 1850 г. Решение о проведении выборов и их сроках принимал городской голова в конце календарного года. В особых случаях проходили досрочные выборы. Все собирались в «доме общества градского», приносили присягу, подписывались под ее текстом. Результаты выборов протоколировались. Голосование проводилось шарами (баллотировкой). Получивший второй результат на выборах числился кандидатом в должность[51].

Самарское градское общество на каждое трехлетие избирало по баллотировке в городскую думу: городского голову (1 чел.), гласных думы (4 чел.), заседателей в палату уголовного суда (2 чел.), заседателей в палату гражданского суда (2 чел.); в городской магистрат: бургомист-

ров (2 чел.), ратманов (4 чел.), ратманов для полиции (2 чел.), депутатов и купеческих, мещанских и податных старост[52]. Все выбранные лица должны были утверждаться губернатором. В одних городах Дом общества градского представлял собой отдельное здание для заседаний градской думы, в других – более широкое присутственное место, где были сосредоточены различные государственные учреждения. В 1858 г. мещане г. Самары собирались на свое общественное собрание в дом, занимаемый городской думой[53]. После пожара 1850 г. старый деревянный «дом общества градского» в Самаре сгорел, уцелели лишь «стол присутствующих думы с зеленым сукном, зерцало и портрет Государя императора без рамки»[54]. Представители местного самоуправления вынуждены были снимать за 290 руб. в год дом купца И.С. Лебедева[55].

Процедура выборов находилась под контролем коронной администрации. Номенклатура должностей, на которые избирались мещане, была значительно шире законодательных предписаний, что было связано с практикой постоянных самоотводов с должностей не только мещан, но и купцов. В 1855 г. мещане Самары избрали на общественные должности базарных старост, мещанского старосту, помощников податному старосте, присяжных оценовщиков, комиссара общественных зданий, депутата для квартирных дел, депутатов городского депутатского собрания, торговых депутатов[56]. Из приговора мещанского общества 1856 г. видно, что всего «при городской думе» служило 24 мещанина[57], на которых однообщественники возлагали «обязанность исполнять (должности)... в точности и добросовестно, в чем подпишемся к сему приговору...»[58]. Два определения, «точно и добросовестно», характеризуют исполнительскую роль мещанского общества в городе.

Для решения общегородских вопросов мещане и купцы заседали сообща. Выслушав предложенное городским головой мнение, производили «по этому предмету баллотировку» шарами[59]. В материалах выборов служащих из городских обывателей по Самарской городской думе на 1858–1865 гг. представлен достаточно широкий круг должностей, на которые избирались мещане: это гласные думы, общественный писарь, депутаты городского депутатского собрания, депутаты по торговле, аукционщик, комиссар для смотрения за общественными зданиями, мещанский староста с помощником, податный староста с помощниками, присяжный оценовщик с помощниками, депутаты для следственных дел, базарный староста, добросовестный по общественным делам и добросовестный по рекрутским делам, депутат со стороны граждан по раздаче жителям г. Самары, страдавшим от пожара, денег, комиссар по сбору денег с домовых труб, выборные при частях города, добросовестные при частях города, ратман полиции, староста квартирной комиссии, староста по составлению городской обывательской книги, комиссары для сбора денег в городской доход, окладчик податей, торговые

депутаты, члены пожарного комитета, причем на большинство должностей – еще и кандидаты, которые могли бы заменить должностных лиц в крайнем случае[60]. Фактически все эти должности призваны были обеспечить порядок в городе. И мещане, таким образом, выступали как творцы собственной городской жизни.

Тексты клятв, которые приносили мещане при избрании на должности городского самоуправления, были практически идентичными, начиная от участия в выборах и заканчивая, к примеру, клятвой на вступление в должность[61]. В текстах клятв было отражено религиозное сознание: человек клялся перед Богом, в наказание за нерадивость – обрекался на Страшный суд и в подтверждение клятвы целовал крест. Горожане, имеющие право участвовать в выборах, прибывали в градскую думу в Самаре в 8 часов утра и вместе с городским головою отправлялись в Соборную церковь. Там служили для них Божественную литургию и молебен Христу Спасителю[62]. Потом все приводились к присяге.

Не останавливаясь специально на деятельности городового магистрата, отметим, что, как правило, там в 50–60-е гг. XIX в. слушались мелкие судебные дела. Магистрат рассматривал дела о скоропостижно умерших мещанах, вникал в обстоятельства их смерти[63]. В заключение фиксировалось: «В умышленном лишении его жизни виновных никого не открыто»[64]. В магистрат жаловались на семейные ссоры. Дела, как правило, заканчивались «миробитием»[65]. Обращались в магистрат мещане с жалобами на «причинение обиды и побоев», о «растратах» из магазинов и т. д.[66] Но, несмотря на незначительность происшествий, даже «за кражу табаку с... пристани» мещанин мог оказаться в тюремном замке[67]. Должности по городовому магистрату, как и прочие общественные должности, были обременительны для мещан. Но все вопросы самоотвода можно было решить легитимно. От несения службы можно было уклониться по уважительным причинам[68].

Прошения мещан на имя городского головы показывают, с одной стороны, сохранявшуюся патриархальность связей, общинность сознания представителей данного сословия, с другой стороны, отчаянную фронтирность этой социальной группы, которая перманентно сохранялась за счет непрекращающегося потока тех социальных элементов, которые приписывались в мещанство, особенно в период после отмены крепостного права. На имя городского головы поступали из магистрата и из палаты уголовного суда сведения о судимости мещан. Это были или конкретные донесения о том, к примеру, как какой-нибудь мещанин украл деньги, нанес «жене обиды» или однообщественнику побои[69], или же «Ведомости купцам и мещанам, состоящим под судом палаты»[70].

Другим местным лидером, к которому обращались в своих нуждах мещане, был мещанский староста. Мещанский староста, его помощни-

ки и десятские, ведавшие отдельными участками города, избирались мещанским обществом по баллам на трехлетний срок и утверждались губернатором. Должности старосты и помощников считались общественными и долгое время не оплачивались, но по приговору общества им могли отпускать небольшие суммы. Постепенно общества получили право выделять из своих общественных сборов определенную сумму на оплату труда должностных лиц[71]. Мещанский староста доносил до сведения однообщественников указы городской думы[72]. Он сообщал о проведении в думе торгов на постройку и перекрытие ярмарочных лавок и т. д.[73] Показательно, что в своих официальных бумагах, направлявшихся мещанскому старосте в 1850–1860-е гг., дума обращается к нему на «ты», например: «Градская Дума предписывает тебе...» или «Городская Дума препровождает при сем к тебе подсудимого мещанина Ефима Муравьева для водворения в мещанское общество»[74]. Круг забот мещанского старосты в 50-е гг. XIX в. можно выявить из такого документа, как «Собрание указов мещанского старосты г. Самары на 1858 г.»[75]. Указы касались сбора недоимок за лечение в больницах бедных мещан; водворения в Сибирь тех мещан, которые нарушали принятые в городском обществе нормы поведения; расследований спорных ситуаций[76]. Служба выборных в старосты мещан до 1870 г. приравнивалась к службе чиновников 14-го класса. На срок службы старосты освобождались от рекрутской повинности, телесных наказаний. Кроме того, им разрешалось ношение мундиров. Но в пореформенное время староста лишился этих привилегий и с 1873 г. никакими правами государственной службы больше не пользовался[77].

Для решения городских и внутрисословных дел мещане собирались на собрания. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки, недвижимую собственность. В обсуждении дела должны были участвовать не менее 24 домохозяев или 2/3 всех членов общества[78]. Принадлежность к обществу города (в нашем случае мещанскому) не давала материальных льгот, но повышала социальный престиж горожанина (получения особого права жить в деревне не требовалось)[79]. В собраниях мещан, с одной стороны, участвовали не только те, кому положено по закону было принимать в них участие, но и сочувствующие, с другой – значительная часть мещан находила причины уклониться от рядовых собраний.

На собраниях решали вопросы приема или причисления в их сообщество мещан из других городов, представителей других сословий. Принимались в общество вдовы, крестьяне, младшие воинские чины (например, запасной старший унтер-офицер из крестьян), ссыльные, учителя и т. д.[80] Мещанские общества принимали решения не только о том, чтобы изгнать из своей среды, но и отпустить однообщественников на учебу или для устройства на такую работу, которая требовала исключения из мещанского сословия. Увольнялись в монашество,

в крестьянство, на государственную службу, для поступления в высшие учебные заведения и т. д.[81]

Все решения мещанского общества о принятии или исключении из своей среды поступали к податному старосте. Вновь причисленным в мещанство, к примеру, из отпущенных на волю крестьян, как правило, предоставлялось на несколько лет освобождение от уплаты податей и от рекрутской повинности[82]. Такая практика адаптации к новой городской жизни была достаточно широко распространена[83].

Между купечеством и мещанством происходила постоянная ротация. В мещанство причислялись бывшие дворовые люди князей, купчих, «прапорщиц», есаулов, прапорщиков и т. д., отпущенные на волю[84], исключенные из военного ведомства кантонисты и солдатские дочери[85]. Что касается горизонтальной мобильности, в самарское мещанство причислялись жители различных губерний империи. Они приезжали большими семействами[86].

Мещанское собрание решало и вопрос о том, кто на самом деле беден, не способен платить подати, а кто притворяется, предоставляет бумаги, не соответствующие действительности. Этот вопрос был тесно связан с патриархальной общественной нравственностью. В ситуации круговой поруки взваливать свои финансовые обязательства на однообщественников – подло в том случае, если твои доходы позволяют уплатить все налоговые обязательства. В мещанском приговоре, вынесенном на собрании, как правило, содержались такие выражения: «мы нижеподписавшиеся мещане г. Самары»; «прошение однообщественника», «уволить согласны»[87]. Мещанство, облеченное властью, таким образом оформляло письменно свое коллективное и объединенное действие[88].

Со второй половины XIX – начала XX в. в городах Самарской губернии стали заметно возрастать обороты торговых операций, совершенствовалась инфраструктура, активно протекал процесс урбанизации[89]. В Самарской губернии не было сколько-нибудь крупных промышленных предприятий[90]. Поэтому города региона скорее следует определять как торговые. Поволжский город в пореформенный период, сохраняя ярко выраженные административную и аграрную функции, вел активную торговлю, а самое главное – являлся транспортным центром, связывающим центральные районы империи с периферией. По данным переписи 1897 г., в городах Самарской губернии – в Самаре, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске и Ставрополе – проживало 158 842 чел., что составляло 5,8 % всего населения губернии[91]. По сравнению с 1860 г., когда доля городского населения Самарской губернии составляла 3,8 %, налицо рост показателей, что свидетельствует о процессах урбанизации в регионе[92]. Темпы роста численности населения губернского города были наиболее высоки в Самаре[93]. Что касается соотношения жителей губернского города

и уездных городов губернии, то в губернской Самаре проживало 56,7 % всех городских жителей губернии. Вторым по численности населения был Бузулук (14 362 чел.), третьим – Новоузенск (13 261 чел.)[94]. В целом, по сравнению с 1860-ми гг., доля жителей уездных городов в Самарской губернии сократилась с 64,6 до 41,4 %[95]. Такая тенденция вполне объяснима: столицы губерний, являясь основными центрами сосредоточения власти, экономики и культуры, вытягивали из периферии все силы, тем более что в большинстве своем уездная периферия Самарской губернии была слабой. В 1894 г. в Самаре проживало уже 100 245 чел.[96]

Что касается социокультурного пространства пореформенных городов, часть исследователей считает, что в начале XX в. происходит переход населения к всеобщему городскому образу жизни, типу одежды[97], что сословная принадлежность больше не определяет характера трудовой деятельности горожанина и источников его доходов[98]. Другая часть исследователей исходит из того, что чертой досуга горожан рубежа XIX–XX вв. была социальная стратифицированность по сословному и имущественному принципу[99]. Если рассматривать социокультурный облик города через призму мещанского большинства, то, безусловно, сословные различия в пореформенный период не играли существенной роли. Крестьяне, приезжавшие в город на постоянное жительство, постепенно превращались в настоящих горожан с точки зрения внешнего вида и текстов поведения. Точно так же и мещане, исконные жители городов, покупая одежду в магазинах готового платья или заказывая у портных, ничем не отличались от крестьян, переодевшихся в модный городской костюм. Но основная масса мещан, безусловно, в силу воспитания, образования, материального положения, вкусового поля отличались от городской интеллигенции. Мещанское население городов в большей степени было задействовано в торговой сфере, сосредоточенной на всевозможных ярмарках, толкучих рынках, в лабазах, балаганах, ларях, сундуках с верхами и без них, на ярмарочных рядах, холодных деревянных с каменными столбами и в зданиях-корпусах, на улицах городов, в магазинах и лавках, деревянных и каменных, на пристанях, в деревянных лавках, складах. В неофициальной части губернских ведомостей в пореформенный период активно публиковалась информация о всевозможных модных новинках, сокращающая разрыв между мировой модой, столичной и провинциальной, что также стимулировало горожанина провинции к активному включению в новый культурный код, границы которого охватывали все европейское сообщество. Мода ориентировала на Запад, а не на Восток. И городской костюм, городская мебель, аксессуары соответствовали не ориентализму, а Европе. Горожанин, одетый в европейский модный костюм и окруженный европейскими предметами быта, однозначно развивался в уни-

сон с европейской цивилизацией. Поэтому и урбанизм, и модернизация шли именно в русле интеграции в общемировой культурный европоцентричный процесс.

Роль мещан в городском самоуправлении кардинальным образом изменилась после принятия Городового положения 1870 г.: новое самоуправление было основано не на сословном принципе, а на имущественном цензе. Поэтому с 1870-х гг. обнаруживается своего рода «исход» мещан Самары из активного участия в городском самоуправлении[100]. Мещане продолжали участвовать в местном самоуправлении, но в небольшом количестве; теперь это были только представители экономически состоятельной части сословия.

Новая дума занималась, казалось бы, все теми же вопросами городского хозяйства, общественного призрения, здравоохранения, культуры, образования. Но вместе с «исходом» мещанства компетенция ее была сужена по сравнению с предшествующим периодом. Зато она получила определенную автономию от коронной администрации. Город рос, превращаясь в столицу губернии. Увеличивалось его население. Вместе с ним росла и элита. Часть ее концентрировалась в думе. Малообразованным, патриархально настроенным городским старожилам предшествующего поколения трудно было выдержать конкуренцию с новыми грюндерами и интеллигенцией. Правительство стремилось привлечь к решению новых городских задач наиболее образованную часть русского общества[101]. Бывшие соратники мещан по городскому самоуправлению, купцы, стали другими. Это новое поколение купеческих семей города уже не походило на тех одиночек, которые прибывали в Самару в середине XIX в., чтобы начать свое дело, подняться по общественной лестнице: «никто, ничей, ниоткуда». Законодательство 1863 и 1865 гг. привело к упразднению третьей гильдии купечества[102], представители которой так активно сотрудничали с мещанством в границах прежнего самоуправления. Отныне устанавливались две гильдии, для подтверждения которых нужно было ежегодно платить достаточно высокий гильдейский сбор. Поэтому экономический статус нового купечества предполагал респектабельность образа жизни и определенный социальный снобизм. На выборах Самарской городской думы 1892 г. 60 % гласных было от купечества, 22,6 % — от дворян[103]. Тех представителей мещанского сословия, которые входили в число гласных думы, характеризует такой источник, как формулярные списки о службе. Биографии этих мещан отражают появление социального типа в мещанстве, более близкого к купечеству и земской интеллигенции: те же императивы, связанные с пониманием общественного блага, те же пути достижения социального престижа, те же амбиции и умеренный альтруизм[104].

Объективно заинтересованная в благоустройстве города, дума предпочитала осуществлять свои проекты в определенной степени за счет

беднейшего слоя горожан – мещан. Главное противоречие мещанского общества города с думой состояло в вопросе о городских землях, которые мещане продолжали считать принадлежащими обществу градскому. Конечно, мещане осознавали, что жизнь изменилась по сравнению с эпохой до введения Городового положения 1870 г. Понимали и принимали силу закона, но считали, что их права, определенные законодательством, ущемляют именно местные власти, дума и управа. Дума и мещане во второй половине XIX в. понимали город по-разному. Мещане, сохраненные в границах сословного общества города, выполняющие основные налоговые, рекрутские обязательства, страдающие из-за бедности, из-за неимения средств для погашения больничных недоимок, накопленных в больницах и благотворительных учреждениях, не могли понять, почему новая власть города отбирает у них еще и земли, сдает их кому угодно, лишь бы платили исправно аренду, и неизвестно, куда идут эти городские деньги. Думе же, как и земству, проблемы мещанского общества города были абсолютно неинтересны, потому что поменялся социальный состав городских управленцев. В прениях по вопросу о мещанских претензиях думцы высказывались о том, что деньги, заработанные ими для города, идут «для удовлетворения его многообразных потребностей», «общих нужд города, а не одного мещанского сословия»[105].

В статье «Мещане и “город”» Я. Абрамов, критикуя Городовое положение 1870 г. и отмечая тот факт, что городовая поземельная община разрушается под давлением капитала, писал: «...В наших городах идет глухая борьба между мещанами и привилегированным населением, представителями которого являются разные банковские и думские деятели»[106]. Б.Н. Миронов также отмечает негативное влияние реформы 1870 г. на быт мещан-земледельцев, которые «несколько столетий жили в условиях поземельной мещанской общины». Новую расстановку сил в городе в этом вопросе он связывает с тем, что мещане не попадали в думы из-за высокого для них имущественного ценза и их интересы в думах защищать было некому, «чем и воспользовались городские думы, которые, став распорядителями городских земель, изменили порядок их использования. Мещанские общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации. Думы для увеличения городских доходов стали сдавать ее в аренду»[107]. Б.Н. Миронов определяет пореформенный период в жизни мещанского общества городов России как деградацию[108], отмечая, что «смерть» сословия в 1917 г. «была тихой и закономерной»[109].

Новым сословным органом мещан в пореформенном губернском городе стала мещанская управа. 8 декабря 1871 г. на своем собрании мещане г. Самары «приговорили: для более правильного ведения общественных дел и удобного сбора с общества повинностей мы желаем открыть с 1 января 1872 г. Мещанскую Управу, которая должна состо-

ять из Председателя и двух членов»[110]. Мещане попросили «господина Начальника Губернии права произвести выборы вновь», то есть выбрать председателя мещанской управы и членов управы. К этому моменту должность мещанского старосты занимал И.Г. Белов. Его же мещане избрали и на должность председателя управы, причем и в мещанском делопроизводстве, и в повседневной речи за председателем мещанской управы города сохранилось название «мещанский староста». На выборы мещанское общество Самары собралось в полном составе. Выслушали молебен и приступили к голосованию. За Белова было подано 92 шара, против – 20 шаров[111]. Белов был утвержден губернатором на этом посту. Текст клятвенного обещания при вступлении председателя мещанской управы в должность сохранили тот же, что и при вступлении в должность мещанского старосты[112]. Повышение статуса мещанских сословных органов власти отразилось в изменившемся обращении к председателю: «Г. Председатель Самарской мещанской управы», а также в употреблении в отчествах председателей суффикса «-ич»[113]. Меняется и стиль обращений губернатора к председателю мещанской управы. Таким образом, мы можем констатировать изменение статуса мещанского старосты Белова, превратившее его в господина председателя мещанской управы города.

Мещанские управы учреждались в тот период истории сословия, когда уже не было в них особой необходимости: город становился постепенно всесословным, а не таким, каким его видело законодательство конца XVIII столетия, – состоящим из купцов, мещан и ремесленников. На рубеже XIX–XX вв. в некоторых мещанских обществах страны был поднят вопрос о нецелесообразности наличия мещанских управ. В Самаре подобная ситуация произошла в 1883 году: мещане Самары на своем собрании приняли решение об упразднении мещанской управы и сохранении только должности мещанского старосты, которому бы помогали два писца. Но тут образовалась инициативная группа, которая выступила с протестом против подобного решения[114]. Усилиями этой группы мещан управа в Самаре была сохранена.

Одной из самых острых внутренних сословных проблем, с которыми сталкивалась мещанская управа в своей повседневной деятельности, были больничные недоимки, копившиеся на мещанском обществе. Так как мещане представляли собой с экономической точки зрения бедные городские слои, плата за лечение в больнице в размере 18,6 коп. в сутки[115] оказывалась для них непосильной. Часто они попадали в больницу не по своей воле, умирали там, а за лечение все равно кто-то должен был платить. И больничные суммы ложились в качестве общественных сборов на мещанское общество. Поскольку для самого мещанства уплата налогов была рассчитана до копеечки, являлась крайне обременительной для семейных бюджетов, а иногда, в силу тяжелых жизненных обстоятельств, даже невозможной, на обществе копились

еще и больничные недоимки. В 1885 г. уполномоченные мещанского общества Самары выступали на земском собрании и пытались объяснить, почему так невыносимо сложно для них изыскивать средства для лечения мещан в земской больнице и невозможно погасить накопившиеся за годы недоимки[116]. Но, несмотря на апелляцию к филантропическим чувствам гласных Самарского земства и несмотря на имидж земства как организации, делавшей очень много для социальной помощи населению, рассмотрение дела о погашении недоимок было передано в суд. Мещанское общество вынуждено было нанять присяжного поверенного, чтобы он в суде защищал их интересы[117]. Поверенный поехал представлять интересы самарского мещанства в Казанскую судебную палату и выиграл дело, решение было принято в пользу мещанского общества[118]. Но уже на следующий год вновь со всей остротой встал вопрос о больничных недоимках.

Во всей этой истории, казалось бы, связанной исключительно с частным экономическим вопросом уплаты больничных недоимок, отразилось общее состояние социальной жизни в России. В преимущественно аграрной стране главным «героем» социальных отношений являлся самый многочисленный социальный слой, крестьянство, которое по определению не могло находиться на периферии политического взаимодействия самых различных структур. Напротив, общественный интерес к мещанству был минимальным, поскольку роль и значение этой группы в России были незначительными, а восприятие мещан со стороны интеллигенции было осложнено негативистскими предубеждениями.

События большой истории не находили отражения в приговорах мещанской управы. О реакции мещанства на смену монархов по делопроизводственной документации Самары невозможно узнать, за исключением таких моментов, как сбор средств на портрет нового самодержца: «...в помещениях управ... было принято вывешивать портреты царственных особ»[119]. В тексте присяги мещан и в начале XX в. сохранялась религиозная формула: мещане клялись «Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Спасителя»[120]. Их гражданское сознание было выражено следующими словами: «хощу и должен», «окажут себя ревностными к службе Его Императорского Величества и попечительными о пользе общественной», «нерадивый о благе общественном, в коем и мое собственное заключается»[121]. С желанием или с неохотой, но при вступлении в должность маленький человек империи становился в определенной степени гражданином – охранителем этого огромного государства, вставал перед необходимостью бороться с теми пороками русской жизни, которые сам и творил. Это четко отражено в тексте мещанской клятвы: «...для отправления правосудия и других дел по чистой моей совести и чести, без пристрастия и собственныя корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, избрать из моих собратий таких, которых по качествам ума

и совести их нахожу я достойнейшими и способнейшими и от которых надеюсь...»[122] После принесения присяги зачитывался текст закона о состояниях, определявший правовой статус мещанского сословия. Повседневный быт управы становился все более рациональным, формализованным, покоящимся на твердых юридических основаниях[123].

Только начало Русско-японской войны вызвало реакцию мещан Самары. 1 февраля 1904 г., когда страна вступила в войну с Японией, члены мещанского общества Самары, «возмущаясь низкой выходкой японцев», решили «повергнуть к стопам Его Императорского Величества беспредельное чувство своей преданной любви к своему Монарху и готовность встать грудью за Веру-Царя и Отечество» и постановили «просить Г-на Начальника Губернии означенное выше верноподданническое чувство повергнуть к стопам Его Императорского Величества по телеграфу»[124].

Хотя закон 1906 г. об отмене обязательной приписки мещан к определенному городу был очень важен для жизни мещан и деятельности управы, на это событие делопроизводство откликается вскользь, отмечая, что после того, как получать паспорта с 1906 г. стало возможно в полицейском управлении[125], «Мещанская Управа поставлена в безвыходное положение», так как «с новыми правилами невозможно собрать недоимки и, соответственно, нет денег на оплату служащих Мещанской Управы. Поэтому жалованье вынуждены брать из общественных сумм»[126]. Характер самих делопроизводственных бумаг мещанской управы Самары меняется: появляются отпечатанные документы и большое количество телеграмм. В 1914 г. мещанской управе Самары потребовались разъяснения закона от 12 марта 1914 года о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям, в частности о раздельном жительстве супругов. Мещанского старосту и членов управы больше всего интересовал вопрос: выдавать ли замужним женщинам без согласия мужей вид на жительство?[127] Губернатор ответил: «Можно»[128]. В Наряде к сведению мещанской управы Самары за 1915 г. отражен слабый отклик на российскую внешнюю политику в форме стенографического отчета заседания Государственной думы четвертого созыва от 20 июня 1914 года[129], в котором было напечатано «приветственное слово Государя Императора» и сообщение об объявлении войны[130]. К 1916 г. круг вопросов мещанского сословного делопроизводства Самары сужается до выдачи паспортов[131]. В последние годы дореволюционной сословной жизни, в 1916–1917 гг., члены мещанской управы Самары все так же составляли посемейные списки, расписки о выдаче паспортов, предоставляли сведения о местожительстве, об отбытии воинской повинности[132]. Однако реалии эпохи меняются: 31 августа 1917 г. за выяснением места жительства сообщественников служащие управы обращаются уже не в полицию, а в милицию[133]. Если в газетах 70–80-х гг. XIX в. употребляется слово

«мещане (мещанин/мещанка)»[134], то в газетах за 1917 г. практически не остается сословной терминологии[135]. Население именуется гражданами (гражданин/гражданка)[136].

Таким образом, мещане в период, последовавший за Городовым положением 1870 г., оказались в ситуации совершенно нового города. Та власть, которая воспринималась традиционно как «своя», власть городской думы, начала отражать культурную программу российской интеллигенции, испытывающей стойкие антимещанские предубеждения, и стала «чужой». Мещанская же управа получила определенную самостоятельность лишь в тот период, когда традиционные обязанности мещан, за выполнение которых должна была отвечать управа, стали исчезать. И от управ потребовалась виртуозная игра по обоснованию своей собственной необходимости для общества и оправданию трат денег мещан, которые шли на ее содержание. В абсолютно равнодушном к делам сословия городском окружении управа пыталась формулировать нужды мещан на языке новой городской власти. Несмотря на то что от работы по общественному управлению мещане всячески уклонялись, оказавшись избранными на должности, они старались выполнять свои обязанности, сообразуясь с законом, трудовой и общинной этикой, что закреплялось ритуалом присяги. Мещане не высказывались по поводу войн и реформ, не составляли верноподданнических адресов в таком количестве, как это происходило на дворянских собраниях. Их общественная позиция была связана с вопросами повседневного выживания в условиях выполнения сословных обязанностей. Логика повседневных практик мещан в границах взаимодействия с думой и мещанской управой сводилась к попыткам сохранить для себя то немногое, чем они традиционно обладали в городе: землю, торговые места, дома, предприятия.

Примечания

[1] Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994; Тагирова Н.Ф. Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. М., 2000; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

[2] Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008; Александрова С.А., Ведерникова Т.И. Сельские дворянские усадьбы Самарского Заволжья в XIX–

XX вв. Самара, 2015; Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013.

[3] Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 292–293.

[4] Статистические таблицы Российской империи. Вып 2. С. 267.

[5] Чемодуров А.Н. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851–1901. М., 1901.

[6] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 430. Оп. 1. Д. 1909–1912.

[7] Общий свод по империи результатов разработки данных переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 164.

[8] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 552.

[9] Селиверстова Н.М. Провинциальное дворянство и эпоха великих реформ. (На примере Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994. С. 102.

[10] Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Вып. 1. Самара, 1892. С. 2.

[11] Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. Вып. 28.

[12] ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 37.

[13] Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. СПб., 1891. Т. II. С. 118.

[14] Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

[15] Составлено по данным: Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907; Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России конца XIX – начала XX веков // История СССР. 1973. № 1. С. 60–61.

[16] Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982. С. 58.

[17] Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 302–315.

[18] Макитрин К.М. Купеческая семья города Самары в конце XIX – начале XX в. (демографический аспект) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 1. С. 49–52; Самарское купечество: вехи истории / Е.П. Баринова, К.М. Макитрин, Н.Ф. Тагирова [и др.]; под общ. ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006.

[19] Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки. Самара, 1992. С. 104.

[20] Бирюкова А.Б. Численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья в первой половине XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 6 (37). С. 8–11.

[21] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 23.

[22] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 896. Л. 1.

[23] Свод законов о состояниях. СПб., 1911. Ст. 534. С. 159.

[24] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 768. Л. 5.

[25] Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 55, 57–59, 61, 63, 65, 67, 70, 73, 76, 77, 81, 85; Ф. 153. Оп. 1. Д. 99, 100.

[26] Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 55.

[27] Подсчитано по материалам: Там же.

[28] Там же. Л. 41, 165, 166.

[29] Там же. Д. 61. Л. 22.

[30] Подсчитано по материалам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899–1905. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904.

[31] ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 4. Д. 650. Л. 27; Д. 527. Л. 85 (об.).

[32] Статистика землевладения 1905 года. С. 12.

[33] Там же. С. 10–13.

[34] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 36: Самарская губерния. С. 1, 34–35.

[35] Шелгунов Н.В. К молодому поколению // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. С. 104.

[36] Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 186.

[37] ПСЗ-I. Т.22. № 16188. Ст. 77. Ст. 52, 53, 80–91.

[38] Там же. Ст. 55.

[39] Там же. Ст. 53.

[40] Там же. Ст. 56.

[41] ЦГАСО. Ф. 170, Оп. 6. Д. 120, 121 (Обывательская книга губернского города Самары).

[42] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи: (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 365.

[43] Там же. С. 365–366.

[44] Там же. С. 366.

[45] Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2002. С. 145.

[46] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 257.

[47] Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 23.

[48] Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в.: ист.-этногр. очерк. Казань, 1992. С. 144.

[49] Там же.

[50] История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011. С. 101.

[51] Там же. С. 103.

[52] Баранов В.С., Михеева А.В., Шерстнев В.Г., Шерстнева Г.С. История самарского купечества. Династии Плотниковых – Шерстневых. XIX – начало XX вв. Исторический очерк. Самара, 2012. С. 15–16.

[53] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 507. Л. 140 об.

[54] История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. С. 99.

[55] Там же.

[56] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 26. Л. 186.

[57] Там же. Л. 527.

[58] Там же. Ф. 170. Оп. 6. Д. 122. Л. 18.

[59] Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

[60] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 119. Л. 5 об. – 501 об.

[61] Там же. Д. 46. Л. 17–17 об.; Д. 491. Л. 129.

[62] Баранов В.С., Михеева А.В., Шерстнев В.Г., Шерстнева Г.С. История самарского купечества. С. 16.

[63] ГАУО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

[64] Там же. Л. 4.

[65] Там же. Л. 22.

[66] Там же. Л. 73, 77.

[67] Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[68] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 491. Л. 54, 60.

[69] ГАУО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

[70] Там же. Л. 26–27.

[71] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 469.

[72] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4. Л. 42–42 об.

[73] Там же. Л. 75.

[74] Там же. Л. 42–42 об., 121, 136.

[75] Там же. Д. 32.

[76] Там же. Л. 62–226 об.

[77] Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг.: Этно-историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 83.

[78] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 470.

[79] Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 92–93.

[80] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 300. Л. 61.

[81] Там же. Л. 70, 88.

[82] Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 24. Л. 49 об.

[83] Там же. Л. 57 об., 59, 62.

[84] Там же. Оп. 6. Д. 37 (а). Л. 49, 95, 162, 208, 218.

[85] Там же. Л. 384; Д. 199. Л. 1 об.–2.

[86] Там же. Л. 43.

[87] Там же. Д. 507. Л. 140 об.

[88] Там же. Л. 142 об.

[89] Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации... С.217.

[90] Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010. С. 232–233.

[91] Первая всеобщая перепись населения. Т. 36: Самарская губерния. С. 1.

[92] Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации... С. 219.

[93] Там же.

[94] Первая всеобщая перепись населения. Т. 36. Самарская губерния.

[95] Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2012. С.121.

[96] Адрес-календарь Самарской губернии на 1894 г. Самара, 1893. С. 77.

[97] Храмков Л.В. Введение в самарское краеведение. Самара, 2003. С. 77.

[98] Очерки городского быта дореволюционного Поволжья... С. 31.

[99] Анашкина Г.П., Коробцова Н.Ю. Опыт исследования досуга населения российского провинциального города (на примере Симбирска-Ульяновска) // Краеведческие записки. Вып. 12. Ульяновск, 2006. С. 126.

[100] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1, 6.

[101] История Самары... С. 126.

[102] Самарское купечество: вехи истории. Самара, 2006. С. 21.

[103] История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. С. 135.

[104] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1038. Л. 40–40 об.

[105] Там же.

[106] Абрамов Я. Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. Т. 267. № 3. С. 6, 20, 21.

[107] Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 1. С. 502–503.

[108] Там же. С. 508.

[109] Там же.

[110] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 88. Л. 4 об.

[111] Там же. Л. 9 об.

[112] Там же. Л. 6–8.

[113] Там же. Л. 19.

[114] Там же. Л. 11 об. – 20 об.

[115] Кузьмин В.Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара, 2000. С. 61.

[116] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 222. Л. 2–6.

[117] Там же. Л. 49.

[118] Там же. Л. 52.

[119] Каплуновский А.П. Русская мещанская община. С. 88.

[120] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 300. Л. 18–19.
[121] Там же.
[122] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 300. Л. 18–19.
[123] Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 1. С. 522.
[124] ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 356. Л. 12.
[125] Там же. Д. 391. Л. 88.
[126] Там же. Л. 88 об.
[127] Там же. Д. 411. Л. 172.
[128] Там же.
[129] Там же. Д. 418. Л. 44(а).
[130] Там же.
[131] Там же. Д. 450. Л. 1–157 об.
[132] Там же. Д. 423. Л. 1–238.
[133] Там же. Л. 238.
[134] Саратовские губернские ведомости. 1872. № 72–78.
[135] Московские губернские ведомости. 1917. № 46.
[136] Там же. № 46–48.

Глава 4.
НА ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

§ 1. ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: НА ВОДЕ И ПО РЕЛЬСАМ

Историческая судьба Самары во многом определяется ее географическим расположением на великой русской реке Волге. Историк В.О. Ключевский считал, что река традиционно служила русскому человеку кормилицей, удобной летней и зимней дорогой, указывала ему путь при переселении и место для строительства жилья, «воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию... приучала чувствовать себя членом общества»[1]. Именно благодаря удачному местоположению на волжском берегу Самара, возникнув как сторожевая крепость на юго-восточной окраине Российского государства, вскоре приобрела статус торговой пристани, перевалочного пункта, важной остановки на волжском пути.

Во второй половине XIX в. облик волжских городов изменили великие технические изобретения эпохи промышленного переворота. На волжском пути самым наглядным образом пересеклись старина и новизна: на смену бурлакам, увековеченным в искусстве Н.А. Некрасовым и И.Е. Репиным, постепенно приходили суда на паровых двигателях, а к волжским городам протянулись железнодорожные линии. Авторы популярного иллюстрированного издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» образно писали о Поволжье: «Наиболее крупные торгово-промышленные пункты нанизались, как бусы на нити, – по течению Волги, и к ним подошли с запада перпендикулярные к Волге железные пути, то упираясь здесь в Волгу, то продолжаясь далее в Заволжье»[2]. Самара, оказавшись на скрещении волжского пути и железнодорожной линии, соединившей европейскую и азиатскую часть России, превратилась в крупный узел транзитной торговли, и это кардинально изменило социальный облик города, дало ему импульс для быстрого роста и развития.

Железнодорожное строительство стало локомотивом экономического развития всего Средневолжского региона. Создание сети железных дорог позволило Среднему Поволжью установить устойчивые связи с промышленным центром страны, с торговыми портами Балтики и Черного моря, наладить сообщение с Уралом, Сибирью и Средней Азией. Стремительное развитие транспортной инфраструктуры изменило судьбу Самарского края, дало ему возможность из «внутренней окраины» превратиться в часть имперского «ядра».

История развития пароходного транспорта и железнодорожного строительства в Самарском крае представляет собой яркий пример

объединения усилий центральной власти и провинциального общества: губернской администрации, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества. Совпадение их интересов, умение наладить взаимодействие в деле развития транспортной сети позволили в короткие сроки достичь впечатляющих результатов в экономическом развитии губернии.

Волжское пароходство

Соляная пристань функционировала в Самаре с 1600 г. Известно, что в 1756 г. специально для перевозки соли, добываемой на озере Эльтон, на Нижегородской и Казанской верфях было построено более сорока судов грузоподъемностью не менее 50 000 пудов каждое. В 1758 г. первые суда вступили в работу. Передвигались они подтягиванием судна к якорю, который завозился на лодке вверх по реке. Одна группа машинных судов доставляла соль от Саратова до устья Камы, а вторая – далее, до Нижнего Новгорода.

Машинные суда оказались весьма дорогими и недолговечными. Весной 1765 года полтора десятка таких судов проследовали мимо Самары вверх по реке и больше не вернулись. Однако в 1811 г. на Волге появились суда, на которых быки были заменены лошадьми. Такие суда назвали коноводками. Они проходили за сутки до 20 верст, в два раза больше, чем суда за бечевой. В этот же год по предложению полковника Струкова был проложен к Самаре солевозный путь из Оренбургских степей. Раньше соль, добываемая в крепости Илецкая защита, вывозилась на подводах в Башкирию, откуда она в баржах шла на Каму и Волгу. Путь до Самары составлял всего 360 верст. Из трех миллионов пудов соли два намечалось доставлять на Самарскую пристань. Более короткая дорога оказалась не самой легкой. Если поначалу возчики доставляли ежегодно до 500 000 пудов соли, то в 1855 г. ее было отправлено с Самарской пристани всего 51 099 пудов. А с развитием пароходного сообщения на Волге доставка илецкой соли через Самару практически прекратилась. В 1854 г. Министерство финансов уже через торги искало судовладельцев, которые взялись бы доставить 280 000 пудов соли из Николаевска Самарской губернии в Покровские запасные магазины (ныне – город Энгельс) по 3½ копейки серебром за пуд.

К середине XIX века главная пристань Самары уже именовалась хлебной. Наряду со скотоводством в Самарской губернии широкое развитие получило землепашество. На расширении сельскохозяйственного производства благотворно сказалась отмена крепостного права. За последующие двадцать пять лет посевные площади увеличились более чем в три раза, урожайность зерновых культур поднялась в частных владениях с 24 до 36 пудов с одной десятины. На многие десятилетия сельское хозяйство стало основой экономики нашего края. П.В. Алабин подчеркивал, что именно хлебная торговля создала наш город,

от ее успехов зависит его будущее. Самарская хлебная пристань, по его оценке, занимает «первое и самое видное место на Волге»[3].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля даются такие примеры употребления слова «пристань»: «Одесса с торговой пристанью. Самара с хлебной пристанью». Это свидетельствует о том, что Самарская пристань была хорошо известна в России, причем не только деловым кругам.

7 сентября 1843 г. высочайшее утверждение получил устав первого в России пароходного общества «По Волге». Оно заказало в Голландии пароход «Волга» с металлическим корпусом и машиной в 250 лошадиных сил. Свой первый рабочий рейс с грузом пшеницы он совершил в 1846 г. с хлебной пристани Самары. Пароход отправился в путь 15 мая, ведя на буксире две баржи, в которых находилось 150 тысяч пудов пшеницы. Был большой паводок, скорость течения реки резко возросла. Однако пароход доставил две баржи в Рыбинск всего за три недели. Надо полагать, шел он только в дневное время, ибо собственно ходовое время составило лишь 13 суток. Немаловажно и то обстоятельство, что пароход сумел противостоять сильному шторму, во время которого погибло много парусных судов. Два новых рейса «Волги» с грузом в 245 тысяч пудов принесли обществу 13 тысяч рублей чистой прибыли. В следующую навигацию пароход перевез в общей сложности 429 тысяч пудов, «заработав» владельцам 80 тысяч рублей. Такое начало побудило общество заказать в Голландии новые буксиры «Геркулес» и «Самсон». По своей мощности — 460 сил — они почти в два раза превосходили «Волгу». В 1848 г. оба судна грузились на хлебных пристанях Самары.

До сооружения железной дороги хлеб в Самару поступал исключительно гужевым транспортом. Сотни подвод выстраивались в очередь, которая тянулась, ожидая переправы через реку Самару, до Казачьего переезда. В зимнее время торговля хлебом разворачивалась прямо на льду. По реке Самаре, хотя она и брала начало в Оренбуржье, хлеб не подвозили. Лишь в 1851 и 1852 гг. по весне спустили несколько барж из Бузулука и Борской крепости. Но более такие попытки не предпринимались. Мешали мельничные плотины, мелководье, большая извилистость реки.

Закупая рожь, овес, различные сорта пшеницы, купцы складировали их в амбары на берегу реки Самары. С началом навигации наступала самая горячая пора: загрузка и отправка судов. В 1854 г. безымянный корреспондент «Самарских губернских ведомостей» писал: «Волжские пристани — такие бездны, которые могут поглощать неимоверные массы товаров; в них ничто не лежит и не залеживается далее весны: вскрывается Волга — и скопленные во время зимы на пристанях огромные грузы товаров уносятся по Волге на конных машинах, баржах и судах

в разные внутренние торговые пункты и порты Каспийский, Балтийский и Азовский через переволок Качалинский»[4].

Сведения начальника местной дистанции путей сообщения, опубликованные в газете в мае 1858 г., дают представление о количестве судов, характере получаемых и отправляемых грузов, их объемах. «Навигация открылась 14 апреля. С этого времени по май грузилось на Самарской пристани и отошло 7 коноводных машин с 12 подчалками. Количество клади в пудах – 1 485 974.

Кабестанных пароходов – 5. При них 16 барж и подчалок. Буксирных пароходов – 6. При них 20 барж. Пароходы эти Компании Волжского судоходства: "Геркулес" – 460 сил, "Самсон" – 460 сил, "Кама" – 300 сил, "Волга" – 250 сил.

Пароходного общества "Меркурий": "Минин" – 200 сил, "Князь Пожарский" – 200 сил.

Парусных судов: расшив – 128. А других типов: Тихвинки – 1, Кладные – 5, Баржа сплавная – 2, Полубарка – 1, Межеумок – 1, Шитик – 1, Паром – 2. Итого 222 судна, которые взяли 5 692 225 пудов»[5].

В газете речь идет преимущественно о судах, зимовавших в Самаре и отправленных из города первым рейсом. Их число колебалось по годам, так же как и количество хлеба, выставляемого на продажу: иногда снижалось до 96 судов, как в 1860 г., иногда увеличивалось до 357, как в 1870 г.

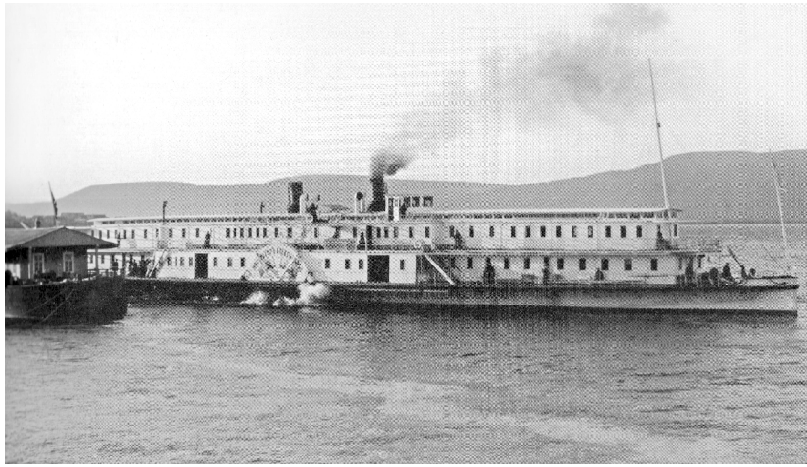
Из Самары вверх по реке суда шли с пшеницей, мукой, хлебным спиртом, гречневой и пшенной крупами, горохом, льняным семенем, поташом, салом, кожами крупного рогатого скота. А вниз по Волге везли горшки глиняные, сахар, чай, муку ржаную, овес, гречневую крупу, золу, канифас, топоры, лапти, бочки. С верховий реки в Самару доставляли виноградные вина, бакалейные товары, лимоны, уксус, пилы, свинец, ладан, книги, листовое железо, литографические камни, бумагу, гвозди, сурик, нюхательный табак, дрова.

Осенью 1857 г., возвращаясь из ссылки на пароходе «Князь Пожарский», Тарас Шевченко записал в своем дневнике о Самаре: «Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан...» Наверное, большое скопление судов, их погрузка (в горячие дни на хлебных пристанях работало до 700 грузчиков) произвели на него такое впечатление. Так что сравнение Самары с американским городом не случайно. Но в одном поэт не совсем точен. На берегу Волги находились лесные, пароходные пристани и только часть хлебной на стрелке рек Самары и Волги. Собственно же хлебная пристань начиналась от ухвостья острова Сенного, который делил реку Самару на два рукава, до ее устья. Именно здесь шла погрузка хлеба на суда – прежде всего в половодье, по высокой воде, когда можно было ставить баржи прямо к амбарам. Высокие, бревенчатые, они стояли ярусами по крутому склону берега, в двух-трех метрах друг от друга, общим числом более 230.

Погрузка или нагрузка зерна, как тогда говорили, проводилась следующим образом. По желобам оно стекало в подставленные мешки, которые переносили на суда, взвешивали, помечали бирками. Стоимость погрузки, например, в 1860 г. составляла 3 рубля за тысячу пудов. В зависимости от количества доставляемого хлеба, избытка или недостатка рабочей силы цена, естественно, колебалась. В 1878 г. она составляла от 5 до 6 рублей.

В современном же понимании пристань появилась в Самаре только в 1860 г. Пароходное общество «По Волге» первоначально занималось исключительно грузовыми перевозками, а если перевозило попутно пассажиров, то на самом буксире или на тех же баржах, которые он вел за собой. И только пароходное общество «Самолет» поставило своей задачей перевозку пассажиров и легких грузов. Сначала оно открыло движение двух пассажирских пароходов между Тверью и Рыбинском, а в 1859 г., когда флот пополнился новыми судами, продлило рейсы пароходов до Саратова. На следующий год с разрешения Самарской городской думы общество установило пристань для швартовки своих судов. В Самаре первый регулярный пассажирский рейс состоялся 16 апреля 1860 года.

Когда в 1863 г. наш город посетил наследник цесаревич Николай Александрович, губернатор Н.М. Замятин и вся местная знать встречали его уже вполне цивилизованно. Даже построили в начале Заводской улицы (ныне – ул. Венцека) триумфальные ворота. А чтобы оградить наследника от жаждущих его лицезреть, возвели ограждение длиной 120 саженей, чтобы гость свободно мог пройти к экипажу.

Пароход «Император Александр II». Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

29 августа 1871 г. через те же триумфальные ворота, украшенные зеленью и флагами, прошел с парохода и император Александр II. Он совершал поездку с многочисленной свитой на пароходах «Александр II» и «Императрица Мария» общества «Кавказ и Меркурий» вместе с наследником престола Александром Александровичем и Великим князем Владимиром Александровичем.

Наши пристани видели и последнего императора – Николая II. Это случилось 1 июля 1904 г. Царь совершал поездку по железной дороге на Дальний Восток и сделал краткую остановку в Самаре. Вместе с Великим князем Михаилом Александровичем после смотра войск и посещения кафедрального собора император проехал на берег Волги и осмотрел пароход «Новик», оборудованный под госпитальное судно.

Появление первого парохода «Волга» на реке Самаре вызвало огромное любопытство горожан. Но это было праздное любопытство. Иной подход проявили братья-декабристы Александр Петрович и Петр Петрович Беляевы, которые после двадцати лет тюрьмы, ссылки в Сибирь, службы на Кавказе 19 июня 1846 г. прибыли на жительство в Самару. Город показался им тихим, райским уголком, а самарские девицы – нежными, прелестными созданиями. Они занялись торговлей: «...стали тоже скупать пшеницу, чтобы при повышении цены продавать с барышом». Когда «Волга» пришла в город за новой партией пшеницы, братья поспешили посмотреть на пароход. На нем оказался и сам управляющий пароходного общества господин Ренхен. Он радушно принял бывших офицеров российского флота и даже изъявил желание помочь, если они захотят построить свой пароход; порекомендовал заказать судно, которое не вело бы на буксире баржи, а перевозило зерно непосредственно в своих трюмах. Александр Петрович Беляев вспоминал, что «об этом нашем предприятии пошли толки во всех домах, и, наконец, вызвались желающие составить товарищество, к ним присоединились другие, но решались они на это с тем, чтобы кто-нибудь из нас, братьев Беляевых, взялся за дело устройства всего предприятия и его ведения»[6].

Чертежи сухогрузного судна получили из Роттердама, а построить его собрались в Рыбинске. Но из-за конструктивных особенностей проекта от него отказались, избрав проверенный путь – строительство буксирного парохода меньшей мощности, чем «Волга». Своему судну братья дали имя города, с которого у них началась новая жизнь, – «Самара». В 1849 г. пароход стал работать на плесе Рыбинск – Астрахань. С тех пор название нашего города «прописалось» на бортах многих волжских судов самого различного назначения: буксирных, грузовых, пожарных, пассажирских.

Самарские купцы долгое время не проявляли интереса к паровым судам. Только в 1862 г. Федор Васильевич Вощакин приобрел пароход «Нахимов». Можно предположить, что опыт работы на Волге директо-

ра Самарского общественного банка оказался не очень удачным, так как его примеру никто не последовал, хотя капиталами многие хлеботорговцы владели немалыми. Лишь в 1870 г. гласный Самарской городской думы Н.Д. Волков обзавелся пароходом «Механик».

Среди первых самарских пароходчиков П.В. Алабин называл также купцов А.С. Полетаева, И.В. Константинова, П.С. Субботина. О двух последних стоит сказать особо, ибо они на протяжении нескольких лет оставались крупными судовладельцами и оптовыми покупателями на хлебной пристани Самары. Торговый дом братьев Константиновых, Василия, Козьмы, Исаака и Ивана, играл весьма значительную роль на хлебной пристани Самары. История умалчивает, каким образом они стали владельцами волжских судов, когда причислены к купеческому сословию. Скорее всего, их родители вышли из крестьян: один из своих пароходов братья назвали «Манифестом» в память о реформе 1861 г., освободившей крестьян от крепостной зависимости.

Свой первый парусник братья могли построить сами. Земли в верховьях Волги небогатые, многие крестьяне занимались отхожими промыслами. Так что уроженцы Ярославской губернии вполне могли владеть плотницким ремеслом. Не исключено также, что они просто объединили свои капиталы и заказали суда в Балахне или Городце, которые являлись в те годы центрами волжского судостроения. Так или иначе развивались события, но в 50-е гг. братья уже владели расшивами.

На Волге существовало очень много типов судов: баржи, полубарки, тихвинки, коломенки, межеумки, подчалки, кладные... Самые лучшие из них – расшивы. Эти палубные парусные суда могли принять в свой трюм до 25 тысяч пудов груза. Команда состояла из 35–60 человек. Ложкообразная форма носа, малая осадка, значительные подборы кормы и бортов снижали вероятность повреждения корпуса, обеспечивали великолепные ходовые качества.

Историк волжского флота И.А. Шубин писал, что во всем Поволжье насчитывалось только две-три семьи, которые смогли поставить судовой промысел на коммерческую основу и вели его с помощью наемных рабочих. И первое место среди них принадлежало Константиновым. Они имели больше всех расшив (шесть) и «пользовались особой известностью»[7]. Их транспортные конторы находились в Самаре, Оренбурге, Уральске. На лошадях, верблюдах братья доставляли товары в самые отдаленные степные поселения, а назад везли хлеб.

В конце 1850-х гг. две навигации подряд отмечалось мелководье Волги. Суда вставали в пути, садились на мели. Многие судовщики разорились. Константиновы выстояли. В 1858 г. они обзавелись первым пароходом с деревянным корпусом, небольшой по мощности паровой машиной и назвали его «Четыре брата». Через два года ярославские купцы приобрели «Манифест» и «Оренбург». В 1870 г. стал рабо-

тать пароход «Гений». Два последних из названных судов имели уже металлические корпуса.

Владея расшивами, торговый дом братьев Константиновых работал на плесе Самара – Рыбинск. Между тем конечным пунктом доставки самарского зерна являлся Петербург. Оттуда зерно шло уже в Англию (свыше одной трети всего экспортируемого хлеба), германские города, Голландию, Данию, Швецию, Норвегию. Но парусные суда не успевали дойти за одну навигацию до Северной столицы. Пароходы же, если имели небольшую осадку, давали такую возможность. Это значительно снижало денежные издержки на транспортировке грузов. Хлеб не приходилось перегружать в Рыбинске в более мелкие суда, чтобы отправлять по Мариинской системе дальше.

Главную роль в делах торгового дома играл Иван Васильевич. Он приехал на жительство в Самару в начале 1850-х годов вполне зрелым человеком (было ему за тридцать), хотя и именовался он купеческим сыном. Его деятельность сосредоточивалась исключительно на хлебной торговле, судовом промысле. Многие годы на пристанях Самары ему не было равных. Торговый дом братьев Константиновых заготавливал для отправки по реке больше всех грузов. Так, например, Иван Васильевич закупил в 1878 г. 48 тысяч пудов перерода, русской пшеницы, ржи – больше, чем кто-либо из самарских и иногородних купцов. А их было немало на пристани: 20 местных, 8 новоторжских, 5 петербургских, а еще московские, коломенские, муромские, городецкие, угличские. И многие из них знали дорогу в контору Ивана Васильевича, которая размещалась в собственном доме на углу Казанской (ныне – улица Алексея Толстого) и Хлебной площади. Дом просторный, сумел вместить и контору судовладельца А.С. Полетаева. Оба они имели на Волге и свои пристани.

Дела торгового дома особенно хорошо шли до сооружения железной дороги. Она приняла на себя значительную долю хлебных перевозок, построила зернохранилища на станциях, повела закупку зерна. С наступлением весны, когда на Волге начиналась навигация, железнодорожники снижали фрахт на перевозку хлебных грузов. Нужно учесть и еще два важных обстоятельства: зерно и мука, перевозимые в вагонах, не испытывали воздействия влаги, как при транспортировке по реке, и скорость их доставки была много выше. Доходы пароходчиков резко упали. Одни из них отказались от судового промысла, другие находились под угрозой разорения. Дело дошло до того, что судовладельцы обратились в правительство с жалобой на жесткие действия своих конкурентов.

В первый год своего существования железная дорога доставила в Самару почти 6 миллионов пудов пшеницы, около 3 миллионов пудов ржи, без малого 600 тысяч пудов муки разных сортов, а из города отправила хлебных грузов более 270 тысяч пудов. По реке же с приста-

ней Самары хлеботорговцы повезли почти 3350 тысяч пудов ржи и более 6 миллионов пудов пшеницы. В целом же вывоз из губернии только пшеницы водным путем составил до 12 миллионов пудов на сумму, превышающую 11 миллионов рублей.

Но уже на следующий год Оренбургская железная дорога организовала прямое сообщение с портами Балтики и Петербурга, ежедневно отправляя в этом направлении 32 вагона. Тарифы предложила вполне приемлемые: 1/30 копейки с пудо-версты за пшеницу и 1/36 копейки за перевозку ржи, овса, ржаной муки и отрубей.

Скорость доставки (до Рыбинска, главной перевалочной базы волжского флота, суда шли неделями), условия перевозки (на реке всегда сохранялась высокая влажность, что особенно вредило муке) привели вскоре к тому, что железнодорожный транспорт принял на себя большую часть хлебных грузов. Некоторым владельцам пароходов, хлебных барж пришлось или приостановить свою деятельность, или переключиться на перевозки нефти и продуктов ее переработки.

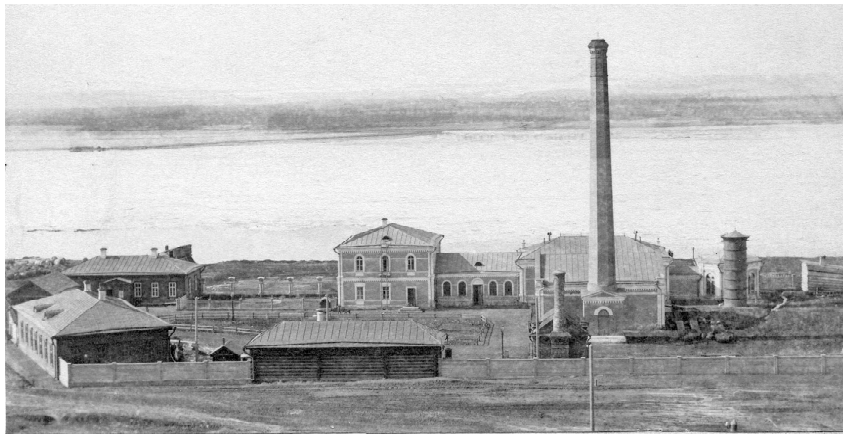
В 1881 г. торговый дом «Братья Константиновы» объявил о «прекращении всех торговых оборотов торгового дома». Сам Иван Васильевич от хлебной торговли и судового промысла отказываться не собирался. В 1884 г. он получил разрешение городской думы возвести три каменных хлебных амбара на берегу реки Самары в дополнение к существующим; тогда же заказал на крупнейшем судостроительном заводе братьев Шиповых в Костроме постройку парохода «Самара», самого крупного на Волге. По описанию журнала «Русское судоходство», этот пароход мощностью в 1100 лошадиных сил «свободно выводит против воды боле 600 т пудов груза в один подчал. Караван судов, подцепленных к этому гиганту, простирается на целую версту». Однако увидеть свой новый пароход в работе Ивану Васильевичу не пришлось. Он скончался 25 марта 1885 г. на 69-м году жизни.

В историю Волги и Самары купец 1-й гильдии И.В. Константинов вошел как гласный Самарской городской думы, почетный гражданин города. Этого звания он удостоился с соизволения императора первым среди самарского купечества за строительство богадельни на 50 престарелых граждан. Содержалась она на проценты от вечного вклада в 25 тысяч рублей, которые И.В. Константинов положил в городской общественный банк.

Представителем нового поколения самарских хлеботорговцев и судовладельцев стал Петр Семенович Субботин. Его отец начинал свою деятельность в качестве приказчика купца Зазыкина из города Мурома; хлебные дела вел успешно, сам стал купцом 1-й гильдии, гласным Самарской городской думы. Его авторитет в торговом мире был столь велик, что когда Петр Семенович и Андрей Андреевич основали свою фирму, то назвали ее так: Торговый дом «Семена Субботина сын и внук». Он вел торговые операции в Поволжье, Москве, Петербурге.

Торговый дом имел две паровые мукомольные мельницы за Струковским садом. Хлебных амбаров у купцов было около 80, четыре десятка барж, пять пароходов. Два из них известны как «Сотрудник» и «Владимир Глазенап» (основатель пароходного общества «По Волге»). Петр Семенович в октябре 1883 г. был приглашен на заседание Государственного совета «в качестве сведущего лица при обсуждении вопросов в интересах хлебной промышленности», а на следующий год принимал участие в работе комитета по улучшению судоходства по Мариинской системе. Это позволяет высказать предположение, что его суда с хлебом ходили не только до Рыбинска, но и по Мариинской системе в Петербург.

Другой яркой личностью Самары тех лет, несомненно, являлся Павел Михайлович Журавлев, который внес большой вклад в создание в Самаре центра волжского судостроения. Механический завод в Самаре был основан в 1876 г. механиком Г.К. Бенке. Пароходное общество «Нептун» ликвидировало свои мастерские в Черном затоне ниже Сызрани. Оборудование их купил Готхард Карлович и перевез в Самару. Удача не сопутствовала ему: в 1877 г. предприятие сгорело, но было восстановлено при участии Александра Ивановича Вернера. Номенклатура выпускаемой заводом продукции была довольно широка: плуги, бороны, конные грабли, сеялки, оборудование для мельниц. Эти изделия приобретали не только хозяйства Самарского края, но и Оренбург-ского, Уральского. И все-таки дела шли не очень успешно, и Готхард Карлович стал привлекать капиталы видных самарских купцов: П.С. Субботина, П.М. Журавлева, Ф.Г. Углова, А.Н. Шихобалова, И.Л. Санина, братьев Григория и Константина Курлиных. 18 октября 1882 г. было создано Товарищество на паях механического завода «Бенке и К°».

Завод Бенке. Из фондов ЦГАСО

Вероятно, по инициативе П.М. Журавлева завод стал осваивать новое направление: ремонт пароходов и их постройку. 10 октября 1884 г. правление Товарищества механического чугунолитейного завода направило в городскую думу прошение: отдать в аренду 400 квадратных саженей земли на берегу Волги рядом с заводом «под временную верфь, в которой будет производиться сборка железного корпуса вновь строящегося парохода». Гласные думы просьбу удовлетворили. Первое судно было спущено на воду 13 мая 1885 г. Его построили для купца Ф.Г. Углова и назвали «Первый».

«Самарские губернские ведомости» выражали надежду, что «примеру Ф.Г. Углова последуют вскоре и другие коммерсанты, и вот в Самаре новая отрасль промышленности, новые заработки и новые предприятия»[8]. Но деловые люди не спешили с заказами на самарский завод. Члены товарищества вынуждены были сами финансировать работы по судостроению. Тот же Ф.Г. Углов заказал пароход «Второй», а затем «Михаил». В буксировщик «Граф Шереметьев» вложил деньги и П.М. Журавлев. Но постройка судов приносила не прибыль, а убытки. И надо было сильно верить в перспективность нового направления деятельности, чтобы не остановить его, не броситься на поиски иных путей для вложения трудов своих и капиталов. Павел Михайлович верил. После смерти брата Николая в 1872 г. он стал руководить огромным хозяйством семьи, у которой было много заводов. В 1886 г. он передал все дела детям брата, погасил вскоре долги самарского предприятия и стал его полным владельцем. В очерках биржевого комитета называется еще несколько судов, спущенных на воду заводом Журавлева до 1894 года. Это «Елизавета», «Ксения» и «Сергей» для братьев Сапожниковых, «Самарец» и «Александр» для А.М. Кондратьева, «Красносельский» для П.Л. Сорокина. Пароходы «Уралка» построили по заказу Уральского казачьего войска, «Ольга» и «Рыбка» – И.С. Бережнова и С.Ф. Кузнецова. П.М. Журавлев построил более сорока пароходов, и четверть века наш город являлся одним из центров волжского судостроения. При советской власти на базе завода П.М. Журавлева возник Средневолжский станкостроительный завод.

Весьма заметной фигурой среди хлебопромышленников и судовладельцев Самары был самарский купец 1-й гильдии Н.Е. Башкиров, который владел пароходами «Нижегородец» (позднее – «Николай Башкиров»), «Емельян Башкиров», «Самарец» и тремя десятками барж.

В 1906 г. бизнесом в Самаре занялся крупный пермский купец, судовладелец Н.В. Мешков. Его доверенный Н.Д. Батюшков попросил 800 квадратных саженей земли на берегу Волги под склад сроком на 24 года. Городская дума удовлетворила просьбу, назначив арендную плату по два рубля за каждый метр. Склад был построен столь прекрасно, что дожил до наших дней, признан памятником архитектуры. С Волги он хорошо приметен и по огромным буквам – ВГРП.

В 1900 г. за 2500 рублей годовой арендной платы получил место под пристань владелец Жигулевского пивоваренного завода Альфред Филиппович Вакано. Первоначально к пристани вели мостки, которые позднее заменили дамбой, смонтировали цепной транспортер (самотаску). Если учесть, что перевозки сырья и готовой продукции по заводскому двору велись по узкоколейной железной дороге на конной тяге, то можно сказать, что это была единственная механизированная пристань в Самаре.

О том, каким был труд грузчиков на других волжских пристанях, поведал в своих воспоминаниях ветеран Волги Михаил Петрович Ежов: «Грузчик был фигурой колоритной. Рослый, здоровый, с широкой грудью, в рубахе с расстегнутым воротом, с крепкими мускулистыми ногами в лаптях и онучах. Обязательная принадлежность каждого грузчика – висящий на груди железный крючок с длинным хвостом, сплетенным из конского волоса. И наконец, самое главное орудие его труда – подушка, или ярмо, надеваемое на спину, – род седла с поперечным выступом в нижней части, на котором и держится груз. Чтобы ноша не скользила по спине, ее придерживают руками и крючком... Рабочий день грузчика зависел от времени прихода и отхода судна и длился не менее 14 часов, без учета дня и ночи, особенно на промежуточных пристанях.

Жили грузчики вместе, артельно, нанимая помещение поближе к пристани, иногда даже размещаясь на пристанях, в трюмах дебаркадеров. Все “удобства” сводились, как правило, к общим нарам, на которых отдыхали и спали, подложив под себя смятую одежду, тут же и ели, а под нарами держали посуду, продовольственные запасы»[9].

В отличие от иных городов, грузчики Самары могли жить не только под лодками и в трюмах дебаркадеров. 8 декабря 1899 г. купец Николай Давыдович Кирилов обратился в Самарскую городскую управу с письмом: «...Желая оказать посильную помощь нуждающемуся в ночлеге бедному населению города Самары, я построил на углу Соборной и Воскресенской, на принадлежавшем мне дворовом месте 3-х этажное каменное здание, обставил его по назначению и передаю дворовое место и здание в собственность самарского городского общества. Единственное мое желание, чтобы ночлежный дом навсегда был бесплатным и носил наименование “Кириловский бесплатный ночлежный дом”»[10]. 12 января 1900 г. по докладу управы Самарская городская дума приняла дар и решила выразить жертвователю благодарность письменно. В помещении ночлежного приюта постановили поставить портрет Н.Д. Кирилова и просить Николая Давыдовича принять на себя обязанности попечителя нового благотворительного учреждения. Здание Кириловского бесплатного ночлежного дома на углу улиц Молодогвардейской и Пионерской сохранилось до наших дней. В нем располагается в настоящее время отдел полиции Самарского района.

Жигулевский пивоваренный завод А.Ф. Вакано имел свою электростанцию, и его пристань освещалась электричеством. Лишь в 1914 г. агенты пароходных обществ «Самолет», «Русь», «Волжско-Камского» известили городскую думу, что хотели бы получать электричество от городской станции для освещения пристаней, лабазов и контор. Завод располагал и двумя буксировщиками общей мощностью 600 лошадиных сил, десятью баржами для перевозки пива.

В первые годы двадцатого века весьма заметную роль в волжском пароходстве стали играть выходцы из крестьян села Новодевичьего Семен Миронович и Яков Миронович Бузины. Они владели пятью пароходами и двумя десятками хлебных барж – «сорокоушек». В 1913 г. С.М. Бузин основал пароходное общество «Крестьянин». Оно вело «торговлю разными товарами, в том числе нефтяными продуктами, перевозку грузов и пассажиров по р. Волге и ее притокам». Капитал общества составлял 2 миллиона рублей. В том же году С.М. Бузин вошел в число учредителей акционерного общества завода «Нижегородский теплоход», которое возглавлял известный деятель Дмитрий Васильевич Сироткин.

Крупные судоходные компании, торговые дома работали по всей Волге. Обслуживание местных перевозок брали на себя владельцы небольших обществ, пароходов. Так, на линии Самара – Симбирск работал Флегонт Миронович Баукин. Он имел четыре товаропассажирских парохода: «Казань», «Сенгилей», «Симбирск» и «Самару».

В 1872 г. на Барбашиной поляне было построено кумысолечебное заведение для военных. С этого времени началось ее активное освоение. В 1890 г. здесь появился массив учительских дач. Строили свои дачи купцы Субботины, Соколовы. Постепенно поляна стала местом массового отдыха горожан. Естественно, возникла потребность в пассажирских перевозках. В 1906 г. «Самарская газета» писала, что в праздничные дни единственным развлечением горожан является поездка на Барбашину поляну. Каждый праздничный день пароходы Седова и Лобастова «отходят битком набитые народом, нагруженным самоварами и съестными припасами». При этом газета отмечала, что «пароходчики отравляют всякое удовольствие своим чересчур небрежным отношением к интересам публики: ни разу, кажется, до сих пор пароходы не прибывали на Барбашину поляну в установленное расписанием время...»

И все-таки даже при таком наплыве пассажиров не все смогли успешно работать на дачных линиях. П.В. Лобастов, имевший несколько пароходов и винтовых катеров («Гражданин», «Свобода», «Приятель», «Василий», «Вера»), доминировал на дачных перевозках. Гласных Самарской городской думы такое положение явно не устраивало. Весной 1911 г. она предоставила право вести перевозки на дачных линиях потомственному почетному гражданину В.А. Ястребцову на льготных условиях в течение года. Место для пристани под Предтеченским спус-

ком (Некрасовским) ему отдали всего за 50 рублей, в три раза дешевле, чем другим пароходчикам. Но установили и низкие цены за провоз до Барбашиной поляны: 10 копеек для взрослых и 5 копеек для учащихся и детей.

Ограниченные средства не позволили В.А. Ястребцову организовать сообщение на моторных катерах с ранней весны. И, хотя в праздничные дни на его пристани возникали очереди, он перевез в общей сложности за сезон 2734 пассажира. И вот 23 ноября дума рассмотрела его новую просьбу: предоставить право перевозки пассажиров на три года с сохранением прежней цены на билеты. Он поставил в известность гласных, что привез из Лондона двигатель мощностью 32 лошадиные силы и заменит им старый, шестисильный, и это позволит сократить время нахождения в пути и перевезти больше пассажиров. Несмотря на противодействие городской управы, большинство гласных думы поддержали ходатайство В.В. Ястребцова и разрешили ему вести перевозки пассажиров в течение трех лет.

Суда Лобастова в 1911 г. совершали на Барбашину поляну до 13 рейсов, работая с 8 часов утра до 12 ночи. На Красную Глинку они делали 8 рейсов и два – в Царевщину и Курумоч. «Самарское товарищество легкого пароходства» Лобастова перевозило за навигацию от 270 тысяч до 300 тысяч пассажиров вплоть до 1918 г., когда национализация речного флота оставила его не у дел.

С открытием Оренбургской железной дороги объем хлебных перевозок по Волге несколько снизился, однако движение товаров водным путем по Волге усилилось, так как в большом количестве перевозились новые грузы: нефть, керосин.

Нобель в Самаре. 13 июля 1883 г. доверенный Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» Александр Иванович Вернер подал прошение в Самарскую городскую управу с просьбой выделить место на берегу Волги для постановки нефтяных баков. Так было положено начало освоению нефтяной компанией самарского рынка. Вторжение семейства Нобелей на керосиновый рынок России, потребности которого удовлетворялись исключительно американским керосином, произошло стремительно. В 1874 г. Людвиг Нобель арендовал под Баку нефтеносный участок, на следующий год купил там же нефтеперегонный завод, а в 1878 г. заказал в Швеции первое в мировой практике наливное судно – танкер для перевозки нефтепродуктов по Каспию.

Основательно обустроившись в Баку, товарищество возводит в Астрахани судоремонтный завод и жилой городок при нем. Следующим объектом его экспансии становится Царицын, где тоже появляются мастерские. В 1879 г. в этих мастерских были сооружены две металлические баржи, «Елена» и «Елизавета», грузоподъемностью по 35 тысяч пудов каждая, а в Швеции – наливные баржи «Надежда» и «Вера» для работы на Волге. Из Швеции Нобелю поступили в 1881 г. и колесные

танкеры «Калмык» и «Татарин». К середине 1880-х гг. волжский флот Нобеля насчитывал более пятидесяти судов для перевозки нефтяных остатков (мазута) и керосина. Он имел примерно сорок нефтехранилищ в крупных железнодорожных узлах империи, собственный парк железнодорожных цистерн.

До прихода Нобеля в Самару все потребности города в керосине удовлетворял австрийский подданный Осип Егорович Дочар, проживавший в своем доме на углу Вознесенской и Заводской рядом с окружным судом. В лавках на Панской и Николаевской, затем на Дворянской Дочар торговал керосином, лампами, канделябрами, пожарными трубами, рукавами к ним, владел ремонтной мастерской. В арендном обслуживании он имел все освещение города, где в 1879 г. насчитывалось 552 керосиновых фонаря. Появление в Самаре такого крупного конкурента общероссийского масштаба гласные думы встретили доброжелательно. Были объявлены торги на место для нефтебазы ниже города, на песчаной косе рек Волги и Самары, с платою по 1 рублю за квадратную сажень. Более того, о предстоящих торгах постановили известить Астраханскую, Саратовскую, Казанскую и Нижегородскую губернии. Нашелся и житель Самары, желающий получить место под склады керосина и нефти — купец Моисей Лазаревич Боберман. Они и начали освоение песчаной косы, которая со временем станет основным местом размещения нефтебаз и других обществ.

В 1885 г. агент Товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель» Г.М. Хильске принял участие в торгах за право освещения города, оценив обслуживание одного фонаря в 10 рублей. Самую низкую цену предложил Дочар — 8 рублей 80 копеек. Боберман запросил на два рубля дороже. Но Дочара не раз обвиняли прежде в дурном освещении города, Боберман делал это много лучше своего предшественника. На нем и остановили выбор гласные думы.

Агентов Нобеля на местах отличало умение грамотно оценить обстановку, видеть перспективу. В 1888 г. было открыто грузовое движение по железнодорожной ветке, проложенной по берегу Самары к Волге. Дорога доходила только до кромки берега, не затопляемого половодьем. И в Самарскую городскую думу вскоре поступило заявление от агента Нобеля с просьбой сдать в аренду 200—300 саженей береговой полосы реки Волги, чтобы проложить рельсовые пути к существующей дороге. Его примеру следуют агенты других нефтепромышленных фирм. Так появилась на косе сеть железнодорожных путей, которые позволяли грузить нефтепродукты непосредственно из баков в железнодорожные цистерны. В этом же году, откликаясь на просьбу городских властей, Самарское представительство товарищества Нобель передало в городской музей образцы своей продукции: керосин, мазут, минеральные масла.

Постоянное наращивание объемов производства нефтепродуктов, отправка их на восток, расширение розничной торговли требовали увеличения и емкостей нефтебаз. Возможности песчаной косы были ограничены, и в 1895 г. доверенный товарищества «Бр. Нобель» Г.П. Белавин просит Самарскую городскую думу сдать в аренду сроком на 15 лет участок земли, занимаемый ранее кирпичным заводом купца Назарова. Гласные на это не пошли. Выделили товариществу 880 квадратных саженей под склад минерального масла за садами Чаковского и 225 квадратных саженей между католическим кладбищем и полотном железной дороги для постройки керосинового резервуара.

С появлением в Самаре электрической станции, скотобойни товарищество постоянно принимало участие в торгах на поставку для них и городского водопровода мазута, минеральных масел. В годы Русско-японской войны по просьбе доверенного Нобеля, поддержанной коллегами обществ «Мазут», «Восточное», «Каспийское товарищество» и товарищества «Братьев Меркурьевых», гласные думы разрешили построить на косе временные помещения для 50 казаков и 75 лошадей, чтобы организовать охрану нефтяного каравана и складов.

На косе находились только технические службы нефтепромышленных фирм. Представительства их размещались в городе, в арендованных помещениях. Так, контора товарищества «Бр. Нобель» одно время располагалась в доме Шадриной на углу Заводской (ныне – ул. Венцека), затем переехала в дом Покидышева на Воскресенской (ныне – Пионерской), а в годы Первой мировой войны занимала помещение в доме № 84 на Дворянской (ныне – ул. Куйбышева).

Самым ярким представителем братьев Нобель в Самаре стал Иосиф Александрович Баранов. Он возглавлял самарский район товарищества более пятнадцати лет. В его ведении находились 23 склада нефтепродуктов во многих районах губернии. Один из самых больших размещался в Самаре, на косе. Здесь же были построены на высоких бетонных столбах несколько домов (в половодье коса заливалась водой), в которых размещались технические службы, квартиры служащих. До крушения керосиновой империи братьев Нобель потомственный почетный гражданин Иосиф Александрович Баранов не дожил нескольких месяцев: он скончался в возрасте 62 лет летом 1918 г., а осенью в Самаре началась национализация судов и баз нефтепромышленных фирм.

Голод помогает строить. У самарских пристаней были не только преимущества перед пристанями других городов, но и свои недостатки. Главный из них – отсутствие безопасной стоянки судов, зимовавших на Волге и Самаре. Река Самара спокойна и мелководна, в паводок уровень ее повышался всего на один аршин. Скорость течения тоже была невелика и зависела в основном от уровня воды в Волге. Когда он был высок, в устьевой части реки Самары наблюдались, как и сегодня,

обратные течения. Но случались весны, когда суда уносило на Волгу, разбивало.

В зимнее время торговля хлебом велась на льду реки Самары от Сенного острова до Сухой Самарки. В течение всей зимы снег смешивался с конским навозом, утаптывался до такой степени, что превращался в массив льда до двух аршин. А выше по реке толщина льда была много меньше. И когда Самара взламывала его, он увлекался под ледяное поле, преграждая течение почти до самого дна. Шел резкий подъем воды, достигавший за несколько часов трех аршин. Она прорывала затор и стремительно, неся битый лед, скатываясь в Волгу, срывала с якорей суда.

Конечно, судовщики, зная о таком нраве реки Самары, предпринимали необходимые меры. Баржи, пароходы обкалывали, разбивали лед «на карты», сплавляли в волжскую полынью. Однако это не всегда приносило успех. 2 апреля 1862 г. случился особенно большой вынос: 27 судов было унесено на Волгу. Среди пострадавших оказались пароходные общества «Нептун», «Дружина», Волжско-Камское общество и девять купцов. Тем же летом начальник судоходной дистанции Е.Ф. Касперович провел изыскания, целью которых было обеспечение безопасной зимовки судов. В феврале следующего года он ознакомил со своими предложениями читателей «Самарских губернских ведомостей», попытавшись ответить и на такой вопрос: где брать деньги на строительство гидротехнических сооружений и ледовые работы? По мнению Касперовича, все расходы должны нести судовладельцы. «Если за право зимовки назначить плату по 50 коп. с силы парохода, то пошлина эта составит по числу десяти 12-сильных пароходов и 80 барж 5 т пуд. вместимости каждая – 2600 руб. Отделив 488 руб. для ежегодного расхода на выколку льда между Сенным островом и Сухой Самаркой, остальные 1612 руб., ежегодно вносимые в самарский общественный банк, составят сумму, достаточную для капитальной перестройки сооружений и обеспечения существования пристани»[11].

Самарский губернатор, радея об интересах города и губернии, тоже не чуждался мысли о создании в Самаре безопасной гавани для зимнего отстоя судов. Правда, несколько по иным причинам. «Коль скоро в Самаре будет зимовать значительное число пароходов, – писал он в столицу, – то неизбежно устроится механическое заведение, столь необходимое в местности, где в настоящее время рабочие руки для земледелия заменяются машинами, которых чинить негде в Самаре и приходится отправлять за несколько сот верст»[12].

Казалось, все складывается прекрасно. Владельцы судов и губернские власти хотели иметь зимнюю стоянку. Дело оставалось за малым: утвердить проект в высоких инстанциях. Но его постигла та же участь, что и более ранние предложения. «Самарские губернские ведомости» еще в апреле 1862 г. писали по этому поводу: «...так как у нас без раз-

решения от разных общих и специальных учреждений нельзя приступить ни к какому делу, хотя бы и полезному, то судохозяева не знали, к какому окончательно обратиться с просьбою по занимающему их делу. Вероятно, наши судохозяева – плохие дипломаты, потому что не нашли выхода из этой дилеммы и положили ждать более счастливого времени, пока наконец ведомство природы взялось дать урок и начальствам, и судохозяевам. Впрочем, это дело не должно смешивать с сообщенными нашей газетой слухами об устройстве речной пристани на Самаре. Последнее предположение было возбуждено, как мы узнали позже, местным начальником судоходства, и, по разрешению окружного правления путей сообщения, были составлены на месте изыскания, и проект представлен, куда следует. Но в главном управлении, говорят, нашли какие-то препятствия. Вот завидное положение нашей внутренней торговли».

В 1871 г. предпринималась еще одна попытка устроить в городе Самаре затон. Городская дума избрала даже специальную комиссию, «но она никаких соображений не доставила, и затем дело поступило в архив».

К числу важнейших событий этих лет следует отнести открытие Оренбургской железной дороги, устройство на косе реки Волги и Самары перевалочного пункта бакинской нефти и продуктов ее переработки, направляемых в Сибирь. У города стали зимовать буксирные пароходы и наливные баржи этих обществ. А места для безопасного отстоя судов, как и прежде, Самара не имела.

В апреле 1885 г. река Самара снова взбунтовалась, вынесла на Волгу много судов. Вновь заговорили о необходимости устройства безопасной бухты. За разговорами прошло еще шесть лет. И тут, к несчастью одних и к счастью других, выпал неурожайный год. Заработок людям могли дать только так называемые общественные работы. 2 ноября 1891 г. городской голова Н.Г. Неклютин получил от губернатора А.Д. Свербеева, занимавшего также пост председателя местного управления Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством императорского величества государыни императрицы, письмо, в котором речь шла «об устройстве Самарской бухты для зимней стоянки судов» и содержалась просьба «упомянутый вопрос вынести в непродолжительном времени на обсуждение городской думы».

29 ноября Самарская городская дума рассмотрела вопрос о сооружении бухты и дала отказ: нет средств. И вдруг ситуация резко изменилась. Из Петербурга пришла телеграмма следующего содержания: «Выхлопотал для Самары устройство гавани даром за счет казны без всяких обязательств города устройство мостовых третья часть расходов казны долгосрочная ссуда без процентов получите официально предложение Лавров».

Такое счастливое решение вопроса об устройстве самарской бухты вызвало радость гласных городской думы. И по прибытии из столицы своего товарища Сергея Осиповича Лаврова они попросили его рассказать, как все это произошло. А было это так.

Министр внутренних дел вызвал С.О. Лаврова в столицу для участия в совещании по устройству общественных работ в губерниях, пострадавших от неурожая. Государство отпустило на эти цели безвозвратно 10 миллионов рублей. Решали, в каких местностях и на какие виды работ лучше всего использовать эти деньги. С.О. Лавров и сказал, что в Самаре много людей можно занять на строительстве гавани, мощении улиц, устройстве Балаковской дамбы и поднятии тракта от Засамарской слободы до Стромиловского хутора. Министр не возражал, лишь посоветовал не мешкая детально обсудить все в думе, чтобы общественные работы принесли больше пользы и голодающему населению, и городу.

Гласные думы были вполне удовлетворены, особо выделив следующее обстоятельство. Лавров не имел доверенности от города на подобные предложения господину министру. Это была его личная инициатива, за которую Сергей Осипович достоин благодарности. И она тут же была ему высказана.

Город же выработал такие предложения. Мощение улиц и площадей в количестве 17 500 квадратных сажень, устройство набережной реки Волги, постоянного моста через реку Самару, в крайнем случае плашкоутного, ибо ныне действующий крайне ветхий.

О гавани на реке Самаре было сказано: «...в высшей степени желательно, и город со своей стороны ничего не имеет, если таковая будет устроена за счет Правительства без всякого участия города в расходах на ее сооружение, так и дальнейшее содержание».

17 января 1892 г. дума рассмотрела вопрос «Об уступке городом места, потребного для устройства Самарской гавани». В тот же день была создана комиссия, в которую вошли гласные Е.Т. Кожевников, С.В. Рябов, А.М. Михайлов, А.И. Егоров, И.Л. Санин и Н.И. Арнольдов. Уже через пять дней комиссия и городская управа пришли к заключению: «Землю под устройство бухты и ее укрепление в количестве 33 370 квадратных саженей уступить правительству безвозмездно».

К сожалению, самого проекта бухты, предложенного господином Штукенбергом, сведений о ходе работ в архиве отыскать не удалось. Обнаружены лишь списки горожан, изъявивших готовность поработать на стройке со своими подводами, списки купцов, у которых можно закупить по низкой цене колеса для тачек, ломы, лопаты. С помощью такой «техники» и была возведена зимой несколько ниже железнодорожного моста «охранительная от ледохода дамба из грунта, вынутого вручную из образованной между берегом и дамбой бухты».

Летом, чтобы довести глубину бухты до проектной отметки, Казанский округ Министерства путей сообщения выделил Управлению общественных работ одну землечерпальную машину и землесос (сосун) Базена. Ими было извлечено более 2000 кубических саженей грунта на площади 4440 квадратных сажень. Осенью в бухту стали на зимовку три парохода и три баржи.

В 1894 г. Казанский округ принял бухту в свое ведение, хотя ее так и не довели до нужной глубины. Но тяжелое для населения время миновало, Управление общественных работ свернуло свою деятельность, и путейцам не раз приходилось углублять бухту по просьбе судовладельцев и Биржевого комитета. Но большие пароходы и баржи не спешили по осени в бухту: выход из нее заносился песком. И весной 1895 г. снова случилась беда: ледоходом сорвало и унесло в Волгу более двадцати барж, зимовавших в устье Самары. Шесть из них затонули.

Биржевой комитет еще в январе 1893 г. обращал внимание Министерства путей сообщения на медленные темпы работ по углублению бухты. Результата не было. После новой аварии с судами он направил в столицу обширную докладную записку с проектом инженера И.И. Ковзань. Но речь в ней шла не о завершении работ на бухте, а строительстве новой близ хлебных амбаров.

Новая стоянка планировалась больше прежней, чтобы здесь могли зимовать не только суда Самарской пристани, но и Екатериновки, Сызрани, Васильевки, Хвалынска, Балаково.

Инженерный совет Министерства путей сообщения рассмотрел проект И.И. Ковзаня и одобрил его. Тем дело и ограничилось. Министр финансов посчитал, что «дальнейшее расширение Самарской бухты в настоящее время не может считаться неотложной необходимостью».

А старая бухта, оставленная на некоторое время без присмотра, заилилась от стока уличных вод и нечистот, обмелела. И вновь Биржевой комитет стал стучаться в двери столичных чиновников. В 1898 г. комитет подал в правительство другую записку, в которой развивались прежние идеи. Предлагалось, в частности, продолжить по ограждающей дамбе ветку железной дороги и подавать вагоны прямо к баржам. Таким образом решался вопрос соединения «великого сибирского железнодорожного пути с водными путями по р. Волге», а бухта становилась торговым центром города, давая ему громадную пользу и выгоду.

Предприниматели изъявляли и готовность прийти на помощь правительству. Они предлагали установить высокое обложение судов, зимующих в бухте: ¼ копейки с пуда, что гарантировало ежегодное получение доходов в размере 50–65 тысяч рублей, которые пошли бы на погашение затрат. А чтобы новые предложения самарцев не затерялись в коридорах власти, направили в министерства финансов и путей сообщения специальную комиссию из видных самарских купцов: Н.Е. Башкирова, П.И. Шихобалова, Н.Д. Батюшкова.

По всей вероятности, усилия самарских предпринимателей увенчались успехом. 3 октября 1898 г. департамент шоссейных и водных сообщений Министерства путей сообщения направил в Государственный совет докладную записку «Об ассигновании средств на работы по устройству у г. Самары гавани для зимовки судов».

Докладная записка содержала довольно подробное описание предлагаемого проекта: расширение существующей бухты путем удлинения ее дамбы вниз по реке на 485 погонных саженей. Таким образом, все прибрежные амбары и элеватор остаются в пределах бухты, а ветка железной дороги с укрепленными откосами составит берег бухты с городской стороны.

Далее в документе говорится: «Так как в устраиваемой бухте предполагается отвести необходимое место для зимовки землечерпального каравана, то в связи с соответственным береговым оборудованием бухты будет устроено небольшое помещение для ремонтных мастерских землечерпального каравана»[13].

Об объемах планируемых работ можно судить по таким показателям. Намечалось вынуть грунта в количестве 108 237 кубических саженей, прежде всего землечерпальными машинами, и лишь на начальном этапе строительства – 21 691 кубических саженей вручную для насыпки продольной дамбы и высокой площадки вдоль городского берега бухты. Стоимость всех работ была исчислена в 715 000 рублей.

Сумма по тем временам, несомненно, большая. Но авторы записки убеждены, что все затраты оправдают себя. «Если принять среднюю стоимость одного парохода в 40 000 рублей, а стоимость порожней баржи в 10 000 рублей и допустить, что в бухте поместится, как ранее сказано, до 85 барж и до 50 пароходов, то становящийся на зимовку в бухте флот, не считая стоимости возможного груза его, сам по себе уже составляет ценность до 3 млн рублей, которая с устройством проектируемой гавани обеспечивается от ежегодного весьма значительного риска аварий»[14]. Под документом стоит подпись товарища министра путей сообщения Н. Петрова. Долг требует назвать его фамилию, чтобы мы знали людей, радевших о благе волжского судоходства, города Самары.

Почти два года городская дума отказывалась выделить землю под строительство бухты. Особое мнение имел Н.Д. Батюшков: «Для сооружения бухты, – писал он, – все заинтересованные лица объединяют свои силы. Владельцы пароходов предлагают плату по пяти рублей за погонную сажень. Владельцы барж предлагают по одному рублю за сажень. Грузоотправители предлагают 1/4 копейки с пуда за погрузку. Государство дает средства и предлагает выполнить работу. Что же дает город? Требования на миллион рублей?»[15] Лишь в 1901 г. дума приняла решение об уступке земли. 11 сентября 1903 г. правление Казанского округа сообщило Самарской городской думе, что проект бухты одобрен комитетом Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог.

Вместе с тем была высказана просьба: наплавной мост через Самару сделать такой конструкции, чтобы суда проходили через него беспрепятственно, а «сама работа по устройству бухты не терпела ущерба от задержки при пропуске землечерпательного каравана».

Просьба справедливая, но практически невыполнимая. По меньшей мере лет тридцать власти города думали о том, как построить через реку Самару стационарный мост. Немало выдвигалось проектов, но ни один из них не был осуществлен из-за отсутствия средств. Раньше мост закрывал доступ судов в Самару в дневное время и разводился только ночью. На этот раз он перекрыл дорогу строительству новой бухты.

Государственный Сенат исключил из сметы управления внутренних водных путей и шоссейных дорог на 1906 г. 100 тысяч рублей, предназначенных для расширения бухты. Сообщено об этом в Самару было в феврале, но уже в августе ситуация резко изменилась. 29 июля из Казанского округа на имя городского головы пришло сообщение о том, что Министерство путей сообщения испрашивает на текущий год 350 тысяч рублей для «укрепления Выползовского перевала». Однако, давая понять, что общественные работы по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению намечено вести не только в районе села Выползова, начальник округа просил в самом непродолжительном времени поставить на обсуждение думы следующие вопросы: об отводе участка земли под гавань, склад материалов и постройку временных бараков для рабочих; о возможности и условиях отвода во временное пользование округа каких-либо свободных городских зданий для размещения рабочих, склада инструмента, конторы работ и т. п.

По поручению товарища министра путей сообщения он извещал также о том, что «организация производства обеих названных работ предложена такая же, какая была принята при продовольственных работах 1902–1903 гг. Для общего заведования работами будет учрежден Комитет, в состав которого войдут представители Округа Путей Сообщения, местного Губернатора, Городского Управления, Биржевого Комитета, Губернского Земства, Государственного Контроля и железной дороги (только по отношению к Самарской гавани). Для выполнения же работ будет назначен особый производитель их»[16]. Городская дума в заседании 6–11 сентября избрала представителями от города в комитет по заведованию общественными работами на бухте и укреплению берега Волги в районе Выползова члена городской управы Д.К. Мясникова и гласного П.Ф. Шишкина.

17 октября в бухте начались работы. Гласный П.Ф. Шишкин доложил думе, что на стройке занято не более 300 человек, едва ли не четвертая часть отпущенных денег расходуется на содержание чиновников. «Общественные работы, – резюмировал гласный Е.Т. Кожевников, – созданы как бы не для голодного населения и безработных бедняков, а для чиновников, содержание которых обходится в такую высо-

кую сумму». Некоторые гласные, в частности П.П. Подбельский, расценили подобное явление как издевательство и настояли на отправке министру внутренних дел телеграммы следующего содержания: «Городская дума, выслушав заявление гласного П.Ф. Шишкина, избранного думою в Комитет по работам строящейся в г. Самаре бухты, из которого видно, что к 1 ноября было рабочих до 270 человек при расходах на администрацию 2155 рублей в месяц, кроме жалования Председателя, Заведующего и его помощника, что на работы не принимаются крестьяне только вследствие формальных недостатков в продовольственных бумагах земских начальников, а безработные горожане совсем не принимаются, – постановила просить Ваше Высокопревосходительство обратить внимание на неправильную постановку дела и распоряжения Комитета, уничтожающие не только Государственное значение, но и пользу работы»[17].

Такой настрой думцев встревожил губернатора В.В. Якунина. Он побывал на строительстве бухты и не согласился с выводами думы. Сообщил, что там занято 1600 человек. К 5 декабря затребовано 400 подвод для подвозки камня. В бухте работают крестьяне Бузулукского, Симбирского, Ставропольского, Николаевского и Бугурусланского уездов. Однако гласный П.Ф. Шишкин сумел доказать несостоятельность доводов губернатора: в число 445 рабочих, занятых якобы на бухте к 1 ноября, были включены 180 человек, работающих на Барбашиной поляне, а количество рабочих в бухте стало быстро «возрастать» именно после направления в столицу телеграммы.

Общественные работы при устройстве бухты при р. Самарке.
Из кн.: Самарский альбом. Самара в открытках и фотографиях конца XIX – начала XX века. Самара, 2006

Городская дума выразила П.Ф. Шишкину благодарность, попросила его и дальше информировать о ходе работ. 14 марта дума заслушала его очередное сообщение. А было оно неутешительным. До 1 февраля 1907 г. дела в бухте шли относительно нормально. Но администрация ее получила указание из округа срочно начать работы по укреплению выползовского берега. Туда уже переданы опытные рабочие с тачками и инструментом. Камень, приготовленный для бухты, увозят с Барбашиной поляны в Выползово. А это означает, что по весне дамбу может размыть. В знак протеста П.Ф. Шишкин и представитель Биржевого комитета отказались от какого-либо участия в работах по укреплению берега Волги в районе села Выползова.

Судя по всему, весна оказалась благоприятной для завершения работ в бухте. Ее не размыло, и гласных беспокоило уже другое: «...благодаря устройству бухты на половину реки, река, видимо, прорывает себе новое русло», что грозило разрушением левого берега.

В ноябре произошло то, чего дума боялась больше всего. Председатель комитета продовольственных работ И.И. Ковзань информировал о получении им распоряжения «об окончательной ликвидации продовольственных работ в Бухте и Выползовского берега». Решили совместно с Биржевым комитетом просить о продолжении работ.

В 1914 г. увидел свет «Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского биржевого комитета и общества с 1893 по 1913 гг.». Его авторы не без иронии и горечи писали: «Строители Самарской бухты скоро могут праздновать 25-летний юбилей своих работ. Таким образом, целое поколение успело состариться, пока работы по устройству старой и новой Бухты на р. Самарке приблизились к концу, и появилась уверенность, что, быть может, в следующем году по дамбам будут ходить поезда, связывая собой два величайших пути России – волжский и сибирский»[18].

Первая мировая война, конечно же, сказалась на темпах завершения всех работ в самарских бухтах. Но они продолжались. Новую бухту, по всей вероятности, отдали в распоряжение Казанского округа путей сообщения, ибо именовалась она казенной, в ней зимовали землечерпальные машины «Волжская-18», «Волжская-28», «Камская-4», путейские пароходы «Межень», «Стрежень», «Сергей», «Елабуга». На берегу новой бухты находились караванка и одноэтажное здание Казанского округа Министерства путей сообщения.

В старой бухте обосновались пароходные общества «Кавказ и Меркурий», «Самолет». Для своих контор они возвели два двухэтажных здания, которые располагались по обе стороны спуска Садовой улицы. Бухты получили телефонную связь с городом. Старая бухта в 1914 г. имела номер 8-81, а казенная – 7-75. Возле новой бухты железнодорожники построили станцию Самара-Хлебная, а в 1916 г. на берегу

реки Самары выросло здание современного элеватора, одного из крупнейших в России. Была проложена по дамбе и ветка железной дороги. На многие годы она сделала Верхний мол грузовым районом пристани Куйбышев, а затем и порта.

Железные дороги

Во второй половине XIX в. в России огромные масштабы приобрело железнодорожное строительство. Для Российской империи с ее обширными территориями этот новый вид транспорта был жизненно необходим. Железные дороги стали одним из ведущих стимулов развития промышленности, сельского хозяйства и торговли в империи, а также являлись важнейшим фактором государственной обороны. В строительстве новых путей сообщения, помимо имперской власти, активно участвовали предпринимательские круги, общественность и местная администрация.

В 1860-е гг. царское правительство вело железнодорожное строительство преимущественно для соединения центра империи с хлебными районами[19]. В 1866 г. группа тамбовских помещиков и предпринимателей, возглавляемая предводителем дворянства, действительным статским советником С.Д. Башмаковым, обратилась с ходатайством к правительству о предоставлении концессии на строительство железнодорожного пути от Ряжска до Моршанска[20]. 10 мая 1866 г. Александр II утвердил концессию на строительство дороги[21], а 28 ноября 1867 г. она была построена.

Однако Ряжско-Моршанская дорога не давала выхода к Волге – главной водной магистрали империи, по которой осуществлялись значительные транспортировки сырья и товаров на внутренние рынки[22]. Поэтому 31 мая 1868 г. правление общества Ряжско-Моршанской железной дороги обратилось с просьбой о разрешении продолжить железнодорожную линию от Моршанска через Пензу до Сызрани[23]. Сооружение этого участка началось в 1872 г. Главным инженером строительства был П.А. Борейша. 12 октября 1874 г. дорога протяженностью 484,8 версты открылась для движения поездов[24]. Одновременно ввели в эксплуатацию ветку от Сызрани до пристани на реке Волге[25].

Параллельно разрабатывался проект железной дороги от Самары до Оренбурга. Инициатором выступил Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский. Еще 4 февраля 1867 г. он, заручившись поддержкой Самарского земства, отправился в столицу с соответствующим ходатайством. Комитет министров поддержал идею соединения Самары с Оренбургом железной дорогой[26]. Положительному решению вопроса в немалой степени способствовали стратегические интересы Российской империи в Средней Азии, с которой граничила Оренбургская губерния. Комитет министров 30 мая 1867 г. официально предоставил

право Н.А. Крыжановскому за счет частных средств начать изыскания оптимального направления будущей дороги. Был создан комитет, в который вошли и представители Самары: городской голова купец М.И. Назаров и земский деятель М.М. Наумов[27]. Посетивший Самару в августе 1871 г. император Александр II «изволил пожелать городскому обществу быстрого и сильного развития его торговли, благоволив для осуществления этого пожелания обещать скорое утверждение Оренбургской железной дороги»[28].

5 июня 1873 г. Комитет министров принял решение о строительстве Оренбургской железной дороги. Согласно проекту, линия начиналась от станции Батраки на правом берегу Волги и проходила через Самару до Оренбурга. Предполагалось также строительство ветки от станции Самара к волжским пристаням[29]. 18 ноября 1873 г. были утверждены устав и технические условия будущей дороги[30]. Строительство началось в апреле 1875 г. под руководством инженера К.Я. Михайловского. Официальное открытие Оренбургской железной дороги состоялось 1 января 1877 г.[31], хотя движение по ней началось раньше. «Наконец, этот же 1876 год, – отмечал П.В. Алабин, – ознаменовался в Самарском крае открытием движения по Оренбургской железной дороге после освящения оной, совершенного 31 декабря, – событием, долженствующим сделаться эрой в истории нашего города и края»[32].

Вокзал Оренбургской железной дороги. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Со строительством дороги было связано сооружение знаменитого Александровского моста через Волгу, так как в связи с отсутствием моста переправа пассажиров, багажа и товаров через реку производилась летом на пароходе, а зимой по льду Волги в экипажах общества Оренбургской железной дороги.

Обсуждались три варианта мостового перехода: у Самары, Батраков и рядом с селом Костычи. Было решено строить мост между Старыми и Новыми Костычами. Проект был разработан видным ученым, профессором Петербургского института инженеров путей сообщения Н.А. Белелюбским. Строительство началось 17 августа 1876 г. Вначале была построена новая станция – Правый берег реки Волги[33]. Сборкой моста руководил К.Я. Михайловский, а строительством занимался инженер В.И. Березин, который, обладая талантом изобретателя, применил новую технологию сборки пролетных строений («Русский способ»)[34]. Они монтировались на суше, а потом устанавливались с помощью барж[35].

Для работы на воде были использованы 3 парохода и 73 барки. Заранее построили 60 домов для рабочих и служащих, больницы, склады, мастерские. Для строительства моста привлекли крестьян из Симбирской, Самарской и Оренбургской губерний[36]. Сооружение моста контролировал император Александр II, потребовавший периодически докладывать ему о состоянии дел. Мост планировали ввести в эксплуатацию 5 апреля 1878 г., но небывалый весенний ледоход внес свои коррективы. Лед пошел почти на 1,5 сажени выше ледорезов. Белелюбскому пришлось внести изменения в первоначальный проект[37].

Мост был открыт 30 августа 1880 г. «Самарские епархиальные ведомости» писали: «Испытание показало как высокое качество железа, так и превосходную сборку сооружения. Мост принят комиссией без всяких недоделок. Министр путей сообщения сделал со своей стороны личный особый осмотр моста, в сопровождении густой массы народа»[38]. Значение данного сооружения подчеркивал в путевых записках писатель-путешественник Е.Л. Марков: «Вот у начала этой петли или этой “Луки Самарской” железная дорога и перекинула через Волгу, на левый берег ее, к торговой Самаре, свою железную ариаднину нить, соединившую дичь и глушь нашей Сибири с Германией, Францией, Италией и всеми цивилизованными странами премудрой Европы»[39].

Мост стал именоваться «Александровским» в честь двадцатипятилетия царствования императора Александра II. По своей длине (до 1,5 версты) он занимал первое место в Европе и шестое в мире. Мост насчитывал тринадцать пролетов длиною по 111 метров каждый[40]. Металлические части были изготовлены из железа бельгийских, а также Брянского заводов. Качество железа строго контролировали. Были случаи, когда партии металла возвращали поставщикам. На сооружение моста было выделено 7 млн рублей кредитных билетов[41]. Он производил столь сильное впечатление, что даже император Николай II, совершавший

летом 1904 г. поездку из Петергофа в Златоуст, не отказал себе в удовольствии пройтись по мосту пешком[42].

Дальнейшее строительство железной дороги от Самары на восток страны было связано с сооружением Транссибирской магистрали. После постройки Моршано-Сызранской и Оренбургской железнодорожных линий в правительстве обсуждался вопрос о необходимости соединения железными дорогами Волги и Урала. Особую потребность в этом испытывала уральская горнозаводская промышленность. В XVIII в. горные заводы были построены с максимальным учетом близости воды, руды и топлива. Но естественные ресурсы истощились, и их приходилось доставлять из других удаленных от завода местностей[43]. Не только доставка ресурсов, но и транспортировка готовой продукции к местам сбыта и потребления сопровождалась громадными затратами. Устаревшая дорожная инфраструктура сдерживала производство, что сказывалось на стоимости продукции. Также был затруднен сбыт зауральского хлеба на внутренний и внешний рынки Российской империи[44]. Но осознание потребности сооружения железной дороги на Урал утвердилось лишь тогда, когда все поняли, что нужно строить Сибирскую магистраль и далее железнодорожный путь к Тихому океану[45].

Уже в 50-е гг. XIX в. в правительстве стали обсуждать проекты строительства железной дороги в сибирском направлении. Проблема освоения новых территорий и стремление власти укрепить экономические и политические связи с Дальним Востоком вызывали многочисленные предложения о направлении будущей дороги[46].

В 1872–1874 гг. были определены три возможных направления: 1) Рыбинск – Пермь; 2) Нижний Новгород – Екатеринбург; 3) Алатырь – Челябинск[47]. В 1875 г. вопрос о направлении сибирской железной дороги был рассмотрен в Комитете министров. После обсуждения представления министра путей сообщения К.Н. Посьета Комитет министров остановился на первых двух вариантах. Председатель Департамента государственной экономии А.А. Абаза выступил за направление дороги через Нижний Новгород и Екатеринбург, так как оно совпадало с существующим торговым путем[48]. Комитет одобрил этот вариант, однако он не был реализован из-за начавшейся Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.[49]

Вновь к вопросу о строительстве сибирской железной дороги вернулись в начале 80-х гг. XIX в. К этому времени была построена Уральская горнозаводская железная дорога (от Перми до Екатеринбурга), завершено строительство моста через Волгу, были проведены новые изыскания; все это вызвало необходимость пересмотра утвержденного в 1875 г. направления.

По мнению К.Н. Посьета, вопрос о сибирской железной дороге надо было решать исключительно на основе рассмотрения нужд и потребностей Сибирского края. Он утверждал, что начальным пунктом следует

избрать Самару[50]. 20 марта 1881 г. Самарское губернское земское собрание, городские думы Самары и Уфы совместно с представителями заводов Урала ходатайствовали перед министром путей сообщения о продолжении железной дороги от одного из пунктов Оренбургской железной дороги близ города Самары через Уфу, Златоуст до соединения с сибирской железнодорожной линией[51].

В 1882 г. вновь началось обсуждение направления сибирской магистральной линии. Были проведены дополнительные изыскания. В 1884 г. были определены три варианта будущей Сибирской железной дороги: 1) Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург – Тюмень; 2) Самара – Уфа – Екатеринбург – Тюмень; 3) Самара – Уфа – Златоуст – Челябинск[52].

Представители нижегородского бизнес-сообщества активно выступали за проведение дороги от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга. Они считали, что попытка создать новый торговый центр в Самаре после направления к ней Сибирской железной дороги может спровоцировать кризис внутренней торговли и промышленности[53].

В то же время самарские предпринимательские круги и местная власть выступали за сооружение железной дороги через Самару. Самарский городской голова П.В. Алабин указывал на преимущества проведения дороги через Самару. Он утверждал, что большинство сибирских грузов следует в Центральную Россию из Южного Урала и Зауралья, поэтому дорога через Самару – это кратчайший путь. Также южное направление дороги (через Самару) ближе к черноморским портам, по преимуществу служившим для экспорта[54]. П.В. Алабин предполагал, что самарское направление придаст ускоренное развитие горнозаводской промышленности Урала и будет способствовать хозяйственному освоению Уфимской губернии и южных пространств Западной Сибири[55].

1 июня 1884 г. министр путей сообщения К.Н. Посьет, выступая в Комитете министров, поддержал идею постройки дороги от Самары через Уфу до Челябинска. По его мнению, эта линия будет короче на 300 км, чем дорога через Нижний Новгород. Также на железной дороге самарского направления требовалось построить меньшее количество искусственных сооружений[56]. 6 января 1885 г. Комитет министров принял решение, что главным участком транзитного Сибирского пути в пределах Европейской России будет дорога Самара – Уфа – Златоуст[57].

25 января 1885 г. правительство утвердило проект строительства Самаро-Уфимского участка. Новая дорога начиналась от станции Кинель, в 38,5 версты от Самары. Но дорога не получала собственного выхода к реке Волге, поэтому уже в это время стал обсуждаться вопрос о выкупе участка или всей частной Оренбургской железной дороги. Но переговоры о выкупе не привели к желаемым результатам[58].

Строительство Самаро-Уфимского участка железной дороги началось в апреле 1886 г. Начальником работ был назначен К.Я. Михайловский[59].

Он же затем строил и линию Уфа – Златоуст – Челябинск. 8 сентября 1888 г. строительство железнодорожного пути от Кинеля до Уфы было завершено[60]. «Сердечно радуюсь открытию Самаро-Уфимской дороги, – писал в телеграмме император Александр III, – в особенности тому, что исключительно русский материал употреблен на ее постройку. Благодарю Вас и всех деятелей, потрудившихся в этом деле; прошу передать тоже и жителям городов Самары, Уфы и Бугуруслана Мое спасибо за выраженные ими чувства и благожелания Мне и Моей семье»[61]. Ровно через два года к Самаро-Уфимскому железнодорожному пути был присоединен вновь построенный участок Уфа – Златоуст длиной 299 верст[62]. После этого дорога стала называться «Самаро-Златоустовской».

Дискуссии о направлениях железных дорог шли и при строительстве местных участков. Так, например, рассматривались варианты прокладки железнодорожной ветки от самарской станции к волжским пристаням. Ранее такая ветка была построена только до Хлебной площади. Из «Записки Министерства путей сообщения в Комитет Министров» от 5 ноября 1885 г. следует, что обсуждались два варианта направления. Первое, утвержденное Министерством путей сообщения 14 марта 1879 г., было уже частично реализовано. Второе предложила Самарская городская дума. По мнению гласных, проект Министерства путей сообщения не учитывал того, что железнодорожная ветвь должна служить для доставки хлеба именно в самарские амбары[63]. Поэтому проект, предложенный самарцами, предусматривал проведение железнодорожной ветки вблизи амбаров. В 1888 г. ветка от станции Самара к пристаням на Волге была построена с учетом предложения Самарской думы.

В 1886 г. Екатеринбургская городская дума и Екатеринбургская уездная земская управа ходатайствовали перед Министерством путей сообщения о продолжении линии Уфа – Златоуст до Челябинска. Этот проект был поддержан 27 апреля 1886 г. пермским губернатором, а 24 мая 1888 г. и генерал-губернатором Степного (ранее – Западно-Сибирского) генерал-губернаторства[64]. 8 мая 1890 г. министр путей сообщения А.Я. Гюббенет внес в Комитет министров представление о постройке железной дороги от Златоуста до Челябинска[65]. Но Комитет министров принял решение продолжить строительство железной дороги от Златоуста до Миасса[66].

4 февраля 1891 г. А.Я. Гюббенет внес в Комитет министров новое представление, где обосновывалась идея начать строительство железной дороги от Миасса до Владивостока. 21 февраля 1891 г. Комитет министров постановил приступить в 1891 г. к сооружению железной дороги от Миасса до Челябинска[67]. 22 октября 1892 года открылось движение на участке Златоуст – Челябинск протяженностью 150 верст[68].

В начале 80-х гг. XIX в. правительство Российской империи перешло от концессионной постройки железных дорог к государственной

системе[69]. Построенные таким образом участки железной дороги от Самары до Челябинска стали принадлежать государству. Идея о выкупе частной Оренбургской железной дороги высказывалась еще в 1885 г. С конца 80-х годов XIX века выкуп железных дорог стал частью экономической политики царского правительства, а с началом 90-х годов выкуп частных железных дорог в казну приобрел массовые масштабы[70]. Это объяснялось тем, что железнодорожная сеть России не представляла собой единого целого ни в экономическом, ни в техническом, ни в административном отношениях. Важнейшие транзитные направления состояли из участков различной технической оснащенности, характеризовались чрезвычайной пестротой своего оборудования[71]. Также причиной выкупа стало и финансовое банкротство железнодорожных обществ. Министр путей сообщения С.Ю. Витте писал: «В царствование Александра III установилась твердая идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной мере исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов»[72].

К 1 января 1893 г. была выкуплена в казну и Оренбургская железная дорога. Правительство считало, что при торгово-промышленном значении этой линии ее эксплуатация государством «будет предпочтительнее по сравнению с оставлением ее в руках частной компании»[73]. Покупка компании осуществлялась путем обмена акций компании на 4 %-ные правительственные облигации[74].

Оренбургская железная дорога была присоединена к Самаро-Златоустовской. Объединенная дорога получила название Самаро-Златоустовской с Оренбургской ветвью. Управление дорогой находилось в Самаре[75]. На западе железнодорожная линия граничила со станцией Батраки, а в восточной части – с Челябинском и Оренбургом. Общая длина пути составляла 1410 верст[76].

В дальнейшем пропускная и провозная способности Самаро-Златоустовской железной дороги увеличивались, строились новые разъезды и ветки. 16 августа 1897 г. была введена в эксплуатацию Кротовко-Сергиевская ветка, которая обеспечивала перевозку пассажиров на Сергиевский курорт и вывоз продукции Тимашевского сахарного завода[77]. Тогда же стали сооружаться вторые пути[78].

В 1902 г. открылось движение по Мелекесскому подъездному пути, связывающему Часовенскую пристань Симбирска (станция Верхняя Терраса) и посад Мелекесс. В первые годы Общество Мелекесского подъездного пути испытывало финансовые трудности из-за недостаточного объема грузоперевозок. Было ясно, что при таком положении дел железная дорога долго существовать не сможет. В июне 1906 г. группа предпринимателей обратилась к министру финансов с просьбой

разрешить образовать акционерное общество для сооружения и эксплуатации линии от станции Мелекесс до станции Чишмы Самаро-Златоустовской железной дороги. Предприниматели планировали также приобрести в собственность уже построенный участок Часовня – Мелекесс. В 1907 г. Общество Мелекесского подъездного пути переименовали в Общество Бугульминской железной дороги, а в 1908 г. – в Общество Волго-Бугульминской железной дороги[79]. В конце 1907 г. начались работы по строительству линии. В августе 1911 г. был открыт участок дороги Мелекесс – Бугульма[80]. А через три года линия железной дороги была доведена до станции Чишмы[81]. Для соединения Волго-Бугульминской железной дороги с Симбирской веткой Московско-Казанской железной дороги необходим был мост через Волгу. Решение о его строительстве принял председатель Совета министров П.А. Столыпин. Проплывая в 1910 г. по Волге на пароходе «Межень», Столыпин остановился на несколько часов в Симбирске. Местные купцы и почетные граждане убедили Столыпина в целесообразности строительства моста для экономики города. Проект подготовил инженер Н.А. Белелюбский. В 1913 г. началось строительство моста, в октябре 1916 г. состоялось его открытие[82].

На начальном этапе функционирования Самаро-Златоустовской железной дороги ее руководство не добилось значительных финансовых успехов, бюджет дороги был дефицитным[83]. Хозяйственная конъюнктура стала меняться с середины 1890-х гг. вследствие экономического роста Самарской и Уфимской губерний, что, в свою очередь, стимулировало развитие железнодорожного транспорта[84].

В 1896 г. Самаро-Златоустовская дорога была соединена с Сибирской железной дорогой, благодаря чему приобрела статус транзитной магистрали. Железнодорожная линия на многие годы стала единственным рельсовым путем, соединяющим центральные районы страны с Сибирью и Средней Азией[85]. В этой связи значительно увеличился товарооборот дороги, соответственно, возросли и доходы. В период с 1893 по 1903 г. объем пассажирских перевозок вырос более чем в 2 раза, количество грузов большой скорости возросло в 11 раз, а малой скорости – в 2 раза. Чистая прибыль за 10 лет возросла с 500 тысяч рублей до 5 миллионов[86].

Следующий период в жизни дороги приходится на 1904–1907 гг. Это было время чрезвычайной нагрузки на дорогу в связи с Русско-японской войной и восстановлением обычного режима работы после военных перевозок[87]. 1 января 1905 г. участок Оренбург – Кинель был присоединен к открывшейся Ташкентской железной дороге[88].

Самаро-Златоустовская железнодорожная линия в экономическом отношении разделялась на 4 участка. От Батраков до Уфы она пересекала территорию со слабо развитой фабрично-заводской промышленностью. Здесь преобладали земледелие и скотоводство. За Уралом ли-

ния проходила через лесистую местность, население которой в значительной степени занималось лесными промыслами. От Миньяра до Миасса шла территория с горной и металлургической промышленностью. От Миасса до Челябинска вновь доминировали земледелие и скотоводство[89].

Железные дороги подняли значение Самары как торгового и транзитного центра. Здесь пристань на Волге и крупный железнодорожный узел предоставляли возможность перемещать грузы с сухопутного на водный транспорт[90]. Строительство железных дорог усилило экономические связи Самарской губернии с центральными губерниями, Уралом, Сибирью и Средней Азией. Самара стала центром притяжения товаров для близлежащих территорий[91]. Выгодное географическое расположение превратило Самару в один из важнейших рынков по торговле хлебом, скотом и салом[92].

П.В. Алабин еще в 1887 г. отмечал влияние Оренбургской железной дороги на рост хлебной торговли: «Подвозка к Самаре хлеба по железной дороге с каждым годом стала увеличиваться и в то же время, особенно после открытия движения по Александровскому через Волгу мосту и с устройством многочисленных мукомольных механических мельниц в крае, весьма значительные партии хлеба в зерне и в муке стали отправляться по железной дороге на прямое сообщение, т. е. в Петербург, Ревель и другие наши западные пункты»[93].

С вводом в эксплуатацию Оренбургской железной дороги значительно увеличилась самарская торговля лесом: «...стали увозить в степную местность, с юго-востока к губернии примыкающую, очень много леса в сыром виде, а частию и в переработанном»[94].

Важным направлением политики Министерства путей сообщения и железнодорожных обществ были создание и деятельность специальных железнодорожных учебных заведений. В процессе строительства Оренбургской железной дороги возникла острая потребность в квалифицированных железнодорожных рабочих, которые могли бы эффективно эксплуатировать железнодорожный транспорт. Помимо руководства дороги и Министерства путей сообщения, в открытии специальных железнодорожных учебных заведений были заинтересованы местные власти. Еще в 1875 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский обратился в Министерство путей сообщения с ходатайством об открытии железнодорожного училища в Оренбурге. Но, учитывая, что в Самаре к тому времени уже находились железнодорожные мастерские, было принято решение открыть училище именно здесь. 31 июля 1878 г. был утвержден устав Самарского технического училища[95], а 23 сентября 1879 г. Самарское техническое железнодорожное училище открылось[96]. Оно стало вести подготовку машинистов, помощников машиниста, дорожных мастеровых, телеграфных техников, начальников станций, их помощников, слесарных мастеровых и т. д.[97]

Открытие движения по Сибирской железной дороге способствовало значительному росту экономического значения Самары. Город стал главным пунктом пересечения грузопотоков, следующих с Дальнего Востока и из Центральной Азии[98]. В структуре основных грузов дороги хлеб составлял 42 %, горнозаводская продукция – 12 %, лес – 6 % и топливо – 5,7 %[99].

Самара являлась крупным центром российского хлебного рынка. Сюда подвозилась масса хлеба, который поступал как по линиям железных дорог, так и по рекам Волге и Самаре, а также на гужевом транспорте с прилегающей территории. Объем продаваемого за год в Самаре хлеба достигал 18 миллионов пудов[100]. Большая часть доставляемого в Самару хлеба с открытием навигации грузилась на баржи и отправлялась в Казань, Нижний Новгород и другие торговые пункты[101].

К началу XX в. железнодорожные станции стали новыми центрами притяжения грузов, прежде всего товарных партий зерна. Если ранее основными пунктами сбыта сельскохозяйственной продукции были речные пристани, то в последней четверти XIX в. их роль стали выполнять железнодорожные станции[102]. Они оказывали влияние на развитие близлежащих населенных пунктов, способствовали увеличению масштабов торговли и притоку капиталов. Примером может служить история села Абдулино. До открытия Самаро-Златоустовской железной дороги на месте станции находилось только небольшое башкирское селение. Оно располагалось на плодородных, возделываемых почвах, однако на большом расстоянии от торговых пунктов. Проведение дороги послужило импульсом для быстрого преобразования села в центр промышленной переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов. На станцию начали приезжать покупатели из Петербурга, Ревеля, Риги, появились комиссионеры разных торговых фирм, открылся филиал торгово-промышленного банка[103].

Строительство железных дорог и станций приблизило целый ряд населенных пунктов к рынкам сбыта, повысило цены на продукты сельского хозяйства в местах их производства и, следовательно, повлияло на рост интенсификации разных отраслей крестьянского хозяйства[104].

Железные дороги оказали существенное воздействие и на развитие транспорта в Самарской губернии. Прежде всего это сказалось на судоходстве, основными недостатками которого были сезонность и медлительность. Но с проведением железных дорог судоходство не потеряло своего значения. П.В. Алабин писал: «...Движение товаров водным путем по Волге, с помянутым развитием железных дорог, усилилось, как и ожидали те, кто доказывал, что главнейшая роль железных дорог восточной России – подвозка грузов с Востока к магистральному водному пути, представляемому Волгой, прорезывающей Россию с Севера на Юг»[105]. Грузы, в том числе зерно, доставлялись к волжским пристаням

по железным дорогам, в свою очередь, прибывшие по Волге грузы перегружались в поезда. По Волге шла и основная часть объемных сезонных грузов: лес, зерно, нефть, цемент[106].

Судоходство тем не менее имело одно преимущество по сравнению с железными дорогами – оно было значительно дешевле. Частные пароходства сумели резко снизить свои издержки за счет активного внедрения новых достижений техники (переход на нефтяное топливо, использование дизельных двигателей, строительство современных судов). В целом провоз хлеба по Волге был в 4–5 раз дешевле, чем по железной дороге[107].

Железные дороги повлияли и на улучшение грунтовых дорог, по которым продукты сельского хозяйства подвозились к станциям и городам – местным рынкам[108]. Железнодорожное строительство давало возможность получить льготные субсидии на модернизацию существующих путей сообщения[109].

Железные дороги способствовали сокращению дальних перевозок товаров гужевым способом. Крестьяне нередко занимались извозным промыслом и брали подряды на доставку товаров на дальние расстояния до какого-либо крупного пункта. Но, как отмечалось в сборнике статистических сведений по Самарскому уезду, этот промысел, распространенный во всех селениях южной и центральной частей уезда, с проведением железной дороги почти совершенно упал[110]. Гужевой транспорт уступал железнодорожному и в скорости, и в грузоподъемности.

Поблизости от железнодорожных станций строились склады, зернохранилища, амбары, элеваторы. В полной мере это относилось к Самаре, которая имела статус крупной станции приема товара. Но до начала навигационного периода он должен был где-то храниться. Это стало причиной постройки многочисленных складских помещений и зернохранилищ. Последние играли важную роль в системе хлебной торговли. Наличие разветвленной сети амбаров и складов обеспечивало равномерное поступление зерна на рынок, что, в свою очередь, в какой-то степени поддерживало стабильные цены, сглаживало их сезонные колебания и зависимость от величины урожаев. Разветвленная сеть зернохранилищ влияла на обработку и предпродажную подготовку продукции (сушка, очистка, сортировка зерна, формирование однородных партий), что повышало ценность товара и содействовало его реализации[111].

Ощущая потребность в развитии складов на станциях, предприниматели активно выступали за их сооружение. В июне 1913 г. вследствие скопления грузов на станции Самара и нехватки складских помещений Самарский биржевой комитет обратился к начальнику Самаро-Златоустовской железной дороги и председателю порайонного комитета с ходатайствами «об усилении приемной силы станции». Комитет предла-

гал построить пакгаузы общей площадью в 1250 кв. саженей. Данные ходатайства привели к сооружению новых помещений для складирования преимущественно хлебных грузов[112].

Превращение Самары в крупный перевалочный пункт хлеба позволило создать в городе множество предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Активно шло строительство мельниц. К 1913 г. мукомольная промышленность Самары являлась одной из самых крупных в России[113]. Вблизи станций возникали и предприятия по переработке продукции скотоводства, лесоперерабатывающие предприятия, которые поставляли продукцию на экспорт[114].

Дороги позволили ряду губернских предприятий расширить свое производство. В 70-е гг. XIX в. в селе Тимашеве был построен сахарорафинадный завод. С открытием железной дороги он получил ощутимый импульс к дальнейшему развитию. После сооружения Самаро-Златоустовской железной дороги и ветки к заводу появились условия для увеличения сбыта продукции на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Облегчилась и доставка сырья[115].

Значительную часть грузов Самаро-Златоустовской железной дороги составляла нефть. Еще в XIX в. братья Нобель открыли нефтебазу близ села Батраки. Здесь построили пристани для нефтеналивных судов, соединенные с линией железных дорог. Этот пункт стал одной из крупнейших в России перевалочных станций. Нефтепродукты, доставленные с Кавказа по Волге, перегружались на железную дорогу и дальше транспортировались по всей России и за рубеж[116]. В связи с тем, что и на Самарскую пристань доставлялось по Волге большое количество нефтепродуктов для Самаро-Златоустовской и Ташкентской железных дорог, в 1905 г. были построены нефтепровод от реки Волги до станции Самара протяженностью свыше 5 верст и плавучая баржа-нефтекачка. Это дало возможность подавать нефть с Волги прямо на станцию Самара и отсюда отправлять ее по железным дорогам[117].

Строительство частных дорог способствовало привлечению в экономику Поволжья финансового капитала. Акционерами железнодорожных компаний были российские и иностранные финансисты, а за всеми железнодорожными компаниями стояли акционерные коммерческие банки[118]. В конце XIX в. в губернских центрах, на крупных железнодорожных станциях и даже в торговых селах наряду с отделениями Государственного банка действовали филиалы крупных коммерческих банков[119].

Таким образом, Самаро-Златоустовская железная дорога повлияла на развитие многих сфер жизни губернии. Самара стала главным транзитным пунктом пересечения грузопотоков, следующих с Дальнего Востока и из Средней Азии. А железнодорожные станции превратились в новые центры сбыта продукции и способствовали процветанию ряда близлежащих населенных пунктов.

§ 2. КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСМОС

Важнейшим процессом пореформенной деревни было становление крестьянского хозяйства как самостоятельного экономического организма, субъекта аграрных отношений. Этому предшествовала непростая история расщепления старого вотчинного хозяйства (помещичьего, удельного, казенного).

Хозяйственное обособление крестьян разных разрядов проходило в различных условиях и с неодинаковым результатом, но суть была одна — стужа крепостничества, сковывавшая жизненные силы народа, отступила. Взору образованного общества предстали незнаемые прежде черты народной жизни. Вот когда стал понятен и не вызывал более скептической усмешки призыв великого Пушкина: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна»[120].

Разграничение помещичьих и крестьянских земельных владений должно было завершиться подписанием уставной грамоты. Не обошлось без столкновений. Крестьяне пережили форменное потрясение, узнав, что земля, на которой трудились не только они сами, но и их предки, принадлежит вовсе не им и нужно ее выкупать у барина. Разыгрались драматические события из-за массового несогласия признать неправедные условия. Самарский губернатор А.А. Арцимович в своем докладе министру внутренних дел был откровенен: «Народ вынес из церкви впечатление, что надежды его не сбылись. Он ожидал полной чистой воли и впридачу бесплатного отвода земли, которую, по словам крестьян, они успели выслужить долговременным отбыванием повинности. С этой надеждой народ расставался так неохотно, что он сперва готов был допустить обман или подлог, чем мысль отказаться от любимой мечты»[121].

Крестьяне отнеслись с недоверием ко всем толкователям Манифеста и Положений 19 февраля, убеждавшим их в необходимости выполнять прежние повинности в пользу помещика и готовиться к выкупу земли, так как считали их речи обманом, а документы, которыми те потрясали, — подложными. Так, крестьяне вотчины графа Воронцова-Дашкова (деревни Грачи и Озинки Николаевского уезда) числом в 1362 души заявили на сходе, что «будто бы в городах читали манифест, чтобы помещиков не слушаться и на работы не выходить, а потому прямо становому приставу объявили, что на работу не выйдут и не выходят, и даже не взяли... экземпляры манифеста, считая его заложным»[122]. Сюда прибыл предводитель дворянства уезда, а также флигель-адъютант Гурко, которые вынуждены были признать, что «урочное положение барщины до такой степени тяжко, что нет никакой физической возможности крестьянам выполнять его»[123]. За 1861 год в губернии произошло

54 случая «неповиновения и самоуправства» крестьян, из них 44 состояли в отказе выполнять барщинные и оброчные повинности и принимать уставную грамоту[124]. В Бугурусланском уезде подобные события произошли у помещика Каракозова в селе Нестеровка, у Дурасова в селе Степная Дурасовка, у Жемчужниковых в деревне Георгиевке, у Мордвиновой в д. Кисловке, а в деревнях Дмитриевке, Натальино, Исакове, Никольское и Жердино произошли столкновения с земской полицией, и администрация вынуждена была ввести сюда войска, Ставропольский уезд прославился на всю округу отказом 200 крестьян с.Никольского признать Манифест и Положения.

Как ответ на навязываемые уставные грамоты уже в ноябре 1861 г. последовали требования «дарственного надела». Одними из первых к такому требованию прибегли крестьяне помещика Нагаткина в с. Старом Нагаткине Бугурусланского уезда[125]. В дальнейшем эта форма реакции крестьян на реформу стала массовой.

В связи с отделением крестьянского хозяйства от помещичьего стоит вопрос об отрезках. Поволжские помещики в нашей литературе традиционно считаются самыми алчными, доказательством чего служат самые высокие в России проценты отрезков от дореформенного крестьянского надела. Недавно было внесено существенное уточнение в понимание данного вопроса. Установлено, что в общей массе отрезков большая доля принадлежит потерям дарственников. Если отвлечься от дарственных сделок, заключавшихся добровольно и часто по требованию самих крестьян, то потери от собственно отрезков выглядят значительно скромнее: в Симбирской губернии в целом – 11,4 %, а по Сызранскому уезду – 8,7 %; в Самарской губернии было отрезано по уставным грамотам 70 367 дес. (31,8 %), по выкупным актам без участия правительства – 18 469 дес. (8,3 %), а по дарственным сделкам – 132 625 дес., 59,9 % от всего уменьшения надельного землепользования[126]. Реформационные отрезки составили здесь не 41,3 %, как считается, а 13,1 %. Если включить сюда сделки, заключенные без участия правительства, то эта цифра вырастет до 16,6 %.

Таким образом, следует признать справедливой высокую оценку деятельности Редакционных комиссий, не пошедших на поводу у губернских дворянских комитетов и отстоявших минимальный уровень отрезков. Но были ли дарственные сделки нечаянной радостью для помещиков? Видимо, нет. П.П. Семенов-Тян-Шанский, один из видных деятелей Редакционных комиссий, вспоминал позднее, что дворянские депутаты, участвовавшие в совещаниях Редакционных комиссий, в приватных беседах говорили о своих особых надеждах на введение дарственного надела: «Дальновидные помещики многоземельных имений Юго-Восточной России (Самарской, Оренбургской, Саратовской и Воронежской губерний) были убеждены, что крестьяне их неминуемо попадут в эту ловушку... Само собой разумеется, что крестьяне не могли

предвидеть того, что помещики, землями которых они были окружены со всех сторон, с каждым годом будут повышать земельную плату за отдаваемую ими землю и доведут ее до недоступных размеров, как это и случилось впоследствии»[127].

Земля казалась крестьянам вполне доступной из-за своей дешевизны и большого количества. Для них важнее было поскорее освободиться от ненавистных пут крепостничества. «Хоть с крестом на шее – да на волю! А там, где арендой, где покупкой у казны – даст Бог, авось и поднимусь» – вот самое распространенное среди крестьян настроение. Но реальность оказалась жестокой. В 1881 г. правительственная комиссия установила плачевное положение селений, вышедших на дарственный надел.

Общая картина по прошествии 20 лет после реформы в помещичьей деревне губернии была такова.

В Самарском уезде состояло 65 общин с 8869 рев. душами и средним наделом 4,8 дес. на душу, из них 8 общин и 244 души на оброке и издельной повинности и одно общество с 205 рев. душами только на издельной (т. е. отработочной), остальные – на оброке. За 20 лет наличное население резко увеличилось (на 34 %), и надел не превышал уже 3,6 дес. на душу. Крестьяне вынуждены были арендовать к своим надельным 42 100 дес. еще 28 691 дес., из которых 11,5 тыс. дес. – пахотная земля, по 7 руб. за дес., что требовало выплаты 200 000 руб. Выкупные платежи достигали 6 руб. 67 коп. с души, или 1 руб. 38 коп. с дес. Такое положение было признано еще сносным, ибо недоимки не превышали 23 % годового оклада. Здесь не было и окончательно расстроившихся в хозяйственном отношении селений[128].

В Бугульминском уезде средний надел на ревизскую душу составлял 5 дес. Вследствие прироста населения на 28 % он уменьшился до 3,9 дес. Крестьяне владели здесь 20 700 дес. надельной земли и арендовали еще 11,7 тыс. дес. по средней цене около 3,5 руб. за дес. Выкупной платеж составлял 7 руб. 8 коп. с душевого участка, или 1 руб. 41 коп. с дес. Недоимки были огромными – 294 % годового оклада. В особенно тяжелом положении оказались селения Екатериновка Александровской волости, Павловка Борисоглебской, Чемодуровка и Ивановка Микулинской, Софьевка Мордовско-Кармальской, Верхне-Троицкое, Чиркове и Акшуат Сумароковской, Боровка Сходневской и Никольское Тимяшевской волости.

В Бугурусланском уезде в 66 общинах бывших помещичьих крестьян числилось 9884 рев. души со средним наделом в 4,6 дес. Прирост населения составил 11,5 %, что сократило надел до 4,1 дес. К своим 45 733 дес. крестьяне арендовали еще 24 300 дес. по 3 руб. за дес., выплачивая до 73 тыс. руб. ежегодно. Выкупная сумма за душевой участок — 6 руб. 53 коп., т. е. 1 руб. 42 коп. с дес. Уездное земство пришло к выводу, что за два пореформенных десятилетия в расстроенное состо-

яние пришло более половины сельских обществ бывших помещичьих крестьян. В некоторых волостях (Троицкой, Знаменской) недоимки по выкупным платежам превысили 5—7 годовых окладов. Лишь Подбельская волость была свободна от недоимок. Саврушинское общество Стюхинской волости вынуждено было вообще отказаться от надела из-за бесплодности почвы.

В Бузулукском уезде было 62 общины бывших помещичьих крестьян с населением 5972 рев. души, из них 5 общин оставались на временнообязанном положении с издельной повинностью. Средний надел здесь был определен в 5,2 дес. на душу. Из-за прироста населения на 69 % надел сократился до 3,1 дес. на душу. К 31 100 дес. надельной земли арендовалось еще 23 тыс. по 3 руб. за дес., что обходилось в 69 тыс. руб. Недоимки здесь были невысоки — 160 % годового оклада. Местная земская управа отметила здесь 17 селений, пришедших в упадок. Так, в Алексеевском обществе Булгаковской волости надел составлял только 2 дес. на рев. душу, в Павловском наделы крестьян были отделены узкой полосой помещичьей земли, что закрыло им доступ к воде. Самым бедным было Борисовское общество, так как до реформы помещик специально отобрал бедняков из своих деревень и поселил их здесь. Надел Богдановского общества выглядел как бесплодная пустыня из-за чисто песчаной почвы.

В Николаевском уезде средний душевой надел составлял 5,5 дес. Здесь было 47 селений с 8329 душами дарственников, получивших около 1,7 дес. на душу. Население в бывших помещичьих селениях выросло на 32 %, а надел понизился до 4,2 дес. на душу. Здесь крестьяне владели 25 700 дес. и арендовали еще 22 650 дес. по 4,5 руб. У дарственников надел составлял 13 832 дес., а аренда — 50 тыс. дес. Выкупная сумма с душевого надела составляла 6 руб. 84 коп., или 1 руб. 23 коп. с дес. Недоимки достигали 197 %. Всего селений, состоявших на выкупе и оброке, было 42, а крестьян — 4659 рев. душ.

В Новоузенском уезде было 19 общин бывших помещичьих крестьян с 1779 рев. душами, из них 3 общества с 316 рев. душами находились на оброке, остальные перешли на выкуп. Средний душевой надел составлял 7,5 дес., а после роста населения на 34 % — 5,6 дес. К 13 388 дес. надельной земли арендовалось 6550 дес. по цене около 5,5 руб., что обходилось крестьянам в 36 тыс. руб. Выкупные платежи по уезду составляли 6 руб. 59 коп. на душу, или 88 коп. за дес. Недоимки — 127 % к годовому окладу. Земская управа внесла в реестр селений с расстроенным хозяйством 19 селений. Кроме того, в ее отчете говорилось о 10 обществах, получивших дарственный надел. Земство предлагало дополнительно наделить этих крестьян землей из казенного фонда, как это было сделано для дарственников Николаевского уезда, получивших земли в Оренбургской губернии.

В Ставропольском уезде средний надел бывших владельческих крестьян составлял 3,8 дес. Население за 20 лет приросло на 35 %, и надел сократился до 2,8 дес. Всего крестьяне получили в надел 48 800 дес. и арендовали 33 200 дес. по 4,5 руб. за дес. Выкупные платежи составляли 6 руб. 77 коп. на душу, или 1 руб. 78 коп. с дес. Недоимки превышали 111 % годового оклада. Земская управа не указала селений, находившихся в упадке, но на основе расчетов доходно-расходной части хозяйства крестьянской семьи пришла к заключению о несоответствии доходности и ценности семейного крестьянского надела лежащим на нем платежам, особенно у тех крестьян, экономическое положение которых оценивалось ниже среднего.

Таким образом, после болезненного разграничения земель с помещиком крестьянское хозяйство не рухнуло, однако состояние его нельзя было назвать цветущим. В большинстве уездов губернии были селения и целые волости, где оно так и не смогло встать на ноги. Земская комиссия приводит разнообразные причины этого: ежегодные переделы земли между семействами внутри общины, из-за чего крестьяне не вносили удобрений; неурожаи и падежи скота; распространение кабаков, которые крестьяне допускали на общинную территорию в расчете на получение от кабатчика денег для уплаты недоимки. В Николаевском уезде было отмечено: «1) отсутствие мелкого кредита, породившего кулачество и ростовщичество; 2) отсутствие правильного общинного хозяйства (вследствие обращения старост в агентов полиции); 3) расшатавшийся строй крестьянского самоуправления, подчиненного лицам, вовсе не заинтересованным в крестьянском благосостоянии». Далее управа указывала, что «обеднение крестьян-собственников произошло от слишком высокой оценки земли для выкупа, а упадок временнообязанных — именно от этих временнообязанных отношений к помещику, наконец, бедственное положение крестьян, получивших даровые наделы, от недостаточности этих наделов»[129]. В Новоузенском уезде отмечались «недоброкачественность наделов, конокрадство, развитое в высшей степени в пограничной с киргизами местности, безлесие, вынуждающее покупать лесной материал по дорогой цене, высокая арендная плата за землю, высокие цены на рабочих»[130]. Наконец, большинство крестьян с момента первых взносов в счет выкупной суммы страдало от безденежья, кризиса наличных средств. Во имя получения их в ближайшее время крестьяне шли в кабалу за самую умеренную плату, выданную вперед. Ростовщики под верный залог брали от 12 до 24 % в год, на этом наживались многие управляющие имениями, местные барышники, лавочники, шинкари.

Значительно легче происходило разграничение с крестьянами у Удельного ведомства и казны. Хозяйство удельных и государственных крестьян и до реформы представляло собой самостоятельный экономический организм. Землепользование удельных крестьян сократилось

по губернии с 917 085 дес., или 7,7 дес. на душу, до 802 293 дес., или 6,8 дес. на душу, т. е. на 12,5 %[131]. Значительная чересполосность с удельными землями заставляла крестьян арендовать у Удела клочки, не представлявшие ценности. Со второй половины 1870-х годов характер аренды меняется. Прежде снимались отрезанные земли, как бы восстанавливалось привычное дореформенное хозяйство, поэтому аренда носила в большей степени потребительский характер. Теперь площадь арендованных земель увеличивается, и хозяйства извлекают из них предпринимательскую выгоду. Так, в 1883 г. в Самарском уезде на каждое крестьянское общество приходилось в среднем 702 дес. арендованной земли[132].

В ходе реформы 1863 г. в руках Удела остались богатейшие лесные пространства края. Раньше крестьяне свободно распоряжались здесь валежником, кустарником, иногда и строевым лесом. Теперь все это нужно было арендовать даже в тех уездах, где леса было много. Так, в Ставропольском уезде во владении 77 обществ был лишь мелкий кустарник из ракитника, тальника, «чалыжника» по лугам и болотам, осинника, березняка, орешника и дубняка по оврагам и берегам речек[133]. Из-за лесопользования то и дело возникали столкновения с удельной администрацией, лесными смотрителями и сторожами. За самовольную пастьбу скота в лесах Удела крестьяне подвергались штрафу. Сведения о мздоимстве лесной стражи дошли до Департамента, что вызвало грозный циркуляр о необходимости в каждом случае составлять акт о самовольных порубках леса и т. п. нарушениях. Виновные крестьяне должны были в первый раз уплатить двойную цену срубленного леса, во второй раз – тройную и подвергнуться аресту до 3 месяцев, а в третий раз – двойной штраф и подвергнуться полугодовому содержанию в замке[134].

В 80-х гг. XIX в. соотношение надельной и арендованной земель в хозяйствах удельных крестьян губернии было следующим (в расчете на двор, дес.)[135] (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Соотношение надельной и арендованной земель в хозяйствах удельных крестьян губернии в 80-х гг. XIX в.

Уезд	Надел	Аренда
Самарский	13,2	8,8
Ставропольский	13,1	5,6
Бугульминский	13,5	8,0
Бугурусланский	11,4	10,9
Бузулукский	14,7	17,0
Николаевский	11,3	14,5
Новоузенский	17,5	82,5
По губернии	*13,1*	*10,9*

Удельная деревня вышла из эпохи реформ вполне жизнеспособной. Об этом свидетельствуют и данные о душевых наделах: хозяйства с душевым наделом до 2 дес. составляли здесь в 1877 г. 0,2 %, и им принадлежало 0,02 % общей площади надельных земель, с наделом от 2 до 5 дес. соответственно 16,7 и 10,8 %, с наделом более 5 дес. – 85 и 89,1 %[136]. В то же время у бывших крепостных крестьян хозяйства с наделом до 2 дес. на душу составляли 38,2 %, от 2 до 5 дес. – 49,6 %, более 5 дес. – лишь 12,2 %.

Землевладение государственных крестьян в ходе реформы 1866 г. сократилось с 4 190 648 дес. удобной земли и леса (данные 1858 г.) до 3 927 372 дес. (по итогам введения владенных записей)[137]. Отрезки составили 6,3 %. Намного легче, чем у двух рассмотренных категорий крестьян, были повинности: оброчная повинность составляла на 1868 г. в среднем по губернии всего 33 коп., самая высокая была в Николаевском уезде – 84 коп., самая низкая – в Бугульминском (15,5 коп.)[138]. Кроме того, крестьяне платили лесной налог, земские и мирские сборы, страховые платежи и др.

Государственная деревня была самой многочисленной в губернии. В ней, как и повсюду, преобладал общинный душевой тип землевладения и землепользования, но в двух северных уездах – Самарском и Ставропольском – имелся ряд общин, владевших землей на подворно-семейной основе. Здесь же было представлено так называемое четвертное и лично-подворное землевладение. Семейно-участковое хозяйство было лучше обеспечено землей, чем общинно-душевое: 10,3 дес. и 6,8 дес. на душу в Самарском уезде и 9,5 дес. и 6,3 дес. – в Ставропольском соответственно. В Ставропольском уезде было много хозяйств на четвертном праве, уровень землевладения в них был выше даже семейно-участкового – 13,7 дес. на душу[139].

В государственной деревне, как и в других, было отменено дополнительное наделение землей на прибылые мужские души, поэтому рост населения неизбежно вел к сокращению душевого надела. Число государственных крестьян в губернии увеличивалось (особенно в Самарском и Николаевском уездах) вследствие переселений и за период 1858–1878 гг. выросло на 25 %.

Часть государственных крестьян попала в этот разряд из крепостного состояния в связи с передачей в казну имений мелкопоместных дворян. Их земельные наделы были начислены по нормам Положения 19 февраля 1861 г., они должны были выплачивать долги бывших владельцев перед казной и кредиторами. Отчаявшись, крестьяне д. Богдановки Бузулукского уезда обратились в 1871 г. с ходатайством о сложении с них недоимки по долгам бывшего хозяина, но получили отказ. Более того, их долг даже вырос, так как обнаружились неплатежи с долговой суммы, начисленной еще в 1849 г., когда имение было выкуплено в казну[140]. Как видим, государственная деревня была многолика.

Основную массу здесь составляли достаточно обеспеченные реформой 1866 г. крестьяне, но были категории, лишь номинально отнесенные к этому разряду, а по реальному положению приближающиеся к бывшим помещичьим крестьянам.

Недостаток надельной земли для ведения самостоятельного хозяйства государственные крестьяне также восполняли арендой. Они имели для этого более благоприятные возможности огромного резервного фонда казны. Земельная аренда в пересчете на двор (в десятинах) в 80-х гг. XIX в. по уездам выглядела следующим образом[141] (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Земельная аренда в пересчете на двор (в десятинах) в 80-х гг. XIX в. по уездам

Уезд	Надел	Аренда
Самарский	20,1	5,2
Ставропольский	16,0	6,7
Бугульминский	15,3	6,4
Бугурусланский	20,1	9,6
Бузулукский	24,2	10,0
Николаевский	23,5	7,3
Новоузенский	29,0	73,0
По губернии	*22,3*	*11,8*

Данные о размерах душевых наделов усиливают впечатление прочности хозяйства государственных крестьян: наделом до 2 дес. обладало лишь 0,2 % душ (0,02 % земли), от 2 до 5 дес. – 1,3 % (0,48 %), наделами более 5 дес. – 98,5 % (99,5 %)[142].

Важным резервом развития крестьянского хозяйства была полученная наконец возможность покупать земли в личную собственность. Самые ранние сведения о земельных покупках крестьян относятся к 1872 г. В пяти уездах (без Самарского и Ставропольского) у государственных крестьян было 140 384 дес., или 71,9 дес. на душу; у удельных 12 400 дес. и 105 дес. соответственно; у помещичьих – 14 483 дес. и 97,8 дес., в среднем по всем разрядам – 167 267 дес. и 75,4 дес. За пять последующих лет две последние цифры возросли до 358 890 дес. и 144,8 дес. Дальнейший рост частного землевладения самарских крестьян устанавливается по двум переписям – 1877 и 1905 гг.[143] (табл. 4.3).

Средний размер частного землевладения в 1905 г. составлял 263,4 дес. Крупные земельные владения чаще встречались у бывших государственных крестьян. Известны целые семейные кланы: в 1872 г. в с. Максимовка Максимовской волости Бузулукского уезда крестьяне Фунтиковы (5 хозяев) имели 733 дес., Мамонтовы (7 хозяев) – 4840 дес., Жоголевы (6 хозяев) – 3266 дес., Новосельцев – 837 дес., Астафуров – 339 дес. В селе Утевка крупными собственниками были бывшие крепостные:

из 24 домохозяев 15 имели менее 100 дес., 4 – от 100 до 200, 3 – от 200 до 1000, а 2 владели имениями свыше 1000 дес.[144]

Таблица 4.3

Рост частного землевладения самарских крестьян по переписям 1877 и 1905 гг.

Уезд	Имения	Десятины
Самарский	161	22 091
Ставропольский	253	18 873
Бугульминский	147	26329
Бугурусланский	445	39 843
Бузулукский	1 279	165 331
Николаевский	458	143 523
Новоузенский	306	387 063
По губернии	*3 049*	*803 053*

Общее впечатление благополучности все же обманчиво, ибо среди крестьян были не только малоземельные, но и совершенно безземельные. Таковых к середине 80-х гг. XIX в. насчитывалось по губернии 59 226 душ обоего пола (21 606 дворов). Кроме того, без земли были 21 556 душ мещан (3719 дворов), которые на самом деле были из крепостных. Они жили в местах своей прежней оседлости и занимались земледелием на арендованной земле. Безземельные составляли 3,8 % сельского населения. Наконец, 453 917 дес., или 6,3 % всей надельной земли, было заложено либо сдано за долги, составившие в середине 1880-х годов 6 415 517 руб. недоимок по платежам и 1 170 932 руб. долгов ростовщикам[145].

Общее увеличение крестьянского землевладения за первое пореформенное двадцатилетие (1863–1882 гг.) составило лишь 200 100 дес., т. е. 3,2 %, а в среднем на ревизскую душу – 0,2 дес. Из последних сил за землю держались беднейшие из крестьян. С начала деятельности местного отделения Крестьянского поземельного банка и вплоть до его реорганизации в 1895 г. основными клиентами его посреднических операций в купле-продаже земли были беднейшие крестьяне. Самое первое заявление было сделано Барско-Селянским сельским обществом в 92 домохозяина, совершенно не имевшим полевой земли, а лишь усадебную. В первые два года (1885–1887 гг.) заявителями оказались исключительно крестьяне-дарственники с размерами владений не свыше 1,25 дес. на душу. Вплоть до конца столетия среди клиентов банка преобладали бывшие помещичьи крестьяне[146].

К середине 80-х годов XIX в. завершался болезненный процесс освобождения крестьянского хозяйства от феодальной скорлупы. С отменой с 1883 г. временнообязанного состояния пали последние юридические оковы, на которых держалось внеэкономическое принуждение.

Самарское крестьянство вышло из великих потрясений аграрной реформы в массе своей хозяйственно дееспособным. Для его быстрого подъема и процветания необходимы были две вещи – широкая свобода в увеличении землевладения и землепользования и благоприятная налоговая политика правительства. Однако таких условий не было создано. Для покупки земли нужны были деньги, но они почти все уходили на уплату выкупных платежей, различных налогов и повинностей. Разбогатеть в таких условиях внутри общины можно было лишь путем откровенного ограбления своих соседей. Потому немногочисленная состоятельная верхушка деревни наделялась (особенно в бедных, малоземельных общинах) весьма неприятными для нее эпитетами: кулаки, мироеды и т. п. Богатство вызывало ненависть и обостренное чувство несправедливости существующего порядка вещей. В таких условиях чрезвычайно важное значение приобретали фундаментальные ценности традиционного крестьянского уклада, практически не затронутого реформой.

Крестьянский мир имел в своем распоряжении вполне реальную форму организации такого уклада – общину. Она действительно вмещала в себя все крестьянское мироздание, а за пределами ее раскинулся «весь свет». Реформы в деревне даже укрепили это мироощущение крестьян разных разрядов, ибо их правовое положение было в значительной мере унифицировано. Все насущные дела решал сельский сход, межобщинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Новые судебные уставы лишь скользнули по поверхности жизни громадного большинства населения губернии. Стоявшие ближе других к общине мировой посредник и мировой судья так и остались силой чуждой, не говоря уже о полиции и появившихся позднее земских начальниках. Все это было «начальство», появление которого связывалось в сознании крестьян с новыми поборами, притеснениями. Выколачивание выкупных платежей и повинностей, карантинные зверства в годы эпидемий и эпизоотий лишь усилили у крестьян твердое неприятие всего, что исходило от «начальства». Как бы ни убеждали их заезжие чиновники, что та или иная мера проводится для их же, крестьян, пользы, сход либо молчал, либо охотно поддакивал, смекая тем временем, как бы лучше свалить новый груз. Поэтому между общиной и властью сложился негласный уговор, по которому «начальство» не вмешивалось во внутриобщинные дела, а общество принимало на себя фискальные функции и во имя сохранения автономии бывало нередко жестоким по отношению к своим членам. Это обстоятельство породило обвинения общины в ее полицейском характере, что было несправедливо.

Самым важным событием в жизни общины был передел земли. Чаще всего это были частичные переделы, связанные с выходом из общества. Поскольку малый надел не оправдывал себя и доход с него не покрывал

расхода, участилось бегство с земли, вызвавшее «свалку-навалку» душ, частые жеребьевки. Передел принимал порой тяжелые формы внутренней борьбы в общине за уравнительное землепользование. Иногда споры длились годами, вызывая тяжбу на сходе, жалобы в волость и даже побоища, убийства и поджоги. В ожидании передела домохозяева прекращали унавоживание земли, корчевку пней, окапывание от суслика и т. п. Опасную напряженность создавал конфликт между заревизским поколением крестьян (т. е. родившимся и выросшим после последней ревизии) и «державцами» наделов. Рубежом стала середина 1880-х гг., когда первым удалось наконец добиться своего, и деревню захлестнула волна переделов, охватившая не только Приволжский, но и Центрально-черноземный район[147].

Велика была роль общины в формировании взгляда крестьян на преступление и наказание. Основой его, по свидетельству современников, была степень вреда благосостоянию народа. Поэтому преступления, касающиеся личной собственности и безопасности, считались более тяжкими, нежели те, которые касались общественной собственности и безопасности. Русские крестьяне северных уездов считали преступлением и грехом святотатство, поджог, умышленное убийство, кражу и грабеж; в то же время уклонение от воинской повинности, стрельба дичи в запрещенное время — не преступление и не грех, а проступок, покушение же на самоубийство, пьянство и развратная жизнь — грехи. Кража леса из казенной дачи не считалась даже проступком. По сообщению современника, «народ смотрит на казенный лес как бы на свою собственность, принадлежащую всем вместе и каждому в отдельности, и потому иногда приходится встречать такие суждения, из которых видно недоумение в отношении запрета пользоваться казенным лесом с полною свободою»[148].

Особую ненависть вызывали у крестьян конокрады — каштаны, ибо делом их рук было подчас окончательное разорение целой семьи. Наказания были жестокими и вершились самосудом. Здесь были свои правила. Обязательным считалось обсуждение преступления на сходе, при этом правом голоса пользовались все семейные крестьяне 35—40-летнего возраста, не замеченные ни в чем предосудительном. Таковых набиралось 8—10 человек во главе с сельским старостой или волостным старшиной. В случае отсутствия последних в председатели схода призывался опытный и авторитетнейший старик, слово которого считалось окончательным и безапелляционным. Решение о наказании принималось тайно и проводилось в жизнь немедленно. Известны случаи, когда по решению схода конокрады подвергались мучительному истязанию: одному из них были вбиты под ногти рук и ног деревянные шпильки; другому крупному вору народ порешил вбить в голову железный гвоздь, и он был вбит. Особенно страшной была казнь группы воров из пяти человек: их сначала высекли плетьми, потом посадили

в наполненную дымом баню, но не добились признания; наконец, ввернули им в голову через уши прядильные веретена, что привело к гибели подозреваемых[149].

Неоправданную жестокость порождали всякого рода предрассудки. Так, не считалось за преступление убийство колдуна или колдуньи (ведуньи): в случае появления повальных болезней иногда производилось тайное опахивание селения, при этом если кто-либо случайно узнавал тайну либо попадался в момент совершения таинства, его следовало убить (зарыть в землю живьем) и т. п.

К плотским преступлениям отношение у народов, населяющих губернию, различалось. Блуд и прелюбодеяние и связанное с ним изгнание плода и детоубийство были весьма распространенным явлением у всех, кроме татар и черемис (марийцев): у них разврат и прелюбодеяние считались тяжким грехом, и потому названные преступления, а также изнасилование, растление и сводничество были весьма редким явлением. Впрочем, и все остальные народы считали все это безобразием (т. е. не соответствующим образу Божьему), а следовательно, грехом, в котором отчет возможен только перед Богом.

Фундаментальной ячейкой крестьянского уклада была семья. Благодаря этнографическим исследованиям Императорского Русского географического общества, опубликованным в 70-х гг. XIX в., мы имеем довольно подробные сведения о внутреннем мире крестьянской семьи тех времен[150]. Уже тогда наблюдатели отметили, что представление о чрезвычайной простоте семьи у русского населения, в отличие от нерусских народов, не соответствует действительности. Семья, особенно большая, сохранявшая черты родового быта, представляла собой сложный организм. В ней насчитывалось иногда более десяти работников. По подворной описи 1867 г., в Бузулукском уезде было 195 семей, имевших в своем составе от 6 до 10 работников, в 8 семьях было более 10 работников. В Николаевском уезде таких семей было 194. Громадная семья Фортущных была известна в д. Раевке (крепостные переселенцы помещицы Раевской из Курской губернии). Возглавлял ее большак Михайла. Семья состояла из его женатых братьев, сыновей и внуков и владела участком в несколько сот десятин. Еще отец Михайлы Иван купил у помещицы 500 дес., к которым затем были присоединены новые приобретения[151]. Большая семья представляла собой настоящую общину или артель, находившуюся под контролем большака и большухи. Связующей силой ее являлось кровное родство, а в хозяйстве преобладало трудовое начало. По нему и определялось имущественное право членов семьи. Кроме главы семьи дееспособными были также взрослые работники, имевшие свои семьи.

Имущественная власть главы семьи была ограничена правом на пай других ее членов, поэтому завещания здесь не могло быть. В случае смерти большака сыновья его могли разделиться. В малой семье, кото-

рая уже преобладала в самарской деревне, завещание (духовная память) практиковалось и было признано волостным судом. Власть отца в малой семье была значительно сильнее, ибо являлась не только административной, но и имущественной. Однако и здесь были свои правила: отец мог привести в семью приемыша, пасынка или зятя-влазеня, но они не могли претендовать на имущество, а если что и получали, то только из милости. Наделить хорошего зятя-влазеня правом имущественного представительства отец мог только при отсутствии собственного сына либо объявив (с согласия мира) родных сыновей людьми беспутными. В иных случаях зять-влазень отходил от семьи «с одним крестом». Мальчик-сирота, оставшийся с матерью в семье отца, в случае своей женитьбы получал полный пай. Если же мать выходила вновь замуж, он отправлялся пасынком в чужую семью, а родня освобождалась от обязанности выдачи сироте пая его отца.

Ряд обычно-правовых устоев определял положение женщины, которой в малой семье жилось лучше: она свободнее распоряжалась имуществом. Своеобразие ее положения в семье определялось тем, что она не имела доли в имуществе, но зато обладала своим отдельным имуществом — коробьей. Это была ее привилегия. Она копила коробью всю свою жизнь на себя и детей, особенно на дочерей к замужеству. Коробья складывалась из побочных заработков (от продажи грибов, ягод, в малой семье — молочных скопов, яиц, птицы). Все женщины (бабы) получали из общего семейного запаса льняную, пеньковую или посконную нить, шерсть на одежду и обувь себе и семье. Эти выдачи были строго регламентированы с учетом состава семьи (муж, сыновья). Что сэкономила — в коробью. Большуха получала ровно с остальными. Ее преимущество заключалось в том, что она распоряжалась женской работой, «квашней и стряпней» и «не смотрела из чужих рук куска»[152].

Семейное достояние выдавалось только на мужскую часть, девушки не получали ничего. На них мать выгадывала из своего да из части сыновей-подростков. В то же время девушки могли работать на себя (после общей работы, конечно), отправляясь в гульку — праздничную уборку хлеба по найму группами по 6—10 человек. Заработанное таким путем девушка откладывала в коробью, которая была неприкосновенна. Хозяин дома мог вскрыть ее лишь по подозрению в том, что в коробью уходит непомерное количество общесемейного достояния. Это был бы скандал. Вообще девушка в семье считалась «пустокормом». В народе ходила поговорка: «Отца-мать кормлю — долг плачу, сыновей в люди вывожу — взаймы даю, дочь снабжаю — за окно (на ветер) бросаю». Поэтому свадебные расходы брала на себя семья жениха: она получала работницу и должна была раскошеливаться, в том числе и на выкуп коробьи — кладку. Кладка отличалась от калыма именно тем, что ею выкупалась не невеста, а ее коробья.

Женщине запрещалось выступать в главных имущественных деяниях, например в продаже хлеба, соломы и т. п. продуктов. В Тростянской

волости Самарского уезда был случай, когда жена тайком от мужа продала хлеб и продешевила, так как у нее степенный хозяин за полную цену покупать не стал бы. Волостной суд по жалобе мужа взыскал с покупателя и продавщицы штраф в 50 коп.[153]

Община вмешивалась в жизнь семьи лишь в том случае, когда намечался урон для общества. Тогда сход рядил и выносил свой приговор. К числу таких случаев относилась забота о сироте, которого слишком обделяли. Мир добивался выделения ему полного пая, так как из него мог выйти хороший работник, полезный член общины. Мир вступался за солдатку, которую пытались спровадить из семьи. Если она имела сына, то могла твердо рассчитывать на защиту схода.

Таким образом, крестьянская семья представляла собой замкнутый мир со своим твердым уставом, восходившим подчас к очень древним нормам обычного права. Внутри этого крестьянского микрокосма выстраивалась сложнейшая иерархия ценностей со многими оттенками в отношениях, непонятными для людей, взирающих на деревню со стороны.

После 1861 г. резко участились семейные разделы. Как правило, инициаторами их были молодые хозяйки. Раздел – это не то, что привычные выделы, отделы или отходы. Они не нарушали цельности хозяйства. Раздел означал, что из одного крепкого хозяйства возникали несколько маломощных. Сами крестьяне говорили: «Поделилися такой-то дом, ну и ослабели во всем, что скотиной, что в лошадях, что и хлебушком»[154]. После падения власти помещика, тормозившего разделы, распад больших семей пошел так быстро, что к концу XIX в. трудно было встретить под одной крышей две семьи даже родных братьев. Однако парные семьи в одно тягло (муж-жена) в миниатюре воспроизводили традиционный уклад.

Внешне жизнь крестьянина была непритязательна и однообразна. Целый летний день в поле. С ранней весны – сев ярового, от него до взметки паров под озимь – междупарье, и крестьянин норовит сходить в извоз, дальше настают метка паров и покос, за ними уборка ржи, посев озимого, а тут и уборка ярового хлеба, возка снопов и ломка (вспашка) жнивья под будущий яровой посев. Ясная осень и все первозимье тянется молотьба. Наступил первопуток по зимнику – снова в извоз. Шесть дней в неделю нечистота в избе, грязное белье, рваное платье. Лишь в праздник да на Христово воскресенье наденет он чистую рубаху, порты и онучи, новую сермягу или полушубок, обуется в сапоги или новые лапти, велит бабе обмыть лавку да почистить избу.

Одежда русского крестьянина – посконная, реже холщовая рубаха, пояс из шерстяного шнурка, порты из синей полосатой набойки, онучи, лапти или сапоги, шапка или картуз; молодые парни щеголяли в красных кумачовых или цветных ситцевых рубахах, суконных, нанковых или верблюжьих чуйках (халатах) на опаш или в новых армяках,

подпоясанных красным шерстяным кушаком, летом – в суконных картузах, зимой – в серых барашковых шапках-крымках с суконным донцем.

Отправляясь в извоз зимой, мужик надевал обычно малахай (овчинная дубленая шапка), шерстяные онучи (состоятельные – валенки), на руки – шерстяные домашней вязки варежки, укрытые рукавицами из дубленой овчины.

В праздничной одежде девок и баб были заметны перемены. Примерно с 80-х годов XIX в. на смену еще широко распространенным сукманам (сарафан из выкрашенной в синий цвет шерсти либо ярко-красного ситца) с передниками, перетягивавшими грудь посередине и потому портившими фигуру, пришли полумещанские одежды – платья с кофтой. Бабы отказались от древней кички и поверх повойника (шапочка со жгутом, приходившимся прямо над теменем) повязывали платок с узлом сзади, под косой. Девки же ходили либо вовсе без головного убора, распустив одну косу, схваченную шелковой лентой-косником, либо накидывали на голову платочек или косынку с узлом под подбородком. На ногах – чулки, лапти, коты или башмаки, летом на работе – чаще босиком.

Избяное зодчество почти не изменилось, разве что у бедных крестьян вход в избу – обычно со двора, а у более состоятельных – иногда с улицы, через крыльцо с навесом. Материал – сосновые полубрусины (обычно тройник – трехсаженной длины) либо кругляк из чернолесья. Фундамент из бутового камня встречался в местах, где камень был удобен для ломки в геологических разломах, а чаще дом ставился на стулья – мощные комлевые столбы. По основанию дома за специальным двойным плетнем делалась завалина, заполнявшаяся назьмом и старой соломой для сбережения тепла зимой, кроме того, обычно на зиму бабы «ухетывали» избу, то есть обмазывали ее снаружи глиной.

Внутри русской избы было не столь чисто и опрятно, как у украинцев или тем более у немцев и молокан, воздух спертый и прогорклый, особенно зимой. В холода к тому же изба заполнялась приплодом – теленок, ягнята, поросята, нередко даже коровы. Убранство ограничивалось занавесками да подзорниками (у богатых – кружевными), нередки были лубочные картинки, вывезенные с базара. Чаще всего на них изображались великие полководцы, персонажи сказок и песен (иногда с текстом, весьма безграмотным), а также картины духовного содержания: страшный суд и дьявол в виде огромного змея, разрисованного красными и зелеными полосами с надписью на каждой: «злоба», «пьянство», «блуд» и т. п. К концу века, впрочем, лубочная живопись стала исчезать из крестьянской избы. Непременно в каждом доме – кивот с образами, иконы, подчас весьма старинные, передававшиеся из рода в род.

В пореформенный период самарская деревня сохранила свое культурно-национальное и бытовое многоцветие. Приток населения

продолжался. Самарское Заволжье обладало самым крупным в регионе положительным миграционным балансом. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., число неместных уроженцев в Самарской губернии составило 244 974 чел.[155] Из отдаленных губерний больше всего крестьян дали Тамбовская, Нижегородская, Курская, Рязанская и Владимирская, из соседних – Симбирская, Саратовская, Пензенская и Казанская. По уездам число неместных уроженцев было наибольшим в Новоузенском, т. е. на самом юге губернии (64 463 чел.), и Самарском (60 571 чел.); в остальных существенно меньше: в Николаевском – 42 459, в Бузулукском – 35 072, Бугурусланском – 17 235, Ставропольском – 14 157, Бугульминском – 11 017 чел.[156] В результате этнодемографическая картина к концу XIX в. выглядела следующим образом: русских – 64,5 %, мордвы – 8,7 %, немцев – 8,2 %, татар – 6,0 %, украинцев – 4,3 %, чувашей – 3,3 %[157].

После русских многочисленнее других были мордва и немцы. Мордовский крестьянский быт весьма близок к русскому, но были и особенности, более всего сохранявшиеся в одежде. Мужчины носили белую холщовую рубаху (понар) с синей оторочкой по косому вороту и вышивкой (красной) по подолу, холщовые набойчатые порты, на голове большую часть года – баранью шапку (часто с прорванным верхом), на ногах лапти. Сапоги хранились как заветная вещь и надевались по большим праздникам или на свадьбу. Зимняя одежда была та же, что и у русских (полушубок, тулуп, армяк домашнего сукна).

Одежда мордовских женщин была более разнообразна: рубаха-понар вышита по всем швам, груди и подолу. Она делалась с открытой грудью и стягивалась большим медным или железным кольцом с пряжкой. Поверх понара – шушпан (узкий халат), расшитый по всем швам красной шерстью и гарусом с блестками и мишурой, передник с кружевами и прошивками, на талии пояс с подвешенными к нему мелкими вещицами, а сверху – красный шерстяной кушак. На голове – шалыган, под который убирались волосы. Девушки и молодушки (урьва) заплетали волосы в одну косу с узенькой ленточкой и кистью красных шерстяных ниток с блестками на конце. Летом и зимой они ходили с открытой головой, а если покрывались платком, то непременно красным. Среди мордовских женщин был распространен обычай нюхать табак или курить из трубки махорку. Они проявляли большую склонность к украшениям – носили огромные медные или оловянные серьги, массу таких же колец на пальцах; бусы, стеклярус, нанизанные на шнурок раковинки до девяти рядов, отягощали шею, ниспадая на грудь, и на каждом из них непременно крест или мелкая монета.

Этническая пестрота подчеркивала еще более многоликость крестьянского уклада, но в сущности своей он был единым у всех народов, внесших свой вклад в земледельческое освоение края. Духовным стержнем его было особое отношение к земле, сильнее всего выраженное

в русском: «Земля — Божья». Здесь чрезвычайно важно заметить, что в понимании русского крестьянина земля именно Божья (а не просто ничья), она сотворена Господом для всех людей, для всего народа. Она дана для того, чтобы человек трудом своим праведным добывал хлеб свой. В этом коренится глубочайшее отличие крестьянского чувства хозяина — хозяина-труженика. Оно отличалось от примитивно-буржуазного чувства хозяина-собственника. То, что крестьянин был ярым собственником, не подлежит сомнению. В то же время в его отношении к земле было много такого, что не укладывалось в буржуазный стереотип. Совершенно прав русский философ Н.А. Бердяев в своем утверждении, что «никогда русское царство не было буржуазным». В душе русского крестьянина как бы сходились две бездны — бездна прошедшего, в котором зачиналось крестьянствование, и бездна будущего в его отдаленном, эсхатологическом значении, пока будет исполняться сказанное: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из коей ты взят» (Быт. 3:19). Древняя идея «Земля — Божья» объясняет и благоговейное, молитвенное отношение к земле-матушке. Это чувство многократно усиливалось сознанием огромного труда, вложенного в нее поколениями отцов и дедов. Именно на этой благоприятнейшей почве труда и молитвы взрастало крестьянское чувство — чувство истинного хозяина земли, хозяина-труженика.

Исследования традиционных норм поведения и форм общения крестьян (помочи и побратимство, братчины и хороводы, посиделки и колядование)[158] свидетельствуют, что жизнь деревни была неизмеримо богаче любой самой совершенной социологической схемы. Каждое крестьянское селение представляло собой целостный мир со своими обычаями, престольными праздниками, доморощеными философами и шутами, богатырями и убогими, пастырями и юродивыми, со своим набором местных названий речушек и ручейков, лесов и оврагов, прозваний и кличек. Эта духовная вселенная воспроизводила и воспитывала новые поколения и двигалась навстречу грозовым раскатам войн и революций, двигалась по-своему, не желая умещаться в рамки политических теорий, посрамляя непосредственной правдой своего существования любые проницательные умы, как только они в пылу порой самых благородных стремлений отрывались от нее либо отдельные движения крестьянской жизни, крестьянской души пытались объявить столбовой дорогой к правде и счастью.

§ 3. ДВОРЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

К концу XIX в. завершается процесс формирования новых российских земледельческих житниц на юге и юго-востоке страны. Переселение крестьян способствовало концентрации населения во вновь

осваиваемых районах, формированию слоя фермерских хозяйств, ускорению развития аграрного капитализма. Во многом именно за счет их освоения в Российской империи достигался заметный рост валовых сборов сельскохозяйственной продукции.

Во второй половине XIX – начале XX в. успешно развивается аграрный сектор экономики Самарской губернии, что определялось различными факторами. Выгодное географическое положение, почвенно-климатические условия, наличие естественной транспортной артерии, Волги, и значительных сырьевых ресурсов позволяли осуществлять самую разнообразную экономическую деятельность. По мнению П.В. Алабина, благоприятное развитие хлебной промышленности в Самарской губернии было связано с «естественным положением Самарского края и ему соседних», что обеспечивало возможность «разводить в нем хлеба различных качеств, начиная от черных и серых, до высших сортов красного»[159].

В конце XIX – начале XX в. транспортная и финансовая инфраструктуры оказывали позитивное воздействие на динамичное развитие перерабатывающей промышленности и торговли Самарской губернии. Зерновое производство становится ведущей отраслью хозяйства в губернии и важной сферой приложения капиталов как местных, так и иногородних предпринимателей. Железная дорога повысила статус Самары как крупного торгового центра и перевалочного пункта. Она становится узлом транзитной торговли, где грузы перемещаются с сухопутного на водный путь.

Новые явления в экономической жизни способствовали тому, что Самарская губерния стала крупнейшей житницей Европейской России, известной своим хлебом не только в России, но и за ее пределами, поставщиком пшеницы высоких сортов на внутренний рынок страны и на экспорт. Самарский хлеб по Волге отправлялся в нечерноземные губернии, далее в Петербург и за границу. Кроме того, ржаную муку и овес поставляли на восток – в Оренбургскую губернию, рожь, просо, гречу – на Каму.

Основу как помещичьего, так и крестьянского хозяйства составляло пашенное земледелие. Аграрная специализация региона вызвала рост посевных площадей, который в первое десятилетие XX в. составил в Самарской губернии 22,8 %[160]. Кроме того, развивалось животноводство и другие отрасли сельскохозяйственного производства.

Большая часть помещиков не стремились к модернизации своих хозяйств, так как демографический рост сельского населения приводил к избытку рабочей силы в деревне. Внедрение инноваций требовало не только значительных финансовых вложений, но и предпринимательских способностей, деловой хватки, интенсификации сельскохозяйственного производства, которое предполагало не только изменение системы севооборота, но и применение новой сельскохозяйственной тех-

ники, удобрений, рационализацию способов обработки земли и структуры посевных площадей.

Ситуация различалась в зависимости от качества земли в уездах губернии и наличия у помещиков свободных финансовых средств. Большинство мелкопоместных и среднепоместных дворян предпочитали традиционные, испытанные способы ведения хозяйства: трех- и четырехпольную, смешанную системы землепользования наряду с залежной.

В Бугурусланском уезде Самарской губернии помещики практиковали наряду с трехпольем залежную систему земледелия. Так, в имении Н.Г. Михайловского (д. Гундоровка) часть земли отдыхала в течение 10–15 лет, другая находилась в трехпольном севообороте[161]. Подобная система землепользования была характерна и для имений Е.В. Васильчикова (с. Пилюгино и Коржовка), Дурасова (Степное Дурасово), В.Н. Карамзина (д. Козловка), С.Б. Брянчинова (д. Ломтевка) и других. Земские статистики при обследовании имения А.А. Чемодурова (с. Богородское Бугурусланского уезда) в 1887 г. отмечали, что «хозяин имения очень бережно относился к земле, благодаря чему у него в имении немало нетронутой уже лет 25 плугом земли»[162]. Площадь имения в 1907 г., по оценке Дворянского банка, составляла 6131 дес. земли, под пашню использовалось 4300 дес., но размер собственной запашки был небольшим – 533,3 дес., остальная земля сдавалась в аренду крестьянам.

В Бузулукском уезде чаще всего помещики использовали трехпольную систему севооборота, однако в некоторых имениях практиковалось распределение полей и чередование посевов[163]. В Самарском и Ставропольском уездах трехпольная система оставалась почти единственной формой землепользования[164]. Наравне с трехпольем у крупнопоместных дворян применялись залежные системы землепользования (имения В.Г. Пустошкина, Д.Ф. Самарина)[165]. Система земледелия в Николаевском и Новоузенском уездах была преимущественно залежной[166]. К концу XIX в. помещики стали осознавать нерентабельность залежной и трехпольной систем, которые препятствовали расширению посевных площадей.

Перевод части запашки на арендное использование в условиях сельскохозяйственного кризиса рассматривался дворянами как один из способов улучшения экономического положения частных владельцев. Поэтому часть дворян полностью порывали связи со своей усадьбой, переезжали в города, а имение сдавали арендатору. Причем количество таких владельцев неуклонно возрастало, что свидетельствовало об устранении помещика от хозяйства.

Анализ специальных оценок имений Государственным Дворянским земельным банком за 1886–1893 гг. показывает, что из 231 оцененного банком имения Самарской губернии лишь в 81 (35 %) наличествовала собственная экономическая запашка владельца. В аренде и погодовой

сдаче находилось 34,6 % имений[167]. Из оцененных имений в 13 хозяйство не велось, 60 владельцев все земли сдавали в аренду на год (и практиковали погодовую сдачу), а собственное хозяйство не вели. В 61 имении хозяйство велось самим помещиком. В 103 экономиях (44,5 %) часть земель помещики засевали сами, а большую часть отдавали в аренду крестьянам на различных условиях[168]. Мелкопоместные дворяне с майоратными участками, по воспоминаниям Н.Г. Гарина-Михайловского, чтобы как-то выжить, землю свою задаром сдавали в аренду, а сами нищенствовали[169]. Такая же ситуация была характерна и для губернии в целом. Удельный вес капиталистических экономий в конце XIX в. составил 31 %, смешанных – 29 %, в остальных хозяйствах землю сдавали в аренду[170]. Крупно- и среднепоместные дворяне, применявшие смешанную систему ведения хозяйства, сдавали часть земли крестьянам в наем мелкими участками, а на остальной земле вели собственное хозяйство, используя труд наемных рабочих.

Чаще всего собственные земли дворяне сдавали на один сезон. Но были случаи и долгосрочной аренды, причем в аренду могли сдавать не только земли, которые не использовались, но и значительную часть земель, находившихся в их собственной запашке. Формы аренды были различны. Крестьяне арендовали у помещиков небольшие участки земли как за деньги, так и на других условиях – за определенную работу в пользу землевладельца (например, засеять помещику определенное количество десятин ярового хлеба, вспахать под пар и заборонить, свозить снопы, скосить и убрать сено), долю урожая или исполу. Так, в хозяйстве А.А. Чемодурова часть степной земли сдавалась ежегодно в аренду под покосы из ⅓ – ¼ доли урожая сена в пользу косца. Причем земские статистики отмечали «гуманное» отношение Чемодурова к крестьянам, так как на протяжении длительного времени он не повышал арендные цены[171].

Многие крестьяне отрабатывали на полях хлеб или семенной материал, взятый взаймы в весеннее время. В Ставропольском, Самарском, Бузулукском и Бугульминском уездах землевладельцы обязывали крестьян за каждые 10 пудов заемного зерна убрать по одной десятине посева. Аренда прогонов для скота и взимание за пользование ими определенной платы также использовались владельцами в качестве своеобразного источника доходов. В качестве штрафа за потраву посевов и покосов землевладельца практиковались отработки крестьян в имении помещика. В южных уездах, где водопои были редкими, помещики брали плату за водопой, иногда в форме отработки. Наряду с отработочной системой все большее распространение получала денежная аренда.

Средняя цена аренды частновладельческих земель в конце XIX в. колебалась от 1,14 руб. за десятину земли в Новоузенском уезде до 3,0 руб. в Ставропольском уезде при средней цене 1,82 за дес. земли[172]. Владельцы и субарендаторы стремились повышать цены на сдаваемые участки

земли. С начала XX в. наметилась тенденция сокращения земельной аренды у владельцев, и прежде всего испольной, что было вызвано как ростом арендной платы, так и продажей дворянами части поместий.

Большая часть земельных угодий отводилась под посевы зерновых, среди которых первое место занимали ценные, товарные сорта пшеницы, а второе – озимая и яровая рожь. Также были распространены посевы ячменя, гречихи, гороха, проса, полбы, льна. Из технических культур в крае широко возделывался картофель, в южных уездах выращивали табак и подсолнечник. В качестве корма для скота в некоторых хозяйствах выращивалась кукуруза. Динамичное развитие земледелия в регионе, повышение роли агротехники и агрокультуры в хозяйствах крупных землевладельцев способствовали росту объема валовых сборов зерна.

Самарская губерния (главным образом ее южные уезды — Николаевский и Новоузенский) по темпам роста сбора зерна стояла на первом месте в Поволжье. В 1911–1915 гг. удельный вес валового сбора в Самарской губернии от общего количества собранного зерна в Поволжье достиг 35,6 %. Именно благодаря Самарской, Саратовской и в некоторой степени Симбирской губерниям современники называли Поволжье «зерновой фабрикой» России.

Стремление произвести на рынок как можно больше товарного хлеба, снизить его себестоимость вызывало необходимость использования в помещичьих хозяйствах сельскохозяйственного инвентаря. В первые пореформенные годы помещики пытались устранить трудности с наймом сельскохозяйственных рабочих путем покупки техники. Но внедрение технических новинок шло крайне медленно, так как требовало навыков их использования и достаточного количества рабочего скота. К концу 1870-х гг. в губернии расширилась сеть складов для продажи сельскохозяйственных орудий и машин. В Самаре их продавали склады и мастерские «Бенке и К°», «Винике», «Кеницера и К°», изготовлявшие сельскохозяйственные машины. Использование машин в более широких масштабах началось лишь в конце XIX в., когда земства открыли склады сельскохозяйственных орудий и машин. Тем не менее новая техника – плуги, бороны, молотилки, жатвенные машины, сноповязки – приобреталась лишь немногими помещиками.

Экономически активная часть дворянства, стремившаяся приспособить свои поместья к изменившимся условиям, была немногочисленна. Новации в системе полеводства были характерны для тех дворян, кто имел значительные земельные угодья и возможности внедрять сельскохозяйственные орудия труда, использовать удобрения и применять на практике новые агрикультурные приемы и знания. Освоение эффективных приемов землепользования и новых технологий администрирования во многом зависело не только от готовности дворянина идти на издержки, модернизируя свое хозяйство, но и от осознанного стремле-

ния землевладельца вникать в конкретные стороны экономики хозяйства. В результате многие дворянские экономии трансформировались в товарные производства, иногда в многоотраслевые хозяйства, которые функционировали, используя оборотные средства кредитных учреждений, прежде всего Дворянского земельного банка.

В начале XX века в частновладельческих хозяйствах начался активный переход к более прогрессивным системам землепользования – многополью и травосеянию, практиковалось удобрение почвы для повышения ее плодородия. При необходимости использовались мелиоративные работы: орошение и осушение. Стали широко применяться усовершенствованные орудия труда, такие как многолемешные плуги, молотилки, жатки, веялки и пр. При этом в качестве тягловой силы выступал как рабочий скот (лошади, волы и верблюды), так и паровые машины (с 80-х гг. XIX в.). Однако процесс капиталистической эволюции шел крайне медленно. К 1905 г. всего 3 % дворян-землевладельцев смогли перевести свои имения на капиталистические рельсы с применением сельскохозяйственных машин и наемного труда.

Для ведения собственного хозяйства необходим был рабочий скот. Наличие скота обеспечивало владельцу экономию при найме рабочих, удобрение для пашни, прибыль при продаже животных. Помещики, владевшие землями по соседству с башкирами и киргизами Букеевской орды, сочетали использование скота на сельскохозяйственных работах с его последующей перепродажей. Они приобретали рабочий скот в Оренбургской, Астраханской губерниях и Уральской области, а по окончании полевых работ распродавали его, что приносило выгоду помещику.

Развитой отраслью помещичьего хозяйства было коневодство. Помещики приобретали кровных или полукровных производителей в центральных губерниях, преимущественно рабочих или рысистых пород, а также в ряде исключительных случаев – верховых. Для улучшения рабочей лошади покупались производители арденской породы, рысистой – орловской. В 1870–1880 гг. возникли новые конные заводы – гр. В.Л. Толстого в Бугурусланском уезде и Н.А. Кропачева в Николаевском уезде.

В Бузулукском уезде Самарской губернии помещики разводили лошадей смешанных пород, среди них – помесь «башкирской» и «русской» или «рысистой», а также «киргизской» и «рысистой». По сведениям конской переписи 1882 г., в уезде насчитывалось 14 конских заводов с 62 жеребцами и 469 кобылами[173]. Лошадей «рысистой» породы содержали на заводе Бабинцева (д. Бабинцево Таллинской вол.), помесь «башкирской» породы с «рысистой» Хреновского завода – на заводе Н.А. Корф (при д. Зимних Булгаковской вол.)[174]. В южных уездах губернии поголовье коней пополнялось за счет покупки степных киргизских лошадей на ярмарках. В 1880-х гг. были созданы заводы Г.Н. Костромитинова, М.М. Наумова, С.В. Бороздина и др.

По данным военно-конских переписей 1900–1905 гг., в губернии насчитывалось 53 частных конных завода, из них более половины – 32 – принадлежали дворянам. Наиболее крупными были заводы Н.П. Ильина (Бугульминский уезд) – 100 голов полурысистой породы, И.Г. Курмина (Бугурусланский уезд) – 90 голов рысистых призовых, купца А.Н. Мальцева (Николаевский уезд) – 198 голов кровных рысаков киргизской породы; А.К.Ушакова (с. Новый Буян Ставропольского уезда) – 160 голов рысистых и тяжеловозов[175].

Самым крупным был завод А.Н. Стобеуса (с. Александровка Таллинской вол., с. Могутово Бузулукского уезда), основанный еще в 1852 г. Жеребят начинали объезжать с трехлетнего возраста, затем племенные жеребцы оставлялись для обновления собственного завода, а остальные продавались в г. Санкт-Петербург по 500 руб. за голову. Часть молодых маток направлялась на обновление племенного табуна, а остальные также продавались по 125–400 руб. Брак продавался на месте по 150–750 руб. В начале XX в. на заводе было более 230 голов разных пород.

Молочный скот содержали при всех дворянских усадьбах, но в небольших количествах, чаще всего для нужд экономии, для изготовления масла и другой молочной продукции.

В Самарской губернии важной отраслью животноводства являлось овцеводство, характерное главным образом для крупнопоместных хозяйств. В губернии разводили овец как мериносовых, так и простых пород. К концу 1890-х гг. первое место по размерам мериносового овцеводства занимал Бугурусланский уезд. Почти все мериносовые стада электоральной породы скрещивались с другими элитными породами овец – «негретти» и «рамбулье». Испанскую породу с 1840-х гг. разводили в имениях Карамзиных и Шелашниковых. В 1863 г. в Никольском заводе М.К. Милютина стадо овец насчитывало до 15 тыс. голов. Впоследствии владелец завода неоднократно улучшал поголовье овец, покупая баранов и маток породы «электораль», а также сам реализовывал в год до 5 племенных баранов по цене от 50 до 200 руб. за голову[176]. Самый крупный завод мериносовых овец в Самарской губернии был основан еще в начале XIX в. в усадьбе Самариных. Современники считали его одним из лучших в России, о чем свидетельствует награждение в 1872 г. Самариных золотой медалью Российского общества овцеводства за образцовую постановку дела и высокое качество руна. В 1878 г. Д.Ф. Самарин принимал участие в Парижской Всемирной выставке, где им были представлены три руна: с годовалого барана весом 17 фунтов, годовалой матки (8,54 фунтов) и с валуха. На июнь 1883 г. завод вместе с ягнятами и с браком, назначенным к продаже, насчитывал около 10 тыс. 300 голов помеси «электоральной» породы с «негретти»[177]. Подобные заводы племенных лошадей, овчарни и стада породистого рогатого скота были и в ряде других крупных имений Самарской губернии. В период реализации аграрной реформы П.А. Сто-

лыпина стали складываться более благоприятные условия для развития животноводства. Повышение цен на мясомолочную продукцию привело к увеличению поголовья скота в ряде крупных помещичьих хозяйств.

§ 4. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

На развитие перерабатывающей промышленности оказали влияние углубление зерновой специализации, рост товарности сельского хозяйства и применения наемного труда. Металлообрабатывающие предприятия занимались производством сельскохозяйственных орудий, паровых котлов, ремонтом техники[178].

В 1879 г. в Самарской губернии насчитывалось 586 заводов и фабрик, в том числе 273 предприятия по обработке животных продуктов (бойни, салотопни, мыловарни, кожевенные, клеевые, суконные, воскобойные, овчинные, шорные), 171 по обработке растительных продуктов (крупчатые, поташные, крахмальные, маслобойные, канатные, пивоваренные, винокуренные, табачные, водочные и мукомольные мельницы), 130 по обработке полезных ископаемых (гончарные, кирпичные, чугунолитейные, медеплавильные) и 12 предприятий смешанного характера[179]. В указанный перечень включены и дворянские предприятия, связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства, среди которых численно преобладали мельницы, крупорушки, маслобойни и т. д.

От дореформенной эпохи в дворянских имениях остались небольшие промышленные предприятия, которые стали расширяться и обновляться. Мукомольные мельницы имелись практически в каждом крупно- и среднепоместном дворянском имении. В зависимости от достатка владельца они были разных типов – конные, ветряные, паровые, водяные, с разной мощностью.

Наиболее развито техническое производство было в Бугурусланском уезде, где до 1870-х гг. в крупно- и среднепоместных имениях функционировала целая сеть суконных фабрик. К концу 1880-х гг. их осталось из-за нерентабельности производства только три – у Рычковых, Племянниковых и Юматовых[180]. Традиционно дворянство занималось виноделием и производством сахара. В уездах Самарской губернии винокуренные предприятия принадлежали крупным и средним землевладельцам. В поместье Осоргиных (с. Святодухово) винокуренный завод ежегодно производил до 153 тыс. ведер вина на сумму 168 300 руб., а пивоваренный и водочный заводы за год выкуривали до 6 тыс. ведер пива на 7800 руб. и 5 тыс. ведер спирта на 25 тыс.[181] В имении Шелашниковых (с. Никольское) был водочный склад, а в другом их имении (с. Петровское) работали винокуренный и поташный заводы[182].

В начале XX века в успешно развивающихся дворянских экономиях стали появляться масло- и сыродельни. Например, помещик Бузулукского уезда Г.Н. Костромитинов (2121 дес.) неоднократно (в 1888, 1903, 1913 гг.) обращался в Дворянский банк за ссудами, которые шли на развитие имения – строительство водяной мельницы, масло- и сыродельни[183].

Самарский губернский предводитель дворянства (1905–1915) А.Н. Наумов построил в 1911 г. в своем имении Головкино вальцовую мельницу по новой для того времени технологии, развив мукомольное дело до размеров большого промышленного предприятия. В своих воспоминаниях он отмечал, что новизна технологии вызвала много пересудов среди соседей – помещиков и крестьян, которые, глядя на «невиданное» строительство, «жалели барина, вроде как бы с ума спятившего, бросившего в песок да в воду лишние деньги»[184]. Однако через два года мельница полностью окупила средства, затраченные на ее строительство. Будучи заинтересован в постоянном сбыте, Наумов заключил соглашения со специалистами по хлебной торговле – братьями Мельниковыми – и руководством Калашниковской хлебной биржи, в результате чего мельница приносила ему ежегодный доход в 50 000 руб. Тогда же А.Н. Наумов занялся организацией сыроваренного производства, продукты которого поставлялись на московский рынок.

Отметим, что дворянское сельскохозяйственное предпринимательство в Самарской губернии было характерно в основном для крупных помещиков, которые стремились найти дополнительные возможности экономического роста. В их хозяйстве предпринимательство имело вспомогательный характер и было менее развитым и эффективным, чем купеческое.

В 1860–1880-х гг. большинство крупных купцов владели предприятиями по переработке животных и растительных продуктов (салотопенные предприятия, крупорушки, маслобойки, винокурни). В уездах губернии преобладала переработка животных продуктов. Особенно велика была роль салотопенных заводов, так как через губернию пролегали скотопрогонные тракты, что позволяло использовать скотоводство соседних губерний. Ситуация изменилась в начале 1880-х гг., когда на первый план выдвинулась мукомольная и крупорушная промышленность.

В крае издавна формировались центры хлебной торговли, широко известные даже за пределами региона. Ассортимент зерна отличался большим разнообразием, но особенно высоко ценился сорт пшеницы «белотурка», из которой получалась мука, не уступавшая по своим качествам американской, голландской и английской. В хлебной торговле участвовали не только крупные предприниматели, но и огромное количество посредников. В 1880-х гг. формируются специализированные хлебные пункты по купле-продаже разных видов зерна. Однако суще-

ственные изменения организация хлебной торговли претерпевает лишь с последнего десятилетия XIX века, когда закупки зерна государством стали осуществляться сначала через земские организации, а с 1905 г. через интендантства[185]. Огромное влияние на хлебный рынок оказало появление на нем новых участников в лице Государственного и коммерческих банков. Развитие сети железнодорожного сообщения, связанное с вводом в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги, реорганизация системы продовольственных магазинов позволили объединить продажу зерна и хлебной продукции с его хранением, транспортировкой и мукомольным производством, что привело к монополизации хлебной торговли и концентрации производства.

Первопроходцами в объединении хлебной торговли с производством муки стали представители крупного самарского купечества. Близость к районам производства зерна, отличное качество заволжской твердой пшеницы – белотурки, из которой получались высокие сорта муки, в том числе крупчатка, – установившиеся торговые связи и традиции скупки зерна давали им конкурентные преимущества.

Начало «индустриализации» Самарской губернии в 1880-х гг. связано с появлением паровых мукомольных мельниц. Первую, перерабатывавшую до 18 тыс. пудов в сутки, построил П.С. Субботин, затем строительством мельниц занялись и другие хлебопромышленники. Всего же в Самаре было построено 10 мельниц, на которых можно было перемолоть 10 млн пудов зерна в год, в результате чего Самарская губерния превратилась в крупный центр мукомольного производства.

Крупные мукомолы стремились заключать сделки напрямую с производителем, так как для них был важен сорт зерна. Они либо ездили сами по рынкам, либо посылали своих приказчиков. К мукомолью удачно или неудачно приобщились многие хлебопромышленники. Так, субботинскую мельницу сначала купил Аржанов, потом Ф.Ф. Красиков, за ним А.М. Эрландер, а еще позднее – товарищество Шахова и Попенова. В Засамарской слободе мельницу Светлова в 1889 г. купило Товарищество паровой мельницы в Самаре. В него входили П.С. Субботин, А.Н. и М.Н. Шихобаловы, Г.И. Курлин. Впоследствии в компании остались М.Н. Шихобалов и А.М. Шихобалова-Неклютина. Построенная Е.Н. Шихобаловым в 1883 г. мельница дольше других оставалась семейной собственностью и по наследству перешла к внукам. Мукомольным делом занималось несколько поколений Башкировых и Журавлевых, а также Соколовы, А.Н. Шадрин, А.Г. Курлин, братья Ромашевы, Стройковы-Якимовы, Боберман.

Торговый дом Соколовых, владея в Самаре мельницей с годовым перемолом 2 млн пудов, построил еще одну мельницу в Бузулукском уезде. Смирнову принадлежала мельница в Кинеле, а Шихобалову – в Богатом. В 1896 г. 8 мельниц, построенных в уездах, по объему производства стали опережать городское мукомольное производство.

Зерно и мука водным путем шли в Казань, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль, Рыбинск, далее – в Петербург, Ригу, оттуда – в Англию. Вниз по Волге хлеб поступал в черноморские порты, затем в Италию. По железной дороге зерно везли в Петербург, Сибирь, Среднюю Азию. В урожайные годы из Самары вывозилось до 90 млн пудов зерна и муки.

В начале XX в. главной тенденцией мукомольного дела стало «сокращение переработки пшеницы на мелких мельницах... и сосредоточение этой переработки в крупных заведениях, располагающихся у речных пристаней и станций железной дороги и отправляющих приготовляемый продукт на отдаленные рынки»[186]. В 1901 г. доля мукомолья в стоимости промышленной продукции Самарской губернии превысила 56 %, а в 1913 г. составила 63,3 %.

Положение ухудшилось после двух неурожайных годов – 1906–1907 гг. Уменьшилось количество товарного зерна, упал спрос на него, выросли цены на нефть, усилилась конкуренция между поволжскими мукомолами из разных городов из-за заволжской пшеницы. К 1910 г. объявили себя несостоятельными И.И. Шихобалов и Боберман, прекратили мукомольное дело хлебопромышленники Смирнов и Ромашевы, сгорела и не была восстановлена мельница Журавлева. В то же время укрепилось положение торговых домов Башкировых и Соколовых, товарищества Неклютиных.

К 1911 г. в городе из 10 паровых мельниц работало 5, которые могли перемолоть 40,5 тыс. пудов. Норма прибыли мукомольных фирм в 1911–1912 гг. составила в среднем 14 %, а у некоторых поднялась до 20 %. Кризис выдержали те предприятия, которые к тому времени либо успели модернизировать технику и рационализировать производство, либо перенесли предприятия в сельскую местность, поближе к источникам сырья. Вдоль крупных станций Оренбургской железной дороги, в местах подвоза зерна из глубины уездов, были построены большие зернохранилища, строились элеваторы. В 1912–1913 гг. элеваторы были сооружены на железнодорожных станциях Неприк, Бугуруслан, Богатое. В 1916 г. был введен в эксплуатацию элеватор в Самаре, сооруженный по инициативе самарских деловых кругов.

С начала XX в. Государственный банк России, а с 1910 г. и восемь крупнейших российских коммерческих банков (Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский и др.) занялись комиссионными операциями с хлебом и хлеботорговлей и начали играть огромную роль на хлебном рынке края. По данным Министерства торговли и промышленности о хлебной торговле в России за 1910 г., Самарская губерния занимала второе место в стране по запасам пшеницы и ржи и была крупнейшим поставщиком зерна на экспорт.

Биржевая торговля, получившая особое распространение в России в конце XIX – начале XX в., способствовала повышению уровня ком-

мерческих связей. Биржа облегчала поиски партнеров и оформление сделок, позволяла осуществлять торговлю в масштабах всей страны. Самарское биржевое общество было сформировано частным совещанием «господ купцов города Самары» 8 марта 1893 г. под председательством городского головы купца Неклютина. Первоначально деятельность биржевого общества была направлена на упорядочение хлебной торговли в губернии. Первым его председателем был избран купец первой гильдии Н.Ф. Углов. За период с 1894 по 1912 г. председателями Биржевого общества были почетный потомственный гражданин, купец первой гильдии А.Г. Курлин (1895–1908); купец второй гильдии В.И. Ромашев (1908–1911); купец второй гильдии В.Н. Башкиров (1911–1917)[187].

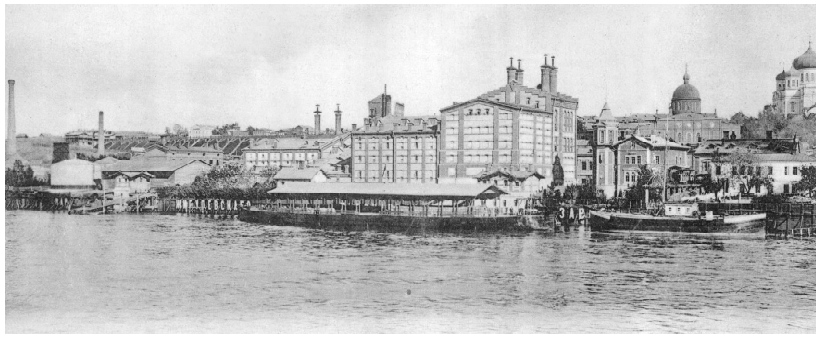
Главными объектами биржевой торговли были зерновые продукты (пшеница, рожь, овес, ячмень). Самарская биржа объединяла вокруг себя как местных предпринимателей, так и иногородних. Данные за 1913–1914 гг. свидетельствуют о том, что наиболее крупными местными покупателями белотурки, русской пшеницы, ржи и льняных семян на бирже были «Товарищество Н.Е. Башкирова наследники» (оборот составил 9 028 482 пудов), «Товарищество Я.Г. и И.Я. Соколовых» (3 871 886 пудов), Д.П. Смирнов (4 197 950 пудов), ТД О.В. Шадриной (1 827 726 пудов) и другие.

Самарская биржа активно взаимодействовала с хлебными рынками губернии, из которых первостепенное значение имела хлебная биржа в слободе Покровской в Новоузенском уезде, где фермерские хозяйства занимались производством товарной пшеницы-белотурки, одного из лучших сортов пшеницы в России. В торговом отношении Покровская слобода была важной приволжской хлебной пристанью, к которой с проведением железной дороги начали подвозить хлебные грузы из Новоузенского и Николаевского уездов, из хозяйств Уральской области[188].

Третьей по количеству оборотов хлебной биржей в Самарской губернии была Балаковская хлебная биржа в Николаевском уезде. Балаково было известно в торговом отношении, поскольку обладало одной из самых главных пристаней в низовьях Волги. В состав Балаковского биржевого общества входили суконные фабриканты, хлеботорговцы, землевладельцы, судовладельцы, агенты страховых и пароходных обществ[189]. На хлебной бирже в Балаково торговали исключительно пшеницей – русской и белотуркой, которую покупали главным образом иногородние мукомолы.

Промышленность в губернии развивалась медленными темпами, возникновение новых предприятий и видов производства сдерживалось кризисными явлениями в экономике и революционными потрясениями в обществе. В «Списке населенных мест Самарской губернии» за 1910 г. зафиксировано наличие в Самаре 136 фабрик и заводов, 63 ремесленных производств, 10 банков, 6 типографий. В уездных

городах фабрик и заводов было гораздо меньше, например, в Бузулуке – 18 фабрик и заводов, в Николаевске – 4 завода, в Бугульме – 30 фабрик и заводов. Среди них преобладали мелкие и средние заведения, небольшие маслобойки (изготовлявшие подсолнечное масло), крупорушки, крахмалопаточные, винокуренные, дрожжевые предприятия. В Самаре появились новые виды современных пищевых фабрик: макаронная Кеницера и кондитерская Савинова, которые обслуживали весь средневолжский рынок. К крупным предприятиям относились механический завод Лебедева, Жигулевский пивоваренный завод А. фон Вакано, построенный в 1881 г., Тимашевский и Богатовский сахарорафинадные заводы, чугунолитейный завод Молчанова. Увеличение спроса на сельскохозяйственный инвентарь в годы проведения столыпинской аграрной реформы способствовало росту предприятий, производящих сельскохозяйственные машины и инвентарь, механических, чугунолитейных заводов. В 1909 г. в Самарской губернии началось строительство казенных заводов – Самарского трубочного, Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ, положивших начало развитию химической промышленности в регионе.

Жигулевский пивоваренный завод А. фон Вакано. Из фондов ЦГАСО

Особенностью экономического развития этого периода являлось возникновение комплексного торгово-промышленного предпринимательства. Оно формировалось преимущественно в мукомольной, лесопильной, пивоваренной, винокуренной и других отраслях промышленности. Самарское купечество продолжало расширять сферу своей деятельности, занимаясь одновременно производством и торговлей; для многих предпринимателей была характерна многоотраслевая промышленная деятельность, совмещение ряда производственных сфер, не связанных друг с другом. Примером может служить торговый дом «Челышов с С-ми», основной профиль которого определялся как строительный, однако наряду со строительством этот торговый дом занимался мукомольным делом, содержал бани.

Преимущественной сферой приложения капитала торговых домов и товариществ являлась торговля. Только треть из них (15 предприятий) были учреждены с целью производства продукции, а остальные (30 предприятий) занимались куплей-продажей товаров, подрядами и поставками, оказанием услуг.

Среди 15 торговых домов и товариществ, нацеленных на производство и продажу продукции, преобладали мукомольные предприятия – 9 (60 %)[190], хотя торговый дом «Братья Шихобаловы» помимо эксплуатации мельниц использовал собственные земли «для хлебопашества»[191]. «Машиностроительный завод братьев Журавлевых и К°» производил различные речные суда, двигатели, машины и запчасти к ним и выполнял разного рода технические и ремонтные работы. Торговый дом «Братья Пиннекер» производил саратовские сарпинки, «Я. Катык и К°» выпускал папиросные гильзы, «Шишкин и Корнева» осуществляли выработку альбумина на заводе при городской скотобойне. «Товарищество искусственных минеральных и газированных вод» объединяло все мелкие предприятия этой отрасли[192]. Наконец, «Товарищество Жигулевского Пивоваренного Завода» являлось крупнейшим производителем пивоваренной продукции в Самаре.

Расширение сфер деятельности привело к преобразованию торговых домов и единоличных предприятий в торгово-промышленные товарищества на паях. Оформление бизнеса в такой организационно-правовой форме способствовало концентрации производства и выделению крупных торгово-промышленных фирм, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы и производственные ресурсы. В числе учредителей 29 торговых домов и товариществ, зарегистрированных Самарской городской управой в период 1902–1907 гг., насчитывалось 97 человек, среди них 46 иногородних и 2 иностранных подданных. Состав учредителей торговых домов и товариществ в сословном отношении можно охарактеризовать как смешанный, среди них было 30 представителей купеческого сословия, 15 крестьян, 14 потомственных и личных почетных граждан, 5 чиновников и их вдов, один инженер-механик, два аптекарских работника и 4 иногородних поселянина.

Торговые дома и товарищества, занимавшиеся торговлей, специализировались на продаже различных видов продукции – хлеба, одежды и обуви, гастрономических и бакалейных товаров, реализовывали весь возможный ассортимент металлургического производства, принимали к выполнению подряды, в том числе и на работы по постройке Самаро-Златоустовской железной дороги, занимались поставками. Торговали дома и товарищества посудой, хозяйственными товарами, бытовой техникой – швейными, чулочными, пишущими машинами, велосипедами[193].

Одним из самых крупных в Самарской губернии по размеру основного капитала являлось торгово-промышленное «Товарищество Н.Е. Баш-

кирова наследники», преобразованное из одноименного торгового дома и зарегистрированное в новом качестве 18 сентября 1912 года. Торговый дом имел в собственности паровую мукомольную мельницу I разряда, оборот которой в 1906 году составил 2,5 миллиона рублей, а в 1907 – 2 миллиона рублей, осуществлял торговлю хлебом. В его собственности находились два парохода – «Н.Е. Башкиров» и «Самарец»[194]. После реорганизации товарищество расширило объем и сферы своей деятельности; к 1915 году ему принадлежало 24 заведения, в том числе 6 лавок в Самаре, два склада в Петербурге и один в Рыбинске. Товарищество занималось переработкой зерна, транспортировкой товаров на собственных или арендованных судах, продажей товаров, в том числе и собственного производства. Помимо производства муки товарищество иногда приобретало уже готовые переработанные товары: пшеничную и ржаную муку, различные крупы, солод, пшено, овес, горох, отруби, которые впоследствии продавались как в Самарской губернии, так и за ее пределами[195]. Имея торговые отделения в Петербурге, Рыбинске, Гельсингфорсе, товарищество в больших объемах осуществляло продажу хлебных товаров собственного производства, тем самым способствуя получению значительной прибыли, которая шла на дальнейшее развитие дела и на общественные цели.

Примечания

[1] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 55–56.

[2] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. IV.

[3] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города: (историко-статистический очерк). Самара, 1877.

[4] Самарские губернские ведомости. 1854. 30 октября.

[5] Там же. 1858. 31 мая.

[6] Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 1992. С. 193.

[7] Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М., 1927.

[8] Самарские губернские ведомости. 1885. 13 мая.

[9] Ежов М.П. Рассказы волжского штурмана. Горький, 1975. С. 52.

[10] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 740. Л. 1.

[11] Казарин В.Н. Приволжский Орлеан // Краеведческие записки. Вып. 10. Самара, 2003. С. 62.

[12] Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье. Казань, 1959. С. 6.

[13] Казарин В.Н. Приволжский Орлеан... С. 67.

[14] Там же.

[15] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 2. Д. 643. Л. 95.

[16] Журналы Самарской городской думы за 1906 г. Самара, 1906. Л. 477.

[17] Там же. Л. 818.

[18] За 20 лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского биржевого комитета и общества с 1893 по 1913 г. Самара, 1914. С. 79.

[19] Обретение родины: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX века) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Ч. 1. Самара, 2013. С. 189.

[20] 140 лет Куйбышевской железной дороге. Самара, 2014. С. 17.

[21] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1866. СПб., 1868. С. 539.

[22] Имена и судьбы. Начальники Куйбышевской железной дороги / под ред. А.С. Левченко Самара, 2008. С. 9.

[23] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 28.

[24] Навстречу новому веку / под ред. Д.С. Сугака. Куйбышев, 1974. С. 27.

[25] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 40.

[26] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 505.

[27] Сорокин Ю.К. Создание Самаро-Златоустовской железной дороги // Краеведческие записки. Куйбышев, 1971. Вып. 2. С. 69.

[28] Алабин П.В. Указ. соч. С. 735.

[29] Целиков С.А. Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги и ее влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. С. 42.

[30] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLIX. Отделение первое. 1874. СПб., 1876. С. 212.

[31] Самарский спутник на 1890 год. Самара, 1889. С. 152.

[32] Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 183.

[33] Навстречу новому веку. С. 29.

[34] Дектярев С.А., Толкачев В.М. Мост, соединивший эпохи. Самара, 2011. С. 50.

[35] Корнеев Л.И. Мостостроение – его призвание // Инженеры путей сообщения: железнодорожный путь, мосты, строительство. М., 2007. С. 258.

[36] Навстречу новому веку. С. 29.

[37] Дектярев С.А., Толкачев В.М. Указ соч. С. 58.

[38] Несколько слов о мосте // Самарские епархиальные ведомости. Самара, 1880. № 20. С. 320.

[39] Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: очерки путешествий // Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 1991. С. 65.

[40] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 440.

[41] Дектярев С.А., Толкачев В.Л. Указ соч. С. 59–60.

[42] Дневники императора Николая II, 1894-1918. Т. 1. 1894–1904. М., 2011. С. 812.

[43] Мильман Э. М. История первой железнодорожной магистрали Урала: 70–90-е годы XIX века. Пермь, 1975. С. 34.

[44] Там же. С. 39.

[45] Имена и судьбы. С. 16.

[46] Зензинов Н.А. Строительство магистрали: идеи, предложения, проекты // Железнодорожный транспорт. 1991. № 5. С. 11.

[47] Целиков С.А. Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги... С. 55.

[48] Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 год. СПб., 1899. Вып. 2. С. 441–442.

[49] Навстречу новому веку. С. 31.

[50] Зензинов Н.А. Строительство магистрали... С. 13.

[51] Алабин П.В. Записка о Сибирской железной дороге. Самара, 1884. С. 1.

[52] Катикман А.А. Железные дороги 1825–1925. СПб., 1925. С. 33.

[53] Батыршин А.Р. К истории формирования железнодорожной магистрали Самара – Златоуст (конец XIX – первая треть XX века) // Платоновские чтения: материалы и доклады XVIII Всероссийской конференции молодых историков / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2012. С. 34.

[54] Алабин П.В. Записка о Сибирской железной дороге. С. 5.

[55] Там же. С. 9, 12.

[56] Зензинов Н.А. Строительство магистрали... С. 14.

[57] Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. СПб., 1902. Т. 3. С. 216.

[58] Исторический очерк развития железных дорог в России... Вып. 2. С. 318–319.

[59] Навстречу новому веку. С. 31.

[60] Самарский спутник на 1890 год. Самара, 1889. С. 147.

[61] Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1889 год. Самара, 1888. С. 196.

[62] Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1896 год. Ч. 7. Отчет Управления Самаро-Златоустовской железной дороги с Оренбургской ветвью. Самара, 1897. С. 305.

[63] ЦГАСО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 117. Л. 10.

[64] Исторический очерк развития железных дорог в России... Вып. 2. С. 461–462.

[65] Зензинов Н.А. Строительство магистрали... С. 15.

[66] Исторический очерк развития железных дорог в России... Вып. 2. С. 349.

[67] Там же. С. 471.

[68] Отчет по эксплуатации казенных железных дорог за 1896 год. Ч. 7. С. 305.

[69] Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 193.

[70] Ее же. Из истории выкупа частных железных дорог в конце XIX века // Исторические записки. М., 1968. Т. 82. С. 102.

[71] Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. С. 112–113.

[72] Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Л., 1924. С. 318.

[73] Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. Т. 3. С. 108.

[74] Там же. С. 108.

[75] ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[76] Навстречу новому веку. С. 32.

[77] Прокопенко А. Поезда мчатся в чистое поле // Волжская заря. 1988. 17 сентября.

[78] Имена и судьбы. С. 29.

[79] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 120, 124.

[80] Савенков А. Вековой калейдоскоп // Куйбышевский железнодорожник. 2011. № 32. С. 11.

[81] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 127.

[82] Савенков А. Событие из ряда вековых // Куйбышевский железнодорожник. 2016. № 38. С. 6.

[83] Имена и судьбы. С. 27.

[84] Целиков С.А. Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги... С. 102.

[85] 50 лет в пути / под ред. Д.С. Сугака. Куйбышев, 1967. С. 39.

[86] Имена и судьбы. С. 28.

[87] Краткий обзор развития и деятельности Самаро-Златоустовской железной дороги за 25-летие, 1888–1913. М., 1914. С. 33.

[88] Там же. С. 38.

[89] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова, А.Ф. Здзярского. СПб., 1900. С. 89.

[90] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века / под ред. П.С. Кабытова, Н.Н. Кабытовой. М., 2000. С. 65.

[91] Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 97–98.

[92] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 425–426.

[93] Алабин П. В. Трехвековая годовщина города Самары. Самара, 1887. С. 89.

[94] Там же. С. 94.

[95] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 65.

[96] Краткий отчет о состоянии и деятельности Самарского технического железнодорожного училища при СЗЖД за 1900–1901 учебный год. Самара, 1902. С. 3.

[97] Самарский спутник на 1890 год. Самара, 1889. С. 156.

[98] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 426.

[99] 50 лет в пути. С. 40.

[100] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 426.

[101] Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья... С. 98.

[102] Ее же. Поволжский региональный рынок начала XX века: специализация, центры, особенности организации бизнеса // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Казань, 2010. Вып. 1. С. 227.

[103] Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. С. 97–98.

[104] Кабытов П.С. Хлебная торговля в Самарском крае в начале XX века // Записки историка. Ч. 2. Самара, 1998. С. 42.

[105] Алабин П.В. Трехвековая годовщина города Самары. С. 119.

[106] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981. С. 22.

[107] Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. С. 27.

[108] Целиков С.А. Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги... С. 113.

[109] Самарское земство: опыт практической деятельности / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2009. С. 186.

[110] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. 2-е изд. Вып. 1. Самарский уезд. Самара, 1912. С. 68.

[111] Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. С. 131.

[112] За два года: очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1913–1914 гг. Самара, 1915. С. 313.

[113] Букшпан Я.М., Флорина В.Н. Поволжье // Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России / под ред. Л.Н. Ясно-польского. Киев, 1913. С. 368.

[114] Горюнов Ю.А. Транспортные потоки на Ташкентской и Самара-Златоустовской железных дорогах в начале XX века // Вестник Челябинского университета: история. 2009. № 16. С. 42.

[115] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. С. 150–151.

[116] 140 лет Куйбышевской железной дороге. С. 43.

[117] Архангельский Н.А. Г. Самара: исторический очерк. Самара, 1923. С. 36.

[118] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. С. 27.

[119] Обретение родины: общество и власть в Среднем Поволжье... Ч. 1. С. 190.

[120] Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 195.

[121] Цит. по: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973. С. 130.

[122] Там же. С. 133.

[123] Там же.

[124] Подсчитано по: Хроника крестьянского движения в Среднем Поволжье // Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. С. 200–219.

[125] Там же. С. 217.

[126] Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 52–59.

[127] Семенов-Тян-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России. СПб., 1913. Т. 2. С. 91.

[128] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 202. Д. 17. Л. 13–об.

[129] Там же. Л. 17.

[130] Там же. Л. 18–об.

[131] Богатикова Г.И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. Т. 63. С. 106–109.

[132] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самарский уезд. Вып. 1. М., 1883. С. 60.

[133] Там же. Т. 2. Ставропольский уезд. С. 53.

[134] ЦГАСО. Ф. 43. Оп. 13. Д. 77. Л. 1–80.

[135] Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Самара, 1892. С. 60–61.

[136] Распределение поземельной собственности в 49-ти губерниях Европейской России в 1877–1878 гг. СПб., 1879. С. 44–61.

[137] Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. Ч. II. СПб., 1888. Приложение 6.

[138] ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 2. Д. 42–49.

[139] Там же. Д. 47–48.

[140] Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3489. Л. 11–16.

[141] Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. С. 62.

[142] Распределение поземельной собственности... С. 44–61.

[143] Статистика землевладения 1905 г. Вып. 28. Самарская губерния. СПб., 1906. С. 10–13.

[144] ЦГАСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1891. Л. 60–101.

[145] Там же. Ф. 149. Оп. 1. Д. 491. Л. 12.

[146] Там же. Л. 13 об.–16 об.

[147] См.: Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. СПб., 1903. С. 31–32.

[148] Сборник народных юридических обычаев. Т. II. Русское географическое общество. Записки по отделению этнографии / под ред. С.В. Пахмана. СПб., 1900. С. 276.

[149] Там же. С. 283.

[150] См.: Матвеев П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Русское географическое общество. Записки по отделению этнографии / под ред. П.А. Матвеева. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. Т. I. СПб., 1877. С. 13–46. Эта работа переиздана проф. П.С. Кабытовым. См.: Черный перелом. Самара, 1992. С. 23–43.

[151] Черный перелом. С. 26–27.

[152] Там же. С. 28.

[153] Там же. С. 30.

[154] Там же. С. 31.

[155] Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978. С. 177–179. Приложение 2.

[156] См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904.

[157] Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма. Саратов, 1982. С. 16.

[158] См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

[159] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города... С. 334–335.

[160] Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010. С. 140–141.

[161] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1622. Л. 5–7.

[162] Там же. Д. 2306 а. Л. 7–16.

[163] Там же. Д. 173. Л. 62–64.

[164] Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Самарском уезде // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. Самара, 1883. С. 41.

[165] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 2. Д. 682. Л. 11–12; Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Самарском уезде... С. 88.

[166] ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 20. Л. 48 об.

[167] Каблуков Н.Я. Значение хлебных цен для частного землевладения в Европейской России // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. проф. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. СПб., 1897. Т. 1. С. 137.

[168] Там же. С.232.

[169] Гарин-Михайловский Н.Г. Несколько лет в деревне. Очерки, драма. Чебоксары, 1980. С. 136.

[170] Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 49.

[171] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 2306а. Л. 9.

[172] Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1. С. 68.

[173] Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. С. 99–100.

[174] Богородский Н. Очерк частновладельческого хозяйства в Бузулукском уезде Самарской губернии. Самара, 1889. С. 72–74.

[175] Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг. СПб., 1908. С. 60, 61.

[176] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 4. Бугурусланский уезд. Самара, 1886. С. 80–81.

[177] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. С. 91–96.

[178] Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России. Опыт Поволжья // Экономическая история России на рубеже XIX–XX веков: современный взгляд. М., 2000. С. 366–367.

[179] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 65–66.

[180] Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 4. Бугурусланский уезд. С. 88.

[181] ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

[182] Там же. Д. 13. Л. 48 об.

[183] Баринова Е.П., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. Самарский помещик и либерал Георгий Николаевич Костромитинов // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 285.

[184] Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний (1868–1917). Нью-Йорк, 1950. Т. 2. С. 209.

[185] Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

[186] Тагирова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы науч. конф. Чебоксары, 1998. С. 81.

[187] За 20 лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского Биржевого Комитета и общества 1893–1913 гг. Самара, 1914. С. 15–16.

[188] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 64.

[189] Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара, 1910. С. 21.

[190] Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033.

[191] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033. Л. 59.

[192] Там же. Л. 106, 125, 75, 98, 7.

[193] Самарское купечество: вехи истории. Самара, 2006. С. 124–126.

[194] ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 4. Д. 527. Л. 86 (об.).

[195] Там же. Д. 1483. Л. 9 (об.)–10, 13 (об.)–14, 15 (об.)–16.

Глава 5.
НОВЫЕ РИТМЫ ЖИЗНИ

§ 1. В ГУЩЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Политическая окраска пореформенного периода во многом определялась тем впечатлением в обществе, особенно в среде интеллигентной молодежи, которое производила мучительная адаптация деревни к новым посткрепостническим отношениям. Наибольший резонанс вызвал протест крестьян Казанской и Пензенской губерний против безземельного освобождения, да еще с сохранением ненавистной барщины под видом временнообязанного состояния. К 1864 г. обозначился спад первой, наиболее острой реакции крестьян, но движение и недовольство не прекратились вовсе. Отказ от выполнения издельной повинности, от внесения выкупных платежей, треб; чаяние дарственного надела и т. д. — все это наряду с циркулировавшими в крестьянской среде самыми невероятными слухами о «черном переделе» является приметой народных настроений последующих десятилетий.

В пореформенной Самарской губернии известны 210 крестьянских выступлений. Наиболее активными были крестьяне Бугурусланского и Николаевского уездов[1]. Яркими проявлениями борьбы за землю были открытые захваты сенокосных угодий и распашка помещичьей земли в августе-сентябре 1861 г. в деревнях Сытовка и Колыбелка Николаевского уезда, нападения крестьян на землевладельцев в д. Байраки Бугульминского уезда в июне 1882 г. и др. Сюда же следует отнести порубки помещичьего, удельного и казенного леса, самовольное скашивание лугов и покосов. Крестьяне отказывались выполнять барщинные и оброчные повинности, вносить выкупные платежи, стремились вырваться из временнообязанного состояния. При этом они проявляли редкое единодушие и солидарность. В 1871 г. 6 деревень Смагинской волости Бугурусланского уезда почти полгода не исполняли издельную повинность. Крестьянин, чрезвычайно дороживший землей и каждой минутой труда на ней, отрекался от этой вековой привычки и отказывался обрабатывать свой надел. Так в 1864 г. поступили крестьяне 12 селений Калмаюрской волости Самарского уезда. Протест был упорным и длился четыре с половиной месяца. К формам борьбы против повинностей следует отнести и широко распространенные в Самарской губернии требования о предоставлении дарственного надела. В 1861—1864 гг. в Бугурусланском уезде произошло 29 выступлений, из которых 18 представляли борьбу против повинностей, выражавшуюся главным образом в требовании «царского», «сиротского», т. е. дарственного, надела.

Выступления крестьян против административно-судебного гнета – наименее изученная сторона крестьянского движения. В Самарском Заволжье это был прежде всего протест крестьян против разорительной для них практики массового убоя скота в целях борьбы с эпизоотиями, которые были частым явлением: сибирская язва, сап, повальное воспаление легких уносили тысячи голов крестьянского скота. Самыми неблагополучными в этом отношении были Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский уезды[2]. Местная администрация часто подвергала убою крестьянский скот по малейшему подозрению в заболевании, а иногда и, невзирая на отсутствие всяких тревожных симптомов, просто из служебного рвения.

В уездах, относительно свободных от эпизоотий, крестьяне решительно отказывались подчиняться властям, распорядившимся о введении в действие в 1885 г. инструкции о мероприятиях против чумы скота. Драматические события разыгрались в Бугульминском уезде, где несколько тысяч татар и башкир решились даже на открытое столкновение с губернатором и полицией[3]. Резкий протест самарского крестьянства вызывали действия властей во время нередких эпидемий холеры. В этом отношении особенно выделялись 90-е годы. Главными очагами эпидемий были пункты найма сельскохозяйственных рабочих. Введение карантина приводило к крушению надежд десятков тысяч отходников из Пензенской, Тамбовской, Воронежской и других губерний на заработок. Боль и гнев обездоленных, многократно усиленные безысходной нуждой в самом насущном, выливались в кровавые столкновения с властями, которые, как правило, прибегали к помощи воинских команд.

Особенно напряженным было положение в бывшей помещичьей деревне, в среде удельных крестьян. В 1864 г. самарский губернатор Н.П. Мансуров доносил министру внутренних дел П.А. Валуеву о волнениях удельных крестьян в Николаевском и Ставропольском уездах. При этом указывалось, что Николаевский уезд – «корень всех беспорядков по удельным селениям»[4]. В большинстве случаев движение начиналось отказом крестьян выкупать землю и требованием дарственного надела (на что удельные не имели права). Известны имена активных вождей крестьян: Федор Изосимов (с. Хрящевка Ставропольского уезда), Федор Глазунов, Панкрат и Митрофан Савочкины, Николай Калинин, Иван Карев и бывший староста Морозов (с. Арбузовка Каменской волости Николаевского уезда). Требование, высказанное перед начальством Федором Глазуновым, сводилось к тому, что «нынешнее удельное начальство фальшивое» и что «если царь не даст дара, то все крестьяне уйдут с княжеской земли»[5].

В ноябре 1865 г. волнения охватили почти все селения бывшего удельного ведомства. Интересно отметить солидарность крестьян одной категории, в данном случае – удельных. Уездный исправник доносил из

Ставропольского уезда, что крестьяне с. Крестовые Городищи за неделю до его приезда постоянно совещались с ходоками из Симбирского, Ардатовского уездов Симбирской губернии[6]. Массовая порка крестьян не дала результата. Самарский губернатор Обухов указывал в донесении Валуеву, что «ни один из наказываемых ни во время наказания, ни после этого не испустил ни одного стона»[7]. Решимость крестьян укрепилась, когда ночью в Крестовые Городищи явились «полными сходами крестьяне из с. Красного Яра, д. Кайбель и других деревень, и ночь проведена во взаимных совещаниях». Лишь реквизиции скота заставили их уступить.

Наметившийся к 1864 г. спад в крестьянском движении продолжался до 1878 г. Начало 80-х гг. отмечено непродолжительным подъемом. Особые опасения правительства вызывало распространение слуха о переделе земли, который обрастал сопутствующими домыслами, вызванными к жизни непонятными для крестьян покушениями на царя.

В конце XIX в. произошли холерные бунты, массовые порубки леса в казенных дачах (д. Каракашлы и Зай-Каратай Бугульминского уезда, Яковлевка, Косошеево, Нетик Бузулукского уезда), у помещиков (с. Раковка Самарского уезда, Максимовка Бузулукского уезда)[8]. Слухи о беспорядках в деревне, многократно усиленные тяжелыми впечатлениями от массового голода 1873 и 1891 гг., будоражили общество, вызывали у молодежи стремление прийти на помощь страдающему народу.

Общественно-политическая жизнь Самарской губернии пореформенного периода проходила под знаком нарастающей активности разночинной молодежи. Властителями дум были талантливые публицисты радикального лагеря, звавшие к борьбе за счастье народное: Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев. Общественное настроение симпатизировало демократическим изданиям типа «Современника» и «Колокола». Число подписчиков «Современника» росло и в Самаре: 1859 г. – 15; 1860 г. – 22; 1861 г. – 26[9].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. усилилось антиправительственное настроение среди воспитанников гимназий, духовной семинарии, которые попытались создать ассоциацию-коммуну, но вскоре охладели к этой идее, ибо: «1) она будет каплей в море народной нищеты; 2) она может подавиться и развалиться от конкуренции кулака-капиталиста; 3) из членов ее есть полнейшая возможность выйти самым отъявленным буржуа, которые потом будут служить большим тормозом для более радикального движения рабочих к своему освобождению»[10].

Первые кружки интеллигенции в Самаре не имели ясной антиправительственной направленности. Таким, например, был кружок С.И. Ивановой, попытавшейся также создать ассоциацию. Порой радикально настроенных пропагандистов собирали у себя сторонники модных идей из числа крупных землевладельцев (К.М. Сибиряков, М.А. Тургенева). На открытых М.А. Тургеневой педагогических курсах

в г. Ставрополе в 1872 г. преподавала С.Л. Перовская, впоследствии видный организатор «охоты на царя».

В 1871 г. возникли группы самообразования, члены которых — гимназисты – занимались изучением работ Лаврова, Писарева, «Политической экономии» Д. Милля с примечаниями Чернышевского в духе его экономической теории трудящихся. В 1873 г. ряд кружков объединился для совместного «саморазвития» путем чтения и составления рефератов. Был выработан ритуал приема в члены кружка, приобретен литографский камень для издания собственной газеты, но идея эта осталась нереализованной. Осенью лидеры кружка Городецкий и Чернышев уехали в Петербург для поступления в Технологический институт. Вскоре в столице сложился кружок-землячество самарцев (Городецкий, Андреев, Чернышев, Вейнштейн, Бух, Никитин, Трофимов, Курдюмов, Попов, Комов, Жуков, Жукова [сестра], Никольская)[11]. Это было время, когда студенческая молодежь, движимая идеей долга перед народом, активно готовилась к массовому «хождению в народ». Самарская губерния стала одним из центров такого движения. К весне 1874 г. здесь сложилась разветвленная сеть очагов пропаганды с опорными пунктами в Самаре и Николаевске.

Члены столичного кружка-землячества в апреле 1874 г. прибыли в Самару. В одном из заброшенных пригородных домов, затопленных половодьем, состоялась сходка приезжих революционеров и местных. В числе последних были воспитанница Самарской женской гимназии В. Боголюбова, писец уездной земской управы, крестьянин с. Каменки И. Беляков, писец губернской земской управы, крестьянин с. Кротовка С. Дегтярев, крестьянин с. М. Толкай Р. Бодяжин, лакей в доме Бородина П. Александров, гимназист, крестьянин с. Грачевка Е. Лазарев. Летом двинулись «в народ» по трем направлениям: Царевщина – Семейкино – Ставрополь – Сергиевские минеральные воды, Смышляевка – Черновка – Грачевка и Вязовка – Екатериновка[12]. Действовали также в Дубовом Умете и Малом Толкае. Пропаганда состояла из призывов к отказу от имущества и уплаты податей, отрицания бытия Бога, «дерзких, оскорбительных слов против государя императора» – все впустую.

Иначе подошел к делу более опытный П. Войнаральский. Прибыв в Самару, он быстро сошелся с местной молодежью – И. Дамаскиным, А. Пономаревым, Н. Петропавловским. Они уже были пропитаны известным настроением: Петропавловский, к примеру, проводил мысль, что учиться не стоит, следует сближаться с народом и быть простым рабочим, «что даже деятельность учителя есть деятельность буржуазная»[13]. Войнаральскому и его друзьям удалось сойтись со строителями земской больницы, которые попросили Войнаральского съездить к ним на родину в Симбирскую губернию и потолковать с их земляками. Он побывал в Карсунском и Сызранском уездах и возвратился окры-

ленным: «Настроение отличное, завел у крестьян два наших пункта... в книгах страшный недостаток, а от крестьян большой на них запрос»[14]. Пропаганда в Самарской губернии оказалась не столь успешной. Поездка Войнаральского с Надеждой Юргенсон в с. Васильевка Ставропольского уезда, где жил их знакомый учитель Л. Канаев, закончилась арестом. Крестьяне, послушав призывы перевешать господ и лишить царя власти, заявили о пропагандистах старосте, который взял их под стражу.

В Николаевске, удаленном от губернских властей, удобнее было действовать на легальном положении. Легализацию революционеров обеспечивал земский врач А. Кадьян. У него побывали и воспользовались протекцией весьма известные в революционной среде Н. Судзиловский, И. Речицкий-Логинов, С. Ковалик. Особенно активен был Н. Судзиловский, который прибыл в Николаевск в начале марта 1874 г. с целью получить место участкового фельдшера. Некоторое время он исполнял в виде испытания фельдшерские обязанности при больнице тюремного замка. Вместе с Речицким он делал попытки распропагандировать арестантов, устроить некоторым из них побег. Для вывода из строя конвойных была заготовлена и передана арестантам смесь рвотного камня с ипекакуановым корнем, но побег не удался. 7 июля Кадьян был арестован, Судзиловскому удалось скрыться. Дальнейшая его судьба весьма примечательна: учеба в Бухарестском университете, участие в подготовке Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии; работа в клиниках Франции, Бельгии, Италии, Испании; американский консул на островах Восточной Азии; в 1892 г. – основатель партии гомрулеров на Гавайях; в 1900 г. под именем Каука Лукини («русский доктор») – президент Гавайского сената; революционная пропаганда в Японии во время Русско-японской войны; жизнь на Филиппинах и в Китае. Н. Судзиловский – автор многих работ по медицине, естествознанию, социологии, член Американского общества генетиков[15].

«Летучая пропаганда» народников провалилась. Решено было основать постоянные поселения в среде крестьянства. Инициатива принадлежала созданной в 1876 г. организации «Земля и Воля». В самарской деревне побывали ее эмиссары, видные народники В. Фигнер, А. Иванчин-Писарев, Ю. Богданович, А. Соловьев, М. Лешерн фон Герцфельд, В. Грязнов, А. Квятковский и др. Однако эффективность нового способа пропаганды была далека от желаемой. Вскоре «Земля и Воля» раскололась. Народовольцы увлеклись политической борьбой с правительством, добились расправы над царем. Черноперелельцы еще ранее свернули свою деятельность в народе. Провинциальная радикально настроенная молодежь оказалась на перепутье. К концу 80-х гг. народническая доктрина «утрачивала свой кредит» в глазах самарцев. Прежние активные пропагандисты в большинстве своем отошли от борьбы. В.В. Филадельфов вел кое-какую пропаганду среди учащихся. Под его

влиянием ученики шестого класса реального училища Пономарев и Дудинцев «ходили в народ» в 1884–1885 гг., но без успеха. В 1886 г. в Бузулуке был арестован Е. Лазарев. А.И. Ливанов с женой В.Ю. Виттен возвратился в Самару после каторги и нескольких лет поселения. Здесь он перебивался случайным заработком, который давало ему земское статистическое бюро (заведовал им И.М. Красноперов). В Самаре в это время существовало несколько кружков, в которых занимались систематическим чтением, что свидетельствовало о настойчивых поисках выхода из тупика. В умах молодежи происходила переоценка идеологических ценностей. Все большую власть над умами самарских конспираторов забирал марксизм. На место неудавшегося героизма одиночек доктрина Маркса ставила историческую закономерность. Молодежь ухватилась за идею «научно доказанной» неизбежности социализма как за панацею от окончательного крушения революционных идеалов.

Между тем общественная жизнь не ограничивалась указанными событиями, которые, впрочем, не имели в губернии большого резонанса. Слухи о смутьянах-студентах подогревались больше покушениями, организованными народовольцами. Самарское общество потрясла мученическая гибель государя императора. Многие самарцы помнили его посещение города 29 августа 1871 г. Александр Освободитель собственноручно заложил камень в стену строившегося кафедрального собора и повелел сыновьям Александру и Владимиру последовать своему примеру.

Кафедральный собор в Самаре. Из фондов ЦГАСО

Оживление общественно-политической атмосферы вызвала национально-освободительная борьба на Балканах в 70-х гг. XIX в. Весной 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, охватившее вскоре провинции Османской империи на Балканах. 14 сентября 1875 года «Самарские губернские ведомости» опубликовали воззвание сербского митрополита Михаила, призвавшего славян оказать помощь своим братьям. Широким потоком шли пожертвования от крестьян, рабочих, мещан, купцов и дворян губернии. Так, 29 декабря 1875 г. Воздвиженское волостное правление Николаевского уезда обратилось к славянофилу И.С. Аксакову, одному из организаторов и фактическому руководителю Московского славянского комитета, с просьбой отправить куда следует деньги (78 руб. 56 коп.), пожертвованные жителями с. Андросовка «в пользу семейств жителей Боснии, Герцеговины и Старой Сербии»[16].

П.В. Алабин. Из фондов ЦГАСО

В июле 1876 г. состоялось заседание городской думы, на котором гласный П.В. Алабин заявил, что «в обществе высказывается сердечная потребность не оставаться равнодушными зрителями происходящей ныне на Балканском полуострове борьбы славян с турками, но оказать воз-

можную помощь страждущим братьям нашим по кресту и по крови доставкой денег и материалов для вспомоществования их больным и раненым»[17]. Постановлением думы от 5 июля 1876 г. в Самаре был создан Комитет для организации сбора средств и помощи южным славянам в составе 25 человек. Председателем был избран П.В. Алабин. Всем гласным думы выдавались подписные листы на сбор пожертвований. В дальнейшем каждое собрание думы начиналось с отчета Комитета о своей работе. В «Губернских ведомостях» публиковались сведения о деятельности комитета, а также имена жертвователей. С этого времени народная помощь балканским славянам усиливается. Самарские крестьяне передали в Комитет в 1877–1878 гг. 45 886 руб., в их числе крестьяне с. Балаково (1 тыс. руб.), сл. Покровской (3 тыс.), 6 волостей Ставропольского уезда (471 руб.), 10 волостей Самарского уезда (657 руб.), 14 волостей Бузулукского уезда (1507 руб.)[18]. Городская дума 17 апреля 1877 г. постановила поднести императрице Марии Александровне 25 тыс. руб. на нужды «Красного Креста»[19].

Своеобразной демонстрацией поддержки правого дела славянских народов в начавшейся войне были проводы воинских частей, отправлявшихся на театр военных действий. 16 мая 1877 г. из Самары уходил 150-й Гурийский пехотный полк. Городская дума ассигновала на его проводы 945 руб. (425 руб. на завтрак офицерам, на чай и хлеб нижним чинам — 15 коп. на человека). Через два года полк, действовавший на Кавказском театре войны, был торжественно встречен самарцами. Были устроены «две триумфальные арки на вокзальной площади и близ Алексеевской площади со стороны Дворянской улицы. Для командира и офицеров был устроен обед, а нижние чины угощались водкой, пивом, булками, пирогами, мясом и папиросами»[20]. При вступлении полка на Алексеевскую площадь епископ Самарский Преосвященный Серафим благословил воинов богато украшенной иконой св. Алексия и вручил ее командиру полка, а городской голова поднес адрес, в котором говорилось: «В вас, героях разгрома турецких сил на высотах Аладжи; в вас, виновниках падения Карса и открытия перед русскими знаменами ворот Эрзерума, самарские граждане приветствуют представителей той великой северной рати, пришествия которой ряд веков чаяли наши славянские братья в надежде своего спасения от тяжкого ига и воскресения к новой, политической жизни»[21].

Весной 1876 г. из Самары в числе первых по России ушел отряд добровольцев из 40 человек во главе с офицером, позднее выехали еще три группы, в основном из отставных солдат.

Яркую страницу в историю русско-болгарского братства вписало Самарское знамя. Вручение знамен русским и болгарским ополченцам имело огромное воодушевляющее значение. Такое знамя направили москвичи русско-болгарской добровольческой бригаде. В период

Апрельского восстания на Балканах в Самаре возникла мысль о создании знамени. Дума решила через свою депутацию приветствовать главнокомандующего Южной армией великого князя Николая Николаевича в связи с переходом турецкой границы и поднести ему по этому случаю икону покровителя Самары св. Алексия, митрополита Московского, а также знамя с соответствующим адресом, выдержанном в патриотических тонах. Большую роль в создании знамени сыграл П.В. Алабин. Рисунки и роспись знамени выполнил художник Н.Е. Симаков. Знамя представляло собой прямоугольное полотнище из шелка: три горизонтальные полосы – красная, белая, синяя, с такими же лентами. Древко с копьем в византийском стиле (автор – художник Рошфор) было изготовлено на фабрике Овчинникова в Москве. На позолоченной скобе и на одной из лент надпись: «Болгарскому народу г. Самара 1876 г.». В центре знамени вышит по черному фону золотыми арабесками прямоугольный крест с изображениями просветителей Кирилла и Мефодия и Иверской Богоматери.

Самарское знамя

В Самаре царило необычайное воодушевление. П.В. Алабин писал о том, «как ликовала Самара, когда в день праздника Преполовения совершилось Преосвященным Герасимом в Соборе освящение и иконы, и знамени, к которому стремились приложиться и стар и мал, – и как торжественно несли это знамя в крестном ходу на реку и обратно в Собор»[22]. Знамя проделало длинный путь через Москву, центральные губернии, Украину и Молдавию и превратилось фактически в дар всех

славянских народов, населявших Россию. Самарский городской голова действительный студент Е.Т. Кожевников и гласный думы П.В. Алабин вручили знамя 18 мая 1877 г. главнокомандующему, а тот – вновь сформированным болгарским дружинам, еще не имевшим знамен. Здесь, в трех километрах от г. Плоешти в Румынии, знамя было прикреплено к древку, а в Самару направлено благодарственное послание: «Событие 6 мая [18 мая по новому стилю] в болгарском лагере в Плоешти останется незабвенным в памяти и истории Болгарии. Болгарский народ благоговеет перед дорогим подарком»[23].

Освящение в Плоешти Самарского знамени

Самарское знамя побывало в жарких боях за Балканский хребет, в драматическом сражении ополченцев с армией Сулеймана-паши за Стара-Загору в июле 1877 г. Под Самарским знаменем ходила в штыковые атаки 3-я ополченская дружина. В схватке с неприятелем за знамя погибли первый знаменосец Марчин и его ассистент ополченец Булаич, унтер-офицер Цимбалюк и болгарский студент Санищев, подполковник Калитин (командир дружины) и ополченец Минков... Переломилось древко, турецкая пуля погнула серебряное копье, но знамя было вынесено с поля боя ополченцами. В декабре 1877 г. они победоносно завершили операцию по окружению крупной турецкой группировки в лагере Шипка-Шейново. В 1880 г. Самарское знамя украсилось высшим боевым орденом Болгарии «За храбрость». «Мы расскажем когда-нибудь, в другом месте, историю этого Знамени (так как оно имеет уже таковую), признаваемого доселе одною из величайших свя-

тынь болгарского народа (если не величайшею!), несмотря на смуты и недоразумения, происшедшие в последнее время в этой, слишком близкой нашему сердцу стране», – записал П.В. Алабин в 1886 г.[24]

С замиранием сердца внимали самарцы вестям с этой войны. Взятие Плевны отозвалось в самарском обществе великим ликованием. На радостях были отправлены верноподданическое поздравление государю императору и 5 тыс. руб. на поддержание семейств и воспитание детей воинов, героически павших на полях сражений.

В 1886 г. Самара торжественно отметила свое трехсотлетие. Тогда же был впервые составлен очерк, охвативший всю историю ее существования[25]. В момент юбилейного торжества благодарный город отслужил молебен в поминовение усопших основателей и защитников Самары, воздал честь своим почетным гражданам, как живым, так и отошедшим в вечность: И.В. Константинову, основателю большой Самарской богадельни, Ю.Ф. Самарину, государственному канцлеру светлейшему князю А.М. Горчакову, статс-секретарю К.К. Гроту, действительному тайному советнику Н.П. Мансурову и тайному советнику Г.С. Аксакову, бывшим самарским губернаторам.

Три века исторического пути остались позади. Впереди были тяжкие испытания революций и мировых войн, утрата вековых традиций и робкая заря их возрождения.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жизнь быстро растущего губернского города пореформенной эпохи невозможно представить себе без многочисленных общественных объединений и организаций, создававшихся по инициативе горожан – обществ, собраний, комитетов, клубов и кружков. Часто общественные организации брали на себя решение важных социальных задач в сферах здравоохранения, образования и просвещения, защиты малоимущих слоев населения.

Под общественными организациями в современной науке понимают добровольные, самоуправляющиеся, надлежащим образом оформленные объединения граждан, действующие на постоянной основе для достижения политических, социально-экономических и культурных целей. Определяющим признаком общественных организаций является негосударственный и некоммерческий характер: они осуществляют свои функции независимо от властных органов (хотя в их рядах могут состоять отдельные государственные служащие) и не преследуют целей извлечения прибыли[26]. Принципы их деятельности – самофинансирование, выборность должностей, принятие совместных решений в ходе общего обсуждения, подконтрольность вышестоящих нижестоящим. Наличие и развитость общественных организаций служат показателем

культуры самоорганизации, способности граждан объединяться ради общих интересов; в пореформенной России они представляли собой островки формирующегося гражданского общества.

До начала XX в. в Российской империи действовала разрешительная практика создания общественных организаций: их уставы подлежали обязательному утверждению в Министерстве внутренних дел. В ходе Первой русской революции вступили в силу «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.: безуставные объединения, не пользовавшиеся правами юридического лица, учреждались «без испрошения на то разрешения правительственной власти», а именно путем подачи заявления на имя губернатора или градоначальника; объединения с правами юридического лица должны были зарегистрировать свой устав в губернском (городском) по делам об обществах присутствии[27].

В истории общественных организаций Самарской губернии данного периода можно выделить два этапа:

1) с 1850-х гг., когда Самара становится губернским городом, до начала 1890-х гг. На этом этапе импульс развитию общественной самодеятельности был дан Великими реформами 1860–1870-х гг., созданием земского и городского самоуправления;

2) с 1890-х гг. по 1913 г., когда общественная жизнь заметно активизировалась под влиянием борьбы с голодом 1891–1892 гг., Первой русской революции, формирования думской монархии.

По целям деятельности общественные организации императорской России можно подразделить на несколько типов: сословные организации; общественные собрания и клубы; общества, действовавшие в сфере городской инфраструктуры; сельскохозяйственные общества; общества, действовавшие в сфере здравоохранения; общества борьбы за здоровый образ жизни; общества в сфере социальной защиты (общества взаимопомощи и благотворительные организации); научно-просветительские и педагогические общества; общества по изучению и популяризации литературы и искусств; и наконец, досуговые объединения[28]. В Самаре были представлены общества всех этих типов; обращение к истории их деятельности позволяет увидеть пеструю панораму провинциальной жизни и проследить, как создавалась культурная среда города.

Сословные организации были представлены губернским дворянским собранием, действовавшим с момента создания Самарской губернии в 1851 г. под председательством уездного, а затем губернского предводителя дворянства[29], и собранием купеческого общества.

К общественным собраниям и клубам, существовавшим в пореформенной Самаре, можно отнести Самарское Благородное собрание, открытое в 1850 г., и Самарское Коммерческое собрание, возникшее в 1872 г.

Самарское Благородное собрание, по оценке П.В. Алабина, представляло собой «старейший в ней [Самаре] клуб, в котором, без различия сословий и званий, состоят сотни человек»; первоначально Благородное собрание находилось «в небольшом помещении», а в 1864 г. было переведено «в лучший тогда дом города, принадлежавший Е.Н. Аннаеву» на Дворянской улице (ныне – ул. Куйбышева)[30]. В Благородном собрании организовывались концерты, литературные вечера, художественные выставки; оно располагало собственной библиотекой. Так, в 1889 и 1892 гг. в помещении Благородного собрания состоялись выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок, где экспонировались полотна В.Е. Маковского, В.Д. Поленова, Н.Н. Ге, И.Н. Крамского, В.И. Сурикова, И.И. Шишкина и других известных художников[31].

Целью Самарского Коммерческого собрания, согласно уставу, было «удовлетворение потребностей лиц торгового сословия во взаимных между собою отношениях», а также благотворительность; в 1873 г. в Коммерческом собрании была открыта библиотека. Однако, по словам П.В. Алабина, «никто не приходил в этот клуб для каких-либо торговых дел... а шли в этот клуб, как и в другие, с единственною целью отдохнуть от дневных трудов и по возможности веселее провесть вечер»[32].

К обществам, действовавшим в сфере городской инфраструктуры, относились Самарская добровольная пожарная дружина и Самарское вольно-пожарное общество[33]. Самарский округ Императорского Российского Общества подания помощи при кораблекрушениях (спасания на водах), созданный в 1876–1877 гг., организовал за счет членских взносов и пожертвований спасательную станцию на р. Волге; в 1911 г. его председателем был избран А. фон Вакано[34].

Сельскохозяйственные общества были представлены Самарским сельскохозяйственным собранием (создано в 1869 г.; по оценке П.В. Алабина, его деятельность сводилась к совместному проведению досуга, игре в карты и на бильярде)[35]; Самарским отделом Российского общества садоводства (образован в 1897 г. по инициативе председателя Самарской губернской земской управы В.Н. Карамзина и специалиста-садовода П.Н. Тишинского в составе 117 человек; трудами его членов был создан помологический сад и питомник близ Николаевского мужского монастыря)[36]; Самарским обществом улучшения крестьянского хозяйства (зарегистрировано в 1907 г. под председательством почетного мирового судьи Н.А. Шишкова); Самарским отделением Петербургского общества «Русское зерно» (создано в 1911 г. с целью содействия молодым людям в получении земледельческих знаний, почетный председатель – губернатор Н.В. Протасьев)[37]. В начале XX в. в Самарской губернии действовали также общества садоводства и огородничества, пчеловодства, Самарское общество поощрения рысистого конезаводства

(до 1911 г.) и его преемник – Средневолжское общество поощрения рысистого коннозаводства[38].

Общественные организации в сфере здравоохранения включали Губернский съезд земских врачей (образован в 1872 г., съезды проходили с периодичностью в один-два года); Самарское отделение Общества попечения о больных и раненых воинах Российского общества Красного Креста (основано в 1868 г.), Общину сестер милосердия Российского общества Красного Креста (с 1892 г.) и Самарский комитет Красного Креста (открыт в 1914 г.); а также Самарский отдел Русского общества охранения народного здравия (создан в 1904 г.)[39].

Комитет Красного Креста. Из фондов ЦГАСО

Наиболее активно работало Общество врачей Самарской губернии, созданное в 1882 г. с целью развития медицинской науки, обмена опытом, изучения местных бытовых и климатических условий, сбора статистического материала для составления медико-топографического описания губернии, содействия губернской администрации в борьбе с эпидемиями и эндемиями (первый председатель – врачебный инспектор Н.В. Иерусалимский). К октябрю 1886 г. в обществе состояло 78 членов. Общество проводило научно-практические конференции, вело просветительскую работу по вопросам медицины, гигиены и профилактики заболеваний, организовывало публичные лекции, издавало популярную литературу. При обществе существовала специализированная медицинская библиотека. В 1886 г. обществом была организована при Губернской земской больнице Пастеровская станция по профи-

лактике и лечению инфекционных заболеваний, прежде всего бешенства (третья в мире подобная станция после парижской и одесской), обслуживавшая жителей не только Самарской губернии, но и других губерний Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии, Северного Китая. С 1887 г. общество организовало при аптеке Позерн ночные дежурства врачей для оказания экстренной помощи жителям Самары, летом 1901 г. открыло в губернии два школьных санатория[40].

В 1910 г. начал свою деятельность Самарский отдел Российского общества покровительства животным; в 1915 г. он открыл амбулаторию для лечения животных[41].

В Самарской губернии на рубеже веков действовал ряд обществ борьбы за здоровый образ жизни. В 1886 г. при деятельном участии доктора В.О. Португалова было создано Самарское общество трезвости. Общество организовывало народные чтения о вреде пьянства, издавало популярные брошюры; им были открыты бесплатная народная читальня и дешевые чайные-столовые на набережной р. Волги. Доктор Португалов впервые в мировой практике осуществлял амбулаторное лечение алкоголизма; на дверях его квартиры висела табличка: «Врач Португалов В.О. Внутренние и детские болезни. Прием от пьянства во всякое время»[42].

На рубеже веков активно работало также Губернское попечительство о народной трезвости, на средства которого открывались дешевые народные чайные и чайные-читальни в селах губернии; комитеты губернского попечительства действовали в Самаре, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске и Ставрополе. Лучшим способом борьбы с пьянством считали организацию культурного досуга самарцев; подчинявшийся губернскому попечительству Самарский городской попечительский комитет о народной трезвости в 1898 г. организовал «общедоступный народный театр» в помещении бывшей гостиницы «Москва» (угол Новособорной и Москательной улиц, ныне – улиц Молодогвардейской и Льва Толстого). В 1899 г. городская дума выделила губернскому попечительству участок земли на углу улиц Николаевской и Предтеченской (ныне – угол улиц Чапаевской и Некрасовской) под строительство Пушкинского «Народного дома», а в 1902 г. владелец Жигулевского пивоваренного завода Альфред фон Вакано передал принадлежавший ему сад Самарскому городскому попечительскому комитету для устройства в нем «разумных развлечений для юношества» (ныне – Пушкинский сквер возле здания Самарского драматического театра)[43].

Функцию социальной защиты населения выполняли общества взаимопомощи, взаимного страхования и взаимного кредита, потребительские общества, а также разнообразные благотворительные организации. Общества всех этих типов были представлены в губернии достаточно широко. К их числу относились Самарское общество по-

требителей (создано в 1868 г. под председательством А.И. Хардина; просуществовало менее года и самоликвидировалось, возвратив своим членам внесенные паи); Самарское общество взаимного кредита (с 1873–1874 гг. принимало вклады от населения и учреждений и выдавало ссуды под проценты); Самарское городское общество взаимного от огня страхования (открыто в 1890 г., председатель – П.В. Алабин, вице-председатель – городской архитектор А.А. Щербачев); Самарское потребительное общество (создано в 1898 г., председатель правления – Н.М. Федоров)[44]; общество «Самопомощь»[45].

Часто общества взаимопомощи создавались по профессиональному признаку. К таковым относилась Эмеритальная касса духовенства Самарской епархии, созданная впервые в России в 1867 г. по инициативе преосв. Герасима. Касса выплачивала пенсии и пособия священно- и церковнослужителям за счет ежегодных взносов от вкладчиков кассы, пожертвований церкви, духовенства и частных лиц; на 1877 год среди вкладчиков кассы был 501 человек. В 1903 г. была создана также касса взаимопомощи духовенству, которая выплачивала только единовременные пособия[46]. Самарская вспомогательная медицинская касса – отделение Главной медицинской кассы, находившейся в Санкт-Петербурге, – была открыта в 1868 г. с целью помощи осиротевшим семействам врачей и врачам, лишившимся возможности самостоятельно добывать средства к существованию[47]. В 1901 г. было учреждено также Самарское общество взаимопомощи помощников врачей, оказывавшее финансовую поддержку своим членам за счет членских взносов и пожертвований; в 1915 г. общество открыло бесплатную столовую для нуждающихся учащихся фельдшерской школы[48]. В 1883 г. было создано Общество взаимного вспоможения приказчиков; его деятельность заключалась в выдаче ссуд и единовременных пособий, поиске рабочих мест, оплате обучения детей и пребывания в богадельнях престарелых и немощных членов общества, закупке медикаментов, организации народных чтений и других просветительских мероприятий[49]. С 1895 г. действовало Общество взаимного вспоможения книгопечатников, которое имело свою библиотеку, организовывало литературные и литературно-музыкальные вечера, детские утренники, рождественские елки и т. д.[50] Подобные общества взаимного вспоможения объединяли людей самых разных профессий.

Благотворительные организации в Самаре были многочисленными и разнообразными по характеру деятельности и социальной направленности работы. В их числе следует отметить Общество попечения о бедных, открытое в 1873 г. под председательством Л.А. Реутовской[51], которое на доходы от членских взносов, благотворительных спектаклей, лотерей, концертов и литературных вечеров предоставляло единовременные и постоянные пособия нуждающимся, оказывало помощь одеждой, продуктами питания, жильем, трудоустройством, помещало сирот

и детей бедных родителей в приюты и учебные заведения, предоставляло ссуды, оказывало бесплатную медицинскую помощь. По словам П.В. Алабина, «в 1876 году, в конце Сербской войны, Общество это, взявшись за выполнение специальной задачи, как бы ожило и проявило деятельность весьма почтенную»[52]: был организован сбор средств для раздачи семьям низших воинских чинов. Неизрасходованные средства были направлены на создание Мариинского приюта детей воинов (для девочек-сирот), открытого в 1876 г.; к 1899 г. в приюте находилось 45 воспитанниц. В 1880-е годы Общество открыло дешевую столовую на 50 человек; во время голода 1891 г. – еще одну временную дешевую столовую, а также два временных ночлежных приюта для мальчиков и девочек из пострадавших уездов; во время эпидемии холеры в 1892 г. общество учредило еще 2 приюта, содержавшиеся за счет частных пожертвований А.Н. Шихобалова, кн. Долгорукова и др. В 1890–1910-е гг. общество открыло в Самаре первую в городе народную чайную на Набережной улице, чайную-столовую на берегу р. Волги, столовые на ул. Николаевской и на набережной Волги, ремесленное приют-училище для детей-сирот (впоследствии передано Ведомству императрицы Марии) и общежитие при Самарской женской гимназии. Кроме того, Общество попечения о бедных осуществляло строительство дешевых квартир для малообеспеченных[53].

Масштабную благотворительную деятельность вело Общество Дома трудолюбия в Самаре, открытое в 1894 г.; учредительный комитет общества существовал с 1888 г. под председательством епископа Самарского и Ставропольского Серафима и губернатора А.Д. Свербеева. Целью общества было временное обеспечение работой нуждающихся, чтобы они могли «просуществовать, не обращаясь к нищенству», пока не найдут постоянную работу. Здание для Дома трудолюбия пожертвовал А.Н. Шихобалов, сенокосную землю – И.Л. Санин. В Дом трудолюбия принимались как мужчины, так и женщины и дети; документы, удостоверяющие личность, не требовались. Работы велись в мастерских, по частным заказам (погрузка и разгрузка мебели и т. п.); практиковались общеполезные работы (срытие ухабов, очистка улиц от снега и мусора, колка льда). Мужчины были заняты на изготовлении укладочных ящиков, щитов для защиты железнодорожного полотна от заносов, решеток для ограждения деревьев на улицах, плетении изделий из лыка. Женщины занимались шитьем рубах и портов, тканьем холстов, прядением; дети щипали мочало для упаковки мебели и бань. Поденная плата составляла 15 коп. (стоимость еды в дешевой столовой или чайной и ночлега). Наказания за невыполнение работ не практиковались; в качестве поощрения работника могли перевести на более квалифицированную и более высокооплачиваемую работу или рекомендовать на постоянное место работы. С 1894 по 1910 г. бюро по трудоустройству Дома трудолюбия помогло найти работу около 21 тыс. чел.

Капитал общества формировался за счет членских взносов, благотворительных спектаклей, процентов от бессрочного вклада, добровольных пожертвований, кружечного сбора, продажи собственных изделий. В голодные годы (1898, 1902) Дом трудолюбия занимался раздачей бесплатных обедов. При Доме трудолюбия существовали ночлежный дом, начальная школа для детей, библиотека; работал постоянный врач[54].

Благотворительную деятельность осуществляли Губернский благотворительный комитет, образованный в 1891 г. в результате слияния губернского попечительного общества Красного Креста и епархиального комитета; Комиссия для заведования колонией имени Петра Великого для содействия в получении бесплатного лечения малоимущими на Сергиевских водах, созданная в 1904 г. (в числе ее членов была В.А. Курлина) и др.[55]

Деятельность некоторых благотворительных обществ носила адресный социальный характер; в числе их – Самарское епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания, созданное в 1852 г. Епархиальное попечительство выделяло священнослужителям пенсии и единовременные пособия, жертвовало на строительство новых и содержание старых церквей, отчисляло средства на содержание духовной консистории, семинарии, духовных училищ губернии; содержало в основном на свои средства епархиальную богадельню имени Александра III и детский приют[56]. Учрежденное в 1895 г. Самарское общество вспомоществования учащим и учившим осуществляло выдачу учителям беспроцентных ссуд и безвозвратных пособий, вело поиск вакантных рабочих мест, организовало бесплатное медицинское обслуживание и другие формы социальной поддержки учителей[57].

В 1904 г. было создано Общество защиты несчастных женщин города Самары, ставившее целью «охранять женщин и девушек от крайней нужды и других несчастных обстоятельств, нередко влекущих за собой падение нравов») и др.[58]

Действовали также Губернский попечительный комитет о тюрьмах (создан в 1852 г. с целью нравственного исправления заключенных и надзора за условиями их содержания) и Попечительное о тюрьмах общество (комитеты образованы в Самаре, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске и Ставрополе в 1895 г.)[59].

Немало благотворительных организаций создавалось с целью помощи малоимущим учащимся. Так, в 1873 г. по инициативе доктора В.О. Португалова совместно с юристами К.К. Позерном и др. общественными деятелями было создано Самарское общество поощрения высшего образования (иногда упоминается как Самарское общество поощрения образования). Общество выплачивало единовременные и постоянные пособия учащимся, оплачивало обучение отдельным воспитанникам местной гимназии, духовной семинарии, самарским уроженцам – студентам Казанского, Московского и Петербургского уни-

верситетов, Казанского ветеринарного института, медико-хирургической академии. Важную роль в формировании денежных средств общества играли частные пожертвования местных благотворителей: М.З. Курлиной (выделившей 13 000 руб. на создание трех стипендий имени ее покойного сына Д.Г. Курлина), А. фон Вакано, П.В. Алабина и др., а также взносы от общественных организаций – Самарского губернского земского собрания, Самарского общества взаимного вспоможения, общества врачей Самарской губернии, Самарского Благородного собрания[60]. В тот период, когда в самой Самарской губернии еще не было высших учебных заведений, это общество выполняло важную социальную миссию подготовки специалистов и формирования молодой самарской интеллигенции. В 1897 г. было создано также Общество вспомоществования нуждающимся учащимся с целью помочь неимущим учащимся получить среднее образование, а также продолжить образование после окончания гимназии или училища[61].

Благотворительные организации создавались и в годы войн. Так, Самарской городской думой 5 июля 1876 г. был образован Комитет для оказания помощи славянским народам, борющимся за свою независимость в войне против Турции; в комитет вошли видные самарские деятели – П.В. Алабин, Е.Н. Аннаев и другие[62]. Целью комитета было «оказать возможную помощь страждущим братьям нашим по кресту и крови доставкою денег и материалов для вспомоществования их больным и раненым»; городская дума организовала сбор «приношений деньгами и материалами в пользу страдающих славян»[63]. В 1906 г. был создан Губернский комитет по выдаче пособий детям военных, погибших в войне с Японией[64].

В голодные годы в губернии создавались комитеты помощи голодающим; в качестве инициаторов их создания выступали губернская администрация, органы местного самоуправления, общественные организации и частные лица. Так, в ноябре 1873 г., во время голода в Среднем Поволжье 1872–1873 гг., был учрежден Комитет для оказания помощи голодающим при Самарской городской думе; его членами были управляющий Самарской палатой государственных имуществ П.В. Алабин, купцы Д.В. Кирилов, И.В. Константинов и др. Комитет практиковал открытие бесплатных столовых, закупки зерна и выпечку хлеба для раздачи голодающим; в Самаре был открыт ночлежный приют и организована бесплатная раздача обедов; введена общественная повинность на перевозки хлеба от волжских пристаней в села губернии[65]. Источником средств были добровольные пожертвования, поступавшие как от горожан, так и со всей России – благодаря публикации «Письма к издателям “Московских ведомостей”» Л.Н. Толстого, привлекшего внимание к голоду в Самарской губернии. Лев Толстой, владевший хутором Таналык в Бузулукском уезде и часто приезжавший летом в Самарскую губернию «на кумыс», своими глазами видел нужду

местного крестьянства; в своем письме он подробно описал бедственное положение деревни и в подтверждение своих слов привел материалы лично проведенного им обследования крестьянских дворов[66]. Письмо великого писателя было перепечатано в столичной, провинциальной и эмигрантской прессе и возымело действие – в пользу голодающих по подписке было собрано 1 867 000 рублей и 21 000 пудов хлеба[67].

Во время голода 1879–1880 гг. был создан Особый исполнительный комитет при Самарской городской думе; в него входили купцы И.В. Константинов, П.С. Субботин и др. Методами борьбы с голодом стали закупки городом зерна и выпечка хлеба для продажи по себестоимости, организация бесплатных столовых; так, в Самаре были открыты три бесплатные столовые, работавшие до июня 1881 г.

Для борьбы с голодом 1891–1892 гг. был учрежден Самарский губернский продовольственный комитет; в него вошли представители губернской администрации и земства, в том числе председатель Самарской губернской земской управы П.В. Алабин. Комитет организовал закупку зерна для голодающих на средства, выделенные правительством и поступавшие в качестве пожертвований или беспроцентных ссуд[68]. В борьбу с голодом включились также губернский Благотворительный комитет, Самарский епархиальный комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших от неурожая, частный кружок по оказанию помощи детям крестьян Самарской губернии под председательством врача П.П. Крылова, частные благотворители – в том числе Л.Л. Толстой (сын Л.Н. Толстого) [69].

Во время голода 1898 г. в Самаре был образован частный кружок «для оказания помощи пострадавшим от неурожая», куда входили секретарь Самарской губернской земской управы, этнограф А.С. Пругавин, член земской управы Н.А. Шишков, врач П.П. Крылов и др. Кружок «организовал широкую сеть детских и школьных столовых, открыл столовые для цинготных больных, ясли для детей, раздавал добавочные пайки хлебом и др. продуктами, снабжал нуждающихся топливом и платьем»[70]. По просьбе А.С. Пругавина сбор пожертвований для голодающих крестьян Самарской губернии организовали А.П. Чехов и Л.Н. Толстой; оба они выступили в печати с призывом помочь бедствующим крестьянам (Л.Н. Толстой – в «Русских ведомостях», А.П. Чехов – в «Крымском курьере»), а затем пересылали в Самару поступавшие на их имя пожертвования: так, Л.Н. Толстой передал в Самару свыше 5 тыс. рублей[71].

Помощь голодающим вновь понадобилась в 1906 г., когда в Самарской губернии из-за жары и засухи практически полностью погиб урожай трех основных сельскохозяйственных культур – ржи, пшеницы и овса. По оценкам губернской земской управы, «неурожай 1906 г. оказался в 2–2,5 раза сильнее неурожая 1891 года»[72]. Первой на помощь голодающим Самарской губернии пришла Общеземская организация

по оказанию помощи голодающему населению в продовольственную кампанию 1906/7 года, действовавшая во всероссийском масштабе; ее уполномоченным по Самарской губернии на общеземском съезде был избран губернский гласный Н.А. Шишков. Самарский губернский комитет Общеземской организации создал во всех семи уездах губернии 457 столовых, где голодавшим за год было отпущено более 9 миллионов обедов. Кроме того, производилась раздача продуктовых пайков (1 пуд муки, 10 ф. пшена на едока в месяц), в исключительных случаях безлошадным крестьянам выдавались безвозвратные ссуды на покупку лошади и коровы, оказывалась денежная помощь погорельцам[73].

«Широкую продовольственную и медицинскую помощь» голодающим обеспечило Самарское отделение Российского общества Красного Креста (уполномоченный по Самарской губернии – С.В. Александровский)[74]: им было открыто 4,5 тыс. столовых, в среднем за месяц обеды и пайки получали более трех миллионов людей, а общее число выданных обедов и пайков достигло 42 миллионов[75].

По инициативе земского врача М.М. Грана был образован Самарский комитет общественной помощи голодающим в связи с неурожаем 1906 года; членами комитета были А.С. Пругавин, Н.А. Хардина, А.Н. Хардин, П.П. Крылов, А.Н. Наумов (в будущем – губернский предводитель дворянства, в 1915–1916 гг. – министр земледелия). Комитету удалось организовать для помощи голодающим общественные силы всей России: он действовал в Самаре как представительство Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (Пироговского общества), Московского сельскохозяйственного и Петербургского вольно-экономического обществ. Комитет создал для голодающих столовые и общественные кухни в 86 селениях губернии (всего в столовых комитета было отпущено почти 3 миллиона порций); в 44 селениях были также созданы ясли-приюты и молочно-питательные кухни, которые за время голода дали питание, приют и попечение более чем 7 тысячам детей. Всего помощью комитета воспользовалось 31 тыс. человек. Комитет оказывал медицинскую помощь голодающим, в исключительных случаях приходил на помощь погорельцам, выдавал пособия на покупку лошади, распределял продукты и предметы первой необходимости[76]. Средства для борьбы с голодом поступали за счет пожертвований от общественных организаций и частных лиц; Н.А. Шишков организовал сбор средств в пользу голодающих Самарской губернии даже в Англии и США[77]. В борьбе с голодом в конце XIX – начале XX в. участвовали также Общество попечения о бедных, Губернский съезд земских врачей, Общество Дома трудолюбия в Самаре и другие общественные организации.

Основную тяжесть борьбы с голодом несли на своих плечах сельские попечительства общественных организаций, уполномоченные на местах, заведующие столовыми и яслями. Эту «армию добровольцев –

борцов с русским голодом», согласно отчетам общественных организаций, составляли врачи, фельдшеры, священники, учителя и учительницы, студенты, землевладельцы (помещики и хуторяне) и крестьяне; большинство из них работали на общественных началах, не получая платы[78]. Как отмечали земские деятели, «местной сельской интеллигенции, культурному слою деревни обязаны голодающие, что они спасены были от голодной смерти и избавлены от ужасных болезней – цинги и голодного тифа»[79]. Чрезвычайные ситуации оказались для общественных организаций проверкой на прочность, а для жителей губернии – школой гражданского взаимодействия.

Культурный облик Самары был бы неполон без педагогических и научно-просветительских организаций. Так, в 1902 г. начал работу Семейно-педагогический кружок в г. Самаре; его активными участницами были начальница частной гимназии Н.А. Хардина и писательница А.А. Бостром, мать А.Н. Толстого. Члены кружка организовывали чтения докладов по теории воспитания, уроки по преподаванию искусств и ремесел, детские праздники и утренники, открыли площадку для детских игр в Пушкинском сквере[80]. С 1914 г. вело просветительскую работу Самарское общество разумных развлечений; мероприятия общества проходили в Аржановском саду близ Трубочного завода (впоследствии – завода им. Масленникова), где была открыта бесплатная библиотека-читальня, велись занятия с детьми, проходили выступления хора, оркестра, драматического кружка под руководством З.М. Славяновой – впоследствии главного режиссера городского театра[81].

Общества по изучению и популяризации литературы и искусств были представлены Самарским отделением Императорского Русского музыкального общества (в 1904 г. в Самаре силами общества были открыты музыкальные классы, в 1911 г. – музыкальное училище); Самарским отделением Санкт-Петербургского литературного общества; Самарским отделом Императорского Русского театрального общества (создан при драматической труппе городского театра в 1913 г.); Самарским обществом любителей наук и искусств; Самарским обществом искусств и литературы; Кружком любителей драматического искусства; Обществом любителей изящных искусств (основано гласным городской думы, адвокатом К.К. Позерном, который сам часто выступал как чтец-декламатор); музыкальным кружком «Садко» (создан в 1908 г. с целью взаимопомощи музыкантов и педагогов и распространения музыкальных знаний среди населения)[82].

Глубокий след в культурной истории города оставила деятельность Самарского любительского кружка [художников], который экспонировал произведения самарских художников, произведения живописи и графики из частных собраний, а также работы учеников рисовальной школы Ф.Е. Бурова. Первая выставка картин самарских художников была открыта 24 апреля 1891 г. в залах Благородного собрания; ее орга-

низаторами были ученик И.К. Айвазовского Н.П. Осипов и художник-любитель К.П. Головкин. Впоследствии выставки работ самарских художников вплоть до 1916 г. проходили ежегодно (за исключением 1894, 1906 и 1913 гг.) в разных помещениях; чаще всего – в залах городского музея[83].

Жители Самары активно приобщались и к новому виду искусства – фотографии. На рубеже веков возникло Самарское фотографическое общество, открывшее свою первую выставку 12 апреля 1900 г.; на выставке были представлены работы 60 авторов, «от самых маленьких до громадных размеров». Общество организовывало выставки и «проекционные вечера», вело курсы фотографии для начинающих[84].

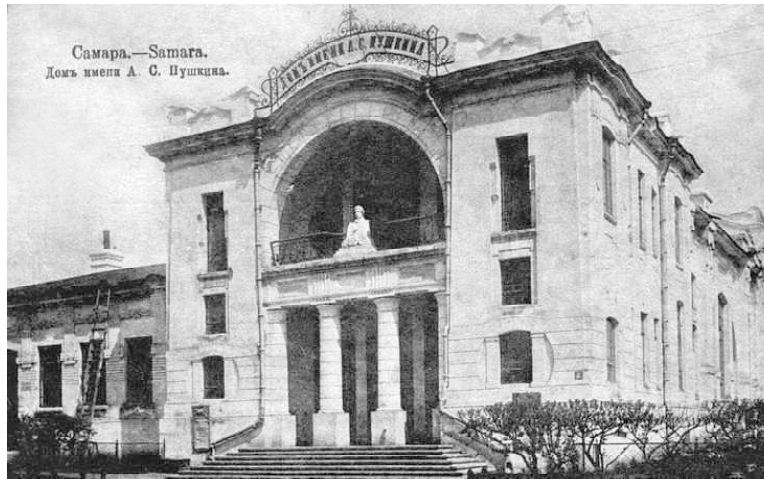
В начале XX века самарская творческая интеллигенция выступила с инициативой создания Дома наук и искусств, где предполагалось разместить публичную библиотеку, читальный зал, городской краеведческий музей, художественную галерею, научно-промышленный музей, зал для выставок, собраний и концертов, аудитории для разнообразных культурных занятий. Учредителями Общества по сооружению и поддержке Дома наук и искусств стали меценат и художник К.П. Головкин, художники В.А. Михайлов, В.В. Гундобин, преподаватели П.А. и И.А. Преображенские и др. Целями общества были изыскание средств, разработка плана, строительство и содержание здания. К сожалению, инициатива не получила поддержки городских властей, и масштабный проект остался нереализованным[85].

Одним из самых ярких начинаний самарской интеллигенции в деле народного образования было создание Самарского общества народных университетов. Народные университеты создавались по инициативе научной общественности, чтобы сделать образование доступным для широких слоев населения, которым было не по средствам обучение в существующих высших учебных заведениях. В России движение за создание народных университетов приобрело широкий размах в период Первой русской революции: так, Всероссийское общество народных университетов, учрежденное в 1905 г., уже в 1909 г. насчитывало 30 филиалов в разных городах России[86].

В начале XX века Самара остро ощущала необходимость создания высших учебных заведений. В Поволжье университетское образование можно было тогда получить только в Казани; Саратовский университет открылся лишь в декабре 1909 г. В этих условиях самарская интеллигенция пришла к мысли о необходимости открытия народного университета для повышения образовательного и культурного уровня взрослого населения губернии.

Самарское общество народных университетов было образовано в 1908 г. Его председателем был избран почетный мировой судья, председатель Самарского общества улучшения крестьянского хозяйства, публицист Н.А. Шишков, членами совета общества стали директор

коммерческого училища, сотрудник отдела искусств словаря Брокгауза и Ефрона П.А. Конский, преподаватель истории П.А. Преображенский, сотрудник газеты «Самарский вестник» А.К. Клафтон, агроном, казначей и секретарь губернского сельскохозяйственного общества А.В. Тейтель, чиновник Казенной палаты И.Е. Овсянкин, врачи С.М. Рассказов, Е.Л. Кавецкий и другие. В становлении общества важную роль сыграли издатель газеты «Волжский край» С.А. Елачич, М.И. Жуковская, Н.А. Хардина и другие[87]. Деятельность общества носила ярко выраженную социальную направленность: адресатами его мероприятий были демократические слои города – рабочие, ремесленники, мещане, мелкие служащие, учащиеся начальных и средних учебных заведений и дети малоимущих слоев населения. Источниками поступления средств была плата слушателей за посещение лекций, курсов и других мероприятий общества, частная благотворительность, взносы членов общества. У общества не было собственного помещения; местом проведения лекций и занятий секций служили Коммерческое училище, городской театр, цирк-театр «Олимп», городской музей. С зимы 1908/1909 г. лекции проводились в Пушкинском Народном доме.

Пушкинский народный дом. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Книга III. Самара, 2014

Основной формой работы Самарского общества народных университетов было проведение лекций, которые читались как местными лекторами (например, П.А. Конским, П.А. Преображенским), так и приглашенными из других городов – например, профессорами Санкт-Петербургской педагогической академии. Лекции читались по широ-

кой естественно-исторической и гуманитарной тематике, в частности по медицине, физике, биологии, астрономии, географии, праву, политэкономии, истории искусств, истории русской литературы. Всего за первый год существования народного университета было прочитано 106 лекций, за второй год – 150 лекций; лекции проводились не только в Самаре, но и в селах Сорочинское, Борское, Тимашево, Кинель-Черкассы, Алексеевка. При обществе были открыты вечерние общеобразовательные курсы, дававшие знания в объеме школьной программы, организована техническая и общеобразовательная подготовка рабочих различных специальностей. В 1909 г. были созданы педагогические курсы; к 1910 г. число их постоянных слушателей составило 644 человек.

Музыкальная секция общества народных университетов проводила благотворительные концерты, лекции о творчестве русских композиторов; при секции действовали курсы по обучению сольному пению, игре на скрипке и фортепиано. При содействии членов общества в апреле 1915 г. в Самаре открылась Народная консерватория.

Общество издавало периодический орган – журнал «Известия Самарского общества народных университетов» (1910–1916); его редактором был Н.А. Шишков, а после его смерти – П.А. Преображенский. Журнал знакомил читателей с отчетами о деятельности общества, публиковал статьи о просветительной деятельности в России и за рубежом, библиографические обзоры и рекомендации книг для чтения[88].

В 1909 г. была открыта Публичная библиотека общества народных университетов, фонд которой на день открытия составлял 4500 томов, а в 1913 г. – более 9000 томов художественной литературы, изданий по гуманитарным и естественным наукам; к 1912 г. в нее было записано 1800 читателей, примерно половину из них составляли учащиеся[89].

Силами Самарского общества народных университетов были открыты четыре общедоступных детских сада, предназначенные для детей малоимущих слоев населения – извозчиков, железнодорожных служащих и чернорабочих. Занятия проходили в группах по 30–40 человек в возрасте с 4 до 14 лет и включали чтение и познавательные беседы, развивающие игры, обучение лепке, рисованию, рукоделию и ремеслу, хоровое пение, поездки на природу и разнообразные экскурсии[90].

Можно заключить, что деятельность Самарского общества народных университетов была ориентирована на представителей разных возрастных и социальных групп: и на людей со сформировавшимися культурными запросами, и на тех, кому еще только предстояло приобщиться к культуре и просвещению. Высокая активность слушателей лекций и курсов показывает, что демократические слои провинциального города действительно стремились к знаниям, к повышению своего культурного уровня; общество народных университетов в своей деятельности отвечало потребностям времени. Однако задача развития высшего образования в Самаре по-прежнему оставалась нерешенной.

В 1909 г. в Самаре было создано Общество содействия открытию высшего учебного заведения по инициативе секретаря губернской земской управы и члена Самарского общества народных университетов А.К. Клафтона и других представителей самарской интеллигенции. Общество ставило целью ускорить открытие в Самаре высшего учебного заведения, для чего собирало материальные средства, обращалось за содействием в правительственные, земские, городские учреждения, к частным обществам и отдельным лицам; распространяло мысль о необходимости в Самаре высшего учебного заведения путем чтения лекций и докладов, издания соответствующих брошюр; составляло проекты высшего учебного заведения, наиболее отвечающего условиям Самарского края. Результатом деятельности общества стало открытие в Самаре в октябре 1917 г. педагогического института, преобразованного в 1918 г. в Самарский университет[91].

И конечно, панораму жизни губернского города дополняли разнообразные досуговые объединения, часто носившие элитарный характер. К ним относились Самарское общество любителей (охотников) конского бега (учреждено в 1890 г., президентом являлся самарский губернатор, активные члены – И.Г. Курлин, А.Н. Наумов, Л.С. Аржавин, Шихобаловы и др.; проводились бега на общественном ипподроме); Самарское скаковое общество (учреждено в 1896 г.); Самарское спортивное общество велосипедистов-любителей (существовало в 1894–1902 гг., среди активных членов был К.П. Головкин, проводились гонки на велодроме на Дворянской улице); Самарское общество охоты (с 1898 г., одним из учредителей был губернатор А.С. Брянчанинов); Самарский речной яхт-клуб (с 1908 г., при клубе имелись гимнастическое отделение и отдел воздухоплавания)[92].

Добровольные общественные организации служили школой самоуправления и самоорганизации, основой формирования гражданского общества. Решая насущные задачи городской и губернской жизни, общественные организации предоставляли людям возможности для общения на почве совместной деятельности; благодаря им создавалась городская среда, возникали сети коммуникации, формировалась общественная атмосфера, благоприятная для проявления коллективной инициативы.

Примечания

[1] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 663. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–19; Статистика землевладения 1905 года. Вып. 28. С. 12–13, 23–46.

[2] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1302. Оп. 11. Д. 29. Л. 10–17.

[3] Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. Казань, 1973.

[4] Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: сб. документов / под ред. Л.М. Иванова. М., 1964. С. 368.

[5] Там же. С. 367.

[6] Там же. С. 400.

[7] Там же. С. 401.

[8] См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. С. 258–260.

[9] См.: Вульфсон Е.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 140.

[10] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. I. 1870–1875 гг. / под ред. Б.С. Итенберга. М., 1964. С. 148.

[11] Государственные преступления в России в XIX веке. Вторая половина 1877 г. Париж, 1905. Т. 3. С. 83; Революционное народничество. С. 302.

[12] Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919. С. 64.

[13] Государственные преступления в России... С. 246.

[14] Революционное народничество... С. 292.

[15] В борьбе за народное дело / Биобиблиографический справочник. Кн. I. Куйбышев, 1982, С. 49–50.

[16] Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: в 3 т. М., 1961. Т. I. С. 168.

[17] Там же. С. 280.

[18] Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени // Краеведческие записки. Вып. 5. Куйбышев, 1979. С. 46.

[19] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. Самара, 1992. С. 179.

[20] Самарские губернские ведомости. 1879. 9 сентября.

[21] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 183.

[22] Там же. С. 181.

[23] Яковлев Н.Н. По дорогам Самарского знамени. С. 52.

[24] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 181.

[25] Алабин П.В. Трехвековая годовщина Самары. Самара, 1887.

[26] Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. С. 5; Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 23.

[27] Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205 (дата обращения: 07.08.2020).

[28] См.: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века.

[29] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 553–555.

[30] Там же. С. 693–694.

[31] Басс А.Я., Струков О.В. Благородное собрание // Самарская Лука. 2011. № 18. URL: http://www.samluka.ru/1811/painting.html (дата обращения: 06.08.2020).

[32] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 694–695; Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1: 1851–1920. Самара, 2000. С. 69.

[33] Годы и события... Т. 1. С. 150, 171.

[34] Годы и события... Т. 1. С. 75, 178; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 158.

[35] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 694.

[36] Самарская губерния день за днем... (1896–1900 годы). Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2006. С. 31, 32, 35, 41, 63, 184.

[37] Годы и события... Т. 1. С. 178–179.

[38] Там же. С. 168, 181, 184.

[39] Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 – нач. 1918 гг.): учебное пособие. Самара, 2001. С. 45, 51; Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг.: соц. структура и деятельность (на материалах Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук.. 07.00.02. Самара, 2007. С. 162–163; Годы и события... Т. 1. С. 68, 71, 74, 76, 149, 184, 199.

[40] Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары. С. 173–174; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 155–156; Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг. С. 121; Годы и события... Т. 1. С. 90, 102, 138.

[41] Годы и события... Т. 1. С. 175, 203.

[42] Шерешевский Г.М. Очерки истории противоалкогольного движения в дореволюционной Самаре // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Куйбышев, 1990. С. 66–84; Кабытов П.С., Стегунин С.И., Кузьмин В.Ю. Земский врач Вениамин Осипович Португалов (1835–1896 гг.). Самара, 2006.

[43] Годы и события... Т. 1. С. 123; Самарская губерния день за днем... С. 20–21, 74, 125, 128.

[44] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 687; Годы и события... Т. 1. С. 57, 67, 70, 107; Самарская губерния день за днем... С. 72, 88, 101, 104.

[45] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под науч. ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2007. С. 243.

[46] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 159–162; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 110–112.

[47] Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары. С. 174–175.

[48] Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг. С. 163; Годы и события... Т. 1. С. 138.

[49] Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары. С. 175; Годы и события... Т. 1. С. 166–167; Самарская губерния день за днем... С. 32, 156; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 156–157.

[50] Годы и события... Т. 1. С. 135; Мечик И.А. Для детей Самары // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Ч. 1 / сост. А.Н. Завальный. Самара, 1991. С. 80–89; Самарская губерния день за днем... С. 67, 169–170.

[51] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 672–673.

[52] Его же. Трехвековая годовщина г. Самары. С. 169–171.

[53] Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 138–144; Годы и события... Т. 1. С. 69,117, 178; Самарская губерния день за днем... С. 33, 35, 39, 124, 136, 155, 163.

[54] Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 144–148; Самарская губерния день за днем... С. 154.

[55] Годы и события... Т. 1. С. 115, 149.

[56] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 158–159; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 106–109; Годы и события... Т. 1. С. 21.

[57] Обоймова Е.Д. Из истории общественных организаций Самары конца XIX – начала XX века // Самарский краевед. Ч. 1. Самара, 1991. С. 61–64.

[58] Годы и события... Т. 1. С. 148.

[59] Там же. С. 21, 123.

[60] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 292–297; Его же. Трехвековая годовщина г. Самары. С. 85; Казанцева С.Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX в. С. 123–127; Годы и события... Т. 1. С. 67, 145.

[61] Обоймова Е.Д. Из истории общественных организаций Самары конца XIX – начала XX века. С. 61–64.

[62] Самара – Куйбышев: Хроника событий. 1586–1986 гг. / под ред. Я.Г. Пылявского. Куйбышев, 1985. С. 60; Годы и события... Т. 1. С. 75.

[63] Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг.: сб. документов и материалов / сост.: Ю.П. Аншаков, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова, А.Н. Сквозников. Самара, 2009. С. 37.

[64] Годы и события... Т. 1. С. 160.

[65] Самара – Куйбышев: Хроника событий. С. 58.

[66] Толстой Л.Н. Письмо к издателям (о самарском голоде) (1873 г.) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Сер. 1: Произведения. Т. 17. М., 1936. С. 61–70, прим. с. 589–592.

[67] Лев Толстой [Государственный музей Л.Н. Толстого] [Электронный ресурс]. URL: http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/693 (дата обращения: 04.08.2020).

[68] Годы и события... Т. 1. С. 116.

[69] Самарская губерния: день за днем... 1891–1895 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004. С. 29–39.

[70] Самарская губерния: день за днем... С. 98–99.

[71] Там же. С. 102–104, 115, 120–124.

[72] Общественная помощь голодающим. Отчет Самарского Комитета Общественной Помощи Голодающим, местного отдела Пироговского, Московского сельскохозяйственного и Петербургского Вольно-Экономического Общества за время деятельности в 1906–1907 г. Текстовую часть по поручению Комитета составил М.М. Гран. Самара, 1908. С. 25.

[73] Отчет Самарского губернского комитета Общеземской организации по оказанию помощи голодающему населению Самарской губернии в продовольственную компанию 1906/7 года (С 15 июля 1906 г. по 15 июля 1907 г.). Самара, 1907. С. 4–6, 10.

[74] Самарская губерния: день за днем... С. 111.

[75] Общественная помощь голодающим... С. 51.

[76] Там же. С. 87; Годы и события... Т. 1. С. 163–164, 166.

[77] Общественная помощь голодающим... С. 84.

[78] Отчет Самарского губернского комитета Общеземской организации по оказанию помощи голодающему населению... С. 5; Общественная помощь голодающим... С. 77–78.

[79] Отчет Самарского губернского комитета Общеземской организации по оказанию помощи голодающему населению... С. 11.

[80] Обоймова Е.Д. Из истории общественных организаций Самары конца XIX – начала XX века. С. 61–64.

[81] Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг. С. 150–151; Мечик И.А. Для детей Самары. С. 80–89.

[82] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. С. 286; Годы и события... Т. 1. С. 36, 72, 101, 116, 150, 165–166, 180, 193, 196; Самарская губерния день за днем... С. 68, 160; Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг. С. 136–137.

[83] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С. 310–311; Годы и события... Т. 1. С. 119.

[84] Годы и события... Т. 1. С. 134, 136, 142; Самарская губерния день за днем... С. 158, 164, 166–167.

[85] Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг. С. 150.

[86] Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. С. 117; Веникова М.С. Создание Московского народного университета в контексте формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государ-

ственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 22 (243). Вып. 40. С. 145–149.

[87] Мартиновская А.И. Самарское общество народных университетов // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник. Ч. 1. С. 65.

[88] Ее же. Самарское общество народных университетов. С. 65–79; Отчет о деятельности Самарского общества народных университетов за 1-ый год существования (по 1-е июля 1909 года). Самара, 1910; Отчет о деятельности Самарского общества народных университетов за 2 год существования (с 1 июля 1909 года по 1 июля 1910 г.). Самара, 1911.

[89] Мечик И.А. Библиотека Самарского общества народных университетов // Самарский краевед: Страницы истории Самарского края. Историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Самара, 1994. С. 79–82.

[90] Ее же. Для детей Самары. С. 80–89.

[91] Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг.: соц. структура и деятельность (на материалах Самарской губернии). С. 149–150.

[92] Самара – Куйбышев: Хроника событий. С. 74; Годы и события... Т. 1. С.121, 126–128, 143, 145, 168, 171, 172, 175, 187, 189; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С. 317–319; Криволуцкая Л.И. Начало испытаний рысаков в Самаре. Из истории городского ипподрома // Самарский краевед: Историко-краеведческий сборник / сост. А.Н. Завальный. Куйбышев, 1990. С. 85–92.

Глава 6.
КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

§ 1. СОЗДАНИЕ САМАРСКОЙ ДИРЕКЦИИ УЧИЛИЩ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НОВОЙ ГУБЕРНИИ

После образования Самарской губернии самый заметный рост испытывали те важнейшие звенья культурной инфраструктуры, за вывод которых на более высокий уровень непосредственно отвечали органы власти. В исследованиях по этому периоду российской истории подчеркивается: «Модернизационный скачок, который начался в России с середины XIX в., проявился не только в социально-экономической, административной, судебной и военной сферах. Он неизбежно затрагивал сферу культуры, социальной активности, повседневности»[1]. Это касалось прежде всего народного образования. На него в первую очередь были направлены социокультурные модернизационные устремления государства и населения.

Конец царствования Николая I и первые годы правления Александра II оказались успешными для просвещения в нашем крае не только благодаря учреждению Самарской губернии, но и в связи с общим подъемом школьного дела, который переживала страна в середине XIX столетия – «золотого века русской культуры». Еще до официального открытия губернии был поставлен вопрос о создании самарской дирекции училищ. 16 августа 1850 г. Министерство народного просвещения сообщило попечителю Казанского учебного округа В.П. Молоствову, что император распорядился о создании новой губернии, все семь уездов которой входили в состав указанного округа. Попечителю предлагалось прислать на согласование с министерством «подробное соображение, основанное на местных потребностях»[2].

Школы, подведомственные министерству и учебному округу, имелись только в пяти из семи городов будущей Самарской губернии. Это были четыре уездных училища в Самаре, Ставрополе (ныне – Тольятти), Бузулуке, Бугуруслане и три приходских училища в Самаре, Бузулуке и Николаевске (ныне – Пугачев)[3].

Как правило, директором училищ губернии становился директор губернской гимназии, но ее в Самаре пока не было. Поэтому руководство самарскими школами было решено возложить на штатного смотрителя уездного училища в Самаре. Занимавший эту должность с 1831 г. П.К. Сычугов показался начальству неготовым возглавить губернскую дирекцию. Ему предложили перевод на аналогичную должность в Пермь, а в Самару назначили более перспективного штатного смотрителя Пермского уездного училища А.П. Пономарева с поручением организовать

губернскую дирекцию и со временем открыть гимназию. Тот был на хорошем счету, неоднократно получал благодарности, денежные награды, знаки отличия за службу по училищному ведомству. На него также возложили обязанности цензора начавшей выходить в городе газеты «Самарские губернские ведомости»[4].

29 января 1851 г. открылась самарская дирекция училищ[5]. Первой заботой нового штатного смотрителя и директора училищ стало принятие срочных мер по возобновлению школьных занятий, прекратившихся в Самаре после июньского пожара 1850 года, в котором погибло здание и все имущество уездного и приходского училищ. То, чего Сычугов не смог сделать за 9 месяцев, Пономарев добился в течение 3–5 недель. 20 февраля 1851 г. был заключен контракт на аренду каменного дома купца Чайникова. На его верхнем этаже 12 марта снова заработали оба самарских училища[6].

Средства на аренду помещения, покупку мебели и всего необходимого для занятий поступили из двух источников. Почетный смотритель Самарского уездного училища помещик Б.П. Обухов «изъявил свое желание внести в течение трех лет» 450 руб. серебром на опекаемое им учебное заведение. Городское общество решило «по добровольному оного приговору» проводить сбор ежегодной суммы в 316 руб. 46 коп. на наем квартиры для самарских школ «впредь до устройства собственного своего училищного дома»[7]. На эти траты горожане согласились в условиях, когда у многих погибли или пострадали собственные дома, а также сгорело здание, где располагались учреждения местного городского самоуправления. Через год в январе 1852 г. в Самаре было открыто второе приходское училище[8].

Переход в ранг губернского города и появление нового энергичного руководителя школьного ведомства помогали преодолеть застарелые предрассудки и неприязнь провинциальных купцов и мещан к публичной светской школе. Учителя жаловались, что «в таком многолюдном городе учеников собственно коренных жителей Самары весьма немного; большая же часть или дети чиновников, или дети переселенцев»[9]. Потребности в образовании людей, переехавших в Самару на службу и для занятий иными видами деятельности, видимо, были выше, чем у старожилов. Однако они стимулировали интерес к школьному делу у всех жителей, включая коренных.

Вниманием не были обойдены другие города губернии, особенно те, где не было школ. Так, в Бугульме в 1851 г. решился вопрос о создании приходского училища[10].

Комитет министров в 1853 г. обратил внимание министра народного просвещения А.С. Норова на недостаточное число учебных заведений в Самарской губернии. Это оказывало отрицательное «влияние на народную нравственность», представляя «одну из причин огрубелости жителей края»[11].

В ответ на это замечание Норов поспешил заверить Комитет министров, что «устранение недостатка в Самарской губернии учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, составляет предмет особенной заботливости... и таковой недостаток по возможности устраняется». В плане принятия соответствующих мер первым делом было обещано устройство в Бугульме уездного училища из приходского[12].

5 июня 1854 г. Пономарев посетил бугульминскую приходскую школу, составив хорошее впечатление о состоянии ее помещения, внешности, нравственности и обучении 48 учеников, из которых 11 были детьми дворян и чиновников, 30 – купцов и мещан, 7 – разночинцев и крестьян. Пономарев счел возможным преобразовать ее в уездное училище, что и произошло на следующий день[13].

Попытки Норова возбудить вопрос об открытии гимназии в Самаре и новых уездных училищ в губернии встретили возражение Министерства финансов, признавшего «умножение числа учебных заведений на счет казны в настоящее время невозможным»[14]. Страна втянулась в тяжелую Крымскую войну. Министр народного просвещения попросил попечителя Казанского учебного округа озаботиться пока открытием в Самарской губернии приходских училищ, на содержание которых казенных денег не выделялось, а содержались они исключительно за счет местных средств.

В результате в 1855 г. удалось открыть приходские училища в Бугуруслане (21 февраля) и Новоузенске (17 апреля), частное женское училище г-жи Визенталь в Самаре (22 декабря)[15]. Всего с учетом приготовительного класса при уездном училище в Ставрополе число училищ Самарской дирекции достигло 14. В губернии в 1855 г. служили 5 штатных смотрителей, 17 учителей (включая домашних учителей, имевших официальные свидетельства). Преподавали Закон Божий 11 священников. Опекали указанные школы 4 почетных смотрителя[16].

К 1 января 1856 г. в этих школах насчитывалось: в уездных училищах – 287 учащихся, в приходских – 571, в частных заведениях – 11. Среди них был 841 мальчик и 28 девочек. Они происходили из детей дворян и чиновников (160 чел.), купцов и мещан (490 чел.), разночинцев и крестьян (219 чел.)[17]

При Николае I начальные (уездные и приходские) школы оставались всесословными учебными заведениями, какими они были в предыдущее царствование Александра I, продолжая традиции народных училищ Екатерины II. В них принимали не только русских, но и детей других национальностей и вероисповеданий. Так, башкирские ученики, которых особенно старался привлечь в русские школы генерал-губернатор В.А. Перовский, могли посещать уроки православного Закона Божьего только по собственному желанию. Священники в при-

ходских училищах «должны были не допускать споров между учениками о вере, насмешек над чужою»[18].

На содержание училищ в губернии было израсходовано в 1855 г. 10 314 руб. 82 коп. Почти ¾ этих средств было получено из государственного казначейства, а именно 7333 руб. 36 коп. Из губернского приказа общественного призрения поступило 141 руб. 44 коп., от городских обществ – 2330 руб. 25 ¾ коп., а «разных неокладных доходов», в том числе пожертвований и взносов от почетных смотрителей, – 500 руб. 76 ¼ коп.[19]

Даже в конце николаевского царствования, когда заметно проявлялся внутриполитический, финансовый, идейный кризис, российское самодержавие оставалось основным двигателем модернизации в культурной и образовательной сфере, что подтверждают современные исследователи[20]. Административная и финансовая поддержка, оказанная центральными и местными властями школам Самарской губернии, полностью согласуется с выводом специалистов: «В период империи именно государство, в особенности верховная власть, являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения. Именно государство создало в стране целостную систему начального, среднего и высшего образования и финансировало ее»[21].

Начальный уровень образования удовлетворял далеко не все население, особенно представителей привилегированных сословий. Новая страница в истории Самарской дирекции и образования в Самарском крае открылась 18 декабря 1855 г., когда новый император Александр II повелел приступить к устройству гимназии в Самаре. На ее содержание, несмотря на еще не закончившуюся войну, с 1 января 1856 г. дополнительно выделялись из государственного казначейства средства, сравнимые со всеми предшествующими ежегодными казенными тратами на Самарскую дирекцию, а именно 6961 руб. 45 коп. серебром, да сверх того 621 руб. 76 коп. выделялись на наем помещения[22].

Мужская гимназия в Самаре была открыта 5 августа 1856 г. Она стала первой средней общеобразовательной школой в городе. С ее появлением дирекция самарских училищ заработала как структура управления народным образованием в полной мере, как и предписывало законодательство тех лет. Исполнял обязанности директора гимназии при ее открытии, а затем и официально получил эту должность А.П. Пономарев. Однако при большом объеме работы по другой его должности – директора губернских училищ – ключевой фигурой в деле налаживания работы нового учебного заведения становился инспектор гимназии. На эту должность был приглашен из Перми старший учитель латинского языка И.Д. Веретенников. С директором они были хорошими знакомыми, земляками-пермяками, а со временем стали свояками, женатыми на родных сестрах, урожденных Бланк. Еще один их свояк, муж самой младшей из сестер Бланк И.К. Лавров, служил штатным

смотрителем старейшего в городе Самарского уездного училища. Именно в Самарской гимназии в 1863 г. его жена С.А. Лаврова и ее сестра Мария, которую Веретенников позже сосватал коллеге И.Н. Ульянову и которая стала матерью В.И. Ульянова-Ленина, сдали экзамены на получение свидетельств домашних учительниц. Эти свидетельства давали право «первоначального обучения детей на русском, французском и немецком языках»[23].

Что касается формирования учительского состава гимназии, то первое предложение последовало от Пономарева. Он ходатайствовал о переводе учителя рисования, черчения и чистописания Самарского уездного училища Панафидина на такую же должность в гимназию, тем более что тот имел официальное «свидетельство от Императорской Академии художеств на просимое ему звание и должность»[24].

Были удовлетворены просьбы о переводе в Самару двух опытных преподавателей из Астраханской гимназии, старших учителей Гришина (математики) и Зеленевского (истории). Младшего учителя русского языка Дмитриевского из Нижегородского Александровского дворянского института перевели на такую же должность в Самару также по его просьбе [25].

Принять их на службу преподавателями иностранных языков, судя по именам, просили учителя, для которых эти языки были родными. На должность младшего учителя немецкого языка в Самару перевелся сверхштатный учитель Пензенской гимназии Яков Штейнгауэр[26].

Учителем французского языка стал Август Матье. У него был многолетний опыт домашнего учительства в Санкт-Петербурге, Минской и Самарской губерниях, но для поступления на государственную службу ему пришлось сдать экзамены «в комитете, учрежденном при Казанском университете для испытания кандидатов учительства». Эти испытания включали устные вопросы, чтение лекции и различные письменные задания, причем не только по своему предмету, но и по арифметике, географии и истории. Они длились четыре дня в мае 1856 г., и Матье успешно их прошел[27].

Окончательно вопрос о его работе в Самаре решился немногим позже, поскольку работа в казенной школе приравнивалась в дореформенной России к государственной службе, а Матье был иностранным (прусским) подданным. Понадобился «высочайший», то есть изданный от имени императора, «приказ по гражданскому ведомству», чтобы этот педагог был определен штатным учителем в Самарскую гимназию с 1 августа 1856 г.[28]

Целый ряд гимназических учителей были людьми неординарными. Матье был готов преподавать не только французский, но и немецкий язык, вести другие предметы. Зимой 1858/1859 гг. он организовал «филармоническое общество», участники которого давали концерты «с целию приобретенья учебных пособий для гимназии». Матье пред-

полагал в первую очередь «купить рояль для гимназии, чтобы ученики учились петь», обещая сам обучать «их этому искусству» на общественных началах[29].

Упоминавшийся Я. Штейнгауэр был автором ряда публикаций в педагогических журналах о воспитании женщин и преподавании немецкого языка, а также изучал состояние школ в немецких колониях. Учитель русской словесности Логинов занимался изучением чешской литературы и русской сатиры XVIII века. Ряд работ по библейской и древнегреческой истории, отдельным вопросам богословия и воспитания подготовил учитель Закона Божьего Третьяков. Учитель законоведения Сурин напечатал в изданиях Морского министерства и Министерства народного просвещения свои замечания к Морскому Уставу и Уставу учебных заведений, написал очерки о крепостном праве, положении женщин и состоянии университетов в России. Положение женщин у разных народов и вопросы семейного воспитания изучал учитель географии Кучин, который часто публиковался в астраханской газете «Волга». Вел метеорологические наблюдения и был автором статей по педагогике учитель математики Прозоров[30].

В гимназии был оборудован кабинет для уроков физики. Учителя естественной истории получили из Казанского университета кабинет минералогии, с помощью учеников сделали пособия по зоологии и ботанике[31].

Численность учащихся в самарской гимназии за первые 20 лет существования увеличилась с 67 чел. до 424 чел. Это показывает очевидное стремление к качественному образованию местных жителей, причем разного социального положения. Первоначально в гимназии преобладали дети дворян и чиновников, в 1861 г. их было 62 чел. (60 % учащихся). Остальные происходили из духовенства (9 чел., 9 %), почетных граждан и купцов (10 чел., 10 %), мещан и «других городских обывателей» (20 чел., 19 %), казаков и крестьян (2 чел., 2 %)[32].

Начиная с 1873 г. суммарное количество учеников из семей купцов, мещан, разночинцев и крестьян (195 чел.) превысило число сыновей дворян и чиновников (145 чел.), заметно возросла популярность гимназического образования в духовном сословии (58 чел.). С принятием Устава 1864 года Самарская гимназия была преобразована в классическую[33].

Функции среднего общеобразовательного и одновременно специального учебного заведения для подготовки православных священнослужителей выполняла духовная семинария. Она была открыта в 1858 г. Семинария вместе с другими учебными заведениями православной церкви в Поволжье входила в состав Казанского духовного учебного округа, возглавляемого Казанской духовной академией. Однако с 1867 г. семинарии перешли под управление епархиальных архиереев[34].

В 1872 г. Самарская семинария обзавелась собственным новым зданием. Кроме изучения богословских наук в ней преподавались светские предметы в объеме классической гимназии. Здесь изучались немецкий, французский, латинский и древнегреческий языки, русская история и всеобщая история, российская словесность, алгебра и геометрия, логика и психология, естествознание и физика, медицина и сельское хозяйство[35].

Еще раньше, в 1852 г., в городе появилось духовное училище — начальная школа для сыновей лиц духовного звания[36]. Первоначально в духовном училище и семинарии учились только дети священников и церковнослужителей, но со временем в эти учебные заведения разрешили поступать мальчикам и юношам из других сословий.

§ 2. СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ДЕВОЧЕК В ШКОЛАХ САМАРСКОГО КРАЯ

Демонстрацией стратегии правительства на углубление модернизации и одновременно показателем усиления общественной активности стало в середине XIX в. создание совместными усилиями власти и населения женских общеобразовательных школ. Как отмечали самые авторитетные историки эпохи, по степени общественного интереса вопросы женского образования на рубеже 1850–1860-х гг. стояли вровень с обсуждением освобождения крестьян от крепостной зависимости[37].

Города Поволжья особенно живо и деятельно откликнулись на призывы к распространению образования среди женщин, прозвучавшие в начале царствования Александра II. Местная общественность разделяла взгляды бывшего попечителя «своего» Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, который в 1850-е гг. являлся уже попечителем столичного Санкт-Петербургского округа и активно участвовал в разработке реформы женского образования. В отличие от частных пансионов, в которых прежде всего преследуются коммерческие цели их устроителей, полагал он, посещение общественных школ более способствует умственному и нравственному развитию девочек, снижает затраты родителей на обучение детей, а последних не отрывает от семьи и не лишает семейного воспитания[38].

В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских начальных школ (уездного и приходских училищ) на 991 мальчика приходилась 21 девочка. Это составляло 2 % от общего числа учащихся. Наличие девочек-школьниц побудило заведующего дирекцией губернских училищ А.П. Пономарева искать возможности для оплаты положенной в таком случае «надзирательницы за обучающимися девицами». На просьбу о пожертвовании для этой цели откликнулся

Б.П. Обухов, богатый помещик, почетный смотритель Самарского уездного училища, воспитанник знаменитого Царскосельского лицея, в будущем – самарский губернатор[39].

Должность надзирательницы во 2-м Самарском приходском училище изъявила желание занять Елизавета Потанина[40]. Она была женой Г.Н. Потанина, преподававшего в уездном училище и впоследствии получившего известность как литератор, мемуарист, собиратель фольклора[41].

Благоприятные условия для обучения девочек постарались создать и в Бузулукском приходском училище, где также была введена должность надзирательницы за девицами. Ее жалованье выплачивалось из пожертвований помещика Н.Я. Стобеуса, являвшегося почетным смотрителем Бузулукского уездного училища[42].

Впрочем, наличие в одной городской школе детей обоего пола не всегда делало их обучение действительно совместным. При большом количестве учениц в приходских училищах организовывались женские отделения, которые занимались в одном помещении с мальчиками, но в разное время. Например, мальчики учились до обеда, девочки – после. При возможности организовывались отдельные помещения «для обучения девиц... совершенно отдельно от мальчиков». Такое помещение в Бузулуке предоставила губернская секретарша Богатырева «в собственном своем доме, на один год, без всякого за то от казны возмездия, с обязательством производить на свой счет отопление и чистоту комнат»[43].

Совместное обучение детей обоего пола было более распространенным явлением в сельских школах, массовое возникновение которых приходится на царствование Николая I. В училищах ведения Министерства государственных имуществ, открытых в Самарской губернии для государственных крестьян, в 1855 г. было всего 16 585 учащихся (100 %), в т. ч. 8970 чел. – мужского пола (54 %) и 7615 чел. – женского (46 %)[44]. В этих учебных заведениях доля девочек приближалась к естественному демографическому соотношению полов.

В училищах удельного ведомства к началу 1860-х гг. учились 2694 мальчика и 323 девочки[45]. Обучались девочки и в вотчинных школах для крестьян, которые продолжали существовать в помещичьих селах вплоть до отмены крепостного права[46].

Однако в качестве основного направления развития женского образования утверждалось устройство отдельных школ для девочек, к тому же с учетом их сословного происхождения. В 1852 г. вышеупомянутый Б.П. Обухов открыл отдельную школу для девочек в Самаре на собственные средства. Она просуществовала только два года, не получив общественного признания из-за недостаточного образования, которое в ней можно было получить. В первый год в ней училось 25, во второй – 35 девочек[47].

В 1858–1859 гг. при активном участии губернатора К.К. Грота и содействии общественности состоялось открытие первых женских приходских училищ в Самаре и уездных городах. Инициатива губернатора сыграла здесь первостепенную роль, хотя, строго говоря, руководство учебным делом не входило в должностные обязанности начальника губернии, и без того крайне обширные. Сам Грот воспринимал эту сферу ответственности не столько служебным, сколько нравственным долгом и выступал в данном случае скорее общественным деятелем. Побуждая местную публику и самоуправление к активности в образовательной области, он чувствовал моральную правоту, работая вне прямых обязанностей на общее благо и требуя того же от других. Он здраво полагал, что пристальное внимание высшего должностного лица губернии «к учебным заведениям составляет одно из самых важных условий их благосостояния»[48].

Грот в конце декабря 1857 г. предложил городскому самоуправлению Самары создать женское приходское училище, открывающее пути «купеческому и мещанскому сословиям к образованию своих детей, особенно из бедного класса людей, не имеющих средств нанимать особых учителей». В феврале 1858 г. градское общество поддержало открытие этой школы[49].

Горожане определили отпускать на училище ежегодно по 700 руб. серебром из общественной суммы. Смета предусматривала следующие годовые расходы: жалованье священнику-законоучителю (60 руб.); жалованье учительнице, выполняющей также обязанности надзирательницы (200 руб.); жалованье учителю (150 руб.) и учителю пения (50 руб.); наем квартиры для училища и жилья учительницы (200 руб.); приобретение мебели, учебных пособий и женских рукоделий, уборка помещений и прочие затраты (40 руб.). Инспектор училищ Казанского учебного округа Н.В. Чашников посчитал «открытие такого училища для города Самара весьма благодетельным»[50].

Во время работы по созданию женской школы Пономарев уволился с поста руководителя Самарской дирекции училищ. Завершить эту работу пришлось сменившему его Веретенникову. Открытие первой общеобразовательной школы для девочек в Самаре состоялось 2 сентября 1858 г. На открытии выступили Веретенников, Грот и городской голова В.Е. Буреев, отдававший немало сил и средств на нужды города нередко в ущерб собственным коммерческим интересам[51].

В своих выступлениях руководители местных органов учебного ведомства, губернской администрации и самоуправления обменялись выражениями признательности друг другу и подчеркнули плодотворность совместных усилий в школьном деле. Вклад в него внесла и церковь. Свой дом под училище предоставил согласившийся преподавать в нем Закон Божий священник Михаил (Ястребов)[52]. Перед началом

занятий хозяин отремонтировал дом, создав благоприятные условия учителям и учащимся[53].

При открытии в школу поступило 10 учениц, но уже в следующем году их число возросло до 44, в числе которых было 12 дочерей дворян и чиновников, 29 – купцов и мещан, 3 – разночинцев и крестьян. Через год, 15 августа 1859 г., было открыто 2-е Самарское женское приходское училище, оно находилось в другой части города и расширило охват девочек начальным образованием. В него сразу же были приняты 72 ученицы. В каждом женском приходском училище работали надзирательница, учитель, обучавший чтению, письму и четырем правилам арифметики, и «законоучитель»-священник, преподававший Закон Божий. Также девочек обучали рукоделию[54].

Наряду с Самарой было решено в 1858 г. начать обучение девочек в Бугуруслане, Бугульме и Бузулуке. Городские общества этих уездных центров решили выделять на женские приходские школы или классы для девочек в действующих училищах по 110 руб. ежегодно[55].

Новым успехом взаимодействия губернских властей с самарской общественностью явилось открытие 7 августа 1859 г. первой средней школы для девочек – женского училища 1-го разряда (будущей женской гимназии). Этому событию предшествовало принятие 30 мая 1858 г. «Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», по которому предусматривалось создание учебных заведений, удовлетворявших запросам тех родителей, что стремились дать дочерям более качественное образование, чем давала начальная школа. От институтов благородных девиц и частных пансионов эти школы отличались всесословным составом учениц и тем, что последние приходили сюда только на классные занятия[56].

Еще до законодательного оформления этого решения идея открытия среднего женского училища в самарском обществе не только утвердилась, но и стала реализовываться. Уже зимой 1856–1857 гг. администрация и жители начали сбор средств на будущую школу. Вице-губернатор Г.С. Аксаков сообщал в январе 1857 г. попечителю Казанского учебного округа, что в Самаре жители поддерживают «предположение открыть женскую гимназию» и осознают, что на это потребуются «значительные издержки»[57].

Для покрытия предстоявших расходов прибегали к добровольным пожертвованиям, к устройству лотерей, благотворительных литературно-музыкальных вечеров, домашних спектаклей и концертов. Душой мероприятий по сбору средств стала жена вице-губернатора С.А. Аксакова, игравшая в губернии роль «первой дамы», поскольку К.К. Грот женат не был. Гастролировавших в Самаре артистов и фокусников обязали давать представления в пользу женского училища. Поддержали финансово идею его открытия губернская администрация, городское

купеческое и мещанское самоуправление, дворянская сословная корпорация[58].

В создании первой самарской средней школы для девочек активное участие принял сам губернатор Грот. Не случайно благодарность ему, покидавшему в 1860 г. службу в Самаре, городское общество выразило внесением 2000 руб. на учреждение двух стипендий его имени для бедных горожанок в этом женском училище[59].

Открытие училища состоялось 7 августа 1859 г. Полный курс обучения в нем был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. К необязательным относились французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, танцы. Плата за обучение обязательным предметам составила 25 руб. в год. От нее могли освободить бедных девушек из тех сословий, от которых вносились постоянные взносы на содержание училища, т. е. из дворян и горожан. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей с начальницей училища[60].

В 1860/1861 учебном году в Самарском женском училище 1-го разряда обучались 45 учениц, в т. ч. 27 дочерей дворян и чиновников, 15 – купцов и мещан, 3 – лиц духовного звания[61]. Эти цифры, кажущиеся скромными для современных школ, были в то время недосягаемыми для частных пансионов в провинции.

Конкурентные преимущества новых женских училищ сказались очень быстро. С их появлением частные пансионы для девочек или закрывались, или старались преобразоваться в такие же училища.

При открытии Самарского женского училища 1-го разряда в него поступили воспитанницы пансиона г-жи Фланден, ставшей первой начальницей этого училища. Вскоре ей пришлось оставить эту должность из-за введения высокой платы за обучение, дорогой формы платья и других неоправданных расходов. Самарская учительская и родительская общественность пресекла попытки перенести в публичную школу неприемлемые для нее порядки частных пансионов и закрытых институтов благородных девиц. После этого Н. Фланден не смогла возобновить свой пансион в Самаре, перенеся свою деятельность в Симбирск[62].

На основании нового Положения о женских гимназиях от 24 мая 1870 г. Самарское женское училище 1-го разряда было преобразовано в женскую гимназию. В ней в 1874/1875 учебном году обучались 182 девочки[63].

Не осталось без внимания женское образование и в соседней Симбирской губернии. На средства женщин семьи Орловых-Давыдовых содержались во второй половине XIX – начале XX в. школы для девочек, появившиеся еще в дореформенное время: чувашская в Тайдакове, русская в Усолье. Эти учебные заведения были единственными на Самар-

ской Луке, которые после реформы 1861 года полностью обеспечивались крупными землевладельцами. Они напрямую продолжали историю крепостных вотчинных школ[64].

В Сызрани были реализованы два варианта городских школ для девочек. Один осуществился в виде частного училища г-жи Кашкиной (1858), другой в рамках общественной школы – женского отделения в Сызранском приходском училище (1861). Они имели разные социальные адресаты, отличались сословным и имущественным положением родителей, но оба послужили развитию народного просвещения на Средней Волге.

В 1861 г. в Сызранском приходском училище в отделении для мальчиков было 68 учеников, для девочек – 74 ученицы. Им преподавали Закон Божий, чтение по гражданским и церковным книгам, чистописание, церковное пение. В частной школе г-жи Кашкиной обучались тогда же 7 мальчиков и 13 девочек. С учетом мальчиков в чисто мужских учебных заведениях – уездном (88 чел.) и духовном (163 чел.) училищах – гендерное соотношение учащихся в Сызрани было далеким от паритета. Однако это соотношение, выражавшееся в абсолютных числах как 87 девочек к 326 мальчикам, а в относительных – как 21 % девочек и 79 % мальчиков среди всех учащихся, означало отход от прежних нулевых характеристик женского школьного обучения в Сызрани. Жители этого города демонстрировали очевидный интерес к образованию дочерей, а потому совсем не случайным стало появление, спустя всего лишь десятилетие, в 1871 г., в Сызрани женской гимназии, которая была единственной в уездных центрах Симбирской губернии на протяжении второй половины XIX – начала XX в.[65]

Для дочерей самарского духовенства существовало епархиальное училище. Местные архиереи заботились о его обустройстве, помогали бедным воспитанницам, особенно сироткам, на свои средства учреждали стипендии[66].

Занятия в этом училище начались 24 февраля 1865 г., а ровно через год, 24 февраля 1866 г., состоялось его торжественное открытие[67]. Спустя несколько лет осмотр этой школы, в которой было 175 воспитанниц, у губернатора А.Д. Свербеева оставил самые благоприятные впечатления: «Новое здание огромное, светлое, чистое с прекрасными размерами комнат, большой церковью, славною начальницею меня поразило и порадовало. Учителя также выглядят толково, девочки чисто одеты, отвечают без робости и ужимок, видно хорошее руководство. Недаром же Архиерей особенно заботится об училище и ему помогает учебными пособиями. Духовенству такое устройство училища делает честь... В училище 3 рояля и преподавание музыки очень изрядное»[68].

В 1868 г. был принят Устав женских епархиальных училищ, который заметно повышал статус выпускниц. Они стали получать не только об-

щее образование, но и профессиональную педагогическую подготовку, что давало право на звание домашней учительницы. На практике это означало также возможность занимать должности и учительниц начальных школ, а значит, обеспечивать себя материально.

А.Д. Свербеев

Это стремление было характерно и для воспитанниц других женских учебных заведений. Так, к 1875 г. 2/5 выпускниц Самарской женской гимназии вышли из нее со званиями или домашней наставницы, или домашней учительницы[69].

Также в Самаре появились первые профессиональные учебные заведения для девушек. В 1872 г. открылась земская школа сельских учительниц. Женщины получили возможность получать и специальное медицинское образование с 1867 г. в школе повивальных бабок (акушерок), объединенной в 1877 г. со школой для подготовки фельдшеров в фельдшерско-акушерскую школу[70].

Историки выяснили, что «модернизация привела к массовому распространению женского труда вне дома»[71]. В некоторых губерниях России в неаграрном секторе было занято не менее четверти всех взрослых женщин[72]. Конечно, их образованная часть получала преимущества в условиях труда и заработка. Уже в конце XIX в. женщины занимали заметное место среди лиц, работавших в сферах просвещения и здравоохранения в России, что требовало хорошего образования и специальной подготовки[73].

Этим объясняются образовательные устремления, свойственные дочерям обедневших дворян, малообеспеченных чиновников, духовенства, не говоря уже о представительницах непривилегированных сословий. В начале XX в. в женских гимназиях России доли учениц из мещан и цеховых (35,3 %), крестьян и казаков (25,5 %) превышали доли дочерей дворян и чиновников (21,6 %), купцов (9,4 %) и духовенства (4,8 %)[74].

Поиск социальных лифтов стимулировал интерес к образованию. Оно давало возможности повышения общественного статуса, получения востребованной профессии, занятия престижной деятельностью не только мужчинам, но и женщинам.

§ 3. УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВА, ВЛАСТИ, САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОТКРЫТИИ НОВЫХ ШКОЛ И РАСШИРЕНИИ КОНТИНГЕНТА УЧАЩИХСЯ

Биографы отмечали особую приверженность К.К. Грота делу просвещения и устройства школ. Он считал образование «главной основой культурного прогресса, а следовательно, и морального общественного подъема, улучшения нравов и всего уклада и благоустройства жизни в обществе и простом народе»[75]. Грот содействовал открытию школы даже при тюремном замке в Самаре для весьма специфического контингента, там содержащегося, которое произошло 2 сентября 1858 г.[76]

Кроме продолжения начинаний Грота в сфере народного образования у сменившего его весной 1860 г. на губернаторском посту А.А. Арцимовича наиболее ярким эпизодом в развитии школьного дела стала поддержка общероссийского движения по открытию воскресных школ. Это были бесплатные массовые училища для ликвидации неграмотности среди молодежи и взрослых, лишенных систематического образования. Идея их создания возникла среди интеллигенции Киева[77].

Внимание губернатора к этому виду школ привлек назначенный тогда же директором самарских училищ В.Г. Варенцов. Он известен также как ученый-фольклорист и журналист[78]. Присутствие А.А. Арцимовича и городского головы В.Е. Буреева на своеобразном «дне открытых дверей» воскресной школы для учеников и подмастерий самарских ремесленных мастерских заставило принять участие в мероприятии и их хозяев, согласившихся отпускать молодых работников на занятия[79].

В день начала учебы, организованный В.Г. Варенцовым, с 50 мальчиками занимались около 15 учителей. Постепенно число приходящих учеников возросло до 120 чел., а добровольных учителей – до 24 чел., причем не только профессиональных педагогов, но и просто образованных помощников, например гимназистов. Широко развернувшееся в России движение за воскресные школы было прекращено сверху в 1862 г. по подозрению в наличии неблагонадежных элементов среди

организаторов и учителей-волонтеров. Была закрыта и школа в Самаре. Вновь воскресные школы стали появляться в Самарском крае в 1866–1867 гг., но уже преимущественно для религиозного образования и под ведением духовенства[80].

А.А. Арцимович

Новая волна массового открытия воскресных школ по ликвидации неграмотности поднялась в конце 1880-х гг. Если в середине XIX в. женщины-учителя и женщины-ученицы составляли в них явное меньшинство, то вновь создаваемые воскресные школы были часто женскими как по составу педагогов, так и по контингенту учащихся. Современники указывали в качестве одного из наиболее удачных опытов во всероссийском масштабе создания такого рода учебных заведений на воскресную женскую школу в Сызрани[81].

Инициатором ее создания и заведующей была А.С. Дряхлова, выпускница Бестужевских Высших женских курсов, преподавательница истории и географии Сызранской женской гимназии. В ее доме, по свидетельству современников, собиралось «интеллигентное общество Сызрани», состоявшее преимущественно из учителей различных школ, что помогло привлечь добровольных безвозмездных помощников к этому начинанию. Учащимися были работницы различных мастерских и прислуга в возрасте от 10 до 30 лет, среди которых преобладала группа «безграмотных малолетних» девочек из «беднейшей части населения

города». В течение первых четырех лет существования (1891–1895 гг.) «школа дала 300 грамотных учениц»[82].

Успехи женской стимулировали появление в 1897 г. в Сызрани воскресной мужской школы. В Самаре мужская воскресная школа открылась в 1895 г. В первый год ее посещали 68 чел., через два года – 140 чел. Через три года здесь работали 6 воскресных школ: две женские, две мужские, две смешанные. Такие же школы были открыты в Ставрополе (1895) и Бугуруслане (1896)[83].

Содержание воскресных школ выходило достаточно дешевым, так как не надо было платить зарплату учителям-добровольцам. Расход Сызранской женской воскресной школы за весь учебный год составлял 80 руб. Из них платили за дежурства и уборку комнат сторожу, за приобретение и переплет книг для библиотеки, а также географических карт, за ремонт мебели и окон, расходовали на покупку учебников, карандашей, перьев, бумаги, чернил, ручек, тетрадей. Ученицы получали книги и расходные материалы бесплатно не только на уроках, но и на дом. Культурно-просветительное движение, в ходе которого в провинциальной России наряду с воскресными школами организовывались также различные курсы, народные университеты, публичные лекции, ширилось и приносило все более ощутимые результаты[84].

Основные надежды деятели просвещения и родители, конечно, возлагали на общеобразовательные школы. К концу XIX в. в Самаре функционировало несколько средних общеобразовательных учебных заведений. Казенная мужская и общественная женская гимназии дополнялись частными гимназиями, училищами и пансионами, преимущественно женскими (С.А. Шкот, М.А. и О.А. Харитоновых, Н.А. Хардиной, А.С. Межак и др.)

Для значительной части горожан, не заинтересованной в традиционном классическом образовании с его вниманием к древним языкам, далеким от повседневной жизни, появилась достойная альтернатива в виде реального училища – средней мужской школы, нацеленной на получение преимущественно естественно-научной, математической и технической подготовки. В 1877 г. император Александр II дал соизволение на предложение Самарской городской думы открыть такое училище и присвоить ему имя Александра Благословенного, своего дяди. Шел как раз год 100-летнего юбилея императора Александра I. Самарское губернское земство и бывший губернатор К.К. Грот поддержали эту идею учреждением в училище стипендий для бедных учеников[85].

В 1880 г. на выборах в городской думе, происходивших 2 мая, большинством голосов (29 «за», 5 «против») в должности директора Самарского реального училища был утвержден А.П. Херувимов, а 7 сентября это училище торжественно открылось. Среди первых его учеников (101 чел.) большинство составляли дети мещан (43 чел.) и купцов

(20 чел.), а количество крестьянских детей (16 чел.) было одинаковым с числом сыновей дворян и чиновников. При содействии губернатора А.Д. Свербеева было организовано общежитие для бедных учащихся. Из-за наплыва желающих учиться пришлось разделить первый класс на две параллели, что не было предусмотрено в смете на 1880/1881 учебный год, тогда на помощь пришел купец П.С. Субботин, утвержденный почетным попечителем реального училища и взявший финансирование дополнительных расходов на себя[86].

Реальное училище стало одним из лучших учебных заведений в дореволюционной Самаре. Его окончил ряд выдающихся выпускников, среди которых были академики Г.М. Кржижановский (создатель плана ГОЭЛРО) и Н.Н. Семенов (химик – нобелевский лауреат), писатель А.Н. Толстой.

Реальное училище. Из фондов ЦГАСО

В честь императора Александра II, посетившего Самару в 1871 г., в том же году было решено организовать Александровское ремесленное училище, открытое 30 декабря 1872 г. Кроме профессиональной подготовки оно давало общее образование в объеме начального народного училища. К капиталу, который местное ремесленное общество ассигновало на содержание, чтобы проценты с этого взноса шли на нужды училища, мещанин Д.В. Обозов добавил еще 1000 руб. Купец И.И. Смирнов предоставил на три года бесплатное помещение этому училищу в собственном доме[87].

Александровское ремесленное училище прекратило свое существование в 1882 г., когда ремесленное общество передало его городской думе, но для города эта профессиональная школа показалась ненуж-

ной. Все же необходимость в подобном заведении сохранялась и привела к организации в конце XIX в. по частной инициативе семьи Кирилловых учебного заведения, называвшегося «ремесленным училищем им. Е.И. Кирилловой» или «низшей ремесленной школой им. В.Д. Кириллова»[88]. В 1879 г. было создано техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщения.

Учебные заведения, несмотря на принадлежность разным ведомствам, получали значительную помощь от горожан, не принадлежавших к числу служащих этих ведомств. Так, вышеупомянутый П.С. Субботин был почетным блюстителем по хозяйственной части Самарского епархиального училища. В 1877 г. он получил благословение Святейшего Синода за пожертвование 500 руб. на нужды учениц этой школы, а в 1878 г. – благодарность Самарского епархиального съезда за 700 руб., подаренных «на экипировку окончивших курс» воспитанниц училища. Тот же П.С. Субботин в 1880 г. получил дважды монаршую благодарность по представлению министра путей сообщения за пожертвованные 1000 руб. на ученическую библиотеку при железнодорожном училище, а затем за ту же сумму на устройство в нем физического кабинета[89].

Однако особым вниманием самарского городского общества и его органов самоуправления пользовались учебные заведения, находившиеся на городском содержании. Число этих начальных школ постоянно множилось.

Два мужских приходских училища уже не могли удовлетворить потребности жителей в элементарном образовании их сыновей. В 1865 г. открылось 3-е приходское училище, а в 1867 г. – 4-е и 5-е приходские училища. Последнее было открыто и до конца 1870 г. работало на средства купца Колодина, а потом было принято на содержание городской думой. Выросло число начальных школ для девочек. В 1870 г. было открыто 3-е женское приходское училище. В 1871 г. частное училище г-жи Рихтер, устроенное ею за свой счет в 1868 г., было преобразовано в 4-е женское приходское и также взято думой на городское содержание[90].

В феврале 1879 г. самарские начальные школы осмотрел губернатор А.Д. Свербеев вместе с директором училищ, предводителем дворянства, городским врачом, полицмейстером: «Был в 4 мужских и 2 женских, все переполнены и требуют больше простора... Городские учителя хорошо оплачиваются по 500 р. и производят доброе впечатление, уездное училище только грязно и темнее прочих, предполагается к перестройке и переформированию в городское»[91].

Действительно, бывшее уездное училище полностью перешло на содержание Самарской городской думы и было преобразовано уже 18 декабря 1878 г. в городское четырехклассное училище[92]. Несмотря на название, оно имело шестилетний срок обучения, поскольку два

старших класса были двухгодичными, а потому его нередко называли шестиклассным. В нем могли продолжить образование выпускники приходских школ. Почетным смотрителем этого училища в 1879 г. стал, а затем неоднократно повторно утверждался в этой должности не раз упоминавшийся купец П.С. Субботин.

Всеми городскими приходскими училищами заведовали в хозяйственном отношении попечители и попечительницы, избранные городскою думою. Попечительство над приходскими училищами считалось делом престижным, особенно среди самарских дам, которым оно открывало поле для общественной активности. За это звание иногда разворачивалась настоящая борьба. Так, в 1883 г. в городской думе прошли выборы попечительницы 4-го женского приходского училища. Гласные думы голосовали «закрытою подачею голосов посредством записок». Представительницы двух громких самарских купеческих фамилий М.З. Курлина и М.С. Головкина набрали одинаковое число голосов, после чего дума вынуждена была провести жеребьевку, по результатам которой попечительницей стала Головкина[93].

К 1887 г. в Самаре действовали уже 9 мужских приходских училищ (8 – на городском содержании, 1 – Самарского уездного земства) и 6 женских (все – городские). Одно женское училище было двухклассным, остальные женские и все мужские – одноклассные[94].

Доходы Самары как губернского города позволяли содержать больше учебных заведений и предоставлять учителям более высокое жалованье, чем в других начальных школах губернии. В 1894–1895 гг. учителя восьми мужских и учительницы шести женских городских приходских училищ Самары получали по 500 руб. в год. Следует отметить равную оплату труда вне зависимости от пола. Помощницам учительниц в Самаре полагалось по 360 руб. Такая же сумма по 360 руб. за год выплачивалась трем учителям единственного городского приходского училища в Ставрополе. В Николаевске в мужском приходском училище два учителя получали от 300 до 350 руб. в год. В Бузулуке было три мужских приходских училища, где жалованье учителям составляло 400 руб. в год. В Бугульме учитель женского приходского училища получал, как и в Самаре, 500 руб., но в мужском училище там же учителю платили 360 руб., а двум его помощникам – по 250 руб.[95]

При необходимости учителям давали разовые вспомоществования. Так, 15 мая 1881 г. Самарская дума постановила выдать из городских средств пособие в размере 100 руб. на лечение учителю 1-го мужского приходского училища, принимая во внимание его бедность и восьмилетнюю службу[96].

Сельские земские учителя получали 250 руб. жалования и имели теплое жилье в здании своей же школы, где могли продолжать при желании заниматься с детьми и после уроков, например рукоделием, и даже оставлять некоторых учеников переночевать, если была необ-

ходимость. Главной проблемой сельских школ была их переполненность. Так, в селе Борском при посещении его губернатором А.Д. Свербеевым в 1879 г. в одном помещении учитель занимался со 140 мальчиками. Впрочем, ту же картину можно было встретить и в городах. Приехав в Бузулук, губернатор А.Д. Свербеев попал «в переполненное (180 девочек) женское училище, впрочем, теплое и высокое»[97]. Вместе с тем эта теснота свидетельствовала о все большем стремлении к грамоте и знаниям как в городе, так и на селе.

Кроме земства организаторами сельских училищ выступали государство (министерские школы) и церковь (церковно-приходские школы). Также они заводились на средства крестьянских общин (школы грамоты) или частных лиц. Просвещенные дворяне не обходили вниманием дело народного просвещения в бывших своих крепостных имениях. Школьное строительство велось не только в Заволжье, но и на правом берегу Волги в селениях, входивших в Симбирскую губернию.

Большинство, как их тогда называли всех вместе, начальных народных училищ были одноклассными, рассчитанными на двухлетний срок обучения. В качестве исключения из этого правила некоторые одноклассные школы могли быть переведены на трехлетнее обучение. Второклассные школы с четырехлетним обучением устраивались реже.

В Сызранском уезде на Самарской Луке в одноклассные училища были преобразованы бывшие вотчинные крепостные школы в Жигулях и в Аскулах. Новые одноклассные училища заводились в 1860–1870-х гг. как земские (в Переволоках, Горбуновке, Ермакове, Большой Рязани, Осиновке, Сосновом Солонце, Новинках, Брусянах) или министерские (в Печерском, Рождествено, Винновке). В 1874 г. на средства графа В.П. Орлова-Давыдова в Усолье было построено новое здание для школы. В нем 1 октября 1874 г. было торжественно открыто образцовое народное училище. Училище содержалось Министерством народного просвещения с общественным пособием от селений Усольской волости. На открытии с речью выступил директор народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянов, многое сделавший для того, чтобы убедить местных жителей выделить общественные средства на содержание школы. Он же выразил благодарность графу В.П. Орлову-Давыдову за щедрое пожертвование на училищное здание, которое спроектировал в 1871 г. графский управляющий К. фон Бруммер. Это училище предоставляло возможность крестьянским детям не только получить образование, но и ознакомить их с полезными в сельском быту ремеслами и хозяйственными занятиями, поэтому предполагалось развести на училищной земле сад и огород, устроить пчельник. В училище принимали детей обоего пола не моложе 8-летнего возраста. Мальчики, окончившие полные курс обучения и получившие соответствующее свидетельство, получали льготу при несении военной повинности и могли

проходить действительную воинскую службу в течение 4 лет вместо 6 лет, установленных по закону[98].

Почетным попечителем Усольского образцового училища при его открытии согласился стать В.П. Орлов-Давыдов, позднее эти обязанности выполняли его сын А.В. и внук А.А. Орловы-Давыдовы. Последний потратил за один 1906 год на это училище 620 руб. и еще 25 руб. пожертвовал на одноклассную школу в том же селе. Тогда же графиня Орлова-Давыдова подарила 30 руб. Жигулевскому училищу[99].

С 1880-х гг. в сельской местности преимущественно открывались церковно-приходские школы (в Актушах в 1885 г., Мордове в 1886 г., Тайдакове в 1887 г., Мал. Рязани в 1895 г., Комаровке и Шелехмети в 1896 г., Кольцовке в 1898 г., Печерском в 1900 г.) или школы грамоты (в Подгорах в 1891 г., Валах в 1893 г., Ширяеве, Березовке и Сытовке в 1895 г., Березовом Солонце в 1897 г., Торновом в 1899 г.). Исключением из этой тенденции стало открытие в самом конце XIX столетия новой земской чувашской школы в Севрюкаеве в 1897 г. и новой министерской школы в Выползове в 1900 г.[100]

Основными предметами школьного курса были Закон Божий (изучение молитв, священной истории, основ богослужения), на который отводилось 7 уроков в неделю; церковно-славянская грамота (4 урока); русский язык (7 уроков); чистописание (3 урока); арифметический счет (6 уроков). В церковно-приходских школах в число обязательных предметов включалось и церковное пение (6 уроков), которое в земских и министерских школах преподавалось «по возможности», больше внимания уделялось предметам практического назначения (чтению, современному письму, счету). Программы второго «класса» давали более обстоятельные знания по основным предметам, предусматривали введение новых дисциплин, в том числе основ истории. Было принято, что начинался каждый учебный день в церковно-приходской школе с урока Закона Божьего, а заканчивался уроком пения. Учащимся вменялось в обязанность непременное присутствие на богослужениях в храме, а способным и подготовленным – пение в церковном хоре. Заведовал такой школой и вел уроки Закона Божьего сельский приходской священник. На нем же лежали обязанности контроля и попечения над школами грамоты. Учительницами в сельских школах нередко становились жены священников – бывшие воспитанницы епархиальных училищ и других учебных заведений[101].

Свидетельство о получении начального образования, как было сказано, служило основанием для льгот по воинской повинности, оно выдавалось не всем, а только успешно выдержавшим специальные «испытания», то есть экзамены. Это правило распространялось на выпускников всех начальных народных училищ, подведомственных земству, церкви, Министерству народного просвещения. В школах грамоты выпускные экзамены не проводились, а желавшие получить упомянутое сви-

детельство могли держать их в ближайших церковно-приходских училищах.

В самом конце XIX в. в Самаре число мужских приходских школ увеличилось в 1899 г. до 12. В их числе было 9 городских училищ, а также училища Самарского уездного земства, Общества приказчиков, Жигулевского пивоваренного завода. Количество городских женских приходских училищ достигло 8 (включая одно двухклассное). Кроме того, в помещении 5-го женского приходского училища и 2-го мужского работали воскресные школы для взрослых. Новым стало появление двух смешанных приходских училищ с совместным обучением мальчиков и девочек[102].

Именно число смешанных начальных школ показало самый заметный рост в следующие годы. В 1904 г. их в Самаре уже насчитывалось 10, в то время как количество мужских и женских школ изменилось незначительно. В числе мужских училищ было два городских шестиклассных, одно городское трехклассное, два земских двухклассных, восемь городских приходских одноклассных и по одному одноклассному училищу, устроенным Обществом приказчиков и Жигулевским пивоваренным заводом. Из женских городских приходских училищ одно было двухклассным и шесть – одноклассными. Кроме того, общественных женских гимназий стало уже две[103].

Для подготовки преподавателей городских училищ учреждались средние профессиональные учебные заведения – учительские институты[104]. Один из них начал работать в Самаре 16 (29) октября 1912 г. Учительский институт являлся закрытым учебным заведением. В него принимались только мужчины, уже работающие в сфере народного образования, по результатам сдачи «предварительного испытания в Законе Божьем, русским языке, арифметике, геометрии, истории и географии России». В институте преподавали Закон Божий, педагогику, русский язык, арифметику, начальную алгебру, геометрию, историю русскую и всеобщую, географию русскую и всеобщую, естественную историю и физику. Курс обучения был рассчитан на три года. Статус воспитанников учительского института, их перспективы в области дальнейшего образования и карьеры были ниже, чем у выпускников гимназий и реальных училищ, поскольку вплоть до революционных перемен 1917 года они не получили права поступления в университеты и другие высшие учебные заведения России. Встречающиеся в самарском краеведении утверждения, что учительский институт сам являлся высшим учебным заведением и что в него принимали девушек, не имеют под собой никаких оснований[105].

В первый год из 200 чел., подавших заявления о приеме в учительский институт, и 128 чел., допущенных ко вступительным испытаниям, было отобрано 42 чел. Сообщалось, что «по сословиям принятые воспитанники разделяются на: крестьян – 27 человек, мещан – 5, духов-

ного звания – 2, потомственных почетных граждан – 1». Средний возраст учащихся составлял 23,37 года, двое были 30 лет от роду, среди принятых 5 чел. были женатыми. Опыт педагогической работы основной части поступивших был связан с работой в сельских школах[106].

Для специальных контингентов воспитанников и учащихся были устроены особые заведения. В Самаре рубежа XIX–XX вв. это были Мариинский приют детей воинов, Николаевский сиротский дом, Приют для детей-сирот духовного звания имени Преосвященного Гурия, Алексеевский детский приют ведомства учреждений Императрицы Марии, Ремесленный приют-училище того же ведомства, Училище для слепых детей[107].

Рост школ давал уже качественные перемены к лучшему в состоянии образованности в целом. Если грамотными среди населения Самары в 1897 г. были пока еще менее половины жителей, то уже более 90 % всех детей в возрасте от 8 до 11 лет училось в разных школах, а многие продолжали образование в более старшем возрасте в средних и профессиональных учебных заведениях[108].

Немало выпускников самарских учебных заведений продолжало обучение в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и других городов. За 40-летний промежуток, с 1877 по 1916 г., не было ни одного года, чтобы среди выпускников старейшего в России Московского университета не оказалось бы уроженцев Самарской губернии. Всего за 1877–1904 гг. таких выпускников оказалось 134 чел.[109]

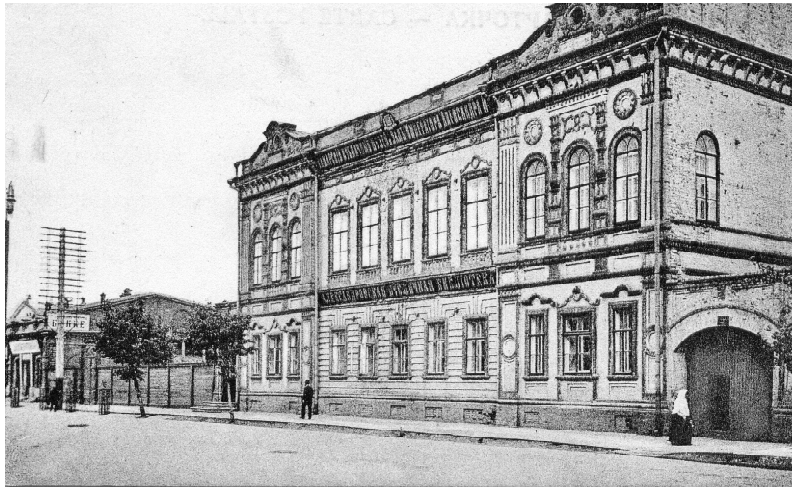
Немаловажную роль в поддержке стремления местной молодежи к высотам знаний и науки сыграло Самарское общество поощрения образования. Оно было создано 25 февраля 1873 г. Из средств, собранных этим обществом, оказывалась материальная помощь тем, кто имел право по окончании различных школ на поступление в высшие учебные заведения, но не мог им воспользоваться из-за бедности[110].

Накануне Первой мировой войны в 1914 г. в Самарской губернии функционировали 2997 учебных заведений, из них 141 – в Самаре, 100 – в уездных городах, 2756 – в селениях различных уездов. За один прошедший год число школ и училищ увеличилось на 381. Всего обучалось 256 323 чел. обоего пола, за год число обучающихся возросло на 32 161 чел. Соотношение полов среди учащихся не было адекватно составу населения, но проявляло тенденцию к выравниванию: 168 667 учеников (66 %) и 87 656 учениц (34 %)[111].

Результаты развития народного образования впечатляли не столько абсолютными цифрами, сколько стремительным ростом числа школ и учеников. Это позволило поднять в начале XX в. вопрос о введении в России всеобщего начального обучения, одним из инициаторов обсуждения которого стала самарская общественность[112].

§ 4. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, МУЗЫКАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Успехи в деле просвещения в Самарской губернии дополнялись другими достижениями в сфере культуры. Положительные результаты развития здешней культурной среды станут более заметными, если учесть появление в городе первого фотографического заведения (1851)[113], инициативы врача Ю.Б. Укке по проведению постоянных метеорологических наблюдений (1854)[114], старания К.К. Грота по созданию публичной библиотеки, увенчавшиеся ее открытием 1 (13) января 1860 г.[115]

Александровская публичная библиотека. Из фондов ЦГАСО

Первая типография в крае появилась вместе с открытием Самарской губернии в 1851 г. Всего же за вторую половину XIX – начало XX в. в издательствах и типографиях этой губернии было опубликовано, по подсчетам исследователей, 6113 книг и брошюр. Большинство из них (5100) напечатано в губернском городе. Остальные вышли в свет в городах Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске, Ставрополе, поселке Иващенково (ныне – Чапаевск), посаде Мелекесс (Димитровград), слободе Покровской (Энгельс), селах Балакове, Екатериненштадт (Маркс)[116].

В губернском городе постепенно разворачивалась научно-просветительская и историко-краеведческая деятельность. Материалы по истории, этнографии, географии, статистике, культуре Самарского края публиковались в изданиях губернского статистического комитета – первого научно-практического учреждения в регионе, сформированного в 1854 г., а также в «Самарских губернских ведомостях» – первом са-

марском периодическом издании, которое с 1852 г. стало выходить в свет. От жителей Самары также шли интересные корреспонденции в Русское географическое общество[117]. Наиболее примечательными являются труды учителя Г.Н. Потанина об истории города, языке, быте, занятиях его обитателей[118]. В середине XIX в. в числе исследователей самарской старины и современности, повседневности и фольклора были также редактор «Самарских губернских ведомостей» А.Ф. Леопольдов, чиновник по особым поручениям при самарском губернаторе К.К. Гроте Н.В. Воронов, учителя самарских школ, служащие различных местных учреждений, священники[119].

Эти материалы использовал и дополнил видный самарский администратор, общественный деятель, краевед П.В. Алабин. Результатом его работы стал выход в свет обобщающих трудов по истории и статистике Самары[120]. Усилиями же П.В. Алабина был создан первый в городе публичный музей. План устройства музея был выработан в 1880 г., но понадобились годы на постепенное формирование его коллекций[121].

Во второй половине XIX в. в Самаре выходил журнал «Самарские епархиальные ведомости». При губернском правлении выпускалась газета «Самарские губернские ведомости», под редакцией городского головы – «Самарский листок объявлений». Частным изданием была «Самарская газета»[122].

В конце февраля 1895 г. ее сотрудником стал А.М. Горький и работал в ней до апреля 1896 г. Здесь он сначала вел раздел «Очерки и наброски», а с 14 мая – ежедневную фельетонную рубрику «Между прочим».

Дважды, в марте-апреле и в июне-сентябре 1895 г., Горький был редактором «Самарской газеты». Он же явился инициатором создания Самарского общества книгопечатников. После отъезда из Самары Горький продолжал публиковаться в местных изданиях и неоднократно посещал этот город[123].

В начале XX в. количество периодических изданий в Самаре стало увеличиваться. С 1904 г. была основана газета «Самарский курьер».

Росла популярность публичной библиотеки у горожан разного социального положения. В 1864 г. она имела 285 абонентов, в том числе чиновников и дворян 119 чел., купцов и мещан – 59 чел., учащихся – 93 чел. В 1893 г. книги и журналы на дом брали 1203 чел., среди них дворян и чиновников – 308 чел., купцов, мещан и ремесленников – 317 чел., крестьян – 56 чел., духовного звания – 38 чел., учеников и учениц – 125 чел.[124]

При этом публичная библиотека не охватывала полностью весь круг потенциальных читателей. Наряду с ней в городе в конце XIX – начале XX в. работали частные библиотеки книготорговца Н.М. Федорова и Н.И. Громова. Кроме того, были библиотеки при учебных заведениях. Свои книжные собрания и собственных читателей имели Благородное,

Коммерческое, Офицерское собрания, Собрание служащих в правительственных и общественных учреждениях, Общество вспоможения приказчиков, Комитет о народной трезвости[125].

В правобережной Сызрани первые издания вышли в 1874–1875 гг. в литографии уездного земства. Затем появилось несколько частных типографий. Одну из первых сызранских книг, не носивших характера официального отчета, доклада, устава и т. п., написал сельский псаломщик Е. Авров. Это было полемическое «Собеседование» с приверженцами Бело-Криницкого староверческого согласия. В выходных данных указана «типография В.В. Гладышева на берегу р. Крымзы в доме Щербакова»[126].

В 1872 г. в Сызрани начался сбор пожертвований на создание городской публичной библиотеки, которая была открыта летом 1873 г. В конце XIX в. свой клуб и библиотеку открыло Общество приказчиков, по городу создавались другие общественные библиотеки и читальни. Во время страшного сызранского пожара 5 июля 1906 г. здание и книги публичной библиотеки погибли. Наибольшую активность в деле ее восстановления проявил библиограф и писатель Е.И. Аркадьев, на чье имя со всей России стали поступать посылки с книгами. В короткий срок было собрано более 7 тыс. томов. Возрожденная библиотека (с 1998 г. носит имя Е.И. Аркадьева) в 1910 г. перешла полностью на содержание из городских средств. С 1906 по 1915 г. в Сызрани Е.И. Аркадьев издавал первый библиографический журнал в провинциальной России – «Библиографический листок». Он же являлся составителем ряда справочников по библиотековедению и книговедению. Городские новости в конце XIX – начале XX в. освещались в газетах «Сызранский листок объявлений», «Сызрань», «Сызранское утро», «Сызранская молва», «Сызранский курьер»[127].

В расчете на мещанско-ремесленное население городов и крестьян в сельской местности складывались две параллельные системы небольших народных библиотек и читален. Одна была организована земством и преимущественно отражала либеральные устремления их организаторов-интеллигентов. Другая формировалась попечительствами о народной трезвости, следовала религиозно-монархическим настроениям местного духовенства, церковных активистов и землевладельцев. Всего же, по данным на 1915 г., в Самарской губернии было 282 народные библиотеки и читальни. Это значительно превышало количество таких библиотек в соседних Симбирской (157) и Пензенской (71) губерниях[128].

Все большую роль в жизни общества играл театр. Если уездная Самара была знакома только с любительскими постановками, то на первый же год в губернском статусе (1851) приходится начало профессиональных театральных представлений в специально снятом и приспособленном для них доме купца Лебедева. В августе 1855 г. начинается строительство специального деревянного здания для театра на деньги,

собранные самарской общественностью по инициативе губернатора К.К. Грота. В 1887–1888 гг. на средства города благодаря П.В. Алабину и тем гласным Самарской городской думы, которые представляли образованную часть общества, было построено каменное здание театра, возведенное «в русском стиле» по проекту выдающегося архитектора М.Н. Чичагова[129].

Здание театра. Из фондов ЦГАСО

Вокруг этого строительства кипели нешуточные страсти и споры. Прогрессивной части гласных удалось одержать верх над теми, кто театр не посещал и денег на него тратить не хотел. При этом был принят самый дорогой проект театра на 1300 мест, варианты на 800 или 1000 мест были отклонены. Строительство велось хозяйственным способом, хлопотным для городской управы и самой думы, но зато оставлявшим без наживы жадных подрядчиков и их думских покровителей. Вопреки интересам торговцев керосином и осветительным маслом, имевших немалый вес в городской думе, удалось добиться передового для своего времени освещения сцены электричеством, а зала – газовыми светильниками, что делало помещение более чистым, светлым и безопасным в пожарном отношении. Впервые в истории самарского театра его здание и сцена были освящены по церковному обряду и окроплены святой водой, на что дал благословение преосвященный Гурий, епископ Самарский и Ставропольский. Такое отношение духовенства к актерам было столь непривычным, что великая П.А. Стрепетова вспоминала эпизод с освящением самарского театра как одно из удивительных событий: «И вдруг капище идолослужения окропляется святой водой!»[130]

Историки театра полагают, что именно в Самаре П.А. Стрепетова получила признание как выдающаяся актриса. Первая ее антреприза

в этом городе в 1867–1868 гг. пока еще только обратила внимание публики на талантливую девочку. Работа же в самарском театре в 1869–1871 гг., особенно исполнение ею самой своей знаменитой роли Лизаветы в «Горькой судьбине» А. Писемского, принесла ей огромный успех, особенно у демократически настроенных зрителей. Публика была настолько восхищена игрой актрисы, что ее экстатическая реакция «превзошла всякую меру» даже тогда, когда актрису выпускали на роли в опереттах[131].

Профессиональный театр не вытеснил из жизни, а, наоборот, стимулировал театральное любительство, выходившее в ряде случаев на высокий уровень. В Самаре пользовался популярностью Общедоступный театр при комитете попечительства о народной трезвости, при котором был также организован Музыкальный любительский кружок[132].

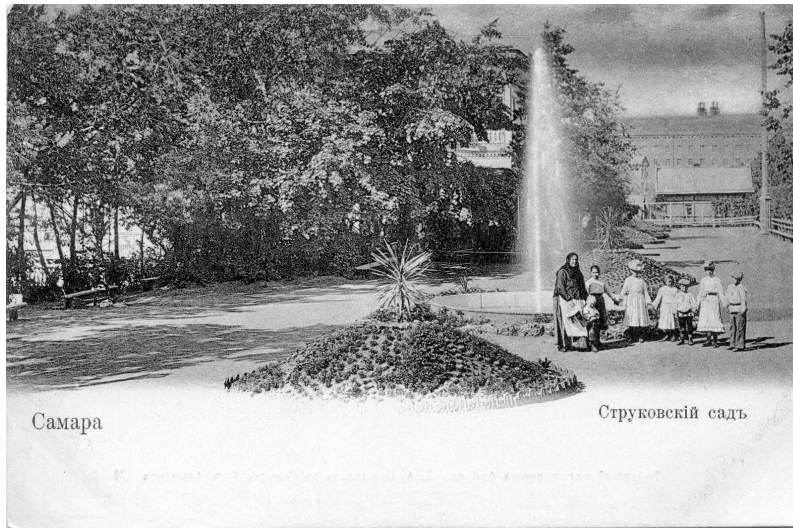
В Сызрани для театральных постановок использовались здания Летнего театра (1897–1906, 1907–1909 гг.), а также помещения Общественного собрания и клуба Общества приказчиков. Театр Общественного собрания имел в середине 1910-х гг. своего режиссера и ставил среди прочих такие спектакли, как «Гамлет» Шекспира и «Дядя Ваня» Чехова[133].

Не оставалось без внимания и музыкальное искусство. В развитии собственно музыкальной культуры в дореволюционной Самаре были достигнуты серьезные успехи. В городе имелись капитальные сооружения для театральных и зрелищных представлений, которые по качеству акустики и сценическому оснащению вполне подходили для исполнения хоровой и инструментальной музыки: здание театра и Народный дом им. А.С. Пушкина, построенный и открытый 21 декабря 1903 г. Чуть позже к ним добавился театр-цирк «Олимп». Кроме них к музыкально-драматическим и концертным постановкам привычно и легко приспосабливались актовые залы в помещениях гимназий и других учебных заведений, Благородного и Общественного собраний, прочих аристократических, деловых, профессиональных клубов и различных обществ[134].

Летние площадки для музыкальных спектаклей и концертов были оборудованы в Струковском саду – любимом парке горожан. Еще более популярным он стал, когда в 1851 г. здесь была устроена палатка с деревянным полом размером 6 на 3 сажен «для бала». С 1852 г. в саду действовал «воксал для благородного собрания». Он состоял из трех комнат: танцевальной, диванной и для карточной игры. Здесь за 20 коп. серебром «с персоны» можно было послушать музыку Оренбургского линейного батальона, «хор живописно ободранных цыганок и громогласных солдат»[135].

Наряду с традициями пения и музицирования в домах, храмах, на народных праздниках и гуляниях источником интереса к классическому искусству стала любовь практически всех слоев общества к театру.

Это явление повсеместно охватило провинциальные города России в XIX – начале XX вв. Одним из условий успеха у самарской публики как любительских, так и профессиональных театров, трупп, антреприз было включение в их репертуар музыкально-драматических спектаклей. Вслед за водевилями с отдельными легкими вокальными номерами местная публика осваивала репертуар оперетты и настоящей оперы, все более требовательно относясь к музыкальному мастерству исполнителей-певцов. Вместе с тем в наибольшем выигрыше оказывались антрепренеры, не жалевшие средств на обеспечение этих музыкальных постановок настоящими оркестрами[136].

Городской парк (Струковский сад). Из фондов ЦГАСО

Наполнению жизненного пространства музыкой способствовал интерес к новому искусству кино. Будучи «Великим немым», ранний кинематограф требовал для повышения зрелищности сопровождения игрой на пианино, а еще лучше – оркестрового. Кроме музыкального комментария самой движущейся картинки фойе кинотеатров перед началом сеансов и между ними становились площадкой для небольших, а порой и достаточно наполненных номерами концертов.

От инструментального и оркестрового исполнения в ходе драматических и визуальных зрелищ значительная часть провинциальной публики поднималась до интереса и любви к оперной, камерной и симфонической музыке. Самара, не имея еще кадров и средств для создания собственного музыкального театра или симфонического оркестра, охотно приветствовала концерты классической музыки, устраиваемые собиравшимися во временные коллективы профессиональными исполните-

лями и искусными любителями, а также артистами, приезжавшими на гастроли. В числе последних в Самаре побывали звезды мировой величины, достаточно привести в пример труппу миланского театра «Ла Скала», великого русского баса Ф.И. Шаляпина, выдающегося композитора и пианиста А.Н. Скрябина[137].

Выдающиеся мастера оперного и балетного искусства приезжали с гастролями и в Сызрань. Среди них были певец Л.В. Собинов и балерина Е.В. Гельцер. В самой Сызрани в 1892 г. было создано Общество любителей музыки и драматического искусства[138].

Музыка непременно звучала в самарских школах. В приходских и других начальных училищах ученики постигали азы не только грамоты, но и пения. Все торжества, проводившееся в учебных заведениях, включали в свою программу «исполнение хоровых и других музыкальных произведений, относящихся к ее событиям, юбилейной кантаты», часто школьный хор исполнял достаточно сложные произведения именитых композиторов[139].

Средние школы города, особенно реальное училище, славились преподавателями музыки, талантливыми учениками и их музыкальной подготовкой, как вокальной, так и инструментальной. 17 сентября 1889 г. в реальном училище вводится обучение музыке, а уже 18 марта 1890 г. в зале при квартире губернатора было проведено «литературно-музыкальное утро» силами учеников указанного училища. Концерт был освещен в самарской прессе, которая отметила «утешительные результаты первого в г. Самаре опыта обучения в школе оркестровой музыке» и то, что «ученики-музыканты, к величайшему изумлению публики, достаточно стройно и отчетливо исполнили назначенные по программе пьесы»[140].

В Самаре было открыто отделение Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). Кроме привычного домашнего и школьного обучения музыке в 1902 г. при ИРМО были организованы Музыкальные классы, дававшие уже профессиональное образование и превратившиеся впоследствии в музучилище. Первым руководителем старейшего культурно-просветительского учебного заведения Самары, существующего до сих пор, и организатором концертной деятельности местного отделения ИРМО стал выпускник Петербургской консерватории Я.Я. Карклин (Е. Карклиньш). Он был учеником выдающихся русских композиторов А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова, а впоследствии явился одним из основоположников латвийской профессиональной музыкальной культуры[141].

Еще один непременный атрибут культуры русского города – духовая музыка военных оркестров, которая развлекала гуляющую публику по паркам и скверам в праздничные и воскресные дни. Этому музыкальному жанру отдавали дань и в Самаре. Исполняли марши, вальсы, польки и другие произведения, как правило, военные оркестры. Самым

знаменитым из них стал оркестр 214-го пехотного Мокшанского полка, который прибыл сюда в сентябре 1906 г. после окончания Русско-японской войны. Из исполненных в самарском Струковском саду собственных сочинений его капельмейстера И.А. Шатрова одно стало не просто популярным, а вошло в классический фонд не только русского, но и мирового музыкального искусства – вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Работа над произведением, начатая на фронте, была закончена в 1907 г. при помощи самарского издателя и продавца нотной литературы О.Ф. Кнаубе, который вскоре переехал в Москву, а там поспособствовал распространению нот вальса по России и защите авторских прав композитора[142].

Нет точного указания на дату первого исполнения произведения Шатрова перед самарской публикой. Это могло произойти и в 1906–1907 гг., но современные самарские власти сочли возможным отнести событие к 24 апреля 1908 г. С 2013 г. к указанной дате приурочено проведение в Струковском саду ежегодного всероссийского фестиваля духовой музыки «На сопках Маньчжурии», как звучит теперь всем известное сокращенное название вальса[143].

Музыка звучала в Самаре и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Ее исполняла не только медь полковых оркестров. Самодеятельная игра на музыкальных инструментах стала повсеместным явлением в городском и сельском быту. Сохранились письма солдат в Самарскую городскую управу, в которых описываются в ожидании подарка от горожан фронтовикам не только материальные нужды (чай, сахар, табак, махорка, белье, бумага и проч.), но и культурные запросы. Одни авторы писем согласны были получить любые музыкальные инструменты, другие слали конкретные просьбы о балалайке или гармони. В том и другом случае воины ссылались на то, что «среди братьев нашей роты есть хорошие музыканты, которые могут развеселить не только себя, но и окружающих нас»[144].

В Самаре появлялись возможности развивать и другие художественные таланты. Кроме музыки в ряде учебных заведений преподавалось рисование. Так, в женском училище 1-го разряда этот предмет был переведен из числа необязательных в обязательные[145].

Одно время учителем рисования в этом училище был выпускник Академии художеств, уроженец Самарской губернии Н.Е. Симаков. Занимался он также этнографическими изысканиями[146].

По основному месту работы Симаков служил чиновником удельного ведомства, но не оставлял занятий искусством портрета и пейзажа, хотя получил известность прежде всего как художник-декоратор, иконописец, педагог, пропагандист народного художественного творчества. Самым прославленным его произведением стал эскиз Самарского знамени, по которому оно было изготовлено в Иверском монастыре Самары в 1876 г.[147]

Самарское знамя является национальной святыней Болгарии. Его же цвета и композиция положены в основу флага Самарской области.

В 1893–1895 гг. в Самаре жил и учился в классах живописи и рисования Ф.Е. Бурова К.С. Петров-Водкин. Смерть учителя прервала обучение, попытки найти работу вывесочного мастера или иконописца были неудачны, что заставило будущего выдающегося художника покинуть этот город[148].

Эстафету Бурова подхватили другие преподаватели и популяризаторы изобразительного искусства. В Самаре рубежа XIX–XX вв. работали рисовальные школы художников К.Н. Воронова и В.А. Михайлова[149].

С Самарским краем также связаны яркие страницы жизни и творчества И.Е. Репина. Он приезжал сюда в 1870 г. вместе с художниками Ф.А. Васильевым и Е.К. Макаровым, а затем в 1872 г. Здесь он работал над полотном «Бурлаки на Волге» и другими художественными замыслами[150].

К.П. Головкин, Н.А. Храмцов и другие художники, постоянно жившие в Самаре, не только устраивали здесь свои выставки, но и подарили в 1897 г. ряд картин городскому публичному музею для организации в нем «художественного отделения», чем положили начало будущему Самарскому художественному музею. Состоятельные ценители искусства собирали в Самаре собственные коллекции. Одним из лучших в городе было собрание купеческой семьи П.И. и В.Л. Шихобаловых, которых консультировал самарский художник, педагог и искусствовед В.В. Гундобин, получивший художественное образование в Москве и Париже[151].

К.П. Головкин. Из фондов ЦГАСО

Некоторые произведения русского и зарубежного искусства из частных коллекций представлялись на широкое обозрение, как это было в 1892 г., когда в здании Благородного собрания была организована подоб-

ная экспозиция с благотворительной целью. Самарская публика не понаслышке знала о современных русских художниках, поскольку город не раз посещали знаменитые передвижные художественные выставки, которые, как правило, также проводились в помещении Благородного собрания. На них можно было увидеть последние работы В.Е. Маковского, В.Д. Поленова, К.А. Савицкого, И.И. Шишкина, Н.Н. Ге, Н.И. Крамского, В.И. Сурикова и других мастеров-передвижников. Предоставляли место под различные выставки в богатых домах и самарские жители, в том числе П.С. Субботин и И.И. Жильцов[152].

Традиционная религиозная живопись не превратилась в Самарском Поволжье окончательно в ремесленный промысел безыскусных «богомазов», как случалось в других местах. В старообрядческой среде это произошло благодаря своеобразной сызранской иконописной школе, видными мастерами которой были Д.В. Попов, А.А. Бочкарев, Ф.А. Бочкарев, А.П. Качаев и др.[153]

Среди православных художников Самарской губернии известность получил Г.Н. Журавлев из с. Утевка. С рождения неспособный ходить и делать что-либо руками, он научился писать иконы и расписывать стены храма, держа кисть зубами. Губернатор А.Д. Свербеев взял на себя затраты на его обучение, возил в Москву и Троице-Сергиеву лавру знакомить с фресками и иконостасами древних соборов и недавно построенного храма Христа Спасителя, а в 1891 г. пригласил иконописца на торжественную встречу наследника престола, где представил будущему императору Николаю II[154].

Общественные инициативы, деятельность органов власти и городского самоуправления сыграли важную роль в развитии и культуры Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. Еще важнее была координация их усилий по этим направлениям. На ниве просвещения, творчества и искусства успешнее, чем в иных сферах жизни России, принимались и всходили ростки формирующегося гражданского общества, заметнее были результаты модернизации страны и края в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу.

Примечания

[1] Смирнов Ю.Н. «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне Великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1. С. 30.

[2] Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 6390. Л. 1–2 об.

[3] Артамонова Л.М. Создание органов управления образованием и появление новых школ в условиях трансформации уездного города в губерн-

ский центр: Самара в 1850-е гг. // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2016. Ч. 1. С. 346.

[4] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1770. Л. 56 об.-59, 61 об.–62.

[5] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6390. Л. 54 об.

[6] Там же. Л. 49, 51.

[7] Там же. Л. 32 об.

[8] Артамонова Л.М. Провинциальное учительство и его занятия наукой в 1850–1860-е гг. (по архивным и опубликованным материалам Самарской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 141.

[9] Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 370.

[10] Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 73. Оп. 2. Д. 86. Л. 119 и об.

[11] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6966. Л. 1.

[12] Там же. Л. 1 об.

[13] Там же. Д. 6959. Л. 12–13 об.

[14] Там же. Д. 6966. Л. 2 и об.

[15] Там же. Д. 7004. Л. 411 об.–412.

[16] Отчет по Казанскому учебному округу за 1855 год. Б.м., [1856]. С. 4, 16–17.

[17] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413–413 об.

[18] Артамонова Л.М. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850–60-х гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 23–24.

[19] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 417–417 об.

[20] Климкина Э.В. Меры правительства в сфере высшего и среднего образования в последние десять лет правления Николая I // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С.13.

[21] Миронов Б.Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 81.

[22] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7204. Л. 1.

[23] Жакова-Басова Т.П. За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 203–205.

[24] Артамонова Л.М. Открытие в 1856 году губернской гимназии – первого среднего учебного заведения в Самаре // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. Самара, 2017. С. 244.

[25] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7204. Л. 44 об., 64–64 об., 90–90 об.

[26] Там же. Л. 32, 128.

[27] Там же. Л. 49–51, 84–84 об.

[28] Там же. Л. 172.

[29] Смирнов Ю.Н. Роль учителей самарских школ середины XIX века в возникновении первых добровольных ассоциаций в городе // Самарский край в истории России: материалы межрегион. науч. конф. Самара, 2017. С. 250.

[30] Артамонова Л.М. Губернатор К.К. Грот и самарское учительство в условиях социальных, административных и культурных трансформаций (середина XIX в.) // Гротовские чтения: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2016. С. 19–20.

[31] Соколов Н. Очерк состояния Самарской гимназии с 1856 по 1863 год // Памятная книжка Самарской губернии на 1863–64 гг. Самара, 1864. Отд. IV. С. 71, 79–82.

[32] Смирнов Ю.Н. Традиция и культура городского населения Самары в записях и осмыслении образованных краеведов середины XIX века // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2013. Ч. 2. С. 63.

[33] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы / вступ. статья и сост. П.С. Кабытова. Самара, 1991. С. 71–72.

[34] Ляпина А.В. Выпускники Казанской духовной академии в истории Самарской духовной семинарии в пореформенный период с 1867 по 1884 г. // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2018. Ч. 1. С. 156.

[35] Якунин В.Н. Духовное образование, церковно-приходские и воскресные школы в Самарской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 277.

[36] Смирнов Ю.Н. Народное просвещение и научные исследования // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 260.

[37] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 255.

[38] Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20–21.

[39] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413, 420 об.–421.

[40] Артамонова Л.М. Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России) // Проблемы российской и социальной истории. Самара, 2011. С. 136.

[41] Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. 2. С. 145–152.

[42] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 417об., 428 об.–429.

[43] Там же. Д. 6496. Л. 1–3.

[44] Артамонова Л.М. Сельская школа середины XIX века и модернизация традиционного гендерного воспитания в России // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту: материалы V Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2017. Ч. 1. С. 286.

[45] Варенцов В.Г. О состоянии народной грамотности в Самарской губернии // Памятная книжка Самарской губернии на 1863–64 гг. Самара, 1864. Отд. IV. С. 62.

[46] Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник: сб. науч. ст. Самара, 1996. Вып. 3. С. 52.

[47] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 88.

[48] Артамонова Л.М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (на примере г. Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 137.

[49] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 1–1 об., 5.

[50] Там же. Л. 2, 3.

[51] Черкасова М.В., Фролова К.В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1. Самара, 2012. С. 275–283.

[52] Самарские губернские ведомости. 1858. 19 июля. № 29. Часть неоф.

[53] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7483. Л. 11.

[54] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. Самара, 1992. С. 67.

[55] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6496. Л. 5.

[56] Артамонова Л.М. Первая реформа Александра II. С. 21–22.

[57] НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7209. Л. 12.

[58] Артамонова Л.М. «Образованное общество» России в поисках источников финансирования женского образования: Г.С. и С.А. Аксаковы в Самаре конца 1850-х гг. // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2018. С. 167–169.

[59] Самарские губернские ведомости. 1860. № 31. Часть неоф.

[60] Артамонова Л.М. Губернатор К.К. Грот и развитие женского образования в Самарском крае в середине XIX в. // Гротовские чтения: материалы II Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 64.

[61] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 90–91.

[62] Артамонова Л.М. Пансион Нины Фланден в Самаре, губернатор К.К. Грот и провинциальное общество // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 21, 25.

[63] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 96.

[64] Смирнов Ю.Н. Самарская Лука между Великой реформой и революциями (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Смирнов Ю.Н. [и др.]. Самара, 1995. С. 136–137.

[65] Артамонова Л.М. О расширении гендерного состава учащихся в уездном городе конца 1850-х годов (на примере г. Сызрани) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. VI Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2018. С. 183–184.

[66] Якунин В.Н. Роль правящих архиереев в становлении и развитии Самарской епархии в 1851–1917 гг.// Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 16, 18, 20.

[67] Ляпина А.В. К вопросу о времени открытия Самарского епархиального женского училища // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2019. Ч. 1. С. 326.

[68] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева / под науч. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, М.М. Леонова. Самара, 2019. С. 76–77.

[69] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 96.

[70] Путеводитель по фондам Государственного архива Самарской области. Т. 1. Самара, 2006. С. 151.

[71] Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В.В. Алексеев, Л.А. Дашкевич, И.В. Побережников [и др.]. Екатеринбург, 2016. С. 55.

[72] Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени / ред. Ст. Бродберри, К. О'Рурк. М., 2013. Т. 2. С. 169.

[73] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2018. С. 829–830.

[74] Артамонова Л.М. Гендерный поворот провинциальной школы в середине XIX в.: социальные факторы и последствия // Стены и мосты: сб. труд. Международ. науч. конф. М., 2019. С. 158.

[75] Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 – 30 октября 1897): материалы для его биогр. и характеристики: к 100-летию со дня его рождения. Пг., 1915. Т. 1. С. 111.

[76] Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 157–158.

[77] Смирнов Ю.Н. Воздействие социального и культурного пространства провинциального города на формирование элементов гражданского общества (по материалам Самары в эпоху подготовки и реализации Великих реформ) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2016. Ч. 1. С. 364.

[78] Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. ст. и матер. СПб.; М., 2017. С. 62–63.

[79] Московские ведомости. 1860. № 233. С. 1844.

[80] Артамонова Л.М. Участие провинциальной общественности и администрации в общероссийском движении по открытию воскресных школ (1859–1862 гг.): из истории становления гражданского общества в России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 9–14.

[81] Абрамов Я.В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 254.

[82] Артамонова Л.М. Воскресная женская школа как маркер модернизационных процессов в уездном городе конца XIX в. // Модернизация культуры: знание как инструмент развития: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2019. Ч. 1. С. 314–315, 317.

[83] Абрамов Я.В. Наши воскресные школы... С. 270–271, 280, 282.

[84] Артамонова Л.М. Трансформация социальной потребности в женском образовании в уездном городе XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 40, 43.

[85] Народное образование Самары: хроника событий 1851–1917 / сост. Г.Е. Козловская, О.В. Московский. Самара, 2002. С. 42–45.

[86] Там же. С. 46, 48–49.

[87] Там же. С. 31–32, 35–37.

[88] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 229; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905. С. 36.

[89] Народное образование Самары... С. 42, 44, 46, 49.

[90] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 66, 68–69.

[91] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. С. 76.

[92] Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 1. 1850–1920 гг. Самара, 2000. С. 81.

[93] Народное образование Самары. С. 41, 50–51.

[94] Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. Самара, 1887. С. 75–77.

[95] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 43. Д. 2. Л. 7 и об., 8об., 11, 13, 21; Д. 4. Л. 13, 29.

[96] Народное образование Самары... С. 49.

[97] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. С. 44.

[98] Шульгин В.П. Графы Орловы-Давыдовы и крестьяне их Усольской вотчины // Черный перелом. Самара, 1992. С. 17; Прошлое нашего края: сб. док. и материал. Ульяновск, 1968. С. 240–242;

[99] Отчет о состоянии низших общеобразовательных и профессиональных учебных заведений Симбирской губернии за 1906 г. Симбирск, 1908. С. 97.

[100] Смирнов Ю.Н. Самарская Лука между Великой реформой и революциями. С. 134–135.

[101] Артамонова Л.М. Летопись Благовещенской церкви села Кашпирского Монастыря (последняя четверть XIX – первая четверть XX века) как исторический источник // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 16.

[102] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 225–228.

[103] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 34, 36–41.

[104] Колпаков А.Н. Педагогическое образование в Самаре. История высшей школы Самары. Кн. 3. Самара, 2010. С. 185.

[105] Артамонова Л.М. Открытие в Самаре в 1911 году учительского института как среднего профессионального учебного заведения // Самарский край в истории России: сб. материал. Межрегион. науч. конф. Самара, 2012. С. 123–125.

[106] ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 22–23.

[107] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 55–57.

[108] Артамонова Л.М. «Общенародное торжество» 1912 года и провинциальная школа (по материалам Самары) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2013. Ч. II. С. 71.

[109] Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Уроженцы Самарской и Симбирской губерний – выпускники и студенты Московского университета (1877–1917 гг.) // Самарский земский сборник. 2009. № 1. С. 36–37.

[110] Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1890 год. Самара, 1889. С. 150–151.

[111] Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. Отдел статистический. С. 36.

[112] Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи 1890–1916 (по материалам Самарской губернии). Самара, 2006. С. 139–140.

[113] Шестерикова В.В. Фотография в Самаре // Самарский земский сборник. 2004. № 1. С. 68.

[114] Годы и события... С. 27.

[115] Завальный А.Н., Завальная Л.Г. Исторический очерк // Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. Самара, 2009. С. 16–17.

[116] Курмаев М.В., Машенцева Л.П. Самарская книга второй половины XIX – начала XX вв.: сводный каталог-репертуар. Самара, 2013. С. 5.

[117] Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12–21.

[118] Артамонова Л.М. Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5–1. С. 229–237.

[119] Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 65–73.

[120] Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: ист.-стат. очерк / изд. Сам. губ. стат. комитета. Самара, 1877; Его же. Трехвековая годовщина города Самары / изд. Сам. губ. стат. комитета. Самара, 1887.

[121] Буркова О.С. Самарский городской публичный музей. 1880–1917. Самара, 2006. С. 10-27.

[122] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 243.

[123] Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А–Д. Самара, 1993. С. 291–292.

[124] Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.) Самара, 2008. С. 192.

[125] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 246; Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 169.

[126] Курмаев М.В. Сызранская книга второй половины (1874–1926 гг.): сводный каталог-репертуар. Самара, 2018. С. 5, 15.

[127] Город Сызрань: очерки географии, истории, культуры, экономики / науч. ред П.С. Кабытов. Сызрань, 2008. Т. 1. С. 363–364, 371, 416–420.

[128] Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2010. С. 541.

[129] Молько В.И. Путешествие по одной улице. Куйбышев, 1987. С. 13–14; Годы и события... Т. 1. С. 29, 101, 105.

[130] Смирнов (Треплев) А.А. Старый самарский театр и быт: очерки и материалы по истории театра и быта в провинции. Самара, 2008. С. 323–324, 327–329, 337.

[131] Мжельская М.В. Самара в музыкально-театральном процессе конца XIX – начала XX вв. // Прошлое и настоящее музыкальной культуры в трудах самарских музыковедов. Самара, 2002. С. 46.

[132] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. С. 246.

[133] Город Сызрань. Т. 1. С. 406–408.

[134] Артамонова Л.М. Музыка в историко-культурном ландшафте Самары первой половины XX века // Профессиональное музыкальное искусство России: традиции и новаторство: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2012. С. 11.

[135] Бирюкова А.Б. К истории формирования рекреационных зон в дореформенной Самаре // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3. № 6. С. 45–52.

[136] Мжельская М.В. Самара в музыкально-театральном процессе... С. 42, 44–45.

[137] Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: из истории музыкальной жизни Самары-Куйбышева. Самара, 1991. С. 7–27.

[138] Город Сызрань... Т. 1. С. 405–407.

[139] Артамонова Л.М. Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте // Самарский земский сборник. 2012. № 1 (21). С. 98, 101.

[140] Народное образование Самары. С. 62–63.

[141] Мжельская М.В. Екаб Карклиньш – основатель Самарского музыкального училища и организатор концертной жизни 1902–1917 годов // Самарское музыкальное училище сквозь призму поколений (1902–2002). Т. 1. Самара, 2003.

[142] Парусова Е.В., Гузенина С.В. Музыка и война: к истории создания русского вальса «На сопках Маньчжурии» // Россия – Япония: политика, история и культура: сб. ст. и докл. участников Международ. науч.-практ. конф. Казань, 2018. С. 194–195.

[143] «На сопках Маньчжурии» – конкурс на лучшую архитектурно-художественную композицию в Струковском саду [Электронный ресурс] // Музей Самарской Архитектуры. URL: http://uarsamara.ru/novosti/517-na-sopkakh-

manchzhurii-konkurs-na-luchshuyu-arkhitekturno-khudozhestvennuyu-kompozitsiyu-v-strukovskom-sadu (дата обращения: 17.09.2020).

[144] Артамонова Л.М. «Среди братьев нашей роты есть хорошие музыканты»: из окопного быта Первой мировой войны // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: VI Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2019. С. 223, 226–227.

[145] Алабин П.В. Самара: 1586–1886 годы. С. 92.

[146] Смирнов Ю.Н. Материалы Русского географического общества о населении Заволжья и его этническом составе до середины XIX века // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 3. С. 26.

[147] Крылов Г.З. Автор Самарского знамени // Году России в Болгарии посвящается: 130-летие окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии. М., 2008. С. 44–48.

[148] Володин В.И. Из истории художественной жизни города Куйбышева. М., 1979. С. 109–114.

[149] Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. С. 61.

[150] Володин В.И. Из истории художественной жизни. С. 125–130.

[151] Самарский художественный музей: русская живопись XVIII – начала XX века / сост. А.Я. Басс. Самара, 1999. С. 3–6.

[152] Самара-Куйбышев. Хроника событий. 1586–1986 гг. Куйбышев, 1985. С. 68–69, 71–72.

[153] Город Сызрань... Т. 1. С. 338–341.

[154] Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 6. С. 217.

Глава 7.
САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

§ 1. КАНУН И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

С каждым днем нового XX века очертания Смуты становились все явственнее. Власть теряла управление страной, противоречия раздирали политически активные социальные страты, в том числе и те, которые были становым столпом российской государственности. Раскол общества и власти стал зримым. Интеллигенция подстрекала простонародье. Обыденными стали выступления студентов, рабочих. Грозным предостережением прозвучали волнения крестьян Полтавской и Харьковской губерний в 1902 году. Усилили агитацию либералы и революционеры, ряды которых каждодневно пополняли неофиты. В 1898 г. объявили о создании своей партии социал-демократы; в конце 1901 года – социалисты-революционеры; в 1903 году организовались либеральные Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов. Возродился терроризм. Бывший студент Юрьевского университета П.В. Карпович 14 февраля 1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Вскоре статистик Самарской земской управы В.Ф. Лаговской покушался на жизнь обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. Террористы Боевой организации партии эсеров убили министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, губернатора Н.М. Богдановича. Власти находились в растерянности, общество ликовало. Состоятельные люди жертвовали тысячи и тысячи рублей либералам, революционерам, террористам.

Ухудшила положение бездарная авантюра на Дальнем Востоке. Простые жители России поначалу надеялись на скорую победу в Русско-японской войне. «Самарские губернские ведомости» подробно рассказывали о ходе военных действий, о патриотическом подъеме. Чем дольше длилась война, тем явственнее становилась растерянность, а вместе с ней досада, недовольство. Революционные организации обвиняли власть во всех смертных грехах и подстрекали народ к восстанию.

«Распалась связь времени» – страна погрузилась в смуту, хаос, революцию. Рабочие Петрограда, охваченные отчаянием, ощущением унижения, попрания своих прав, решили просить у царя защиты: испокон веков русские люди искали милости у царя. На многотысячных митингах рабочие Северной столицы обсуждали составленную интеллигентами петицию к царю с жалобами («Мы обнищали, нас унижают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать»)

и просьбами предоставить возможность представителям рабочих участвовать в выработке законопроектов о труде, установить восьмичасовой рабочий день, назначить выборы в Учредительное собрание, дать политические свободы[1]. Утром 9 января 1905 г. 140-тысячная манифестация направились к Зимнему дворцу и была расстреляна. По городам России прокатилась волна митингов, демонстраций, стачек солидарности и протеста. Смута достигла высшего предела – революции.

1 июля 1904 г. – встреча императора Николая II в Самаре.
Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре:
в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Кн. III. Самара, 2014

На рубеже веков глубинная Самарская губерния в государственном политическом регистре проходила по реестру спокойных. По отзыву видного либерала Д.Д. Протопопова, «в городе Самаре царил глубокий сон»[2]. Сюда ссылали поднадзорных, местная администрация привечала их. Среди служащих Самарского земства ссыльные составляли едва ли не треть. В их числе были видные либералы (А.К. Клафтон), социал-демократы (А.Г. Шлехтер), эсеры (М.И. Сумгин)[3]. А.К. Клафтон, будущий лидер самарских кадетов, снискал доверие губернатора А.С. Брян-

чанинова, его супруги, уездного предводителя дворянства графа Н.А. Толстого, секретаря уездной управы Реутовского. Их хлопотами в 1902 г. его для получения чина устроили в канцелярию уездного предводителя дворянства, где он только числился, а работал и получал зарплату в губернской земской управе. Позднее хлопотами тех же покровителей он получил должность секретаря губернской земской управы[4].

Из земских гласных только Г.Н. Костромитинов, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов, А.А. Ушаков и Н.А. Шишков были известны как действенные либералы. Само же губернское земство, по словам одного из лидеров самарских кадетов Д.Д. Протопопова, «было в руках каких-то земских Батыев, шедших походом против статистики и всякого живого дела»[5]. Самарские либералы А.Н. Хардин, А.Г. Елшин, А.А. Бостром и другие до конца 1904 г. ограничивались беседами в узком кругу, участием в семейно-педагогическом кружке, обществе взаимопомощи учителей. Разрозненные сторонники «Союза освобождения» не могли сплотиться.

Эсдеки (социал-демократы) и эсеры (социалисты-революционеры) были значительно активнее. Как одни, так и другие исповедовали социализм, т. е. веру в земной рай на основе обобществленных орудий и средств производства, плановой и планомерной экономики, централизованного распределения. Социал-демократы ориентировались на рафинированный индустриальный тип развития, а эсеры стремились увязать социализм с традиционным земледельческим строем. Первые идеализировали пролетариат, вторые – трудящихся. И те и другие призывали к насильственному ниспровержению существующего строя.

А.А. Преображенский, А.Н. Ермаков в 1900 г. создали в Самаре немногочисленную «группу содействия» «Искре», вся деятельность которой первоначально ограничивалась сбором средств и распространением этой газеты, а позднее – организацией малочисленных кружков рабочих (на заводах Журавлева, Лебедева, свечном) и изданием прокламаций. Самарский комитет социал-демократов вел свое начало с июля 1902 г. Основное внимание он уделял пропаганде среди рабочих и учащихся, которую, как правило, вели молодые люди: Р.Н. Дмитриев, П.П. Кузьмин, С.М. Лепский, Б.И. Николаевский и др. В Самаре располагалось созданное осенью 1903 г. Восточное бюро ЦК РСДРП, в котором главную роль играл И.Ф. Дубровинский, а с осени 1904 г. – А.А. Квятковский. На Алексеевской улице (ул. Красноармейская, д. 52) в нелегальной типографии печатались «Хроника Восточного бюро РСДРП», прокламации, листовки.

Самарская группа эсеров оформилась в 1902 г. Ее наиболее видными членами были М.И. Сумгин, И.И. Девятов, позднее – Г.И. и С.И. Акрамовские, М.А. Веденяпин. Поначалу группа агитировала в кружках рабочих, учащихся, народных учителей. Особенно преуспевал С.И. Акра-

мовский, один из основателей «Союза народных учителей социалистов-революционеров»[6]. Много внимания эсеры уделяли пропаганде среди крестьянства, созданию крестьянских кружков – «братств». В январе 1904 г. группа преобразовалась в комитет. Теоретические распри, взаимные обвинения не мешали либералам, социал-демократам и эсерам сотрудничать: уже в конце 1904 г. они совещались о координации действий, о совместной работе, однако договориться не сумели.

В консолидации самарских консерваторов видную роль сыграли А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов. Они пропагандировали идею сплочения дворянской корпорации для защиты сословных привилегий. Одна часть консерваторов считала нужным уравнять в правах всех землевладельцев, за дворянами же сохранить роль старшего опекуна; другая часть настаивала на сохранении особого социального статуса дворянства и поместного землевладения. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов в 1895 г. инициировали появление Общества сельских хозяев Самарской губернии.

Самарскую администрацию возглавлял губернатор, по закону «хозяин губернии». На него возлагался контроль над органами местного самоуправления, председательство в губернских по земским и городским, фабричным, воинским, питейным делам присутствиях – всего присутствий было более полутора десятков. Закон 1900 г. вернул губернатору дореформенные обязанности верховного попечителя в обеспечении населения продовольствием, наблюдения за подчиненными, надзора за свободной и беспрепятственной торговлей съестными припасами, «устранения непомерного возвышения цен», «покровительства общеполезным предприятиям», торговле и промышленности, а также разрешения открытий фабрик, заводов и других промышленных предприятий, руководства фабричным и горным надзором, поддержания порядка, имущественного благополучия рабочих.

22 января 1905 г. Самару покинул А.С. Брянчанинов. 13 лет он поотечески руководил вверенной ему губернией (да еще три года состоял вице-губернатором): покровительствовал либералам, не обижал революционеров, если те, как с ними бывало, не выходили из рамок закона, ладил с консерваторами. Вместе с супругой привечал общественные мероприятия. «Самарские губернские ведомости» отмечали: «С давних пор, по инициативе Александра Семеновича Брянчанинова и его супруги, Софьи Борисовны, в Самаре установился обычай взаимных поздравлений в день нового года в зале коммерческого собрания взамен праздничных визитов». Обыватели платили губернатору взаимностью. Во все годы пребывания в Самаре, говорил А.С. Брянчанинов, «он всегда и во всем встречал сочувствие и благожелательное отношение к его начинаниям со стороны сословных и общественных учреждений и других ведомств, а также добросовестное и разумное содействие со стороны ближайших сотрудников»[7].

За свои труды гофмейстер Брянчанинов в декабре 1904 г. был назначен членом Государственного Совета, а городская дума на заседании 15–16 декабря того же года единогласно избрала Александра Семеновича почетным гражданином города Самары. Самарские купцы и другие граждане поручили депутации в составе именитых и почетных граждан и купцов первой гильдии во главе с П.С. Аржановым и А.Г. Курлиным утром 1 января 1905 г. просить получившего отставку губернатора разрешить учредить стипендию его имени в учебных заведениях города и посетить торжественный обед. На эти цели было собрано более пяти тысяч рублей. От обеда Брянчанинов отказался, а стипендии были учреждены. 22 января 1905 г. он покидал город. «Вокзал был переполнен народом, – сообщал самарский официоз, – и проводы имели самый сердечный характер»[8].

В 1905–1906 гг. губернаторствовал Д.И. Засядко. Протеже В.П. Мещерского, человек образованный и рассудительный, но нерешительный, он предпочитал, как и его предшественник, патриархально управлять вверенной ему губернией. 1 февраля 1906 г. либеральный «Голос Самары» поместил фельетон «Тайны г. Присядки», лишь чуть изменив фамилию только что смещенного губернатора: «Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко добродушно похлопывал себя по круглому животику, отвечая: “Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет... ничего, пошумят, да когда-нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут кого хотят, – но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови ни одного горчишника”»[9]. Нужно признать, что в бульварном гротеске переданы некоторые реальные черты. Засядко регулярно обращался с отеческими увещеваниями к самарцам, призывая их к согласию и миру, уговаривал предпринимателей пойти на уступки. В июле 1905 г., когда в городе носились слухи о возможном еврейском погроме, он призвал самарцев отказаться от насилия, евреев же просил воздержаться от появления в местах массовых собраний, в частности в Струковском саду. В октябре 1905 г., когда город оказался во власти стихии, Д.И. Засядко предостерегал родителей во избежание несчастных случаев не выпускать из дома детей без присмотра[10].

В дни октябрьской стачки Засядко растерялся. 14 октября 1905 г. он направил к митингующим на луговой стороне Самарки заведующего сыскной частью полковника И.Л. Короткевича с предложением выбрать делегацию для переговоров с губернатором. Митингующие оскорбляли полковника, пытались наклеить на него прокламации, но в конце концов согласились с ним, избрали трех депутатов, которые потребовали освобождения политических заключенных, гарантий свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех демонстрантов, кто, возможно, скончается от ран, полученных при перестрелке с казаками 13 октября.

Губернатор обещал сделать все, что в его силах, наказать виновных, убрать казаков с улиц. Депутации от «самарского общества» он обещал впредь воздерживаться от применения силы. В дальнейшем Д.И. Засядко регулярно согласовывал свои действия с Комитетом общественного спасения и другими представительными общественными организациями[11].

Губернатор Д.И. Засядко. Из фондов ЦГАСО

Вице-губернатор В.Г. Кондоиди, человек решительный, убеждал самарцев, что волнения начались, «может быть», происками японцев и уж точно служат их интересам. Он угрожал репрессиями вплоть до применения военной силы, призывал «избегать появления на улицах толпами» и расходиться по первому требованию полиции[12]. В.Г. Кондоиди был обречен на конфликт с «самарским обществом», с губернатором и в конце 1905 г. расстался со своим постом. Вслед за ним получил отставку и Д.И. Засядко.

Их сменили губернатор И.Л. Блок и вице-губернатор И.Ф. Кошко. И.Л. Блок, волевой, целеустремленный, опытный чиновник, был сторонником решительных действий. Он просил министра внутренних дел П.А. Столыпина вывести из Самары «пораженные мятежническим духом» Бузулукский полк и Борисовский батальон, «расформировать или

освежить войска частями незапятнанной репутации»[13]. По его настоянию подавлялись волнения в городе и селах, производились многочисленные аресты. Даже октябристский «Голос Самары» был ошеломлен: «Арестовываются, а затем ввергаются в тюрьмы адвокаты, учителя, железнодорожники (они преимущественно), почтово-телеграфные чиновники, рабочие и крестьяне. ...Когда будет конец начальственному гневу и когда начальство устанет таскать своих недругов?» – вопрошала газета[14]. И.Ф. Кошко писал позднее, что он физически ощущал «повсюду разлитую враждебность» к властям[15]. 21 июля 1906 г. на углу улиц Воскресенской и Вознесенской И.Л. Блок погиб от взрыва бомбы, брошенной членом летучего отряда Поволжской области, рабочим-столяром Г.Н. Фроловым[16]. Вновь назначенный губернатор В.В. Якунин наставлял самарцев «бояться Бога и чтить царя»[17]. При нем 16 сентября 1906 г. в Самаре был введен военно-полевой суд. 28 октября того же года губерния была объявлена на положении усиленной охраны.

Губернатор И.Л. Блок. Из фондов ЦГАСО

Опорой администрации были жандармерия и воинские части. Губернское жандармское управление в 1905 – начале 1906 гг. возглавлял полковник Г.С. Добрянский, которого сменил генерал-майор И.И. Каратаев. Оба в первую очередь думали о пенсии, обязанности свои выполняли плохо, авторитетом у подчиненных не пользовались. По свидетельству Министерства внутренних дел, «Самарское жандармское уп-

равление редко знало, что делается в губернии»[18]. И.И. Каратаев был уволен при скандальных обстоятельствах. Когда ему доложили, что в жандармское управление брошена бомба, он немедленно поместил в газете объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором Каратаевым продается корова[19]. Злополучное объявление произвело в Петербурге фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил И.Ф. Кошко «успокоить» стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили[20]. Жандармское управление возглавил инициативный, энергичный, знающий энтузиаст сыска подполковник М.П. Бобров. Он укрепил агентурную сеть. Секретных агентов внедрили во все революционные организации. Деятельность М.П. Боброва была столь успешной, что эсеры покушались на его жизнь, правда, безрезультатно.

Поскольку Самарская губерния значилась среди самых спокойных, то по ведомству департамента полиции она причислялась ко второй, низшей, категории с минимальным числом сотрудников. В 1903 г. в губернском жандармском управлении было выделено охранное отделение, в функции которого входило наблюдение и пресечение деятельности противоправительственных организаций. Возглавил охранное отделение начальник жандармского управления. По мнению администрации, вследствие того, что в Самаре не было адресного стола и подворной регистрации, в нее стекались революционеры. Жандармское начальство печалилось также скудностью средств, опускаемых на агентуру (всего 25 рублей в год – их хватало на содержание только двух секретных сотрудников)[21]. В январе 1907 г. М.П. Боброву поручили немедленно приступить к организации Поволжского районного охранного отделения в составе 11 губерний. В связи с этим были значительно увеличены ассигнования и штаты Самарского губернского жандармского управления[22]. В 1908 г. Поволжское охранное отделение перевели в Саратов.

Общую полицию г. Самары возглавлял полицмейстер. В его подчинении были четыре частных пристава (по числу частей города), десять помощников частных приставов – участковых надзирателей, двадцать восемь околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городовых. В уездах губернии числилось семь исправников, 39 становых приставов, 4098 урядников[23]. Становые приставы и урядники предпочитали ладить и с населением, и с начальством; многие из них сквозь пальцы смотрели на революционную агитацию.

Начальник Самарского гарнизона генерал Сергеев и командир триста двенадцатого Березинского полка полковник Баранов были сторонниками подавления волнений силой. В свою очередь командир третьей артиллерийской бригады подполковник фон Гальбен, «самарский Шмидт», кумир общества, поддерживал либеральный Комитет общественной безопасности.

Русско-японская война подхлестнула антиправительственные настроения самарских революционеров и либералов. Революционные комитеты наладили выпуск прокламаций и для солдат. К этому времени относятся первые попытки агитации местного гарнизона, в частности Бугульминского полка и 3-й артиллерийской бригады. В ноябре-декабре 1904 г. по России прокатилась «банкетная кампания». В связи с сорокалетием судебных уставов либералы вместе с радикально настроенной интеллигенцией устраивали в губернских городах банкеты, на которых принимали резолюции о желательности преобразований. Самарские купцы вначале побаивались: «А что если нас за банкеты да в Сибирь сошлют? Нет, лучше уж не ходить». Но потом решились. 17 ноября 1904 г. на банкете в Самаре приняли резолюцию о необходимости созыва Учредительного собрания, прекращения войны, амнистии политическим заключенным. 20 ноября собрались адвокаты. Вот как иронично описала банкет «Самарская газета»: «Обед шел вяло. Наконец, один из участников встал и произнес речь на тему, что он де поражен: “Мы все только едим и молчим, молчим и едим”. После чего приободренные напитками адвокаты произнесли речи и подписали адрес. На следующий день рано утром самые пугливые ездили вычеркивать свои подписи»[24].

На заседании семейно-педагогического кружка в Земской управе 19 декабря 1904 г. публика, человек 200—300, шумела: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!», «Трусы жалкие, либералы!». С хоров разбрасывали прокламации. После того как председатель закрыл собрание, присутствующие с революционными песнями вышли на улицу и в начале двенадцатого часа ночи остановились на углу улиц Саратовской и Москательной, а затем с пением «Марсельезы» и «Варшавянки», провозглашая: «Долой царя!», — прошли по улице Москательной, по ул. Дворянской и далее по улице Панской. Эта первая демонстрация в Самаре произвела на общество большое впечатление[25]. В январе 1905 г. напряжение нарастало с каждым днем. В новогоднюю ночь в громадной пивной Вакано сошлось до тысячи человек. С особым воодушевлением восприняли речь М.И. Сумгина.

10 января 1905 г. в Самару пришли известия о расстреле манифестации в Петербурге. Общественные организации отправили в Петербург телеграммы со словами поддержки. Поскольку газетные сообщения о событиях в Петербурге и других местах были предельно скупыми, то по Самаре ходили самые невероятные слухи. Комитеты социал-демократов и эсеров издали во многих тысячах экземпляров «Письма Г. Гапона к рабочим», прокламации «К рабочим», «Ко всем рабочим», «К обществу», в которых излагалось содержание петиции к царю. Рабочих и граждан Самары они призывали объявить стачку протеста. По выражению «Самарского курьера», после 9 января Самара зажила «чисто вулканической жизнью», «необычайный подъем охватил все слои

населения»[26]. На самом деле это относилось главным образом к политически активным социальным группам.

Администрация втрое против обычной нормы (на 240 человек) увеличила казачьи патрули, подняла на ноги полицию, регулярно арестовывала «зачинщиков». 18 января в знак солидарности с питерскими рабочими прекратили работу 13 типографий, часть рабочих и служащих железнодорожных мастерских. На улицах собирались толпы людей, разъезжали отряды конной полиции; власти от греха подальше приказали закрыть пивные. На другой день остановились мельницы, заводы Лебедева и Жигулевский. На предприятиях обсуждали петицию петербургских рабочих. Политические требования отклика не находили. Губернские и городские власти потребовали от предпринимателей пойти на максимум уступок[27]. Под их нажимом владельцы типографий 20 января обязались удовлетворить предъявленные забастовщиками требования. Городская стачка тем не менее разрасталась и, достигнув 22 января апогея, резко пошла на убыль. Во второй половине этого дня приступили к работе на заводе Лебедева, мельницах Шихобалова, Бобермана, в типографиях. 24 января стачка окончилась. Попытки владельцев мельниц, фабрик, заводов уволить «зачинщиков» январских забастовок и тем дать острастку другим пресекались фабричной инспекцией.

Зимой и весной 1905 г. экономические стачки стекольных, сапожных, портняжных мастерских, грузчиков, приказчиков, модисток, официантов, служащих, учащихся стали обыденным явлением Самары. Служивый люд заведений, где господствовали обычаи старины, просил о таких условиях труда, которые на крупных предприятиях уже давно казались невыносимыми[28].

Еще в начале зимы 1905 г. власти сообщали о «спокойном настроении» крестьян, но уже 16 марта из Бугурусланского уезда докладывали: «Настроение крестьян нехорошее», они недовольны войной с Японией, называли начальство ворами и изменниками, а земских начальников — дармоедами, говорили, что на войну берут крестьян, у которых земли мало, а помещиков не берут, грозили, что «скоро будут бить студентов и вообще всех образованных за то, чтобы они не бунтовали против веры христианской и не шли против царя»[29]. Служащие помещика Самарина в с. Владимирском Самарского уезда пересказывали крестьянские разговоры: «...по справедливости обрабатываемая ими земля должна была бы принадлежать им, крестьянам, так как они уже заработали ее. За землю, которой они не владеют как собственностью, их, крестьян, дети, братья и родственники проливают теперь кровь на войне с Японией, а между тем Самариных и вообще людей, обладающих таким количеством земли, как, например, Аржановы, Шихобаловы и пр., на войне нет... Настанет, наконец, время, когда они, не спрашивая разных Самариных, сами запашут землю их и будут ею пользоваться наравне с ними»[30].

Весной 1905 г. обострился вопрос о выпасах. В первой половине апреля крестьяне с. Страхово Бузулукского уезда, арендовавшие выгон у помещика Аксакова (своего у них не было), просили понизить арендную плату – им отказали. Тогда они составили «обществом» приговор и 20 апреля самовольно выгнали скот на пастьбу; помещичьих объездчиков, которые попытались прогнать крестьянский скот, избили; попало и самому Аксакову. Напоследок в его усадьбе выбили камнями стекла. Крестьяне успокоились только тогда, когда появились стражники. Через несколько дней Аксаков согласился с предложенными условиями[31]. На помещичьи луга выгоняли скот общины д. Новотулки Николаевского уезда, с. Елшанка Самарского уезда, с. Жилинка Бузулукского уезда и многие другие. По данным администрации, в течение весны 1905 г. в губернии произошло 40 случаев самовольного пользования выгонами, покосов трав и порубок леса. Такое, замечал Д.И. Засядко, бывало и в прошлые годы, но крайне редко, теперь же, подчеркивал он, «самоуправства совершаются открыто, число участников в них больше, и держат они себя вызывающе, угрожая в случае противодействия им жечь усадьбы или прибегнуть к другим видам мести»[32].

Как правило, крестьяне действовали сообща: на сельских сходах обсуждали план будущих действий, выгоняли на пастбища скот всего общества, вместе косили помещичьи луга, предъявляли требования от имени общины. Губернские власти предпочитали улаживать столкновения в деревне миром; войска или казачьи сотни высылались редко. Так было в случаях острых столкновений в с. Жилинка Бузулукского уезда, селах Яблоневый Овраг, Андросовка и Колдыбан Николаевского уезда. Оружие для усмирения крестьян весной 1905 г. не применялось.

В это время деревня (речь не идет о немногих партийных кружках) политики чуралась, о гражданских правах, Учредительном собрании разговоров не вела, сосредоточившись на злободневных нуждах: выгонах, лесе, арендных ценах. Доминировали надежды на верховную власть. Весной 1905 г. крестьяне России послали на имя царя 60 тысяч прошений и приговоров о земельных нуждах. Немало среди них было и обращений самарских крестьян.

Весной и летом 1905 г. революционная стихия охватила и уездные города, а также промышленные села. Выделялась забастовка приказчиков крупной пристани села Балакова в марте 1905 г., в результате которой они добились небольшого повышения заработной платы при сокращении рабочего дня. Стачки стали привычным явлением: бастовали рабочие заводов, подведомственных фабрично-заводской инспекции, мелких кустарных заведений, железнодорожники, типографские работники, пивовары, приказчики и официанты – трудно назвать профессии, представители которых не предъявляли бы претензий. Авторитет властей падал.

Неистово бунтовала радикально настроенная учащаяся молодежь, которую интенсивно агитировали эсеры. «Организация самарской учащейся молодежи комитета партии социалистов-революционеров» издавала с начала 1905 г. гектографированный журнал «Молодое слово». Успехи социал-демократов были много скромнее. Большинство учащихся сторонилось политических радикалов, ставя во главу угла «академические права». 4 февраля началась забастовка в Кинельском сельскохозяйственном училище, где имелся влиятельный эсеровский кружок. В петиции, врученной директору школы, говорилось о праве учащихся иметь представителей в педагогическом совете, носить любую, а не только форменную, одежду и пользоваться всеми разрешенными цензурой книгами, а также создавать союзы и созывать собрания. Забастовщики послали эмиссаров в другие учебные заведения города. Обсудив эту петицию, 10 февраля прекратили занятия и учащиеся фельдшерской школы. Возобновили они учебу лишь через 11 дней – после того, как администрация уволила «зачинщиков». Учащиеся же Кинельского сельскохозяйственного училища стояли на своем до 8 марта. Затем, несмотря на уговоры директора училища, а также земских гласных во главе с А.А. Чемодуровым, радикалы снова решили бастовать. Теперь до 1 сентября. Чтобы покончить с попытками начать занятия, 17 марта 15 учащихся, преимущественно эсеров, вышибли рамы и стекла училища, выбросили из окон парты и кровати, сожгли спальное белье. Власти пошли на крайние меры: училище закрыли, из города прислали солдат. «Зачинщики» бежали, беспорядки прекратились.

Один полюс социального спектра России, Самарской губернии в том числе, составляли революционно настроенные слои, не останавливающиеся перед крайними формами насилия во имя мгновенного переустройства, другой – консервативные, желавшие сохранить привычный миропорядок с частичными изменениями. Либерально настроенные страты жаждали коренных реформ посредством решительных, но невооруженных действий. В каждой социальной страте в разной пропорции имелись сторонники всех этих направлений[33].

После 9 января 1905 г. во много раз увеличилось число тех, кто активно интересовался событиями в стране, губернии, городе, сам пытался влиять на них. Осмелели «Самарская газета» и «Самарский курьер». Самарские либералы активно включиться в политическую борьбу не спешили. Попытки Д.Д. Протопопова в конце февраля 1905 г. мобилизовать либералов особых результатов не дали. Он собрал освобожденческий кружок, который издал в эсеровской типографии прокламацию, но, как свидетельствовал сам инициатор, «дело не клеилось».

Об усилении неприязни между либералами и консерваторами свидетельствовал так называемый «чемодуровский инцидент». Интерес самарского либерального общества к очередному 40-му Губернскому зем-

скому собранию, от которого ожидали чего-то необычайного, был настолько велик, что в день его открытия, 30 января 1905 г., публике не хватило мест в зале и многие пробрались на хоры, шумно поддерживали земцев-либералов. Председательствующий, губернский предводитель дворянства А.А. Чемодуров, отложил начало заседаний, против чего решительно протестовали возглавляемые Г.Н. Костромитиновым и Д.Д. Протопоповым либералы.

На следующий день, 31 января 1905 г., А.А. Чемодуров приказал не допускать на заседания публику и корреспондентов. У подъездов земской управы были поставлены околоточные надзиратели. Действуя в точном соответствии с буквой и духом земских положений, Чемодуров энергично пресекал политическую риторику земцев-либералов. Тем не менее либеральное большинство земского собрания настояло на том, чтобы принять депутации от «самарских граждан» и адвокатов и заслушать их адреса о «трудных временах, переживаемых Россией» и о необходимости коренных реформ. Восемь консерваторов-земцев во главе с Чемодуровым в знак протеста демонстративно покинули зал. В свою очередь служащие земской управы объявили забастовку, отказываясь подвергаться досмотру при входе и выходе[34]. В дни, когда проходило 40-е земское собрание, земцы-либералы на частных совещаниях обсуждали резолюции ноябрьского (1904 г.) Петербургского земского съезда. Одни из них ратовали за реформы при сохранении самодержавия, другие считали необходимым сначала ликвидировать самодержавие, а затем проводить реформы. После бурных прений земское собрание завершило работу 7 февраля 1905 г., даже не рассмотрев бюджета, что было делом невиданным.

Так как о предстоящем завершении заседаний было известно заранее, то к двум часам дня 7 февраля возле земской управы собралась многочисленная толпа. Усиленный наряд полиции внутрь здания никого не пропускал, указывая на вывешенное объявление: «Заседание, по распоряжению предводителя дворянства, не будет публичным». Это вызвало сильное недовольство. Костромитинова, Протопопова, других земцев-либералов толпа встретила аплодисментами, Чемодурова – свистом, оскорбительными выкриками. Будущий депутат I Государственной думы В.А. Племянников опубликовал в центральных газетах открытое письмо с протестом против действий Чемодурова. Событие получило всероссийскую огласку.

Ни одно крупное политическое выступление не проходило без участия социал-демократов и эсеров. В начале 1905 г. из ссылки в Самару прибыли авторитетные социал-демократы Г.И. Крамольников, Н.Н. Баранский, значительно усилившие местную организацию. Эсеры в целом уступали социал-демократам в городе, будучи, правда, влиятельнее среди железнодорожников и учащейся молодежи. Популярности им приба-

вило убийство в Москве 4 февраля 1905 г. членом Боевой организации партии эсеров И.П. Каляевым великого князя Сергея Александровича.

Потрясения побуждали к сплочению приверженцев существующего строя, тех, кто ранее лишь исправно исполнял приказания властей предержащих. В большинстве своем жители Самарской губернии жили заветами старины. Они верили в Бога, в сакральность царя, слушались начальства, опасались смуты, которая нарушала привычный прочный мир и грозила неисчислимыми бедами. Самарский дворянский аристократический консерватизм возглавил губернский предводитель дворянства Чемодуров, человек волевой и деятельный. Наряду с аристократическим сплачивался плебейский, «черносотенный» консерватизм во главе с вице-губернатором В.Г. Кондоиди. Черносотенцы создавали незарегистрированные организации для борьбы с «бунтовщиками» и «студентами». Губернское жандармское управление собрало немало листовок, зачастую малограмотных, с призывом: «Бей жидов и революционеров!» В начале марта 1905 г. на Троицкой площади был избит некий Барыбин, которого приняли за агитатора-бунтовщика. Такое повторялось не раз. Газеты сообщали, как на том же Троицком рынке хозяева лавок угощали водкой «галахов», «горчишников» и рассуждали о вреде от «бунтовщиков», «студентов», «жидов», говорили о необходимости во имя порядка расправиться с «бунтовщиками»[35]. По меньшей мере, по городу упорно ходили слухи, что на Пасхальную неделю будут громить евреев и интеллигентов.

Много шума наделала стачка приказчиков. 1 февраля 1905 г. 328 приказчиков собрались и, постановив добиваться одиннадцатичасового рабочего дня, избрали комиссию во главе с журналистом А.И. Матовым для выработки резолюции и координации дальнейших действий. На собрании 5 февраля присутствовали 350 человек. Владельцы торговых заведений 13 февраля предложили установить двенадцатичасовой рабочий день и соглашались ходатайствовать перед властями о закрытии торговых заведений в дни праздников. Приказчики этим не удовлетворились и в конце февраля 1905 г. передали свои требования городской администрации. Далее произошел чисто российский казус: чиновники затеряли прошение приказчиков. Те подождали-подождали и 6 марта на очередном собрании решили вновь обратиться к администрации. Поскольку дело шло о насущных интересах, на собрание 13 марта явилась примерно половина приказчиков Самары, около 2000 человек. Управляющий отделением торгово-промышленного банка А.С. Медведев сообщил, что губернатор передал хозяевам требования приказчиков, но ответа не получил. Присутствующие решили с утра 14 марта начать забастовку. В тот же день владельцы торговых заведений согласились сократить рабочий день до 11,5 часа, предоставлять прослужившим более трех лет двухнедельный ежегодный отпуск. 15 марта приказчики вышли на работу[36].

Едва успокоились приказчики, как поднялись металлисты. Ход этой стачки, как, впрочем, и других, помогает увидеть не ходульные социальные образы, а живых людей. Утром 14 марта на заводе Лебедева один из слесарей, будучи под хмельком, под одобрение собравшихся говорил о жестокой эксплуатации, о нищенской оплате и звал бросить работу. Его дружно поддержали, двинулись в цеха звать к забастовке. Через полчаса завод встал. Сначала не знали, что делать, потом проголосовали за резолюцию, предложенную социал-демократами. 15 мая стачку солидарности с рабочими завода Лебедева объявили на механических заводах Крупского, Молчанова, Зуева, Шерстнева и некоторых других. Бастующие собрались на Соборной площади и избрали депутацию. После длительных переговоров с фабрикантами они при содействии фабричного инспектора добились сокращения рабочего дня с 10,5 до 10 часов, отмены обысков и штрафов, учреждения врачебной помощи на заводах, обещания вежливого обращения и 17 марта приступили к работе[37]. Железнодорожные рабочие и служащие 17 февраля приняли петицию из 49 пунктов. Во время многочисленных собраний выделились те, кто в скором времени возглавили железнодорожный стачечный комитет: эсеры юрисконсульт К.Г. Гладков, инженер А.Д. Осеев. Волнения железнодорожников продолжались два с половиной месяца. 5 апреля 1905 г. совет управления железной дороги удовлетворил некоторые второстепенные пункты петиции.

Губернские власти стремились гасить очаги пожаров. Д.И. Засядко 7 марта 1905 г. уверил депутацию приказчиков, что ему «было бы приятно мирное разрешение» спорных вопросов, и обещал передать требования приказчиков хозяевам. По его инициативе 12 марта состоялось совещание владельцев промышленных предприятий, на котором шла речь об улучшении быта рабочих, организации врачебной помощи. 20 марта губернатор принял представителей мельничных рабочих и предложил им избрать депутацию для переговоров с хозяевами. Рабочие отвечали, что они боятся увольнения, так как на некоторых мельницах бастующих уволили. Д.И. Засядко успокоил их и послал полицмейстера разобраться, в чем дело. На другой день 50 уволенных рабочих мельницы Эрлангера были вновь приняты на работу[38]. При посредничестве властей пришли к согласию приказчики и торговцы, рабочие-металлисты и заводчики.

Много хлопот доставили грузчики. Около двух с половиной тысяч грузчиков 12 апреля 1905 г. собралось у здания биржи, требуя поденной оплаты в размере четырех рублей в день вместо обычной оплаты: семь рублей за тысячу пудов. Купцы решительно возражали. После бурных дебатов около 300 грузчиков пошли «объясняться» с биржевым комитетом. Их уговаривали полицмейстер, председатель биржевого комитета Н.Д. Батюшков. Они стояли на своем. Не добившись удовлетворения

своих претензий, грузчики направились к губернатору. Они были известны своим крутым нравом. Опасаясь погромов, власти вызвали усиленный наряд полиции и казаков. Около 2 часов дня толпа грузчиков явилась на Алексеевскую площадь к дому губернатора. Д.И. Засядко незамедлительно вышел к ним и почти полчаса говорил с ними, объясняя, что не может поддержать их требования, «потому что работы на всех все равно не хватит». В конце встречи он предупредил грузчиков, что не потерпит беспорядков. На следующий день дошло до драк, кидания каменьями. В дело вступили две роты казаков. Среди пострадавших оказались Н.Д. Батюшков, купец Марков, подрядчики. В конце концов администрация сумела достичь согласия. И грузчики, и биржевой комитет 14 апреля пошли на взаимные уступки[39].

Несмотря на то что 1 мая 1905 г. пришлось на воскресенье, местные власти к нему готовились тщательно; направили конные дозоры в разные места города. 1 мая не вышли на работу самарские коночники (около 150 чел.), и конка стояла. На городской даче в Постниковом овраге состоялась маевка, на которой присутствовало от 200 (по мнению полиции) до 350 («Самарский курьер») молодых людей. Договорились вечером встретиться в Струковском саду. Вечером здесь собралось несколько тысяч гуляющих. Около десяти часов вечера несколько сот демонстрантов окружили эстраду и потребовали играть «Марсельезу». Музыканты отказались и от греха подальше покинули эстраду. Молодые люди запели «Отречемся от старого мира», некоторые из них кричали: «Долой полицию!», «Долой самодержавие!» – и стреляли в воздух из револьверов. Публика в ужасе разбежалась, в давке пострадало много женщин и детей. На следующий день от ушибов скончался незадачливый чиновник.

Из сада демонстранты с песнями пошли по Алексеевской улице. Навстречу им срочно направили казаков и полицию. У Соборного садика (пл. им. Куйбышева) манифестанты встретили полицию и казаков градом камней и револьверными выстрелами – казаки прибегли к нагайкам. Пострадавшие оказались как с той, так и с другой стороны. Некоторые демонстранты укрылись в Соборном садике, откуда и вели стрельбу. Позднее многих из них арестовали, многим крепко досталось. Почти все арестованные – учащаяся молодежь. Среди них был будущий известный социал-демократический публицист и литератор Б.И. Николаевский.

На другой день забастовали рабочие типографий, вслед за ними столяры, портные, шляпники, булочники. Группами по 15–20 человек они приходили в мастерские, торговые заведения, на фабрики и заводы и призывали поддержать их. Второго мая не вышли на работу железнодорожники, часть металлистов, приказчики, грузчики, труженики мельниц. То там, то здесь собирался городской люд и шествовал, иногда колоннами, чаще толпой. Вечером второго мая человек 350 грузчиков

от пристани двинулись к Струковском саду, но, заметив казаков, разошлись. На следующий день портные и шляпницы двинулись от Алексеевской площади по Дворянской улице к театру. Между улицами Предтеченской и Москательной их разогнали казаки. В различных местах города были сходки. Утром 2 мая в Струковском саду собрались рабочие типографий. Там же утром следующего дня состоялся митинг, а затем сходка у Постникова оврага. Четвертого мая около мельницы Шадриной произошло вооруженное столкновение демонстрантов с полицией и казаками. Биржевой комитет 5 мая телеграфировал министру внутренних дел: «Толпы забастовщиков вместе с хулиганами, ходя по городу, врываются в заводы, пристани, баржи и насилием заставляют прекращать работы. Купцы не покупают привезенный крестьянами хлеб. Крестьяне недовольны»[40].

5 мая 1905 г. число забастовщиков достигло шести тысяч, на митинге присутствовало от 600 до 700 человек. Резолюция, составленная социал-демократами, звала к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, созыву Учредительного собрания, немедленному установлению восьмичасового рабочего дня, провозглашению демократической республики. В ней не было ни одного экономического требования. Забастовка постепенно пошла на убыль 6 мая. В этот день приступили к работе рабочие депо и конка, столяры, но начали забастовку маляры. По-прежнему регулярно собирались «массовки». Забастовочная волна окончательно спала через две недели.

§ 2. ЛЕТО 1905 Г. БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Летом 1905 г. революция распространилась на армию. 14 июня восстал броненосец «Князь Потемкин-Таврический». Неспокойно было и в Самарском гарнизоне. Среди офицеров было немало либерально настроенных, жаждущих изменений. Лидером их был командир третьей батареи 3-й артиллерийской бригады подполковник М.А. фон Гальбен. Все больше прокламаций попадало в казармы, все чаще там появлялись агитаторы. В июне 1905 г. при самарском комитете эсеров была сформирована военная организация, которую возглавил В.П. Троицкий[41]. Эсеры создали «солдатскую группу самозащиты», «общество самообороны солдат артиллерии»[42]. Обратили свое внимание на гарнизон и социал-демократы, хотя на первых порах их успехи были скромнее. Уже в двадцатых числах июня 1905 г. в Самаре ходили слухи о том, что солдаты вырабатывают петицию и готовят забастовку и даже намерены перебить офицеров и захватить орудия. Поручик Федоровский во время обеда в присутствии начальника гарнизона генерала Сергеева произнес речь в честь «потемкинцев».

Ситуация с каждым днем обострялась. Революционеры создавали боевые дружины. За Постниковым оврагом и на одном из островов Сухой Самарки дружинников обучали владеть огнестрельным оружием. Противостояние перерастало в вооруженные столкновения. 30 июля казаки разогнали манифестацию памяти жертв событий в Лодзи и Варшаве. 1 июня она повторилась. Казаки вновь попытались ее рассеять. На ул. Москательной завязалась перестрелка. Были раненые как с той, так и с другой стороны. Администрация все меньше могла рассчитывать на уговоры – и просила прислать надежные части. В апреле в город прибыли две сотни казаков – серьезная в тот момент для города сила. Опасность грозила не только со стороны революционеров.

В противостояние включились и черносотенцы. По свидетельству социал-демократов, руководили ими пристав Сизаско, помощники пристава Фролов и Трекольских, околоточные надзиратели Хохлов, Большунов, Днепровский, Мельнер. Активностью выделялись мелкие торговцы Корнев, Соколов, Щиголев. Сообщения о 750 организованных черносотенцах в Самаре в июле 1905 г. значительно преувеличены[43]. Сами черносотенцы никогда не насчитывали в своих рядах более 500 человек. Циркулировали ужасающие слухи. Состоятельные самарцы жертвовали на вооружение боевых дружин сотни рублей. Были и такие, кто покидал город[44].

В деревне летом 1905 г. слухи о скором земельном переделе реализовывались во все более частых захватах помещичьих угодий, выгонов, лесов. Только в июне этого года полиция зарегистрировала волнения в 25 волостях губернии. Наряду с традиционными крестьяне часто использовали новые формы борьбы: бойкоты и стачки. Сельские сходы сел Обшаровка и Царевщина 20 и 26 июня вынесли решение бойкотировать предложенные им арендные цены. В том же месяце бастовали работницы в селе Мыльном и сельскохозяйственные рабочие Студеницкого удельного имения Самарского уезда. В Самарской губернии с ее огромными латифундиями летом собирались десятки тысяч сельскохозяйственных рабочих, в основном пришлых крестьян Саратовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской губерний. Отношения между латифундистами и рабочими законом не регулировались. Шли в наем от нужды, оплата была мизерной. К тому же в неурожайные 1905 и 1906 годы получить работу было крайне трудно. Слишком велико было число страждущих, на место одного уволенного тотчас же находились десятки желающих. Тем не менее и сельскохозяйственные рабочие иногда поднимались на борьбу. В деревне Муравино Дергачевской волости Новоузенского уезда 3 июля 1905 г. пришлые батраки, требуя повышения расценок, не пустили на поле хлебоуборочные машины. Их поддержали местные крестьяне. Страсти накалялись – власти срочно направили отряд стражников. 20 протестующих арестовали,

800 сезонных рабочих выслали по этапу[45]. Наиболее опасливые помещики начали покидать имения.

6 августа были опубликованы проекты закона об учреждении Государственной думы (в просторечии «Булыгинской думы») и «Положение о выборах в Государственную думу». Компетенция думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов. Прерогатива издания законов оставалась за царем. По крестьянской, землевладельческой и городской куриям устанавливались многоступенчатые выборы. Рабочие и часть городской «нецензовой» интеллигенции право голоса не получали.

Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли проекты закона об учреждении Государственной думы и в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу», в программном заявлении которой говорилось, что «Лига» выступает за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полновластную законодательную думу. Однако большинство либералов указами о «Булыгинской думе» не были удовлетворены. 6–7 августа в Самаре проходил Первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, для проведения съезда была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую возил пароходик. На этой барже, крейсировавшей по Волге, собиралось почти 40 либералов, представители Самарского, Саратовского, Симбирского, Уфимского земств. После бурных прений большинство высказалось за бойкот «Булыгинской думы». Предложения о «земской забастовке» и призыве к неплатежу налогов большинство съезда отклонило. Зато его участники решили обратиться к народу с воззванием не давать рекрутов[46]. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации.

Решительнее действовал Самарский биржевой комитет. В июне он обратился ко всем биржевым комитетам России с циркуляром, в котором энергично отвергал проектируемую думу и указывал «единственный» выход: немедленный созыв народных представителей на основании всеобщей прямой, равной и тайной подачи голосов при условии свободы слова, собраний. Так как ходатайства, резолюции, депутации к властям желательного результата не давали, отмечалось в этом циркуляре, Самарский биржевой комитет счел нужным «обратиться к изысканию других способов». Это был язык ультиматума. Консервативные «Московские ведомости» поняли это мгновенно и обрушились на «с жиру взбесившихся самарских биржевиков»[47].

Интеллигенция Самары встретила известие о «Булыгинской думе» резко отрицательно. Союз учителей, в котором к июню 1905 г. насчитывалось более 150 членов (из них только пять учителей народных школ),

единогласно высказался за переход к народовластию и передачу средств производства в руки непосредственных производителей. Революционеры, и эсеры, и эсдеки, звали не только к бойкоту проектируемой думы, но и к насильственной ликвидации существующего строя.

В городских выступлениях возобладали политические мотивы. В правящих кругах господствовали смятение, противоречивые мнения и борьба направлений; правительство колебалось, терялось, действовало неадекватно ситуации. Налицо были симптомы приближающегося паралича властных структур. В больших и малых городах все чаще не исполняли распоряжений администрации. Взрыв приближался.

§ 3. ОСЕНЬ 1905 Г. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В конце апреля 1905 г. в Москве было положено начало Всероссийскому железнодорожному союзу. В Центральном бюро союза преобладали эсеры. Солидарно с железнодорожным действовал Почтово-Телеграфный союз[48]. 6 октября 1905 г. Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза приняло решение о начале всеобщей стачки железнодорожников. В ночь на 7 октября была отправлена телеграмма на все железнодорожные станции с призывом присоединиться к забастовке. 8 октября прекратилось движение на всех, кроме Николаевской, дорогах Московского узла. 12 октября были парализованы дороги Петербургского узла, а затем и остальные железные дороги страны. Бастовали рабочие, служащие, интеллигенты. С 15 октября стачка стала всероссийской. В городах бездействовали телеграф и телефон, водопровод и освещение, не выходили газеты, были закрыты школы, театры, магазины, различные учреждения. Люди вышли на улицы. Повсюду собирались митинги, устраивались демонстрации. Страну охватила стихия.

В Самаре 11 октября прекратили работу телеграфисты станций Самаро-Златоустовской железной дороги, вслед за ними железнодорожные служащие. В ночь с 11 на 12 октября остановились поезда. Утром 12 октября забастовали рабочие мастерских и депо. Нельзя сказать, чтобы пассажиры были очень рады этому. На станции Кинель раненые санитарных поездов поколотили попавшихся под руку забастовщиков, в Кротовке пассажиры побили посуду в станционном буфете и стреляли в стачечников. Начав забастовку по сигналу из Москвы, самарские железнодорожники поддержали все требования Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза (Учредительное собрание, демократические свободы и т. д.) и присовокупили к ним собственные экономические требования (прибавка жалованья, выдача обмундирования, устройство больничного фонда), так что принятая ими петиция вышла объемная, на 37 листах[49].

12 октября за Волгой состоялся многолюдный митинг. По описанию «Самарского курьера», на нем присутствовало несколько тысяч человек. Ораторы, эсеры и социал-демократы, призывали к бойкоту «Булыгинской думы», к вооруженному восстанию. Постановили вести забастовку исключительно под политическими лозунгами и избрать общегородской стачечный комитет во главе с социал-демократом, склонным к авантюрам студентом-юристом В.Ю. Фридолиным. 13 октября волнения охватили Самару. Прекратились занятия в учебных заведениях, остановились промышленные предприятия и транспорт, закрывались магазины, государственные и общественные учреждения. Обстановка накалялась. У тюрьмы, из которой демонстранты намеревались освободить политических заключенных, произошло столкновение с солдатами. Получив отпор, демонстранты направились к городскому монастырю. Там, у ворот церкви (в районе нынешней улицы Осипенко), они (их было 15—20 тысяч) проголосовали за Учредительное собрание, политические свободы, восьмичасовой рабочий день, землю для крестьян и вернулись в город. У здания почты на углу улиц Дворянской и Панской кто-то из демонстрантов открыл огонь по казакам и ранил троих. В ответ казаки дали несколько залпов и ранили около 20 человек.

Административные здания с утра 14 октября были взяты под охрану воинских частей. Командир Березинского полка полковник Баранов обещал при необходимости положить «целые горы из этой сволочи». Губернатор Засядко растерялся. Он призвал жителей «во избежание трагедии» не выпускать на улицу детей, обещал не выводить наряды казаков на улицы и наказать виновных в трагических событиях 13 октября. Депутацию от «самарского общества» он уверял, что местные власти впредь будут воздерживаться от применения силы. Симптомы паралича власти были налицо. Бездействовала и жандармерия.

Как грибы росли всевозможные комитеты, советы. 13 октября 1905 г. был образован общегородской стачечный комитет, в котором преобладали социал-демократы. 14 октября сформировался Железнодорожный стачечный комитет во главе с эсером инженером А.Д. Осеевым, через который отныне железнодорожники обращались к начальству. Административные распоряжения исполнялись только после одобрения этого комитета, который имел в своем распоряжении телеграф и «пролетарский поезд»[50]. В тот же день, 14 октября, объявила о самоликвидации «Конституционная лига». Наличные средства, около 2000 руб., ее руководители передали общегородскому стачечному комитету. 16 земцев-либералов и членов городской думы, бывших членов «Лиги», для охраны порядка и установления связей с властями основали Комитет общественной безопасности (КОБ). 19 октября 1905 г. было избрано временное правление КОБ. В него вошли купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы, кадеты,

эсеры, социал-демократы, представители стачечных комитетов и различных союзов: В.И. Александров, М.С. Афанасьев, Н.Д. Батюшков, В.В. Ветров, Н.А. Гладыш, А.Г. Елшин, А.К. Клафтон, П.Л. Кузьмин, А.Г. Курлин, А.И. Матов, В.В. Меркулов, В.М. Морозов, Д.Д. Протопопов. Комитет поддерживал командир 3-й батареи 3-й артиллерийской бригады подполковник М.А. фон Гальбен. Объединив сторонников умеренных реформ и крайних радикалов, представителей различных страт и политических организаций, КОБ стал противовесом легитимного режима и влиятельным властным органом, имел большой вес в городских делах. Избранное 19 октября временное правление его возглавили Н.Д. Батюшков, Н.А. Гладыш, А.И. Матов[51]. Подобного рода представительные органы возникали по всей России. С середины октября самарская администрация уже не могла выполнять свои функции; в городах и селах властвовала стихия.

Всероссийская политическая стачка поставила страну на край пропасти. 17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Населению даровались незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Отныне никакой закон не мог иметь действительной силы без одобрения Государственной думы. Право выбора в нее «по мере возможности» должны были получить и те слои населения, которые были лишены его по Булыгинскому законопроекту. Это был исторический шаг. Страна преобразовывалась. Напор стихии в одночасье преодолеть было нельзя. Установилось относительное равновесие, известное как время «октябрьских свобод».

В Самаре телеграммы с текстом Манифеста были получены утром 18 октября. По свидетельству «Самарской газеты», «Манифест подействовал на народ ободряюще», революционеры были недовольны[52]. Они обвиняли царя в лицемерии, лживости, обмане, звали народ к восстанию[53]. Многие предприятия Самары приступили к работе с 16 октября. Железнодорожники, получив 23 октября телеграмму Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза с призывом прекратить забастовку, решили с 7 часов вечера этого дня выйти на работу. Протесты революционеров большинство проигнорировало.

В октябре в Самаре повсюду проходили митинги. В Пушкинском народном доме попеременно выступали социал-демократы и эсеры. Там же устраивали собрания их комитеты и собирались боевые дружины. Фактически была ликвидирована цензура. С 25 октября «Самарская газета» стала органом комитета социал-демократов, а «Самарский курьер» – эсеров. Указом 21 октября 1905 г. из-под ареста были освобождены политические заключенные, получили амнистию либералы и революционеры, высланные в административном порядке. Антиправительственные организации резко усилились, действовали полулегаль-

но, открыто записывали новых членов. 16 октября со станции Самара вышел «революционный поезд № 2». До 22 октября его пассажиры агитировали на всем расстоянии от Самары до Уфы и блокировали деятельность железнодорожного начальства[54].

Комитет общественной безопасности 20 октября потребовал от администрации отмены цензуры газет, а 23 октября призвал артиллеристов для защиты города от погромов, организовал несколько отрядов самообороны и приступил, правда, без особого успеха, к созданию боевых дружин. КОБ по всем насущным вопросам обращался к властям, и они шли ему навстречу[55]. Под предлогом черносотенного погрома КОБ потребовал удаления из города вице-губернатора Кондоиди. Тот немедленно получил «отпуск». Более того, делегация Комитета ездила в Петербург и получила уверения С.Ю. Витте, что Кондоиди больше в Самару не вернется[56]. Комитет общественной безопасности отмежевался от устремлений революционеров к насильственному ниспровержению существующей власти, выступал за реформы. Его поддерживали обыватели Самары. В помещение КОБ в Охотниковской артели винных сборщиков постоянно приходили горожане с сообщениями обо всех происшествиях. Посетителей принимали дежурные члены комитета. Вскоре комитеты общественной безопасности были созданы в Бугульме и Бугуруслане. На стороне КОБ выступал созданный 26 ноября «Офицер-ский союз» во главе с фон Гальбеном.

Самарский Совет рабочих депутатов (СРД) был образован по примеру уже существовавших Советов в Петербурге, Москве и др. городах по инициативе интеллигенции как подсобная организация при комитете РСДРП. Его заседания проходили в читальном зале Пушкинского народного дома. Председателем СРД избрали Н.Е. Вилонова, который практически не бывал на его заседаниях, секретарем – Н.И. Перфильева. Всего в заседаниях Совета участвовало более 40 чел., большая часть которых представляла железные дороги, железнодорожные мастерские и службы. В Совете преобладали социал-демократы. Самарский СРД установил связи с Советами Петербурга, Москвы, Уфы. Первое его собрание состоялось 30 ноября 1905 г. На нем присутствовали представители революционных партий, профессиональных союзов железнодорожников, телеграфистов железных дорог, механических заводов, типографий, приказчиков. Более всего участников этого заседания занимал вопрос, «как легче проникнуть в рабочие массы» «и вести среди них работу»[57]. В духе тогдашних социал-демократических представлений Совет объявил союзы инженеров, учителей, земских и почтово-телеграфных служащих, врачей, чиновников, фармацевтов, железнодорожников «буржуазными», стачечный комитет «полубуржуазным» и принял решение упразднить их. Позднее он отменил это решение. На втором заседании (1 декабря 1902 г.) меньшинство настаивало на запрещении издания монархической литературы, в частности газет

местного отделения партии правового порядка, большинство высказалось за свободу печати. Совет постановил, что он «является, прежде всего, беспартийной организацией всех рабочих, независимо от их политических убеждений», руководителем «экономической борьбы самарских рабочих». На последующих заседаниях (4 и 6 декабря) был избран Исполнительный комитет, куда вошли представители партий социал-демократов и эсеров. В состав Совета вошли депутаты от союзов приказчиков, официантов и фармацевтов. СРД позиционировал себя как властная структура, предъявлял требования к властям и предпринимателям, издавал обращения к населению[58].

В дни октябрьских событий были основаны профсоюзы печатников, грузчиков, металлистов, булочников и калачников, строительных рабочих, портных. 30 октября интеллигентские профессионально-политические союзы инженеров, учителей, земских и почтово-телеграфных служащих, врачей, чиновников, фармацевтов объединились в «Союз союзов», председателем которого был избран один из лидеров организации кадетов А.К. Клафтон. Дошло до того, что в ноябре месяце петицию подали околоточные надзиратели и городовые. Они просили увеличить жалованье и квартирные, бесплатно выдавать лекарства и установить месячный отпуск, учредить товарищеский суд. Городовые писали: «Мы решили не бастовать, так как хорошо сознаем, что наше присутствие городу теперь нужно более чем когда-либо». Справедливости ради должно признать, что жизнь городовых и околоточных была отнюдь не райской: их служба была и опасна, и трудна, а жалованье мизерным. Досаждали им регулярные вычеты из жалования (от 30 копеек за временную отлучку с поста до одного рубля за неявку на пост независимо от причины). Начальство пошло навстречу и удовлетворило некоторые пожелания стражей порядка, в частности, увеличило жалование[59].

Городская дума долго воздерживалась от политических манифестаций. Здравый смысл побуждал ее оберегать функциональность городского хозяйства. Много времени и средств отнимали заботы об устройстве госпиталей, материальной помощи солдатам и офицерам Русско-японской войны и их семьям[60]. Нужно было содержать в порядке городское хозяйство в дни, когда политическая лихорадка охватывала обывателей. Городская дума и городская управа весь 1905 г. занимались такими повседневными проблемами, как аренда городской земли, плата за пристани, санитария, торговля и выпасы, наймы помещений, городская стража, ассенизация, водопровод. В разгар политического противостояния, на заседании 26 октября 1905 г., дума обсуждала такие вопросы, как аренда торговых мест, оплата труда землекопов, неправильная эксплуатация городской земли, сданной купцу Федорову под фабрично-заводские заведения[61]. На следующем заседании обсуждали 22 вопроса, главным образом об аренде городской земли, о расходах и т. п.[62]

Особое место занимали темы водопровода, электрического освещения, трамвая, борьбы с пьянством. В январе 1905 г. дума утвердила смету расходов на изготовление новых купонных листов к облигациям городского водопроводного займа в размере 400 тыс. руб.[63] Неоднократно она возвращалась к сюжету «о злоупотреблении по расходованию бесплатно отпускаемой городским водопроводом воды» и в конце концов пришла к выводу о желательности установления водомеров в помещениях и заведениях с двигателями и взимания платы (от 30 до 60 рублей) с булочных, аптек и других заведений[64]. В августе 1905 г. дума выделила средства для установки 32 фонарей системы Галкина для освещения Воскресенской, Саратовской, Николаевской, Соборной, Троицкой, Самарской улиц. За установку каждого фонаря М.М. Чубаков запросил по 160 рублей[65].

О пьянстве в городе гласные думы говорили задолго до 1905 г. и долго после 1905 г. Вот выдержка из заявления гласных городской думы Сенаторова, Челышева, Шишкина и Савельева: «Каждому из нас известно, что в праздники мимо тех домов, где помещаются трактирные заведения, портерные лавки, особенно мимо последних, положительно нет прохода, не только женскому полу, но и мужскому. У каждого из этих заведений на тротуарах, на далекое расстояние, прогуливаются пьяные толпы рабочих всякого цеха, хулиганов и горчишников, а около винных лавок по обе стороны их помещений и на противоположной стороне, тоже на тротуарах и в подъездах домов, распивается водка из посуды через горлышко прямо на улице: тут пьют старики, юноши и женщины, не стесняясь проходящих граждан. Напиваясь на улице, некоторые тут же сваливаются в бесчувственном состоянии и валяются в самом безобразном виде, а те, которые еще не свалились, по адресу проходящих, в особенности же по адресу женского пола, посылают самые отвратительные площадные выражения». Далее живописались драки, а также предлагалось просить господина «министра внутренних дел» издать правило о закрытии всех заведений, торгующих крепкими напитками, и винных лавок в церковные и другие праздники, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости 19 февраля, в дни рождения и тезоименитств императора, императрицы и наследника[66].

Городская дума связывала беспорядки с недостаточной дееспособностью властей и стремилась избавиться от чрезмерной опеки. Уже 28 февраля городская управа одобрила доклад бюджетной комиссии, в котором речь шла о неблагоприятных условиях деятельности городских органов самоуправления, «стесняемых административной опекой». «Дума, – говорилось в докладе, – находится в состоянии несовершеннолетнего в вопросах распоряжения даже своими средствами, благодаря тому, что административная опека парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам». Городская управа просила «совершенно»

освободить городское общественное управление от этой опеки, подчинить ему городскую полицию[67].

Беспорядки в стране и городе втягивали городскую думу в политический водоворот. На собрании городской думы 12 октября 1905 г. страстную речь произнес А.Н. Хардин. «Ввиду совершающихся событий, таких как забастовка Самаро-Златоустовской и других железных дорог, – заявил он, – Думе следует рассмотрение вопросов, включенных в программу настоящего заседания, отложить до более благоприятного времени», а сейчас подготовить и послать телеграмму на имя царя о необходимости созыва Учредительного собрания. Большинство гласных онемело, или, по словам радикального корреспондента «Самарской газеты», «затряслось от ужаса». Председательствующий немедленно объявил перерыв и пригласил всех на частное совещание. По его окончании заседание думы отложили[68].

Хаос в дни октябрьской забастовки внес смятение в души гласных городской думы. Истинным облегчением для них был Манифест 17 октября, встреченный ими с воодушевлением[69]. Однако до желанного покоя было далеко: на ноябрьском заседании 1905 г. А.М. Михайлов и П.П. Подбельский внесли ходатайство о созыве Учредительного собрания «с целью успокоения брожения умов». За предложение голосовало 11 человек, против – 34. Дума постановила послать председателю Совета министров С.Ю. Витте телеграмму с просьбой о скорейшей реализации Манифеста 17 октября, «находя его единственным средством успокоения брожения умов»[70].

§ 4. ОСЕНЬ 1905 Г. В ДЕРЕВНЕ

Осенью 1905 года жизнь в деревне изменялась как под влиянием событий в городе, так и сообразно собственному укладу. Российское крестьянство являлось особым элементом социальной структуры, основы которого составляло трудовое семейное хозяйство. В душе крестьянства боролись два начала – вековая покорность и стихийное бунтарство. Манифест 17 октября стимулировал крестьянское движение. Деревня восприняла его как правовую (от царя) основу активных действий. Формы крестьянского протеста были очень разнообразны и варьировались в диапазоне от элементарного воровства и хулиганства до вооруженного сопротивления войскам и полиции[71]. В селе Кротовка Самарского уезда крестьянин Шаров так толковал Манифест 17 октября: «Теперь свободно, айдате, ребята, валите теперь к помещикам и разграбляйте их добро – за это теперь ничего не будет»[72]. Среди крестьян укреплялось убеждение, что отныне земля и имущество помещиков по закону принадлежат им.

Крестьянское движение в Самарской губернии в годы революции приобрело необычайный размах. Пик его пришелся на ноябрь 1905 г.: 246 выступлений из 495 за год. Особенно часто поднимались крестьяне Бузулукского уезда, затем Самарского, Бугурусланского, Бугульминского. По-прежнему значительная часть выступлений была связана с острой нехваткой леса (82 случая зафиксировано только в ноябре 1905 г.) и пастбищ. Новое, что принесла осень 1905 г., — распространение самых острых форм борьбы: захватов земли, разгромов и поджогов усадеб. В 1905 г. в губернии было разгромлено 75 усадеб, и почти все в ноябре. По данным Министерства внутренних дел, убытки самарских латифундистов от поджогов и погромов составили 3 915 015 рублей; бóльшие потери понесли только землевладельцы Саратовской губернии. Разгромы, «красный петух» — традиционные формы проявления крайнего недовольства крестьянства. Жестокость, вандализм порождались условиями его бытия. Проникаясь мыслью, что земля должна быть у тех, кто ее обрабатывает, а частных земельных собственников быть не должно, поскольку «земля — ничья, земля — божья», крестьяне не видели в тот момент иных средств реализации своего права на землю, кроме как «выкурить» землевладельца, защищаемого всей мощью государства.

Первым было разгромлено имение Докучаевой в Хворостянской волости. В имение 16 ноября явились несколько крестьян, взломали запоры и похитили немало ценных для крестьянского быта вещей. Таков был пролог. 19 ноября прибыли (кто на телегах, кто пешком) около 400 крестьян, выгнали охрану и вывезли все, что смогли. 24 ноября все повторилось. В результате было вывезено почти 30 тыс. пудов хлеба, сельскохозяйственные орудия, инвентарь, повозки, сбруя, домашние животные, сожжены постройки. Громили, грабили, сжигали имения в Самарской губернии преимущественно с 19 по 28 ноября, особенно интенсивно с 22 по 25 ноября 1905 г. Крестьяне сел Герасимовка и Коржевка Бузулукского уезда 24 ноября разгромили хутора помещиков Мжельского, Сапрыкина, Свеницкого и Субботиной, увезли хлеб, инвентарь, другое имущество, часть хуторов сожгли, избили волостного старшину. В тот же день крестьяне сел Ермоловка, Нового и Старого Урметьева, Тимашево Бугульминского уезда разорили имения помещиков Умова и Низе[73]. Особое возмущение крестьян вызывал крупнейший землевладелец Аржанов, владения которого многократно громили и поджигали. Ненависть к «чумазым лендлордам» — латифундистам из купцов, мещан, крестьян — порождалась крестьянским мироощущением и психологией. Громили имения в немногих волостях, преимущественно на севере губернии, где концентрировались помещичьи владения. В Самарском уезде — в основном в северной части: в Липовской, Зубовской, Чистяковской, Шламской волостях, где наряду с дворянскими имениями были огромные земельные и лесные угодья купцов Аржанова, Марковых, Соколова, Шихобалова. На юге Самарского уез-

да, в Спасской волости, разгромили имение Самариных; в центре, в Богдановской и Старобуянской волостях – имения Докучаевой и Мишиной, хутора купцов Иконникова, Коробова и Масленникова.

Обычно крестьянские погромные выступления заранее обговаривались и начинались по сигналу (церковного колокола, костра и т. д.), после чего вся деревня одновременно, большинство на телегах, а кто и пешком, направлялась к имению. Почти всегда движение начиналось в сумерках. Выставлялись пикеты, чтобы предупредить о появлении полиции, молодежь вооружалась. Разобрав хлеб, инвентарь, птицу, крестьяне громили имение, после чего нагруженные телеги «растворялись» во тьме. Молодым людям поручали поджечь дом и хозяйственные постройки.

Цементирующую роль играла община – важнейший традиционный элемент крестьянского мира. Сельский ход принимал решение о претензиях к землевладельцу, формулировал их, постановлял, когда и как выступать. Община – крестьянский «социум» – руководствовалась обычным правом: решения схода непременно выполнялись всеми, ответственность была общая – в этом воплощались и этика, и психология, и атмосфера невозможности пойти против общины. Когда полковник Г.Г. Битепаж, прибыв 16 ноября 1905 г. в село Старый Буян, приказал стражникам доставить к нему свидетелей для допроса, те вернулись ни с чем: сельский сход никому не разрешил являться к начальству[74]. В то время сельская полиция больше думала не о том, как противодействовать стихии, а о том, как бы спастись. «Местная полиция совершенно бессильна установить агитаторов, которым крестьяне покровительствуют», – констатировало губернское жандармское управление и приводило в подтверждение такие факты: «Поездки унтер-офицеров становятся небезопасными; пристав второго стана вывез из села Алексеевки свое семейство и сам там не показывается». В качестве единственного выхода жандармское начальство предлагало разместить в каждом уездном городе по сотне казаков[75].

В крестьянском движении преобладал элемент стихийности, но было немало примеров организованности, действий по заранее намеченному плану и обязательно «всем миром». Выдающимся событием крестьянского движения стала «старобуянская республика», инициаторами которой были крестьяне села Большая Царевщина[76]. Село это, расположенное в 30 верстах от Самары, было малоземельным: в среднем на двор приходилось 1,4 дес. надельной земли. Ближайшие леса и луга принадлежали удельному ведомству. Многие жители села работали на погрузке хлеба, в каменоломнях, уходили на работу в Самару и другие города. Село было большое. Летом 1899 г. в нем открыли двухклассную школу, с осени 1901 г. проводили воскресные занятия для взрослых. Давнюю традицию имела революционная пропаганда: в 80-е годы ее вел народник Серафимов. Через народнические кружки прошли буду-

щие руководители «республики» П.М. Солдатов, А.Т. Князев, Л.Н. Щибраев. В 1902 г. по инициативе членов эсеровской организации – учителей братьев Петровых и фельдшера В.М. Казакова – был образован крестьянский кружок, деятельность которого стала особенно активной со второй половины 1904 г., когда высланный в Самару С.И. Акрамовский организовал при комитете партии эсеров «Крестьянский союз»[77].

Зимой 1905 г. эсеры были постоянными гостями в Царевщине, приезжали в село и социал-демократы. Нелегальная литература доставлялась регулярно и в большом количестве. С весны 1905 г. в Царевщине регулярно проводились собрания, в которых участвовали крестьяне Елшанки, Курумоча и других окрестных сел. Летом крестьяне стали организовывать демонстрации; с октября 1905 г. они проходили регулярно и в них принимало участие большое количество людей, преимущественно молодых. Осенью была организована «боевая дружина». На митинге 23 октября с пламенными речами выступили представители революционных партий. Затем, подняв четыре красных знамени, с пением «Вы жертвою пали» крестьяне прошли по улицам, закрыли винную лавку, другие торговые заведения Царевщины. Закончилась демонстрация сбором средств на нужды бастующих рабочих. Уже 25 октября 1905 г. лесная удельная стража отказалась нести службу в волости, так как не решалась противиться царевщинским крестьянам, которые распоряжались в удельном лесу, как в своем собственном. Царевщинцев активно поддерживали крестьяне соседних сел. В октябре-ноябре демонстрации под лозунгом «Долой самодержавие!» прошли и в с. Старый Буян.

Участковый земский начальник 25 октября прислал Царевщинскому сельскому сходу предписание – направить 13 ноября уполномоченных на волостной сход в с. Старый Буян для выбора волостного старшины. 12 ноября около 200 царевщинцев, вооруженных револьверами и кинжалами, с красными флагами и пением революционных песен вошли в Старый Буян. Вечером колокольным звоном был собран сельский сход. На нем было решено изгнать местные власти, заменив их своими избранниками. Для охраны казенных, удельных и владельческих лесов отрядили специальную дружину. На следующий день приняли «Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению», состоявший из пяти глав[78]. Российское правительство объявлялось незаконным, в Старо-Буянской волости вводилось народное самоуправление, законодательная власть являлась прерогативой народного собрания, исполнительная власть – народного правления. На территории волости ввели «сухой закон» и запретили самовольную вырубку леса и истребление имений. Старшину и волостного писаря сместили, избрали «народное самоуправление» во главе с А.Т. Князевым и Е.Д. Пеннером, организовали народную милицию. «Временный закон» выражал в эсеровской интерпретации чаяния крестьян: все земли

и пастбища вплоть до созыва Учредительного собрания поступали в распоряжение волостного народного самоуправления и распределялись уравнительно между крестьянами. Попытки полиции и стражников немедленно нанести поражение восставшим были отражены. Тогда был собран отборный отряд из казаков и жандармов во главе с вице-губернатором. 26 ноября 1905 г. «республика» была разгромлена. Руководителей и активных участников ее арестовали и судили.

Весть о Старо-Буянской республике разнеслась по России. Во многих тысячах экземпляров разошелся «Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению» и «Прощальное письмо царевщинского крестьянина Лаврентия Щибраева».

Сельские власти неуютно чувствовали себя во всех уездах Самарской губернии. В Бузулукском уезде крестьяне сместили сельских и волостных должностных лиц в Герасимовской, Ефимовской, Пронькинской, Максимовской, Патровской волостях[79]. Губернская администрация, которую землевладельцы забрасывали жалобами, была крайне встревожена и обескуражена. Губернатор 11 ноября 1905 г. сообщал: «Среди населения усиливается брожение»; 28 ноября он докладывал: «Положение губернии крайне угрожающее. Крестьянское движение быстро охватило все уезды» — и просил прислать надежные части. Тревожные телеграммы властям слали граф Орлов-Давыдов, князь Оболенский и многие другие дворяне[80]. Министр внутренних дел П.Н. Дурново упрекал самарскую администрацию в «полном упадке власти и отсутствии решительных мер для подавления мятежных усилий»[81].

В событиях Смуты 1905—1907 гг. участвовали не только те, кто стремился низвергнуть существующий строй, но и те, кто защищал традиционный уклад, привычный образ жизни. В их рядах преобладало простонародье, чье массовое инстинктивное движение против ниспровергателей в отечественной либеральной и революционной литературе традиционно именуется черносотенным. Осень 1905 г. была отмечена массовыми выступления простонародных консерваторов, их столкновениями с революционными демонстрациями. В с. Обшаровка Самарского уезда Самарской губернии радикалы во главе с врачом Кряжимским организовали революционную демонстрацию с красными флагами. Крестьяне и рекруты разогнали ее, а руководителей побили. В с. Бобровка того же уезда на сельском сходе крестьяне обвиняли учителя. «Ты забастовщик, студенец», — кричали они и составили приговор о его удалении из села[82]. Такие же приговоры составлялись крестьянами в Николаевском, Новоузенском и других уездах.

Чувство неуверенности, неодолимый страх, всякий раз вынуждавшие консервативное простонародье во время кризисов умолять власть сурово наказывать бунтовщиков, осенью 1905 г. превратились в хроническое явление. «Истинно русские люди» села Царевщина обращались к самарскому губернатору: «Ваше превосходительство! Будьте добрым

защитником нашего села Царевщины, избавьте нас от крамольных людей, которые не дают покоя нам, мирным гражданам. Они подстрекают народ на разные противоправительственные злые дела, о которых не могут умолчать истинно русские люди, они побуждают народ к вооруженному восстанию и к запасу оружия, во главе всех этих бунтовщиков стоит Антип Князев.... Он волнует все общество, и его боятся все, как огня или какой-нибудь заразы, от которой заражается воздух... Есть у него и помощники Василий Солдатов, Алексей Солдатов, Григорий Солдатов, Порфирий Солдатов, Александр Иванцов, Александр Феклистов, Григорий Серинов, Федор Суслов, Семен Сучков, Петр Юдин и Егор Разинов. ...Сколько у них найдено при обыске разного краденного... Ваше превосходительство, просим Вас, не оставьте, дайте свободно вздохнуть. Примите надлежащие меры...»[83] В верноподданнических адресах крестьяне и мещане Николаевского уезда просили императора: «Прикажите начальствующим лицам: Губернаторам и Архиереям, которым мы верим без сомнения, чтобы они разъяснили нам, что это за злодеи и что им нужно? То губернаторов бьют, то прокуроров, то министров, а тут добрались до помазанников Божьих, пусть их укажут нам. Мы скорость с ними расправимся»[84].

Значительная часть крестьянства негативно относилась к погромам и поджогам. В декабре 1905 г. крестьяне с. Гавриловка Бузулукского уезда заставляли участников разгрома экономий Мжельского и Сапрыкина вернуть награбленное имущество; те обратились к единомышленникам из с. Алексеевка, откуда «на помощь» им направились 15 человек. Но едва они въехали в Гавриловку, как раздался набат, и вооруженные чем попало местные крестьяне вступили в схватку с «помощниками», многие из которых получили серьезные ушибы, а один от побоев скончался. В декабре 1905 г. 12 крестьян с. Большая Раковка ограбили арендатора Кириллина, забрав у него почти 600 пудов хлеба. Когда с нагруженными телегами они возвратились в село, остальные крестьяне так сильно избили их, что двое из них позднее скончались. Хлеб у погромщиков жители села отняли, часть вернули арендатору, а часть пропили. В сентябре 1905 г. крестьяне с. Узюкова Ставропольского уезда расправились с односельчанами, громившими экономию графов Орловых-Давыдовых, отобрали у них награбленное имущество и на сельском сходе постановили всех участников погрома (27 человек), «как порочных членов общества», выслать вместе с домочадцами и отправить в Ставропольскую тюрьму. Расходы по содержанию их в заключении сельское общество взяло на себя. В постановлении схода говорилось, что все участники погрома – конокрады и воры, «не признавали бога и царя». После обращения губернатора сход простил 16 погромщиков. Остальные 11 вместе с членами семей (всего 43 человека) были сосланы в Сибирь[85].

Революционные партии стремились подтолкнуть крестьян к еще более массовым и агрессивным выступлениям. Пропагандистская литература издавалась огромными тиражами, и, по свидетельству жандармского управления, революционеры «наводнили» ею уезды. Особенно преуспевали эсеры, сосредотачивавшие на агитации деревни особые усилия. Полиция, по ее собственному признанию, не только не могла свести на нет революционную агитацию, но была «бессильна даже установить агитаторов, пользующихся покровительством крестьян»[86]. Самарские эсеры организовали значительное число «крестьянских братств», некоторые из которых имели «боевые дружины». Под руководством М.И. Сумгина началось создание самарской организации Всероссийского крестьянского союза. «Самарская газета» 18 декабря 1905 г. опубликовала за подписью Сумгина «Приглашение на Самарский губернский крестьянский съезд», открытие которого приурочивалось к 10 января 1906 г.[87] Агитация социал-демократов осложнялась разногласиями внутри губернской организации[88]. Впрочем, разногласия эти сводились скорее к теоретическим упражнениям, российскую деревню равно схоластически представляли «разделисты», «национализаторы», муниципализаторы и все остальные социал-демократы[89]. Значительных сил для агитации в деревне у них не было. Осенью 1905 г. самарские социал-демократы имели, по их выражению, «прочные связи» только в 10 селах губернии.

§ 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И АДМИНИСТРАЦИЯ

С начала 1905 г. энергично заявили о себе политические объединения, партии и союзы. Консерваторы представляли те социальные слои, которые стояли за сохранение традиционного уклада, не представляли России без самодержавия, православия, сословий. Несмотря на то что Общество сельских хозяев Самарской губернии ничем себя не проявило, идея всесословного объединения имела немало сторонников. Однако землевладельцы из крестьян и купцов от единения с дворянами уклонялись. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов пропагандировали идею Всероссийского союза землевладельцев для водворения порядка, охраны частного землевладения. Традиционная формула: православие, самодержавие, народность – была их нравственной максимой. Чрезвычайное губернское дворянское собрание 26 февраля 1906 г. избрало на Всероссийский съезд дворянских обществ губернского предводителя А.Н. Наумова, А.А. Чемодурова, А.Н. Булгакова, А.Н. Толстого, П.М. Наумова, М.Д. Мордвинова и Н.Н. Шишкова. На I всероссийском съезде представителей от дворянских обществ (апрель 1906 г.) А.А. Чемодурова избрали членом Постоянного Совета по подготовке

съезда, а впоследствии – членом Постоянного Совета объединенных дворянских обществ, мнению которого царь и правительство внимали.

Самарские черносотенцы ограничивались мелкими стычками с революционерами, избиением отдельных интеллигентов, угрозами и изданием прокламаций. Немного преуспели они и в дни «октябрьских свобод». Вице-губернатор Кондоиди 20 октября 1905 г. во время панихиды по Александру III произнес речь, в которой корил смутьянов, безбожников-революционеров, винил правительство в трусости, призывал сплотиться вокруг царя. Самое многочисленное патриотическое шествие в Самаре состоялось 27 октября. Около 200 человек с портретом царя, белым знаменем собрались на Алексеевской площади. На их беду, рядом оказалась «боевая дружина» социал-демократов (из четырех человек). У патриотов отобрали знамя, митинг распугали. Позднее социал-демократы вернули знамя полицмейстеру. Губернский отдел Союза русского народа оформился только к концу революции; в ноябре 1906 г. он насчитывал в своих рядах около 500 чел., преимущественно торговцев и люмпенов. В Самаре не издавалось черносотенных газет, не было погромов, как в Казани и других городах[90].

После издания Манифеста 17 октября 1905 г. самарские либералы размежевались. Умеренные либералы организовывали отделения «партии правового порядка» и «Союза 17 октября», которые 3 декабря объединились на платформе «Союза». В губернский комитет «партии правового порядка» на платформе «Союза 17 октября» вошли предводитель дворянства А.Н. Наумов, городской голова С.Н. Постников, крупные землевладельцы и предприниматели И.Г. Курилин, В.М. Сурошников, Я.Д. Слободчиков, граф А.Н. Толстой, князь П.Д. Урусов, М.Д. Челышев, Т.А. Шишов. С 1 января 1906 г. октябристы приступили к изданию газеты «Голос Самары». В конце 1906 г. в Самаре насчитывалось 735 октябристов. Группы октябристов были созданы в Бузулуке, Бугульме, Николаевске, Новоузенске, посаде Мелекесс, селах Тимашево и Сельское[91]. Среди октябристов было немало высокооплачиваемых торгово-промышленных служащих, чиновников, представителей «цензовой» интеллигенции.

Умеренные либералы были сторонниками наследственной конституционной монархии с двухпалатным представительством, выступали за равенство всех граждан без различия пола, национальности, вероисповедания, за свободу слова, совести, печати, собраний и союзов, отмену паспортной системы. Они не были сторонниками немедленного уничтожения сословий, свято чтили закон. Аграрный вопрос октябристы предлагали решить уравнением крестьян в правах с другими гражданами, отменой архаических общинных порядков, подъемом производительности земледелия и по возможности увеличением крестьянского землевладения[92]. Свою программу октябристы намеревались проводить исключительно мирным путем. В период избирательной кампании

в думу они регулярно проводили собрания, распространяли воззвания. Среди простонародья октябристы появлялись крайне редко.

Самарская организация партии кадетов окончательно оформилась в декабре 1905 года. Временный губернский комитет организации составили известные либералы Е.Л. Кавецкий, А.Г. Клафтон, Г.Н. Костромитинов, А.Г. Курлин, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов, А.Н. Хардин. 31 декабря 1905 г. кадеты вошли в редакцию газеты «Самарский курьер», а после его закрытия – в редакцию газеты «Волжское слово». В Самаре насчитывалось около 300 кадетов. Группы кадетов существовали также в уездных городах и промышленных селах: Бугульме, Бузулуке, Балакове, Ставрополе, Новоузенске, Мелекессе, селах Богатом и Тимашеве[93]. Кадеты были сторонниками конституционной парламентской республики, политических свобод, свободы слова, совести, собраний, митингов и демонстраций, 8-часового рабочего дня «там, где он возможен». Земельные нужды крестьян они предлагали решить созданием государственного земельного фонда путем принудительного отчуждения непроизводительно используемых частновладельческих земель «по справедливой оценке» с последующим наделением крестьян. Кадеты стояли за сохранение общины, так как считали, что насильственная ломка традиционных институтов ускорит пролетаризацию и углубит социальный кризис.

В организации кадетов входили землевладельцы, предприниматели, служащие, интеллигенция, приказчики, ремесленники, рабочие, редко крестьяне[94]. Так же как октябристы, социал-демократы, эсеры, СРН, кадеты были «общенациональной» партией, агитировали средние городские слои, рабочих, крестьян и пользовались влиянием во всех слоях общества. Они сотрудничали и с октябристами, и с революционерами и в глазах администрации были опаснейшей антиправительственной организацией, в силу чего подвергались систематическим преследованиям[95].

Революционеры, социал-демократы и социалисты-революционеры, выступали за вооруженное восстание, ниспровержение самодержавия, ликвидацию сословных различий, демократическую республику, Учредительное собрание, свободу слова, совести, собраний, стачек, восьмичасовой рабочий день, перераспределение собственности. Социал-демократы вначале предлагали возвратить крестьянам выкупные платежи, а также земли, отрезанные от крестьянских наделов в ходе реформы 1861 г. («отрезки»). Летом 1905 г. самарский комитет РСДРП защищал программу «отрезков» и только осенью этого года стал склоняться к конфискации помещичьих земель[96]. С 1906 г. он определенно поддержал программу муниципализации земли, т. е. передачу латифундий органам местного самоуправления с последующей арендой их крестьянами[97]. Эсеры выступали за «социализацию земли», т. е. ликвидацию частной собственности на землю, превращение ее в общенародное дос-

тояние без выкупа, передачу земли демократически организованным органам самоуправления и общинам на принципе «поравнительного» распределения между крестьянами «по потребительной или трудовой норме»[98].

В одних случаях самарские социал-демократы принимали решения в духе рекомендаций вождей-большевиков, в других – вождей-меньшевиков. Весной 1905 г. они насчитывали в своих рядах 560 членов, осенью – более 600, весной 1906 г. – около 600, весной 1907 г. – около 400 членов[99]. Больше всего в организации социал-демократов было рабочих, затем интеллигентов; крестьян – социал-демократов почти не было. В комитетах Самары и уездных городов преобладали интеллигенты, много было зеленой молодежи. Главные усилия социал-демократы направляли на город, в первую очередь на рабочих, где добились значительных успехов[100]. Подтверждением тому служат и итоги выборов во II Государственную думу. Социал-демократы преобладали в рабочих стачечных комитетах, Совете рабочих депутатов, профсоюзах. Также они основывали кружки учащихся, пользовались известным влиянием среди тружеников кустарных и полукустарных заведений, ремесленников и грузчиков г. Самары. С середины 1905 г. социал-демократы агитировали части местного гарнизона. У них была хорошая типография. Прокламации социал-демократы выпускали в тысячах, а иногда в десятках тысяч экземпляров. Издавали они также легальные и нелегальные газеты «Самарская газета», «Самарская Лука», «Прибой», «Борьба».

Организация эсеров в Самаре в дни «октябрьских свобод» состояла из нескольких сот человек. В апреле 1906 г., по данным жандармского управления, в ней было 239 членов, а в октябре того же года, по партийным сведениям, – около 500 членов: рабочих, ремесленников, кустарей, железнодорожников, учащейся молодежи, представителей «нецензовой интеллигенции». Эсеры оказывали серьезное влияние на железнодорожников, рабочих мелких предприятий, ремесленников, приказчиков. На крупных предприятиях их влияние было незначительным. Больших успехов они добивались у учащихся и солдат гарнизона. Немногочисленные группы эсеров имелись во всех уездных городах, в селах губернии насчитывалось около70 эсеровских крестьянских организаций – «братств» общей численностью 600–700 человек[101]. Типографская база у эсеров была похуже, чем у социал-демократов. Тем не менее они регулярно и большими тиражами выпускали прокламации (до 5–10 тыс. экз.), издавали легальные и нелегальные газеты «Самарский курьер», «Крестьянская газета», «Молодое слово», «Народный листок», «Судьба»[102]. Боевая дружина губернского комитета покушалась на жизнь начальника гарнизона генерала Сергеева; «летучий боевой отряд Поволжской области» – на генерала Сергеева, начальника самарского губернского управления Боброва, губернатора Блока.

В конце 1906 г. от эсеров Самары отделилась группа социалистов-революционеров-максималистов во главе со статистиком губернской земской управы В.М. Владимировым. В феврале 1907 г. она насчитывала чуть более 20 человек, молодых рабочих и интеллигентов[103]. Все усилия максималисты направили на экспроприации: 26 января 1907 г. изъяли 435 руб. у владельца мучной лавки купца Романова, 18 февраля 1907 г. – 200 руб. у артельщика Самаро-Златоустовской железной дороги Ваганова[104]. Максималисты поддерживали тесные связи с довольно многочисленной группой анархистов-индивидуалистов, основанной в феврале 1907 г.[105] Осенью 1906 г. в Самаре стал действовать небольшой кружок радикалов-евреев «паоли-цион»[106].

Все политические организации губернии были настроены на жесткую конфронтацию. Таковыми были отношения октябристов и кадетов, социал-демократов и эсеров, не говоря уж о враждебной непримиримости консерваторов и революционеров. Психология нетерпимости достигала максимума у лидеров, комитетчиков. Рядовые члены зачастую не понимали причин розни и полагали нужным объединить усилия революционеров против власти, либералов, против консерваторов.

До поздней осени 1905 г. самарская администрация, пребывая в растерянности, шла на поводу у политических организаций, не препятствовала их созданию, посредничала в переговорах рабочих и служащих с предпринимателями, нередко занимая сторону бастующих; в первые месяцы 1905 г. она содействовала выбору различных депутаций забастовщиков и организации переговоров их с предпринимателями. Так было как во время волнений рабочих в марте-апреле 1905 г., так и позднее. Не препятствовала администрация и созданию железнодорожного союза, Комитета общественной безопасности. В октябре 1905 г. губернские власти вели бесконечные переговоры с городским стачечным комитетом, передали ему Пушкинский народный дом, сквозь пальцы смотрели на многочисленные собрания, устраиваемые революционерами в народном доме, мирились с существованием вооруженных дружин. По требованию КОБ администрация разрешила бесцензурный выход газет. И только в ноябре 1905 г. самарские власти стали приходить в себя.

В дни «октябрьских свобод» городская дума, все более решительно отмежевываясь от устремлений либеральных политических организаций нагнетать страсти, стала выступать за упрочение порядка. 17 гласных, в их числе М.С. Афанасьев, А.Г. Курлин, П.П. Подбельский, 18 октября предложили обсудить меры, «которые необходимо принять для успокоения и безопасности жителей Самары». После непродолжительной дискуссии дума постановила «придти на помощь безработным и организовать общественные работы, дешевую столовую», а также создать комиссию «по разработке вопроса об охране»[107]. 22 ноября 1905 г. дума приняла решение увеличить жалование полицейским служащим,

ночным сторожам на 5 руб. в месяц; околоточным надзирателям – на 11 руб. 67 коп. в месяц, дополнительно платить с 1 октября 1905 г. казакам 5 руб. в месяц, старшим офицерам – 3 руб. в сутки, младшим офицерам – 2 руб. в сутки, солдатам Березинского полка – 15 коп. в сутки[108]. Городской бюджет в годы революции испытывал острый дефицит. Именитые граждане и купцы, к которым воззвала дума, не горели желанием раскошелиться и к началу 1906 г. пожертвовали чуть более 12,5 тыс. руб. На помощь пришел А.Н. Шихобалов, пообещавший ссудить городу 20 тыс. руб. под 8 % годовых[109]. Организованная по инициативе городской думы столовая вскоре была закрыта, общественные работы прекращены. 12 декабря 1905 г. девять гласных, в их числе М.Д. Челышев, Ф. Углов, в заявлении на имя исполняющего должность городского головы указывали на увеличивающуюся опасность забастовок, «которые сопровождаются насильственным закрытием не только торговых и заводских заведений, электрического освещения, но даже таких присутственных мест, как окружной суд, нотариусы и банки, с угрозами забивать тех, которые не подчиняются». Они писали, что около месяца не работали почта и телеграф. Далее следовал апокалипсический вывод: «Насильственным путем партия крайних остановила торговлю и промышленность в городе – жизнь замерла, и страшная катастрофа разорения надвигается»; они призывали городскую думу «принять посильные меры», чтобы обезопасить обывателей, предпринимателей и торговцев от «массы вооруженных людей», не «играть в забастовки, которые приведут страну к банкротству», и та единодушно поддержала авторов заявления. По поручению думы городской голова обратился к губернатору с просьбой принять «самые энергичные меры к пресечению возможности организовываться собраниям крайних партий»[110].

У революции 1905–1907 гг. было мужское лицо. В традиционалистской России роль женщины вполне определенно очерчивалась кругом семьи. Крестьяне Самарского Поволжья негативно относились к женской эмансипации; женщины не были субъектами сельского схода и сельского самоуправления, не участвовали в сельских митингах и демонстрациях; у мужчин и мысли не было приглашать женщин на собрания «республик», а тем более избирать в органы «республиканского правления». Известен только один случай: в селе Царевщина в ноябре 1905 г. женщины с мужьями присутствовали на собрании в Народном доме. В редких случаях молодые женщины входили в крестьянские братства и кружки, как, например в с. Емельяновка Бугурусланского уезда; иногда участвовали в разгроме усадьб. Среди консервативно настроенного населения была велика доля женщин из простонародья. В массе своей женщины-крестьянки были религиозны, революционных учений и призывов боялись, не ждали ничего хорошего от крутых перемен,

противились участию мужей, сыновей, родственников в нелегальных кружках, погромах и других выступлениях, проклинали «студентов»[111].

Горожанки пореформенной России чем далее, тем более включались в общественную жизнь – в первую очередь те дворянки, которые получили гимназическое образование, учились на учительских и фельдшерских курсах. Они активно участвовали в общественной жизни, вступали в радикальные организации. Однако среди руководителей партийных объединений Самарского Поволжья мы можем назвать лишь нескольких женщин. Зато было много женщин-пропагандисток. В революционных выступлениях так или иначе, вольно или невольно принимали участие женщины практически всех слоев русского общества: дворянки, крестьянки, работницы, интеллигентки и домохозяйки; наиболее активными были ученицы фельдшерских и учительских училищ и гимназистки.

В городах Самарского Поволжья женщины-труженицы в начале XX века были заняты в производстве одежды и предметов туалета, в «модных» магазинах; значительным было число домашней прислуги. В заведениях, где были заняты женщины, царили патриархальные нравы, у наемных работниц практически не было никаких юридически закрепленных прав, заработная плата была невелика. В Самаре в модных мастерских Мериин белошвеи при 13–14-часовом рабочем дне получали 3–4 рубля в месяц и вынужденно подрабатывали на жизнь проституцией. В феврале 1905 г. они бросили работу, требуя двенадцатичасового рабочего дня, восьмирублевого месячного жалования, введения фабричного устава – всех их немедленно уволили[112]. В городах среди демонстрантов и митингующих было много гимназисток, фельдшериц, работниц; порой они вступали в столкновение с сотрудниками правопорядка. Так, в Самаре 14 октября 1905 г. при столкновении демонстрантов и полиции были ранены семнадцатилетние портниха Почтаркина К.Н. и домашняя служанка Богомолова Е.Л.[113]

По инициативе Н.В. Батюшковой и Н.А. Хардиной в Самаре 23 апреля 1905 г. состоялось организационное собрание «Женской лиги»; 4 мая на многолюдном митинге Н.А. Хардина в докладе о роли женщин говорила о необходимости полной эмансипации. Позднее был создан союз женского равноправия, вошедший в «Союз союзов»[114]. Одним из крупнейших в Самаре был профсоюз портных и портних «Игла». Основной целью его было улучшение условий труда, содействие умственному и нравственному развитию трудениц.

В Первой русской революции проявились особые социокультурные ценности российских мусульман Самарской губернии. Основная масса их была далека от участия в политической жизни страны. События 1905–1907 гг. не оказали на них явно выраженного дестабилизирующего влияния. Мусульманское крестьянское население региона сохраняло внешнее спокойствие и формальную лояльность государству. В выступлени-

ях мусульманского населения доминировали требования религиозно-культурного характера, а предлагаемые левыми партиям методы гражданского протеста не нашли у него отклика[115]. Татарская организация партии эсеров в «Отчете» Поволжскому съезду особо подчеркивала, что ее стараниями во II Государственную думу от Самарской губернии прошел татарин Х.М. Атласов[116].

Немецкое население региона в антиправительственных выступлениях практически не участвовало, сохраняя полную лояльность власти. Так, осенью 1905 г. поселяне немецкой колонии Цуг Николаевского уезда подали прошение губернатору об удалении местного ксендза База, поскольку он «восстанавливает одну часть населения против другой и призывает бить полицию и власти, как бешеных собак». Старосту с. Обермонжу Кенига, подстрекавшего граждан с. Екатеринштадт к неповиновению, сход лишил права участвовать в общественных делах[117]. В немецких селах Самарской губернии широко распространилось движение против обучения русскому языку. Из школ Новоузенского уезда осенью 1905 г. были изгнаны учителя русского языка; как писал 10 декабря 1905 г. директор народных училищ Казанского учебного округа, немецкое население заявило о нежелании этому языку учиться. В Визенмиллеровском приходском училище изгнанных учителей русского языка предупредили, что в случае возвращения их убьют. В Ней-Тарлыкском земском училище дети по настоянию родителей побросали русские книги и отказались учиться русскому языку, а родители угрозами принудили учителей прекратить обучение. В с. Моргентау сельский сход категорически отказался платить жалованье русскому учителю[118].

§ 6. ДЕКАБРЬ 1905 Г. В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В конце ноября 1905 г. правительство перешло в наступление. 26 ноября были арестованы председатель, а 3 декабря Исполнительный комитет и значительная часть членов Петербургского Совета рабочих депутатов, 2 декабря за публикацию так называемого «Финансового манифеста» были закрыты восемь левых газет. На полях доклада о приостановке газет Николай II написал: «Наконец!» В ответ революционеры пошли на крайние меры. В Москве конференция 29 железных дорог, Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, Совет рабочих депутатов постановили с полудня 7 декабря начать всеобщую политическую стачку с последующим вооруженным восстанием.

В Самаре с середины ноября 1905 г. упорно распространялись слухи о готовящемся восстании. Администрацию тревожило положение дел в артиллерийской бригаде. 27 ноября совещание командиров частей и старших штаб-офицеров гарнизона, проходившее под руководством

генерала Сергеева, решило обезвредить ее и с этой целью арестовать подполковника фон Гальбена, а также членов военной организации эсеров[119].

Самарский Совет рабочих депутатов и железнодорожный стачечный комитет назначили выступление на 8 декабря. В первых обращениях, опубликованных ими, говорилось только о политической стачке. Однако уже 8 декабря Совет, комитеты социал-демократов и эсеров в воззвании «На улицу!» призвали к вооруженному восстанию, свержению самодержавия, образованию революционного временного правительства и созыву Учредительного собрания[120]. Вряд ли даже те, кто призывал к восстанию, верили в его успех; военные силы революционеров ограничивалась боевыми дружинами. Уверения Совета рабочих депутатов: «Солдаты артиллерийской бригады, железнодорожные батальоны с нами» – не соответствовало истине. После ареста 3 декабря фон Гальбена, а затем лидера военной организации И. Петрова не осталось никого, кто был бы способен повести за собой солдат. Многие рабочие противились забастовке, не говоря уже о восстании. А.А. Коростылев, социал-демократ, активный участник событий, позднее рассказывал, что, когда он с товарищами явился на завод Лебедева и призывал к стачке, рабочие их побили, а на Жигулевском заводе «поливали водой»[121].

Как и в октябре 1905 г., первыми забастовали железнодорожники. Воинские составы, за этим следила «техническая служба» стачечного комитета, проходили беспрепятственно; также не задерживали поезда с хлебом для пострадавших от неурожая губерний. Вслед за железной дорогой прекратили работу на некоторых заводах и фабриках, в магазинах и в казенных учреждениях. По распоряжению Совета рабочих депутатов продолжали функционировать водопровод, мясные и молочные лавки, аптеки, хлебопекарни. 8 декабря в руках Совета оказался железнодорожный телеграф.

По свидетельству очевидца, улицы и площади города, наполненные народом, напоминали потревоженный муравейник, всюду сновали вооруженные патрули дружинников и казаков, однако революционеры не представляли, что делать[122]. Один из лидеров самарской организации эсеров С.Н. Каллистов позднее писал: «Мы по-настоящему не были готовы к вооруженному восстанию. У нас были дружины... но не было ни плана действий, ни ясного представления о том, как и что мы будем делать во время вооруженного восстания»[123]. В Народном доме шли бесконечные митинги и совещания эсеров и социал-демократов, велись разговоры о необходимости ареста губернатора, но дальше разговоров дело не шло.

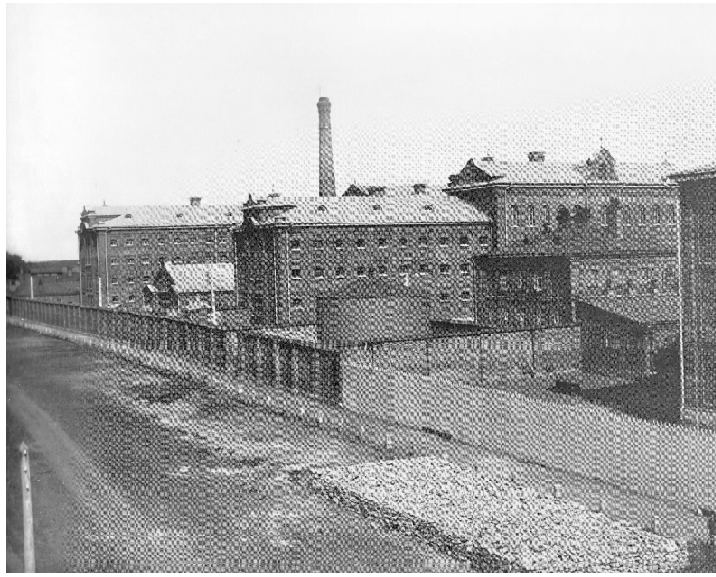
Несмотря на тревожную обстановку, местные власти в целом контролировали ситуацию. В их распоряжении были казаки, 312-й Березенский пехотный полк и другие воинские части. Железнодорожные вой-

ска заняли вокзал, а саперы – здание железнодорожного телеграфа. Не дремало и жандармское управление. В первые дни декабря оно известило начальство об активной подготовке революционеров к восстанию, о комплектовании «боевых дружин», усиленном приобретении оружия в магазинах, а также экспроприации его революционерами из арсеналов. Так, например, 12 ноября из оружейного склада 3-й артиллерийской бригады выкрали 50 револьверов. Власти знали и о планах нападения на административные учреждения. По полученным сведениям, на 10 декабря 1905 г. в Народном доме объявлялся сбор дружинников с тем, чтобы на следующий день начать восстание.

В половине девятого вечера 10 декабря Народный дом окружили четыре роты солдат, две сотни казаков и наряд полиции. Губернатор Д.И. Засядко послал командующему сводным отрядом полковнику Баранову записку с просьбой выпустить публику из Народного дома без насилия. Баранова это лишь подстегнуло. В Народном доме находились, по одним данным, полторы, по другим – две, а по третьим – даже три тысячи человек, главным образом ежедневно митингующей публики; дружинников было всего несколько десятков, не более 70 человек. Сгоряча они решили держаться. Забаррикадировали окна и двери, на требования сдаться бросили с балкона в сторону осаждавших две самодельные бомбы (по сообщению Д.И. Засядко – четыре), которые не взорвались. Кроме того, прозвучал одиночный оружейный выстрел. Спустя два часа Баранов объявил, что, если через пять минут окруженные не капитулируют, он прикажет начать атаку. Положение было безвыходным, и собравшиеся в Народном доме согласились сдать оружие и разойтись[124]. Во время переговоров все находившиеся в Народном доме известные революционеры бежали через прилегающий сад. В здание вошла караульная рота. Обыски шли до часу ночи. Были обнаружены несколько разрывных снарядов, ружей, холодное оружие. Всех задержанных в Народном Доме отпустили, некоторых из них избили, двое получили тяжелые телесные повреждения, один подросток позднее скончался. Рассказы о попытке боевой дружины во главе с председателем Совета Н.Е. Вилоновым оказать помощь осажденным наверняка легендарны; в официальных документах, зафиксировавших мельчайшие детали событий 10–11 декабря, об этом не упоминается. 11 декабря часть Совета рабочих депутатов арестовали, остальные скрылись; Совет перешел на нелегальное положение. Следов его деятельности в последние дни перед роспуском не осталось. Последний раз Самарский Совет рабочих депутатов нелегально собрался 15 декабря.

Революционеры потерпели поражение. Власти, имея полное превосходство, уже в ночь на 11 декабря начали наводить порядок. Арестовали известных революционеров, в первую очередь эсеров В. Девятова, И. Петрова, И. Лукасинского, которых опасались более других, председателя и членов железнодорожного стачечного комитета В.П. Цветко-

ва, Г. Глядкова, К. Дубцова. На улицах патрулировали казаки и полицейские. Несанкционированные митинги, демонстрации, собрания, в том числе и в Народном доме, запретили. Социал-демократы намеревались провести 12 декабря митинг в помещении общества приказчиков. К девяти часам вечера, как только собралась публика, прибыл пристав с нарядом казаков и предложил разойтись. Организаторам, сославшимся на Манифест 17 октября, он пояснил: «То было 17 октября, а теперь 12 декабря»[125].

Самарская губернская тюрьма. Из кн.: Фотографы и Самара: Очерки истории фотографии в Самаре: в 3 кн. / В.Е. Кузнецов, С.Ф. Рудняев. Кн. III. Самара, 2014

Губернатор 11 декабря советовал торговцам открыть магазины, обещая, если кто будет мешать торговле, защищать их с помощью военной силы. На следующий день порядок в городе в основном был восстановлен. Работали магазины, административные учреждения, почти все промышленные предприятия. Лишь на железной дороге до 21 декабря продолжалась частичная забастовка. Городская дума 13 декабря отмежевалась от Комитета общественной безопасности и обратилась с просьбой к губернатору привлечь комитет «к законной ответственности за неправильно присвоенные им функции»[126]. Купечество выделило для поощрения нижних чинов Березинского полка, «усмирителей крамолы», 500 руб. Коммерческое собрание чествовало полковника Березина, «освободителя» Самары от «революционного террора». Комитет обществен-

ной безопасности на своем последнем заседании 13 декабря констатировал как моральное, так и материальное «ослабление». К этому времени его покинули 15 «отцов-основателей». Принятое постановление о продолжении деятельности было чисто символическим. КОБ незаметно сошел со сцены.

Революционеры растерялись. Вначале среди них шли разговоры о «партизанской войне», затем о терроре. Самарский комитет социал-демократов на заседании 11 декабря отказался от применения индивидуальных покушений. Эсеры, напротив, сосредоточили усилия на том, чтобы «наказать карателей», в первую очередь начальника Самарского гарнизона генерала Сергеева. 15 декабря на площади за губернской земской больницей в ехавшего на пролетке генерала трижды стрелял член военной организации эсеров, солдат С. Власов. Все три выстрела не достигли цели. Позднее Власова осудили на 15 лет каторги. 27 декабря 1905 г. член летучего отряда Поволжской области, рабочий-кровельщик Жуков бросил с перрона вокзала разрывной снаряд под вагон, в котором Сергеев направлялся к новому месту назначения. Были повреждены вагон, часть вокзала, Сергеев получил ранение лица и руки.

§ 7. В ПЕРВОДУМСКИЕ ДНИ

Эпоха «явочных свобод», безвластия окончилась. В 1906—1907 гг. не было таких беспрерывных, многочисленных, грозных выступлений в городе и в деревне против существующего порядка, как в 1905 г. Движение приобрело иное качество, дробилось, локализовалось.

В Самарской губернии, по данным фабричной инспекции Министерства торговли и промышленности (она не охватывала предприятия с числом рабочих менее 10—15 человек, а также казенные и железнодорожные заведения), в 1905—1907 гг. имелось от 156 до 159 предприятий с числом рабочих от 9624 до 9923. На них в 1905 г. было зафиксировано 168 стачек с 12 752 участниками, в 1906 г. — 48 стачек с 3093 участниками, в 1907 г. — 29 стачек с 2514 участниками[127]. Примечательно, что более половины стачечников Самарской губернии в 1907 г. (1543 чел.) составляли металлисты, т. е. наиболее квалифицированные и высокооплачиваемые рабочие. В губернии за 1905 г. выявлено 495 крестьянских выступлений, за 1906 г. — 130, за 1907 г. — 51. Существенно изменился характер движения. В 1905 г. крестьяне согласованно силой стремились взять землю, выжить помещиков. В 1906—1907 гг. они больше надеялись на царя, Государственную думу, выступали разрозненно.

Во второй половине декабря 1905 г. — феврале 1906 г. революционные организации были серьезно ослаблены. В Самаре с 15 декабря 1905 г. по 15 января 1906 г. было арестовано около 200 социал-демократов. Уцелевшие от арестов лидеры комитета бежали, некоторые уездные

группы были ликвидированы почти полностью. Потери эсеров были еще более значительными. На них власти обращали внимание в первую очередь. Арестовывали всех видных деятелей комитета: 18 декабря – Э. Павчинского, 19 декабря – М.А. Веденяпина, М.И. Самгина, 24 декабря – С.И. Акрамовского. Департамент полиции запрашивал Самарское жандармское управление о причинах «столь значительного числа содержавшихся под стражей в порядке положения о государственной охране»[128]. Ослабла и организация кадетов. Многие вышли из ее рядов.

Однако до полного успокоения было далеко. Продолжались выступления в городе, деревне, в воинских частях, ожидались новые значительные выступления в деревне. О них говорили революционеры и либералы; местные власти также предполагали, что с наступлением весны аграрное движение «весьма вероятно»[129]. Уже весной 1906 г. восстановились комитеты, городские и сельские группы обеих революционных организаций. В январе 1906 г. социал-демократы стали издавать нелегальную газету «Борьба».

В первой половине 1906 г. в центре внимания была Государственная дума. Законом 11 декабря 1905 г. был расширен круг избирателей. В Самарской губернии землевладельцы имели почти 31,5 % голосов, крестьяне – 41,4 %, рабочие – несколько более 3 %, предприниматели и другие горожане, обладатели имущественного ценза – чуть менее 24 %. Правительство верило в поддержку крестьян и предоставило им столь значительную квоту. Ограничено было представительство нехристиан. Съезд мусульманских духовных лиц и мусульманских крестьянских обществ Ставропольского уезда (около 500 чел.), проходивший 4 февраля 1906 г. в Народном доме посада Мелекесс, просил предоставить мусульманам пропорциональные права на выборах в думу[130].

Революционные партии называли думу «обманом», «фальшью», «подделкой народного правительства». Социал-демократы выпустили прокламацию с характерным заголовком: «Участники Думы – предатели народа». Они звали к активному бойкоту выборов. К этому их подталкивала горечь поражения в 1905 г., опасение, что дума, удовлетворив некоторые желания народа, поставит труднопреодолимые препятствия на пути революционного переворота. Они надеялись, что народ можно убедить бойкотировать выборы, и верили, что он готов взяться за оружие. Впоследствии революционеры признали, что они неправильно оценили степень «революционной готовности» народа, но остались верны мнению, что дума ничего не может сделать для масс и в лучшем случае годна для пропаганды революционных программ.

Самарский комитет РСДРП с января по июль 1906 г. выпустил 22 листовки тиражом от трех до десяти тысяч экземпляров с призывом к бойкоту. Несколько уступая социал-демократам в выпуске печатных изданий, эсеры благодаря содействию земских учителей, агрономов,

фельдшеров значительно превосходили их в устной агитации бойкота в деревне. И эсеры, и социал-демократы постоянно дискутировали на предвыборных собраниях с кадетами и октябристами, призывая отказаться от выборов «в черносотенную думу»[131]. На городских промышленных предприятиях им изредка удавалось провести резолюции о бойкоте выборов, как, например, 1 марта 1906 г. на собрании 150 рабочих завода Журавлева, но крайне редко это удавалось им в деревне[132].

Прохладно отнеслись к выборам консерваторы Самары. Основную предвыборную борьбу вели октябристы и кадеты, а также плохо организованные демократы, которые выступали под лозунгом «левее кадетов» (позднее их назвали «трудовиками»). Самарская организация Союза 17 октября именно с начала выборов привлекла новых сторонников. Свою избирательную программу она опубликовали в газете «Голос Самары» 19 февраля 1906 г. Основными пунктами ее были поддержка монархии на почве Манифеста 17 октября, охрана «священной частной собственности», избрание «истинно русских людей». Свои прокламации, воззвания и брошюры октябристы распространяли в десятках тысяч экземпляров как в городах, так и в деревнях[133]. Кадеты выступили с программой народовластия, увеличения крестьянского землевладения за счет государственных удельных и частновладельческих земель, выкупленных «по справедливой оценке». Они развернули весьма активную устную агитацию в городе, в деревне же появлялись редко. По мере приближения дня выборов полемика между кадетами и октябристами становилась все острее. «Голос Самары» иронизировал над «молодцами» из «Самарского курьера», называл кадетов очернителями, лжецами, клеветниками, брызжущими «ядовитой и грязной слюной»[134]. В свою очередь «Самарский курьер» призывал не верить октябристам, «антинародной» «партии богатых»[135].

Бойкотистская кампания революционеров не увенчалась успехом. В городе их поддерживали часть рабочих на немногих заводах (Журавлева, Лебедева, Вайнберга) и типографий. В деревне выборы начались в январе 1906 г. Самарские землевладельцы, составившие землевладельческую курию, относились к выборам, по наблюдению Д.Д. Протопопова, «довольно индифферентно». Зато активно участвовали в выборах крестьяне. На собраниях они «говорили только о земле», утверждая в один голос, что она, «как дар Божий», «должна принадлежать всем». 24 марта 177 выборщиков, в том числе 95 от волостей, собрались в Самаре. Исход выборов на заключительном этапе зависел от крестьян-выборщиков, которые непременно все стремились попасть в думу и друг другу не уступали, предпочитая решить дело жребием[136]. Кадеты и октябристы усердно зазывали крестьян-выборщиков на свои собрания. Эту борьбу октябристы проиграли вчистую. 25 марта крестьяне-выборщики отказались от общего собрания с октябристами и устроили отдельное собрание с кадетами. К октябристам пришли только кресть-

яне-землевладельцы. Сокрушительное поражение Союза 17 октября было предопределено. Обязательным депутатом от крестьянской курии был избран И.И. Пустовойтов, от городской курии – П.П. Крылов. 26 марта в Государственную думу от Самарской губернии (с учетом обязательных депутатов) было избрано 8 кадетов (в их числе Г.Н. Костромитинов, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов) и 5 беспартийных, «левее кадетов», за единственным исключением (И.Е. Шувалов), будущих трудовиков.

27 апреля состоялось торжественное открытие I Государственной думы, «Думы народных надежд». «Газеты местные и столичные разбираются самарской публикой нарасхват, – сообщал корреспондент "Голоса Самары". – Все интересуются деятельностью Думы, все ждут от нее того или иного разрешения назревших вопросов». Надеялись на думу горожане, крестьяне, безработные, множество которых весной и летом 1906 г. собиралось на рабочей бирже, Ильинском и Троицком базарах.

Вместе с тем не прекращались и волнения. Указ 4 марта 1906 г. об общественных объединениях способствовал появлению в Самаре легальных профессиональные союзов рабочих механических депо (в сентябре 1906 г. насчитывал 215 чел.), печатников (190 членов), столяров (58 членов), служащих и рабочих городского самоуправления, а также общественных организаций интеллигенции[137].

Утром 1 мая из 750 рабочих главных железнодорожных мастерских на работу вышли только 200, да и те, за исключением 29, разошлись по домам. В депо из 800 человек работали, кроме дежурных, всего 60. Администрация дороги и не настаивала на том, чтобы это был обычный рабочий день, и не предполагала налагать взыскания, поскольку, как отмечалось в донесении начальника Самарского жандармского полицейского управления железных дорог А.И. Грицевича: «Невыход на работу объясняется давно заведенным порядком праздновать этот день»[138]. 1 мая праздновали также рабочие всех типографий, большинства фабрик и заводов. Администрация города, со своей стороны, тоже заранее готовилась к 1 мая. Речь шла не о недопущении незаконного праздника, а о превентивных мерах на случай возможных беспорядков. На улицах дефилировали казачьи патрули, в общественных местах была выставлена военная охрана. Обыватель в этот день предпочел сидеть дома. Вечером несколько тысяч человек собрались в Струковском саду. В общем, 1 мая прошло почти спокойно. Лишь семинаристов, сорвавших занятия в мужской гимназии, пришлось успокаивать патрулю[139].

Крестьяне верили в думу, мечтали, что она разрешит вековые надежды, о которых они писали в приговорах. В 1906 г. часть наказов крестьянских обществ Самарской губернии была опубликована. Крестьяне ожидали от думы ликвидации частной собственности на землю, уравнительного землепользования, передачи земли в пользование тех, кто ее обрабатывает; о «воле» в наказах говорилось менее определенно[140].

В дни «перводумских свобод» значительно усилили свое влияние как октябристы и кадеты, так социал-демократы и эсеры[141]. При комитетах революционных партий активно действовали «рабочие», «военные», «крестьянские» организации, специализирующиеся на агитации населения. Так называемые боевые дружины были созданы не только в губернском и уездных городах (эсеровская боевая дружина в Кинель-Черкассах летом 1906 г. насчитывала до 200 человек – случай, конечно, исключительный), но и в деревнях. Прокламации революционеры издавали регулярно и многотысячными тиражами. Эсеры на короткое время наладили выпуск легального «Народного листка». Социал-демократы закрепили свое превосходство в городе, эсеры – в деревне. По их инициативе 21 мая 1906 г. в Самаре прошел съезд крестьян четырех уездов и народных учителей большинства уездов губернии; всего присутствовало более 100 человек. На съезде решили восстановить беспартийный крестьянский союз и избрали его губернский комитет[142].

Ненадежен был гарнизон. Губернатор И.Л. Блок летом 1906 г. констатировал, что опора порядка – Эстляндский полк да казаки, остальные части лишь осложняют положение[143].

14 июня офицер 215-го пехотного Бугульминского полка арестовал двух солдат. Немедленно собрался митинг, на который солдаты явились с оружием. Они потребовали освобождения арестованных, удаления нелюбимых офицеров, «полной амнистии и отмены смертной казни», «земли и воли нашим отцам». Во время митинга раздавались выстрелы в воздух. Положение создалось крайне тревожное. Солдаты, вернувшиеся с Дальнего Востока, долго не получали денежного и вещевого довольствия, были недовольны пищей. В случае если их требования не будут удовлетворены до 27 июня, солдаты угрожали устроить вооруженную демонстрацию. Командир полка приказал немедленно освободить арестованных и обещал удовлетворить остальные претензии. Среди солдат постоянно находилось немало штатских агитаторов. По агентурным данным, один из них, переодетый солдатом, присутствовал во время вручения требований командованию полка[144]. О неординарности ситуации свидетельствует такой факт. 16 июня в «Самарском курьере» была помещена корреспонденция о волнениях в Бузулукском полку. В 10 часов вечера этого дня толпа человек в 100, среди которых было несколько солдат-артиллеристов, с пением революционных песен подошла к лагерю Бузулукского полка и стала призывать солдат собираться и идти освобождать заключенных. По приказу капитана Барклая караульная рота рассеяла толпу[145].

Спустя пять дней начались волнения в 244-м Борисовском резервном батальоне. Поводом послужило то, что солдатам выдали по 45 коп. «амуничных», в то время как в Бузулукском полку – по 2,5 рубля. Солдаты самовольно разобрали винтовки из цейхгауза, подняли стрельбу. Ближе к ночи командир 61-й бригады уговорил солдат успокоиться,

обещая передать их требования начальнику гарнизона, что и было сделано на следующий день[146]. Ненадежен, с точки зрения властей, был 244-й Мокшанский резервный полк и 3-я артиллерийская бригада, солдаты которых регулярно участвовали в митингах, собраниях рабочих, устраивали сходки.

Крайне остро развивались события в Кинель-Черкассах. По сообщению начальника Самарского губернского жандармского управления, во время пожара 4 июня 1906 г. «тысячная толпа» потребовала удаления отряда пешей и конной полицейской стражи. На сходке жителей слободы 18 июня, на которой председательствовал ученик сельскохозяйственного училища эсер Г.С. Татаринцев, приняли решение отказать стражникам в квартирах, а у отступников отбирать наделы. По набату церковного колокола 29 июня на базарной площади собралось несколько сот человек, и Татаринцев стал читать «Речь депутата Аладьина к крестьянам». Конные стражники разогнали митинг, но вскоре собрались около 5 тысяч местных крестьян, торговцев, мастеровых людей и стали бросать камни; вскоре началась и стрельба. Стражников загнали во двор и держали в осаде три часа; исправника и двух стражников сильно избили. Только после того, как прибыли две роты пехоты, осада была снята и страсти улеглись[147].

Городская дума стремилась сохранить порядок и поддерживала губернскую администрацию. Примечательны в этом отношении дебаты на чрезвычайном заседании думы 6–7 марта 1906 г. при обсуждении дополнительной оплаты казакам, солдатам, полицейским. Гласный Кожевников «вообще» протестовал против увеличения затрат на охрану города. В ответ А.А. Шешлов заявил, что «в настоящее время, когда в Самаре стало спокойно, благодаря казакам и войскам», Кожевников может с легкой душой протестовать против увеличения суммы на охрану. «Но, не дай Бог, – продолжал он, – снова повторятся смутные октябрьские дни, и городу без охраны не обойтись»[148].

§ 8. ЛЕТО 1906 Г. СТОЛКНОВЕНИЕ

Пик увлечения думой пришелся на конец апреля – май 1906 г., с июня началось разочарование. Система оказалась неработоспособной. Первая дума не оправдала ожиданий. За 72 дня своего существования она не приняла ни одного значимого закона и 9 июля 1906 г. была распущена. В манифесте о роспуске думы депутатам вменялось в вину то, что они «уклонились в не принадлежавшую им область» и вместо законодательной деятельности стали разжигать «смуту»[149]. Развеяны были надежды крестьян, солдат и многих горожан. Несмотря на то что правительство тщательно приготовилось, оно не смогло предупредить болезненной развязки. Волна протестов прокатилась по всей

стране. Почти 200 «перводумцев», в основном кадетов и трудовиков, собрались в Выборге, составили «Выборгский манифест» с призывом не платить подати, не признавать правительственные займы, не давать рекрутов до тех пор, пока не будут объявлены выборы во вторую думу. ЦК партий эсеров и социал-демократов, союзы железнодорожников, учителей, крестьян, часть трудовиков подписали воззвания «К армии и флоту», «К крестьянству», основным лозунгом которых было повсеместное восстание, смещение властей, захват помещичьих земель.

Патриархальная Самара болезненно реагировала на крушение думских надежд. Выборгское воззвание разошлось по губернии более чем в 100 тыс. экз., жандармы обнаруживали его едва ли не во всех селах и деревнях[150]. Местные власти были обескуражены. Беспокоили и манифестации самарских либералов, ведомых кадетами, с призывами к пассивному неповиновению. Революционеры ринулись в бой. Сами по себе революционные партии не могли нанести смертельного удара существующему строю. Но они стремились возбудить массы. Их организации хотели вести возбужденную толпу в бой. Губернская администрация со всех сторон получала сведения о вооружении революционеров, создании «боевых дружин», нападении на казаков и стражников, агитации в воинских частях. Взрыва ждали и к нему готовились.

В конце июня 1906 г. IV Съезд эсеров Поволжской области издал директиву о переводе всех местных организаций «на военный лад». «Вводилась диктатура, чисто военная дисциплина», по губерниям разослали «военных инструкторов». Съезд рекомендовал повсеместно организовывать «партизанскую войну», готовить покушения на губернаторов, военачальников, других представителей власти, взрывать правительственные учреждения[151]. Делегаты съезда рассчитывали на малочисленность гарнизона Поволжья, в котором было всего 2—3 полностью укомплектованных полка. Особые надежды областной съезд и областной комитет партии эсеров связывали с Самарской губернией.

На заседании Самарского комитета партии 17 июня юный эсер Г.А. Гиршфельд, утверждая, что половина гарнизона уже распропагандирована, призывал форсировать вооружение крестьян и подготовку восстания. Более зрелые годами члены комитета Е.М. Губанов, И.Т. Ивлев, В.В. Меркулов, хотя и не разделяли его оптимизма, тем не менее считали нужным все силы бросить на подготовку восстания[152]. В конце июня 1906 г. Самарский комитет эсеров с помощью «военных инструкторов» создал два отряда, которым поручил захватить Ставрополь и Бугуруслан[153]. Комитет передал отрядам 800 винтовок и револьверов. 100 винтовок и 3000 патронов переправили в Кинель-Черкассы, остальное оружие и патроны — в Ставрополь, Бугуруслан, Бузулук, а также в села, где были «боевые дружины»[154]. В изданных большим тиражом прокламациях комитет призывал к вооруженному восстанию, изгнанию властей и помещиков, захвату земель, разгрому винных лавок[155].

Самарские социал-демократы не строили таких далекоидущих планов и не шли дальше призывов к протестным выступлениям в городе. В прокламациях, изданных после 9 июля 1906 г., они призывали готовиться к восстанию, организовываться. В июле-августе социал-демократы устроили несколько митингов, провели несколько малочисленных стачек[156].

10 июля революционеры предприняли попытку поднять восстание в частях гарнизона. Вечером этого дня поручик Яхонтов вместе с гражданскими лицами собрал сходку солдат Бузулукского полка. Около 10 часов вечера солдаты захватили ружья и патроны. Полковнику Святицкому, уговаривавшему их разойтись, они возбужденно отвечали: «Думу разогнали, значит, правительство ничего не хочет нам дать». Попытка заручиться поддержкой третьей артиллерийской бригады им не удалась. Ночью поручик Яхонтов, прапорщик Былинский, другие руководители были арестованы, волнения подавлены[157].

21 июля был убит губернатор И.Л. Блок, 8 августа – комендант тюрьмы Георгиев. В помещении Самарского губернского жандармского управления 29 июля бросили бомбу. Убийство Блока произвело, как сообщалось в телеграмме в Министерство внутренних дел, удручающее впечатление на местных жандармов и городские власти[158]. По воспоминаниям И.Ф. Кошко, командующий Казанским военным округом генерал Карас, услышав о гибели Блока, «ужасно взволновался, даже нижняя челюсть у него затряслась». Опасаясь за свою жизнь, он не утверждал ни одного смертного приговора военно-полевых судов[159].

Самарское крестьянство, уверовавшее в Думу, болезненно восприняло ее разгон: на июль-август 1906 г. пришлось 73 крестьянских выступления – большая часть крестьянских выступлений, состоявшихся в 1906 г.[160] Крестьянские боевые дружины сел Царевщина, Хорошенького и других нападали на представителей власти, угрожали землевладельцам. Серьезные события произошли в Кинель-Черкассах, где эсеры замышляли крупное восстание. Предполагалось, что по сигналу из Кинель-Черкасс одновременно выступят боевые дружины в Бузулуке и Ново-Сергиевске и, соединившись, займут Бугуруслан, где захватят арсенал (4 тыс. винтовок). Самарский комитет эсеров 1 августа 1906 г. направил для руководства восстанием в Кинель-Черкассах Л.И. Шадрина. На другой день в три часа дня эсеровская боевая дружина начала сражение с 60 стражниками и отрядом пехоты. Бой продолжался около часа. Один дружинник был убит, один ранен; ранен был также один солдат. Дружинников окружили, но они сумели прорваться и скрыться. «Поход на Бугуруслан» не удался. Члены Самар-ского комитета эсеров обвинили Л.И. Шадрина в трусости: по предварительному замыслу, он должен был бросить в стражников несколько бомб, но не решился[161]. Не удался и «поход на Ставрополь». Около 200 дружинников из сел Царевщина и Старый Буян в июле 1906 г.

направились в Ставрополь и 21 июля подошли к городу. Однако власти, которые знали об их планах, срочно переправили в город дополнительные отряды конной и пешей стражи. Обнаружив это, дружинники отказались от идеи захвата города. Вместо этого они устроили ночью демонстративную атаку на «Красный хутор» Орловых-Давыдовых, выбили оттуда казаков, а затем, спрятав оружие в лесу, разошлись[162].

«Походы» на Бугуруслан и Ставрополь чрезвычайно встревожили власти. Революционеры не достигли поставленной цели, тем не менее выступление вооруженных отрядов было чревато неприятными последствиями. Правительство во главе с П.А. Столыпиным действовало решительно. 20 августа был издан указ о военно-полевых судах. Военно-полевой суд обычно проводил дознание, следствие и суд в течение 24–48 часов. Решения суда после утверждения вышестоящим воинским начальством приводились в исполнение немедленно. В Самаре военно-полевой суд стал действовать с 16 сентября 1906 г. На одном из первых заседаний военно-полевого суда рассматривалось дело о покушении эсера Жукова на генерала Сергеева. Как пояснил помощник начальника Самарского губернского жандармского управления подполковник Г.Г. Битепаж, улики против Жукова были недостаточны, и обычное судопроизводство грозило ему «сравнительно небольшим наказанием»[163]. Военно-полевой суд приговорил Жукова к смертной казни.

Наряду с последовательным подавлением радикальных антиправительственных выступлений власти проводили важнейшие для судеб России реформы. Николай II 12 августа 1906 г. подписал указ о продаже крестьянам через Крестьянский банк удельных земель, 27 августа 1906 г. – удобных государственных земель, 14 октября того же года был опубликован указ об уравнении процентов, взимаемых Дворянским и Крестьянским банками, и, наконец, 9 ноября 1906 г. был опубликован указ о праве выхода из общины и об укреплении крестьянами своей надельной земли в собственность, краеугольного камня так называемой столыпинской аграрной политики. Власти отменили некоторые сословные ограничения для крестьян, обещали обеспечить деятельность общественных организаций и свободу печати, если это не противоречило действующему законодательству, благодаря чему самарские социал-демократы могли с августа по ноябрь 1906 г. легально издавать газету «Самарская Лука», а с марта по 3 мая 1907 г. – газету «Прибой».

§ 9. ВТОРОДУМСКАЯ РОССИЯ. КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Выборы во II Государственную думу, деятельность думы, взаимоотношения думы и правительства – таковы главные политические мотивы осени 1906 – весны 1907 гг. В выборах во II Государственную думу принимали участие все основные партии. Революционеры понимали,

что мечту о восстании, ниспровержении существующего строя приходится пока оставить, но они шли в думу не для законодательной работы, не для переустройства России в пределах «Основных законов», а для того, чтобы использовать выборы и думу как трибуну.

На крайне правом фланге выступал «Союз русского народа». В Самаре позиции его были довольно слабыми. Активно включились в избирательную кампанию октябристы. Наученные горьким опытом выборов в I Государственную думу, они с конца 1906 г. развернули широкую агитацию. 4 января 1907 г. общее собрание октябристов Самары под председательством С.Н. Постникова призвало всех членов «Союза 17 октября» «быть как можно более энергичными и деятельными в стремлении создать такую Государственную Думу, которая вместе с царем и согласно его призыву успокоила бы страну»[164]. На предвыборных собраниях октябристы критиковали деструктивные устремления депутатов I Государственной думы. В.Н. Львов говорил: «Если большинство лиц в Думе будет такое же, как в первой Думе, то горе России, несчастье целой стране: волнения и мятежи, утихшие было, снова вспыхнут страшным пожаром, грозя всем и каждому»[165]. Октябристы пользовались поддержкой администрации. 12 января 1907 г. губернатор В.В. Якунин призывал жителей Самарской губернии «бояться Бога и чтить царя» и выбирать «честных людей, жаждущих мира и тишины, благомыслящих домохозяев»[166].

Положение самарских кадетов было непростым. Губернский комитет партии осенью 1906 г. информировал ЦК: организация находится «в плачевном состоянии, она фактически не проявляет себя ничем»[167]. Местная администрация числила кадетов среди основных своих противников: служащие-кадеты попали под строгий контроль, 5 ноября 1906 г. был закрыт «Самарский курьер». Кадеты начали избирательную кампанию под флагом сплочения против «черносотенной опасности». На первых порах они выступали с критикой революционеров, стремящихся, по их словам, к смуте, усилению грабежей, «сельским иллюминациям»[168]. Позднее они внесли коррективы в свою тактику, приложив массу усилий для создания блока с левыми против консерваторов.

Революционеры начали избирательную кампанию в январе 1907 г. Социал-демократы сосредоточили силы в губернском городе. За каждым из предприятий был закреплен член комитета либо активист. По сообщению жандармского управления, видную роль играли рабочие профсоюзы, большинство которых находилось под влиянием социал-демократов. И действительно, в помещениях профсоюзов почти ежедневно проходили предвыборные собрания. Шансы социал-демократов в деревне были невелики. Эсеры не были в состоянии конкурировать с социал-демократами в городе и, заключив соглашения с трудовиками, сосредоточили агитацию в деревне[169]. Блок эсеров с социал-демократами в Самарской губернии не был заключен: как считали эсеры,

социал-демократы «выдвинули неприемлемые условия», и комитет эсеров, «не желая дробления голосов оппозиционных партий», решил не выступать на городских выборах самостоятельно и предоставил членам партии свободу действий[170].

Власти предприняли энергичные меры, чтобы не допустить избрания левых организаций. Департамент полиции обязал жандармские управления постоянно наблюдать за их кандидатами и собирать материал для ареста[171]. На квартире А.Н. Хардина 9 февраля 1907 г. были задержаны и обысканы 29 выборщиков-кадетов[172]. Газета «Губернские ведомости», официоз администрации, призывала не верить «людям, которые заблуждаются, будто только смутой и насилием можно добиться лучшей жизни»[173].

От Самарской губернии во II Государственную думу прошли четыре трудовика, три эсера, два социал-демократа, два кадета, один народный социалист и один октябрист[174]. Итоги были неожиданными для крайне правых, которые потерпели поражение, и для кадетов, потерявших, по сравнению с первой думой, пять мест. Октябристы, хотя их успех был минимален, могли испытывать определенное удовлетворение, получив мандат в городе с отдельным представительством (по всей стране октябристы получили только четыре таких мандата). Революционеры добились впечатляющих результатов: социал-демократы — в городе, трудовики, энесы и эсеры — в деревне.

На Самарскую губернию 28 октября 1906 г. было распространено действие «Положения об усиленной охране». Теперь жизнь города и губернии регулировалась обязательными постановлениями губернатора. Запрещалось оглашение или публичное распространение любых статей и сообщений, «возбуждающих враждебное отношение к правительству», распространение произведений печати, подвергнутых аресту, публичное восхваление преступных деяний, оглашение и публичное распространение ложных слухов о деятельности правительственных органов, должностных лиц, воинских частей, возбуждающих враждебное к ним отношение населения. Нарушителям грозил арест сроком до трех месяцев или штраф до 500 руб. Обязательными постановлениями запрещались стачки, а также насильственные действия, в том числе и на почве аграрных отношений, подстрекательства к забастовкам, самовольному захвату чужой земельной собственности, снятия под угрозою или силою рабочих с полевых работ[175].

Большинство обязательных постановлений самарского губернатора были связаны с благоустройством, ограждением обывателя от хулиганов, организацией выборов в Государственную думу. Обязательным постановлением определялись меры по наведению порядка в Струковском саду, который во время гуляний, особенно в праздничные дни, становился «ареною всевозможных беспорядков и диких выходок местных хулиганов». Губернатор был серьезно обеспокоен тем, что горожа-

нам, пришедшим в сад, приходится слышать и созерцать «неистовый крик, свист, циничные шутки, сопровождаемые площадной бранью, ссоры и драки». Обязательными постановлениями определялись правила продажи газет, журналов и прочих произведений печати в Самарской губернии, устройство тротуаров, обеспечение времени работы и нормального отдыха служащих торговых и торгово-промышленных заведений[176]. 1 января 1907 г. в Самаре был учрежден адресный стол, что затруднило жизнь революционеров и люмпенов, склонных к девиантному поведению.

Городские думы отмежевывалась от либеральных влечений, сосредотачивали усилия на повседневных проблемах. На другой день после убийства И.Л. Блока на экстренном заседании Самарской городской думы гласные почтили его память, а через год учредили стипендию его имени, поскольку «И.Л. Блок за время управления нашей губернией успел снискать себе симпатии граждан как губернатор и как человек»[177].

В наведении порядка городские думы поддерживали губернскую администрацию. Конфликты порождались как стремлением губернской администрации патриархально опекать Самарскую городскую думу, так и желанием думы явочным порядком расширить пределы своей компетенции, уменьшить расходы городской казны за счет государства. Можно только удивляться тому упорству, с каким тихой сапою гласные пытались добиться своего. Пример тому – затянувшийся на годы спор о ночных караульщиках. В начале 1905 г. Самарская городская дума приняла решение об изъятии ночных караульщиков из ведения полиции и передаче их в распоряжение городской управы. Губернатор в ответ «дал знать», что «надзор за ночной охраной уже был в ведении городской управы и дал очень плачевные результаты», «следовательно, переход к неудавшемуся уже на практике порядку представляется совершенно не в интересах дела и городского населения и поэтому не может быть им допущен впредь до пересмотра правил 1899 года»[178]. Несмотря на всю резонность аргументации губернатора, дума стояла на своем.

В ноябре 1906 г. к злополучной теме вернулись в очередной раз. К тому времени в городе было 144 ночных сторожа (по числу пересечений улиц), на содержание которых город выделял 25 920 руб. Пользы от них, по мнению городской управы, было мало, поскольку «обязанность караульных занимают преимущественно старики – силам и энергии которых более доступно охранять город от воробьев, но не городские улицы от воров, всяких нарушителей уличной тишины и порядка». Гласные решили организовать конную охрану из 80 демобилизованных военных с оплатой 360 руб. в год каждому и обратиться с ходатайством к министру внутренних дел о снабжении их винтовками за счет казны[179]. Думское красноречие было шито белыми нитками. Гласные хотели одним выстрелом убить двух зайцев: подчинить стражу городу и сократить расходы на нее за счет казны. Губернатор энергично настаивал на

подчинении караульщиков, пеших ли, конных ли, полицмейстеру. Городская управа в 1907 г. сманеврировала: согласилась с подчинением караульщиков полицмейстеру, но с условием – если дума будет недовольна конной стражей, «то она оставляет за собою право во всякое время охрану эту по своему усмотрению заменить пешими ночными караульщиками».

Состоялась оживленная дискуссия. Многие гласные горячо говорили, что конная стража ничего хорошего не дала ни тогда, когда подчинялась полиции, ни тогда, когда подчинялась городу. К тому же, если раньше были хотя и старые, но вооруженные дубинками караульщики, то «ныне никого нет». По убеждению гласных, стража могла соответствовать своему назначению только под надзором городского самоуправления. Они заявляли: «...необходимо или совсем изъять ее из ведения полиции, или допустить город к совместному с полицией распоряжения ею». Большинство все же склонялось к тому, что надо подождать[180]. Так это дело и тянулось еще несколько лет.

Весьма нервно реагировала Самарская городская дума на всякие, по ее мнению, неосновательные попытки покуситься на городские финансы. В начале 1906 г. полиция просила думу ассигновать соответственную сумму на перевооружение. Гласный думы П.П. Подбельский высказался категорически против ассигнований, аргументируя это так: «Город и без того достаточно тратит на содержание казаков, солдат и той же полиции, хотя результатов от этого он не видит». А по поводу желания руководства полиции заменить устаревшие револьверы современными «браунингами» ядовито заметил, «что назначение полиции не истреблять людей, а предупреждать насилия и преступления и охранять спокойствие обывателей», что, по его мнению, с успехом можно делать и старым оружием. С ним был солидарен и городской голова. Большинство, однако же, после перепалки голосовало за то, чтобы взять для полиции оружие из артиллерийского склада, но бесплатно, с тем чтобы впоследствии оплатить испорченное оружие.

Полицмейстер пожаловался губернатору, и тот обратился к думе с увещеванием, указывая, что все 225 шашек, которые имели полицейские – железные и зазубренные, револьверы устаревшие, «как шашки, так и револьверы к употреблению совершенно непригодны». Ссылаясь на закон, он предлагал думе выделить соответствующие средства, но та стояла на своем[181]. Дело приобрело скандальный характер. Министр внутренних дел 24 марта 1906 г. телеграфировал губернатору: «Благоволите настоятельно потребовать от Самарской Думы исполнения обязанности по вооружению городовых». Думе пришлось отступить, но она выделила лишь 2054 руб. вместо необходимых 5830 руб. Губернатор приостановил это решение. И только тогда дума окончательно пошла на попятную[182].

Примерно так же обстояло дело с доплатой городовым. В 1906 г. дума дважды отклоняла их ходатайства. В сентябре того же года гу-

бернатор сообщил гласным, что околоточные надзиратели подают заявление об увольнении «ввиду полнейшей невозможности содержаться на скудное содержание, ими получаемое». Городская управа считала нужным увеличить жалование, но за счет государственной казны[183]. Все-таки думцам после долгих оттяжек и на этот раз пришлось раскошеливаться.

Внимание городских дум, как и всегда, было сосредоточено на текущих делах. Много сил уделялось антиалкогольной эпопее. Запрещение торговли вином в праздничные дни вызвало недовольство трактирщиков. Они весьма поэтично оформили свое ходатайство. Приведем из него небольшую выдержку: «Простолюдин, т. е. крестьянин и рабочий, во время выпивки склонен к общению, к приятным разговорам, к беседе со знакомыми и даже незнакомыми. Все это он может получить в трактире, где есть обстановка, столы, стулья, закуска, столь нужная при выпивке, и ничего такого нет в казенных винных лавках, где говорят, что "получай водку, плати деньги и уходи"». От поэзии они переходили к суровой прозе: «Мы вносили трактирный сбор в сумме 32 000 руб. ежегодно»[184].

В думе интересы виноторговцев лоббировал Е.Т. Кожевников, напиравший на несправедливость, даже ущербность решений думы, поскольку торговля крепкими напитками в праздничные дни запрещена только в трактирах, но не в буфетах железнодорожной станции, клубов и собраний, отчего трактирщики несут большие убытки. Его поддерживал Е.И. Чернышев: «Таковое воспрещение вело к чрезвычайному развитию всюду бесплатной торговли вином». Дума оставалась непреклонной. Более того, по инициативе А.И. Михайлова она приняла решение добиваться запрещения продажи в праздничные дни крепких напитков и ходатайствовать перед губернатором о запрещении «всякого рода музыки и хорового пения» во всех заведениях, «торгующих таким зельем, поскольку все это ведет к разврату и спаиванию обывателя»[185].

Беспокоили городскую администрацию самовольные захваты городской земли под жилые постройки, участившиеся с 1905 г. На окраинах города в Солдатской слободке, Кавказе, Новом Оренбурге, Стрелке буквально за ночь вырастали избы без разрешения, без соблюдения правил строительного устава и норм санитарии. С большим трудом удавалось заставить захватчиков выплачивать за аренду городской земли, соблюдать правила застройки и городской санитарии. Так, 1 марта 1906 г. городская дума поручила управе произвести выделение участков под жилые застройки за Панским переездом и Колесниковым оврагом и сдать их в аренду с торгов на 12 лет по цене 1,5 руб. в первом районе и по 1 руб. – во втором. В сентябре 1907 г. дума приняла решение об организации конной стражи для охраны городской земли от самовольных захватов. Губернатор это решение отклонил. К нему была направлена специальная депутация, которая сумела переубедить его. Захваты земли прекратились лишь в 1908 г., когда была создана конная стража[186].

1905–1907 гг. были исключительно насыщенными событиями, сложными для самарской администрации. В политических катаклизмах она сумела сохранить органическое чувство безопасности, стремление к порядку. Ее кругозор расширился, она во многом преодолела характерную для нее политическую беспечность. Вместе с тем отщепенство от власти, свойственное интеллигентскому обществу, коснулось и городского самоуправления. Это был лишь симптом, но весьма чреватый последствиями.

С конца 1906 года политическая обстановка с каждым днем стабилизировалась, выступления становились все менее массовыми. 9 января 1907 г. в связи с двухлетней годовщиной расстрела петербургских рабочих бастовали рабочие завода Журавлева, нескольких мелких мастерских, четырех типографий. В феврале в знак протеста против увольнения шести рабочих вновь бастовали на заводе Журавлева. В марте объявили стачку рабочие завода Лебедева. 1 мая праздновали рабочие нескольких механических заводов, типографий, конфетных фабрик, булочных. Иногда устраивались демонстрации. Так, в Балакове 20 февраля 1907 г. около 300 человек, главным образом рабочих, устроили шествие с красным флагом и пением «Марсельезы»; 9 мая 1907 г. около 30 молодых людей организовали демонстрацию в д. Арефьевке Бузулукского уезда. Волнений крестьян в 1907 г. было сравнительно немного, и власти быстро наводили порядок. В деревне в 1907 г. вновь широко распространилось «приговорное движение», главным образом, составление наказов депутатам Государственной думы.

Выборы во II Государственную думу придали дополнительный импульс революционным партиям. Используя «втородумские свободы», социал-демократы с 15 марта 1907 г. наладили выпуск легальной газеты «Прибой». Несколько раз намеревались выпускать свою легальную газету и эсеры, но администрация решительно пресекала все их попытки. С весны 1907 г. численность самарских организаций революционеров, кадетов и октябристов стремительно уменьшалась. Комитетчики жаловались на «бегство интеллигенции». Только Союз русского народа сохранял свои ряды и влияния. На его собрания в 1907 г. приходило до 800 человек.

Народ в начале 1907 г. уповал на думу. Открывшуюся 20 февраля 1907 г. II Государственную думу современники называли «Думой крайностей». В ней было довольно значительное консервативное крыло и сильное революционное. Она не более своей предшественницы была способна к продуктивной законотворческой деятельности и 3 июня 1907 г. была распущена. В вину ей ставили стремление «посеять смуту», неспособность законотворчеству, а также «военный заговор» 55 депутатов — социал-демократов.

Жители Самарского Поволжья спокойно отнеслись к роспуску думы. Революция окончилась.

Примечания

[1] Начало первой русской революции. М., 1955. С. 28–31.

[2] Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого: Самара в 1904–1905 гг. // Русская мысль. 1907. № 11. С. 17.

[3] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 469. Оп. 1. Д. 28. Л. 11, 13.

[4] Там же. Ф. 468. Оп. 2. Д. 1390. Л. 40–41; Ф. 469. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

[5] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 258; Протопопов Д. Указ. соч. С. 16.

[6] Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С. 62–63.

[7] Самарские губернские ведомости. 1905. 8 января.

[8] Там же. 29 января.

[9] Голос Самары. 1906. 1 февраля.

[10] Самарский курьер.1906. 1 января.

[11] Самарская газета. 1905. 25 октября.

[12] Там же. 23 января.

[13] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 1877. Ч. 45. Л. 25.

[14] Голос Самары. 1906. 25 февраля.

[15] Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 68.

[16] Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 10. С. 114–122.

[17] Голос Самары. 1907. 12 января.

[18] 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 542–543.

[19] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. I отд. Д. 3. Ч. 18. Л. 5.

[20] Там же. Л. 18.

[21] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598 Т. Л. 3; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. I отд. Д. 322. Л. 13.

[22] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. I отд. Д. 725. Ч. 95. Л. 39; ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1631.

[23] Адрес-календарь Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906. С. 54–56.

[24] Самарская газета. 1904. 8 декабря.

[25] 1905 год в Самарском крае. С. 20–21.

[26] Самарский курьер. 1906. 1 января.

[27] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 29, 30, 37, 38.

[28] Самарский курьер. 1905. 9 февраля; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 43–44.

[29] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 408. Л. 36, 41, 42.

[30] Цит. по: 1905 год в Самарском крае. С. 381.

[31] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1922. Л. 51.

[32] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 97, 98.

[33] Политические партии в России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С. 194–203.

[34] Протопопов Д. Из недавнего прошлого. Самара в 1904–1905 гг. С. 28.
[35] Русь. 1905. 14 марта; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 147–151.
[36] Самарская газета. 1905. 15 марта; Самарский курьер. 1905. 17 марта.
[37] Самарский курьер. 1905. 17 марта.
[38] Самарская газета. 1905. 25 марта.
[39] Там же. 13 апреля.
[40] Цит. по: 1905 год в Самарском крае. С. 102.
[41] ГАРФ Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1906. Отд. 1. Д. 9. Ч. 50. Л. 10; Революционная Россия. 1905. № 72. С. 23.
[42] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 169.
[43] Революция 1905–1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 147–151.
[44] Самарский курьер. 1906. 1 января.
[45] Там же. 15 июля.
[46] Протопопов Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. № 12. С. 7.
[47] Цит. по: Общественное движение в начале XX века. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 52.
[48] Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (далее – РНБ ОР). Ф. 634. Карт. 1. ЕД. хр. 25. Л. 3–10.
[49] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 158–159.
[50] Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 611.
[51] Там же.
[52] Самарская газета. 1905. 25 октября.
[53] Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП (б). Куйбышев, 1959. С. 297–300; ЦГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 164–165.
[54] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 282–283.
[55] Самарский курьер. 1905. 25 октября.
[56] 1905 год в Самарском крае. С. 251–252.
[57] Самарский курьер. 1905. 1 ноября; 2 декабря.
[58] Самарская газета. 1905. 2, 3, 6, 8, 16 декабря.
[59] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1940.
[60] Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности самарского городского Общественного Управления в 1905–1907 гг. Самара, 1909; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 170–172; Самарская газета. 1905. 10 января.
[61] ЦГАСО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 171. Л. 172.
[62] Самарская городская дума. Журнал городской думы за 1905 год. Самара, 1905. С. 819–833.
[63] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 172. Л. 119–123.
[64] Там же. Л. 119.
[65] Там же. Л. 135, 468.
[66] Там же. Л. 589–590.
[67] Там же. Л. 156–164.

[68] Там же. Л. 807; Самарская газета. 1905. 28 октября.

[69] Самарская городская дума. Журналы городской думы за 1905 г. С. 811.

[70] Там же. С. 864–865.

[71] Революция 1905–1907 гг. в России: взгляд через столетие. М., 1905. С. 552.

[72] Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 63.

[73] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 5144. Л. 45; Ф. 9. Оп. 2. Д. 212.

[74] Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 415. Ч. 1. Л. 26.

[75] Там же. Л. 37, 38, 42.

[76] Солдатов Г.П. История революционного движения в с. Царевщина // 1905 г. в Самарском крае; Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника. Изд. 3-е, доп. и исправ. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008.

[77] Малиновский Н. Народный учитель в революционном движении. М., 1926. С. 43.

[78] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 217–222.

[79] Водоватов Ф. Крестьянское движение в Самарской губернии в первой революции 1905–1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 123.

[80] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 2550. Ч. 45. Л. 55, 60, 81, 83.

[81] Там же. Л. 80.

[82] Самарский курьер. 1906. 21 декабря.

[83] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 898. Л. 106–107.

[84] Там же. Ф. 3. Оп. 52. Д. 36. Л. 2.

[85] 1905 год в Самарском крае. С. 485–487.

[86] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 358. Л. 703.

[87] Самарская газета. 1905. 18 декабря; ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 78.

[88] 1905 год в Самарском крае. С. 491.

[89] Савельев П.И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции // Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982. С. 24–27.

[90] Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 142–162.

[91] Голос Самары. 1906. 2 февраля; 28 июня.

[92] Голос Самары. 1906. 19 февраля; Львов В.Н. Программные речи в Самарском отделе «Союза 17 октября». М., 1907.

[93] Самарский курьер. 1906. 4 ноября; Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 125.

[94] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1390. Л. 9–19.

[95] Там же. Д. 898. Л. 139; Ф. 469. Оп. 1. Д. 53. Л. 58.

[96] Революция 1905 года в Самарском крае. С. 491; Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 213.

[97] Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). С. 536–537.

[98] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 103–148.

[99] Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967. С. 69, 93; Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. С. 39.

[100] ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

[101] Hildermeier M. Die Socialrevolutonäre. Partei Ruslands. Agrarsocialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978, S. 220; Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 111–112.

[102] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. С. 439, 479.

[103] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–2.

[104] Там же. Д. 913. Л. 20–21.

[105] Там же. Д. 950. Л. 25–26.

[106] Там же. Д. 895. Л. 164.

[107] Самарская городская Дума. Журнал городской Думы за 1905 г. С. 813–814.

[108] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 172. Л. 731.

[109] Там же. Д. 175. Л. 14.

[110] Там же. Д. 172. Л. 735–737.

[111] Петайкина М.В. Женское движение в Среднем Поволжье в период революции 1905–1907 гг. // Отечественная история. 2009. № 3. С. 95–99.

[112] 1905 год в Самарском крае. С. 44.

[113] Самарский курьер. 1905. 25 октября.

[114] 1905 год в Самарском крае. С. 44, 74, 239.

[115] Голубкина Т.М. Мусульманское крестьянство Среднего Поволжья в событиях первой русской революции 1905–1907 гг. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 237–240; Исхаков С.М. Первая русская революция и Союз российских мусульман // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 218–221.

[116] Rapport du Parti Socialiste Rèvolutionnaire de Russie au Congress Socialiste International de Stuttgart. (Août,1907). Cand, 1907. P. 87–89; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 673. Оп. 1. Д. 403.

[117] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 36. 1906 г. Д. 262, Д. 189.

[118] 1905 год в Самарском крае. С. 438–439.

[119] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598. Л. 3.

[120] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 290–291.

[121] 1905 год в Самарском крае. С. 361.

[122] Исторический вестник. 1911. № 4. С. 153.

[123] ГАРФ. Ф. 533. Д. 203. Л. 13.

[124] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 608. Л. 37–39.

[125] Самарская газета. 1905. 16 декабря.

[126] Там же. 15 декабря.

[127] Подсчитано на основании: Варзар В.Е. Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 год. СПб., 1908; Его же. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб., 1910.

[128] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1211. Л. 23.

[129] Там же. Д. 604. Л. 279.

[130] Голос Самары. 1906. 15 февраля.

[131] Там же. 25 февраля; ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2274. Л. 1–2.

[132] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2221. Л. 2.

[133] Голос Самары. 1906. 1, 7 марта.

[134] Там же. 7, 14 марта.

[135] Самарский курьер. 1906. 25 февраля.

[136] Протопопов Д.Д. Воспоминания о выборах в первую Думу в Самарской губернии // Выборы в I–IV Государственные Думы в Российской империи. М., 2008. С. 140–141; Наумов Ф.Н. Из уцелевших воспоминаний // Выборы в I–IV Государственные Думы в Российской империи. С. 389–390.

[137] Профессиональные союзы рабочих России. 1905 – февраль 1917 гг. Ч. 2. М., 1985. С. 267–270.

[138] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 322–323.

[139] Голос Самары. 1906. 3, 4 мая.

[140] Крестьянские наказы Самарской губернии. Самара, 1906.

[141] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598Т. Л. 17–8; Д. 608. Л. 37–40; Д. 917. Л. 11.

[142] Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 604. Л. 620–621.

[143] Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. С. 56.

[144] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 608. Л. 64–65; Самарский курьер. 1906. 16 июня.

[145] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 608. Л. 66.

[146] Там же. Л. 72–73.

[147] Там же. Д. 598. Л. 451–491; Д. 608. Л. 79–112.

[148] Там же. Ф. 170. Д. 175. Л. 71.

[149] Правительственный вестник. 1906. 9 июля.

[150] Красный архив. М., 1931. Т. 4/5. С. 117, 120–122.

[151] Rapport du Parti, Socialiste Rèvolutionnaire de Russie au Congress, Socialiste International de Stuttgart. P. 86; ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 15. Л. 31–32.

[152] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 598 Т. Л. 61.

[153] ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 15. Л. 32–34.

[154] Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 9. Ч. 50. Л. 11–12.

[155] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 604. Л. 268, 480–481.

[156] Революция 1905–1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. С. 341–350.

[157] Там же. С. 354–360.

[158] ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906. I отд. Д. 3. Ч. 18. Л. 8.

[159] Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора... С. 91.

[160] Водоватов Ф. Крестьянское движение в Самарской губернии в первой революции 1905–1907 гг. Куйбышев,1957. С. 174–178.

[161] Самарский курьер. 1906. 3 августа; ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 53. Л. 196, 333.

[162] ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 15. Л. 35–36; 1905 год в Самарском крае. С. 552–553.

[163] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 415. Ч. 1. Л. 62.

[164] Голос Самары. 1907. 4 января.

[165] Львов В.Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 октября». С. 47.

[166] Голос Самары. 1907. 12 января.

[167] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 243.

[168] Волжское слово. 1906. 11 ноября.

[169] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 917. Л. 20.

[170] Волжское слово. 1906. 11 ноября.

[171] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 913. Л. 5–8.

[172] Там же. Д. 898. Л. 141.

[173] Самарские губернские ведомости. 1907. 13 января.

[174] Кузнецов А.В. Социальный состав самарских депутатов в государственных думах Российской империи и их политическая ориентация // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. Т. 8, № 2. С. 126.

[175] Самарские губернские ведомости. 1907. 23, 25 июня.

[176] Там же. 21 июля; 24 августа; 5 сентября; 24 ноября.

[177] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 175. Л. 260; Д. 178. Л. 246.

[178] Там же. Д. 172. Л. 277–278, 456–457.

[179] Там же. Д. 175. Л. 260.

[180] Там же. Д. 178. Л. 14–15.

[181] Там же. Д. 175. Л. 73–74, 289.

[182] Там же. Л. 133, 172–173.

[183] Там же. Л. 310–314.

[184] Там же. Л. 315–318.

[185] Там же. Л. 24–25, 32–33, 245–246, 338–339.

[186] Там же. Д. 172. Л. 7, 468; Исключительное четырехлетие... С. 8–10.

Глава 8.
ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

§ 1. ОБЩИНА И ХУТОРЯНЕ

После подавления Первой русской революции в аграрной политике самодержавия произошел резкий поворот. В пореформенный период царизм всеми способами старался сохранить сельскую земельную общину, пытаясь тем самым законсервировать сложившиеся в российской деревне социальные отношения. Крестьяне не могли распоряжаться земельными наделами – ни купить близлежащую от надела землю, ни продать свой надел, ни заложить его в банке. Сохранение помещичьего землевладения, существовавшие сословные перегородки тормозили развитие буржуазных отношений в деревне, что способствовало обострению социальных конфликтов в начале XX в. В этой обстановке многие местные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказались за предоставление крестьянам общегражданских прав по владению и распоряжению землей[1]. Саратовский губернатор П.А. Столыпин, сообщая в 1904 г. в отчете императору Николаю II о многочисленных фактах протестных акций крестьян против помещиков, подчеркнул целесообразность перехода от общинной к единоличной собственности[2]. Мысль об отрицательном влиянии на крестьян общины, замене ее подворным участковым землевладением содержалась также в отчетах херсонского и петербургского губернаторов[3].

Развернувшееся в 1905 г. массовое аграрное движение в деревне ускорило разработку нового аграрного законодательства. Поиски путей выхода из кризиса велись и на съездах дворянских обществ. Постоянный совет объединенного дворянства, учитывая интересы привилегированного сословия, высказался за уничтожение сельской общины. Проведение в жизнь новой аграрной политики выпало на долю последнего российского реформатора П.А. Столыпина.

При проведении своей политической линии в жизнь П.А. Столыпин пытался найти равнодействующую, которая могла бы вывести Россию из кризиса. «Жизнь нужно не ломать, а реформировать», – писал он в «Записках о волостном земстве»[4]. В этой связи он придавал большое значение разработке и реализации либеральных реформ местного самоуправления – введению волостного земства, местного суда, социального страхования и др., но основное внимание уделял земельной реформе.

На разработку нового земельного законодательства большое воздействие оказали дебаты по аграрному вопросу в I и II Государственных

думах. Надежды правящих кругов на крестьянских депутатов как на опору самодержавия не оправдались. Развеялись иллюзии и либеральной буржуазии, которая рассчитывала перетащить их в лагерь оппозиции. Трудовая группа в думах оказалась левее кадетов.

П.А. Столыпин

По мнению вождя российских социал-демократов В.И. Ленина, новый поворот в правительственной политике состоял в том, что самодержавие, пытаясь спасти экономические привилегии дворянства, вынуждено было распроститься со «всеми романтическими иллюзиями на патриархального мужика, ища себе союзников из новых буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности»[5]. Правительство П.А. Столыпина от охраны старых общинных порядков перешло к решительной ломке общины с тем, чтобы за ее счет увеличить удельный вес земельных собственников в деревне.

Эти идеи П.А. Столыпина вполне отвечали интересам консервативной части поместного дворянства. «Мы, провинциалы, – писал В.В. Шульгин, – твердо встали вокруг Столыпина и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы, что «через волю» они не получат земли, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в “отрубах”, как тогда говорили, наконец, что “волю” народ получит только через “землю”»[6].

В основу столыпинского земельного законодательства был положен Указ 9 ноября 1906 г. (принятый в порядке 87 статьи Основных законов Российской империи), а затем Закон 14 июня 1910 г. По Указу 9 ноября

крестьяне могли выйти из общины и закрепить за собой земельные наделы в личную собственность. При этом они могли переселиться на хутор или остаться в деревне – вести отрубное хозяйство. Одновременно создавались хуторские хозяйства на землях казны и Крестьянского поземельного банка, значительно расширялось переселение крестьян из центральных уездов в Сибирь, Алтай, Казахстан и другие районы, где имелся фонд свободных, неосвоенных земель.

В социально-экономическом плане столыпинская земельная реформа имела прогрессивное значение, ибо при хуторском или участковом землевладении крестьяне-собственники становились экономически свободными. У них появлялась возможность вводить новые системы земледелия, использовать усовершенствованный инвентарь и машины; а главное, возрастал интерес к развитию хозяйства, производству большего количества сельскохозяйственной продукции.

Как же отнеслось самарское крестьянство к столыпинской аграрной реформе? Разброс мнений и оценок крестьян по поводу попыток П.А. Столыпина вывести деревню из кризисного состояния был большой. В конечном счете эти оценки зависели от социально-экономического состояния крестьян, от степени их готовности порвать с традиционными нормами, господствовавшими в сельской общине и в семье, перейти к новому укладу жизни. К тому же темпы развития аграрного капитализма в самарской деревне (как и в саратовской) были различны. На северо-востоке, в лесостепных уездах – Бугульминском, Ставропольском, северных частях Самарского, Бузулукского и Бугурусланского – в связи с сохранением крупного дворянского землевладения и владений казны и удела преобладал «прусский» тип аграрной капиталистической эволюции, сохранялись кабальные формы эксплуатации крестьян за отработки. Помещик-дворянин, выступая в качестве ростовщика, чаще всего использовал зимнюю наемку крестьян. Здесь с наибольшей силой проявлялось малоземелье, около 70 % крестьян едва-едва сводили концы с концами и постоянно испытывали дефицит денежных средств, вынуждены были отрывать деньги от семьи для уплаты выкупных платежей, налогов, земских и мирских сборов.

Несмотря на кризисные явления, сельская поземельная община в этой части губернии по-прежнему выступала в качестве верховного собственника наделов крестьян, отдавая им землю во временное пользование. С одной стороны, община, регламентируя ведение хозяйственной деятельности крестьян (практикуя, например, принудительные севообороты), сковывала хозяйственную инициативу зажиточной части деревни, что вызывало иногда острые конфликты. С другой стороны, основная масса крестьян не приняла, да и не могла принять идей реформы, так как продолжала лелеять мечты о том, что или царь отдаст им земли помещиков, казны и удела, или произойдет «черный передел», которого они не сумели добиться в период революции 1905–1907 гг.

В основе этих крестьянских воззрений лежало стремление привести всех крестьян к одному знаменателю, уравнять.

Более высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве был в Степном Заволжье, куда входили южные части Самарского, Бузулукского, Бугурусланского уездов, а также Николаевский и Новоузенский. Уже в 30-е гг. XIX в. здесь стали возникать фермерские хозяйства, специализировавшиеся на производстве товарной пшеницы, преимущественно твердых сортов. Пережиточные явления (свойственные эпохе крепостного права) проявлялись здесь в малой степени, а сельская поземельная община лишь формально выполняла свои функции. Иной была и социальная структура крестьянства. Так, в зоне «прусского» типа аграрной эволюции зажиточные крестьяне составляли от 4 до 6 %, а в Степном Заволжье – до 25–30 %.

Самарская губерния относится к числу тех районов, в которых столыпинская земельная реформа проходила успешно. Но этот успех был достигнут за счет Степного Заволжья, где к новым формам хозяйствования переходили иногда целыми общинами. На темпы выхода крестьян из общины оказывали влияние многие факторы, в том числе уровень развития капитализма в земледелии, близость сел и деревень к рынкам, железнодорожным станциям, речным пристаням или городам. Идея перехода на хутора была более распространенной среди русского крестьянства, негативно отнеслись к ней коренные народы Поволжья – татары, чуваши, мордва и башкиры.

Выходили из сельской общины крестьяне двумя способами. Они должны были подать заявление на имя сельского схода и получить согласие общины на выход и укрепление в их личную собственность земельных наделов. Выделенцы имели право потребовать свести в один участок все земельные полоски. Причем по Указу 9 ноября 1906 г., а затем и Закону 14 июня 1910 г. им отводились участки в лучших по качеству полях. Они могли окончательно порвать все связи с общиной, переселиться на отведенный участок и на нем построить дом, хозяйственные постройки, выкопать колодец и т. д. Такой тип хозяйства получил название хуторского. Но была и другая форма выхода из общины – на отруб. Крестьяне укрепляли землю в личную собственность, сводили все земли в один участок, но продолжали жить в деревне.

Если же сельский сход отказывался утверждать заявление о выходе из общины, то крестьяне могли обратиться к земским начальникам и укрепить за собой земли без согласия деревенского мира. В Самарской губернии лишь 12,9 % всех заявлений были утверждены на сельских сходах, а 87,1 % – земскими начальниками. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев выход крестьян из общины шел вопреки ее воле.

Мотивы выхода из общины были различны. Укрепляли землю в личную собственность две полярные группы хозяев – беднота и зажиточные. Беднота получала наделы в собственность с целью продать их

и переселиться на земли Крестьянского поземельного банка, или в Сибирь, Алтай, Казахстан, или окончательно уйти в промышленные центры. В конечном счете готовность выхода из общины определенной части бедноты – независимо от целей, которые преследовал Столыпин, создавая для этого правовую основу, – свидетельствует об углублении процесса разрушения патриархальных связей индивида и социума (общины) и появлении некоторых новых явлений в духовной жизни крестьян.

Когда мы говорим о ходе и итогах той или иной реформы, особенно проводившихся в дореволюционное время, то чаще всего упускаем из виду одно важное обстоятельство. Каждая реформа, а тем более земельная, должна проводиться в течение нескольких десятилетий, и только тогда она даст желаемый результат. Как известно, П.А. Столыпин рассчитывал, что его реформа может осуществиться в течение 6–7 трехлетий, то есть 20 лет. Советские историки многие десятилетия вслед за В.И. Лениным не уставали повторять, что столыпинская земельная реформа потерпела крах. В качестве главных показателей берутся данные о масштабах противодействия общины правительственной аграрной политике. Во многих исследованиях приводится динамика численности вышедших из общины крестьян и количества укрепленной в собственность земли, анализируются данные о переселении, о хуторах, возникших на землях Крестьянского поземельного банка и казны. В меньшей степени говорится об экономических итогах реформы, о том, что она способствовала ускоренному переходу от трехпольной системы земледелия к многопольной, введению в ротацию севооборота технических культур, увеличению количества показательных хозяйств и опытных полей, активизации агрономической и ветеринарной помощи населению. Земства внесли большой вклад в создание аграрной инфраструктуры. Возникла участковая агрономия, расширилась сеть прокатных станций и сельскохозяйственных складов и элеваторов. Но самое существенное, что произошло в деревне в период проведения столыпинской земельной реформы, – это бурный рост кооперативов. Видный исследователь крестьянского хозяйства А.В. Чаянов положительно оценивал мероприятия правительства и земства по оказанию помощи выделенцам. «Крестьянское хозяйство 1917 года, – писал он, – не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 года. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собой нашу деревню и переродила ее; стал развитее и культурнее наш крестьянин»[7]. Конечно, этот процесс затронул главным образом хозяйства хуторян и отрубников, у основной массы крестьян-общинников из-за дефицита бюджета продолжали сохраняться экстенсивные способы ведения хозяйства.

И все же тяга к новым формам ведения хозяйства у многих крестьян была сильна. Крестьянин, становясь владельцем хутора или отруба, получал широкий простор для инициативы в хозяйственной деятельности.

Остановимся на итогах столыпинской земельной реформы в Самарской губернии. Условно в ее реализации можно выделить 4 этапа. Первый этап охватывает период с момента издания Указа 9 ноября 1906 г. до принятия III Государственной думой Закона 14 июня 1910 г. За это время из общины вышло более 110 тыс. домохозяев. Укрепление земли в личную собственность началось в 1907 г., но количество дворов, заявивших о выходе, было невелико – всего 1948. В 1908 г. заявления о выходе подали более 36 тыс. крестьян, в 1909 г. – свыше 46 тыс., правда, в 1910 г. число желающих стать собственниками земли сократилось до 25,8 тыс.[8]

Успехи в реализации аграрной политики самодержавия в немалой степени были связаны с тем неустанным вниманием, которое уделял землеустройству ее инициатор П.А. Столыпин. В пропагандистских целях была предпринята поездка российского премьера П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в Поволжье и Сибирь. Как сообщал журнал «Самарский земледелец», они «12 сентября 1910 г. посетили северную часть Самарского уезда, наблюдали работы по внутринадельному землеустройству, осмотрели выставку Самарского уездного земства около с. Грачевки, которая давала представление о типе агрономической помощи населению. Столыпин рекомендовал ее сделать постоянной и придать ей передвижной характер»[9].

На втором этапе (середина 1910 г. – 1 августа 1914 г.) произошло резкое снижение числа выделенцев. Всего за этот период из общины вышло более 42 тыс. крестьян. На темпы выхода тормозящее воздействие оказало сопротивление сельской поземельной общины, подъем революционного движения в городах, гибель П.А. Столыпина, разочарование поместного дворянства в аграрной политике самодержавия.

Третий период приходится на время Первой мировой войны. В условиях военного времени противодействие крестьян землеустройству резко возросло. Приостановить землеустроительные работы требовали солдаты действующей армии. Учитывая их многочисленные жалобы и заявления, министр земледелия был вынужден 4 апреля 1916 г. подписать циркуляр, прекращающий производство землеустроительных работ до окончания войны.

Наконец, на четвертом этапе (февраль-октябрь 1917 г.) началось массовое аграрное движение за уничтожение не только помещичьего землевладения, но и последствий столыпинского землеустройства – за ликвидацию хуторов, отрубов и возвращение земель выделенцев в распоряжение сельской общины.

Повсеместно землеустроительные работы проходили в присутствии земских начальников, уездных исправников и полицейской стражи. С июня 1907 г. по 1 января 1916 г. из общины вышло 167 199 домохозяев, укрепивших в личную собственность 2 075 863 дес. земли, что составляло 30,9 % всего общинного землевладения. По данным К.Я. Наякшина, наиболее деформированными оказались сельские общины в Новоузенском

(вышло из общины 86,4 % крестьян) и Николаевском (32,1 %) уездах. Меньше было выделенцев в Бугульминском (4,7 %), Ставропольском (7,5 %), Самарском (10,2 %), Бугурусланском (11,8 %) и Бузулукском (13,8 %) уездах[10]. Таким образом, по объективным причинам реформа не была завершена. 69,1 % надельной земли продолжало находиться в распоряжении общины..

По подсчетам С.М. Сидельникова, к концу 1915 г. в Самарской губернии хутора и отруба составляли 88,5 % землеустроенных хозяйств[11]. Всего в губернии было создано 91 044 хутора на площади 2 011 515 дес.[12] На хутора и отруба переходили, как правило, многоземельные крестьяне, имевшие, помимо надельной, купленную землю. Но из общины выходила большая группа крестьян, не обеспеченных землей, так называемых малоземельных, в надежде с помощью ссуды Крестьянского поземельного банка поправить свое хозяйство. Это были однолошадные крестьяне, обрабатывавшие землю примитивным сельскохозяйственным инвентарем. Но не все они смогли вести хуторское хозяйство. Земские статистики Самарской губернии отмечали, что «рядом с процветанием значительного процента хуторских хозяйств обследователи констатируют распространение продажи участков»[13].

Реформа усилила процесс концентрации надельных земель в руках зажиточных верхов деревни. В 1907–1914 гг. на земельный рынок в Самарской губернии поступила 511 961 дес. надельной земли. Как отмечал дореволюционный публицист В. Оболенский, «значительное количество надельных земель перешло за бесценок от крестьянских полупролетариев к зажиточным крестьянам и скупщикам-спекулянтам»[14]. Более 926 тыс. дес. земли продал Крестьянский поземельный банк зажиточным крестьянам – представителям сельской буржуазии.

Дом Наумова и Крестьянский банк. Из фондов ЦГАСО

Но аграрно-капиталистический переворот в Самарской губернии, как и во всей стране, к 1917 г. не завершился. Негативное воздействие на ход столыпинской земельной реформы оказало сохранение в аграрном секторе экономики страны позиций таких монополистов, как помещики-дворяне, казны и удела. И хотя к 1917 г. крестьянское частное землевладение в губернии увеличилось на 1,4 млн дес. земли, дворяне продолжали сохранять за собой более 540 тыс. дес., или 14,5 % всех частновладельческих земель. Свыше 1,8 млн дес. земли находились в распоряжении казны и удела. Тем не менее позиции зажиточного крестьянства в ходе реализации столыпинского земельного законодательства укрепились.

Реализация столыпинской реформы привела к резкому снижению выступлений крестьян против помещиков. Центр протестных акций переместился в общину. Проведение столыпинской аграрной реформы сразу же натолкнулось на противодействие со стороны сельских сходов; 33 % волостей отказались от участия в выборах членов землеустроительных комиссий. Крестьяне расценивали Указ 9 ноября 1906 г. как «барский закон». Он вызвал у них сложную гамму чувств и переживаний. Противодействие реформе приняло массовый характер, оно развернулось на сельских сходах, где утверждались заявления крестьян о выходе из общины и укреплении земли в личную собственность. Настороженное, а чаще всего резко отрицательное отношение к реформе в какой-то степени было запрограммировано в крестьянском сознании. Крестьяне считали, что каждый закон или указ, исходящий от правительства, несет им только новые страдания, а Указ 9 ноября 1906 г. – тем более, так как принуждал отказаться от старого, привычного уклада жизни, что явно противоречило их патриархальной психологии. На настроения крестьян определенное влияние оказывала агитация революционеров, крестьян-отходников, призывавших их не повиноваться властям, не подчиняться Указу 9 ноября 1906 г. о выходе из общины. К тому же столыпинское земельное законодательство затрагивало коренные интересы общины, так как выделенцы могли свести свои полосы в один участок в лучшем по качеству плодородного слоя поля. Поэтому крестьяне отказывались утверждать на сельском сходе приговоры об укреплении земли в личную собственность, нередко подавали апелляции в судебные инстанции, что замедляло проведение землеустроительных работ. Имперская власть неожиданно для себя получила нежелательный побочный результат – обсуждение на сходах приговоров о выходе из общины привело к оживлению ее деятельности, она стала решать больший круг вопросов, чем до революции 1905–1907 гг.

Противодействие крестьян было основано на том, что они объективно стремились к ликвидации частной собственности на землю, а их субъективные чаяния сводились к уравнительному землепользованию. В сельской общине крестьяне видели единственное спасение от разо-

рения и нищеты. Это мнение было особенно распространено среди многонационального крестьянства Поволжья.

Фронтальное изучение документов и материалов, отражающих социальные конфликты в самарской деревне, позволило представить количественную характеристику крестьянских выступлений, направленных против проведения новой аграрной реформы. По нашим подсчетам, в 1906 г. в Самарской губернии произошло 66 протестных акций, в 1907 г.– 46, в 1908 г. – 18, в 1909 г. – 15, в 1910 г. – 13, в 1911 г. – 17, в 1912 г. – 11, в 1913 г. – 7, в 1914 г. – 5, в 1915 г. – 9, в 1916 г. – 5[15]. В 1906–1907 гг. действенной формой борьбы стал бойкот крестьянами выборов в землеустроительные комиссии, продолжались митинги и демонстрации, недозволенные сходки. По нашим подсчетам, их состоялось 9. Нередко на этих сходках выступали агитаторы. Самарский губернатор В.В. Якунин сообщал в Департамент полиции, что 2 февраля 1908 г. в с. Костычи на сходе выступил крестьянин А.А. Поляков. Он призывал крестьян «собраться дружнее», «идти против правительства войной», «свергнуть его с престола», «отнять землю», «учредить республику»[16].

В 1908–1909 гг. сопротивление крестьян несколько снизилось. Одной из основных форм протестных действий становятся отказы сельских сходов утвердить заявления о выходе из общины и укреплении земли в личную собственность. Например, крестьяне с. Кондаковка Ставропольского уезда отказались выделить землю на отруба, избили на сходе выделенцев. В село срочно выехал губернатор В.В. Якунин, который отстранил от должности волостного старшину и сельского старосту за то, что они «еще до схода сговаривались сорвать сход» и «не допустить выдела укрепленной земли». В октябре 1908 г. крестьяне с. Ягодного на сельском сходе подняли «шум, заявляя, что укреплять землю выделяющимся не согласны... Иван Пьянов стал впереди схода и задорно обратился к земскому начальнику: “Имеешь право отводить землю – отводи, а мы не желаем и не отведем”»[17].

Сохранялись и традиционные формы борьбы против помещиков: захват земли, потравы лугов и полей, самовольный укос сена, порубка леса. Отказ помещика сдать в аренду землю на более выгодных для крестьян условиях часто являлся поводом для решительного наступления на помещичью экономию. Крестьяне д. Павловки Микулинской волости Бугульминского уезда 26 июля 1907 г. самовольно запахали помещичью землю в имении с. Елачич[18]. В июле-сентябре 1908 г. крестьяне сел Софьино и Федоровка Самарского уезда пасли скот на землях помещика Косовича, а затем сожгли шесть ометов сена и кладь хлеба.

Борьба крестьян против помещиков, как правило, носила стихийный характер и выражала крайнюю озлобленность и ненависть по отношению к дворянам-землевладельцам. Нередко выступления начинались по инициативе сельских сходов, принимавших приговоры об отчуждении или запашке частновладельческих земель.

В 1910–1914 гг. более отчетливо оформились различные методы борьбы с «новыми помещиками» – землеустроенными хозяевами. Община запрещала выделенцам использовать свои луга, выпасы, леса и водоемы, лишала хуторян и отрубников права принимать участие в сельских сходах, они не могли быть избранными в органы местного самоуправления. Крупнейшее выступление крестьян против столыпинского землеустройства произошло в с. Домашка Бузулукского уезда в августе 1911 г.[19] Накануне крестьяне, несогласные с выделом на отруба, подали жалобу в губернскую землеустроительную комиссию и в Правительствующий Сенат. Но жалоба осталась без последствий. 18 августа землемер приступил к проведению землеустроительных работ, но ему помешала большая толпа крестьян-общинников. Вместе с выделенцами он бежал в волостное правление, пытаясь укрыться. Волостному старшине удалось в этот день уговорить крестьян разойтись по домам. 19 августа приехал земский начальник. Собравшаяся вновь толпа была разогнана полицией. Рассчитывая на то, что крестьяне успокоились, земский начальник приказал землемеру продолжать работы. Но, как только 21 августа тот приступил к их производству, раздался церковный набат. Быстро собралась толпа: мужчины, женщины, дети (около 3 тыс. человек), вооруженные кольями, топорами и лопатами. Стражники открыли стрельбу. Крестьяне отступили, оставив на месте столкновения много раненых. Это выступление крестьян было не единичным для данного периода. Такие факты убеждали общинников в том, что демократическому большинству деревни противостоят единым фронтом чиновники, землемеры, полиция и выделенцы – нечто враждебное их интересам, что против этой враждебной силы нужно решительно бороться.

Для 1912–1914 гг. характерен был взрывной характер конфликтов. Крестьяне надеялись, что в связи со столетием Отечественной войны 1812 г. и приближающимся трехсотлетием династии Романовых их наделят землей за счет помещиков и казны. Но распространявшиеся слухи не имели под собой никакой реальной почвы: самодержавное правительство и не думало об облегчении тяжкой участи крестьян, оно пыталось продолжать землеустроительные работы. Таким образом, в условиях проведения в жизнь столыпинской земельной реформы община, как любой социальный организм, пыталась выработать эффективную систему самосохранения. В этой связи важное значение имели приверженность крестьян к старине, апелляция к тому героическому времени деревенского «мира», когда «мир стоял единым фронтом против власти бар и чиновников»[20]. Большую роль продолжали играть патриархальные общинные устремления крестьян, так как ареал патриархальной психологии оставался еще довольно широким. Как видим, столыпинская реформа создавала условия для оживления традиций, сплоченности крестьян в защите общинного строя.

§ 2. «ССУДА, КОТОРУЮ Я ПОЛУЧИЛ ИЗ БАНКА...»

В научной литературе достаточно полно освещены вопросы землевладения и землепользования дворян-помещиков Самарской губернии. С 1980-х гг. внимание историков-аграрников было сосредоточено на изучении социально-экономического строя помещичьих хозяйств с применением как традиционных, так и математических методов[21], что избавляет нас от необходимости анализа этих вопросов. Приведем лишь общие данные о движении дворянского землевладения, свидетельствующие об устойчивой динамике процесса. Это необходимо для того, чтобы получить рельефную картину эволюции помещичьих хозяйств и особенностей их взаимоотношений с кредитными учреждениями.

Для второй половины XIX – начала XX в. характерным явлением экономической жизни страны стал земельный рынок. Появление и активное его функционирование стало возможным в связи с проведением Великих реформ 60-х гг. XIX в., которые, по сути дела, «перевернули» жизнь дворянской России. Одно из последствий реформы 1861 г. состояло в том, что в стране начался процесс формирования бессословной земельной собственности – дворянская земля стала переходить к представителям других сословий: купцам, мещанам и крестьянам. Купля-продажа земли, или мобилизация земельных имуществ, разрушала саму цитадель сословных привилегий дворян – феодальное землевладение, а наличие земельного рынка является ярким свидетельством поступательного развития капитализма.

Самарская губерния не входила в число районов с преобладанием дворянского землевладения. В ходе колонизации края дворянские имения возникали в Бугульминском, Ставропольском, лесостепных полосах Самарского, Бузулукского и Бугурусланского уездов. Дворяне получали владения, как правило, там, где имелись плодородные черноземные земли. Так, в Самарском уезде в излучине реки Волги было сосредоточено 65,4 % всего помещичьего землевладения. Особо выделялись Спасская, Томыловская, Воскресенская и Владимирская волости, в которых были расположены все крупнейшие латифундии уезда. Подобная картина наблюдалась и в Бугурусланском уезде. В южных волостях, граничащих с Бузулукским уездом (Натальинской, Троицкой, Пилюгинской), дворяне имели 43,1 % всей площади помещичьей земли уезда, остальная часть владений была расположена на границе Самарского (Смольковская, Боровинская, Богородская, Ключевская волости) и Бугульминского уездов (Знаменская, Байтугановская, Старо-Соснинская, Степно-Дурасовская волости)[22].

Дворяне теряли землю, главным образом потому, что не сумели перестроить свою хозяйственную деятельность. Они цепко держались за традиционные формы ведения хозяйства, и в этом в полной мере проявлялась рутинность их сознания – привычка жить и хозяйствовать,

как отцы и деды; сказывалась и хозяйственная конъюнктура как на внутреннем, так и на внешнем рынке, а также те социальные аномалии (Русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война), которыми так богато начало XX в.

Общая картина развития земельного рынка и участия в нем продавцов земли (дворян) и покупателей (купцов, мещан и крестьян) может быть представлена несколькими графиками. Сам процесс продажи земли шел в виде подъемов и спадов, что позволяет выделить этапы в развитии земельного рынка. Что касается цен, то это был устойчивый динамичный ряд, свидетельствующий о постоянном их повышении. Динамика личного (дворянского) землевладения определялась по таким заслуживающим доверия источникам, как материалы земельных переписей 1877–1905 гг., а также «Материалы по статистике движения землевладения», которые получили позитивную оценку многих исследователей аграрного строя России XIX – начала XX вв. Особо следует отметить гигантскую работу по сводке данных неопубликованных материалов движения земледелия с 1911 по 1916 г., проделанную А.М. Анфимовым и Н.П. Макаровым[23]. Эта публикация показывает, кто же реально являлся собственником земли к февралю 1917 г.

Самарские дворяне в 1877 г. имели 1082 владения общей площадью 2033,1 тыс. дес. земли. К 1905 г. число владений сократилось до 810, а занимаемая ими площадь – до 926 тыс. дес.[24] В целом мобилизационный процесс был подвержен колебаниям, носил волнообразный характер. Период 1898–1902 гг. характеризуется резким подъемом числа продаж и количества земли, поступившей на рынок, и вполне соответствует выводу И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова о значительном проникновении товарно-капиталистических отношений в поземельные отношения[25]. Но подъем мобилизационной волны был скорее связан с ухудшившейся хозяйственной конъюнктурой, резким падением цен на российский хлеб на внешнем рынке, иными словами, с мировым аграрным кризисом конца XIX в. и неурожаями первых лет XX столетия. Общие итоги дворянских потерь были весьма внушительны. В 1867–1902 гг. дворяне продали 1 204 002 дес. земли. Убыль коснулась прежде всего крупных земельных владений размером свыше 3 тыс. дес.: было продано 801 007 дес., или 66,53 %. Существенные потери понесли владельцы имений размером от 500 до 3 000 дес. (388 515 дес., или 32,27 %)[26]. В 1903–1905 гг. количество проданной земли в губернии сокращается, а затем вследствие революционных событий 1905–1907 гг. резко возрастает. Подъем мобилизационной волны продолжался и в 1908 году (продано 575,5 тыс. дес.); затем произошла стабилизация. В целом площадь помещичьего землевладения сократилась с 926 041 дес. в 1905 г. до 540 796 дес. в 1914 г.[27] В годы Первой мировой войны земельный рынок активно не функционировал и число земельных продаж было невелико.

На первом месте по размерам проданной дворянами земли стоял Николаевский уезд (464 110 дес.), далее Бузулукский (226 023 дес.), Новоузенский (226 183 дес.), где помещичьи хозяйства не могли конкурировать с быстро прогрессирующими фермерскими[28]. В лесостепной полосе число проданных имений было не столь велико, так как помещичье землевладение здесь стало складываться со второй половины XVI в., а крестьяне, получившие нищенские наделы земли худшего качества, не могли выступать конкурентами помещикам-дворянам. В условиях становления аграрного капитализма «прусского» типа в лесостепной полосе шли дробление крупных имений, безвозмездная их передача наследникам или же совершалась покупка земель дворянами из других губерний, т. е. купля-продажа имений шла внутри дворянского сословия.

До 1905 г. причины продажи дворянами земли главным образом коренились в том, что те не смогли отказаться от традиционных методов хозяйствования и перевести имения на капиталистические рельсы. К тому же многие экономии были заложены и перезаложены в государственных и частных банках. Об этом, в частности, говорилось на встрече губернских предводителей дворянства в феврале 1901 г.: «...имения, продававшиеся с публичного торга, кроме долгов ипотечным кредитным учреждениям, обременены почти все без исключения дополнительными закладными и частными долгами, оплачиваемыми высокими процентами, так что в совокупности все лежащие на имениях платежи почти равняются, а иногда и превосходят доходы имений»[29].

Революция 1905–1907 гг. вызвала панику среди дворян-помещиков, и они стали продавать имения, в основном размером от 1000 до 10 000 дес. В них преобладала отработочная система, хозяйство велось управляющими и приказчиками. В экономиях размером до 500 дес. преобладала капиталистическая система ведения хозяйства, управление находилось в руках владельцев, и они сумели лучше управляющих и приказчиков приспособиться к новым условиям[30]. Рост продаж стимулировался также увеличением цен на землю.

Покупателями земли выступали представители всех сословий: дворяне, купцы, мещане, крестьяне, а в период революции 1905–1907 гг. дворянские имения скупал преимущественно Крестьянский поземельный банк. Так, купцы в 1877 г. имели в губернии 261 владение площадью 658,4 тыс. дес., а в 1905 г. – 527 площадью 1 212,4 тыс. дес.[31] Самарская губерния по масштабам купеческого землевладения занимала первое место в Европейской России. Удельный вес купцов среди землевладельцев имел тенденции к росту (30,5 % в 1905 г. и 41,7 % в 1915 г.). Крупнейшие земельные собственники купцы Шихобаловы в 1905 г. владели 161 959 дес. земли, а десять лет спустя – 169 200 дес.[32] Об А.Н. Шихобалове упоминает в автобиографии А.Н. Толстой: «Вся Самарская губерния отходила к земельному магнату Шихобалову, скупившему все

дворянские земли и бравшему с крестьян цены за годовую аренду, какие ему заблагорассуживалось»[33]. Крупными земельными собственниками были купцы Л.С. Аржанов, отец и сын Соколовы, которые к началу XX в. купили все земли Л.Н. Толстого в Бузулукском уезде Самарской губернии; в 1914 г. они были владельцами 16 075 дес. земли[34]. Высокой была доля крестьян в частном землевладении. В 1905 г. в губернии насчитывалось 3049 таких владельцев, имевших в своем распоряжении 803 тыс. дес. земли. По сравнению с 1877 г. крестьяне увеличили свои владения более чем в 2 раза. Крестьянское личное землевладение (как и владения купцов) сосредотачивалось в южных уездах. Так, в Николаевском уезде выделялось хозяйство крестьян Дохловых, имевших 12 768 дес. земли, и Е.И. Пшеничного (20 467 дес.)[35]. С 1907 по 1915 г. площадь земель, находившихся во владении крестьян, увеличилась на 1 948 542 дес. На долю единоличных хозяйств приходилось 1 292 594 дес., на долю обществ и товариществ – 655 948 дес.[36]

Значительное количество земель покупал Крестьянский поземельный банк (пик приобретений приходится на 1906–1907 гг.). Банк покупал дворянские и купеческие имения крупных размеров на льготных для продавцов условиях, так что они при этом не терпели убытков, а банк, в свою очередь, мог «влиять на состав покупщиков и форму землевладения в губернии, иными словами, защищать экономические привилегии господствующего сословия»[37]. Всего в Крестьянский поземельный банк в 1906–1908 гг. поступило 910 тыс. дес. земли, остались непроданными к 1 января 1916 г. 5269 тыс. дес. земли[38]. Таким образом, банк выполнял посреднические операции, продавая затем земли купцов и дворян крестьянам.

Важнейшим показателем складывания капиталистического рынка на землю является цена. Как отмечает Н.А. Проскурякова, помещик в условиях капиталистического окружения «посредством своей монополии на землю» захватывал все возрастающую часть прибавочной стоимости, тем самым повышая стоимость своей ренты и цену земли[39]. Именно в этом в полной мере проявлялась одна из экономических привилегий дворянства – владение землей в условиях роста цен всегда давало доход.

С 1877 по 1905 г. цена одной десятины земли в Самарской губернии возросла в 4,9 раза. В 1906–1909 гг. Крестьянский банк перекупал у самарских дворян десятину земли за 77 руб., а продавал за 86 руб.[40] Дворяне, естественно, увидели в этом ущемление своих интересов и направили в Министерство финансов следующие требования:

«1. Чтобы иносословные лица и крестьянские общества, приобретающие дворянские земли, уплачивали на этих землях повинности все вообще или, по крайней мере, часть, падающие на благотворительные дворянские учреждения за период времени, пока имение состоит заложенным в Дворянском банке.

2. Чтобы собственные земли Крестьянского банка, поступившие в его владение по безуспешности торгов, по закону продавались не только крестьянам, но и дворянам на одинаковых с крестьянами льготных условиях.

3. Чтобы было предоставлено Дворянскому банку право производить за собственный капитал покупку дворянских земель с перепродажею их в собственность дворянам же, подобно праву, предоставленному Крестьянскому банку, приобретающему земли исключительно для крестьянского населения»[41].

Своекорыстные интересы дворян сводились к тому, чтобы сократить свои платежи по заложенным в Дворянский банк имениям за счет покупателей из других сословий; явственно прослеживается стремление сохранить в своих руках земельную собственность как основу политического господства в стране. При любом варианте помещик оказывался в выигрыше.

Самодержавие стремилось сохранить и упрочить позиции поместного дворянства в Европейской России. В ходе реализации реформы 1861 г. помещики Поволжья получили значительные денежные поступления от своих бывших крепостных. Но не только выкупные платежи стали основой обогащения дворян. Протекционизм претворялся в практику через Государственный дворянский земельный, Крестьянский поземельный банки, предоставлявшие дворянам-землевладельцам кредиты на льготных условиях. Возросшая потребность помещиков в кредитах и то, что отделениями банков на местах управляли дворяне, свидетельствуют о втягивании их в систему капиталистических отношений. Патриархальные методы хозяйствования изживали себя, а потому возникла потребность в цивилизованных формах кредита. А.П. Корелин отмечает, что проникновение банковского капитала в сельскохозяйственное производство началось с крупных имений-латифундий, так как ипотечные учреждения были заинтересованы в их поддержке и сохранении[42]. Существовали два вида кредита: ипотечный (долгосрочный), когда полученная ссуда шла на личные нужды помещика, и краткосрочный, капиталистический, который использовался в хозяйстве. Но эффективность этих ссуд для развития помещичьих хозяйств была ничтожна. Паразитические наклонности помещиков («Отец понять его не мог, – писал А.С. Пушкин в романе в стихах «Евгений Онегин», – и земли отдавал в залог») проявлялись все в большей степени. Особенно это было характерно для конца XIX в., когда разразился мировой аграрный кризис, а доходы от земли резко сократились. Дворяне, оказавшись в трудных условиях, чаще прибегали к ипотеке и брали ссуды как из государственных, так и из частных банков. Вероятно, под их давлением правительство изменило правила оценки земли: увеличило до 60 процентов выдаваемые ссуды; срок погашения ссуд возрос до 66,5 года.

В начале XX в. хозяйственная конъюнктура стала более благоприятной для развития сельского хозяйства, что привело к росту посевных

площадей, увеличению спроса на сельскохозяйственные орудия и машины и в конечном счете – к углублению специализации. Эти и другие причины обуславливали все большую потребность помещиков в кредитах и объективно вели к слиянию банковского и помещичьего капиталов.

Обратимся непосредственно к анализу задолженности дворянского землевладения в начале XX в. По данным официальной статистики, в 1904 г. в Дворянском банке было заложено 842,9 тыс. дес. земли, а в 1916 г. – 539,5 тыс. дес. Это сокращение было вызвано падением удельного веса дворянской земли в частном землевладении. Но в этой связи резко возросло количество земель, находящихся в залоге у Крестьянского поземельного банка: в 1904 г. – 208,1 тыс. дес. (а также в частных кредитных учреждениях – 458,2 тыс. дес.), в 1916 г. – 652,8 тыс. дес. земли[43]. Эти данные говорят о многом. С одной стороны, сохранились хозяйства, обремененные залогами и перезалогами, с другой – Дворянский банк перестал обладать монопольным правом на кредитование помещичьих имений. Дворяне и другие земельные собственники – купцы, мещане и крестьяне – все чаще пользовались услугами коммерческих банков, что подрывало сословные устои и в землевладении, и в кредите. Сказывалось и мощное воздействие земельного рынка, который объективно способствовал концентрации земли в руках энергичных хозяев, использующих банковский капитал для развития земледельческого производства.

Чаще всего с заявлением в банки о залоге имений обращались владельцы латифундий. По данным Дворянского земельного банка, в Бузулукском уезде из 76486 дес. заложенной земли 63,7 % приходилось на латифундии, в Николаевском из 106 023 дес. – 90,6 %, в Бугурусланском из 128 678 дес. – 77,8% [44]. Итак, крупное помещичье хозяйство было наиболее тесно связано с банковским капиталом.

В последнее время историки-аграрники проявляют все больший интерес к анализу перезалоговых операций. Н.А. Проскурякова отмечает сложность и неоднозначность этого процесса, так как перезалоги вызывались не только стремлением отдельных помещиков, ведущих хозяйство на основе отработочной системы, получить капитал на личное потребление, но и тем, что в ряде имений шла сложная структурная перестройка – расширялась экономическая запашка, вводились многопольные севообороты, покупался рабочий и продуктивный скот, т. е. здесь ипотека эволюционировала в капиталистический сельскохозяйственный кредит. К тому же часть ссуд шла на расширение промышленного производства – предприятий дворян по переработке сельскохозяйственного сырья. Например, Петр, Сергей и Софья Самарины владели в Спасской волости Самарского уезда 22 265 дес. удобной земли, кроме того, водяной мельницей, которая давала доход 5400 руб., кирпичным заводом, лесной пристанью и рыбными ловлями[45]. Землевладелице А.Г. Шелашниковой в Самарском уезде принадлежали 4099 дес.

земли, винокуренный завод с доходом 7500 руб., базарная площадь (450 руб.), паровая мельница (1500 руб.)[46]. Богатейший материал о мотивах перезалогов имений можно найти в фонде Самарского отделения Дворянского земельного банка в государственном областном архиве. Князья А.Г. и А.А. Щербатовы подали в 1913 г. заявление в банк о перезалоге имений в Самарском и Николаевском уездах площадью 4553 дес. земли. В имениях введены 8- и 15-польный севооборот с пропашными культурами (подсолнух, корнеплоды, трава), приобретен рабочий и продуктивный скот на 59 050 руб., сельскохозяйственный инвентарь на 61 690 руб., в том числе сеялки, сноповязки, 3 локомобиля с молотилками и т. д. Валовый доход составил 188 939 руб. Управляющий П.П. Смирнов мотивировал перезалог тем, что лишь Сакулинский участок был заложен по специальной оценке 113 руб. 16 коп., а остальные – по нормальной оценке, и просил выдать дополнительную ссуду в 100 тыс. руб. в связи с расширением экономической запашки и покупкой сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота. В заявлении также указывалось, что цены на землю при продаже возросли и что имение находилось в 12 верстах от Самары[47].

А вот характерный прием использования кредитов на личное потребление. 1 июня 1912 г. самарский губернатор сообщил губернскому предводителю дворянства, что дворянин Д.В. Обухов ведет расточительный образ жизни и в течение двух последних лет промотал 120 тыс. руб.[48] Бузулукский предводитель дворянства сообщил дворянскому депутатскому собранию, что имение Д.В. Обухова расположено при селе Карамзино, оценено в 160 267 руб., в том числе постройки – в 15 330 руб.; полевое хозяйство ведется без всякой системы. Имение досталось Д.В. Обухову от его отца свободным от задолженности, кроме того, им был получен наличный капитал 80 тыс. руб. «Имение переобременено долгами. Они возросли до 250 тыс. руб. В 1911 и 1912 гг. Д.В. Обухов получил крупные деньги от Купеческого банка и г. С.А. Ященко». Но эти заемные деньги шли не на поддержание имения, а на удовлетворение потребностей Д.В. Обухова[49]. Экономия, приносившая высокий чистый доход, стала давать только убытки, так как владелец сокращал экономический посев: в 1911 г. из 942 дес. засевалось 216, а в 1912 г. – 125 дес. Собрание предводителей и депутатов дворянства Самарской губернии 17 августа постановило «наложить опеку на имущество Д.В. Обухова по расточительности».

Чаще всего помещики обращались в банки с просьбой о перезалоге своих владений из-за неурожаев, неудовлетворительной хозяйственной конъюнктуры, низких цен на хлеб, для того, чтобы выплатить долги кредиторам, и т. д. Но перезалоги не всегда спасали дворян, и после получения второй ссуды помещик обычно продавал имение, причем покупатель обязывался выплатить долги. Д.Е. Жуковский, имевший в Николаевском уезде 3 346,7 дес., получил ссуду в 41 400 руб., через

три года банк выдал ему еще 82 262 руб. по перезалогу. Вскоре имение было продано купчихе О.В. Шадриной[50].

Представляет интерес заявление о перезалоге, которое подал в Дворянский земельный банк писатель Н.Г. Гарин-Михайловский, организовавший в Бугурусланском уезде капиталистическое хозяйство на 2251 дес. земли. Свои занятия сельским хозяйством и возникающие трудности он ярко описал в записках «Несколько лет в деревне». В заявлении писатель так мотивировал необходимость перезалога: «В предыдущую оценку наше имение было оценено банком значительно выше окружающих нас имений. С того времени изменилось очень многое. Моими усилиями проведена Кротовско-Сергиевская железнодорожная ветвь, благодаря которой центральный хутор имения находится теперь в 12 верстах от железнодорожной станции. Только при такой близости железнодорожного пути явилась возможность завести непосредственные сношения и сбыт продуктов на заграничные рынки. С проведением этой дороги явилась и возможность, и необходимость приспособить культуру хозяйства к этому заграничному сбыту, к работе на транзит, потому что тогда тарифная разница между нашей станцией Сергиевск и Самарой составит всего 1 1/2 коп., чем разница тарифа с Самарой в 3 1/2 коп., тогда как до проведения ж/дороги за провоз платилось 12—13 коп. Таким образом, на одном провозе против прежнего получается увеличение доходности в среднем до 5 тыс. руб. в год. Большинство хлебов так и отправляется на транзит: чечевица, горчица, лен, мак, часто клевер и люцерна, овес, рожь, пшеница (последние три — внутренний транзит).

В самом имении произошли громадные перемены. Для организации существующей многопольной системы потребовалось затратить очень большие средства (до 150 тыс. руб.) после переоценки имения. Неблагоприятным условием при этом явилось то обстоятельство, что, как всякий пионер в этом новом деле, я должен был делать много лишних расходов на опыты, которых не придется делать потом и которые будут работать, когда уже весь край будет в культурных условиях.

В заключение я смею обратить внимание Банка на то обстоятельство, что работа в моем имении имеет и большое общественное значение, как в смысле введения в широких размерах новых культур (прошлогодняя первая уездная Шаклинская выставка присудила за это имение первую награду), так и в выработке наиболее рациональной системы хозяйства. Смею думать, что эта система путем двадцатилетнего опыта выработана в имении. А именно 12-польная система с посевом люцерны: по этой системе в имении с будущего года будет 375 сот. дес. (625 каз.). Значение этого растения двумя сухими годами вполне выяснилось (98 и 1901). В это время, как все горело, поля люцерны зеленели, как в самый урожайный год, дав два укоса травы и 20 пудов зерна от сотенной дес. Это и понятно: в то время как корни основных растений в своем 5—6-вершковом слое переживают все невзгоды засухи, корни

люцерны на глубине несколько аршин имели всегда нужную влагу независимо от почвенной. Повторю: достигнуть организации правильной многопольной системы требовало больших затрат, знаний и усилий.

Вся ссуда, которую я получил из Банка и которую прошу вновь, не покроет и половины этих затрат, тем не менее оправдывающих себя»[51].

Как видим, запрашиваемая ссуда в 150 тыс. руб. должна быть полностью вложена в развитие хозяйства. К сожалению, в архиве нет постановления банка о выдаче ссуды, по всей видимости, она так и не была получена. Известно одно: в 1903 г. имение Н.Г. Гарина-Михайловского поступило на торги и было куплено самарским купцом А.Н. Шихобаловым[52].

В фонде Дворянского земельного банка имеются списки имений землевладельцев, находящихся в залоге на 1914 год. По этим данным, в Бугурусланском уезде из 82 ссуд погашено 29, 40 имений вновь перезаложены, в Бузулукском уезде из 99 ссуд погашено 19; в Николаевском из 45 ссуд – 13[53]. О степени задолженности Дворянскому банку можно судить и по его годовым отчетам. Общая тенденция залоговых операций была такова: из-за резкого сокращения дворянского землевладения в начале XX в. удельный вес залогов господствующего сословия падал. Особенно это было характерно для лесостепной полосы. Доля землевладельцев степных уездов возросла до 57,3 %. В условиях конкуренции с фермерами помещики чаще обращались в банк за кредитом.

Тенденция сокращения задолженности дворян Дворянскому банку была отмечена земскими статистиками. Они объясняли этот факт не отсутствием нужды в кредите, а причинами социально-политического характера: 1) изменением количественного состава землевладения: большая часть залогов отошла от банка в 1906–1908 годах, непосредственно следовавших за аграрными волнениями; 2) переходами земли к новым землевладельцам, в том числе к Крестьянскому поземельному банку, которые сопровождались досрочным погашением ссуд[54].

Кстати, новые владельцы имений – купцы, мещане и крестьяне – должны были за 10 лет погасить долги, числившиеся за купленной ими землей. Тем самым они ставились в неравноправное положение с дворянами, которым ссуда выдавалась на 66,5 года. В этом также проявлялся протекционизм по отношению к дворянам со стороны государства. Вероятно, именно поэтому так незначительны были продажи дворянских земель другим лицам. За 16 лет в Самарской губернии было продано всего 11 имений: в качестве покупателей выступали Дворянский и Крестьянский банки, а также частные лица. Если с банками можно было вести переговоры о продаже имений за долги в течение 5–10 лет, то иначе обстояло дело с частными долгами. Как правило, кредиторы требовали в счет долга передать им право собственности на имение. Так, дворянка В.М. Шулешкина вынуждена была продать 505 дес. земли своим кредиторам – бугульминскому крестьянину

А.Я. Пузанову и мещанину А.А. Боброву, которые тут же выплатили задолженность банку[55]. Но в целом задолженность частных владельцев, прежде всего хуторян и отрубников, Крестьянскому поземельному банку резко возросла. В 1904 г. остаток их долга составлял 8975 тыс. руб., а в 1916 г. – 53 384 тыс. руб. С 10,3 млн до 30,5 млн руб. возрос этот показатель в частных кредитных учреждениях[56]. Это свидетельствовало о стирании сословных различий в землевладении и более глубоком проникновении банковского капитала в частновладельческие хозяйства.

Землевладельцы – не дворяне обращались за кредитом в коммерческие банки, которые давали ссуду на жестких условиях на несколько месяцев или на год. Заемщик должен был платить 10 % годовых (дворяне платили 4–5 %), рискуя потерять все имение в случае несвоевременной уплаты ссуды и процентов. Самарские земские статистики отметили, что частные ипотечные банки обслуживали преимущественно купцов и почетных граждан. «Залоги земли в этих банках составляли в 1904 г. около 38 % купеческого землевладения, а в 1912 г. – уже 50 %, но вероятнее предполагать, что за этот период [1912–1914 гг.] земельный фонд этих собственников возрос и, следовательно, процентные задолженности их будут не ниже 50 %»[57].

Очень часто землевладельцы брали кредиты сразу в нескольких банках. Например, в 1906 г. 11 помещиков Самарской губернии, имевших 16 556,6 дес. земли, взяли ссуды в Государственном, Дворянском и Нижегородско-Самарском банках; 49 помещиков – в Дворянском и Государственном банках[58].

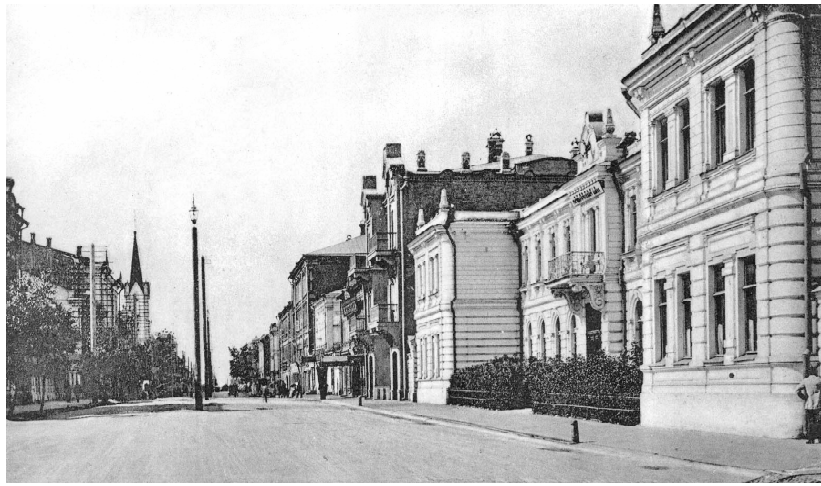
Дворяне, как никто из землевладельцев, умели выпрашивать ссуды в банках и правительственных учреждениях. На собраниях дворянских обществ лейтмотивом всех выступлений были жалобы на деятельность Дворянского и Крестьянского банков и просьбы к правительству о предоставлении им льготных условий кредитования. Такая же картина наблюдалась и во время заседаний губернского и уездных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Дворяне добились выделения кредитов от Министерства земледелия на улучшение сельскохозяйственного производства. С 1900 по 1917 г. дворяне Самарской губернии получили: на проведение мелиоративных работ 62 ссуды на сумму 265 254 руб.; на укрепление почв – 4 ссуды (9830 руб.); на устройство заведений для переработки сельскохозяйственной продукции – 4 ссуды (15 000 руб.)[59].

Учитывая неоднократные жалобы в адрес императора Николая II, Государственный Совет 15 марта 1906 г. издал Указ «О выдаче кредита землевладельцам в видах восстановления сельского хозяйства в имениях, пострадавших от аграрных беспорядков» в период революции 1905–1907 гг. Такую ссуду в размере 60 тыс. руб. получили К. и А. Марковы, имевшие 3100 дес. земли и винокуренный завод в с. Зубовка Самарского уезда. В 1913 г. по случаю 300-летия династии был издан указ

о монарших милостях, и с Марковых были сложены «имеющиеся неполненные ссуды, выданные из кредита»[60].

Помимо долгосрочного кредита существовали краткосрочные ссуды, которые выдавались кроме коммерческих кредитных учреждений Государственным банком Российской империи помещикам разных сословий сроком на 1 год (соло-вексельный кредит). Анализ деятельности частных коммерческих банков затруднен из-за отсутствия массовых источников. Есть лишь общие данные, дающие, впрочем, возможность проследить основные тенденции развития их кредитной политики.

Главный банк страны – Государственный – выдавал ссуды под залог земли, зерна или другой сельскохозяйственной продукции на приобретение сельскохозяйственных орудий и машин. Краткосрочный кредит, несмотря на высокие проценты, был прогрессивным явлением в русской экономической жизни, так как способствовал пробуждению инициативы и предприимчивости в ведении хозяйства. Пульс экономической жизни бился чаще и наполнялся новым содержанием.

Государственный банк. Из фондов ЦГАСО

Государственный банк выдавал ссуды сельским хозяевам по соловекселям под залог хлебных продуктов. Эта операция была рассчитана на крупных землевладельцев, занимающихся хлебной торговлей. Ссуды выдавались непосредственно учредителями банка и через посредников (земские учреждения, частные кредитные установления, общества и товарищества на началах взаимности отдельных благонадежных частных лиц)[61].

Если проанализировать деятельность Самарского и Саратовского отделений Государственного банка, то можно заметить, что доля краткосроч-

ных кредитов напрямую зависела как от конъюнктуры (в 1907 г. не было выдано ни одной ссуды), так и от социально-политической обстановки в стране (первая революция, мировая война). Об этом красноречиво свидетельствует динамика выдачи ссуд землевладельцам. В Самарском крае соло-вексельный кредит был распространен шире, чем в Саратовской и соседних поволжских губерниях. В 1903–1905 гг. в Самарской губернии соло-вексельным кредитом пользовались 150 землевладельцев и торговцев[62]. Это были владельцы имений, в которых преобладала капиталистическая система, и ссуды им были нужны «как оборотный капитал на случай неурожая или невозможности безубыточно продать хлеб и необходимости подержать его некоторое время, как это всегда бывает в урожайные годы»[63], – так мотивировал свое обращение в Государственный банк бугурусланский помещик М.Д. Пополутов, тонко учитывающий хозяйственную конъюнктуру. Дворянка Р.Д. Грюбладт брала кредит «для поддержания и развития тонкорунного овцеводства»[64].

Таким образом, в Самарском крае, крупнейшей житнице Европейской России, в конце XIX – начале XX в. были представлены все формы кредитования, что являлось показателем сращивания банковского капитала с частновладельческим, в том числе дворянским.

Кредиты, получаемые в государственных и частных коммерческих банках, объективно способствовали перестройке помещичьего хозяйства, но ипотека все еще преобладала над краткосрочным кредитом. Особенно ярко это проявлялось у дворян-землевладельцев. Приведенные данные говорят о высокой степени задолженности дворян, которые охотно брали ссуды где только можно. К. Маркс писал, что «никакой другой класс не влезает с таким легким сердцем в долги», не живет так расточительно, как класс землевладельцев, так как именно земля гарантировала им получение прибылей[65].

Купцы, мещане, крестьяне использовали полученные ссуды более эффективно: капиталы шли главным образом на расширение сельскохозяйственного производства; более активно обращались они и в Государственный банк, где получали кредиты под залог хлеба.

Если говорить о влиянии кредитных учреждений на частновладельческое хозяйство, то следует отметить две тенденции. Прежде всего сохранялся ипотечный кредит, который выдавали Дворянский и Крестьянский банки, проводившие политику протекционизма по отношению к дворянам, что сдерживало процесс перехода сословной земельной собственности к бессословной. В то же время наблюдался рост числа краткосрочных ссуд, которые предоставлялись, как правило, крестьянам – личным собственникам, купцам и мещанам, что, несомненно, способствовало укреплению связей их хозяйств с внутренним и внешним рынками.

§ 3. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Втягивание крестьян в сферу капиталистических отношений влекло за собой перестройку значительной массы хозяйств, ориентировавшихся теперь прежде всего на рынок. Не менее важно было также и то, что объективно крестьяне-собственники должны были постепенно отказаться от услуг ростовщиков, в качестве которых выступали помещики и сельские богатеи, и перейти к цивилизованным формам кредита, характерным для капиталистического общества.

Как уже отмечалось, в лесостепной полосе губернии преобладал «прусский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Сохранение поместного землевладения, угодий удела и казны сдерживало здесь темпы развития аграрного капитализма. Но эти поистине «черепашьи» шаги обуславливались не только присутствием соседа-помещика. Социальные последствия Великой реформы 1861 года были таковы, что от ее проведения выигрывали дворяне, а значительные потери понесли бывшие помещичьи крестьяне. Реформа проводилась так, чтобы создать более благоприятные условия для хозяйственной деятельности помещиков. Все исследователи отмечают стремление помещиков вклинить свои земли во владения сельской поземельной общины, создавая тем самым неудобства для крестьян в пользовании лугами, водопоями, дорогами, мостами и т. д., с тем чтобы взимать с них дополнительную плату и сдавать угодья на кабальных условиях, в основном за отработки.

В земельном обеспечении крестьян наблюдалась большая пестрота. Размер надела зависел от места нахождения села (лесостепь или степь), качества земли и др. Из-за роста сельского населения размеры наделов постоянно сокращались. Процесс измельчения наделов был прямо связан с увеличением числа крестьянских дворов, т. е. с семейными разделами. По данным официальной статистики, к 1905 г. по сравнению с 1877 г. число крестьянских дворов бывших помещичьих крестьян Самарской губернии увеличилось на 14 %. Правда, этот рост был не таким стремительным, как в Пензенской (23,6 %), Казанской и Симбирской (24,9 %), Саратовской (29,4 %) губерниях[66]. Тем не менее он оказывал определенное воздействие на темпы аграрной эволюции. В еще более жестких условиях вели хозяйство крестьяне-дарственники, у которых в Самарской губернии на душу мужского пола в 1861 г. приходилось в среднем 1,2 дес. земли[67]. Об измельчании наделов у бывших помещичьих крестьян говорил на совещании комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности земский деятель Д.Я. Слободчиков: «...в Самарском, Ставропольском, Бугурусланском уездах ныне приходится на одну наличную душу м. п. не менее 3 дес.; а в Бузулукском и Николаевском уездах менее 4 дес.»[68].

Выкупные платежи тяжким бременем легли на плечи бывших помещичьих крестьян. Они вынуждены были выкупать землю не по доре-

форменным (низким) ценам, а по более высоким. В Самарской губернии по ценам 1863–1872 гг. земля для выкупа стоила не более 2,1 млн руб., но крестьяне выплатили за нее 5,7 млн руб., т. е. почти в три раза больше ее дореформенной стоимости[69].

Выступая на заседании губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, бузулукский помещик Г.Н. Костромитинов отметил, что сумма недоимок по выкупным платежам составила 14 405 425 руб. 19 коп.[70] Видный исследователь аграрных отношений в России А. Лосицкий писал, что «сумма платежей, действительно внесенных помещичьими крестьянами к 1 января 1906 года, превысила полтора миллиарда рублей»[71]. Но правительство продолжало собирать в 1906 г. выкупные платежи, правда, в половинном размере, а с 1907 по 1913 г. крестьяне должны были погашать недоимки по выкупной операции. С 1904 по 1911 г. было взыскано недоимок по выкупной операции с крестьян Самарской губернии 1 102 091 руб. Бывшие помещичьи крестьяне были поставлены в худшие условия по сравнению с другими категориями крестьян. У них платежи составляли 4 руб. 80 коп. с десятины, в то время как у бывших удельных – 1 руб. 50 коп., у бывших государственных – 1 руб. 30 коп.

Острое малоземелье, бремя выкупной операции, другие налоги и сборы обуславливали дефицит крестьянского бюджета. Крестьяне вынуждены были по-прежнему часть своих производственных доходов отдавать в качестве абсолютной ренты землевладельцу-помещику. Так, крестьяне Самарской губернии арендовали в начале XX в. более 630 тыс. дес. земли[72].

Самарские земские статистики зафиксировали, что хозяйства на наделе находились в менее благоприятных условиях по сравнению с хозяйствами на купчей и арендованной земле. Они оказывались слабее обеспеченными по размерам посевов, по количеству рабочих лошадей на одно хозяйство. В малопосевных группах хозяйств преобладала продовольственная аренда, «в многопосевных она носит предпринимательский характер. На это указывают высокие размеры арендуемого участка и преимущественное арендование земель на продолжительные сроки»[73].

Малоземельные крестьяне чаще всего арендовали землю на кабальных для них условиях. Об условиях такой аренды журнал «Вестник сельского хозяйства» в 1902 г. писал следующее: «Крестьяне села Усолье Сызранского уезда, имея надел лишь в полторы десятины на душу, вынуждены нанимать у соседнего помещика землю под посев (по 8 руб. дес.). Аренда обставлена следующими условиями: если плата за озимый посев не внесена в марте и за яровой в мае, то половина всего урожая вместо арендных денег поступает экономии. Часто за невозможность занять денег крестьянину даже при хорошем урожае приходится отдавать половину жатвы, а если удается взять деньги в долг, большая часть прибыли поступает ростовщику»[74]. И в этой связи пульс хозяйственной

инициативы здесь едва прощупывался, а среди помещичьих крестьян преобладали пауперы. Несколько лучше были обеспечены землей бывшие удельные и государственные крестьяне.

В последнее время все чаще внимание историков-аграрников акцентируется на такой сложной проблеме, как пути и темпы развития аграрного капитализма. Основываясь на работах В.И. Ленина, историки обычно констатировали, что основой «прусского» пути было дворянское хозяйство и хозяйства «гроссбауэрского» типа. Что касается «американского» пути, то здесь в качестве первоосновы выступали крестьянские хозяйства. Но хозяйства какого типа могли быстрее эволюционировать в фермерские? Степная полоса Самарского края, с ее малой заселенностью и наличием громадного числа свободных земель, как нельзя лучше подходила для развития капитализма не изнутри, а на иной, свободной основе, не зажатой тисками старых докапиталистических отношений. И в этом плане именно государственные крестьяне как более предприимчивые и имевшие большое количество земли могли стать реальной основой формирования фермерских хозяйств.

И все же основная масса крестьянских хозяйств испытывала тормозящее влияние остатков крепостничества. Сказывались и периодически повторяющиеся неурожаи хлеба. Бузулукский помещик Г.Н. Костромитинов отмечал, что сумма продовольственных долгов по ссудам 1891, 1897 и 1901 годов возросла до 9 956 045 руб. 80 коп.[75] Сложная ситуация с продовольствием и семенами возникла в крае в неурожайном 1906 году. Населению Самарской губернии в 1906–1907 гг. было выдано ссуд на 18 930 490 руб. 52 коп. с условием возврата их в течение трех лет[76]. Сильно пострадали крестьяне от неурожая хлеба и трав в 1911 году. Число нуждающихся в продовольственной помощи достигло 1 707 428 человек[77]. «Лишняя скотина, – писал Щербаков, священник села Августовка Николаевского уезда, – вся распродана еще с осени за бескормицей хлеба. От комитета Красного Креста выдается помощь только некоторым. Некоторые распродают наделы»[78]. Удручающая картина голода содержится в отчетах врачей. Н.В. Голубев сообщил в губернскую земскую управу о положении отрубников Сколовского имения Тростянской волости Самарского уезда: «...наличность необходимой домашней скотины не превышает у самых состоятельных 2 лошади, 1 коровы, у бедных – 1 лошадь и несколько кур. Хлеб же просяной, добываемый ими или милостыней, или же покупкою на деньги, выручаемые от продажи скота»[79]. О масштабах голода 1911 года можно судить по таким фактам. Всего в Самарской губернии занималось земледелием 431 001 дворов, «из них нуждалось в яровой семенной ссуде 332 355 домохозяев»[80].

Не только костлявая рука голода душила самарских крестьян. В отличие от других частных владельцев, они должны были выплачивать налоги, земские сборы, выполнять различные повинности.

К началу XX в. недоимки по земским сборам составили 885 092 руб., долг кредитным учреждениям – 2 791 923 руб., а общая сумма долгов – 28 038 485 руб. 99 коп.[81] Понятно, что при такой задолженности вести рациональное хозяйство было невозможно. И тем не менее самарское крестьянство в этих тяжелейших условиях сумело не только сохранить свою хозяйственную самостоятельность, но и приспособиться к условиям рынка.

В лесостепной полосе, где особенно остро ощущалось малоземелье, крестьяне вынуждены были арендовать земли у помещиков или покупать их. Самарские земские статистики установили, что в Ставропольском уезде в малопосевной группе хозяйств преобладала продовольственная аренда, причем крестьяне переплачивали два рубля за каждую десятину. Как правило, крестьяне арендовали землю за отработки. Помещик выступал в качестве ростовщика, используя «зимнюю наемку». При сдаче земли в аренду он обговаривал условия отработок крестьян в экономии. В договоре Усольской конторы вотчины графов Орловых-Давыдовых с крестьянами при аренде земли под яровой посев читаем: «1905 г. март 27. Крестьяне с. Актуш И.Н. Федосеев, А.В. Захаров с прочими: 1) мы обязуемся летом 1905 г. по первому требованию сжать хлеб, перевезти на собственных лошадях с Левадского поля на хутор 36¾ дес. ржаных снопов и 29½ дес. яровых, нажатых как серпом, так и жнейками; 2) за перевозку получаем от конторы за ржаные снопы по 2 руб. и за яровые по 1 руб. 50 коп. с десятины. Снопы возить на токи и падины, которые предварительно нами должны быть вычищены и покрыты соломой, складывать снопы мы должны в клади аккуратно, по указанию надсмотрщиков клади ежедневно вывершивать и покрывать господской соломой. Высота кладей должна быть не менее 12 аршин. Если конторе потребуется подвозка прямо к молотильной машине, то такое требование должно быть исполнено безоговорочно. Во время перевозки снопов мы, крестьяне, обязаны иметь не менее 14 лошадей, причем должны соблюсти следующее: иметь на каждом рыдване возильный полог, который во время накладки снопов в рыдван расстилать около рыдвана. Иметь при подводах подавальщиков и кладчиков, которые ни в коем случае не должны становиться на скирды, дорогою снопы не терять и не травить лошадьми, для чего иметь на каждой лошади намордники. В сырую погоду снопы не возить»[82].

Как видим, элементы ростовщичества сочетаются здесь с мелочной регламентацией всех видов отработки в экономии. Подобные явления были отмечены земскими статистиками при проведении подворных переписей крестьянских хозяйств. Был выявлен даже некоторый рост отработок при сдаче земли в аренду. В Самарской губернии в 1911 году об аренде за деньги сообщали 68,8 % корреспондентов, в 1913 году – 61,5 %; об аренде из доли и за отработки – 31,2 и 37,5 % корреспондентов соответственно. Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют

о живучести отработок, а с другой — о противоречивом развитии аграрного капитализма по «прусскому» пути.

Бывшие помещичьи крестьяне арендовали землю всей общиной или объединялись в товарищества. Особенно это было характерно для Ставропольского и Самарского (лесостепной части) уездов. В то же время здесь кроме мелких арендаторов, используемых помещиками на отработках, имелась группа хозяйств предпринимательского типа, применявших труд постоянных наемных рабочих; кроме земледелия их владельцы занимались торговлей, имели промышленные предприятия. В Ставропольском уезде удельный вес таких хозяйств составлял 2,3 %[83].

Малопосевные группы хозяйств, — а в зоне «прусского» типа аграрной эволюции их доля доходила до 70 %, — постоянно испытывали нужду в продовольствии, фураже и семенах. «Возвращаясь к вопросу об условиях частных займов хлеба на продовольственные нужды, — писали земские статистики, — мы не можем не признать их тяжелыми для нуждавшегося в подсобных продовольственных средствах населения. Население большей частью при возвращении заемного хлеба приплачивает своим кредиторам за каждый занятый пуд или непосредственно хлебом, или деньгами»[84].

При договоре с крестьянами кредиторы выговаривали себе «наибольшие цены за хлеб и наименьшие поденные и сдельные платы во время производства работ заемщиками в их хозяйствах»[85]. В качестве ростовщиков выступали чаще всего помещики-дворяне и зажиточная верхушка деревни, получавшие высокие проценты не в денежной оплате, а в виде отработок. Но бывали случаи, например в Самарском уезде Алексеевской волости, когда ростовщичеством занимался служащий железной дороги, бывший унтер-офицер, дававший в ссуду деньги под 30 %[86].

Банковская система по-прежнему отдавала преимущество в обслуживании представителям привилегированных сословий. Если дворяне могли получать ссуды под залог имений в Дворянском банке или взять соло-вексельный кредит в Государственном банке и других коммерческих учреждениях, то крестьяне-общинники, не являясь юридическими собственниками, не имели права ни продавать свои наделы, ни закладывать их в банках; они могли получать ссуды лишь под залог зерна. Такое положение существовало до 1907 г., т. е. до реализации Указа Николая II от 9 ноября 1906 г., по которому хуторяне и отрубники могли продавать и закладывать свои наделы; вот почему крестьяне лесостепной полосы вынуждены были пользоваться ростовщическим капиталом.

Иная ситуация складывалась в зоне преобладания аграрной эволюции американского типа, т. е. в районе торгового зернового земледелия. В качестве арендатора земли здесь выступал не мелкий, из среды малоземельных крестьян, а скорее крупный посевщик и предприниматель. «В Новоузенском уезде, — читаем в одном из докладов, — землю арендуют преимущественно участками на 1 год до 1200 дес. в среднем

на арендатора»[87]. Аренда земли большими участками преобладала в Николаевском и на юге Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов. В частности, в Самарском уезде удельный вес капиталистической аренды достиг 37 %[88]. Значительная ее доля приходилась на степную полосу, где размещались посевы товарной пшеницы. В степных уездах доля богатых крестьян-фермеров колебалась от 23,8 до 30 %. Вне зависимости от численности зажиточные верхи деревни концентрировали в своих руках наиболее плодородные земли и расширяли посевы торговых зерновых культур. «Например, в хозяйстве крестьянина с. Еремеевка В.Д. Рождественского насчитывалось 2 рабочих лошади, 2 жеребенка, 5 верблюдов, 2 коровы, 2 теленка, большое количество сельскохозяйственного инвентаря, в том числе сенокосилка, веялка. Имея 20 дес. надельной земли, В.Д. Рождественский арендовал еще 15,3 дес.»[89].

Испытывая острую нужду в земле, крестьяне помимо аренды стали покупать земельные угодья. В зоне преобладания «прусской» аграрной эволюции крестьяне обычно покупали те земли, которые им принадлежали до проведения буржуазных реформ. Наибольшая часть купленных земель приходится на степные уезды – Николаевский (93 979 дес.), Новоузенский (67 337 дес.) и Бузулукский (46 705 дес.), т. е. на район торгового зернового земледелия, где крестьяне, получая доход от продажи зерна, пытались расширить посевы за счет купленных земель. Здесь преобладали единоличные покупатели – как из числа купцов, так и из крестьян. Менее значительными были приобретения товариществ и общин в Ставропольском (36 323 дес.), Бугульминском (33 604 дес.), Бугурусланском (21 483 дес.) и Самарском (9163 дес.) уездах[90]. Такая ситуация была вызвана высокой задолженностью крестьянских хозяйств, острым дефицитом бюджетов многих бывших помещичьих крестьян, хозяйственной конъюнктурой и другими факторами. Кстати, крестьянское частное землевладение оказалось самым устойчивым: как правило, крестьяне покупали и почти не продавали свои владения.

С 1886 г. в качестве посредника между ними и дворянами выступал Крестьянский поземельный банк, который скупал имения в Дворянском банке и по более высоким ценам продавал их общинам и товариществам. С 1906 г. направление деятельности Крестьянского банка меняется: главное внимание было сосредоточено не на коллективных покупателях земли, а на создании на бывших дворянских, удельных и казенных землях хуторских хозяйств. Кроме того, отделения банка на местах занимались эксплуатацией имений, находившихся в его земельном фонде. Далее Крестьянский банк стал выдавать ссуды под залог надельных земель. Таким образом, Крестьянский поземельный банк выступал в качестве одного из рычагов проведения столыпинской земельной реформы. Об изменении направленности его деятельности говорят данные о количестве ссуд, выданных на покупку земли в 1883–1910 гг. В 1883–1903 гг. банк выдал 70 ссуд сельским обществам, 208 – товариществам и 4 – отдельным хозяевам; в 1904–1906 гг. ссуды выдавались только общи-

нам или товариществам; в 1907 г. было выдано 4 ссуды отдельным домохозяевам; с 1908 г. банк отдавал предпочтение хуторянам, выдав 496 ссуд, в 1909 г. – 1313, в 1910 г. – 4463. Обычно единоличный покупатель получал от банка ссуду в размере 90 %, при покупке земли отрубным участком – 95 %, хутором – 100 %. Коллективные покупатели – товарищества и сельские общества – получали 80–85 % стоимости приобретавшихся ими угодий. И все же за указанный период из 560 727 дес. купленной земли на долю хуторян приходилось лишь 133 785 дес.

Рассмотрим динамику перехода имений из Крестьянского банка в собственность крестьян в 1905–1915 гг.[91] Наибольшее количество поступлений земли в фонд банка приходится на 1906–1907 гг., что вызвано масштабами массового аграрного движения в крае в период революции 1905–1907 гг. По количеству купленной у помещиков земли Самарская губерния занимала второе место в России, уступая лишь Саратовской (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Движение земельного фонда Крестьянского поземельного банка в Самарской губернии в 1905–1915 гг.

Годы	Количество земли, поступившей в банк, *десятин*	Количество проданной земли, *десятин*	Средняя цена *за десятину земли, руб.*
На 3 ноября			
1905	16 692	–	84
1906	155 488	–	85
1907	176 734	11 370	93
1908	75 124	72 262	79
1909	12 257	33 297	83
1910	325	102 970	93
1911	6932	73 461	91
1912	9101	33 284	100
1913	4898	36 087	96
1914	3512	39 212	75
1915	4010	24 954	198
Осталось на 1 января			
1916	526 962	–	–

Наибольшее количество земли было продано в 1910 году. Как писал в отчете Николаю II самарский губернатор, деятельность банка в 1907–1910 гг. была направлена на образование единоличных владений[92]. Что касается динамики цен, то отмечается тенденция к повышению стоимости земли. Более того, банк, отстаивая и защищая интересы помещиков, искусственно взвинчивал цены на землю в губернии, покупал у дворян землю по 73 руб. за дес., а продавал крестьянам по 108 руб. 70 коп. С 1900 по 1913 г. цена одной десятины поднялась с 46 до 100 руб.[93]

Кто же воспользовался услугами Крестьянского поземельного банка? Анализ материалов земской статистики, архивных документов показывает неоднородность социального состава покупателей земли. Помимо крестьян, занимавшихся земледелием, землю покупали мещане, иногда – служащие, у которых земли не было совсем или имелась в небольшом количестве. Банковскую землю покупали переселенцы из других губерний. В группе уездов Самарской губернии (Николаевском, Бугурусланском и Ставропольском) землю покупали больше всего крайние группы – безземельные и группа дворов, имевшая свыше 9 дес. В Николаевском уезде безземельных было 775 чел., в высшей группе – 530; в Ставропольском – 203 и 1552 соответственно[94]. В Самарском уезде высшая группа купила 87,6 % всей проданной банком земли. Характерно, что после приобретения банковской земли увеличилось до 58 % число хозяйств с посевом свыше 15 дес. В то же время большое число хуторян не имели скота, не были обеспечены инвентарем. Земские статистики Самарской губернии при обследовании хуторских хозяйств «рядом с процветанием незначительного процента хуторских хозяйств констатируют распространение продажи участков»[95]. Многие крестьяне не могли вернуть в срок ссуду банку. Страницы газет пестрели сообщениями о выселении и отобрании земли у хуторян из-за неуплаты взносов в банк. «Самарское отделение выселило сначала 24 семьи, а затем еще 44 хуторянина села Степановка Бугурусланского уезда. Та же участь ждет еще 34 семейства крестьян с. Кротково». «История со степановцами гораздо красноречивее, – писал корреспондент, – она говорит не только о необычайной «твердости» банковских заправил, но и попутно ставит убийственные вопросы о том, почему клиенты Крестьянского банка в таком громадном количестве оказываются неисправными плательщиками. Почему мобилизованная с помощью банка частновладельческая земля в последнее время начинает подвергаться своеобразной демобилизации»[96].

Как видим, крестьяне не столько выиграли от деятельности банка, сколько проиграли. Крестьянский банк фактически выступал конкурентом тем крестьянам, которые хотели купить землю непосредственно у помещиков. Протекционизм по отношению к помещикам и желание «нагреть руки» на посредничестве – таковы главные направления его финансовой политики. Кроме того, банк получал доходы и от эксплуатации имений. В 1908 г. банк сдавал в аренду за деньги 679 144 дес., издольно 12 723 дес. земли; на 26 689 дес. хозяйство велось за счет банка; 53 717 дес. земли оставлено в заведывании прежних владельцев[97]. Самарское отделение Крестьянского банка имело высокий чистый доход – 1 760 255 руб. Сдачей земли (495 024 дес.) в аренду за деньги банк занимался и в период Первой мировой войны, наживая на этом большие доходы[98].

Крестьяне получали ссуды также в сельских банках, число которых возросло с 1 в 1904 г. до 3 в 1910, а сумма ссуд увеличилась с 36 390 до 65 210 руб. соответственно. Ссуды выдавали также удельные банки.

Отсутствие дешевых источников кредита подталкивало крестьян к поиску новых его форм. Попытки учредить ссудо-сберегательные товарищества и даже банки были предприняты во многих селах Самарского уезда еще в 50-х гг. XIX в., причем возникали они как по «указке» сверху, так и по инициативе самих крестьян. Например, при Каменском волостном правлении в 50-х гг. удельная контора организовала волостную кассу, которая при выдаче ссуд брала с вкладчиков 4½ %, с остальных – 5 %. В 80-х гг. в селе Екатериновка появится сельский банк, выдававший ссуду под 10 % годовых. Но нередко крестьяне не могли получить кредиты из-за отсутствия денег в таких банках. В 1875 г. возник Дубово-Уметский сельский банк с первоначальным капиталом в 10 тыс. руб. Вкладчики брали ссуду с уплатой 10 %, остальные – 15 %. Банк существовал в интересах состоятельных хозяйств. Были организованы также Ново-Костычевское, Чекалинское, Петропавловское ссудо-сберегательные товарищества, Краснодонская, Старо-Дворянская волостные кассы[99]. Но, как отмечали земские статистики, из 10 кредитных учреждений только 2 вполне отвечали поставленной цели. Из-за недостатка кредитных учреждений крестьяне ежегодно вынуждены были занимать деньги у ростовщиков, выплачивая 40 % или отрабатывая в их хозяйствах.

Новый этап в развитии ссудо-сберегательных и кредитных товариществ начался в первые годы XX века[100]. Особенно быстро росло число кредитных товариществ (см. табл. 8.2). К 1913 году в 307 товариществах насчитывалось 186 895 крестьянских хозяйств; в 1916 году в губернии было уже 320 кредитных товариществ[101].

Таблица 8.2

Динамика развития общественных учреждений мелкого кредита в Самарской губернии

Годы	Число	Кредитные товарищества			Ссудо-сберегательные товарищества			
		Число	Осталось к 1 января		Число	Число членов	Осталось к 1 января	
			ссуды	вклады			ссуды	вклады
1901	1	21	1025	–	5	564	34 864	5354
1902	2	225	2662	421	3	196	18 858	1912
1903	20	3024	32 589	2912	5	763	32 300	7771
1904	46	14 145	214 349	41 472	4	801	36 110	8503
1905	71	25 031	351 263	63 350	4	811	38 419	12 716
1906	81	36 228	718 029	143 090	3	737	24 222	6691
1907	105	54 525	1 416 640	70 167	2	236	21 648	12 885
1908	138	77 292	1 652 127	539 915	2	147	11 910	1274
1909	157	91 019	1 974 865	876 306	3	984	47 195	24 792
1910	178	113 405	2 095 584	1 259 127	3	1036	51 397	24 872
1911	196	127 520	4 274 920	1 851 301	3	1117	55 200	55 172
1912	192	147 762	5 569 905	2 702 451	4	1546	92 453	16 754
1913	307	186 895	6 736 069	4 080 959	7	3090	151 154	42 615

В меньшей степени развивались ссудо-сберегательные товарищества: в 1901 году их было 5; в 1913 г. – 7, в 1916 г. – 10. Невелико было и число членов этих общественных организаций. Судя по всему, крестьяне губернии отдавали предпочтение кредитным товариществам, куда уже в 1906 г. внесли вкладов на сумму свыше 1,4 млн руб., а в 1913 г. – на 6 736 069 руб. На 1 января 1917 г. в этих учреждениях состояло до 54 % всех крестьянских хозяйств (263 246 дворов). «Наибольший процент участников, – писал корреспондент журнала "Земская жизнь", – составляют хозяйства экономически более крепкие»[102]. Кредитные товарищества быстрее росли в Николаевском уезде. Так, в 1910 г. здесь насчитывалось 46 товариществ, в Бузулукском – 43, в Самарском – 18, в Бугурусланском – 17, Ставропольском – 15, Новоузенском – 7[103].

Итак, кредитная кооперация получила широкий размах в Самарском крае. Кредитные товарищества занимались выдачей ссуд сначала под залог хлеба, а затем и земли. Ссуды шли на аренду земли, покупку скота, сельскохозяйственного инвентаря и семян.

Кроме них существовали еще и сельскохозяйственные общества, становление которых шло очень сложно. О трудностях в деятельности этих учреждений много писал журнал «Вестник кооперации»: «Знаменитое Алексеевское сельскохозяйственное общество Самарской губернии, известное всем своим первым в России кооперативным элеватором, влачит жалкое существование. Элеватор, стоивший 35 тысяч, уже 2 года стоит пустой. Ново-Майновское сельскохозяйственное общество, одно из старых и деятельных, уже подумывает о передаче своих экономических мероприятий (с/х склад) местному кредитному товариществу. Владимирское, Обшаровское, Никольское и другие бездействуют. Некоторые существуют лишь на бумаге»[104].

Об эффективной деятельности кредитной кооперации «Торгово-промышленная газета» писала в 1913 г.: «К настоящему времени в ней [Самарской губернии] имеется 230 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ с общим балансом (на 1 октября 1912 г.) свыше 6700 тыс. руб., причем 3,1 млн рублей составляют вклады сбережений местного населения, с общим числом членов 155 тыс. человек. Кредитные кооперативы вынесли благополучно и тяжелый неурожай 1911 г., и частичный неурожай текущего и оказали огромные услуги в годину бедствия. В настоящее время прочное положение дел кооперативных – в отношении простейших операций – ссудной и вкладной мало озабочивает их руководителей; интерес привлекается более сложными операциями, выдачей ссуд под обеспечение арендного надела и организации сбыта хлеба с помощью зернохранилищ»[105].

В 1914 г. хлебозалоговыми операциями и устройством зернохранилища губернии занимались 174 кредитных товарищества[106]. В хлебозалоговых операциях участвовала чаще всего деревенская верхушка, иногда середняки. «В Самарской и Уфимской губерниях ссудами под залог

хлеба в большинстве пользуется состоятельный элемент деревни. Бедняку, продающему 20–30 пудов хлеба, залоговая операция особой пользы принести не может... Выдавая ему вместо полной стоимости хлеба только две трети или три четверти ее, его лишают тех рублей, которые ему крайне необходимы сейчас для расплаты с податью и срочными долгами»[107]. В этой связи Бугурусланское земство ходатайствовало в 1910 г. перед правительством о том, чтобы размер ссуд под залог был увеличен до 100 % вместо существовавшего по правилам Государственного банка в 2/3 рыночной оценки. Эта мера способствовала бы как развитию ссудных операций, так и выгодной реализации урожая.

Мобилизацией крестьянских свободных средств и использованием их для интенсификации сельского хозяйства занимались также вспомогательные сберегательные кассы. В 1904 г. насчитывалось 177 касс с оборотным капиталом 2 229 171 руб., к 1910 г. их число возросло до 215, а сумма оборотного капитала – до 2 481 418 руб.[108]

Росту низовой сети кооперативных учреждений в немалой степени способствовала столыпинская земельная реформа, в ходе которой были сделаны первые шаги по интенсификации земледельческого производства: организация опытных хозяйств и полей, введение многопольной системы севооборота, более широкое применение удобрений и улучшенных сортов семян и пород скота. Видимо, в этой связи предпринимаются шаги по созданию межгубернских кооперативных союзов. Так возникло Волжско-Камское сельскохозяйственное товарищество, членами которого могли быть крестьянские общества и сельскохозяйственные кооперативы Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской и Уфимской губерний. Это объединение полагало заняться организацией экспорта хлеба за границу, поставкой сельскохозяйственной продукции в казну, земства и другие учреждения, а также хранением хлеба и выдачей ссуд под него[109].

Тяга к созданию союзов особенно возросла в период Первой мировой войны, когда в их деятельности на первый план выступили посреднические операции. В 1916 году в Самарской губернии возникли кооперативные союзы: Кинель-Черкасский (17 товариществ), Мелекесский (32), Березовский (10), Новоузенский (27); в 1917 году – Бугульминский союз (32 товарищества), затем Бузулукский (54). «Более значительными оборотами, доходящими до 3-х млн руб., отличается Мелекесский союз», – сообщал в докладе о союзе кооперативов В.Д. Бойко[110].

О масштабах деятельности кредитных товариществ в период войны можно судить по таким данным: «За время войны с 1 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. кредитными товариществами было выдано ссуд 183 872 на 19 263 684 руб., в том числе непосредственно под залог сельскохозяйственных продуктов 13 584 ссуды на 2 495 630 руб.»[111]. Следует также отметить участие земств в хлебозаготовительных операциях. Бугульминское, Бугурусланское, Бузулукское, Сызранское, Самарское, Новоузенское земства через кредитные товарищества занимались выдачей ссуд

под залог хлеба. Кредитные товарищества и другие кооперативные учреждения органично включились в финансовую систему страны. И все-таки кредитная кооперация делала в губернии лишь первые шаги. В товарищества, как правило, объединялись экономически крепкие хозяйства. Учитывая тот факт, что в зоне преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции превалировал крестьянин-бедняк, задавленный долгами и отработками, следует признать, что значительная часть крестьянских дворов была вне сферы деятельности кооперативов и по-прежнему пользовалась услугами ростовщиков.

Как видим, «живые» остатки крепостничества сохраняли свое значение и в этой важнейшей сфере экономической жизни страны. И тем не менее был прав виднейший экономист А.В. Чаянов, когда весьма высоко оценивал роль крестьянской кооперации в развитии земледельческого производства и мелкой промышленности. Кооперация как бы перерождала деревню, внося в нее новые формы и приемы ведения хозяйства[112]. Прогресс в эволюции крестьянских хозяйств, несомненно, был, но он затронул наиболее состоятельную часть деревни и в меньшей степени основную массу беднейших хозяйств.

§ 4. ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ

Земледельческое производство являлось главной отраслью крестьянского и помещичьего хозяйства в крае. Конечно, на специализацию сельского хозяйства наложили яркий отпечаток климатические и почвенные условия, особенности колонизации Самарского Заволжья. Приходя из разных районов страны, крестьяне приспосабливались к местным условиям, не только использовали многовековой опыт предков, но и искали новые приемы и способы ведения хозяйства. Многое давало общение с коренным населением Поволжья: татарами, чувашами и мордвой, немало ценного русское крестьянство почерпнуло из опыта немцев-колонистов. Все это не могло не влиять на темпы освоения края, и в 30–80-е гг. XIX столетия в заволжских степях возник новый район торгового зернового земледелия, ставший крупнейшей житницей Европейской России.

Влияние рынка на эволюцию крестьянских и помещичьих хозяйств было весьма существенным. Рынок определял структуру посевов, количество земли, занятой той культурой, которая пользовалась повышенным спросом. В конечном счете под воздействием рынка крестьяне и помещики вынуждены были использовать усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь и машины, вносить удобрения, применять новые агротехнические приемы; иными словами, земледельцы порывали с традиционной технологией и вводили новую агрикультуру, переходили от экстенсивных методов земледелия к интенсивным.

Для развития торговли хлебом важное значение имело наличие крупных торговых центров, соединенных между собой транспортными артериями. Помимо сухопутных дорог, соединявших в единое целое всю губернию, важное значение имела Волга и ее многочисленные притоки. Благодаря удобному волжскому транспорту у производителей зерна создались благоприятные условия для сбыта продукции. До Первой мировой войны по Волге и ее притокам проходило до 54 % всех грузов, перевозившихся водным путем. Основную массу волжских грузов составляли хлеб, нефть и лес[113]. Кроме того, Самарский край был покрыт сетью железных дорог, а Самара была крупнейшим железнодорожным узлом, связанным с Центральной Россией, Уралом, Средней Азией. Строилась Волго-Бугульминская железная дорога, проходившая через такие земледельческие уезды, как Самарский и Бугульминский.

Как внутренняя, так и внешняя (за пределами губернии) торговля зерном зависела от многих факторов, и в первую очередь от хозяйственной конъюнктуры, урожая хлебов, высоты цен, близости или удаленности производителей от рынков сбыта, состояния дорог и т. д. Внутренний хлебный рынок начал формироваться еще в дореформенный период. В географическом плане он представлял собой несколько концентрических кругов, которые чаще всего налагались друг на друга. Иногда эти круги выходили за пределы края, на территорию соседних Саратовской, Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний.

Самара была крупнейшим центром транзитной торговли хлебом и переработки зерна. Здесь находились самая большая в России хлебная биржа, 10 паровых мельниц. Основателями самарского мукомолья были купцы 1-й гильдии, возглавлявшие крупные торговые дома: Смирнов, Субботин, Курлин, Шихобалов, Башкиров с сыновьями, Ромашовы, Соколовы. Многие из них были крупными помещиками, экономии которых приносили высокий чистый доход. Своеобразным чемпионом среди самарских мукомолов был А.Н. Шихобалов, который ранее (в 60–70-е годы XIX в.) выгодно торговал салом.

Самарская мука получила высокую оценку на первой всероссийской выставке. Эксперты считали, что русская мука не уступает по своим качествам американской, английской и голландской[114]. Особо высоко ценилась мука, получаемая из самарской пшеницы-белотурки, и Самару многие называли столицей крупчатки[115].

Жители сел и деревень, расположенных в радиусе 70–80 км от Самары, везли хлеб на продажу в губернский центр. Северные волости Самарского уезда – Липовская, Чистовская, Тенеевская, Константиновская, частично Александровская, Степно-Шенталинская, Зубовская и Петропавловская – пшеницу продавали в Самаре, а рожь и гречиху везли в Мелекесс или в Чистополь Казанской губернии. Крестьяне южных волостей Самарского уезда везли хлеб в Сызрань, на Васильевскую пристань и в торговые села – Екатериновку и Обшаровку. Лишь

часть пшеницы из этого района поступала на самарский рынок. Торговля хлебом велась также в селах Красный Яр, Дубовый Умет, Зубовка. Крупные партии зерна, преимущественно пшеницы, поступали из южных районов края в слободу Покровскую, где также функционировала хлебная биржа. Этот крупный хлебный рынок находился на перекрестке волжского пути с железнодорожными линиями на Новоузенск и Николаевск. «Сюда стекался хлеб из-за Заволжья, съезжались саратовские, нижегородские, костромские, ярославские, самарские и другие мукомолы. В 1910 году Покровская хлебная биржа имела оборот в 20,6 млн пудов»[116]. Важное значение имел Балаковский хлебный рынок – здешняя биржа имела оборот до 7 млн пудов зерна[117]. В Николаевском уезде хлеб продавался также в с. Марьевка. Более 7 млн пудов поступало на рынок в с. Ровном, около 4 млн пудов – в Баронск[118].

В неурожайные годы хлеб скупался в районах, прилегающих к Оренбургско-Ташкентской, Самаро-Златоустовской и Симбирской железным дорогам. Влияние железнодорожной сети на развитие торгового зернового земледелия было огромно. Видный земский статистик Г.И. Баскин отмечал: «Железнодорожный участок Мелекесс – Бугульма был открыт в 1911 году, но не прошло и пяти лет, как проведение новой железнодорожной линии успело сказаться на переоценке прежде существовавших пунктов экономического тяготения: появились новые рынки, такие как Кошки (Погрузная), Шентала и Клявлино. С их возникновением ослабело прежнее значение таких центров, как Мелекесс, Чистополь и Бугульма. Под влиянием тех же причин сфера влияния Бугульмы расширилась, отодвинувшись далее на север и отвоевав некоторую территорию от Челнов. Вся эта перегруппировка приблизила целый ряд населенных пунктов к рынкам сбыта, повысила цены на продукты сельского хозяйства в местах их производства и, следовательно, повлияла и не могла не повлиять на рост интенсификации разных отраслей крестьянского хозяйства в этих районах»[119].

В Бузулукском уезде крестьяне везли хлеб на продажу в Бузулук, Борское, Новотроицкое, Утевку, Тоцкое, крепость Сорочинскую; в Бугурусланском – в уездный центр, в слободу Кинель-Черкасскую и пригород Сергиевск. В Ставропольском уезде крупное значение в торговле имел Ставрополь, стягивавший до 2 млн пудов зерна. С самарским хлебным рынком, кроме казанского, саратовского, сызранского и оренбургского, был тесно связан уральский рынок. В качестве продавцов хлеба на нем выступали казаки и крестьяне Николаевского и Новоузенского уездов.

За пределы губернии хлеб вывозился водным путем и по железным дорогам. Самарская пристань могла обслуживать около 50 пароходов. В районе Хлебной площади находилось большое количество амбаров, вмещавших свыше 12 млн пудов. На железнодорожной станции также были построены зернохранилища. Накануне Первой мировой войны на правом берегу Самары был построен элеватор емкостью 3,4 млн

пудов[120]. «Самара является одним из важнейших в империи рынков по торговле хлебом, преимущественно пшеницей, скотом, салом; важное значение имеет также торговля шерстью, кожами и сырьем, получаемым из киргизских степей»[121]. Зерно и мука шли водным путем в Казань, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и Рыбинск, затем – по Мариинской системе – в Петербург или по Николаевской и Виндаво-Рыбинской железным дорогам – в Петербург и Ригу. Использовались также Казанская и Рязанско-Уральская железные дороги. Часть хлеба и муки поступала с волжских пристаней в Ростов-на-Дону и Новороссийск. Потребителями хлеба, кроме Верхнего и Нижнего Поволжья, были Средняя Азия и Сибирь. Через порты Черного моря самарская мука шла в Италию, а через балтийские – в Англию.

По данным официальной статистики, с 1900 по 1913 г. произошел рост вывоза по железным дорогам хлебных грузов из губернии на 222 %, или, в абсолютном выражении, с 36 796 тыс. пудов до 81 683 тыс.; в том числе пшеницы – с 21 813 тыс. пудов до 49 657 тыс. пудов (на 228%)[122]. Эти данные говорят о снижении доли серых хлебов в товарообороте и резком возрастании значения пшеницы. Эту же тенденцию, но на основе анализа структуры посевных площадей отмечал Г.И. Баскин: «С 1895 по 1909 год на надельных землях наблюдается неуклонное падение ржи и овса и относительное возрастание посевов пшеницы». В Николаевском уезде под пшеницей находилось 72 % посевной площади, рожью – 9 %, овсом – 7 %, ячменем – 5 %, просом – 5 %. В Бузулукском уезде удельный вес посевов пшеницы составлял 70 %[123]. В целом на юге Самарского, Бугурусланского, в Бузулукском, Николаевском и Новоузенском уездах было сосредоточено до 93 % посевов пшеницы[124]. Рост посевов пшеницы был вызван тем, что при продаже она давала доход больше, чем рожь. Высевались, главным образом, такие сорта пшеницы, как «белотурка», «кубанка», «египетка», «полтавка», «русская», «сандомирка». Высокой была товарность пшеницы. В Самарской губернии товарная масса яровой пшеницы составляла в 1903–1913 гг. 84 млн пудов, ржи – 11,5 млн пудов, ячменя – 150 тыс. пудов, овса – 707 тыс. пудов[125]. Г.И. Баскин считал, что общая величина товарообмена Самарской губернии составляла в среднем в год 184 977 910 пудов, причем на вывоз за пределы губернии приходилось 108 844 480 пудов, на ввоз – 80 733 430 пудов (56,3 и 43,7 % всего грузооборота соответственно). По железным дорогам привозилось 87 454 660 пудов (47,3 %), водным путем – 97 523 350 пудов (52,7 %). Основу вывоза из губернии составляли хлебные грузы – 70 443 250 пудов (67,7 %, или более 2/3 от общего количества вывозимых товаров), в их числе на зерновые хлеба приходилось свыше 56 млн пудов (80 %), на муку – 11,2 млн пудов (16 %), крупу – 1,9 млн пудов (37 %)[126]. В урожайные годы из Самары вывозилось от 70 до 90 млн пудов зерна и муки. Часть зерна шла на переработку на спирт и пиво.

Такова в общих чертах товарность зернового производства края в дореволюционный период. Добавим, что она, безусловно, зависела от высоты урожая хлебов. Тот же Г.И. Баскин писал, что в 1911 г. из-за неурожая губерния не собрала 57,1 млн пудов зерна. Но размеры погодных чистых излишков в 1912 г. составили 58,2 млн пудов, в 1913 г. – 110,8 млн, в 1914 г. – 21,5 млн, а в 1915 г. – 101,7 млн пудов[127].

При расчетах товарности сельскохозяйственного производства нельзя пройти мимо проблем товарности крестьянских хозяйств. В этой связи особый интерес представляют расчеты крестьянских бюджетов, которые производились земскими статистиками и агрономами. Так, А. Бажутин считал, что для потребления в собственном хозяйстве крестьянин должен оставлять около 200 пудов зерна. Так как 1 десятина дает урожай 30 пудов, а 8,4 – 255 пудов, то он может вывести на рынок только 55 пудов, за которые при продаже получит доход 45 рублей 65 копеек, и из этих денег надо было уплатить налоги, повинности, купить предметы первой необходимости. «Семья из пяти человек не может прожить в год на 45 рублей 65 копеек»[128]. Для большинства крестьянских семей продажа хлеба была вынужденной.

Во внутренней торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами участвовали все слои самарской деревни. Некоторые современники отмечали наличие большого числа черт патриархальности в психологии, внешнем виде и быте крестьян. Но, соблюдая традиции и почитая старину, крестьяне все более ориентировались на рынок. Образно говоря, их телега была повернута оглоблями на ближайшее торговое село, пристань, железнодорожную станцию или город. Большой знаток деревенской жизни Г.Н. Костромитинов отмечал: «Нужда у населения всегда так велика, что гонит на рынок крестьянина с такой настойчивостью, при которой рассуждать о выгодности условий сбыта в громадном большинстве случаев не приходится»[129]. Обычно основная масса крестьян продавала хлеб осенью, сразу же по окончании сельскохозяйственных работ, когда на рынке были самые низкие цены. Именно осенью крестьяне должны были уплачивать налоги и другие сборы, долги за аренду земли и т. д. Ожидать поднятия цен они не могли, так как других источников дохода не было, а потому в силу необходимости на продажу шел весь урожай.

«В известный период времени, – писали земские статистики, – после уборки хлебов, всякий крестьянин делается торговцем: и осень, и зиму положительно почти все надельные домохозяева каждой деревни везут на продажу в разные торговые пункты пшеницу, рожь, полбу, просо и гречу. Артельное начало и здесь при перевозке хлеба из дальних волостей применяется в полной силе»[130].

Интересны взаимоотношения крестьян и купцов на рынке. Чистопольские купцы вели себя с продавцами иначе, чем самарские: они

не брали с крестьян платы за ночлег, за каждый проданный воз давали по 5 копеек на водку: В Самаре крестьяне с овсом останавливались на Троицком рынке, с рожью – на так называемом «вшивом базаре» около Александровского сада, с пшеницей – вблизи «старого собора». К хлебным возам нередко наведывались «мартышки» – ссыпщики хлеба в амбары – и нагло растаскивали хлеб по карманам горстями. У самарских купцов часто «не хватало» гирь, в ходу были только пудовые и двухпудовые, а потому крестьяне продавали хлеб «с походцем». Писатель Н.Г. Гарин-Михайловский оставил описание тактики купцов на хлебном рынке: «Вся хлебная торговля сосредоточена в руках 5–6 купцов, которые и покупают его по очереди на базаре, делая так называемую "одну руку". Смотря по надобности, купцы повышают или понижают цены. Мало хлеба на базаре – цена повышена, слух быстро разносится по деревням, и хлеб в изобилии появляется на рынке. Тогда купцы сбавляют цену, зная, что назад хлеб не повезут»[131].

На осенней продаже крестьяне-бедняки теряли от трети до половины прибыли. В отличие от них, состоятельные крестьяне и помещики продавали хлеб весной, когда цены были высокими. Тот же Н.Г. Гарин-Михайловский весной продал в Рыбинске большую партию хлеба на 17 копеек дороже против цены в Самаре и получил прибыли на 25 % больше.

«Купец, приобретший мой хлеб, покупал, конечно, не для себя, и тоже, вероятно, постарается заработать процентов 25. Что было бы, если бы из этих 50 % попало 30 % в карман производителя, читатель? А то, что можно было бы хозяйством заниматься, хлеб сеять, а не разоряться»[132].

Монопольное положение на хлебном рынке занимали купцы, выполнявшие роль посредников между производителем сельскохозяйственной продукции и потребителем. «Обыкновенные клиенты Госбанка – крупные скупщики хлеба, их векселя составляли примерно четверть всех учтенных», – докладывал управляющий симбирским отделением Государственного банка[133]. Тактика хлеботорговцев состояла в том, чтобы, скупив как можно больше зерна, дождаться высоких цен на рынках сбыта, а потому они не нуждались в кредите.

Начало XX столетия характеризуется активной деятельностью финансовых учреждений, в их числе Государственного банка России, на хлебном рынке. Эта активность проявлялась как во внутренней торговле, так и в экспорте зерна. По данным Министерства торговли и промышленности о хлебной торговле в России за 1910 год, Самарская губерния стояла на втором месте в стране по запасам пшеницы и ржи. Именно в это время из края было вывезено зерна на сумму около 50 млн рублей, причем половина его пошла на экспорт. В отчетах Самарского отделения Государственного банка постоянно подчеркивалось,

что наиболее перспективная отрасль – зерновое производство, особенно выращивание твердых сортов пшеницы. «Сельскому хозяйству здесь предстоит большая будущность», – писал управляющий отделением в 1910 году[134].

Экспортная торговля требовала миллионных капиталов. Их можно было составить путем акционирования. Поэтому в мукомольном производстве и торговле хлебом развернулось создание акционерных обществ, укреплялись позиции крупнейших хлебопромышленников. В результате в предвоенные годы важнейшие позиции в хлебной торговле захватили несколько торгово-промышленных товариществ: Стахеева, Башкировых, Соколовых, Мамошкина, Чернонебова и Рукина.

Примерно с 1910 г. многие коммерческие банки занялись комиссионными операциями с хлебом и торговлей от себя[135]. Банки становятся главными посредниками между производителями хлеба и зарубежными покупателями. Осенью банки отправляли из Самары до 50 вагонов в день[136].

Хлебная торговля в губернии все более попадала под контроль частных коммерческих банков (табл. 8.3).

Таблица 8.3

Сеть отделений и агентств иногородних коммерческих банков в Самарской губернии

Название банка	1911 год		1913 год	
	Отделения	Агентства	Отделения	Агентства
Русский торгово-промышленный	6	3	10	3
Русский для внешней торговли	5	3	5	4
Русско-Азиатский	3	3	4	7
Волжско-Камский	4	–	4	2
Санкт-Петербургский международный	1	1	2	1
Северный	2	1	–	1
Азовско-Донской	1	–	1	–
Башкирская контора товарищества «Босс и К°»	1	–	–	–
Всего	*23*	*11*	*26*	*18*

Из таблицы 8.3 видно, что перед Первой мировой войной коммерческие банки создали здесь довольно густую сеть представительств, большинство которых приходилось на долю крупнейших банковских монополий России – Русского торгово-промышленного, Русского для внешней торговли и Русско-Азиатского банков, тесно связанных с иностранным капиталом и получавших огромные прибыли от экспортной торговли хлебом. Связанный с французским капиталом Русско-Азиатский банк продвинулся по количеству представительств в губернии с третьего места в 1911 г. на второе в 1913 г. Это отражало общее усиление его позиций в русской экономике.

В губернском центре имели свои отделения 5 иногородних коммерческих банков (Волжско-Камский, Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский и Азово-Донской), а всего насчитывалось 13 банковских учреждений. Наибольшее количество представительств имелось в особо богатых хлебом уездах.

Русский торгово-промышленный банк. Из фондов ЦГАСО

Основными средствами обогащения банков были дорогой кредит и комиссионная торговля. Банки и крупные хлебопромышленники диктовали до войны низкие закупочные цены на хлеб на местных рынках и удерживали высокие экспортные монопольные цены. На поволжских рынках были самые низкие в мире цены на пшеницу. Каждый пуд самарской пшеницы, вывезенный в Англию, давал в 1910 году до 30 копеек чистой прибыли (примерно 23 % продажной цены).

Возрастающую роль коммерческих банков в хлеботорговых операциях в Поволжье можно проследить на примере некоторых уездов Самарской губернии. Так, общий оборот всех банков в Николаевском уезде составлял в 1912 г. более 40 млн рублей, причем на долю местных банковских учреждений приходилось свыше 8 млн рублей, а на отделения коммерческих банков – около 32 млн. Таким образом, кассовый оборот последних превосходил примерно в 4 раза обороты местных банков[137]. В Бузулукском уезде Самарской губернии кредитные операции Русского торгово-промышленного банка составили в том же году более 5 млн рублей, почти в 2 раза превышая сумму кредитных операций местных банковских учреждений.

Обычно коммерческие банки взимали высокий процент – до 10–11 %. Как указывает экономист П.А. Хромов, учетная ставка в России, как и норма прибыли, была в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее разви-

тых капиталистических странах. Это относится как к коммерческим банкам, так и к другим кредитным учреждениям. При этом частные акционерные банки, общества взаимного кредита и городские банки взимали больший процент, чем Государственный банк, и внедрялись в такие глубинные районы Поволжья, где не было отделений Государственного банка.

Местная буржуазия перекладывала тяжесть кредита коммерческих банков на плечи трудящихся. Об этом косвенно говорят данные о среднем уровне заработной платы в средневолжских губерниях. В 1913 г. Симбирская губерния по этому показателю занимала 58-е место, Самарская – 50-е, Казанская – 39-е. Несколько выше был уровень заработной платы в Саратовской губернии, но и здесь он был значительно ниже, чем во многих других районах страны. Подобная же картина наблюдалась и в 1914 г. (при общем росте дороговизны после начала войны). Низкий уровень заработной платы в сочетании с дешевизной хлеба и сырья за счет эксплуатации крестьян обеспечивал особенно высокие прибыли, поэтому российский и иностранный капиталы через коммерческие банки активно внедрялись в хлебные районы губернии.

Накануне Первой мировой войны коммерческие банки развернули в крае широкую коммерческую деятельность, особенно в области торговли хлебом и другими сельхозпродуктами, которая давала высокий доход. Банки содержали штат приказчиков, имели свои склады на многих пристанях и станциях. Государственный банк России пытался оттеснить на второй план коммерческие банки. Особенно это стало заметно в 1909 году в связи с высоким урожаем зерновых почти во всех губерниях России. Государственный банк провел несколько совещаний в столице и основных хлебопроизводящих районах, на которых обсуждался вопрос о строительстве элеваторной системы в стране. Этот вопрос ставился еще в 1888 г. Министерством внутренних дел, которое создало для его изучения комиссию. Последняя сочла необходимым введение «системы хлебных элеваторов по образцу американской». Аналогичная мысль прозвучала на совещании сельских хозяев и хлеботорговцев в 1892 г., а затем на Всероссийском торгово-промышленном съезде в 1896 году. Вопрос о сооружении элеваторов обсуждался и в 1903 г. – на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое приняло постановление об оборудовании элеваторами ряда торговых пунктов. Но, как всегда в России, дело закончилось говорильней – практических шагов по строительству предпринято не было.

Более эффективны были действия земств в этом направлении. В 1888 г. был построен элеватор Елецкого земства: Бугурусланское земство построило 9 простейших зернохранилищ емкостью до 2 млн пудов, которые, как правило, сдавались в аренду крупным торговым фир-

мам[138]. На совещаниях в Самаре и Саратове в 1911 г. были определены наиболее оптимальные населенные пункты для строительства элеваторов. В 1912–1913 гг. элеваторы были сооружены на железнодорожных станциях Неприк, Бугуруслан, Богатое объемом по 300 тыс. пудов; Сорочинская и Абдулино – по 700 тыс. пудов. Элеваторная система, по замыслу чиновников Государственного банка, должна была стать надежным источником прибылей от хлебозалоговых операций.

Конечно, при изучении хлебной торговли нельзя пройти мимо деятельности Самарской биржи, которая была ведущей в России. К сожалению, отсутствие достаточного количества источников затрудняет процесс изучения операций биржи. Ясно одно: она имела связи как с местными хлебными биржами (Покровской, Балаковской, Уральским хлебным рынком), так и с хлебными рынками, поставляющими российское зерно на экспорт (в Санкт-Петербурге, Ревеле, Риге). Самарская биржа, выполняя посреднические операции, занимала ведущее место во внутренней и внешней торговле хлебом.

§ 5. РОЛЬ БАНКОВ И МОНОПОЛИЙ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАЯ

К началу XX в. в экономической жизни Самарской губернии стали явственно просматриваться новые тенденции. Возникают очаги крупного промышленного производства – металлургического, химического, текстильного, строительных материалов. Развитие капитализма вглубь объективно вынуждало предпринимателей заниматься перестройкой и расширением традиционных отраслей экономики, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья[139]. Самарские предприниматели в начале столетия должны были все чаще обращаться за кредитами в банки. Мощное воздействие на экономику в целом оказывали (прямо или косвенно) монополистические объединения. Возникновение новых производств сдерживалось кризисными явлениями в экономике и революционными потрясениями в обществе. Вплоть до 1909 г. сказывалось влияние экономической депрессии. Тем не менее составители «Списка населенных мест Самарской губернии» за 1910 год зафиксировали в Самаре 136 фабрик и заводов, 63 ремесленных заведения, 10 банков, 6 типографий; в Ставрополе – 1 завод, 2 банка, 1 типографию; в Бугульме – 30 фабрик и заводов, 29 ремесленных заведений, 1 банк, 1 типографию; в Бузулуке – 18 фабрик и заводов, 150 ремесленных заведений, 2 банка, 2 типографии; в Николаевске – 4 завода, 20 ремесленных заведений, 1 банк, 2 типографии; в Новоузенске – 20 ремесленных заведений, 1 банк; в Мелекессе – 22 фабрики и завода, 2 банка, 1 типографию.

В целом численность фабрик и заводов росла медленно. В 1899 г. насчитывалось 112 предприятий, в 1907 г. – 159, в 1909 – 308[140]. Среди них преобладали средние и мелкие заведения, в том числе очень небольшие производства по изготовлению сыра, широко распространенные в немецких колониях. В категорию заводов нередко включали крупорушки, мельницы-ветрянки, шерстобойни и т. д. Крупные по тому времени предприятия, такие как чугунолитейный завод Молчанова, механический завод Лебедева, заводы Зуева, Шерстнева, пивоваренный завод фон Вакано, Тимашевский и Богатовский сахарорафинадные заводы, по сути, растворялись в общей массе небольших производств.

Новый этап в развитии промышленности края начался в 1909 г. Он был вызван структурными изменениями в экономике страны в связи с проведением столыпинской земельной реформы и подготовкой к Первой мировой войне. Попытки правительства П.А. Столыпина создать в российской деревне слой земельных собственников из числа хуторян и отрубников привели к усилению спроса на земледельческие машины и инвентарь. В Самарской губернии увеличилось число предприятий, производящих сельскохозяйственный инвентарь: в 1905 г. их было 1, а в 1914 г. – уже 6. Крупнейшим среди предприятий был завод Ф.Ф. Шефера в Николаевском уезде: на нем было занято 350 человек[141]. Наблюдался рост механических и чугунолитейных заводов: с 15 в 1908 г. до 26 в 1914 г.

Крупным событием стало строительство в 1909 г. казенных заводов – Самарского трубочного и Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ на станции Иващенково, положивших начало развитию химической отрасли в регионе.

Исследователь экономики Поволжья кануна Февральской революции Е.Д. Румянцев считает, что Самарская губерния «первенствовала в Поволжье по машиностроительному производству за счет крупного государственного трубочного завода и некоторых других предприятий, прежде всего по выпуску сельскохозяйственных машин», которые составляли 17,8 % от общего числа предприятий данной отрасли в Поволжье. «Несомненно, велика роль губернии в производстве пищевых продуктов: 28,4 % всех предприятий отрасли... На третьем месте в губернии находилась химическая промышленность»[142].

Эти структурные сдвиги, хотя и были значительными, тем не менее не изменили общей направленности развития промышленности губернии. Ведущее место в экономике по-прежнему занимали предприятия пищевой отрасли, в которой на первом месте находилось мукомольное производство, за ним следовало пивоваренное, сахарорафинадное и винокуренное[143].

Мощное воздействие на экономику края оказывали монополистические объединения и банки. Усиление влияния монополий связано

с развертыванием деятельности акционерных обществ. В годы промышленного подъема в крае, как и в других губерниях Поволжья, широко развернулось акционирование в промышленности и торговле, ускорившее процесс централизации капиталов, что стало важной предпосылкой монополизации экономики. Говоря о процессе монополизации экономики России, следует иметь в виду специфические черты российской буржуазии начала XX в., отмеченные одним из виднейших представителей «нового направления» в советской историографии П.В. Волобуевым: «Более консервативная, более политически отсталая, часто далекая от понимания общеклассовых интересов, не знавшая в прошлом парламентарных форм политического и экономического господства капитала»[144], — такова далеко не полная их характеристика. В этот период буржуазия стремилась установить полное господство во всех сферах экономической жизни, и монополии как нельзя лучше подходили для реализации этой цели. В какой-то степени российские предприниматели использовали не только зарубежный опыт, но и копировали государство, которое монополизировало эмиссию денег, железнодорожный транспорт, почту, телеграф, продажу водочных изделий, сахара, табака, безраздельно владело военной промышленностью и т. д.

В 1909—1910 гг. процесс образования крупных акционерных компаний шел, как правило, путем слияния и преобразования ранее существовавших предприятий. Затронул он и волжское пароходство, так как именно здесь нужны были особенно большие капиталы. Крупнейшими компаниями стали «Кавказ и Меркурий», «Восточное общество товарных складов»[145], которые образовались еще в пореформенный период и пережили затем стадию монополизации. Активную роль в конкурентной борьбе за монопольное влияние в волжском пароходстве играли купцы Меркульевы из Царицына и Астрахани, по инициативе которых в 1907 г. было создано акционерное общество «Океан», быстро переросшее в концерн. Используя дочерние предприятия, «Океан» небезуспешно пытался захватить не только добычу соли, но и торговлю ею, активно участвовал в торговле нефтью, керосином и мазутом, имел тесные связи с Русским торгово-промышленным банком. О масштабах его деятельности свидетельствует тот факт, что концерн только в Самарской губернии продал в 1913 г. более 300 тыс. пудов молотой соли. В 1910 г. Меркульевы вместе с киевским купцом Кениным создали Волжско-Черноморское торгово-промышленное общество. В Поволжье появились также товарищество «Медиков и братья Каменские», торгово-промышленное и пароходное общество «Волга».

Банки и монополии пытались взять под свой контроль пищевую промышленность, прежде всего мукомольное, маслобойно-жировое производство, пивоварение и сахароварение. Ведущую роль в этом процессе сыграл торговый дом И. Стахеева, который в годы Первой миро-

вой войны вместе с Путиловым и Батолиным создал военно-инфляционный концерн[146], связанный с Русско-Азиатским банком[147]. В банке видную роль играли французские капиталы. В 1914 г. банк открыл Стахееву кредит в сумме 2 млн руб. под хлебные операции.

Стахеев начал с хлеботорговли в Прикамье, в г. Елабуге Вятской губернии. В прикамских и поволжских губерниях (в том числе в Самарской и Казанской) торговали хлебом миллионеры Батолины. Младший Батолин вошел в товарищество Стахеева, а затем вместе с ним стал одним из крупнейших финансовых воротил России. Прикамье и Поволжье были районами не только хлеботорговой деятельности Стахеева и Батолина. Волжские капиталы сыграли большую роль в формировании и росте будущего концерна Стахеева, развитие которого шло по линии комбинирования предприятий различных отраслей.

Компания Стахеева имела свои пароходы на Волге, а позднее – частные акционерные железные дороги, перевозила хлеб, нефть и хлопок, от перевозок сырья перешла к созданию хлопкоочистительных заводов, хлопчатобумажных мануфактур, нефтепромыслов на Эмбе. Для разработки нефтяных месторождений потребовался лес, заготовкой которого и занялся Стахеев. В погоне за прибыльными делами Стахеев создал рыболовецкую флотилию на Охотском море и лесоразработки на побережье Белого моря. Его концерн внедрился в металлургию Урала, угледобычу в Кузбассе и на Сахалине. Он имел два собственных банка. Несмотря на эти успехи, Стахеев не свертывал хлебную торговлю в Поволжье, дававшую огромные барыши.

В годы Первой мировой войны Стахеев получил выгоднейший контракт на поставки хлеба в армию и перекачал из казны огромные суммы. В этот период группе Путилова – Стахеева – Батолина удалось распространить контроль на акционерное общество Волго-Бугульминской железной дороги, к которому Стахеев испытывал особый интерес и подчинить которое пытался не раз. Еще в 1914 г. товарищество «Стахеев и К°», Камско-Вятское торговое товарищество и ряд других елабужских фирм обратились к правительству с ходатайством о строительстве железной дороги от Бугульмы к богатому хлебному селу Челны, где в течение сезона закупалось до 8 млн пудов хлеба. Однако истинная цель прошения вскоре стала ясна из хлынувшего в Министерство торговли и промышленности потока писем представителей местных деловых и официальных кругов, разоблачавших намерения просителей. В адрес Совета Министров 27 мая 1914 г. было направлено представление от министров путей сообщения С.В. Рухлова и финансов П.Л. Барка. В нем указывалось, что елабужские и челнинские хлеботорговцы-монополисты стремятся удержать население в кабальной зависимости и требуют проведения трассы для того, чтобы скупать зерно у местного населения по низкой цене[148]. После создания в 1916–1917 гг. акционер-

ного общества казанских мельниц Стахеев стал полностью контролировать хлеботорговлю в Поволжье, Центре и на Юге России.

В начале XX в. в экономику края проникают крупнейшие монополии, в том числе Вогау, которая занимала монопольное положение в торговле медью (через синдикат «Медь»), чаем (товарищество «Караван»), содой (товарищество «Любимов, Сольвэ и К°»). С 1908 г. монополия Вогау контролировала товарищество Богатовского сахарного завода; затем контрольный пакет акций перешел к Азово-Донскому банку, а управляющий Самарским отделением банка стал директором-распорядителем товарищества. В 1916 г. банк продал пакет акций товариществу «Зерно-сахар», связанному с группой Стахеева. Надо иметь в виду, что Богатовский сахарный завод имел синдикатское соглашение со Всероссийским обществом сахарозаводчиков. В этот же синдикат входил Тимашевский сахарный завод — собственность удельного ведомства[149]. Это наглядно свидетельствовало, что производство на этих заводах развивалось в интересах монополий.

Господство монополий не устраняло конкуренции, а порождало ряд острых противоречий. Формой их проявления стала борьба за квоты внутри монополий. Например, в синдикате сахарозаводчиков в результате установления заниженных квот сдерживался рост производства, вздувались цены, шла острая конкурентная борьба крупнейших предприятий с более мелкими, не вошедшими непосредственно в состав монополии, но попавшими в фактическую зависимость от нее.

Процесс централизации капитала (путем акционирования) охватывал одну отрасль экономики Поволжья за другой. В маслобойно-жировой промышленности крупнейшими акционерными компаниями стали общество Волжско-Камского маслобойного и химического заводов (утверждено в 1913 году) и компания «Салолин» (существовала с 1910 года). Владельцы последней получали большие прибыли от производства и продажи салолина — заменителя натурального животного жира, использовавшегося для мыловарения. Деятельность этой компании особенно характерна для экономических отношений периода империализма. Компания создала «дочернее» общество при помощи кредитов Русско-Азиатского банка[150], получившего под залог пакет акций «Салолина» и передавшего его концерну Стахеева, под контролем которого уже было конкурировавшее с «Салолином» общество «Саломас», действовавшее на юге. В 1917 г. «Салолин» и «Саломас» стали собственностью Стахеева.

В пивоваренной промышленности выделились крупнейшие акционерные компании: в Самаре — фон Вакано, в Казани — товарищества Александровых и «Восточная Бавария»[151]. В ходе конкурентной борьбы основные рынки сбыта пива в Поволжье и соседних районах оказались фактически поделенными между самарскими и казанскими пивоварами.

Акционирование развертывалось также в производстве химических изделий и строительных материалов. В производстве химических продуктов в Поволжье преобладали товарищества Ушкова и Понизовкина.

Монопольное положение заняли сызранские асфальтовые заводы, использовавшие единственное тогда в стране крупное месторождение высококачественных бутаминозных известняков. Кроме сызранских заводов имелись небольшие заводы в Киеве и Варшаве, производившие асфальт в сравнительно малом количестве и более низкого качества; завод в Керчи, не выдержав конкуренции, вынужден был закрыться.

Так одна за другой основные отрасли промышленности и торговли Поволжья попали под контроль крупнейших акционеров и банков.

По сословному положению крупные акционеры края происходили в основном из богатых волжских купцов. Участниками ряда акционерных обществ были также помещики, например графы Орловы-Давыдовы, Ростовцевы и некоторые другие.

Для действовавших в этом районе акционерных обществ был характерен большой размер первоначального капитала (до 1—3 млн руб. — в пищевой промышленности, 5—6 млн руб. — в пароходстве и железнодорожных акционерных товариществах). Ежегодные дивиденды многих акционерных компаний составляли 10—12 %, а в годы войны волжские миллионеры нажили на казенных поставках и других спекулятивных операциях колоссальные состояния. Так, у товарищества Соколовых в 1915 г. дивиденд составил 35 %; основной капитал компании «Салолин» вырос с 2 млн 200 тыс. руб. в 1910 г. до 10 млн в 1916 г. и 40 млн в 1917 г.; баланс концерна Стахеева в 1917 г. превысил 300 млн руб., а оборот связанных с ним предприятий составил более миллиарда рублей (при этом надо иметь в виду, что в балансах акционерных обществ всячески преуменьшались прибыли).

Ряд акционерных компаний имел архаичные особенности — семейно-паевой характер, высокий размер пая. Так, в товариществе Башкировых один пай составлял 5 тыс. руб., в товариществе Крестовниковых — 2 тыс. руб., в товариществе Соколовых были установлены именные паи по 1 тыс. руб. каждый. В дальнейшем некоторые акционерные общества уменьшили размер пая. «Салолин» через несколько месяцев после своего создания уменьшил размер пая (стоимость акции) с 250 руб. до 100 руб., товарищество Сызранского асфальтового завода с 1 тыс. руб. до 200 руб. В обоих случаях это привело к ускорению перепродажи акций на столичных фондовых биржах и усилению зависимости от банков.

Процесс дальнейшей централизации капиталов шел путем поглощения одних компаний другими, их слияния и установления финансового контроля банков. Так, из двух сызранских акционерных обществ, производящих асфальт, в ходе конкурентной борьбы победило более сильное Сызранско-Печерское, купившее в 1914 году предприятие своего конку-

рента[152]. В 1913 г. произошло слияние двух волжско-каспийских компаний – пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и «Восточного общества товарных складов», тесно связанных с финансовой группой Гессена – Демкина. Укрупненное общество стало основой быстро растущей пароходной монополии.

Таковы основные черты процесса централизации капитала в Самарском крае, который привел здесь, как и в других районах, к росту влияния промышленных и банковских монополий, к обогащению крупнейших финансовых дельцов. Настоящими хозяевами в промышленности и торговле становились крупные акционеры, финансовый капитал, при этом господство монополий и банков переплеталось с государственной монополией.

Накануне Первой мировой войны и в военные годы наблюдался рост государственно-монополистических тенденций. Это сказалось прежде всего в том, что экономика крупных казенных заводов оказалась теснейшим образом связанной с интересами капиталистических монополий. Сущность этого явления состояла в получении частными компаниями растущих прибылей за счет государства. Хотя продукция казенных заводов военного ведомства была внеконкурентной, но по разным каналам (поставки сырья, строительство) капиталистические монополии извлекали из этого источника огромные прибыли. Они выкачивали средства из казны, получая выгодные контракты на строительство и расширение заводов, на поставки строительных материалов, оборудования, сырья и топлива. Это достигалось путем установления высоких монопольных цен на металл, нефтепродукты и уголь, спекулятивного повышения расценок на оборудование и строительные работы.

Трубочный завод. Из фондов ЦГАСО

В Самарской губернии велись большие работы по строительству и расширению казенных заводов. Для частных акционерных компаний это стало настоящим золотым дном. В сентябре 1911 года был открыт Самарский трубочный завод, который затем непрерывно расширялся и стал крупнейшим предприятием. В годы войны на его расширение было ассигновано более четырех миллионов рублей.

В 1915 г. цены на станки и оборудование, поставленные для завода, возросли в два раза. В поставках участвовали и иностранные компании. На таких операциях наживались русские и иностранные банки.

В городском хозяйстве также сказывалось влияние монополий. В 1915 г. «Бельгийская акционерная компания» электрических трамваев и освещения занималась строительством, оборудованием и введением в строй трамвая в Самаре. С бельгийским капиталом было связано товарищество Жигулевского пивоваренного завода фон Вакано.

Формы внедрения иностранного капитала в экономику края были различными: технические конторы, представительства при русских торгово-промышленных фирмах, а также собственные склады и магазины иностранных фирм. Из восьми технических контор в Самаре пять были связаны с иностранным капиталом (Сименс и Гальске, Клодт и др.). В Самаре была открыта американская контора по продаже тракторов «Интернационал» и другой сельскохозяйственной техники. Сборка тракторов велась в Самаре и Москве, отпускались они на льготных условиях, с рассрочкой платежа на 2 года в 3 срока[153]. В 1913 году было продано 6 тракторов[154]. Иностранным электротехническим оборудованием торговали самарские магазины Торопова, Полякова, Кеницера. Торговый дом бр. Клодт имел техническую контору и склады в Самаре и Сызрани. В Самаре существовало отделение товарищества по устройству мукомольных мельниц «Эрлангер и К°», на складе которого имелось мельничное оборудование иностранных заводов. С иностранным капиталом были тесно связаны действовавшие в губернии российские монополии Вогау, Стахеева, «Продамет», «Продуголь», бр. Нобель и др.

В поволжской деревне дорогостоящая иностранная техника появлялась в те годы в незначительном количестве, лишь в некоторых зажиточных хозяйствах и у отдельных обуржуазившихся помещиков. Большинство помещиков и сельских хозяев предпочитало использовать дешевые крестьянские руки и примитивную сельскохозяйственную технику. Низкий технический уровень сохранялся и в промышленности.

С общим процессом развития государственно-монополистического капитализма было связано и положение на рынке металла в годы войны. В августе 1914 г. правительство создало ряд так называемых особых совещаний по обороне во главе с «Особым совещанием для обсуждения и объединения мероприятий по обороне». На периферии возникли местные органы Особого совещания по обороне – так называемые

заводские районные совещания. Поволжские губернии оказались в ведении Нижегородского и Ростовского-на-Дону заводских совещаний. Эти меры стали важным звеном в процессе развития государственно-монополистического капитализма в России. В руках капиталистических монополий оказался аппарат государственного регулирования производства и распределения.

Важную роль в системе аппарата военно-бюрократического регулирования стал играть главный комитет по делам металлургической промышленности. Он был теснейшим образом связан с синдикатом «Продамет», который стал поставлять металл по удостоверениям-заказам комитета. В октябре-ноябре 1916 г. Самарский трубочный завод получил по таким заказам через Саратовскую контору «Продамета» большую партию металла с заводов Русско-Бельгийского общества в Енакиево, Донецко-Юрьевского металлургического общества (Дюмо) и некоторых других. Поставки цветных металлов шли через синдикат «Медь», который в 1907—1916 гг. был в руках группы Вогау. Уральский синдикат «Кровля» был вытеснен обществом «Продамет» с поволжского рынка сортового железа, но сохранил за собой поставки кровельного железа.

Некоторые казенные заводы были крупными потребителями кислот. Большие партии кислот поставлялись Самаро-Сергиевскому казенному заводу. Документы свидетельствуют о спекулятивном повышении цен на кислоты в ходе выполнения контрактов. К тому же сроки доставки часто срывались. Так, в 1915 г. Самаро-Сергиевский завод получил лишь половину заказанного количества кислот, из-за чего создалась угроза его остановки. По повышенной цене производились большие поставки кислот Казанскому казенному заводу товариществами Понизовкина и Ушкова. В 1916 г. завод получил на эти цели дополнительные ассигнования.

На топливном рынке торговля каменным углем была в руках синдиката «Продуголь». В годы войны предприятия получали уголь от синдиката по нарядам Нижегородского районного совещания по топливу, при этом цены на уголь не нормировались, что давало возможность синдикату диктовать свои цены. Большую роль в спекулятивных операциях с углем играл Азово-Донской банк, занимавшийся комиссионной торговлей антрацитом (продажа антрацита не была синдицирована обществом «Продуголь»). В стране остро ощущался топливный кризис, и уже с осени 1915 г. некоторые предприятия вынуждены были переходить на дрова.

На нефтяном рынке преобладали бакинские нефтяные монополии, в частности товарищество бр. Нобель, имевшее свои конторы в Саратове и Самаре. В начале 1905 г. товарищество бр. Нобель и нефтеторговое предприятие, контролируемое Ротшильдом, вступили в картельное согла-

шение о совместной торговой политике на внутренних рынках. Предприниматели волжских судоходных компаний внимательно следили за положением в бакинской нефтяной промышленности и правильно оценили факт соглашения как объединение крупнейших фирм в одну. И действительно, нефтяной картель захватил главные рынки сбыта нефтепродуктов в Поволжье и Центрально-Промышленном районе, последовательно повышая цены на нефтепродукты. В 1911 г. в Самаре цена мазута за пуд была 28 коп., а к концу 1912 г. достигла 65 коп.[155] Осенью 1913 г. Нобелю удалось арендовать у Шамси Абдуллаева, одного из самых упорных конкурентов картеля, два крупных резервуара в Самаре. Картель создал в Поволжье предприятия «Кама» и «Ока» для перевозки нефтепродуктов. В тех случаях, когда картель сдавал перевозку нефти другим пароходным компаниям, он прилагал все усилия для того, чтобы связать их по рукам и ногам, помешать транспортировке посторонних грузов. Так, в конце 1910 г. Нобель заключил соглашение сроком на 5 лет с торговым домом И. Стахеева о перевозке 28 млн пудов нефтяных остатков. Стахеев обязался не принимать ни от кого на перевозку по водным путям России нефть, а также не торговать ею самостоятельно[156]. В предвоенные годы в конкурентной борьбе за русскую нефть усиливается активность англо-голландского треста «Ройял Дейтч», а также «Русской генеральной корпорации». Но главная роль на нефтяном рынке Поволжья сохранялась за нобелевской монополией.

Нефтяные монополии проводили политику вздувания цен на нефтепродукты. За десятилетие, с 1902 по 1912 г., цены на нефтяные остатки, шедшие на топливо для пароходов, примерно удвоились. Еще большее спекулятивное повышение цен на нефтепродукты наблюдалось во время войны. Управляющий Казанским отделением Государственного банка в июне 1915 г. доносил в Петроград: «За последнее время цена на нефть в Казани назначена в 85 коп. за пуд (в 1902 г. 15 коп.), что, по заявлению компетентных лиц... объясняется исключительно недобросовестной спекуляцией нефтепромышленников-монополистов...»

О паразитическом, хищническом характере господства монополий говорит анализ их экономической политики в годы войны. В Поволжье Русско-Азиатский, Азовско-Донской и другие коммерческие банки прятали на складах в спекулятивных целях большое количество продуктов и сырья. Металлургические монополии и пароходные компании годами держали большие партии металла на волжских пристанях, создавая дефицит металла.

Волжские миллионеры захватили важные посты в военно-промышленных комитетах и в аппарате государственного регулирования. Усиление своих позиций буржуазия использовала для расхищения народного богатства и обогащения. Это касалось, в частности, поставок хлеба для армии. В Поволжье действовали уполномоченные министерства земледелия по закупкам хлеба для армии. В этой роли выступали круп-

ные хлеботорговцы, например, уполномоченным по Самарской губернии был Башкиров.

И все же монополии и банки оказали воздействие на развитие промышленности и торговли в Самарской губернии. Но масштабы его все еще были малы, слаба была тяжелая промышленность и энергетическая база губернии. Единичные крупные предприятия, главным образом военного ведомства, тонули в большом количестве мелких производств с примитивной техникой. Под спудом оставались колоссальные богатства поволжских недр.

§ 6. В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. Первая мировая война оказала мощное воздействие на развитие экономики губернии. Уже в первые дни войны наметился процесс сокращения тех отраслей промышленности, на продукцию которых резко сократился спрос. Сокращение производства было связано с перебоями в доставке сырья и топлива, с трудностями в сбыте продукции, в получении кредитов в банках. На многие изделия механических заводов, конфетных фабрик, мебельных и экипажных мастерских не было спроса. С введением сухого закона была закрыта часть винокуренных и пивоваренных заводов. Одновременно происходило расширение производства на промышленных предприятиях, связанных с выпуском вооружений и боеприпасов. К их числу в губернии относились Самарский трубочный завод, Самаро-Сергиевский завод взрывчатых веществ, фабрика Зимина и др. Успешно развивалась главная отрасль самарской промышленности – мукомольная, так как для армии требовался хлеб. За годы войны в Самаре открылись кожевенный завод, консервная фабрика, мастерские по изготовлению армейских повозок, завод «Муравей». Сюда были эвакуированы некоторые предприятия из западных губерний России, в их числе завод «Саламандра» из Риги. В годы войны численность рабочих на предприятиях, подлежащих надзору фабричной инспекции, возросла до 43 980 человек. Увеличилась и средняя численность рабочих на одном предприятии – с 50 человек в 1913 г. до 140 в 1917 г.

Вопрос об общей численности фабрично-заводских рабочих в Самарской губернии и Самаре является спорным. Например, Н. Зубцова определяла численность рабочих, занятых на предприятиях, подлежащих надзору фабрично-заводской инспекции, без учета рабочих государственных предприятий. Как известно, именно эти заводы были самыми крупными в крае. К примеру, на Самарском трубочном к 1 мая 1917 г. работало 20 119 человек, а на Самаро-Сергиевском заводе взрыв-

чатых веществ – 13 776 человек, Томыловском артскладе – 3700 человек[157]; кроме того, в губернии насчитывалось 19 905 ремесленников и кустарей, 5 тыс. строительных рабочих, 22 тыс. рабочих железнодорожного и водного транспорта, более 25 тыс. поденщиков и чернорабочих[158].

Первая мировая война способствовала тому, что в состав пролетариата вливались представители мелкой и средней буржуазии, которые получали отсрочки от призыва в действующую армию, а затем устраивались на военизированные предприятия. Некоторые даже фактически не работали на них, прикрываясь книжкой военнообязанного рабочего[159]. В периодической печати появились фельетоны, указывающие на такие факты. После фельетона «Патриот», опубликованного в газете «Волжский день», администрация Трубочного завода была вынуждена обследовать материальное положение этих рабочих. В донесении начальнику завода сообщалось, что «Овчинников А.Г. на Троицком базаре имеет две лавки с железноскобяными товарами и с годовым оборотом в 7 тыс. р., Романов И.С. получает на заводе 45–65 руб., а до поступления был подрядчиком штукатурных работ и имел 20 человек своих рабочих»[160].

Значительная часть рабочих Самаро-Сергиевского завода взрывчатых веществ, Томыловского артиллерийского склада, завода Ушкова состояла из крестьян окрестных деревень[161]. Падение квалификации рабочей силы наблюдалось во всей промышленности России, но в неодинаковой мере в различных отраслях. Степень сохранности кадрового состава рабочих зависела от связи той или иной отрасли с нуждами военного времени. Средняя квалификация рабочих за годы войны понизилась в металлообрабатывающей промышленности на 17 %, в текстильной – на 27 %[162]. Пополнение самарского пролетариата за счет кадровых рабочих предприятий, эвакуированных из Прибалтики и Польши, было незначительным.

На смену мобилизованным в армию на фабрики и заводы пришли женщины и дети. По данным фабрично-заводской инспекции, на 1 января 1917 г. среди рабочих губернии удельный вес женщин составлял 30,5 %; на казенных предприятиях: Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ – 9,1 %, Самарском трубочном – 40,5 %[163]. Губернский статистический комитет в отчете за 1915 г. сообщал: «В последнее время в связи с частыми мобилизациями начинает ощущаться недостаток в рабочих руках, чем и объясняется значительное повышение на фабриках числа рабочих малолетних и подростков обоего пола». На некоторых предприятиях Самары дети и подростки составляли от 30 до 40 % рабочих[164].

Увеличению неоднородности рабочего класса способствовало его пополнение беженцами. По данным земского и городского союзов, в феврале 1916 г. число беженцев достигло трех миллионов, из них бо-

лее 152 тысяч находились в Самарской губернии. Среди беженцев преобладали женщины, дети, старики. Газета «Волжский день» сообщала, что в губернии «нетрудоспособных беженцев оказалось более 50 %»[165]. Беженцы, как правило, использовались в качестве чернорабочих или на сельскохозяйственных работах.

В годы войны усилилась эксплуатация, с каждым месяцем ухудшалось социально-экономическое положение рабочих. Продолжительность рабочего дня достигла 12 часов, на ряде предприятий — 13—14 часов, широко практиковались сверхурочные работы, узаконенные правительством в 1915 г. Вопросы продолжительности рабочего дня, величины заработной платы, порядка найма и увольнения решали владельцы предприятий практически бесконтрольно. «Были случаи, — сообщал фабричный инспектор, — обращения рабочих в суд, и суд ни разу не удовлетворил иски рабочих за необязательную сверхурочную работу»[166]. Работоспособность рабочих снижалась, рос травматизм. За 1916 г. в мастерских железнодорожных станций Самара, Безенчук, Иващенково произошло 398 несчастных случаев[167]. Администрация заводов принимала репрессивные меры против рабочих, которые отказывались от сверхурочных работ. Особое давление оказывалось на военнообязанных, получивших отсрочки от призыва в армию. Нередко участников стачек, требовавших увеличения заработной платы, увольняли с предприятий. В 1916 г. начальник Самаро-Златоустовской железной дороги, уволив стачечников, обратился к местным предпринимателям с просьбой не принимать их на работу. Администрация Самарского трубочного завода увольняла за отказ от работы, дурное поведение и т. д. Только в декабре 1916 г. по таким мотивам было уволено в 5-й мастерской 43 человека.

В годы войны заметно ухудшились условия труда на предприятиях губернии. Из-за старого, изношенного оборудования, отсутствия вентиляции, несоблюдения техники безопасности усилился рост профессиональных заболеваний. На предприятиях практически отсутствовала медицинская помощь рабочим. Нередко вспыхивали тиф, дифтерия, холера. Виновниками возникновения эпидемий являлись богатые домовладельцы. Газета «Волжский край» в статье «Наши отравители» писала: «Самара заражена. Хитроумные домовладельцы, чтобы избавиться от расходов по вывозке нечистот, устраивают у себя на дворах мертвые колодцы... В Самаре заражена вся почва, вся подпочвенная вода. Желудочно-кишечные заболевания (холера, дизентерия, брюшной тиф) в значительной части обязаны мертвым колодцам»[168].

Из-за притока беженцев ухудшились жилищные условия рабочих в Самаре и уездных городах. Перед войной квартира в одну комнату с кухней сдавалась за 9 руб. в месяц, в сентябре 1915 г. — за 16 руб., в 1917 г. — за 20 руб.[169] На Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ рабочие размещались в бараках по 30 человек. Не только землянки,

но и стены бараков засыпались землей, а затем они обшивались внутри досками. В таких примитивных жилищах царили грязь, насекомые. Булочники и калачники Самары жили в грязных и сырых спальнях: «Кровати в них встречаются лишь как редкое исключение. Кое-где есть нары, но они без всяких матрацев, простыней и т. п.»[170].

Реальная заработная плата падала в связи с быстрым ростом цен на продукты питания, товары первой необходимости и жилье. К 1916 г. уровень заработной платы по сравнению с довоенным временем возрос на 10–15 %, а цены на многие товары и продукты питания увеличились на 100–300 %[171]. Дороговизна вызывала недовольство как в городе, так и в деревне, оно нередко выливалось в стихийные выступления масс. Такие выступления произошли в Самаре 19 февраля и 19 сентября 1915 г., в Мелекессе – 27 октября, в Ставрополе – 26 декабря 1915 г.[172] В Сызрани толпа женщин-солдаток 22 июля 1916 г. пыталась разгромить лавки[173]. Особенно острый характер приняли события 5 ноября 1916 г. в Самаре. Все началось в лавке Теленкова на Троицком рынке, где приказчик отпускал протухшее мясо за высший сорт. Толпа солдаток, возмущенная поведением торговца, который отказался заменить недоброкачественный товар и оскорбил покупательницу, стала громить лавки. Всего в этот день было разгромлено 56 магазинов и лавок[174].

Кризисные явления стали явно прослеживаться и в сельском хозяйстве губернии. Мобилизация запасных в армию лишила десятки тысяч крестьянских хозяйств единственных кормильцев. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., в самарской деревне отсутствовала почти половина трудоспособных работников. Вся тяжесть ведения хозяйства легла на плечи женщин, стариков и детей. Если крестьяне испытывали недостаток рабочих рук, то в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах широко использовался труд военнопленных и беженцев. Летом 1915 г. на сельскохозяйственных работах в Самарской губернии было занято 24 134 беженца и 31 627 военнопленных[175]. Большие трудности крестьянские хозяйства испытывали в связи с сокращением поголовья рабочего скота, который реквизировался для нужд армии. 78 103 крестьянских хозяйств не имели скота вообще, а 107 483 двора были без рабочего скота[176]. В 1917 г. в губернии насчитывалось 93 480 безземельных и 44 476 беспосевных хозяйств. О кризисных явлениях в сельском хозяйстве свидетельствует сокращение посевных площадей, главным образом за счет ярового клина. К лету 1916 г. посевная площадь в губернии сократилась по сравнению с 1913 г. на 766,3 тыс. дес. Совокупность указанных факторов оказывала непосредственное влияние на социально-классовую структуру крестьянства. К 1917 г. беднота в самарской деревне составляла 54 %, середняки – 25,4 %, зажиточные – 20,6 %.

Как видим, мировая война ускорила процесс созревания материальных предпосылок Великой российской революции.

Примечания

[1] Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Крестьянское землепользование. СПб., 1903. С. 28.

[2] Центральный государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10243. Л. 28.

[3] Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 40–43.

[4] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1662. Оп. 1. Д. 320. Л. 1.

[5] Ленин В.И. Столыпин и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 20. С. 329.

[6] Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С. 112.

[7] Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С. 9.

[8] Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сборник документов и материалов. Самара, 2012. С. 7.

[9] Самарский земледелец. 1910. № 3. С. 92–93.

[10] Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С. 253.

[11] Сидельников С.М. Указ. соч. С. 148.

[12] См.: Приложение к Всеподданейшему отчету Самарского губернатора за 1916 год. Самара, 1916. С. 31.

[13] Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1913. С. 216.

[14] Оболенский В.А. Очерки хуторской России // Русская мысль. 1913. Кн. 1. С. 80.

[15] Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. С. 9.

[16] Крестьянское движение в России в 1907–1914 гг. М., 1966. С. 138.

[17] Там же. С. 142, 143.

[18] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 2408. Л. 1, 4.

[19] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев, 1963. С. 282, 284.

[20] Феноменов М.Я. Современная деревня: опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л. , 1925. С. 28.

[21] Савельев П.И. Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма. Куйбышев, 1987; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 43–44; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982. С. 29–35; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.). Куйбышев, 1989 и др.

[22] Кабытов П.С. Указ. соч. С. 36–37.

[23] Динамика землевладения в России 1906–1914 гг. М., 1989.

[24] Статистика землевладения 1905 г. Вып. 28. М., 1905.

[25] Савельев П.И. Аграрные отношения... С. 6. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 276–278.

[26] ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1405. Л. 37.

[27] Там же. Ф. 322. Оп. 2. Д. 1474. Л. 13 об.

[28] Савельев П.И. Указ. соч. С. 7–8.

[29] РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 87. Л. 139.

[30] Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 56.

[31] Статистика землевладения 1905 г. ... С. 12.

[32] РГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 80. Л. 16, 210, 212, 247, 357.

[33] Толстой А.Н. Краткая автобиография // Толстой А.Н. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 1. М., 1950. С. 8.

[34] ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1719. Л. 12, 17, 18.

[35] Там же. Д. 1723. Л. 28–66.

[36] Кабытов П.С. Указ. соч. С. 69–70.

[37] Сборник хозяйственно-статистических сведений... С. 139.

[38] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. СПб., 1912. С. 549–550; Год десятый. Пг., 1917. С. 607–608.

[39] Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIV – начале XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 75.

[40] Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка по покупке и продаже земли за 1906–1910 гг. СПб., 1910. С. 72–73.

[41] ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1413. Л. 21–22.

[42] Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 3–4, 17.

[43] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 1. СПб., 1907. С. 4–5; Статистика долгосрочного кредита в России. Вып. 1. Пг., 1917. С. 14–17.

[44] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 2. Д. 1341. Л. 8, 15–16, 20–21.

[45] Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1903. Л. 22 об.

[46] Там же. Л. 41 об.

[47] Там же. Ф. 332. Оп. 1. Д. 2675. Л. 1–2.

[48] Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

[49] Там же. Л. 24.

[50] Там же. Ф. 322. Оп. 1. Д. 1626. Л. 1, 2; Д. 1642. Л. 17.

[51] Там же. Л. 5.

[52] Там же. Д. 1611. Л. 10.

[53] Там же. Д. 1341. Л. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 20, 21.

[54] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1. С. 114.

[55] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 1. Д. 2670. Л. 36.

[56] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 1. С. 4–5; Статистика долгосрочного кредита в России. Вып. 1. С. 14–17.

[57] Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. Самара, 1914. С. 132–133.

[58] ЦГАСО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 368. Л. 39.

[59] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый... С. 552–553.

[60] ЦГАСО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 115. Л. 13, 18.

[61] РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 458. Л. 32.

[62] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 308. Л. 21-23.

[63] Там же. Д. 307. Л. 2.

[64] Там же. Д. 311. Л. 1.

[65] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 281.

[66] Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 41.

[67] Статистический ежегодник России. 1913 год. С. 14.

[68] Труды местных комитетов... С. 102.

[69] Лосицкий А. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 39.

[70] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Самарская губерния. Т. XXXV. СПб., 1903. С. 109.

[71] Лосицкий А. Указ. соч. С. 6.

[72] Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии: Самарский уезд. Самара, 1913. С. 8.

[73] Там же. С. 31.

[74] Цит. по: Чупров А.И. О значении кредита для подъема крестьянского хозяйства // Чупров Речи и статьи. Т. II. М., 1909. С. 375.

[75] Труды местных комитетов... С. 109.

[76] ЦГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1240. Л. 2.

[77] Там же. Д. 1320. Л. 124.

[78] Голос Самары. 1912. 31 января.

[79] ЦГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1281. Л. 124.

[80] Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1913 год. Самара, 1913. С. 104.

[81] Труды местных комитетов... С. 105.

[82] Государственный архив Ульяновской области. Ф. 147. Оп. 108. Д. 91. Л. 43–9 об.

[83] Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии. Ставропольский уезд. Самара, 1914. С. 70.

[84] Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911–1913 гг. Самара, 1914. С. 311.

[85] Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911–1913 гг. Самара, 1914. С. 67.

[86] Сборник статистических сведений по Самарской губернии. С. 82.

[87] Труды местных комитетов... С. 55.

[88] Анфимов А.М. Земельная аренда в начале XX в. М., 1961. С. 114.

[89] Савельев П.И. Аграрные отношения... С. 13.

[90] Сборник статистико-экономических сведений... Год 5. С. 536–537.

[91] Отчеты Крестьянского поземельного банка. СПб., 1906–1916; ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 415. Л. 1–2; Земско-статистический справочник по Самарской губернии за 1914 год. Самара, 1914. С. 130.

[92] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 5321. Л. 31.

[93] Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С. 129, 131.

[94] ЦГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 130. Л. 300.

[95] Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1909. С. 216.

[96] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1748. Л. 99–100.

[97] Отчет Крестьянского поземельного банка за 1908–1909 гг. СПб., 1909–1910. С. 125.

[98] Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г. Пг., 1916. С. 26–28.

[99] Сборник статистических сведений по Самарской губернии... С. 81–82.

[100] Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. С. 119.

[101] Земская жизнь. 1919. № 3, 4. С. 66–67.

[102] Там же. С. 67.

[103] Вестник кооперации. Кн. 3. СПб., 1910. С. 17.

[104] Там же. Кн. 4. СПб., 1909. С. 122.

[105] Торгово-промышленная газета. 1913. № 2.

[106] Вестник мелкого кредита. 1914. № 18. С. 725.

[107] РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 458. Л. 210.

[108] Земско-статистический справочник по Самарской губернии на 1914 год. ... С. 119.

[109] Вестник кооперации. Кн. 3. СПб., 1909. С. 142.

[110] Протокол съезда представителей кредитной кооперации Самарской губернии, 25–28 мая 1917 г. Самара, 1917. С. 11.

[111] О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 36.

[112] Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С. 9.

[113] Клейн Н.Л. Экономическое развитие... С. 142.

[114] Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951. С. 101.

[115] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века: К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981. С. 142, 143.

[116] Карнаухова Е.С. Указ. соч. С. 101.

[117] РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 6. Л. 15.

[118] Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках России. СПб., 1912. С. 320–321.

[119] Баскин Г.И. Приложение дистанционного принципа к группировке бюджетов крестьянского хозяйства // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Вып. IV. Самара, 1925. С. 110.

[120] Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 111.

[121] Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев, 1913. С. 156.

[122] Ежегодник Министерства финансов. СПб., 1903. С. 692–697; Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 2. М., 1917. С. 170, 174, 190.

[123] Баскин Г.И. Нормы доходности пашни // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Т. 6. Самара, 1925. С. 64.

[124] Кабытов П.С. Указ. соч. С. 85.

[125] Материалы к производственному плану. Производство, перевозки и потребление хлебов в России в 1909–1913 гг. Вып. 1. Пг., 1916.

[126] Баскин Г.И. Приложение дистанционного принципа... С. 11.

[127] Его же. Состояние производительных сил и тенденция их развития в разных отраслях народного хозяйства Самарской губернии // Баскин Г.И. Сборник избранных трудов. Вып. II. Самара, 1925. С. 9.

[128] Земский агроном. 1914. № 2. С. 50.

[129] Морозов В.М. Доклад Особому совещанию при Самарском отделении Государственного банка о сбыте хлеба в связи с организацией элеваторов и зернохранилищ. Самара, 1911. С. 14.

[130] Сборник статистических сведений по Самарской губернии... С. 69.

[131] Гарин-Михайловский Н.Г. Несколько лет в деревне. Чебоксары, 1980. С. 71.

[132] Там же. С. 102.

[133] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1121. Л. 3.

[134] Там же. Д. 1442. Л. 4, 6.

[135] Канценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912. С. 7.

[136] Лященко П.И. Хлебная торговля... С. 325–326.

[137] РГИА. Ф. 587. Оп. 40. Д. 1265. Л. 2.

[138] Морозов В.М. Доклад... С.13.

[139] См. об этом подробнее: Клейн Н.П. Экономическое развитие... С. 137–138.

[140] Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 г. Самара, 1900. С. 88; Земля Самарская. Куйбышев, 1990. С. 228.

[141] Земля Самарская. С. 237.

[142] Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы первой мировой войны и Февральской революции (1914–1917 гг.). Казань, 1989. С. 37.

[143] Земля Самарская. С. 237.

[144] Волобуев П.В. Монополистическая буржуазия и Временное правительство // Монополии и иностранный капитал в России. Л., 1962. С. 254.

[145] РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1811. Л. 3, 5, 84.

[146] См. об этом подробнее: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России в 1914–1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Батолина. Л., 1969.

[147] РГИА. Ф. 23. Оп. 2. Д. 137. Л. 10–16.

[148] Китанина Т.М. Русско-Азиатский банк и концерн Стахеева // Монополии и иностранный капитал в России. Л., 1962. С. 422.

[149] РГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 657. Л. 26; Ф. 515. Оп. 78. Д. 136. Л. 23–24.

[150] См. подробнее: Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны... С. 410.

[151] ЦГАСО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 1; РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1912. Л. 59, 86.

[152] РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 384. Л. 143-144; Там же. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1920. Л. 1, 2 и др.; Ф. 587. Оп. 33. Д. 1302. Л. 300–305.

[153] Земский агроном. 1916. № 10. С. 6–31.

[154] Гольберг Я.М. Тракторное хозяйство в России за 1917–1922 гг. // Сельское и лесное хозяйство. Кн. 7. М., 1923. С. 181.

[155] Волобуев П.В. Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903–1914) // Исторические записки. Т. 52. М., 1955. С. 87.

[156] Волобуев П.В. Из истории... С. 91.

[157] Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 504. Оп. 42. Д. 36. Л. 66, 89, 100, 108, 115, 116.

[158] Балакина Н.Г. Рабочий класс Среднего Поволжья накануне Великого Октября: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1977. С. 1, 3.

[159] Басин С.Г. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1964. С. 7.

[160] ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 3. Д. 2. Л. 53.

[161] Там же. Ф. 700. Оп. 5. Д. 138. Л. 3.

[162] Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 488.

[163] Балакина Н.Г. Рабочий класс... С. 67.

[164] Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 31.

[165] Волжский день. 1917. 11 января.

[166] Волжское слово. 1914. 7 октября.

[167] Приволжская правда. 1917. 4 мая.

[168] Волжский край. 1914. 19 апреля.

[169] Волжский день. 1917. 23 июля.

[170] Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С. 32.

[171] Движение цен на предметы массового потребления в период войны. Самара, 1918. С. 10.

[172] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 5. Л. 42, 46.

[173] Варешин А.М., Дедков В.П., Пономарев А.С. Город Сызрань. Куйбышев, 1964. С. 65.

[174] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7, 9.

[175] Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 189.

[176] Кабытов П.С. Аграрные отношения... С. 137.

Глава 9.
1917 ГОД

§ 1. УСТРАНЕНИЕ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ, СОЗДАНИЕ НОВЫХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И САМООРГАНИЗАЦИЯ САМАРСКОГО ОБЩЕСТВА

Великая российская революция во всем ее многообразии имела специфический характер в каждом регионе страны. Февральский политический переворот превратил ее в самую демократическую страну из всех воевавших стран мира в политическом плане, но не решил ни одной насущной социально-экономической проблемы. В ходе революции в борьбу включились не только политические партии, но и вновь создававшиеся общественные организации и властные структуры. Развитие революционного процесса происходило следующим образом: сначала политический переворот, затем – широкое социальное движение, сомкнувшееся к осени 1917 г. с наиболее радикальными политическими силами. Эта общая схема событий была характерна как для центра, так и для провинции, но местные условия формировали своеобразные методы революционной борьбы.

Февральско-мартовские события в Самаре не были «телеграфно-телефонной» революцией, то есть сменой власти по приказу из Центра, а явились цепью закономерных политических процессов, выявивших обострение социального недовольства. Накануне Февральской революции в Самаре функционировали все основные оппозиционные царизму партии. Наиболее влиятельной в буржуазной среде была партия конституционных демократов. В Самаре организация партии кадетов была немногочисленна, в марте 1917 года в ней насчитывалось 300 человек, представлявших средние городские слои[1]. Однако перед революцией кадеты были достаточно организованны. Они опирались на сеть предпринимательских общественных организаций, особенно разросшихся в годы войны (военно-промышленные комитеты, союзы фабрикантов и заводчиков) и имели значительное влияние в органах местного самоуправления. Основные программные установки конституционных демократов сводились к требованию демократических свобод и равенства всех граждан перед законом, что давало бы простор в экономической деятельности. В тактическом плане они были реформаторами.

Самарская социал-демократия была представлена в начале 1917 г. самостоятельными организациями большевиков и меньшевиков. Большевики, призывавшие к насильственному свержению государственного строя, подвергались преследованию за свою деятельность. После арестов в июле-августе 1915 г. и осенью 1916 г. многие из них были

высланы из Самары, и в начале 1917 года центр большевистской работы был перенесен с Трубочного завода в латышскую группу большевиков, прибывшую сюда в результате эвакуации из Риги рабочих военных заводов. Накануне революции число самарских большевиков колебалось от 500 до 550 человек. Находясь на нелегальном положении, большевики пытались использовать возможности рабочих касс, кооперативных столовых, рабочих библиотек. Они выступали за революционно-радикальный путь решения назревших социально-экономических проблем, были интернационалистами, желали поражения политическому режиму в войне с целью ускорения его падения. В марте 1917 г. только в районной организации Трубочного завода насчитывалось до 2500 большевиков, в латышской – 60, в городской – не менее 100[2].

Основное разногласие меньшевиков с большевиками заключалось в тактическом плане. Меньшевики считали социалистическую революцию в России делом отдаленной перспективы и сосредоточили свою работу среди пролетарских и мелкобуржуазных слоев города с целью их организации для борьбы против буржуазии за свои социально-экономические права. Они имели влияние среди рабочих военно-промышленных комитетов, в заводских больничных кассах и других легальных общественных организациях, объединявших указанные социальные группы. По отношению к войне меньшевики были оборонцами. Точных данных об их численности в губернии накануне революции нет, но в апреле 1917 г. их было не менее тысячи человек[3].

Самой многочисленной политической силой в Самаре была организация партии социалистов-революционеров. Здесь постепенно сформировалась благодатная среда для распространения народнических и неонароднических идей. В годы войны многие зажиточные крестьяне, спасаясь от призыва в армию, подались в город, где поступили на военные заводы, что привело к изменению качественного состава рабочих и усилению среди них влияния эсеров. Эсеровская программа, провозглашавшая установление демократической республики, введение «широкого рабочего законодательства», переход всех частновладельческих земель в общественное пользование на уравнительных началах, находила сторонников не только в деревне, но и на промышленных предприятиях, в воинском гарнизоне, где большинство солдат было из крестьян. Общую численность самарской эсеровской организации установить невозможно, так как в партии не было строгого учета. В эсеры записывались целыми сельскими обществами, цехами, ротами после митингов и сходов с зажигательными речами агитаторов. Только на Трубочном заводе в мае 1917 г. числилось 12 тысяч эсеров. Самарские эсеры предлагали накануне революции собрать съезд рабочих и крестьян для сплочения всего населения и создания общественной организации для контроля за распределением промтоваров и продовольствия[4].

Такие заявления привлекали к эсерам широкие слои городского населения, но не представляли какой-либо угрозы для властей, так как были практически нереализуемы.

Политическая борьба оппозиционных царизму партий сомкнулась с широким социальным движением, направленным против существовавших в России общественных отношений. После временного затишья в конце 1916 г., которое объяснялось репрессиями полицейских властей, в Самаре в начале 1917 г. началось забастовочное движение. 15 февраля рабочие главных железнодорожных мастерских выступили сначала против растущей дороговизны, а затем против войны. 22 февраля началась забастовка на Трубочном заводе, где рабочие пятой мастерской выступили против увольнения двух товарищей. Их поддержали рабочие шестой и седьмой мастерских, был образован стачечный комитет, от имени которого переговоры с дирекцией вел большевик Н.М. Шверник. Дирекция завода не пошла на уступки и применила силу против бастующих. В результате около 150 рабочих арестовали, часть их в срочном порядке была отправлена на фронт, часть – выслана из города[5].

Последние дни февраля в Самаре были зловеще спокойны. По воспоминаниям современников, атмосферу тех дней можно сравнить с предгрозовым затишьем. С утра 28 февраля в Самару не поступало никаких сообщений ни из Москвы, ни из Петрограда, не было даже обычных сводок из штаба Верховного главнокомандующего о положении на фронтах. Лишь к вечеру дошло известие о роспуске Государственной думы. Самарская городская дума выработала «сочувственное послание Родзянке и прервала свое заседание в знак протеста против такого произвола»[6]. Однако это событие не вызвало у самарцев «ни единого намека на подъем народного настроения, ни единой искры надежды»[7]. Совсем других вестей ждал народ России.

Известие о победе революции в Петрограде пришло в Самару 1 марта 1917 г. Для обсуждения событий было созвано совещание гласных городской думы. На нем исполнявший обязанности городского головы В.П. Ушаков огласил телеграмму председателя Государственной думы М.В. Родзянко о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного комитета Государственной думы», был избран «особый Временный городской комитет безопасности» для выработки экстренных мер к поддержанию порядка и спокойствия в городе, который должен был пополняться представителями различных общественных организаций. В комитет вошли кадеты К.И. Иньков, В.П. Ушаков, П.П. Подбельский, кн. В.А. Кугушев, М.С. Афанасьев, В.Н. Башкиров, П.Ф. Шишкин, М.А. Щадрин, Н.В. Осоргин, и было принято решение просить общественные организации делегировать во Временный комитет своих представителей[8].

После этого думские лидеры послали делегацию к самарскому губернатору князю Голицыну, чтобы выяснить его отношение к событиям, и весьма обрадовались тому, что князь признал комитет и обещал свое содействие. Комитет надеялся на единение с деятелями старой власти и в дальнейшем. 2 марта он пополнился делегатами от 28 общественных организаций: кооперативов, военно-промышленного комитета, технического общества, союза городов, общества книгопечатников и др. В комитет были делегированы кадеты С.В. Смирнов, П.А. Преображенский, Н.Д. Усов, К.В. Богоявленский, М.И. Лунин, меньшевики Ф.В. Косариков, Г.П. Борисов, И.И. Перельман, эсеры А.В. Бородин, К.Г. Глядков, а также от рабочих Трубочного завода М.В. Храповицкий, А.В. Колышкин и А.П. Еремеев (разоблаченный позднее как провокатор). Председателем комитета избрали С.В. Смирнова[9].

Самарские большевики также немедленно приступили к организации своих сил с тем, чтобы возглавить борьбу пролетариата в революции. Уже вечером 1 марта в конторе потребительского общества «Самопомощь» по инициативе большевиков состоялось собрание представителей социалистических партий, где обсуждались вопросы о необходимости образования Совета рабочих депутатов, выпуска воззвания к населению, организации митингов и демонстраций. На следующий день на городских митингах, проходивших в театре-цирке «Олимп», городском театре и Общественном собрании, был избран первый состав Самарского Совета рабочих депутатов. В него вошли 6 большевиков (А.Я. Бакаев, Ф.И. Венцек, С.И. Дерябина, А.П. Еремеев, Л.Л. Клейман, М.Н. Яшанов), 7 меньшевиков (Н.П. Богданов, Г.П. Борисов, Б.Т. Зайцев, Н.М. Левинтов, А.И. Логинов, И.И. Рамишвили, П.У. Шаманин), бундовец Л.И. Гинзбург и эсер Н.А. Смирнов. Возглавил Совет меньшевик И.И. Рамишвили[10]. Наличие в Самарском Совете рабочих депутатов представителей всего блока социалистических партий объясняется теми же причинами, что и в центре. Опьяненные незнакомым чувством свободы, рабочие, как и другие слои населения, выдвигали и поддерживали все политические силы, выступавшие с демократическими лозунгами и обещаниями народоправства. Пропаганда «беспартийной революционности» и «единения всех революционных сил» была развернута в прессе с самых первых дней революции.

Много внимания Совет рабочих депутатов сразу после образования уделил организации и руководству профессиональными союзами, которые только зарождались и вели отчаянную экономическую борьбу с предпринимателями. В этой области плодотворно работали большевики А.Х. Митрофанов, М.И. Груздев, Е.С. Коган, С.И. Дерябина, возглавлявшая работу среди солдаток. Агитаторская группа С.И. Дерябиной только 2 марта провела 8 митингов с участием 9 тыс. солдаток[11].

Самарские большевики, несмотря на численное меньшинство в Совете рабочих депутатов, оказывали значительное влияние на характер проводимых им мероприятий. Совет рабочих депутатов имел обширную социальную базу. Все революционно-демократические силы поверили в этот новый орган власти, считали его своим, так как он ставил и пытался решить актуальные вопросы текущего времени. В целях единения демократических сил Совет рабочих депутатов откликнулся на призыв Комитета общественной безопасности и послал в него 3 марта 10 своих представителей, после чего последний переименовал себя в Комитет народной власти. В последующие дни в него вошли представители политических партий, воинских частей, и постепенно его состав был доведен до 200 человек.

I Самарский городской Совет рабочих депутатов, выбранный 2 марта 1917 г. Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Под давлением рабочих депутатов Комитет народной власти уже 3 марта принял ряд постановлений общедемократического характера: об освобождении политзаключенных, аресте представителей царской администрации, разоружении полиции и жандармерии, организации народной милиции. В тот же день были отключены телефоны губернатора и жандармерии, а 4 марта арестованы и препровождены в местную тюрьму губернатор Л.Л. Голицын, полицмейстер А.К. Крокосевич, жандармский полковник М.И. Познанский с двумя его помощниками.

Совет рабочих депутатов осуществлял и самостоятельную работу, содействуя созданию на предприятиях города комиссии для разработки вопросов о введении восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Тем не менее классического двоевластия в Самаре не было: вскоре Совет рабочих депутатов в полном составе вошел в Комитет народной власти. В связи с расширением состава Комитета народной власти 4 марта был избран исполнительный комитет, в который вошли семь кадетов, по пять большевиков и меньшевиков, три эсера. В президиум исполкома были избраны 5 кадетов (Кузьмин, Емелин, Смирнов, Щеголев, Кавецкий) и два меньшевика (Логинов, Преображенский), возглавил его кадет П.П. Подбельский. В тот же день, не дожидаясь назначения Временным правительством губернского комиссара, Комитет народной власти выдвинул и утвердил в этой должности председателя губернской земской управы, кадета К.Н. Инькова, а его помощником – члена губернской земской управы, кадета Н.В. Осоргина. Циркулярная телеграмма министра-председателя Временного правительства князя Г.В. Львова с распоряжением о повсеместной замене губернаторов губернскими комиссарами, обязанности которых временно возлагались на председателей губернских земских управ, была послана лишь 5 марта. С этого момента в конкурентную борьбу за власть на местах включилась новая структура – институт комиссаров Временного правительства.

Между тем исполком Комитета народной власти избрал комиссию по выработке инструкции об организации власти в губернии и 7 марта заслушал проект наказа по этому вопросу. В соответствии с ним «Временный комитет является в пределах Самарской губернии представителем и помощником Временного правительства, с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя»[12]. Скоротечность буржуазно-демократических преобразований в Самаре, отсутствие сопротивления со стороны местных органов власти во многом объясняются полной поддержкой революционных преобразований со стороны Самарского гарнизона. Известие о свержении самодержавия очень быстро распространилось в казармах, солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города. Кое-где арестовывали офицеров, а после получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание[13].

Подавляющее большинство в Самарском Совете солдатских депутатов на первых порах также принадлежало эсерам и меньшевикам. Однако небольшая большевистская фракция во главе с М.И. Герасимовым вела активную пропаганду большевистских лозунгов в революции среди

солдат гарнизона. Эсеро-меньшевистское руководство солдатского Совета под влиянием офицерства пыталось предотвратить широкое участие солдатских масс в развитии революции, но это ему не удалось. Солдаты часто самовольно уходили домой, требовали отправки целых частей на полевые работы в деревню, предоставления специальных отпусков на период весенних полевых работ. Эти действия солдатских масс направлялись большевистскими агитаторами, стремившимися превратить их в проводников революционных идей в деревне. Солдаты во время отпусков рассказывали крестьянам о событиях в городе, о борьбе рабочих за свои права, призывали к немедленной ликвидации помещичьего землевладения. Крестьяне, в свою очередь, выбирали их в создаваемые волостные и сельские комитеты, посылая в Советы и Комитеты народной власти ходатайства об отсрочке службы для солдат-депутатов крестьянских организаций.

Митинг в Самаре в марте 1917 г. в честь павших борцов за свободу. Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Пока массы формулировали свои требования в революции, новые властные структуры стремились побыстрее конституироваться. На общем собрании Комитета народной власти 10 марта был принят наказ о его функциях, с 11 марта Комитет возглавил эсер К.Г. Глядков. На заседании 15 марта было принято решение о реорганизации городского самоуправления следующего содержания:

«1. Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства.

2. Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти.

3. Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права»[14].

16 марта был утвержден проект наказа Самарского комитета народной власти, а 24 марта состоялось переизбрание его президиума. Председателем президиума избрали К.Г. Глядкова, товарищами председателя – П.П. Митрофанова, В.Л. Преображенского, В.С. Кайровича. 19 марта Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников, а потому возникла необходимость преобразования органов местного управления и суда. В связи с этим оно телеграммой в Самарский Комитет народной власти подтвердило, что «назначения новых лиц на должности уездных комиссаров, которым переходят обязанности земских начальников, производятся правительством исключительно по представлению губернского комиссара Инькова»[15]. Губернский комиссар послал в Министерство внутренних дел представление на следующих лиц, выдвигавшихся на должности уездных комиссаров: Ставропольский уездный комиссар – Н.В. Тресвятский; Николаевский – Ф.С. Медведев (оба бывшие председатели уездных земских управ); Бугурусланский – В.Р. Еселев, бывший член уездной земской управы; Бузулукский – Е.А. Жданов; Новоузенский – А.Л. Трипольский; Бугульминский – М.П. Благодатный, избранный комитетом народной власти; Самарский – А.М. Верховский[16]. Министерство вместо Е.А. Жданова утвердило Н.Н. Бушева, бывшего секретаря Бузулукской земской управы; вместо Трипольского – бывшего председателя Новоузенской земской управы И.Я. Иванова; не утвердило в должности А.М. Верховского, так как бывший председатель Самарский земской управы остался ее членом[17].

Известия о свержении самодержавия, о демократических свободах и преобразованиях, происшедших в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции в Центре, дошли до самарской деревни в марте 1917 г. и пробудили к активной политической деятельности крестьянство. В деревне стали создаваться новые органы власти: волостные и сельские исполнительные комитеты, называвшиеся в Самарской губернии комитетами народной власти. В марте-апреле 1917 г. они образовались во всех уездах и волостях; за влияние в них с самого начала боролись все политические силы. Сельские и волостные комитеты избирались на крестьянских сходах и съездах как по старым правилам общинных собраний, так и по новой форме на основе всеобщих, равных, прямых выборов, чаще всего открытым голосованием. Выработку правил и инструкций по организации новой власти на местах

считал своей главной задачей I Самарский губернский крестьянский съезд. Он стал своеобразной формой организации крестьянства в период уничтожения старых органов царской администрации и утверждения новых демократических порядков.

С начала марта 1917 г. в Самару стали поступать сообщения о том, что «в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности...»[18]. Прошли в некоторых уездах съезды крестьянских делегатов, состав которых был весьма пестрым и разнородным: выборные от волостных комитетов, представители старого чиновничества (делегаты от крестьянского поземельного банка, казны, удела и т. д.). Такой состав первых уездных съездов сказался на их решениях. По большинству обсуждавшихся вопросов съезды приняли умеренные резолюции. 25—29 марта 1917 г. эсеры созвали I Губернский крестьянский съезд. Большевистские агитаторы, которых в деревне почти не было, не смогли оказать влияния на съезд. Он был созван при участии «самарской группы народников», «съехалось около 22 представителей от всех уездов», которых, как правило, не выбирали крестьяне, а посылали уездные комитеты народной власти. Всего на съезде было 158 человек[19]. Руководство на нем принадлежало эсерам. Учитывая популярность идеи организации Советов в массах, съезд призвал к организации Совета крестьянских депутатов, в исполнительный комитет которого вошли преимущественно представители партии эсеров.

В соответствии с духом времени на съезде были выработаны нормы представительства на губернские съезды, делегаты которых должны избираться «прямым, равным, тайным, всеобщим голосованием по одному делегату на 10 тыс. человек населения»[20]. На практике выборы делегатов на крестьянские съезды редко были всеобщими, а голосование — чаще всего было открытым, а не тайным. Здесь же было принято постановление о вхождении исполнительного комитета крестьянского Совета в состав Временного Самарского губернского комитета народной власти. Организация на съездах советов крестьянских депутатов, а также их призыв к созданию Советов на местах были крестьянством поддержаны, так как эта идея импонировала народным массам. Эсеры рассматривали Советы крестьянских депутатов как органы поддержки Временного правительства; через них лидеры этой партии стремились войти в его властные структуры.

Анализ процесса ликвидации административных структур самодержавной власти в Самарской губернии позволяет выявить наряду с общими закономерностями региональные особенности. Конкретные события демократических преобразований начального этапа революции свидетельствуют об отсутствии здесь своеобразного двоевластия, характерного для Петрограда. Стремление к единению демократиче-

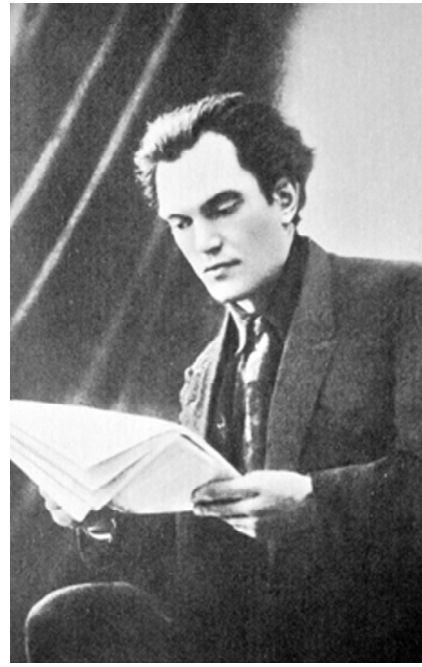
ских сил, которое провозгласили все общественные организации, привело к сотрудничеству, правда, недолгому, комитетов и советов с органами временной власти и местного самоуправления. Наиболее оперативными в Самаре оказались либералы, которым на первых порах удалось объединить общественные организации под эгидой Комитета народной власти.

§ 2. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1917 Г.

Новый этап в развитии революционных событий в Самарской губернии характеризовался соперничеством между различными общественно-политическими организациями за влияние во властных структурах Временного правительства. Решительная борьба Совета рабочих депутатов против предпринимателей, активное участие в создании фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, деятельность по организации рабочей милиции способствовали расширению сфер его влияния в городе. 20 марта 1917 г. произошло переизбрание исполкома Совета, в результате которого в нем упрочили свои позиции большевики. На следующий день на заседании исполкома Совета был выбран его президиум из пяти человек, куда вошли два большевика, два меньшевика и один бундовец. Председателем Совета избрали В.В. Куйбышева[21], выступавшего за объединение всех революционных сил через массовые организации трудящихся, деятельностью которых руководили Советы. Были образованы комиссии исполкома Совета рабочих депутатов, призванные направлять и координировать революционную инициативу масс: митинговая, продовольственная, профессиональная, редакционно-издательская, следственно-юридическая, хозяйственная, районная, милиционная[22].

Совет рабочих депутатов продолжал уделять самое пристальное внимание профессиональным организациям рабочих и служащих. 23 марта на совещании делегатов от 11 профсоюзов г. Самары было образовано Центральное бюро профсоюзов, которое возглавили большевики. Укрупнение и объединение профсоюзов способствовало упрочению их экономических и политических позиций. Вот как понимали профсоюзные активисты Самары задачи Центрального бюро: руководство деятельностью профсоюзов, организация новых союзов, политическое воспитание членов союзов, издание профсоюзного органа, открытие библиотеки, образование групп профсоюзных работников, организация рабочего секретариата и курсов грамоты для членов союзов[23]. Несмотря на усилия большевистской организации, большинство профессиональных союзов весной 1917 г. находились под влиянием меньшевиков

и эсеров. Им принадлежало руководство почти во всех союзах служащих, железнодорожников, печатников и во многих других. Меньшевики и эсеры не придерживались принципа классового подхода к организации профсоюзов, пытались объединить рабочих и служащих по отраслевому принципу. В союзы железнодорожников, почтово-телеграфных служащих, рабочих и служащих городского самоуправления входили чиновники, часто захватывавшие руководство в свои руки. Они выступали против участия профсоюзов в политической борьбе, стремились свести их роль лишь к борьбе за чисто экономические требования.

В.В. Куйбышев в Самаре

Самарские большевики разъясняли рабочим, что профсоюзы добьются улучшения экономического и правового положения рабочего класса лишь путем активной политической борьбы против капитала, что «основной задачей профессиональных рабочих организаций, как и в первую революцию, является сплочение революционных сил пролетариата для дальнейшего углубления революции»[24]. Профсоюзные комитеты, создававшиеся по профессиям, часто объединяли лишь часть рабочих, а фабрично-заводские комитеты охватывали всех рабочих данного предприятия. Они избирались на общезаводских собраниях. Производственный принцип способствовал большей сплоченности рабочих в их борь-

бе с предпринимателями. Раньше других, в марте-мае 1917 г., были созданы фабзавкомы на крупных предприятиях; на мелких предприятиях этот процесс шел медленнее. Инициаторами создания фабрично-заводских комитетов были металлисты Самары, прежде всего рабочие Трубочного завода. Вслед за ними фабрично-заводские комитеты стали выбирать на общих собраниях рабочие фабрик Зимина, Игнатьева, заводов военно-промышленного комитета, электрической станции, спичечной фабрики Зелихмана, типографий, мельниц, хлебопекарен. Одновременно шел процесс создания фабзавкомов на предприятиях губернии: на заводе взрывчатых веществ в Иващенкове, на Мулловской суконной фабрике, на Мелекесской льнопрядильной ткацкой мануфактуре, на заводах Мамина и «Муравей» в Балакове. Многие фабзавкомы с первых дней своего существования возглавлялись большевиками.

Для российских пролетариев оставался актуальным вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Уже к началу апреля в Самаре на совместных совещаниях владельцев фабричных и заводских предприятий, с одной стороны, и представителей Советов рабочих и военных депутатов — с другой, были выработаны общие положения об учреждении заводских комитетов и постановлено ввести восьмичасовой рабочий день с 10 апреля. Самарский Совет рабочих депутатов 7 апреля отдал распоряжение об установлении восьмичасового рабочего дня. В связи с этим городская управа подготовила доклад городской думе, в котором подчеркивала, «что с вопросом о введении восьмичасового дня приходится считаться как с фактом решенным и остается только взвесить: выдержат ли городские предприятия предстоящее увеличение расходов». Управа предложила думе: 1) установить восьмичасовой рабочий день для всех служащих, рабочих городских электрических предприятий (то есть практически всех заводов и фабрик), а в праздничные дни — семичасовой рабочий день; 2) разрешить в связи с этим расход средств за счет уменьшения чистой прибыли от эксплуатации этих предприятий[25]. После недолгого обсуждения в думе постановления были приняты. На этом же заседании было поручено трамвайной комиссии разработать вопрос о введении для служащих трамвая третьей смены работы, чтобы соблюдать закон о восьмичасовом рабочем дне.

В соглашении о введении восьмичасового рабочего дня, о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер, заключенном в апреле 1917 г. Самарским Советом рабочих депутатов и обществом фабрикантов и заводчиков, цели и задачи фабзавкомов определялись следующим образом: «а) представительство рабочих данного предприятия в их отношениях с правительством и общественными учреждениями; б) формулировка мнений по вопросам общественно-экономической жизни рабочих данного предприятия; в) разрешение вопро-

сов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими данного предприятия; г) представительство от рабочих перед администрацией заводов и фабрик и владельцами предприятий по вопросам, касающимся взаимоотношений между ними и рабочими»[26]. Этим соглашением предприниматели пытались ограничить функции фабзавкомов, лишить их права осуществлять контроль над производством. Но активная деятельность фабрично-заводских комитетов выходила за рамки данного соглашения. Часто вопросы о порядке выборов, функциях и структуре фабзавкомов определялись на рабочих собраниях без участия представителей от администрации предприятий.

«Единение всех демократических сил», провозглашенное в первые дни революции, вскоре сменилось конкурентной борьбой за власть. Самарский Комитет народной власти, претендовавший на представительство «высшей революционной власти в стране» и назначивший губернского комиссара, рассчитывал определять принципы и осуществлять подбор кадров для управления губернией. Председатель комитета К.Г. Глядков был крайне разочарован тем, что не он, а «губернский комиссар вступает в непосредственное отношение с правительством, являясь проводником государственной власти, и снабжен всеми атрибутами политической власти»[27]. В свою очередь, К.П. Иньков вовсе не стремился к сотрудничеству с Комитетом по всем без исключения вопросам. П.Д. Климушкин, характеризуя его в своих воспоминаниях, писал: «Губернский комиссар Иньков – человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет»[28]. Следует заметить также, что Комитет как орган представительный находился под большим давлением радикальных сил, и его тактика больше соответствовала требованиям «текущего момента». На комиссара, им избранного, Комитет смотрел как на своего подотчетного адепта, комиссар же относил Комитет к числу «прочих» общественных организаций, не обладавших политической властью.

Между тем Комитет народной власти, укрепив свое положение после вхождения в его состав представителей от Советов, приступил к формированию реальных структур исполнительной власти. 13 марта он утвердил выбранного Советом военных депутатов на должность начальника милиции прапорщика А.С. Шиляева и разработал инструкцию об организации временной милиции. В ней отмечалось: «Начальник милиции подчиняется исключительно губернскому Комитету народной власти, от него и получает инструкции для своей деятельности через председателя исполнительного комитета; комиссар комитета заведывает организацией судебно-следственной комиссии при милиции и состоит ее председателем»[29]. Здесь же был представ-

лен процесс организации самарской милиции: «Весь старый состав милиции, за исключением полицмейстера, оставался на своих местах. В основу организации милиции положен прежний план организации полиции, произошли лишь некоторые изменения чисто технического характера: разделение города на участки осталось прежним, посты остались на прежних местах, но вместо прежних помощников, приставов и околоточных надзирателей назначены солдаты – помощники начальников участков. В управлении милиции сохранялся примерно прежний порядок. При управлении милицией была учреждена судебно-следственная комиссия, состоящая из представителей местной адвокатуры, городских судей. Сыскное отделение осталось при прежнем составе, но переименовано в разведочное бюро»[30].

На совещании уездных комиссаров Самарской губернии 11–12 апреля его участники пришли к единогласному заключению, что в уездах дело охраны общественной безопасности поставлено слабо. Милиция имелась только в городах, в уездах же, за малым исключением, совершенно отсутствовала. Совещание признало необходимым обратить самое серьезное внимание на столь существенный пробел в деле формирования уездной власти[31]. К 17 апреля, когда появилось «Временное положение о милиции», на местах уже существовал определенный милицейский аппарат из рабочих, солдат и крестьян, стремившийся использовать их движение в своих целях. «Народная милиция», образованная Самарской городской думой и исполкомом Комитета народной власти, по существу ничем не отличалась от старой полиции. Многие из уволенных полицейских были впоследствии приняты обратно на службу. Для этого всего лишь требовалось, чтобы бывший полицейский чин или жандарм дал письменное обещание следующего содержания: «Даю сию подписку в том, что я признаю новое правительство, обязуюсь повиноваться ему и беспрекословно исполнять все его распоряжения»[32]. Социальный состав милиции был в основном мелкобуржуазным, проникали туда также деклассированные элементы.

Рабочие противопоставили «народной милиции» фабрично-заводскую милицию, создававшуюся непосредственно на предприятиях по инициативе и под руководством фабрично-заводских комитетов. Выдвижение рабочих в состав фабрично-заводской милиции проводилось на самой широкой демократической основе с обязательным обсуждением кандидатур на общих собраниях коллектива предприятий, с утверждением путем открытого или тайного голосования. Она должна была функционировать на основе периодичности переизбрания, подотчетности своих действий фабрично-заводским комитетам, оплачиваемости предпринимателями. Основной задачей фабрично-заводской милиции являлось поддержание порядка на предприятиях,

в пролетарских рабочих поселках и районах, то есть выполнение охранных функций. В то же время круг вопросов, которые приходилось решать ей в ходе революции, был значительно шире и глубже. Она была вооруженной опорой фабрично-заводских комитетов и представляла большую силу при решении вопросов контроля над производством и распределением, в борьбе со спекуляцией и хищением, бандитизмом и погромами, чинимыми черносотенными элементами. Нередко она участвовала в охране рабочих собраний, митингов, демонстраций.

Фабрично-заводской милиции, рабочим дружинам приходилось вести борьбу за свое существование, постоянно отражая попытки правительственных властей ликвидировать боевые отряды рабочих. Меньшевистско-эсеровские лидеры в Советах проводили политику растворения уже созданной рабочей милиции в буржуазной милиции. Они внушали народу, что «пролетариат совершенно не нуждается в создании своей особой "пролетарской силы"», «так как завоевание революции достаточно обеспечивается перешедшей на сторону народа армией». Большевики, напротив, поощряли инициативу революционных масс по созданию своих боевых организаций. Рабочие вооруженные отряды создавались под различными названиями: «рабочая милиция», «боевые рабочие дружины», «рабочая оборона». В Самарской губернии заводская милиция имела довольно широкое распространение. В марте-апреле четко прослеживается ее организационное оформление на предприятиях, расположенных в уездах. В отчете инспектора МВД по делам милиции, проводившего инспекцию летом 1917 г., совершенно определенно указано, что в Самарском уезде на снарядном и мелинитовом заводе имелась заводская милиция, «которая начальнику уездной милиции не подчинена». Большой отряд рабочей милиции был сформирован 2 марта 1917 г. комитетом на Сергиевско-Самарском заводе взрывчатых веществ в поселке Иващенково «для охраны завода и склада и поддержания порядка в районе»[33].

Одним из важных революционных потоков явилось движение солдатских масс. За влияние на войска Самарского гарнизона шла ожесточенная борьба различных политических организаций города. В условиях аморфности властных структур политические силы делали ставки на конкретные вооруженные силы. Лидировали здесь большевики, поддержавшие бунт солдатских комитетов. Комитет народной власти пытался смягчить антагонизм в частях гарнизона, призвав в своем воззвании к единению солдат и офицеров. На первых порах его примиренческая тактика удалась: в Самарский Совет военных депутатов были избраны 44 солдата и 19 офицеров, возглавил его кадет Хрунин, заместителем выбрали меньшевика П.П. Митрофанова. Вначале Совет военных депутатов поддерживал внешнюю политику Вре-

менного правительства, считая своей главной задачей «доведение войны с германским милитаризмом в согласии с союзниками до победного конца». Тогда самарские большевики начали планомерную работу по привлечению войск на свою сторону. При губкоме РСДРП(б) была создана военная партийная комиссия, в которую вошли: А.А. Масленников, А.П. Галактионов, Н.Ф. Панов, Ф.И. Венцек, С.И. Дерябина, А.В. Гавриленко, Ю.К. Милонов, С.О. Виксин, П.А. Стяжкина, В.М. Кармашев, П.М. Голубев, М.С. Бешенковская. Комиссия поставила задачу объединения военнослужащих-большевиков города и расширение агитационно-пропагандистской работы в гарнизоне. Губком РСДРП(б) требовал от членов комиссии выступать на всех собраниях и митингах, пропагандируя программу своей партии и разоблачая политику Временного правительства.

Демонстрация 1 мая 1917 г. в Самаре. Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Опорой Самарского комитета большевистской партии были солдаты-большевики, работавшие непосредственно в частях гарнизона. Так, большую агитационную, пропагандистскую и организаторскую работу в 133-м запасном полку проводили прапорщики С.Я. Тиунов, С.И. Мельников, в саперном батальоне – В.К. Блюхер. Самарские большевики в своей работе в армии использовали все доступные сред-

ства и формы агитации: от проведения многотысячных митингов и демонстраций до групповых и индивидуальных бесед с солдатами, приглашая их в городской партийный клуб. Здесь проводились дискуссии на политические темы, устраивались лекции, распространялись большевистские центральные и местные газеты, брошюры, листовки. Для упрочения позиций в массах самарские большевики упорно добивались объединения Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов. Они убеждали солдат переизбрать Совет военных депутатов, который поддерживал политику продолжения войны. В результате проведенных 24–27 марта выборов в Совет военных депутатов вошли 220 солдат и 54 офицера, но руководство в нем снова оказалось в руках эсеров и меньшевиков. 31 марта 1917 г. на заседании Совета военных депутатов В.В. Куйбышев предложил объединить Совет рабочих депутатов с Советом военных депутатов в интересах «более планомерного направления организованных сил армии и пролетариата». Для этого большевики организовывали совместные митинги и собрания рабочих и солдат.

Еще большей популярностью в войсках Самарского гарнизона пользовались эсеры. Армия в подавляющем большинстве своем состояла из вчерашних крестьян, причем не только молодых, но и умудренных жизненным опытом. «Земля и воля», «Социализация земли», «В борьбе обретешь ты право свое» – эти броские лозунги очаровывали доверчивые сердца мужиков, призывая их к борьбе за реализацию вековой мечты. Поэтому в исполкоме Совета военных депутатов и после объединения Советов, произошедшего 23 апреля, подавляющее большинство оставалось за эсерами и меньшевиками. Эти две партии объединяла прежде всего оборонческая позиция. В Самаре функционировал также гарнизонный Совет крестьянских депутатов, исполком которого состоял исключительно из представителей партии эсеров. Толчком к политической переориентации солдатских масс послужило наступление на фронте, начатое по приказу коалиционного Временного правительства 18 июня 1917 г. Оно вызвало гнев и возмущение. Измученные затянувшейся войной солдаты не желали идти в бой. «Солдаты хотя и считали себя эсерами, но воевать не хотели»[34], – вспоминал один из участников событий в Самаре С. Полшков. Провал июньского наступления на фронте, сопровождавшийся людскими потерями, был воспринят солдатами как измена делу революции со стороны Временного правительства. Самарский Комитет большевиков, учтя обстановку, дал директиву военным членам партии использовать недовольство в войсках для укрепления своих позиций. Выступая «за немедленный демократический мир без аннексий и контрибуций», они не указывали пути его достижения, но массы об этом и не спрашивали.

§ 3. ВЛИЯНИЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПОЛЯРИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ

После определения позиций в городе все политические партии обратили свои взоры к деревне, так как в условиях продолжающейся революции любая власть зависела от поддержки большинством населения страны. Большинство в России 1917 года составляло крестьянство, в аграрной Самарской губернии – значительное большинство, причем имевшее бунтарское прошлое. Уже в марте из деревни стали поступать первые сведения о крестьянских выступлениях, направленных против высоких арендных цен, о потравах в помещичьих экономиях и самовольной рубке леса. Крестьяне-общинники, пользуясь революционной обстановкой, выдвинули требование возврата в общину земель столыпинских выделенцев. Крестьянское движение стремительно нарастало, и местные политические деятели все острее чувствовали необходимость «принимать меры» к недопущению аграрных беспорядков.

Ожесточенная борьба за крестьянство происходила на губернских и уездных крестьянских съездах. Их организация в мае-июне существенно изменилась. Крестьянских делегатов выбирали теперь непосредственно на сельских сходах и волостных собраниях, давая им наказы о желательном для крестьян решении земельного вопроса, а также по другим злободневным вопросам революционного времени. Под давлением крестьянских делегатов, выбранных непосредственно от деревень, а не кооптированных различными политическими партиями, союзами, группами, на съездах принимались решения, шедшие вразрез с указаниями центральных органов власти Временного правительства и ЦИК Советов.

Состав крестьянских съездов и создававшихся или переизбиравшихся на них советов крестьянских депутатов и их исполнительных комитетов был общекрестьянским, а кое-где и общесословным. Крестьянские съезды в своих решениях, принятых под давлением делегатов-крестьян, были более радикальны, чем выбиравшиеся на них исполнительные комитеты советов крестьянских депутатов. Часто большевики и сочувствующие им принимали участие в работе крестьянских съездов (например, А.А. Масленников, В.В. Куйбышев), но в исполнительные органы советов проходили только эсеры, которые были организаторами этих форумов. Особенностью подготовки крестьянских съездов, состоявшихся в мае-июне 1917 г., явилось то, что выборы на них осуществлялись одновременно с выборами на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, проходивший с 4 по 28 мая 1917 г., социальный и партийный состав которого во многом зависел от подготовительной работы на местах. В этой ситуации самарские эсеры при-

ложили все силы к тому, чтобы завладеть монопольным правом на влияние среди крестьянства. Большевикам удалось разъяснить свою аграрную программу перед представителями крестьян губернии только в ходе работы съездов, но влиять на их решения они не могли.

Во время подготовки крестьянских съездов в деревне внимательно прислушивались к советам солдат-отпускников, а также посланцев землячеств и крестьянских советов в армии и на флоте. Солдаты и матросы, даже если они не были большевиками, часто пропагандировали лозунги и программу большевистской партии в деревне. Особенно успешно организаторская работа солдат среди крестьянства проходила там, где ее направляли большевики. Сызранский комитет РСДРП(б), например, развернул планомерную работу в деревне и обязал каждый взвод гарнизона выделить по два человека для агитации среди крестьян в ходе подготовки сначала I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, а затем Учредительного собрания[35]. Самарский Совет рабочих депутатов в конце апреля – начале мая 1917 г. направил в деревню большую группу солдат-большевиков для проведения агитационной работы в период подготовки I Всероссийского съезда крестьянских депутатов и II Губернского крестьянского съезда.

Среди делегатов губернских и уездных крестьянских съездов рабочих и солдатских делегатов было очень мало. Это объяснялось стремлением крестьян выдвинуть на съезды как можно больше представителей из своей среды. Кроме того, ситуация в городе была очень сложной и запутанной. Вот как оценивал ее член Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер М.И. Игаев: «Настало время, когда каждый человек, достойный высокого звания гражданина, должен, внимательно оглядевшись вокруг, сказать себе и другим, что нельзя жить дальше так, как мы живем теперь. Мы тонем в бесправии и разнузданности; хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах. Спасение страны – в разумном творчестве, в сознании порядка, организованности и права: в этом основа гражданской жизни»[36]. К тому же эсеры стремились оградить крестьянство от «дурного» влияния города и сделать его мощной социальной опорой партии.

II Губернский крестьянский съезд, открывшийся в Самаре 20 мая, 28 мая объединился со всесословным и продолжал работу по 6 июня 1917 г. Он наглядно продемонстрировал пробуждение крестьянских масс, их активное стремление сознательно влиять на ход политических событий в стране. Организаторы съезда всячески пытались удержать делегатов в узких рамках заранее обсужденной повестки дня, сведя ее к постановке преимущественно организационных вопросов. Таким образом, взрывоопасный аграрный вопрос откладывался бы до открытия всесословного съезда, где крестьяне заседали с представителями других сословий. Противостояние между делегатами и орга-

низаторами съезда началось в первый же день его работы, после того как отзвучали взволнованные приветствия собравшимся от различных политических партий, союзов, организаций. Крестьяне, громко аплодировавшие приветствовавшим их, насторожились при выборах рабочих органов съезда. Эсеровское руководство попыталось обеспечить себе в них непременное единовластие. Председателем съезда большинством голосов был избран эсер С.А. Волков, а выборы постоянных товарищей (заместителей) председателя секретарь съезда эсер М.И. Игаев предложил отложить до проверки полномочий делегатов. Тут и начались бурные прения. Крестьяне решительно потребовали утвердить товарищами председателя Хлопотина и Лукьянова, выбранных на утреннем заседании 20 мая, а делегат Мошков (Самарский) заявил, что «это предложение Игаева клонится к умалению прав крестьян... относительно С.А. Волкова он этой меры не предлагал... потому что Волков интеллигент и сам Игаев интеллигент, и надо избрать без проверки их полномочий, а нас, крестьян, выбирать только после проверки наших полномочий. А между тем сами они, Игаев и Волков, никаких полномочий не имеют и никем не избирались». Председатель Совета крестьянских депутатов Г.М. Соколов выступил в защиту эсеровского руководства, заявляя, что «им не нужно особых полномочий с мест, так как они являются участниками съезда как члены Совета крестьянских депутатов». Волков и Игаев принялись яростно доказывать свой неоценимый вклад в дело организации крестьян, а Мошкова представили «темным и малосознательным», но не имевшим «злостных расчетов и планов», и призвали отнестись к нему снисходительно: «Мошков ошибся, и не надо эту ошибку ставить ему в вину»[37]. Однако «В.И. Гурчев, получивший слово по вопросу о выборах в президиум, вновь касается полномочий Волкова и Игаева, находит их недостаточными и приветствует слова, сказанные Мошковым»[38]. Получив отпор от делегатов-крестьян, руководители съезда сманеврировали, объявив о выборах постоянного президиума без всяких проверок полномочий делегатов, включив в его состав Хлопотина с Лукьяновым, из-за которых разгорелись споры. Одно место в президиуме было предоставлено мусульманской группе, выдвинувшей в товарищи секретаря Бурхаметдина Шамсулова «для записывания на татарском языке».

На другой день работы съезда председательствующий предложил послать приветственную телеграмму Временному коалиционному правительству с выражением ему полного доверия. Но и по этому вопросу на съезде не было единого мнения, даже среди эсеров. И.М. Брушвит предложил выразить доверие лишь министрам-социалистам, на что С.А. Волков резонно заметил, «что нельзя поддерживать правительство, если части министров мы наперед отказываем в поддерж-

ке»[39]. Телеграмму передали в редакционную комиссию, да так и не возвращались больше к ее обсуждению. Крестьяне требовали разрешения земельного вопроса и организации своей власти на местах: им было все равно, будет или не будет послана верноподданническая телеграмма[40]. Все попытки крестьян отклониться от повестки дня, вынести на обсуждение свои насущные проблемы руководством съезда решительно пресекались. Например, на крик души делегата Свиридова о том, «что у них в селе нет священника», председательствующий заметил, «что вопрос об этом не подлежит рассмотрению съезда»[41]. Особое внимание организаторы съезда уделили формированию представительного органа Совета и его исполкома.

Доклад председателя губернского Совета крестьянских депутатов Г.М. Соколова был посвящен анализу процесса возникновения, организации и деятельности Совета и его взаимоотношений с Комитетом народной власти. Он признал, что в «Исполнительном Комитете Совета мало представителей от крестьян, и они избраны временно, без соблюдения пропорциональности», а Совет не может в таком составе «быть выразителем и защитником интересов всего крестьянства губернии». Опасаясь, что их обошли при формировании не только исполкома Совета, но и органов губернской администрации, делегаты стали выяснять состав исполкома губернского Комитета народной власти и, получив информацию о его социальном составе (21 человек от крестьян, по 10 – от рабочих, военных и городов), нашли такое представительство недостаточным для крестьян. Причем расширение своего представительства крестьяне считали непременным условием и предпосылкой экономической стабилизации в губернии. Делегат Г.К. Булохов заявил: «Крестьян в исполнительном комитете народной власти нужно иметь 80 человек, а других – 20. Только тогда бы не могло быть того хлебного кризиса, в котором находится город, и только тогда крестьянство завалило бы Самару хлебом»[42]. Такое простое решение сложнейших экономических вопросов имело поддержку у крестьян, как и все «простые рецепты».

Когда на съезде 22 мая предметом обсуждения стало выяснение функций, роли и значения Советов, эсеры выступили за их образование «на местах до сел включительно»[43]. Деятельность таких Советов они полагали ограничить «контролем за правительственными органами» и наделяли их весьма расплывчатой функцией – «охранять интересы народа»[44]. Сами крестьяне склонны были наделить Советы всех уровней властными функциями и заявили, что «надо солдатские и рабочие организации связать с крестьянскими воедино»[45]. В ходе обсуждения на съезде вопроса о Советах и других крестьянских организациях явно проявилось стремление крестьянских депутатов к классовому представительству в них. Однако эсеры настояли «на предста-

вительстве в губернском Совете крестьянских депутатов... с правом совещательного голоса представителей политических партий, сведущих лиц от земств, городов, правительственных учреждений и пр.»[46].

Лишь на четвертый день работы съезда делегаты приступили к главному для крестьян вопросу о земле, да и то не сразу. Сначала с «запоздалыми приветами», кстати, сильно затянувшимися, выступили представители самарского студенческого общества и самарского мещанства. Затем С.А. Волков сделал два доклада: «О Всероссийском крестьянском союзе», оставленный без обсуждения и переданный в комиссию, и довольно куцый – о земле, представлявший собой общие мнения «социалистов-революционеров и министра Чернова о невозможности решить до Учредительного собрания вопрос об уничтожении частной собственности»[47]. П.Д. Климушкин, страстно обличая вековую несправедливость в пользовании землей, сложившуюся в России, предложил «землю отдать в руки трудового народа во временное пользование, так как сейчас нельзя переделять землю, солдаты кинутся, фронт немцы прорвут»[48]. В результате на съезде были выработаны «Временные правила пользования землей» в Самарской губернии.

В противовес взвешенному, осторожному подходу к решению земельного вопроса, характерному для организаторов съезда, большие симпатии собравшихся вызывали предложения немедленного и радикального изменения всех земельных отношений – и старых, и новых. Показательно в этом плане выступление делегата Иванова, заявившего, что в докладе Волкова по земельному вопросу не предлагаются конкретные меры по его решению, а «льются крокодиловы слезы о культуре помещичьих полей». И далее оратор с возмущением продолжил: «Кто же это плачет? Плачут это те же буржуа и кадеты, которые разъезжают по деревням и селам со своей агитацией. Если же говорить о культуре, как о таковой, то чьими же руками производилась культура помещичьих полей? Теми же мозолистыми руками. Будут у крестьянина средства, будет и культура, он создаст ее». Еще более непримирим он был к владениям хуторян и отрубников: «Введение отрубочного хозяйства – это ставка на сильных. Ее поставил Столыпин. Столыпин убит как злодей народа, будет убито Учредительным собранием и его детище, то есть отрубное хозяйство»[49]. После таких «зажигательных», по радостному утверждению делегата Лукьянова, речей руководители президиума съезда вынуждены были оправдываться в своих намерениях, заявлять, что и они против «юридического права собственников на землю». Лавирование эсеров было использовано большинством крестьянских делегатов для дальнейшего на них давления с целью образования новой комиссии для решения земельного вопроса в радикально-конфискационном плане. Выступая

с решительной критикой выдвинутых эсерами предложений по временной стабилизации земельных отношений до Учредительного собрания, делегат Егоров заявил: «Плата за землю частным владельцам недопустима... если мы будем откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, как предлагают тт. Климушкин, Брушвит и др., то будет ли от этого лучше... Нам всегда говорят "потом, потом, потом", а теперь до Учредительного собрания... С землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя»[50]. Это был явный намек на разглагольствующих эсеров.

Требования крестьянских депутатов о немедленном решении земельного вопроса поддержали на съезде и представители гарнизонного Совета крестьянских депутатов, заявив, что «передача земли в руки трудового народа должна быть немедленной». В своих выступлениях крестьянские депутаты опирались непосредственно на наказы о земле, выработанные на сельских сходах, волостных съездах, ротных и полковых собраниях в гарнизонах. Эти наказы вручались делегатам как II Губернского, так и I Всероссийского крестьянских съездов. В своем наказе делегату от Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии крестьяне записали: «Вся земля, както казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и частновладельческая должна принадлежать трудящемуся народу, то есть тем, которые обрабатывают ее своими руками». Крестьяне требовали также «помощи для обзаведения земледельческими орудиями, рабочим скотом».

Выборы на II Губернский крестьянский съезд проводились на основе «прямого и тайного голосования всего населения Самарской губернии, за исключением Самары и уездных городов в возрасте от 18 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания». Облеченные доверием крестьянства губернии делегаты съезда чувствовали себя законодателями, заявляя, что «явились сюда не ждать, чтобы преподнесли закон, а сами должны создавать закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит». Они же заявили: «Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает». В результате категорического требования немедленной передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, эсеры вынуждены были на съезде изменить свою тактику по аграрному вопросу, чтобы не потерять доверия крестьян. Губернский комиссар С.А. Волков вынужден был также оправдываться перед съездом. Интересен в этом отношении следующий факт: 25 мая на съезде был зачитан циркуляр Временного правительства от 3 мая 1917 г., в котором предлагалось вести борьбу с земельными захватами на местах самыми решительными мерами, вплоть до вмешательства прокурора. Учитывая настроение съезда, губернский комиссар, умевший ловко лавировать,

заявил, что «жалобы, которые поступали с мест, всегда отсылал для разбора на места, сам же не принимал мер, ибо считал, что на месте виднее, кто прав, кто виноват... к прокурору не обращался ни разу, ибо... это не его дело». Крестьянские же делегаты в связи с обсуждением данного циркуляра прямо заявили, что «спорные вопросы о земле должен решать не один человек, а Совет крестьянских депутатов». Эсеры тоже выступили с критикой данного циркуляра, отметив, что «местные комитеты не считаются с распоряжением правительства, которое считает их постановления незаконными», и это вполне оправдано. И все же они надеялись, что новое коалиционное правительство с участием «министров-социалистов» будет лучше, а потому в поддержке ему не отказывали, на места же послали телеграмму о том, «чтобы там не руководствовались циркулярами старого правительства, а руководствовались постановлениями мартовского губернского крестьянского съезда и постановлениями настоящего съезда».

«Временные правила пользования землей», разработанные земельной комиссией под председательством эсера П.Д. Климушкина, были приняты на съезде после ожесточенных споров. Эти правила в корне подрывали основы частной собственности, так как передавали «все земли частновладельческие, казенные банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные – и вообще все земли, не обрабатываемые собственным трудом... в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таких нет, то Комитетов народной власти, которые и становятся от сего времени фактическими их распорядителями...». Приняв эти правила, эсеры вынуждены были защищать их основные положения, пойдя на обострение отношений со своим центральным руководством и министерствами земледелия и внутренних дел Временного правительства. Уже на съезде П.Д. Климушкин, зачитав постановление Всероссийского Совета крестьянских депутатов по аграрному вопросу, заявил: «Хотя мы и приняли в основу своих работ эти пожелания, но не целиком. В некоторых местах мы с ними расходимся коренным образом. Например, там арендная плата вносится помещикам. Своими постановлениями Всероссийский Совет крестьянских депутатов ведет нас в яму...»[51]

При обсуждении земельного вопроса на съезде выявилось столкновение двух точек зрения на его решение: умеренно-реформаторской, выдвинутой и поддержанной эсерами, занимавшими руководящие посты в Советах крестьянских депутатов, и радикально-конфискационной, отстаиваемой большинством крестьянских депутатов, поддержанных большевиками. Такое противостояние длилось недолго и закончилось победой радикалов, утвержденной во «Временных правилах». Эсеры на это пошли, боясь потерять социальную опору партии; голоса частных владельцев из крестьян были немногочисленны, так

как в сельском мире они составляли меньшинство. Победу одержал утопически-крестьянский социализм, не принесший деревне социального мира и экономического процветания.

§ 4. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Переустройство всей системы местного самоуправления на широких демократических началах осуществлялось в течение всего 1917 года. Либеральные общественные силы саму судьбу революции связывали с осуществлением местной реформы. В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразований. Осуществлявшаяся им реорганизация власти на местах основывалась на стремлении сохранить приоритет центрального руководства, единообразие системы управления. Кроме того, органы самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти. Законодательная деятельность Временного правительства с самого начала расходилась с представлениями народных масс о необходимых направлениях изменения системы организации власти и самоуправления на местах, способах их взаимодействия. После февраля 1917 г. в общественном сознании удивительно быстро утвердился «культ народного избрания». В связи с этим деятельность городских дум и управ активизировалась. Весть о падении самодержавия они восприняли как сигнал к действиям по усилению влияния местного самоуправления. По получении известий из Петрограда «о взятии государственного и общественного порядка в ведение Временного Комитета Государственной думы»[52] городские общественные управления первыми приветствовали его и обещали «все силы долга, совести и разумения отдать делу устроения светлого будущего»[53].

Городские думы и управы, выступившие в первые дни революции с инициативой организации представительных структур местной власти, как правило, самоограничивали собственную компетенцию управлением городским хозяйством. Общественные исполнительные комитеты, напротив, претендовали не только на административное управление, но и на политическое влияние в условиях формирования новых органов власти на местах. В связи с этим они заявляли, что до «издания новых законов о местном самоуправлении» готовы принять «на себя руководящую роль над органами местного самоуправления во всем объеме их деятельности»[54]. На процесс демократизации городских дум в марте-апреле 1917 г. влияли и общественные комите-

ты, и Советы. Единообразия здесь не было. Поскольку Советы имели представительство в комитетах, то они могли влиять на изменение состава дум через соответствующие комиссии комитетов. Чаще всего Советы напрямую делегировали своих представителей в думы с целью их демократизации. Иногда комитеты и Советы соперничали за влияние в думах. Это происходило в тех случаях, когда Советы заявляли о своей самостоятельности по отношению к общественным исполнительным комитетам. Наибольшую активность на начальном этапе демократизации городского самоуправления проявили общественные исполнительные комитеты.

Самарский Комитет народной власти еще в первой половине марта 1917 г. выделил из своей среды комиссариат из 9 человек, который должен был руководить хозяйственной деятельностью городского самоуправления. По сути, этот орган подменял собой городскую управу. Решения по всем важным вопросам городского хозяйства подлежали обязательной санкции исполкома Комитета народной власти. Вопросы «скорейшей подготовки реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»[55] Комитет также объявил своей компетенцией. 11 апреля состоялось собрание представителей общественных организаций в г. Самаре по вопросу о пополнении демократическими элементами состава думы. Решено было предоставить места в думе следующим группам: рабочей – 12, военной – 12, местным мещанам – 12, нецензовым организациям – 12, общественным организациям – 12 и интеллигенции – 12. Выборы были назначены на 15 апреля 1917 г. Совет депутатов общественных организаций утвердил инструкцию выборов в городскую думу, по которой организации чисто цензовые исключались из числа выборщиков, а в смешанных участвовать в выборах могли только цензовые элементы. Избранными в думу могли быть только нецензовики[56]. Ценз в Самарскую городскую думу до Февральской революции составлял 1000 руб.[57] По поводу демократизации городских дум из Министерства внутренних дел на имя губернских комиссаров Временного правительства была послана телеграмма. В ней разъяснялось, что «все ныне допускаемые меры для демократизации существующих собраний и управ должны как временные отпасть после новых общих на единообразных началах проведенных выборов»[58]. В действительности реформированные городские думы играли значительную роль не только в хозяйственной, но и социально-политической жизни, так как все политические силы стремились укрепить свои позиции. Первое заседание реформированной думы в Самаре состоялось 27 апреля 1917 г. На нем были заявлены декларации всех ее новых групп. В общей декларации нецензовиков указывалось на необходимость в целях улучшения финансового положения города

провести усиленное обложение недвижимости; конфисковать у монастырей и других лиц захваченную у города землю; осуществить полный контроль над городским хозяйством.

Кроме того, с декларациями выступили представители всех партийных фракций: социал-демократической, эсеровской, народно-социалистической и кадетской. Социал-демократы и эсеры выдвинули единую декларацию, в которой обосновывалась необходимость муниципализации предприятий, обслуживающих потребности широких масс населения: создания единой бесплатной, демократической школы; коренного решения жилищного вопроса; улучшения условий труда: прямого обложения имущих классов посредством прогрессивного подоходного поимущественного налога и отмены всех косвенных налогов. Эти требования были самые радикальные. Несмотря на всю прогрессивность требований, в декларации отсутствовало самое важное – указание на пути ее реализации. Состав обновленной Самарской думы по-прежнему отличался засильем цензовых элементов. «По численности в городе группа цензовиков является очень маленькой, но в думе она сохраняет за собой половину мест»[59], отмечалось в демократической печати. Несмотря на это, на думу возлагали большие надежды достаточно широкие слои населения. Об этом свидетельствовало приветствие обновленной думе от группы железнодорожников-социалистов, которые считали, что «только такой состав в состоянии провести меры, ведущие к благоустройству г. Самары», и предлагали «увековечить память о вашем первом заседании как начале новой эры в развитии нашего города...» Рассмотрев заявление солдаток о желании устроить демонстрацию в день открытия думы, исполнительный комитет Совета рабочих депутатов постановил: считать демонстрацию допустимой. Во время заседания думы к зданию прибыла громадная процессия солдаток с красными флагами и знаменами. В числе лозунгов были: «Да здравствует международный мир», «Увеличение пайка», «Пенсия инвалидам». Делегаты от митингующих огласили 11 пунктов их требований: увеличение пайка без различия возраста, увеличение нормы сахара и т. д. Дума тут же избрала комиссию для разработки вопроса об удовлетворении требований солдаток. В то же время Самарская дума ориентировалась в своей деятельности главным образом на указания Временного правительства, которое постоянно лавировало между местными властными и общественными организациями. Так, в постановлении Временного правительства от 20 апреля 1917 г. указывалось, что «милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в ведении земских и городских общественных управлений»[60], то есть общественных комитетов, но городские и земские самоуправления должны были избирать и увольнять начальников милиции, чины мили-

ции обязаны были исполнять все законные требования правительственных властей. Такие постановления в конечном итоге привели к параличу официальных властных органов.

Избирательные кампании 1917 г. проходили в условиях социальной дифференциации и обострения политической борьбы в стране. Наибольшую оперативность при регистрации партийных списков для участия в выборах в Самаре проявили большевики. Они отказались от блока с другими партиями и первыми представили список кандидатур в городскую думу из 86 человек. В ответ на это самарские меньшевики тоже решили в блок с большевиками-ленинцами не вступать, а с остальными социал-демократическими группами и эсерами признать его принципиально допустимым. Кадеты пытались отвлечь избирателей от партийно-политической борьбы и обратить их внимание на неотложные нужды города в хозяйственной и социально-культурной области. Лидер самарских кадетов, гласный думы В. Кудрявцев убеждал, что «обилие списков никогда не в состоянии дать работоспособного ядра, как и все те новые политические образования, которые недавно стали жить и действовать открыто. Расценивать избирательные списки нужно не по симпатиям к тем или иным партийным дисциплинам, а по внутреннему их содержанию, по качеству тех кандидатов, какие выставляются, по их работоспособности и вообще по их полезности для городского хозяйства»[61].

Выборы в Самарскую городскую думу были назначены на 15 августа 1917 г. К 15 июня статистический отдел городской управы закончил работу по составлению избирательных списков и предъявил их избирателям для обозрения. Лица, не внесенные в списки, должны были в течение пяти дней заявить об этом в управу, в противном случае они не могли голосовать. Такая жесткая позиция управы способствовала дополнительной конфронтации, тем более что Временное правительство прислало разъяснение, по которому могли быть «лишены участия в выборах только монашествующие и лица, одержимые безумием»[62]. Накануне выборов, 14 августа, собрание комитетов воинских частей постановило ходатайствовать перед Временным правительством о разрешении произвести дополнительные выборы в думу от лиц, ошибочно не занесенных в списки избирателей (около 1/3 гарнизона)[63]. Но прошением дело не ограничилось. В день выборов, с утра, не включенные в избирательные списки солдаты и инвалиды устроили демонстрацию перед зданием думы, где выступавшие призывали к закрытию участков. В связи с этим выборы состоялись лишь на 11 участках из 23. Естественно, их результаты сразу же были подвергнуты сомнению левыми силами, даже по тем участкам, где выборы состоялись. Солдатский митинг, на котором присутствовало около 30 000 человек, поручил избранной делегации сделать заявле-

ние Совету солдатских депутатов. Собрание требовало экстренно составить списки невключенных избирателей, отложить подсчет солдатских голосов «до общей подачи записок всеми солдатами», в том числе и находившимися «на лечении в лазарете». Был высказан также протест против лишения избирательных прав солдат, не достигших двадцати лет[64].

Вторая муниципальная кампания в Самаре проходила в условиях обострения социальных противоречий, но отмечалась лучшей организованностью как со стороны думы, так и общественности. Дума реорганизовала избирательную комиссию, назначила нового, более деятельного председателя эсера И.П. Ткачукова, разработала «план предвыборной агитации как активной, так и пассивной»[65]. Выборы были отложены еще на неделю. Особое внимание уделялось охране города. Накануне выборов губернский комиссар С.А. Волков собрал совещание представителей от Комитета народной власти, Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, гарнизона, милиции. Был создан штаб по проведению выборов, которому предоставлялись все охранные полномочия вплоть до применения вооруженной силы. Для этого на каждый избирательный участок было делегировано по 6 человек из рабочей дружины, созданной Советом рабочих депутатов, и по 3 члена Совета солдатских депутатов. Кроме того, начальник Самарского гарнизона выделил в каждый участок по 18 солдат во главе с офицером. Было также решено в день выборов закрыть все рестораны и чайные до 4 часов дня[66]. С призывом к избирателям не допустить нового срыва выборов обратились комитеты пяти крупных социалистических партий: большевиков, максималистов, меньшевиков, эсеров и Бунда[67].

По результатам выборов 1 октября 1917 г. третью часть голосов получили большевики, что не давало им возможности проводить собственную политику даже при поддержке максималистов, интернационалистов и других левых социалистических гласных. Эсеры, получившие тоже почти третью часть мест в думе, также не имели союзников для получения большинства. От союза с кадетами они отказывались, другие мелкие группы не могли повлиять на принятие решения. Эсеры с горечью признавали: «Сравнительно с прошлыми сорванными выборами партия потеряла около 15 мест, которые заняли большевики. Мы этому не удивляемся, мы не сомневаемся в том, что в августе за наш список голосовали наши случайные “попутчики”, ждавшие от нас быстрого осуществления своих заветных мечтаний. Теперь эти случайные попутчики, те, которые привыкли называться мартовскими социалистами, ушли от нас — усталые и случайные к кадетам, а разъяренные и разнузданные — к большевикам»[68]. При такой расстановке политических сил в думе трудно было не только

принять какие-то решения по вопросам поддержания городского хозяйства и социальной инфраструктуры, но даже сформировать исполнительные органы местного самоуправления.

Демократизация земских учреждений в первые месяцы революции существенно отличалась от аналогичного процесса в отношении городского самоуправления. Среди обязательств Временного правительства, провозглашенных декларацией от 3 марта 1917 г., было проведение всеобщих выборов в органы местного самоуправления на демократических началах. Однако до выборов новых органов самоуправления Временное правительство предпочло опереться на земства при формировании местных органов власти, так как их взгляды по этому вопросу полностью совпадали. Это обстоятельство не способствовало действенной демократизации губернских и уездных земских собраний. Назначение председателей губернских и уездных земских управ комиссарами Временного правительства на местах создавало иллюзию соответствия структуры и состава земства задачам демократических преобразований. Между тем носителями земской оппозиции царскому режиму, составлявшей заметное явление, в большинстве случаев были служащие, а не гласные земств. Председатели земских управ и вовсе рассматривались местной общественностью как адепты старого режима. В силу указанных обстоятельств земства с самого начала революции стали хронически отставать от всех других общественно-политических организаций в борьбе за влияние на ход событий.

Использование земства в качестве базового института при строительстве новой власти в провинции после Февраля 1917 г. вряд ли можно рассматривать как ошибку Временного правительства, сделавшего ставку не на те общественные организации. Они были готовым, проверенным практикой аппаратом управления. В.И. Ленин с завистью писал, что Временное правительство «одержало победу невероятно легко в силу... следующих обстоятельств... готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях, Государственной думе, военно-промышленных комитетах и проч.»[69]. Исследователи земства отмечали его специфическое, промежуточное положение между «народом, в среде которого работали, и администрацией, осуществившей контроль за всей местной жизнью»[70]. Политические деятели Февральской революции сделали ставку на земство, считая его инструментом смычки между властью и обществом.

С самого начала демократических преобразований в земском самоуправлении проявился непопулярный в условиях революции опыт сдержанности, осторожности и основательности. В свою очередь, Министерство внутренних дел Временного правительства часто отказывало земствам в несанкционированных переменах состава управ. Боясь вы-

пустить из-под контроля реорганизацию власти на местах, оно рекомендовало воздержаться от перемен «впредь до опубликования Положения о выборах в земские учреждения»[71]. Земства, не привыкшие, в отличие от советов, «все брать с боя»[72], неизбежно теряли социальную базу и политическое влияние.

В Самарской губернии, где крестьянские волнения и восстания имели давнюю традицию, земские учреждения вынуждены были быстрее реагировать на изменившуюся ситуацию в стране. Аграрное движение здесь стало фактом сразу же по получении известий о падении царского режима. Крестьяне, как всегда, стремились использовать любые изменения во власти для решения векового вопроса о «земле и воле». Наконец, в Поволжье уже полвека осуществлялась массированная идейно-пропагандистская работа народнических организаций. Многие земские служащие поддерживали социалистов-революционеров. Необходимо отметить, что активность уездных земских структур в процессе демократизации не была обусловлена степенью развития капиталистических отношений в деревне. Общедемократические ценности в их деятельности были главными, а действия по изменению состава гласных земских собраний и управ — одинаковыми. Чаще всего на крестьянских съездах «избранные на местах признавали необходимым обновить весь прежний состав» земских собраний и управ, составленных «из лиц, не являющихся истинными представителями народа»[73]. Определенные нюансы в ходе демократизации земских управлений зависели от личных качеств председателей земских управ и в каждом конкретном случае носили индивидуальный характер.

Некоторые уездные земские собрания изменяли свой состав, не дожидаясь никаких разрешений или запретов правительства. Например, в Самарской губернии 16 марта 1917 г. Николаевское уездное земское собрание полностью изменило свой состав. В него вошли 64 представителя от волостей, 5 — от Совета рабочих депутатов, 5 — от военных организаций, 5 — от исполкома народной власти, 5 — от Союза женщин, 4 — от земских служащих. Была сформирована новая управа, которая на другой день приступила к исполнению своих обязанностей. Аналогичные процессы реорганизации земств охватили все южные уезды Самарской губернии уже в середине марта 1917 г.

Реорганизация губернских земств осуществлялась гораздо медленнее, они были дальше от народа и консервативнее по составу и взглядам, чем уездные. Земские служащие, привлекаемые к работе особых совещаний по вопросам демократизации местного самоуправления, выступали за немедленную реорганизацию губернских земских структур, т. к. этот процесс уже шел естественным путем «снизу». Самарское особое совещание по реорганизации губернского земства, от-

крывшееся 8 апреля 1917 г., было посвящено главному вопросу: «нужно ли проводить реформу земства сейчас, не дожидаясь, когда будет опубликован декрет Правительства»[74]. Выражая мнение большинства депутатов совещания, служащий Самарского уездного земства М.И. Лунин заявил: «...сверху мы никогда не получим хорошей реформы». Он предложил демократизировать состав губернского земства, «который, несомненно, будет работоспособней и лучше поймет задачи момента»[75]. Собрание большинством голосов приняло это предложение, постановив начать выработку земской реформы, которая будет действовать до нового закона Временного правительства[76]. Итак, ни цензовым, ни обновленным и демократизированным земствам не удалось аккумулировать силу мнения народа. В связи с этим сила власти, сделавшей ставку на земства, оказалась призрачной. Логика революции отталкивала массы от земств, стремившихся удержать их в русле законности и порядка, постепенности и осторожности в решении сложнейших проблем общественного развития. Властные структуры на местах, организованные Временным правительством из верхов земского самоуправления, с самого начала своей деятельности оказались в непримиримом противоречии с правотворчеством масс в области государственного строительства и самоуправления. В Самарской губернии, где сельское население не только преобладало численно, но и имело значительный опыт социальной организации, срастание власти и земства толкнуло крестьян к советам, декларировавшим принципы классового представительства.

§ 5. КРИЗИС ВЛАСТИ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1917 Г.

В организации власти на местах Временное правительство первоначально исходило из принципа преемственности. Предполагалось, что правительственный комиссар должен обладать значительной частью прав прежнего губернатора, а местное общественное управление по-прежнему будет ведать городским хозяйством через реформированные думы. Комитеты общественных организаций планировалось распустить после избрания новых дум. Коалиционный характер Самарского Комитета народной власти не предотвратил противоречий между политическими силами, входившими в него. Он не смог превратиться в координирующий орган, в связующее звено между властью и народом. 28 мая 1917 года на губернском Всесословном съезде был заслушан доклад К.Г. Глядкова о работе Комитета, после чего открылись прения по его реорганизации. Съезд постановил изменить социальный состав Комитета и предоставить в нем крестьянам 60 мест, рабочим, военным и представителям городов – по 15 мест,

3 места беженцам. Используя давление крестьянских депутатов съезда, настаивавших на пропорциональном представительстве в Комитете народной власти, эсеры провели в его исполком большинство членов своей партии. Здесь же, на съезде, развернулась дискуссия об институте губернских комиссаров. По предложению П.Д. Климушкина, была принята резолюция, признававшая необходимость существования губернского комиссара, но «при условии избрания его комитетом из своей среды и подчинения его комитету». 29 мая К.Н. Иньков заявил о сложении с себя полномочий губернского комиссара. С.А. Волков констатировал: «Теперь у нас два органа власти: с одной стороны – Комитет народной власти, с другой – Комиссар»[77]. К.Н. Иньков не хотел мириться с таким положением, но необходимой поддержки для отстаивания своего единовластия не имел, а потому подал в отставку. Некоторое время обязанности губернского комиссара исполнял Н.В. Осоргин, ранее бывший заместителем Инькова.

Большевистская фракция на заседании исполнительного Комитета народной власти 1 июня вообще предложила ликвидировать институт губернских комиссаров. Меньшевики поддержали эсеров и предложили такую формулировку по данному вопросу: «Представителем власти на местах является губернский комитет, а представителем его перед правительством и правительства перед местной властью является выборный комиссариат»[78]. На первом обновленном заседании губернского исполнительного комитета народной власти 14 июня был избран президиум в следующем составе: «...председатель Брушвит, товарищи председателя Н.М. Левинтов (от рабочей секции), П.П. Митрофанов (от военных), Климушкин (от крестьян), место от горожан не занято. Губернским комиссаром избран С.А. Волков, его помощником — Шаманин». В тот же день была произведена рокировка партийных фигур в Самарском Совете рабочих депутатов. «Решено было составить президиум рабочей секции Совета из 6 человек: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 эсера. Избраны: председатель Куйбышев... тов. председателя И.Т. Журавлев, секретарь Милонов, казначей А.Ф. Бурлаков. В связи с избранием председателем большевика меньшевики отказались занять в президиуме 2 предоставленных им места»[79].

Особенно усложнилась обстановка в губернии в ходе реализации решений II Крестьянского съезда. Постановления его коренным образом расходились с указаниями Временного правительства и позицией руководства эсеровской партии. 22 июня губернским исполкомом Комитета народной власти обсуждалась телеграмма товарища министра внутренних дел Леонтьева, объявившего все решения II Крестьянского съезда по земельному вопросу незаконными. Он требовал принять меры по недопущению проведения их в жизнь. Комитет же предписал уездным комиссарам не исполнять циркуляра

Леонтьева, обратиться к министру земледелия Чернову с предложением обжаловать решение князя Львова и Леонтьева. Предложение части меньшевиков апеллировать ко Всероссийскому съезду Советов было на заседании большинством отвергнуто. Губернский Совет крестьянских депутатов занял неустойчивую, колеблющуюся позицию. В заявлении от 23 июня 1917 г. Совет заявил, что «до выяснения отношения всего Временного правительства к постановлениям II Самарского губернского крестьянского съезда предлагает на местах руководствоваться только временными правилами пользования землей, выработанными... съездом»[80]. В то же время, боясь ответственности, исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов и земельный комитет упрашивали министров Временного правительства «утвердить постановления крестьянского съезда, как уже проводимые на местах и вошедшие в жизнь».

Если эсеровское губернское руководство колебалось и никаких конкретных действий не предпринимало для реализации решений II Крестьянского съезда, за исключением ходатайств об их утверждении, то крестьянство губернии через свои комитеты на местах приступило повсеместно к их осуществлению. «После состоявшегося II Самарского губернского крестьянского съезда крестьянами повсеместно осуществляется захват частновладельческих земель... через местные земельные комитеты», жаловался поверенный сельскохозяйственного и торгово-промышленного товарищества Соколова и Самойлова в губернский земельный комитет[81]. В свою очередь, низовые крестьянские комитеты отмечали, что «с образованием союза посевщиков, во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь право частной собственности, положение ухудшилось... Такие меры противодействия не установили, конечно, хороших отношений между помещиками и крестьянами»[82]. В поисках «мужицкой правды» крестьяне постепенно отходили от эсеров и попадали в объятия большевиков. Последние стремились в ходе своего социалистического эксперимента подпереть мускулистые, но немногочисленные пролетарские плечи мощным крестьянским хребтом.

Политическое положение в России изменилось после июльского кризиса Временного правительства. Невозможным стал мирный путь развития революции. Претворение в жизнь радикальных требований рабочих и крестьян могло осуществиться лишь путем свержения власти Временного правительства и установления власти Советов. События 3–4 июля 1917 г. в Петрограде, закончившиеся расстрелом демонстрации трудящихся, вызвали мощную волну протеста по всей стране. Рабочие Самары высказали свою полную солидарность с рабочими Петрограда: «Громко и во всеуслышание мы заявляем о своей полной солидарности с петроградскими революционными рабочими

и солдатами». А рабочие Трубочного завода заявили, что «травля, поднятая буржуазией против большевиков, есть поход против всего рабочего класса». Трудящиеся города призывали поддерживать большевистские лозунги: «Мира, хлеба и свободы!», «Никакого доверия правительству капиталистов и помещиков и связавших себя преступной связью с ними социалистов!», «Вся власть революционному народу!», «Да здравствует передовой отряд всемирной рабочей революции — петроградский рабочий класс, петроградская революционная армия!».

Власти начали открытое наступление против революционно-радикальных сил: «Большевиков-интернационалистов травили здесь в Самаре, как и повсюду, на каждом шагу, на каждом перекрестке. Злобная ложь и клевета распространились повсюду»[83]. Были попытки закрыть газету большевиков и клуб, существовала угроза погромов. Комитет народной власти создал Комитет общественной безопасности для борьбы с революционными силами. Буржуазные газеты печатали компромат на большевиков. На митингах и собраниях большевикам не давали выступать. Готовился арест руководящих работников большевистских комитетов и разгром большевистской организации, которая снова оказалась на полулегальном положении. Гонения на большевиков не уменьшили влияния их идей, а, напротив, привлекли новых сторонников. В Самаре проводились митинги протеста рабочих против преследований большевиков. На митинге 26 июля в Аржановском саду после выступления большевиков И.П. Трайнина, А.П. Галактионова и П.С. Борисова была принята резолюция с призывом к сплочению вокруг лозунгов: «Долой мировое побоище! Долой смертную казнь! Долой тайные договора! Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!». О возросшем влиянии большевиков свидетельствовали перевыборы исполкома рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов 21 июля 1917 г., в который было избрано 9 большевиков, 8 меньшевиков, 8 эсеров и 5 максималистов. Во вновь избранное 27 июля бюро профсоюзов вошли главным образом большевики. К VI съезду РСДРП(б) Самарская партийная организация значительно укрепилась. Число ее членов увеличилось до 4 тыс. человек.

VI съезд РСДРП(б) определил задачи и тактику партии большевиков в новой исторической обстановке, когда «мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла в руки контрреволюционной буржуазии»[84]. Большевики выступали на рабочих и солдатских митингах, систематически освещали постановления съезда в «Приволжской правде». Руководящие агитацией и пропагандой А.А. Масленников и А.Х. Митрофанов инструктировали агитаторов, заслушивали их отчеты и сами выступали с лекциями. Для более широкой пропаганды решений съезда военная

организация большевиков выпустила их специальной брошюрой. На многолюдном митинге в Аржановском саду 11 августа 1917 г., организованном большевиками, после речи члена губкома партии А.П. Галактионова была принята резолюция с призывом сплотиться вокруг решений VI съезда.

Большую агитационно-пропагандистскую работу провели большевики при подготовке к выборам в городскую думу. Они руководствовались указаниями В.И. Ленина о необходимости связи местных муниципальных вопросов с коренными вопросами революции. В ходе подготовки к выборам самарские большевики выдвинули требование перестроить все хозяйство на новых, революционно-демократических началах в интересах масс: передать всю городскую землю в распоряжение трудящихся, полностью отменить городские налоги, обременяющие бедноту, ввести прогрессивные налоги на доходы, имущество и наследство капиталистов, принять решительные меры против спекулянтов. Большевики настаивали на обеспечении охраны труда и страхования по безработице, всеобщем бесплатном образовании. Начавшиеся 15 августа выборы были сорваны, так как городская дума отстранила от участия в них 1/3 Самарского гарнизона и почти всех участников войны. В день выборов стихийно возникшая демонстрация солдат и рабочих явилась с протестом на избирательные участки. Кадеты поспешили прекратить избирательную кампанию. Новые выборы были назначены на 24 сентября.

После июльских дней поддерживавшие Временное правительство общественные организации стали собирать силы. Они не хотели дальнейшего развития революции. С этой целью 12 августа 1917 г. в Москве было созвано Государственное совещание. От Самары в нем участвовали представители кадетов и меньшевиков. Большевики развернули агитацию против созыва совещания в Москве, используя для этого каждое рабочее собрание. 11 августа 1917 г. в «Приволжской правде» была опубликована резолюция ЦК РСДРП(б) о Московском государственном совещании, в которой говорилось, что оно имеет целью санкционировать контрреволюционную политику, поддержать затягивание империалистической войны, защищает интересы буржуазии и помещиков. Такую же оценку совещанию дала в своей резолюции рабочая секция Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов 12 августа. Агитация имела успех в массах. Булочники и калачники 10 августа потребовали «недопущения контрреволюционного скопища Московского совещания». Рабочие Трубочного завода 12 августа объявили однодневную забастовку против созыва Московского совещания: «Чтобы показать нашу солидарность с петроградским и московским пролетариатом, мы объявляем однодневную забастовку и требуем разгона Московского совещания, требуем отмены

смертной казни, освобождения заключенных-интернационалистов и протестуем против гонений на социалистическую печать». Аналогичные решения были приняты и на других собраниях. В статье «Красное воскресенье», помещенной в «Приволжской правде», говорилось: «Многотысячная масса сказала свое властное, твердое, ясное отчеканенное слово... Разгром Московского совещания».

В дни корниловского мятежа трудящиеся города целиком поддерживали политическую линию большевистской партии. Меньшевики и эсеры быстро теряли авторитет и влияние среди рабочих и солдат Самары. Теперь массы обратили свои взоры к большевикам, надеясь, что они смогут обеспечить рабочих хлебом, дать мир народам, землю крестьянам, спасти страну от надвигавшейся экономической катастрофы. «Приволжская правда» писала: «Поворот налицо, огромный поворот». Особенно резкий перелом в настроениях рабочих произошел на Трубочном заводе. Нарастание общественного недовольства происходило в обстановке все усиливающейся экономической разрухи, внесенной в хозяйственную жизнь затянувшейся войной и параличом власти. Сокращалось производство, увольнение рабочих становилось распространенным явлением. Свертывалась работа на заводах Никитина, военно-промышленного комитета, заводах комитета по снабжению армии, мельницах и др. Рабочие стояли перед дилеммой: быть обреченными на безработицу, голод и обнищание или активно вмешаться в процесс производства, установить над ним пролетарский контроль и тем самым изменить общественные отношения.

Крайне напряженная обстановка в деревнях и селах губернии сложилась летом и осенью 1917 года. Повсеместно крестьяне на основании «Временных правил», выработанных II Губернским съездом, осуществляли раздел земель, отобранных у помещиков и сельской буржуазии. Широкие масштабы приняло движение крестьян-общинников за возврат отрубных и хуторских земель. Это явление наблюдалось чаще всего в уездах с большим удельным весом крупного крестьянского землевладения. Земельной комиссией Совета крестьянских депутатов за два месяца после II съезда было разобрано 370 дел, возникших в результате проведения в жизнь указанных “Правил”». Губернский земельный комитет попытался как-то упорядочить этот процесс. Для этого он в начале августа вместе с губернской земельной управой разослал по волостям разработанные ими анкеты для исследования сельскохозяйственных вопросов в процессе подготовки к Учредительному собранию. Анкеты сопровождались просьбой дать «по возможности краткий и ясный ответ на вопросы»[85].

Г.И. Баскин, председатель губернской земельной управы, обработал ответы крестьянских обществ по Ставропольскому, Самарскому,

Николаевскому и Новоузенскому уездам, выявив зависимость экономических требований крестьян от географического положения, особенностей колонизации края, удаленности от рынков сбыта и путей сообщения, что влияло на степень развития аграрного капитализма. Он отмечал: «Наделение по наличным душам обоего пола пользуется тем большим сочувствием, чем севернее расположена данная область», что связано с большей густотой там населения, острым малоземельем и близостью к рынкам[86]. Наиболее распространенные ответы на вопросы социально-политического плана наглядно демонстрируют идеалы подавляющего большинства крестьян-общинников. Главная суть их заключалась в стремлении к уничтожению частной собственности и уравнительному землепользованию. Высказывая свое отношение к принципам аграрной реформы, крестьяне начисто отметали возможность сохранения хуторского и отрубного хозяйств.

В Самарской губернии на основе Временных правил пользования землей уже с июля 1917 г. началось перераспределение земельного фонда, что сразу же вызвало острые конфликты между крестьянами-общинниками и крестьянами-собственниками. Например, 9 сентября губернский Совет крестьянских депутатов препроводил в губернский земельный комитет жалобу крестьянина Ф.А. Маслова на Мачинский сельский комитет по поводу отказа ему в надельной земле. Комитет мотивировал свой отказ имущественным положением Маслова, имевшего 30 десятин приобретенной земли, 11 рабочих лошадей и другой скот, различные сельскохозяйственные машины и орудия. Зажиточная часть сельского населения Бугульминского уезда встретила постановления II Самарского крестьянского съезда отрицательно. В докладе уездной земельной управы 31 октября 1917 г. губернскому земельному комитету отмечалось, что «недоразумения преимущественно были на почве отрубщиков с общинниками, и Учредительного собрания население ждет с нетерпением, но нельзя сказать, чтобы оно относилось к этому вполне сознательно»[87].

Вопрос о судьбе частновладельческих усадеб, культурных хозяйств, парков, садов и других угодий крестьяне решали особо, стремясь сохранить эти материальные ценности для блага всего общества. Они предлагали отчуждать их полностью в распоряжение местных органов самоуправления для устройства школ, больниц, народных домов с общественными садами. Решение социальных нужд крестьян за счет крупных земельных собственников не могло не вызвать сопротивления последних. Так, Бугурусланский уездный земельный комитет считал, что проведение в жизнь решений II Губернского крестьянского съезда замедлилось в связи с образованием союза посевщиков, «во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности».

И конечно, в случае отказа помещика выполнять волю крестьянского общества благие намерения о сохранении «имений, особо выделяющихся по постановке в них хозяйства», тут же забывались. Все начинали вспоминать обиды, отношения проникались чувством взаимной ненависти, и крестьяне пускали барина «на поток и разграбление».

Губернский земельный комитет, разослав анкеты для подготовки земельного вопроса в Учредительном собрании, о настроениях основной массы крестьян был осведомлен и без ответов на них. Он попытался установить контроль над ходом земельного передела, разработав и утвердив 19–20 августа 1917 г. «Общую инструкцию волостным земельным комитетам Самарской губернии». Она явилась основой для утвержденных III Губернским крестьянским съездом «Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 году казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями»[88]. Правила возлагали на волостные земельные комитеты перераспределение земельного фонда между нуждающимся населением, мотивируя это необходимостью расширения посевных площадей под яровые в 1918 г. Комитетам рекомендовалось «взять в свое ведение все земли, на которых владельцы и арендаторы не ведут собственного хозяйства. Земли собственников и арендаторов, на коих имеются хозяйства, также принимаются на учет для распределения излишка среди безземельных и малоземельных». Помещик Тресвятский, имевший земли в Ставропольском уезде, резонно утверждал, что «понятие излишка не воспрепятствует земельным комитетам распределять между «малоземельными и безземельными» и ту часть земли собственников, на коей ведется собственное хозяйство, раз земельные комитеты признают ее излишней в руках указанных лиц». Это, по сути, подтвердил председатель губернской земельной управы, заявив в ответ на запрос присяжного поверенного Н.А. Самойлова, что «Больше-Глушицкий волостной комитет поступил правильно, отобрав земли у землевладелицы Пиненковой»[89].

III Самарский губернский крестьянский съезд (20–27 августа 1917 г.), объединившийся затем со всесословным, должен был, по замыслу его организаторов-эсеров, стоявших во главе губернских органов власти и исполкома крестьянского Совета, разрядить накаленную обстановку в губернии. На съезде присутствовало 410 человек, повестка его включала в себя: 1) отчет о деятельности губернского Совета крестьянских депутатов; 2) выборы в волостные земства; 3) выборы в Учредительное собрание. Однако крестьянские делегаты Новоузенского и Николаевского уездов с мест предложили расширить повестку дня. Их не удовлетворил такой небольшой круг вопросов, не отражавший острейшей политической борьбы в стране. Особенно настойчиво кре-

стьяне требовали созыва Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Глава делегации от Николаевского уезда большевик В.И. Ермощенко, поддерживая предложение делегатов Новоузенского уезда, объяснил необходимость созыва Всероссийского крестьянского съезда тем, что исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов полностью дискредитировал себя поддержкой Временного правительства. Эсеры Голубков, Климушкин, губернский комиссар Волков, пытаясь не допустить обсуждения вопроса о доверии Временному правительству (а доверия от крестьян ждать не приходилось), упорно настаивали на включении в повестку дня только вопросов, заранее обсужденных Советом крестьянских депутатов. Но при активной поддержке большевиков (вслед за Ермощенко с поддержкой требований крестьян выступил большевик А.А. Масленников) при вторичном голосовании в повестку дня был внесен вопрос «О созыве Всероссийского крестьянского съезда». С начала работы съезда на нем четко оформились две группы крестьянских делегатов. С одной стороны – избранные сельскими сходами или делегированные сельскими и волостными комитетами народной власти, земельными комитетами (таких было меньшинство, так как в разгаре была уборочная страда и крестьянам было не до съездов). Данную группу радикально настроенных делегатов активно поддерживали большевики: В.И. Ермощенко, который был делегатом съезда, А.А. Масленников и Н.П. Теплов – представители от политических партий и общественных губернских организаций. К ним примыкали эсеры-максималисты. Деятели эсеровской партии составляли другую, более многочисленную группу делегатов. Они занимали руководящие посты в губернских и многих уездных организациях, как правительственных, так и общественных, и приложили все усилия для обеспечения себе непременного большинства на съезде.

По всем обсуждавшимся на съезде вопросам между указанными группами разгорались споры. Особенной критике подверглась нерешительная, колеблющаяся позиция эсеровского руководства крестьянского Совета, занятая им в процессе реализации решений II Губернского съезда по земельному вопросу. Крестьянские делегаты прямо заявили, что в докладе председателя исполкома Совета крестьянских депутатов Г.М. Соколова по земельному вопросу «ничего нет определенного» и потребовали отчитаться о результатах поездок и переговоров местных эсеровских лидеров с министрами Временного правительства в Петрограде. Эсеры Голубков, Климушкин, Хайт и Волков, не желая объясняться (позиции их на переговорах были крайне неприглядные), оттягивали обсуждение этого вопроса до общегубернского съезда. Когда же их маневр был раскрыт, эсеры-максималисты Гетцольд и Кузьмин обвинили их «в отходе от программных лозунгов

партии: в измене народным массам и в попытках повлиять на настроение съезда и его решения в сторону уклона и соглашений с буржуазией», отказе «от революционной тактики и наступлении против рабочих, солдат и крестьян»[90]. Большевики призвали крестьян в ответ на охранительную в отношении Временного правительства позицию правоэсеровского руководства съездом осудить действия Временного правительства и его представителей на местах. Однако эсеры, используя свое большинство, сумели настоять на принятии резолюции о полном доверии Временному правительству. Обеспечивая себе непременное лидерство на съезде, они предпринимали самые различные меры для ограничения инициативы крестьянских масс: включали в повестку дня малозначащие, неактуальные вопросы, большевикам и эсерам-максималистам давали на выступления в прениях не более 5—10 минут, прерывали их криками с мест, в то время как сами разглагольствовали, защищая мероприятия Временного правительства, по нескольку часов. Например, при обсуждении вопроса о выборах в волостные земства большевик Ермощенко выступил с критикой закона о выборах, поскольку он лишал избирательных прав молодых людей 18—19 лет, что было направлено прежде всего против солдат, являвшихся активной организующей силой крестьянского движения в 1917 г. Эсер Брушвит стал защищать Временное правительство, заявив, что они не вправе изменять законы. Товарищи по партии поддержали его, и резолюция о выборах, предложенная Ермощенко, была отклонена.

Эсеровский состав III Губернского съезда обеспечил и утверждение им соглашения Совета крестьянских депутатов с Комитетом партии эсеров о выдвижении общего списка в Учредительное собрание. Резолюция, предложенная в связи с обсуждением этого вопроса эсерами-максималистами, выражала интересы рабочих, солдат и крестьян, требуя отмены частной собственности на средства производства, заключения демократического мира, передачи власти в руки Советов. Такая позиция способствовала оформлению блока между большевиками и эсерами-максималистами, направленного на сплочение всех революционных сил. Если по политическим вопросам крестьяне еще поддерживали некоторые лозунги эсеров, то при обсуждении на всесословном съезде вопроса о реализации «Временных правил пользования землей» они заявили решительный протест в ответ на попытки эсеров отступить от «Правил» на том основании, что их не одобряет Временное правительство. Не запугали крестьян угрозы и репрессии, не прельстили уговоры и обещания. «Три четверти крестьянства арестовать нельзя», — отвечали они, оценивая политическую обстановку в стране после июльского кризиса.

26 августа на съезде обсуждалась инструкция волостным земельным комитетам. При обсуждении «Правил об обложении платежом

в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими и иными землями» вновь вспыхнули споры. Часть ораторов призывала не утверждать правил как противоречащих правилам землепользования, выработанным II Губернским крестьянским съездом. Они видели в обложении земель различного качества разными налогами замаскированную аренду, что было недопустимо. Взамен крестьянские делегаты предлагали установить одинаковый общий налог на все земли. Другая часть делегатов, ссылаясь на распоряжения Временного правительства о сохранении до Учредительного собрания границ владений и уездов и «большую крайнюю нужду государства в средствах», просила собрание «не видеть хитрой механики в правилах обложения и принять их в целом»[91]. Примиренческая тактика эсеров на III Самарском губернском съезде способствовала политической переориентации крестьянских масс, которые объективно стояли на большевистских позициях в своих социально-экономических требованиях. В.И. Ленин, подметив это, писал: «Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их в союзе с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства»[92]. Большевики воспользовались ситуацией и, поддержав не лучшие качества крестьянского мира, сумели после Октября 1917 г. временно перетянуть его основную массу на свою сторону.

Осенью 1917 г. недовольство политикой власти и сотрудничавших с ней политических партий проявилось в конкретных протестных действиях. Рабочие приступили к установлению контроля над производством, добивались нормального функционирования предприятий, брали в свои руки учет продуктов и контроль за их распределением. Их поддерживали Советы рабочих депутатов. В постановлении Самарского Совета рабочих депутатов от 6 сентября 1917 г. говорилось, что «вопрос о сокращении производства на заводе и об увольнении рабочих подлежит разрешению губернского продовольственного комитета, без ведома которого никакого сокращения производства не может быть». В случае закрытия предприятия или увольнения рабочих Совет требовал удовлетворить их из расчета заработной платы за месяц. Общее собрание рабочих и работниц второй и третьей смен 4 мастерской Трубочного завода, состоявшееся 7 сентября, обсудило вопрос о взаимоотношениях слесарей и рабочих, поскольку предприниматели хотели противопоставить их друг другу. Была принята резолюция: «Мы признаем, что всякая рознь и вражда в среде революционного пролетариата ведет к гибели революции. Поэтому мы, слесари и рабочие второй и третьей смен, решили не поддаваться провокационной хитрости и идти вместе твердой и солидарной семьей на

защиту экономических и политических интересов»[93]. На объединенном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10 сентября 1917 г. большевики огласили декларацию, где излагалась резолюция Московского Совета рабочих депутатов по текущему моменту от 5 сентября 1917 г. В декларации подчеркивалась необходимость введения в общегосударственном масштабе рабочего контроля над производством и распределением, выдвигалось требование прекращения всяких репрессий против рабочего класса. Эта декларация была поддержана солдатами 133 и 143 полков. 12 сентября ими была принята резолюция фракции большевиков от 10 сентября. В тот же день к этой резолюции присоединились рабочие заводов Игнатьева и хлебопекарни Неклютиной.

После разгрома корниловщины демократические силы общества сделали еще одну попытку создать коалицию для поддержки власти Временного правительства. С этой целью 12 сентября они созвали Всероссийское демократическое совещание. Но Центральный Комитет партии большевиков решил его бойкотировать. Самарские большевики поддержали решение ЦК РСДРП(б). Собрание рабочих 2-й мастерской Трубочного завода под влиянием большевиков признало, что «демократическое совещание явно неспособно порвать с политикой соглашения с буржуазией, поэтому единственным выходом является новый революционный взрыв широких рабочих, солдатских и крестьянских масс, который только и способен создать твердую революционную власть». В отличие от большевиков, лидер самарских меньшевиков А.И. Кабцан и представитель эсеров И.М. Брушвит, вопреки требованиям рабочих и солдат, вошли в состав Предпарламента. Тогда солдаты 4-й и 5-й артиллерийских батарей на своем митинге приняли резолюцию: «Признавая, что меньшевики и эсеры на демократическом совещании не только не защищали интересы рабочих, солдат и крестьян, но и даже предали дело революции, мы, солдаты 4-й и 5-й артиллерийских батарей, выражаем полное доверие партии революционных социал-демократов (большевиков) и будем голосовать на выборах в городскую думу за список № 1». Рабочие 2-й мастерской Трубочного завода 25 сентября переизбрали своих депутатов в Совет рабочих депутатов. Из 8 депутатов было избрано 6 большевиков. В исполком рабочей секции Совета из 15 депутатов было избрано 13 большевиков[94].

На собрании военной организации большевиков 12 сентября было избрано новое Временное бюро, президиум которого возглавил А.А. Масленников, заявивший о необходимости создания специальных боевых отрядов пролетариата для защиты социалистической революции. 26 сентября 1917 г., опираясь на требования рабочих, самарские большевики добились от Совета рабочих и солдатских де-

путатов утверждения Устава Красной гвардии, написанного В.В. Куйбышевым[95]. В нем ставились следующие задачи: а) защита завоеваний революции; б) борьба с контрреволюционными выступлениями; в) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия национальности; г) усиление охраны заводов от злоумышленных покушений. После утверждения основных положений Устава Красной гвардии рабочие Самары немедленно приступили к созданию красногвардейских отрядов на Трубочном заводе, на предприятиях Самарского городского комитета по снабжению и снаряжению армии, на железной дороге и других предприятиях. Отряды Красной гвардии возникали и в других городах губернии. Например, формировались красногвардейские отряды и штаб боевой дружины в Иващенкове. Фабрично-заводские комитеты и профсоюзы, штаб Красной гвардии развернули энергичную работу по вооружению красногвардейцев, откомандировали специальных представителей в Москву, Петроград, Тулу и Казань для изыскания оружия. На промышленных предприятиях с красногвардейцами проводились регулярные занятия по военному делу. В октябре 1917 г. Красная гвардия в губернии активизировала свою деятельность. Красногвардейцы помогали фабрично-заводским комитетам бороться с саботажем капиталистов, охраняли предприятия, партийные и общественные учреждения, участвовали в ликвидации черносотенных выступлений, следили за поддержанием порядка в населенных пунктах, то есть Красная гвардия все больше выступала как вооруженная сила пролетариата.

Антиправительственные выступления самарских рабочих поддержали солдаты местного гарнизона. Собрание солдат 102-го, 130-го, 133-го и 143-го полков 9 октября высказалось за «скорейшее окончание войны и передачу власти Советам, переход земли без выкупа трудящимся, понижение цен на хлеб, обложение капиталистов большими налогами, надзор над фабриками и заводами». Рабочие 2-й мастерской Трубочного завода 14 октября приняли резолюцию с наказом: «Совет должен перейти от слов о власти к делу». Большевики воспользовались всеобщим недовольством, чтобы взять власть в свои руки. Рабочие и солдаты жадно читали большевистские газеты, брошюры, листовки, призывавшие к свержению Временного правительства и передаче всей полноты власти в руки Советов: Временное правительство потеряло контроль над ситуацией в стране. Все его попытки укрепить местные органы власти не имели успеха. 4 октября в Самаре под председательством губернского комиссара С.А. Волкова проходило совещание уездных комиссаров Временного правительства, где была признана полная беспомощность местных властей: «Условия работы органов управления тяжелы. Отсутствие той силы, на которую могли бы опереться органы государственного управления,

усугубляют положение, так как одного морального воздействия недостаточно, а реальной силы нет». Комиссары также отмечали, что их «мероприятия были направлены к охране тех основ государственной жизни, которые добыты революцией и регламентировались Временным правительством». Однако им мешали «нарушения, связанные с пользованием землей и стремлением крестьян к переделу земли под будущий посев»[96].

Настроения крестьян отражены в отчете о командировке по населенным пунктам Среднего Поволжья видного деятеля эсеровской партии В. Власова: «Львовские телеграммы, Пешехонские распоряжения и даже инструкции Чернова вселяли в крестьян недоверие. "Посуди сам, – прямо говорили крестьяне, – 6 месяцев прошло, а с землей, не вперед, а как будто бы назад идем. Но всякому терпению конец бывает"»[97]. В связи с этим угрожающе нарастала перспектива анархического бунта, «бессмысленного и беспощадного». Осенью 1917 года общенациональный кризис проявлялся во всех сферах жизни: экономической, социальной, общественно-политической. В связи с этим возросло большевистское влияние в массах. В меньшевистской партийной организации произошел раскол на оборонцев и интернационалистов (ранее они состояли в объединенной социал-демократической организации). Впечатляющими были успехи большевиков на выборах в городскую думу, где они получили треть депутатских мест, а кандидатура В.В. Куйбышева даже выдвигалась на пост городского головы. В то же время Самарский Комитет народной власти решил продолжить свое функционирование и при новой думе, постепенно передавая ей дела. Повлиять на ситуацию большевики могли только в блоке с другими партиями (например, эсерами, у которых тоже была треть голосов), но они были соперниками в борьбе за власть.

Итак, в обстановке бездействия административных структур Временного правительства по преодолению кризиса местные органы самоуправления и общественные объединения пытались противостоять большевистскому экстремизму. Однако социальной базы за ними не было. Напротив, в советах рабочие, солдаты и крестьяне видели реальную альтернативу для защиты своих интересов. В результате многие фабрично-заводские, полковые и крестьянские комитеты требовали созыва съездов советов для решения вопроса о власти.

§ 6. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Логика развития революции в России свидетельствовала о новом переделе власти осенью 1917 г. В Поволжье радикальные силы оформили свои требования на III Областном съезде Советов рабочих и солдат-

ских депутатов, состоявшемся 15–16 октября в Саратове. В его работе участвовало 52 делегата из губернских и уездных центров Среднего и Нижнего Поволжья. Причем в уездных центрах часто Советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов были объединенными. Съезд большинством голосов принял большевистскую резолюцию о необходимости передачи власти советам и создании опорных пунктов для ее защиты[98]. Речь шла о рабочей милиции и Красной гвардии[99].

Вопрос о переходе власти к Советам стал предметом острых дискуссий уже в начале октября. Рабочая секция Совета 13 октября потребовала немедленного перехода власти к Советам, «становящимся центрами нарастающей крестьянско-пролетарской революции»[100]. В двадцатых числах октября этот вопрос обсуждался не только на заседаниях партийных комитетов, исполкомов Советов, фабзавкомов и профсоюзов, но и на массовых митингах. Если большевики имели большинство в Совете рабочих, солдатских депутатов, в фабзавкомах и солдатских полковых комитетах, то иной была ситуация в земельных комитетах, губернском Совете крестьянских депутатов. Последний все еще выступал в поддержку Временного правительства. Гарнизонный Совет крестьянских депутатов колебался. Поэтому решение вопроса о переходе власти в руки Советов затягивалось.

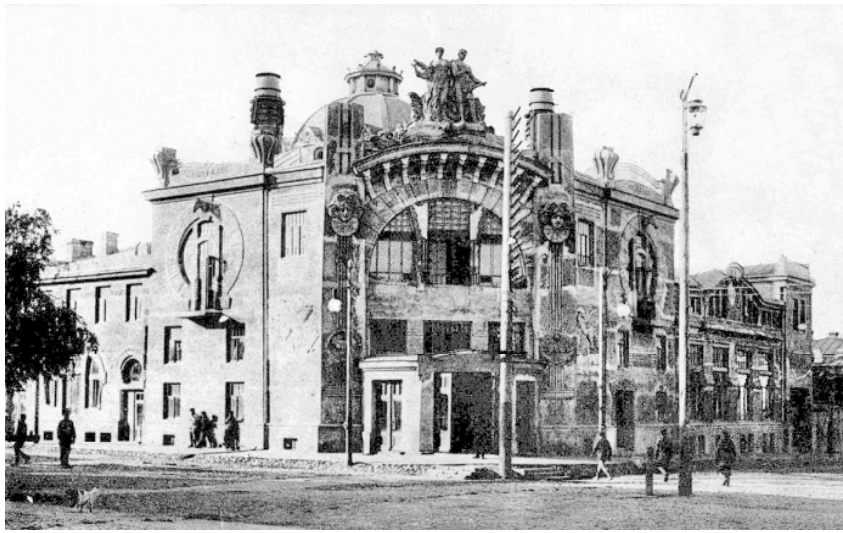
Бурная дискуссия по вопросу о текущем моменте вспыхнула на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, которое открылось в 2 часа дня 25 октября в Белом доме (ныне – здание Самарского государственного института культуры). Председательствующий В.В. Куйбышев огласил телеграммы о событиях в Петрограде и предложил направить на телеграфы комиссаров. Но это предложение встретило противодействие со стороны лидера самарских меньшевиков А.И. Кабцана. В связи с тем что на заседание не были приглашены члены исполкома Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, его представитель И.Д. Панюжев в знак протеста покинул собрание. Участники заседания приняли предложение меньшевика В.П. Преображенского отложить обсуждение до 8 вечера, с тем чтобы к этому времени представить мнение всех партийных фракций, входящих в Советы. Вечером в Белом доме состоялось экстренное заседание исполкомов Советов, на нем вновь председательствовал В.В. Куйбышев. В президиуме находились меньшевик А.И. Кабцан и эсер И.А. Одайкин. Бурная дискуссия о текущем моменте затянулась до пяти часов утра. Представители губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, группы «Единство», эсеры и меньшевики высказывались против перехода власти к Советам. Более того, учитывая сложность момента, губернский Совет крестьянских депутатов вновь заявил о своей поддержке Временного правительства и выступил за немедленный созыв губернского всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти[101].

За два дня до начала вооруженного выступления в Петрограде А.Ф. Керенский по представлению Министерства внутренних дел утвердил распоряжение губернским комиссарам об использовании войск для подавления крестьянских беспорядков. Исполком Самарского Совета крестьянских депутатов не выступил с осуждением этой директивы. Это послужило для большевиков поводом для дискредитации эсеровских лидеров крестьянского Совета. 26 октября они, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов, внесли предложение о немедленном переходе всей полноты власти к советам и признании Временного правительства низложенным. Эта резолюция не прошла, за нее было подано всего лишь 79 голосов. Эсеры и меньшевики-оборонцы, крестьянские депутаты (109 человек) отказались участвовать в голосовании. Большевики настаивали на том, чтобы провести еще одно объединенное заседание советов[102].

Учитывая, что по вопросу о власти большевики оказались в меньшинстве, ими была избрана другая тактика. Они отказались от созыва всесословного съезда, который, конечно же, выступил бы против перехода власти к советам и пригласили на объединенное заседание не только членов исполкомов советов, но и своих сторонников: представителей фабзавкомов и профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, полковых и ротных комитетов. Удалось добиться поддержки и со стороны гарнизонного Совета крестьянских депутатов. С большевиками солидаризировались меньшевики-интернационалисты, члены еврейских социал-демократических организаций. И все-таки это не была поддержка масс, всего населения губернии. Вопрос о переходе власти к советам решался в штабах партий и организаций, а не народными массами.

Вот как описывает заключительный этап борьбы за власть советов участник событий Иван Козырьков: «Рабочие массы, считая минуты и секунды, ждали этого заседания, заранее зная и торжествуя победу пролетарской революции. В 5 часов вечера “Триумф” [в советское время – кинотеатр имени Ленинского комсомола. – *Н. К.*] был переполнен. Заседание пришлось перенести в театр “Олимп”... Но и громадное помещение не могло вместить всю пришедшую массу. Члены Советов разместились в партере, члены фабрично-заводских комитетов и правлений профсоюзов – в ложах, бельэтаже и на балконе, и остальные товарищи заняли оставшиеся места. Заседание открылось около 8 часов вечера вступительным словом и коротеньким докладом тов. Куйбышева. Было решено дать высказаться от каждой фракции по одному оратору. Первый выступил от фракции большевиков, любимый и уважаемый всеми членами партии и рабочими массами тов. Масленников, встреченный бурей аплодисментов, длившейся около 5 минут. Часовая речь тов. Масленникова несколько

раз прерывалась аплодисментами...» Были зачитаны также резолюции воинских частей Самарского гарнизона. Резолюция меньшевиков и эсеров, продолжавших поддерживать Временное правительство, собрала 140 голосов. Члены губернского Совета крестьянских депутатов, как бы подчеркивая неправомерность обсуждаемого вопроса, отказались от участия в голосовании. За большевистскую резолюцию проголосовал 441 человек. Тогда же был создан ревком, в который вошли большевики М.П. Герасимов, В.В. Куйбышев, П.П. Митрофанов, С.Я. Тиунов, меньшевик-интернационалист С.Н. Васильев и эсер-максималист В.А. Кузьмин. Совет крестьянских депутатов отказался выдвинуть в ревком своих представителей. Эсеры и меньшевики также заявили об отказе занимать какие-либо посты при новой власти. 27 октября в 5 часов утра состоялось первое заседание ревкома, на котором был избран президиум в составе председателя В.В. Куйбышева, товарища председателя М.П. Герасимова и секретаря П.П. Митрофанова[103].

Здание театра-цирка «Олимп». Из кн.: Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014

Выступая на объединенном заседании губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов вместе с левой частью IV Губернского крестьянского съезда, В.В. Куйбышев так объяснял поведение самарских большевиков в октябре 1917 г.: «Когда в Октябрьские дни получили первые сведения о восстании рабочих и солдат в Петрограде, для нас было очевидным, что рабочие и солдаты должны установить на местах

власть Советов. Мы созвали собрание Самарских Советов, и на нем при воздержавшихся крестьянах было решено создать революционный комитет для борьбы с буржуазным правительством Керенского, контрреволюцией и проводить в жизнь ту программу, которая 8 месяцев лежала под сукном... Мы с первых дней хотели идти рука об руку с крестьянами, но они не дали своих делегатов, и вместо них места были предоставлены гарнизонному Совету крестьянских депутатов»[104].

Губернский Совет крестьянских депутатов 28 октября выпустил воззвание, в котором выступил против создания ревкома и передачи ему всей полноты власти. Меньшевики предложили вместо ревкома создать в городе комитет общественной безопасности из представителей городской думы, земства и общественных организаций. Они внесли это предложение на состоявшемся 1 ноября заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей Комитета народной власти, профсоюзов и других организаций, где были заслушаны доклады делегатов II Всероссийского съезда Советов. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция большевиков: «Ревком организован правильно»[105]. В тот же день состоялось экстренное заседание Самарской городской думы, на котором эсеры поставили вопрос об утверждении организовавшегося Комитета общественной безопасности. На нем было решено подчинить милицию городской думе и выпустить воззвания, призывающие к неповиновению ревкому. Таким образом, дума открыто выступила против ревкома, а значит, и против советской власти, рассчитывая на союз с Комитетом народной власти и опираясь на милицию. Но ей это не удалось. Совещание начальников милиции постановило подчиняться только Комитету народной власти, а ревком распорядился конфисковать выпущенное воззвание[106].

Проблем, требующих немедленного решения, было много, и ревком пытался наладить сотрудничество с думой. В частности, ревком предложил управе высказаться о проекте принудительного займа у буржуазии в сумме до 3 млн руб. на нужды населения. Управа высказалась принципиально против каких бы то ни было займов[107]. 2 ноября большевики в думе предложили увеличить паек солдаткам, но рассмотрение этого вопроса было отложено из-за отсутствия средств[108]. На следующий день Совет рабочих и солдатских депутатов самостоятельно принял постановление об увеличении пайка солдаткам[109]. Дума подтвердила постановление, но от участия в созданной Советом комиссии отказалась. Денег на реализацию популистских решений ревкому было взять негде, и 7 ноября он вновь обратился к думе: «Находя положение финансов катастрофическим, ревком просит вас... поставить на повестку дня ближайшего заседания Городской думы вопрос об изыскании средств для удовлетворения беднейших слоев насе-

ления»[110]. Но дума не желала сотрудничать с ревкомом. Исправляющий должность городского головы А.М. Смирнов заявил, что «среди рабочих и солдатских масс начинает возникать разочарованность в большевиках, центром внимания становится новая социалистическая городская Управа, вокруг которой граждане организуются... К захвату власти большевиками граждане относятся отрицательно. Образовавшийся большевиками Ревком не пользуется никаким влиянием, так как при попытке проявить свою власть встречает пассивное сопротивление со стороны всех демократических организаций, служащих в Правительственных и общественных учреждениях»[111].

Взяв власть в свои руки, большевики действовали четко и умело. Долгие годы подпольной борьбы научили их сплоченности, изворотливости. Они не стеснялись в выборе средств для достижения поставленной цели, часто бывали вероломны, не сдерживали своих обещаний и умели ловко обманывать доверие отчаявшихся масс. И ранее раздираемый противоречиями блок социалистических партий окончательно развалился. Вот как характеризовали их самарские эсеры: «Отступления для большевиков теперь нет – и они, как зарвавшиеся игроки, поставили на карту настоящие и будущие судьбы России на целые десятки, а может, и сотни лет. Что они, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы – в этом нет сомнений. Пока истинные демократы спасают революцию, большевики выбрали задачу себе: всячески поносить меньшевиков и эсеров, мешать им нести свой благородный крест... изо дня в день стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее полувекового борца за народ в предательстве»[112]. Меньшевики назвали обещания большевиков дать народу немедленный мир, хлеб, землю и волю ложью и бахвальством: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелье и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой»[113].

Городская дума пыталась урезонить ревком, постоянно вмешивающийся в ведение городского хозяйства. 15 ноября было опубликовано распоряжение ревкома, запрещавшее домовладельцам повышать квартирную плату. 20 ноября ревком вновь внес в городскую думу предложение прибегнуть ей к принудительному займу у местных капиталистов для организации общественных работ, помощи безработным, семьям солдат. Дума опять отклонила это предложение. Тогда ревком принял самые решительные меры: упразднил губернский комиссариат; представителей рабочей и солдатской секции отозвал из Комитета народной власти; потребовал принудительный пятимилли-

онный заем в отделении Госбанка, предполагал покрыть его из средств, полученных от «беспощадного обложения капиталистов для обеспечения интересов неимущих классов»[114]. Однако капиталисты отказались принять участие в принудительном обложении имущих классов, после чего ревком арестовал сорок представителей самарской крупной буржуазии. Дума была ошеломлена таким напором ревкома, и представители всех ее фракций, кроме большевиков, выразили протест против этого акта. Дума постановила послать в ревком делегацию с требованием освобождения арестованных. После того как ревком отклонил требования думы, она решила апеллировать к населению выпуском воззвания.

Острая борьба шла между думой и ревкомом по вопросу о милиции. 19 декабря 1917 г. Красная гвардия разоружила милиционеров трех участков, не желавших подчиниться ревкому. Городская дума приняла резолюцию протеста против разоружения милиции и постановила выпустить по этому поводу воззвание к населению[115]. На следующий день собрание милиционеров, начальников участков и канцеляристов, заслушав заявление городского головы о непризнании власти ревкома, постановило остаться на службе у городского самоуправления, ревкому не подчиняться. 28 декабря по распоряжению ревкома Красная гвардия заняла помещение городской управы, были изъяты документы старого состава милиции, отказавшейся подчиняться ревкому. Дума осталась теперь уже и формально без милиции, но продолжала оказывать сопротивление действиям ревкома. Еще раньше, 23 декабря 1917 г., во исполнение декрета Советского правительства о национализации банков комиссары ревкома заняли все самарские отделения банков, включая и Городской Общественный банк. В ответ на это дума при двух воздержавшихся гласных постановила: «Закрыть Городской Общественный банк впредь до отозвания Революционной комиссии и возвращения ключей; поручить городской Управе обратиться к населению с воззванием от имени думы, объясняющим причины, заставившие ее закрыть банк»[116]. С первых дней советской власти дума активно противостояла ревкому: сначала игнорировала его существование, а когда это стало невозможным, саботировала его решения и постановления. Тем не менее создать действенную оппозицию советской власти Самарская дума не смогла, так как не имела сколько-нибудь значительной социальной поддержки горожан.

Не увенчались успехом и попытки эсеров и меньшевиков урезонить большевиков с помощью делегатов IV Губернского крестьянского съезда, проходившего в Самаре 5—9 декабря 1917 г. С 1 по 4 декабря Совет крестьянских депутатов проводил частные совещания с прибывшими в Самару делегатами. В повестке съезда стояли вопросы

о власти, об отношении к Советам, о земле. При обсуждении вопроса о власти 2 декабря 1917 г. член исполкома Совета рабочих депутатов Николаев заявил, что крестьянский Совет своим выступлением против советской власти способствует контрреволюции. Председатель Совета крестьянских депутатов Панюжев пытался объяснить эти действия тем, что «нас не уполномочили наши избиратели делать то, что делали большевики»[117]. Однако делегаты бурными аплодисментами встретили заявление солдата Лаврентьева о том, что губернский Совет крестьянских депутатов в течение 7 месяцев его существования был заодно с Кудрявцевым (гласным городской думы) и всеми кадетами, а не выражал волю своих избирателей по всем другим вопросам. Лаврентьев резко критиковал руководство Совета, подчеркивая его оторванность от масс, за включение в список кандидатов в депутаты Учредительного собрания И.М. Брушвита, которого 130-й полк исключил из своего состава[118].

5 декабря 1917 г. начал работу созванный ревкомом губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На нем выступил с докладом о деятельности ревкома В.В. Куйбышев. Одновременно самарские большевики пытались вести разъяснительную работу среди делегатов крестьянского съезда. 8 декабря 1917 г. на нем выступил большевик А.А. Масленников, оправдывавший закрытие по постановлению ревкома ряда местных газет. При обсуждении вопроса о власти делегатам съезда было предложено три резолюции: совместная Совета крестьянских депутатов и губернского комитета партии эсеров; большевиков; левых эсеров. За совместную резолюцию голосовали 300 человек, большевистскую – 30; левоэсеровскую – 15. Потерпев поражение, представители от Совета рабочих и солдатских депутатов покинули съезд[119].

9 декабря 1917 г. IV Губернский крестьянский съезд принял резолюцию о замене советской власти Учредительным собранием. Она была принята 256 голосами против 133[120]. Большевики, левые эсеры и беспартийные делегаты, голосовавшие против этой резолюции, в знак протеста покинули зал заседаний IV Губернского крестьянского съезда. На следующий день состоялось совместное заседание губернского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, гарнизонного Совета крестьянских депутатов и левой части крестьянского съезда, на котором единогласно была принята резолюция о наделении ревкома всеми функциями исполнительной власти в городе. В то же время оставшиеся делегаты IV Губернского крестьянского съезда постановили восстановить в должности губернского комиссара С.А. Волкова и избрали новый состав Комитета народной власти. Исполком губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов постановил разослать по губернии извещение о том, что «Комитет народной власти, как

избранный лишь частью крестьянского съезда, не должен никем признаваться за власть»[121].

Необходимо отметить, что первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице Советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: «...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут “выступать”, “громить”, “захватывать”...»[122] Однако сопротивление дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию Советов, способствовало изменению позиций большевиков к органам местного самоуправления.

Политическая борьба в стране обострилась в связи с проблемой созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) в письмах на места и газетных статьях заявлял, что его отношение к Учредительному собранию будет зависеть от признания им советской власти, изданных ею декретов и деклараций[123]. Одновременно В.И. Ленин априори заявлял, «что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная республика с Учредительным собранием»[124]. На губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в поволжских губерниях в ноябре-декабре 1917 года, в числе других обсуждался также вопрос об отношении к Учредительному собранию. Еще до его созыва некоторые крестьянские съезды оговаривали успешную работу Учредительного собрания признанием советской власти, ее первых декретов, «осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций»[125].

Анализ развития революционного процесса 1917 г. в Самаре подтверждает, что борьба за власть различных политических сил была основой гражданского противостояния. Демократизация общественно-политической жизни в результате Февральской революции первоначально привела к «единению революционных сил» в Самаре. Либеральные общественные организации образовали Комитет общественной безопасности, состав которого постоянно расширялся. Совет рабочих депутатов тесно сотрудничал с ним, что позволило последнему объявить себя Комитетом народной власти с целью повышения своего статуса. Самарский Комитет народной власти был одним из самых активных и инициативных в Поволжском регионе: 4 марта выдвинул на должность Губернского комиссара Временного правительства председателя земской губернской управы К.Н. Инькова; 5 марта создал комиссию по выработке инструкции об организации власти и утвердил ее 10 марта, начав реорганизацию городского самоуправления. Однако вскоре проявились разногласия между представителями об-

щественных организаций, советов, думы, земства. Они соперничали друг с другом, конфликтовали с местной администрацией. В связи с этим нарастало народное недовольство деятельностью слабых властных институтов. Это создавало условия для победы радикальных политиков. В ходе двух муниципальных избирательных компаний произошла поляризация политических сил в Самаре, возросло влияние партий, выступавших с конфискационными требованиями. Дифференциация общественно-политических сил в Самаре осенью 1917 г. привела к новому переделу власти. У большевиков Самары было достаточно сил и влияния для взятия власти. Им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды и, опираясь на солдатские комитеты Самарского гарнизона вслед за Петроградом, провозгласить советскую власть в губернском центре. Протесты меньшевиков и эсеров «против узурпации власти большевиками» не нашли поддержки революционных потоков. Первые декреты советской власти, законодательно утвердившие основные требования рабочих, солдат и крестьян, обеспечили большевикам поддержку народных масс.

Примечания

[1] Волжский день. Самара, 1917. 19 марта.

[2] Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2363. Л. 19, 20, 26.

[3] Точеный Д.С. Июльские события 1917 года и начало кризиса мелкобуржуазных организаций // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1973. С. 69.

[4] Вести. Самара, 1916. 5 декабря.

[5] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2352. Л. 8.

[6] Глядков К.Г. История Комитета народной власти первого периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. Самара, 1918. С. 45.

[7] Там же.

[8] Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография. Самара, 2014. С. 40.

[9] Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902–1917. Куйбышев, 1969. С. 430.

[10] Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 12 марта.

[11] Бешенковская М. От февраля по Октябрь // Красная быль. Самара, 1926. № 2. С. 87.

[12] ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

[13] Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.

[14] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

[15] ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

[16] Там же. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

[17] Там же.

[18] Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 88–93.

[19] Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1927. Т. 1. С. 34.

[20] Советы крестьянских депутатов... С. 99.

[21] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902–1917). Куйбышев, 1969. С. 444–445.

[22] Там же.

[23] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 51.

[24] Приволжская правда. Самара, 1917. 17 марта.

[25] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 181.

[26] Приволжская правда. 1917. 13 апреля.

[27] Глядков К.Г. История Комитета народной власти первого периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. Т. 1. С. 45.

[28] Климушкин П.Д. История Комитета народной власти второго периода // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С. 49.

[29] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 21. Л. 19.

[30] Там же. Л. 22.

[31] Там же. Д. 13. Л. 65.

[32] Там же. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 181.

[33] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 17.

[34] Полшков С. От Февраля к Октябрю (Самара в 1917 г.) // Пролетарская революция. М.; Л., 1925. № 10. С. 212.

[35] Товарищ. Сызрань, 1917. 25 мая.

[36] Протоколы 2-ого Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского всесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С. 4.

[37] Там же. С. 8.

[38] Там же. С. 9.

[39] Там же. С. 11.

[40] Та же. С. 12.

[41] Там же. С. 15.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 20.

[44] Там же. С. 21.

[45] Там же. С. 22.

[46] Там же. С. 24.

[47] Там же. С. 37.

[48] Там же. С. 42.

[49] Там же. С. 43.

[50] Протоколы 2-ого Самарского губернского крестьянского съезда... С. 44.

[51] Там же. С. 98.

[52] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 2.

[53] Там же. Л. 5.

[54] Волжское слово. Самара. 1917. 10 марта.

[55] Там же. 16 марта.

[56] Там же. 11 апреля.

[57] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 1.

[58] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 2.

[59] Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 апреля.

[60] ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

[61] Волжский день. Самара. 1917. 26 июня.

[62] Там же. 15 июля.

[63] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 182.

[64] Приволжская правда. 1917. 16 августа.

[65] Волжский день. Самара. 1917. 1 сентября.

[66] Самарские губернские ведомости. 1917. 29 сентября.

[67] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 235–245.

[68] Цит. по: Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организация политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях: сб. ст. М., 1989. С. 13.

[69] Ленин В.И. Письма издалека // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31. С. 36.

[70] Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986. С. 3.

[71] Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002. С. 112.

[72] Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского всесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С. 11.

[73] Волжское слово. Самара. 1917. 21 марта.

[74] ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 3.

[75] Волжское слово. Самара. 1917. 11 апреля.

[76] Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 54.

[77] ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 343.

[78] Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. С. 481.

[79] Там же.

[80] ЦГАСО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

[81] Там же. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Д. 94. Л. 651.

[82] Там же. Д. 1а. Л. 6.

[83] Приволжская правда. 1917. 15 августа.

[84] КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 488.

[85] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 3–10.

[86] Баскин Г.И. Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. Самара, 1917. С. 3.

[87] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1а. Л. 22.

[88] Там же. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1412. Л. 93.

[89] Там же. Л. 100.

[90] Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С. 19.

[91] ГАРФ. Ф. 8796. Оп. 1. Д. 423. Л. 60.

[92] Ленин В.И. Из дневников публициста // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 34. С. 110.

[93] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Куйбышев, 1957. С. 106–113.

[94] Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957. С. 5.

[95] В.В. Куйбышевым за основу был взят текст Устава Красной Гвардии, утвержденного Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

[96] ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 10. Л. 34–36.

[97] Точеный Д.С. Эволюция политических настроений и общественного сознания крестьянства Среднего Поволжья: 1917–1918 гг. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: XVII – начало XX вв. Саранск, 1979. С. 182.

[98] Кабытова Н.Е. Власть и общество... С. 225.

[99] Там же. С. 232.

[100] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. С. 559.

[101] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 291.

[102] Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958. С. 324.

[103] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. С. 547–552.

[104] Солдат, рабочий и крестьянин. 1917. 14 декабря.

[105] Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. С. 561.

[106] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 651.

[107] Там же. Л. 666.

[108] Там же. Л. 668.

[109] Там же. Л. 675.

[110] Блюменталь И.И. Революция... Т. 1. С. 291.

[111] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 35.

[112] Земля и воля. Самара, 1917. 2 ноября.

[113] Городской вестник. 1917. 2 ноября.

[114] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 193.

[115] Там же. Л. 152–157.

[116] Там же. Л. 163.

[117] Солдат, рабочий и крестьянин. Самара, 1917. 5 декабря.

[118] Там же.

[119] Медведев Е.И. Установление и упрочение советской власти... С. 384.

[120] Наказ IV Самарского Губернского Крестьянского съезда депутатов в Учредительное собрание от Самарской губернии. Самара, 1917.

[121] ЦГАСО. Ф. Р.–81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[122] Приволжская правда. 1917. 28 октября.

[123] Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 312.

[124] Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 35. С. 162.

[125] ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 202.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Самарского края неразрывно связана с Волгой. На протяжении столетий Волга служила важнейшим торговым путем, вдоль которого возникали, сменяя друг друга, древние государства, вставали города. Волга указывала путь мирным переселенцам и маршруты военных походов. Земли Среднего Поволжья исторически были местом встречи многих народов, культур и религий; здесь, на рубеже лесостепной и степной природных зон, территория расселения оседлых земледельцев граничила с кочевьями степных народов. Природные ресурсы края – уникальные рыбные ловли, леса, просторные степные земли, полезные ископаемые – были столь богаты, что на разных исторических этапах население края заново выстраивало стратегии освоения этих земель. В течение длительного времени кардинально менялись этнический и социальный облик населения Среднего Поволжья, характер его хозяйственной деятельности, роль, которую край играл в жизни России.

В судьбе нашего края можно выделить несколько поворотных этапов. После вхождения территории бывшего Казанского ханства в состав Московского государства южные районы Среднего Поволжья и Заволжье оказались частью пограничных территорий, фронтиром России, обращенным на восток, к кочевому степному миру. Здесь для обороны от нападений ногаев и защиты волжского пути и была возведена в 1586 г. Самара – одна из многих крепостей, которые воздвигались в конце XVI века на юго-восточных рубежах России.

Длительное время после вхождения в состав Московского государства основная территория региона оставалась «Полем» – зоной летних пастбищ кочевников и сезонных промыслов коренных народов Среднего Поволжья. На его территории вплоть до середины 1620-х гг. практически не выявлено локальных районов оседлого земледельческого расселения. До начала XVII в. московское правительство, опираясь на основанную незадолго до этого Самару с ее военным гарнизоном, могло только «обозначать» свое присутствие на обширной территории края и в определенной степени влиять на геополитические процессы, происходившие на его юго-восточных рубежах. Самарский край, как и прочие российские приобретения на Европейском Юго-Востоке, скрепляла в единое целое Волга с ее транзитным торговым путем, удобным выходом в богатые страны Востока.

Реальные предпосылки для постепенного промыслово-земледельческого освоения отдельных локальных территорий, в частности Самарской Луки, включения их в социально-экономическое, военно-административное пространство страны начинают складываться только после завершения Смуты. Специфику хозяйственного развития края

предопределило разнообразие природно-климатических и почвенных зон. Заволжье и Южное Приуралье долгие годы являлись пространством кочевого и полукочевого скотоводства, а расположенные на Правобережье лесостепные, богатые черноземными почвами места привлекали сюда переселенцев-земледельцев. Уникальные рыбные ресурсы Волги уже с конца XVI в. порождают конкуренцию крупных промышленников из Центра страны: дворцового и патриаршего ведомств, монастырей, привилегированного купечества. Сезон навигации и промыслов манил на берега великой реки огромные массы работных людей.

Эти процессы, протекавшие прежде всего на Волжском Правобережье, имели свои специфические особенности, связанные с пограничным характером региона. Постоянные конфликты с кочевниками и казачьей вольницей принуждали к использованию методов управления, неизбежно приобретавших более жесткий военизированный характер, чем в центральных районах страны. Именно в новых уездах Среднего Поволжья впервые в России было введено воеводское управление. Здесь создавалась система военно-административных учреждений и административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов, новых городов-крепостей, находившихся в ведении приказа Казанского Дворца – центрального административно-территориального органа управления, наделенного обширными полномочиями. Строительство засечных черт, отдельных крепостей (Сызрани, Кашпира), «испомещение» под их защитой различных категорий служилого населения положили начало интенсивному заселению края, его хозяйственному освоению. Именно военно-административная и в определенной степени экономическая деятельность государства позволила резко расширить к рубежу XVII–XVIII вв. ареал оседлого расселения, распространить его на Сызранско-Усинское Правобережье.

Характерным для осваиваемых территорий, а впоследствии и Самарского Заволжья, стал протяженный, лонгитюдный процесс своеобразного «обретения родины». Масштабные миграционные потоки, начавшиеся в последние десятилетия XVII в., позволили приступить к хозяйственному освоению «Поля», «порожжих» земель, практически не имевших автохтонного оседлого населения. Служилые и тяглые акторы этого процесса, принадлежавшие к различным конфессиям и этносам, считали себя первопоселенцами, обретали в рамках российского законодательства практически единый правовой статус. В результате происходило формирование уникальной историко-этнографической области, у населения которой в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складывались сходные культурно-бытовые особенности.

Эволюция Самарского края из пограничного пространства фронтира во «внутреннюю окраину» Российской империи происходила в осо-

бых геополитических условиях: регион, являясь пограничьем Европы и Азии, уже с конца XVI в. становится важнейшим плацдармом для дальнейшего продвижения России на Восток.

Способы и методы управления регионом существенно изменились в результате осуществления Петровских реформ. На территории Поволжья была введена губернская система управления (учреждены Казанская, Астраханская губернии); со второй трети XVIII в. началось системное военное, государственно-административное и экономическое освоение левобережного Заволжья. Однако было бы неверным считать, что уже в этот период сложилось унифицированное по единому имперскому образцу управление краем. С начала 1730-х гг. на территории Заволжья функции местного управления фактически выполняли временные комиссии (Закамская экспедиция под руководством Ф.В. Наумова, Оренбургская экспедиция, а затем – Оренбургская комиссия), на которые были возложены прежде всего военные и фортификационные задачи. Строительство Новой Закамской и Самарской оборонительных линий создало благоприятные условия для массовой колонизации лесостепного Заволжья.

Совместные усилия властей и народных масс (преимущественно беглых) по интенсивному заселению Заволжья привели к тому, что на территории региона стремительно возросло число оседлых жителей, получило преимущественное развитие земледелие. Создание крупного вотчинного землевладения в Поволжской лесостепи при Екатерине II способствовало трансляции на имперскую окраину социальных отношений, типичных для Центра страны. За вторую половину XVIII – начало XIX в. в крае был создан аппарат местного гражданского управления, аналогичный существовавшему в большинстве регионов Европейской России. Губернская реформа 1775 г., создав типичный набор органов губернского управления, заложила новые принципы формирования административных границ внутри Российской империи. В середине и второй половине XVIII в. в регионе появляются новые административно-территориальные образования: Оренбургская, Симбирская (в состав которой вошел Самарский уезд), Саратовская губернии.

В последней четверти XVIII – начале XIX в. продолжилось земледельческое освоение Самарского края. Поток вольной крестьянской колонизации направлялся теперь дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного освоения Заволжья и Приуралья. Генеральное межевание, начатое в правление Екатерины II, с одной стороны, стимулировало эти процессы, а с другой – закрепляло результаты заселения новых земель.

К середине XIX в. имперская политика на Левобережье Волги утрачивает военные и внешнеполитические функции. Изменению статуса региона способствовало переселенческое движение, результатами ко-

торого стали развитие земледелия, укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения, сокращение землевладения и кочевого хозяйства коренных народов.

Можно считать, что начальный период заселения Заволжья был окончен в первом десятилетии XIX в., когда здесь завершилось генеральное межевание. Первые десятилетия XIX в. стали решающими в хозяйственной колонизации заволжской лесостепи и создании базы для формирования новой российской житницы. Огромные пространства плодородных черноземов в границах будущей Самарской губернии были освоены и распаханы.

Рубежным событием в истории нашего края стало учреждение в 1850 г. Самарской губернии; оно означало, что Левобережье Волги перестало быть опасным приграничным регионом, для которого требуется особая военизированная система управления. Теперь Самарское Заволжье стало одной из многих окраин Российской империи, куда была распространена та же система управления, что и в губерниях Центральной России.

Становление новой губернии совпало по времени с проведением Великих реформ 1860–1870-х гг., которые дали мощный импульс ее развитию в социальном, экономическом и культурном отношении. В период реформ в Самарском крае была создана транспортная, финансовая, банковская инфраструктура. Выгодное расположение на скрещении древнего волжского пути и железной дороги, связавшей европейскую и азиатскую части Российской империи, сделало Самару узлом транзитной торговли. Благодаря железнодорожному строительству территория губернии была спаяна в единое целое, окрепли коммуникативные связи между столицами и периферией, между аграрным Заволжьем и промышленными центрами страны. Среднее Поволжье стало транзитным пунктом для продвижения в Сибирь, Казахстан, Центральную Азию.

В пореформенный период Самарский край приобретает статус новой российской хлебной житницы, «поволжского Нового Орлеана», снабжавшего своим хлебом не только другие регионы империи, но и страны Европы. Сельское хозяйство в Самарском крае развивалось в основном по экстенсивному пути, через распашку степи и вовлечение в сельскохозяйственный оборот целинных земель; однако был налицо и прогресс в развитии аграрного сектора – переход к выращиванию «белых» хлебов, попытки отказаться от трехполья, расширение посевов технических культур. На юге губернии формировался новый тип крестьянского хозяйства, обладавшего многими чертами фермерского; не случайно южные, степные уезды Самарской губернии оказались в числе тех регионов страны, где столыпинская реформа прошла наибо-

лее успешно. Развитие аграрного сектора стимулировало рост других отраслей экономики, стало катализатором формирования слоя крупных предпринимателей: огромные состояния в Самарском крае создавались благодаря хлебной торговле и мукомольному бизнесу, купцов-мукомолов во второй половине XIX в. зачастую называли «хозяевами губернии».

Промышленность в Самарской губернии развивалась медленнее, чем, например, в соседних Казанской и Саратовской губерниях; в основном промышленные предприятия специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции. Импульс к развитию экономического потенциала губернии дала Первая мировая война, когда здесь были созданы оборонные предприятия – Самарский трубочный завод и Самаро-Сергиевский завод взрывчатых веществ на станции Иващенково (ныне – г. Чапаевск), причем не в рамках частной инициативы, а за государственный счет. В целом вплоть до конца 1920-х гг. экономика Самарского Поволжья сохраняла аграрный характер.

Во второй половине XIX в., после создания Самарской губернии, были сделаны важные шаги на пути формирования гражданского общества на региональном уровне. В результате проведения земской и городской реформ в регионе сложилась выборная система местного самоуправления, способная эффективно решать вопросы народного образования, здравоохранения, агрономической и ветеринарной помощи сельскому населению, развития городского пространства. Формировался особый тип местного общественного деятеля – дворянина, купца, интеллигента; самарское общество училось объединять свои усилия для решения текущих проблем развития края и преодоления кризисных ситуаций. Изменялся облик губернского города: Самара, совсем недавно казавшаяся пыльным «шумным захолустьем», обретала развитую городскую инфраструктуру, застраивалась новыми общественными зданиями и особняками в модном стиле «модерн»; приметами времени стало открытие театра, библиотек, проведение художественных выставок, создание народных домов, чтение публичных лекций в «народном университете».

Социальное развитие Самарской губернии, как и всей Российской империи на рубеже XIX–XX вв., не было бесконфликтным. Важным показателем социального неблагополучия был голод, несколько раз на рубеже столетий серьезно поражавший наш край. Революция 1905–1907 гг. наглядно продемонстрировала глубину социальных противоречий в городе и деревне, остроту борьбы за землю – главный источник жизненных средств крестьянина. Столыпинские реформы, одной из задач которых было открыть простор развитию частной крестьянской инициативы, не смогли разрешить важнейших проблем, стоявших перед российской деревней, и в годы Первой мировой войны кризис

во взаимоотношениях власти и общества достиг своей наивысшей точки. Революция 1917 г. подвела черту под длительным периодом развития российской государственности и социальных отношений; пути дальнейшего развития общества предстояло искать заново – и в Центре России, и на ее «внутренней окраине».

Важнейшим результатом долгого исторического пути, пройденного Самарским Поволжьем, стало формирование его населения, обладавшего особым, неповторимым обликом. Российские географы, этнографы, путешественники, описывавшие наш край в конце XIX – начале XX в., отмечали уникальное этническое и культурное разнообразие населения Самарского края: «Сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей... Хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдете и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников. По религиям смесь еще больше: молокане, раскольники, православные, магометане, католики, лютеране»[1]. Да и русское население Заволжья, как представлялось современникам, разительно отличалось от обитателей «более коренных великорусских областей» – здесь, на левом берегу Волги, «среди широкого раздолья своеобразно-дикой и богатой природы» сложился особый тип «приволжского великоруса», «отважное, смышленое и полное жизни население», в котором «было более сильных характеров, духовных потребностей и колонизаторских способностей»[2]. В ходе совместного освоения поволжских земель, созидательной деятельности, перенимая хозяйственный и культурный опыт соседей, усваивая практики повседневного взаимодействия и бытовой толерантности, жители Самарского Поволжья постепенно формировали новую социокультурную общность со своей региональной идентичностью и «местами памяти».

Примечания

[1] Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 371.

[2] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 153–157, 184–185.

Научное издание

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 2

САМАРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Литературное редактирование, корректура *Т. А. Мурзиновой*
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 25.11.2020.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл.-печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

ООО «Слово». 443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Слово»